Мусульманский ареал к югу от рубежей России

Турция
Иран
Афганистан
Пакистан
этнический Курдистан

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МУСУЛЬМАНСКИЙ АРЕАЛ К ЮГУ ОТ РУБЕЖЕЙ РОССИИ

(Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, этнический Курдистан)

Сборник статей

Москва
2023

УДК 327
ББК 66.4(5)/66.4(2Рос),9
М91

Рекомендовано к печати Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственные редакторы
В. Я. Белокреницкий (ФГБУН ИВ РАН),
Н. М. Мамедова (ФГБУН ИВ РАН),
Н. Ю. Ульченко (ФГБУН ИВ РАН)

Подготовка рукописи к изданию
О. Е. Митрофаненкова (ФГБУН ИВ РАН)

Рецензенты
В. М. Ахмедов (ФГБУН ИВ РАН),
В. В. Макаренко (ФГБУН ИВ РАН)

М91 **Мусульманский** ареал к югу от рубежей России (Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, этнический Курдистан). Сб. ст. / Отв.ред. В. Я. Белокреницкий, Н. М. Мамедова, Н. Ю. Ульченко; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2023. — 552 с.

ISBN 978-5-907671-46-1

Шесть разделов книги включают статьи, посвященные главным образом современным событиям, происходящим в одном из наиболее значимых с геополитической точки зрения регионов мира. Простираясь с запада на восток широкой полосой от Босфора до Инда, ареал включает Турцию и Иран, крупных самостоятельных игроков на мировой арене, раздираемый на части этнический Курдистан, претендующий на мессианскую роль под властью талибов Афганистан и страдающий от соседства с ним перенаселенный Пакистан. Авторы книги рассматривают, помимо современных экономических, политических, культурных и международных проблем, некоторые вопросы как недавней, так и весьма удаленной от нынешнего времени истории. В открывающем монографию разделе представлены статьи, посвященные политике России на мусульманском Среднем Востоке, основным ее этапам и особенностям от времен Петра I до наших дней.

Книга рассчитана на внимание со стороны студентов, аспирантов, преподавателей, научных сотрудников, журналистов и дипломатов, а также всех, кто интересуется историей и современный политической ситуацией на исламском пространстве к югу от российских границ.

ISBN 978-5-907671-46-1

ББК 66.4(5)/66.4(2Рос),9

© ФГБУН ИВ РАН, 2023
© Коллектив авторов, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 6

Раздел I. Россия и мусульманский Средний Восток
Белокреницкий В.Я. Россия на Среднем Востоке – основные этапы геополитической эволюции (вторая половина XIX – начальные десятилетия XXI в.) 17
Панарина Д.С. Феномен «фронтира» и его значение для России. 47
Сажин В.И. Ввод советских войск в Афганистан в 1979 г.: причины и итоги 67
Арабаджян З.А. Размышления о так называемом «Завещании Петра Великого» в связи с Персидским походом Петра I 94

Раздел II. Турция
Ульченко Н.Ю. К вопросу о типологизации турецких экономических кризисов 106
Иванова И.И. Карабахская война 2020 г. и изменение расстановки сил на южном Кавказе 120
Волкова С.Л. Турция и Татарстан – торговые партнеры на современном этапе 134
Васильева Е.А. Турция и Греция: нарастание «напряженности» (начало XXI в.) 145
Родин Д.В. Кризис из-за черноморских проливов в освещении турецкой прессы (1945–1946 гг.) 160
Болдырев А.В. Турецкие историки о советско-турецких отношениях в 1939–1941 гг.: конвенция Монтрё и начало турецкого нейтралитета 173
Свистунова И.А. К вопросу о создании «Турецкой православной церкви» в период образования Турецкой Республики 188
Михайлова-Могильницкая Т.Н. Османские реформы первой половины XIX в. и зарождение нового искусства (живописи) 203

Раздел III. Курдский ареал
Вертяев К.В. Турецко-сирийская граница как источник дестабилизации отношений между двумя странами. 212
Веденеев И.Н. Операция вооружённых сил Турции против РПК (Рабочей партии Курдистана) на севере Ирака (2022 г.) 241
Озманян М.С. Создание КАР (Курдского автономного района) и влияние внешних факторов. 252

Раздел IV. Иран
Дунаева Е.В. Протестная кампания 2022 г. в ИРИ как отражение противостояния традиционности и модернизации..... 263
Мамедова Н.М. Исламские формы бизнеса в современном Иране..... 283
Обухова А.Н. Крупнейшие эмитенты фондового рынка ИРИ; возможности раскрытия потенциала 302
Каменева М.С. Куда идет иранская культура? (о некоторых тенденциях в культурной политике кабинета президента Э. Раиси) 321
Федорова И.Е. К ирано-турецким отношениям на современном этапе..... 335
Подрезов М.А. Саудовский фактор во внешней политике Ирана 346
Баранов А.В. (Саратов) Ирано-иракская война 1980–1988 гг. в концепции «Священной обороны» Аятоллы Хомейни..... 364
Арабаджян З.А. Подъем левого движения в Иране в годы Второй мировой войны (к вопросу о мягкой силе)..... 384

Раздел V. Афганистан
Окимбеков У.В. Внутриафганский конфликт и этнический фактор (1992–2023 гг.) 393
Нессар М.О. Политическое управление талибов в динамике (современный этап) 404
Слинкин М.М. Афганистан: от боевиков к регулярным вооруженным силам..... 412
Митрофаненкова О.Е. Производство наркотиков в Афганистане после 2021 г..... 424
Пойя С. Состояние режима талибов и позиция международного сообщества..... 434

Раздел VI. Пакистан
Замараева Н.А. Военно-гражданские отношения (2018–2022 гг.) 454
Чекризова О.П. К вопросу о положении религиозных меньшинств в Пакистане. 472
Серенко И.Н. Российско-пакистанские отношения в современных реалиях усиления региональной интеграции 493
Чекалин С.А. Афганский вопрос в отношениях России и Пакистана 508
Топычканов П.В. Эволюция ядерной политики Пакистана в ответ на изменения региональных вызовов безопасности 520
Прохоров Р.Е. Уйгурский вопрос в пакистано-китайских отношениях. 535

Приложение. Программа XIII конференции Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН (21 и 23 ноября 2022 г.) 545

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большинство статей, собранных в данной монографии, подготовлены на основе докладов, прочитанных на XIII конференции, проведенной Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН в ноябре 2022 г.[1] Организуемые Центром научные конференции посвящены тематике ислама, политики, экономики и культуры в географически близком к Российской Федерации ареале. Начало непрерывной серии конференций, проводящихся раз в два года, было положено в 1999 г. Двенадцать сборников статей, изданных с тех пор, явились результатом работы большого, меняющегося с течением времени коллектива авторов, в число которых входили как сотрудники Центра (до 2010 г. — Отдела Ближнего и Среднего Востока), так и их коллеги по Институту, а также научным и образовательным учреждениям Москвы и других городов России. В книгах серии принимали участие и зарубежные авторы[2].

Тринадцатый сборник, в отличие от ряда предыдущих, целиком посвящен региону, которым занимается Центр. Отличительной его чертой надо считать акцент на роли этого региона во внешней политике России и его геополитическом значении на современном этапе и в исторической ретроспективе. Статьи сборника расположены в соответствии с принципом продвижения от современности к историческим корням. Другое правило, структурирующее размещение статей внутри разделов, – анализ внутренних проблем развития (экономических, политических, культурных), а затем вопросов внешней политики и международных отношений.

Первый раздел сборника **«Россия и мусульманский Средний Восток»** открывает статья *В. Я. Белокреницкого,*

[1] Программу конференции см. в Приложении.

[2] Подробнее об изданиях серии см.: Предисловие к книге «Мусульманский мир на исторических рубежах России»/ Вып. 5 (отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. Ю. Ульченко) // Труды Института востоковедения РАН. М. 2017. С. 20–21.

анализирующая эволюцию политики России по отношению к региону на значительном историческом отрезке – со второй половины XIX в. до начала нынешнего столетия. Автор выявляет четыре этапа (эпохи) в политике России (Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации), водоразделы между которыми пролегают внутри 1860-х, 1900-х, 1940-х и 1980-х годов. Выделенные 40-летние интервалы характеризуются чередованием процессов экспансии и консолидации. В заключительной части статьи автор касается российских перспектив, используя прогностические разработки ряда отечественных авторов и свои оценки вероятного развития ситуации в государствах региона.

Безусловный теоретический интерес представляет статья *Д. С. Панариной* о концепции «фронтира», появившейся в американской научной литературе конца XIX — начала XX в. В статье приводятся современные определения фронтира, отмечены различия между понятиями «граница» и «фронтир», обозначены контуры проблемы фронтира для России применительно к недавней истории и нашим дням.

Актуальной и информативной представляется статья *В. И. Сажина* о вводе советских войск в Афганистан в 1979 г. Автор рассматривает основные причины, побудившие советских лидеров принять ошибочное решение, среди которых он придает большое значение непониманию ими специфики Востока. Он отмечает, что высшее военное руководство, многие политики и ученые-востоковеды были против ввода войск, а решение принималось узким кругом членов Политбюро ЦК КПСС. В. И. Сажин касается также роли США, которые постарались втянуть Советский Союз в войну в Афганистане, в результате которой он понес тяжелые людские, материальные, политические и моральные потери.

Статья *З. А. Арабаджяна* замыкает рассмотрение политики России на Среднем Востоке с точки зрения исторической ретроспективы. В ней автор касается распространенной легенды о «завещании Петра Великого», провозглашающего для России цель движения на юг, к теплым морям. Размышляя об этом в связи с Персидским походом русских войск против Персии в начале 1720-х годов, автор, опираясь на архивные источники,

дает иное объяснение мотивам русской внешней политики, указывая на немалое место среди них торгово-коммерческих интересов.

Второй раздел сборника **«Турция»** открывается статьей *Н. Ю. Ульченко* по типологизации турецких экономических кризисов. Она имеет отчасти междисциплинарный характер, увязывая развитие экономических кризисов в Турции с пересмотром истеблишментом основополагающих внешнеполитических принципов. В статье выявляются специфические отличия позднейших экономических потрясений кризисного типа от традиционных экономических (финансово-экономических) кризисов в современной Турции. Более ранние кризисы практически без исключения оказывались результатом наложения неблагоприятной внешней конъюнктуры на структурную уязвимость зависимой от внешнего финансирования турецкой экономики (кризисы 1980, 1998, 2008 гг.) или же разразились без видимого внешнего повода, но под влиянием заметно возросшего запроса Турции на внешнее финансирование (1994, 2001 гг.). Кризис 2018–2019 гг. оказался принципиально иным, продемонстрировав выраженную зависимость объемов притока внешнего финансирования не столько от финансовых факторов — внешних или внутренних, — сколько от негативного влияния внешнеполитических изменений. Но, тем не менее, и он не стал «здоровым» кризисом роста, связанным с принципиальной сменой модели экономического развития Турции, то есть уменьшением ее зависимости от динамики внешнего финансирования.

В статье *И. И. Ивановой* рассматриваются отличия Карабахской войны 2020 г. от войны начала 1990 г. Во-первых, на этот раз война завершилась поражением армянской стороны. Во-вторых, по ее итогам значительно усилилась роль Турции. В-третьих, на спорной территории между Азербайджаном и Арменией впервые появился российский миротворческий контингент. Роль России в урегулировании конфликта достигла качественно нового уровня. Автор отмечает потенциально возможное негативное влияние нагорно-карабахского конфликта на российско-турецкие отношения, сочетающие элементы соперничества и сотрудничества. Этого не случилось. Тем не менее и окончательного мира по итогам второй карабахской войны достичь не удалось.

В статье *Е. А. Васильевой* анализируется позднейшее состояние традиционно напряженных турецко-греческих отношений. Между двумя странами накопилось большое число нерешенных вопросов, например вопросы территориальных вод и континентального шельфа в Эгейском море. Новые реалии в регионе — открытие богатых месторождений природного газа в Восточном Средиземноморье — с одной стороны, усугубляют общую обстановку в регионе, а с другой — являются мощным стимулом для активизации усилий по решению проблем. Но пока такого рода активизация приводит к углублению двусторонних противоречий, поскольку обе страны стремятся решить проблемы в свою пользу, не соглашаясь на компромиссные варианты. После прихода к власти в Турции в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР) были приложены усилия по сближению турецкой и греческой позиций, однако попытка государственного переворота в Турции в 2016 г. изменила данный тренд. И начался новый виток ухудшения отношений, решить который пока не удаётся.

В статье *Д. В. Родина* прослеживается реакция турецкой прессы на развитие кризиса в советско-турецких отношениях, вызванного послевоенными претензиями СССР на изменение статуса Черноморских проливов в интересах обеспечения собственной безопасности. На примере материала газет различной политической направленности раскрывается отношение турецкой общественности к требованиям Москвы и тесная взаимосвязь между событиями внутри- и внешнеполитической жизни Турции в 1945–1946 гг. Подчеркивается, что общая негативная оценка советских претензий в указанные годы подготавливала почву для поддержки турецким обществом курса на сближение с западными странами и, как следствие, на вступление Турции в НАТО.

В статье *А. В. Болдырева* исследуется взгляд турецких историков на формирование турецкого нейтралитета на начальном этапе Второй мировой войны и роль Конвенции Монтрё в советско-турецких отношениях. Исследователи считают, что Турция выиграла, оставшись вне советско-германской войны, и избежала раздела по польскому варианту. Берлинские переговоры, состоявшиеся в ноябре 1940 г., нанесли ущерб советско-турецким отношениям, поэтому даже подписав 25 марта 1941 г. декларацию с СССР о нейтралитете, Турция не оставила своих

подозрений относительно планов Москвы. При этом информация о берлинских переговорах, где, как считала турецкая сторона, ставился вопрос о пересмотре статуса Черноморских проливов за спиной Турции, лишь заставляла турок действовать активнее в направлении дистанцирования от СССР.

Статья *И. А. Свистуновой* посвящена любопытнейшему и редко упоминаемому в научной литературе эпизоду периода турецко-греческой войны 1919–1922 гг. Между тем в этот период Анкарское правительство предприняло попытку создать «Турецкую православную церковь», автономную от Константинопольского патриархата. В статье рассматриваются причины, цели и историческая судьба этого социально-политического проекта, который можно считать одной из первых попыток кемалистов по проведению религиозной реформы в послеосманском обществе.

В статье *Т. Е. Михайловой-Могильницкой* рассматривается процесс возникновения и ранний период развития нового вида османского искусства — вестернизированной живописи (первая половина XIX в.) в тесной связи с бурными историческими процессами в Османской империи. Возникновение нового искусства автор связывает с влиянием военных реформ (с конца XVIII в.), а дальнейшее развитие — с общественными подвижками эпохи Танзимата (с 1830-х годов). В первой половине XIX в. османская вестернизированная живопись находилась в зачаточном состоянии и совершала первые робкие шаги на пути приобщения к европейскому искусству, которым всё больше увлекалась османская правящая элита. В то же время именно на этом раннем этапе были заложены основы, позволившие новой живописи стремительно возвыситься и занять прочную нишу в обществе уже к концу XIX в.

Третий раздел **«Курдский ареал»** включает три статьи, посвященные различным сторонам современной политической обстановки в зоне расселения курдов. В статье *К. В. Вертяева* прослежен процесс формирования турецко-сирийской государственной границы на основании Анкарского соглашения 1921 г. и последующих факторов дестабилизации отношений между Турцией и Францией как государством-мандатарием, а затем — независимой Сирией. В основе современных трансграничных конфликтов на турецко-сирийской границе лежит

курдский фактор — разделение курдского народа государственной границей двух стран и деятельность повстанческих группировок (Партия рабочих Курдистана). В статье приведен анализ основных конфликтных ситуаций на турецко-сирийской границе в Новейшее время, включая период гражданской войны в Сирии.

В статье *И. Н. Веденеева* анализируется операция «Коготь-замок» ВС Турции в Северном Ираке. Данная операция рассматривается в широком контексте, в частности, рассматривается позиция и роль руководства Курдской региональной автономии Ирака (КРАИ). Также в работе проанализирована операция ВС Ирака против боевиков РПК в Синджаре. Турецкому руководству удалось достичь основных целей операции и нанести значимый ущерб позициям РПК в Северном Ираке (регион Зап). По оценкам автора, в том случае, если весной 2023 г. был бы дан старт новой военной операции, весьма вероятно, что позиции РПК в районе Зап были бы окончательно уничтожены.

Статья *М. С. Озманян* посвящена оценке роли внешних факторов в создании Курдского автономного района на части территорий иракского Курдистана в начале 1990-х годов. Международная помощь создала относительно стабильную обстановку, которая позволила восстановить экономику. Курдский район в этот период получил определенное международное признание, внешнее покровительство и внутренний суверенитет, что поощряло развитие квазигосударственности. На территории КАР прошли выборы, было сформировано правительство и началось строительство гражданского общества. Однако внутренние разногласия, ограниченность внешней помощи, противодействие Турции и искусственные препятствия на пути установления связей с Багдадом препятствовали поддержанию и развитию проекта.

В четвертом разделе **«Иран»** представлены статьи, акцентирующие внимание на различных аспектах развития иранского общества в разные периоды его истории. Одним из событий, всколыхнувших не только Иран, но и мировую общественность в последние полтора года, стало протестное движение против жесткого контроля за ношением женщинами хиджаба, подавление которого стало поводом нового санкционного нажима на Иран. В статье *Е. В. Дунаевой* «Протестная кампания 2022 г. в ИРИ как отражение противостояния традиционности

и модернизации» обращается внимание на то, что развитие страны в условиях исламского режима шло в рамках альтернативной модернизации, в основе которой лежит культурно-религиозная традиция. Законодательно закрепленная необходимость соблюдать нормы поведения периодически вступала в противоречие с модернизационными тенденциями. Политика правительства Э. Раиси по ужесточению требований к женской одежде привела к протестам, беспрецедентным по своему размаху. Автор считает, что в настоящее время в политических элитах растет понимание необходимости перемен, чтобы избежать реализации революционного сценария, активно продвигаемого Западом.

Влияние ислама в период пребывания у власти консервативного правительства Э. Раиси отчетливо проявляется не только во внутренней политике страны, но и в экономике, в проведении культурной политики и внешнеполитического курса. В статье *Н. М. Мамедовой* «Исламские формы бизнеса в современном Иране» основное внимание уделено анализу исламских и традиционных форм бизнеса, теснейшим образом связанных с властными структурами. Это характерно как для малого и среднего предпринимательства, так и крупного бизнеса, в том числе в энергетических и инфраструктурных отраслях экономики.

Характеристика крупного бизнеса и фондового рынка Ирана дана в статье *А. Н. Обуховой* «Крупнейшие эмитенты фондового рынка ИРИ: возможности раскрытия потенциала». Автор представил структуру крупнейших компаний, сделав акцент на энергетические холдинги, дав описание их основных собственников. Автор считает, что в настоящее время сложилась благоприятная ситуация для интенсификации российско-иранского сотрудничества в сфере энергетики.

Влияние исламского фактора на культурную политику режима анализируется в статье *М. С. Каменевой* «Куда идет иранская культура?». Автор убедительно, на примере большого фактологического материала показывает, что в культурной политике иранской власти в настоящее время отчетливо намечаются тренды, характерные для периода пребывания у власти имама Хомейни: возрастающее внимание к исламскому культурному фактору,

антизападная риторика, игнорирование иранского компонента в культурном дискурсе.

И. Е. Федорова в статье, посвященной ирано-турецким отношениям на современном этапе, отмечает, что в их основе лежат экономическое сотрудничество и соперничество. При этом страны поддерживают сложный баланс между своими стратегическими целями и тактическим взаимодействием. При анализе региональной конкуренции между этими странами автор рассматривает их позиции в таких конфликтных зонах, как Ирак, Сирия и Южный Кавказ.

В статье *М. А. Подрезова* «Саудовский фактор во внешней политике Ирана» дан анализ сложных отношений между Ираном и Саудовской Аравией. Автор обращает внимание на то, что Иран, несмотря на имевший место разрыв дипломатических отношений, пытался сохранить возможность для их нормализации, что привело в конце концов к улучшению отношений Ирана с Саудовской Аравией и другими государствами Залива.

Анализируя влияние исламской идеологии на проведение внешнего курса, *А. В. Баранов* обращается к периоду ирано-иракской войны 1980–1988 гг. и к формированию в тот период концепции «священной обороны». Автор считает, что эта разработанная аятоллой Хомейни концепция стала идейной основой доктрины «экспорта исламской революции», которая допускала вмешательство во внутренние дела других стран для защиты интересов ИРИ, что нужно учитывать при прогнозировании внешнеполитической деятельности Ирана.

Любопытный исторический экскурс предпринят *З. А. Арабаджяном* в статье, посвященной подъему левого движения в Иране в годы Второй мировой войны. Особое внимание в ней уделяется созданию Народной партии Ирана (Туде), ставшей главной силой левой оппозиции в стране. Автор полагает, что своей популярностью Туде было обязано не только идеологии, но и отношению советских солдат и офицеров к местному населению в период пребывания советских войск в Иране.

В пятом разделе сборника **«Афганистан»** представлены статьи, посвященные в основном самому последнему этапу в истории страны, начавшемуся в середине августа 2021 г. в результате захвата власти в Кабуле Движением Талибан. Но открывает

раздел статья *У. В. Окимбекова*, посвященная роли этнического фактора и его использования разными афганскими этнополитическими силами в ходе борьбы за центральную власть и на местах в период после 1992 г. Автор демонстрирует рост роли этнического фактора на всем протяжении 30-летней истории страны вплоть до событий 2021–2023 гг., ознаменовавшихся повторным приходом к власти радикального исламского движения.

В статье *М. О. Нессара* выявлены рассмотренные в динамике (т.е. на протяжении короткого времени последнего правления талибов) основные элементы их внутренней политики — исламизация и борьба со светскостью, усиление роли армии, ограничение прав женщин и пуштунизация. «Вторичное правление» талибов, по мнению автора, говорит об их большей уверенности в себе, чем в 1996–2001 гг.

Интерес вызывает проведенный *М. М. Слинкиным* анализ первых шагов талибов в военном строительстве. Большое количество вооружений и военной техники, доставшейся им после поспешного бегства из страны сил США и НАТО, не обеспечивает, тем не менее, быстрого успеха в формировании национальной армии. Этому мешает непризнание нового режима международным сообществом, а также особенности организации вооруженных подразделений движения и накопленный ими опыт ведения боевых действий.

В статье *О. Е. Митрофаненковой* показано влияние доходов от производства и незаконного сбыта наркотиков на повторный приход талибов к власти. Автор исследует существенную роль наркобизнеса в финансировании Движения Талибан начиная с 1990-х годов. Отмечаются также изменения в наркопроизводстве после 2021 г. с учетом мер, объявленных властями, по борьбе с изготовлением наркотиков.

С. Пойя обращает внимание читателей на гуманитарный кризис в Афганистане, самый масштабный на планете. Автор статьи, посвященной текущему состоянию режима талибов и реакции мирового сообщества, отмечает, что 28 млн человек, около двух третей населения страны, нуждаются в экстренной помощи и еще 6 млн находятся на грани голода. С. Пойя подчеркивает, что вопреки ожиданиям политика талибских властей становится с течением времени все более авторитарной и догматичной.

Талибы прибегают к репрессиям в ответ на любые проявления гражданского протеста. Нет ясности относительно внешнеполитического курса талибов. С первых дней нового пребывания у власти они требовали от международного сообщества признания своего правительства, проводя при этом политику, не отвечающую таким его встречным ожиданиям, как формирование инклюзивного, с участием различных политических сил, Кабинета министров и предоставление женщинам прав на обучение и работу вне дома.

Шестой раздел **«Пакистан»** начинает статья *Н. А. Замараевой* о военно-гражданских отношениях в 2018–2022 гг. В ней рассматривается период пребывания у власти правительства Пакистанской партии справедливости (ППС) во главе с Имран Ханом под углом зрения связей гражданских властей с военными. Автор показывает, что в первые годы после победы партии И. Хана на выборах 2018 г. отношения между гражданским правительством и военным истеблишментом были весьма тесными. Однако экономический кризис, который усугубила пандемия гриппа, постепенно подорвал доверие военных к действиям правительства, наметилось расхождение подходов армии и гражданской власти к способам решения острых внутренних проблем. Как полагает автор, ослабление позиций И. Хана имело место еще до его визита в Москву в феврале 2022 г. и предрешило вынесение парламентом вотума недоверия ему и образование нового Кабинета во главе с лидером оппозиции Ш. Шарифом.

Комплексный анализ положения религиозных меньшинств в Пакистане дан в статье *О. П. Чекризовой*. В ней отмечено, что пакистанское государство в последнее время предприняло шаги, направленные на улучшение статуса немусульман, прежде всего христиан и индусов. Впрочем, они, как полагает автор, имеют во многом показной характер. Несмотря на наличие специальных законодательных актов, представители немусульманских конфессий подвергаются различным проявлениям дискриминации в повседневной жизни.

Основная часть статей по Пакистану посвящена проблемам его внешней политики. В статье *И. Н. Серенко* постулируется общность стратегических интересов России и Пакистана в условиях глобальной трансформации миропорядка и региональной

интеграции на большом евразийском пространстве. Именно это, по мнению автора, определяет основные перспективы их долгосрочного сотрудничества, хотя важнейшими его составляющими могут стать помощь России в энергетической и других инфраструктурных отраслях, а также укрепление связей в гуманитарной, образовательной сфере.

Развивает тему российско-пакистанских отношений статья *С. А. Чекалина*, в которой рассмотрено место в них афганского вопроса. В статье прослежены контакты между представителями политического руководства двух стран и делается вывод о том, что положение в Афганистане косвенно оказывает влияние на развитие военного и военно-технического сотрудничества России и Пакистана.

В статье *П. В. Топычканова* по-новому рассмотрена эволюция военной ядерной политики Пакистана. Автор не считает достаточной обычно встречающееся в литературе подразделение ее истории на два отрезка — до и после испытаний атомного оружия Исламабадом в мае 1999 г. Он выделяет пять этапов, из которых три приходятся на период до проведения испытаний и два — на время после них. В статье отмечается возможный скорый переход к шестому этапу, особенностью которого будет оперативное развертывание стратегических сил Пакистана.

Рассмотренный в статье *Р. Е. Прохорова* уйгурский вопрос представляется весьма важным для двусторонних пакистано-китайских отношений. Автор считает, что он способен серьезно осложнить их дальнейшее развитие ввиду связи между положением уйгуров в Китае как одной из крупных этнически обособленных групп мусульман и официальной политикой Исламабада по защите ислама на международной арене. В то же время автор акцентирует внимание на значении Синьцзян-Уйгурского автономного района для совместных экономических проектов и значительном потенциале «второй» дипломатии (общественной, народной) для урегулирования межгосударственных осложнений.

В. Я. Белокреницкий, Н. М. Мамедова, Н. Ю. Ульченко

Раздел I
РОССИЯ НА МУСУЛЬМАНСКОМ СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

***В. Я. Белокреницкий* ***

Россия на Среднем Востоке — основные этапы геополитической эволюции (вторая половина XIX — начальные десятилетия XXI в.)

Резюме. В последнее время Россия сталкивается с серьезными внешнеполитическими вызовами и проблемами. Главными ее противниками выступают США и блок НАТО (коллективный Запад). В условиях отчуждения России от западного мира и введенных против нее экономических санкций приоритетное внимание Москвы обращено на Восток. В статье рассматриваются характерные черты политики России в регионе Среднего Востока. Выделяются четыре этапа (эпохи), рубежами которых служат 1860-е, 1900-е, 1940-е и 1980-е годы. На первом этапе царская Россия проводила политику расширения своих владений за Уралом и Каспием, в результате чего были достигнуты территориальные пределы империи в Азии. Второй этап был временем консолидации среднеазиатских владений в границах СССР и борьбы за удержание позиций на Среднем Востоке. На третьем этапе, после окончания Второй мировой войны, Советский Союз проводил наступательную политику, активно используя в противостоянии с Западом идеологическое оружие. Завершением этапа геополитического расширения послужил вывод советских войск из Афганистана, предшествовавший распаду СССР. Для

* Белокреницкий Вячеслав Яковлевич – доктор исторических наук, профессор, зав. Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0001-8471-928X

последнего этапа свойственна постепенная консолидация России, обострение борьбы за утверждение позиций на пространстве «ближнего зарубежья» и конкуренция за влияние в регионе к югу от ее исторических границ в Азии. Особенности российской геополитической традиции, отличающей ее от западной, — сквозной сюжет в каждом из разделов статьи. В заключительной ее части автор касается перспектив политики России на Среднем Востоке, используя отечественные работы последних лет по историческому прогнозированию и свои оценки вероятного развития ситуации в регионе.

Ключевые слова: Средний Восток, Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, геополитика, внешняя политика России, противостояние с Западом

Russia in the Middle East — the main stages of geopolitical evolution (second half of the 19th — early decades of the 21st century)

Abstract. *Russia has recently faced serious foreign policy challenges and problems. Its main opponent is the United States and NATO (collective West). In the context of Russia's alienation from the Western world and economic sanctions imposed against it, the prime attention of Moscow is turned to the East. The article deals with the characteristic features of Russia's policy in the Middle East region. There are four stages (epochs), the boundaries of which are the 1860s, 1900s, 1940s and 1980s. At the first stage, Tsarist Russia pursued a policy of expanding its possessions beyond the Urals and the Caspian Sea, as a result of which the territorial limits of the empire in Asia were reached. The second stage was the time of consolidation of Central Asian possessions within the borders of the USSR and the struggle to maintain positions in the Middle East. During the third stage, after the end of World War II, the Soviet Union conducted an offensive policy, actively using the ideological weapon in confrontation with the West. The completion of the stage of geopolitical expansion was signaled by the withdrawal of the Soviet troops from Afghanistan, which preceded the collapse of the USSR. The last*

stage is characterized by the gradual consolidation of Russia, the intensification of the struggle for the establishment of positions in the «near abroad» and competition for influence in the region to the south of its historical borders in Asia. Specific features of the Russian geopolitical tradition, which distinguishes it from the Western one, constitute the leitmotif in each of the sections of the article. In its final part, the author touches upon the prospects of Russia's policy in the Middle East, using domestic works of recent years on historical forecasting and his assessments of the likely development of the situation in the region.

Keywords: *Middle East, Turkey, Iran, Afghanistan, Pakistan, geopolitics, Russia's foreign policy, confrontation with the West*

Расширение России за счет Средней Азии и утверждение азиатских границ империи

Тема завоевания Средней Азии или ее присоединения к Российской империи представляется хорошо известной. Ее изучение прошло несколько этапов в отечественной историографии. Не останавливаясь на них, отметим некоторые особенности и парадоксы геополитической истории. Привычно считать, что Россия как державное, имперское образование продвигалась в широтном отношении с запада на восток. При этом следует обратить внимание на еще одно географическое измерение российской экспансии — с севера на юг. Оно объясняется первоначальным продвижением за Урал по северной кромке освоенной людьми территории. Только в первой половине XVIII в. Российская империя вполне утвердилась в Южном Зауралье и получила заверения кочевавших на западе Великой степи казахских (киргиз-кайсацких) орд (жузов) о переходе в ее подданство. Только в середине XIX в. номинальное подданство казахов превратилось в фактическое[1]. После полного завоевания Кавказа в 1857 г. Россия, оправляясь от поражения в Крымской войне (1853–1856 гг.), начинает планомерное и в то же время импульсивное подчинение среднеазиатских территорий и государственных образований.

[1] Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб., 1996. С.12–13.

В середине 1860-х годов царская Россия распространила свое господство на Южный Казахстан, Северную Киргизию, Ташкентский и Самаркандский оазисы[2]. Если рассмотреть этот процесс чуть подробнее, то стоит указать, что зимой 1863–1864 гг. российские войска овладели крепостями Аулие-Ата и Чимкент, которые ранее, как и весь юг казахских степей, контролировались, хотя и слабо, Кокандским ханством[3]. Летом 1865 г., преодолев двухдневное сопротивление, российскими частями под командованием генерала М. Г. Черняева был взят Ташкент, крупнейший из городов Коканда и всей Средней Азии[4]. За этим последовала ликвидация независимости Кокандского ханства, а также Бухарского эмирата и Хивинского ханства, их переход в «вассальную зависимость» от России. В 1867 г. обширные северосреднеазиатские территории вошли в состав Российской империи, и там был образован Туркестанский край, которым долгое время управлял, пользуясь полным доверием Петербурга, первый генерал-губернатор К. П. Кауфман[5].

Вторая волна продвижения в Среднюю Азию пришлась на середину 1870-х годов. После сложных интриг, вызванных внутренними раздорами в Кокандском ханстве и нежеланием Петербурга осложнять отношения с Лондоном, территория Коканда (точнее, оставшаяся от ханства к тому времени центральная часть) была аннексирована в 1876 г. и вошла в состав Туркестанского края как Ферганская область[6].

Присоединение Средней Азии к России продолжилось в начале 1880-х годов покорением туркменских племен, известных своими беспощадными набегами и разбоем. Покорение Туркменистана началось еще в 1869 г. с того, что Россия утвердилась на восточном побережье Каспийского моря и подготовила тем самым плацдарм для проникновения в туркменские степи. Зимой 1880–1881 гг. после трехнедельной осады царскими войсками была взята крепость Геок-Тепе и занят Ашхабад — наиболее крупное селение в Ахал-Текинском оазисе. В 1884 г. была

[2] Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIXв.). М., 1965. С. 5–6.

[3] Там же. С. 156–159.

[4] Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960. С. 202.

[5] Там же. С. 230–233.

[6] Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. С. 323–325.

установлена фактическая граница между Россией и Афганистаном, на стороне которого выступала Британская Индия. Неудача англичан, вознамерившихся было явочным путем установить контроль над Пендинским оазисом, открывающим путь на афганский Герат, ознаменовала пик Большой игры, которую вели между собой в Центральной Азии Россия и Великобритания. Англичане и афганцы испугались вступить в бой с русскими частями и ретировались, смирившись с присоединением оазиса к России[7]. Граница была закреплена в ходе так называемого афганского разграничения в 1885–1887 гг.[8]

Последним аккордом продвижения границ России в ареале между Каспием и озером Балхаш явилось соглашение 1895 г. о контроле на Западном Памире формально между Бухарским эмиратом и Афганистаном, а фактически между — Россией и Англией. По соглашению за Бухарой остались небольшие княжества Рушан, Шугнан и Вахан, а за афганским эмиратом — Запянджский Дарваза (Дерваз)[9], а также «ваханский язык», или афганский коридор, отделяющий теперь Афганистан от Таджикистана и соединяющий его с Китаем[10].

Расширение российского могущества в Азии, за которым стояли и купеческо-промышленные интересы, совершалось, как отмечено выше, в направлениях с запада на восток и с севера на юг. Между тем в ту же историческую эпоху происходила азиатская экспансия Англии, не континентальной, а морской торгово-колониальной державы. При этом ее продвижение осуществлялось в противоположных направлениях — с востока на запад и с юга на север. Продвигаясь в этих направлениях, Англия, выступая еще в лице Ост-Индской компании, на рубеже 1830–1840-х годов сделала попытку поставить под свой контроль Афганистан. Потерпев неудачу на заключительном этапе первой

[7] Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.,2016. С. 182–183. См. также: Ищенко Н. С. Афганские оценки государственной принадлежности южных туркменских земель в ходе афганского разграничения 1884–1888 гг. // Восток (Oriens) 2023, № 2. С. 154–164.

[8] Арунова М. Р., Шумилов О. М. Граница России с Афганистаном (исторический очерк). М., 1998. С. 13–24.

[9] Халфин Н. А. Россия и Бухарский эмират в Западном Памире (конец XIX-начало XX в.). М., 1975. С. 4.

[10] Арунова М. Р., Шумилов О. М. Граница России с Афганистаном. С. 27–28.

англо-афганской войны, британцы компенсировали ее захватом княжества Синд в нижнем течении реки Инд, а затем и Панджаба (Пенджаба), государства сикхов в среднем течении Инда. Овладев к концу 1840-х годов долиной Инда и подавив широкое восстание 1857–1859 гг., Великобритания, действуя уже от имени короны, развернула новое наступление на Афганистан. По итогам второй англо-афганской войны 1878–1880 гг. эмират с центром в Кабуле согласился на ведение внешнеполитических дел при посредничестве Британии.

Таким образом, к 1880-м годам пути российской и британской экспансии напрямую пересеклись в регионе Центральной, или Средней, Азии, что и вылилось в кульминацию так называемой Большой игры в ареале, охватившем помимо этого региона и соседнюю с ним территорию Восточной, или Внутренней, Азии[11].

Окончательное разграничение сфер влияния в Азии между Россией и Великобританией было достигнуто в 1907 г. путем заключения конвенции. Три документа — соглашения по Персии и Тибету и конвенция по Афганистану — были подписаны в Санкт-Петербурге в августе и ратифицированы в сентябре. Двусторонние соглашения положили конец Большой игре, открыв путь к созданию Антанты. Е. Ю. Сергеев обратил внимание на то, что чаще всего в отечественной историографии объясняют заключение англо-русской конвенции агрессивностью Германии и желанием Франции совместно с Англией противостоять германскому натиску, но редко упоминают о стремлении России и Англии сохранить статус-кво на азиатских границах[12]. Между тем, это обоюдное стремление кажется весьма существенным и во многом знаковым. Оно подводит итог первому крупному этапу политики России на Среднем Востоке, периоду расширения ее границ и сферы влияния в центре Азии, длившемуся примерно 40 лет, с 1860-х до 1900-х годов.

Кстати, уместно здесь коснуться терминологии, которая отражает господствующие на том историческом этапе геополитические представления и подходы. Автору уже доводилось писать на тему различия между российской (долготной, меридиональной)

[11] Сергеев Е. Ю. Большая игра. С. 23–24, 63–65.

[12] Там же. С. 270, 277.

и западной (широтной) геополитической традициями[13]. Отметим, что в русской науке и публицистике XIX — начала XX в. (насколько об этом позволяют судить наименования выходивших тогда книг и статей) использовался в основном термин Средняя Азия, производный от Средней или Срединной части Азии, а также название Туркестан[14].

В научных трактатах, журналистике и публицистике на европейских языках обобщенные термины употреблялись достаточно редко и преимущественно в трудах по географии. Лишь во второй половине XIX в., ближе к его концу, распространение получил термин Центральная Азия (Central Asia) для обозначения широкого региона, включающего российскую и подконтрольную России территорию, а также Персию, Афганистан, а иногда и северо-западную часть Британской Индии. Вместе с тем, часть так понимаемой Центральной Азии «приписывалась» иногда к западному от нее региону под названием Передняя Азия. Так, знаменитый французский географ Э. Реклю применял этот термин для выделения региона, состоящего из азиатских владений Турции (Османской империи), а также «Аравии, Адена, Персии, Афганистана и Белуджистана»[15]. В конце XIX в. появляется и название Евразия, изобретенное, по некоторым утверждениям, крупным немецким ученым А. Гумбольдтом[16].

Наряду с названием Азия (по одному из этимологических корней — наименование провинции Римской империи) в XIX в. использовался термин Восток, известный также с времен Античности. Во французском языке он использовался, прежде всего,

[13] Белокреницкий В. Я. Геополитическая вертикаль в сердце Азии//Pro et Contra. Том 2, № 2. Весна 1997. С. 99–100; Белокреницкий В. Я. Современный Средний Восток — геополитическая динамика, специфика общества и дивергенция государств. Мусульманский Ближний и Средний Восток: современные процессы, история и историография. / Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. М. Мамедова, Н. Ю. Ульченко. М., 2021. С. 14–19.

[14] См. библиографию к книгам Н. А. Халфина «Политика России в Средней Азии». С. 247–259 и «Присоединение Средней Азии к России». С. 445–463.

[15] Реклю Э. Земля и люди. СПб., 1887. Т. IX. С. 10.

[16] «Термин Евразия, — утверждал П. Н. Милюков, — введен в употребление Александром Гумбольдтом для обозначения обоих материков — Европы и Азии — как одного целого. Но уже Карл Риттер возражал против этого словоупотребления, поскольку не с физико-географической, а с антропогеографической точки зрения Европу нельзя объединять с Азией, ибо она (Европа — В.Б.) представляет совершенно особое месторазвитие, гораздо более благоприятное для человека»// Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. 1. С. 69.

применительно к Ближнему Востоку (Orient, Proche-Orient). В английском языке латинское по этимологии название Востока было менее распространенным, чем термин East, причем в середине XIX в. для британского аристократического круга он служил для обозначения в первую очередь Индии, по-видимому, вследствие господства там в течение почти столетия Ост-Индской компании (East India Company)[17].

В конце XIX — начале XXв. в политических журналах на английском языке появляется словосочетание Middle East. Как отмечает исследователь вопроса о термине К. Р. Коппс, необходимость в нем возникла из анализа «стратегии и дипломатии»[18]. Этот автор установил, что первым неологизм «Средний Восток» употребил британский генерал Т. Э. Гордон в статье, опубликованной в журнале «Nineteenth Century»[19]. В то же время он отметил, что «есть основания считать, что термин достаточно широко употреблялся и до Гордона».

Интересно, что английский генерал под Средним Востоком имел в виду две страны — Персию и Афганистан, причем интересовали его они в первую очередь как «ворота в Индию», что, кстати, согласуется с суждениями З. А. Арабаджяна о стратегическом положении тогдашнего Ирана и его значении как пути в Индию[20]. Тот же акцент на Персии в связи с ее значением для Британской Индии делает Р. Л. Гривс[21]. И. Е. Федорова упоминает в связи с тем же имя другого английского генерала — Г. Лоуренса[22]. В такой озабоченности за судьбу своей главной колонии нужно, очевидно, видеть и дух времени, ибо рубеж веков

[17] В качестве примера можно привести воспоминания Уинстона Черчилля, который молодым журналистом отправлялся в Индию в самом конце XIX в. с целью освещения операций англо-индийских частей против восставших пуштунов в горах крайнего северо-запада Индии. Провожавшие его старожилы аристократического Лондона говорили, что он «едет на Восток» (to the East)// Churchill, S. W. My Early Life 1874–1908. Glasgow, 1974. P. 107,128.

[18] Coppes C. R. Captain Mahan, General Gordon and the Origins of the Term 'Middle East'//Middle East Studies, January 1976. P. 95–106.

[19] Gordon, Thomas Edward. The Problem of the Middle East//Nineteenth Century. March 1900, N.47. P. 413–424.

[20] Арабаджян З. А. Иран и Первая мировая война. Мусульманский Ближний и Средний Восток. М., 2021. С. 475–477.

[21] Greaves R. L. Gordon, Thomas Edward. Encyclopedia Iranica XI/2. P. 139. URL: http://iranonline.org/articles/gordon (дата обращения: 15.01.2021)

[22] Федорова И. Е. Эволюция английской политики в Иране в начале XX века (1900–1919 гг.). М., 2022. С. 32–33.

был эпохой энергичного вице-короля Индии лорда Дж. Н. Керзона, сыгравшего заметную роль на заключительном этапе Большой игры[23].

Сделанное К. Р. Коппсом в 1970-х годах открытие в области происхождения термина «Средний Восток» не повлияло, судя по всему, на литературу по геополитике, которая продолжает считать «отцом» термина американского морского капитана А. Т. Мэхена, опубликовавшего в 1902 г. статью в английском журнале «National Review», где он употребил этот термин[24]. Так, в американской энциклопедии 1987 г. подчеркивается, что нет полного согласия в том, что точно описывают термины Восток, Средний Восток и Ближний Восток, но происхождение Среднего Востока связывают с именем А. Т. Мэхена, «впервые использовавшего его в 1902 г»[25]. Такого же мнения придерживался и крупный американский специалист по арабскому Востоку Б. Льюис, отмечавший, что во время Первой мировой войны британские вооруженные силы со штаб-квартирой в Каире, получили наименование Middle East Command. Именно с этим эпизодом Дж. Кемп и Р. Гаркави связывают широкое распространение термина, зачастую выступающего как синоним Near East[26]. На те же терминологические особенности указывал М. Хаунер, отмечая, что средневосточное пространство включало британские территории с центром в Египте, Турцию на севере и Судан на юге[27].

Между тем, употребленный А. Т. Мэхеном неологизм отличался по содержанию от термина Т. Э. Гордона. Для американца главным фокусом внимания были морские просторы. Характерная для западной традиции широтная проекция подвигла его на то, чтобы обозначить Средним Востоком ареал между Ближним Востоком (Средиземным морем) и Дальним (востоком

[23] Сергеев Е. Ю. Большая Игра. С. 203, 208, 211–219; О роли лорда Керзона в английской политике в отношении Персии и региона Персидского залива см. также: И. Е. Федорова. Эволюция английской политики в Иране. С. 33–34.

[24] Mahan A. T. The Persian Gulf and International Relations // The National Review. September 1902. P. 38–39). А. Т. Мэхен был автором хрестоматийной книги «Влияние морской силы в истории» и ряда других сочинений.

[25] Encyclopedia Americana. Danbury, 1987. P. 71.

[26] Kemp G., Harkavy R. Strategic Geography and the Changing Middle East. Wash., 1997. P. 13.

[27] Hauner M. What is Asia to Us. Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. Boston, 1990. P. 72 .

Индийского океана), а конкретнее — морской ареал между Суэцким каналом, Персидским заливом и Малаккским проливом. Как отмечает К. Р. Коппс, расширенное толкование термина во многом обязано ставшей быстро популярной книге английского автора В. Чирола, сославшегося на А. Т. Мэхена[28].

В литературу на русском языке словосочетание Средний Восток проникло позднее — по некоторым сведениям, в начале 1920-х годов[29]. О. И. Жигалина, посвятившая вышедшую в 1990 г. монографию анализу концепций политики Великобритании на Среднем Востоке в XIX — начале XXв., отмечала, что в рассматриваемый в работе период в английской (и в русской) литературе термин Средний Восток не применялся, а использовалось название Центральная Азия, и под ним имелась в виду «территория Афганистана, Ирана, а иногда и Индии»[30].

Мировые войны XX в. и борьба за влияние на Среднем Востоке

Период между заключением конвенции 1907 г. между Россией и Англией и началом Первой мировой войны был временем закрепления позиций бывших держав-соперниц на Среднем Востоке. Оно шло параллельно с внедрением туда Германии и было частью процесса формирования двух державных блоков (Антанты и Тройственного союза), схватка между которыми составляла главное содержание мировой войны на ее первом этапе в 1914–1917 гг. При этом англичане «жаловались» на усиление России в так называемой «нейтральной зоне» Персии, но до изменения линии на создание Антанты дело не доходило. Не меньше оснований было и у России, чтобы сетовать на рост британской экспансии в Персии[31].

Сама Персия, объявив о нейтралитете, стремилась воспользоваться поглощенностью воюющих сторон боями в Европе и «благоволила» Германии вплоть до конца 1915 г. Затем ситуация

[28] Chirol V. Middle Eastern Question or Some Political Problems of Indian Defence. L., 1903.

[29] На совещании в Отделе Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН об этом уверенно заявил ведущий иранист и специалист по истории региона С. М. Алиев. Запись автора от 1 сентября 1997 г.

[30] Жигалина О. И. Великобритания на Среднем Востоке XIX-начало XX в. Анализ внешнеполитических концепций. М.,1990. С. 6.

[31] Федорова Е. И. Эволюция английской политики в Иране. С. 123–135.

для Персии ухудшилась, и ее территория оказалась оккупированной британскими на юге и российскими — на севере воинскими частями[32].

Обращаясь к политике России, отметим, что консолидация ее позиций в Средней Азии и на Среднем Востоке продолжалась вплоть до революции в октябре (ноябре) 1917 г. При этом в Средней Азии летом–осенью 1916 г. имели место вспышки массовых антироссийских выступлений. Они были вызваны политикой царской администрации по мобилизации местного населения на прифронтовые работы, наплывом в северные районы региона безземельного русского крестьянства и наделением его плодородной землей и т.п. Подавленное в крови Среднеазиатское восстание стало предтечей растянувшейся до начала 1930-х годов борьбы с басмачеством[33].

Приход к власти в России большевиков ознаменовал привнесение в межгосударственные отношения чуждых для них ранее идеологических идей и устремлений. Революция в России привела к нарушениям законов геополитики — не государства-державы классического образца, а государственные образования нового типа, провозглашающие цели мира поверх границ, братства между низами, пролетариатом и крестьянством, были призваны занять место в центре международных дел. Русская революция началась с опровержения всех постулатов колониальной политики царизма. По мере утверждения советской власти в России и на ее окраинах, в Украине, Белоруссии, на Кавказе и в Средней Азии, Москва вступает в договорные отношения с соседями по Азии — Турцией, Ираном и Афганистаном[34].

Стремясь как можно быстрее и прочнее консолидировать свои позиции на южных рубежах, большевики в 1920–1922 гг. оказали весьма значительную финансовую (золотовалютную) и военно-техническую помощь Мустафе Кемалю и его сторонникам, действующим от имени Великого национального собрания

[32] См.: Арабаджян З. А. Иран в годы Первой мировой войны. М., 2021.

[33] О Среднеазиатском восстании 1916 г. см., в частности: Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии): сборник докладов. М., 2016.

[34] См.: Политика России на южных рубежах (К 100-летию договоров с Ираном, Афганистаном и Турцией). / Отв. ред. Н. М. Мамедова. М., 2022.

Турции (ВНСТ)[35]. Безвозмездная помощь Советской России золотыми рублями (свыше 10 млн.) и разнообразным оружием, несомненно, помогла национально-освободительным силам Турции одержать победу в борьбе за власть в стране и в войне с интервентами (Англией, Францией и их союзниками, прежде всего Грецией).

Замкнувшись по преимуществу территориально в рамках Анатолии, Турция заняла иное место на геополитической карте мира. Османская Турция с центром в Стамбуле была, по сути, синонимом Ближнего Востока[36]. Она располагалась на юго-восточных окраинах Европы, контролируя в XIX в. Балканские страны, Египет, Северную Африку, Левант, Аравию и Месопотамию. Оставшись в результате распада Османской империи без этих владений, Турция геополитически оказалась в положении государства Среднего Востока наряду с Ираном и Афганистаном.

Не менее, а скорее более щедрой была поддержка Советской Россией правительства Ирана. Согласно договору о дружбе, заключенному в феврале 1921 г., РСФСР отказывалась от всех прав собственности на объекты, построенные в Иране российским государством и частными предпринимателями. Как отмечает Н. М. Мамедова, на русские деньги с конца XIX в. в северной части Персии были построены шоссейные и железные дороги, телеграфные и телефонные линии, пристани и порты. Москва отказалась от займов, выданных царским правительством, и процентов по ним на сумму 65–70 млн. золотых рублей[37]. В Иране такую щедрость восприняли по-разному, в том числе и как проявление слабости. Не получив почти ничего в обмен, Советская Россия долгое время восстанавливала утраченные позиции, конкурируя в торгово-экономической и политической сферах не

[35] Политика России на южных рубежах. С. 187–190, 234 (авторы разделов — Н. Ю. Ульченко, А. Д. Васильев).

[36] Не случайно Крымская война, в которой Османская Турция играла видную роль, была известна еще и как Восточная. Указывая на это обстоятельство, в отечественной энциклопедии конца Х1Х в. отмечалось, что «…интересы Англии и Франции во многом несходные, здесь (т.е. в Османской Турции) сходились на охране Востока от поглощения Россией» Большая энциклопедия. Под ред. С. В. Южакова и П. Н. Милюкова. СПб., 1896. Т. 5. С. 532.

[37] Политика России на южных рубежах. С. 32–52 (автор раздела: Н. М. Мамедова).

только с Великобританией, но и в 1930-х годах с фашистской Германией[38].

Существенной была также поддержка советским правительством Афганистана. Как и в двух других странах Среднего Востока, там, по существу, утверждалась новая власть, стремившаяся укрепить себя внутри страны провозглашением независимости во внешней политике. Русская революция предоставляла для этого большие возможности, поскольку ревизия устоявшихся в международной сфере порядков была одной из её главных целей. Отличия Афганистана от Ирана и Турции для Советской России состояли в том, что он был территориально наиболее удаленным от европейского центра и непосредственно граничил со Средней Азией, где на рубеже 1910–1920-х годов шла напряженная борьба за утверждение советской власти.

Безвозмездная помощь афганскому эмиру Аманулле-хану, менее значительная, чем та, что получила кемалистская Турция, соответствовала возможностям Москвы и преследовала в первую очередь задачу не допустить превращения эмирата с центром в Кабуле в опорную базу для «контрреволюционных налетчиков» (басмачей) из Бухары. Эмир воспользовался помощью России и других европейских государств для попыток модернизации глубоко архаичного общества, но потерпел неудачу. В 1929 г. советские части пересекли афганскую границу с целью поддержать Амануллу, но вскоре вернулись, поскольку эмир поторопился отречься от престола. Новый король Афганистана, Надир-шах, помог Москве в борьбе с басмачами, разрешив советским войскам действия против них на севере своей страны[39].

Нарушения советской стороной северной границы Афганистана не мешали усилению там и других внешних сил. На заключительном этапе перед Второй мировой войной в зоне «свободных» пуштунских племен, подступающей вплотную к крупнейшим афганским городам, Кабулу и Кандагару, происходило брожение, поддерживаемое германской, итальянской и даже японской агентурой. Советский Союз в 1930-е годы укреплял контакты с официальным Кабулом, конкурируя

[38] О тяготении иранского шахского правительства к Германии см: Алиев С. М. История Ирана XX век. М., 2004. С. 195–201.

[39] Политика России на южных рубежах. С. 170–174 (автор раздела: М. М. Слинкин).

с Великобританией, а после 22 июня 1941 г. сотрудничая с ней в акциях по блокированию деятельности германских и итальянских диппредставительств и разведок. В ходе войны королевская власть в Афганистане сохраняла нейтралитет при наличии внутри нее влиятельных группировок, склонявшихся поначалу на сторону держав «оси»[40].

Еще более прогерманской была перед и после начала Второй мировой войны позиция Ирана. Германия пыталась привлечь Тегеран на свою сторону, предлагая военную помощь. Несмотря на то что шах Ирана Реза Пехлеви склонялся на его сторону, Берлин, по некоторым сведениям, готовил военный переворот[41]. Планы гитлеровской Германии были предотвращены совместной акцией СССР и Великобритании, предпринятой в конце августа 1941 г. За несколько дней советские войска оккупировали северные районы Ирана, а английские — южные. Шаха вынудили отречься от престола, и в середине сентября он покинул страну, передав власть своему сыну Мохаммеду Реза. В высшей степени удачно проведенная почти бескровная операция дала возможность обеспечить безопасность южных советских рубежей в преддверии решающих битв 1942–1943 гг.[42] В дальнейшем она позволила создать «иранский коридор» для переброски в СССР английских, а затем американских товаров по закону о лендлизе[43].

Наученная горьким опытом Первой мировой войны, Турция удержалась от вступления в новую войну на стороне Германии. При этом симпатии ее правящих кругов и общественное мнение были в целом на немецкой стороне. Велико было и влияние германской дипломатии и разведки. Особенно критическим был период наступления фашистских войск на Кавказ во второй половине 1942 г.[44] Нейтралитет Турции позволил ей

[40] См: Тихонов Ю. Афганская война третьего рейха. НКВД против Абвера. М., 2003; Тихонов Ю. Н. Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена. Москва-Липецк, 2007; Вторая мировая война и Восток. / Отв. ред. Н. Г. Романова, Т. А. Филиппова. М., 2019. С. 161–173.

[41] Системная история международных отношений в четырех томах 1918–2000. / Под ред. А. Д. Богатурова. М., 2000. Т. 1. С. 357.

[42] Мамедова Н. М. Иран: успешная операция Красной Армии в 1941 г. // Вторая мировая война и Восток. С. 174–184.

[43] Политика России на южных рубежах. С. 84–86. (автор раздела: В. И. Сажин).

[44] Безугольный А. Ю. Битва за Кавказ и ее значение: новые подходы и оценки.

избежать участи побежденной стороны и закрепил за ней положение флангового (смежного с Восточной Европой) государства Среднего Востока.

Послевоенная геополитическая экспансия и распад СССР

Завершение мировой войны привнесло новые моменты в расклад геополитических сил. Победа над Германией досталась огромной ценой не только СССР, но и Великобритании. К тому же и весь предшествующий межвоенный период был временем замедленных темпов роста английской экономики, особенно после «великой депрессии» 1929–1933 гг.[45] Как отмечал Г. К. Широков, Англия принадлежала к числу тех метрополий (наряду с США и Францией), которые в тот исторический период не слишком нуждались в колониях экономически[46]. Хотя по геополитическим соображениям Лондон пытался сдерживать неумолимый процесс упадка своего колониального владычества, в 1947 г. он был вынужден поспешно оставить Индию, передав управление властям двух доминионов — Индийского Союза и Пакистана. Еще до того в 1946 г., Англия вывела свои войска из южной части Ирана, вынудив советское руководство пойти на аналогичный шаг[47].

Процесс защиты и консолидации геополитических позиций России и Англии на Среднем Востоке, продолжавшийся с 1900-х по 1940-е годы, проходил в исключительно сложной обстановке двух мировых войн и экономического спада, характерного для понижательной волны Кондратьевского цикла[48]. Российская государственность в лице Советского Союза добилась полного

Вторая мировая война и Восток. М., 2019. С. 349–361.

[45] Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., 1989. P. 282–283.

[46] Широков Г. К. Восток: Панорама Новейшего времени. Избранные научные труды. М., 2003. С. 427–428.

[47] Системная история международных отношений. С. 357–358. О посещении Москвы иранским премьер-министром А. Кавамом и об обстоятельствах вывода советских войск из Иранского Азербайджана см: Алиев С. М. История Ирана XX век. С. 219–221.

[48] О циклах Кондратьева см.: Гринин Л. Е. Коротаев, А. В. Кризисы в мировой истории в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов от Ликурга до Алена Гринспена. М.,2018; Пантин В. И., Лапкин В. В. Историческое прогнозирование в XXI в. Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна, 2014.

и прочного контроля над Средней Азией и была готова к продолжению борьбы за преобладание на Среднем Востоке. Что касается Англии, то ее позиции в мире серьезно ослабли. За десятилетие — с середины 1940-х до середины 1950-х годов — Лондону пришлось уступить первенство США, выступая первоначально, в частности в делах Среднего Востока, как их более опытный партнер с прочными связями в регионе[49].

Единственной из западных держав, экономически усилившейся в годы Второй мировой войны, была Америка. Ее ВВП в реальных ценах за годы войны возрос вдвое, в то время как экономические параметры западноевропейских стран сократились на 25%. На долю США после войны приходилось около половины ВВП капиталистического мира, и даже в 1953 г. их доля составляла 45% против 26% у стран Европы. Доход на душу населения в СССР, по ряду западных оценок, уступал в 1950 г. американскому более чем в три с половиной раза, отставая от английского вдвое[50].

При всем своем экономическом превосходстве США не обладали достаточным опытом в ведении международных дел, придерживаясь в предвоенные десятилетия политики изоляционизма. Америка вышла из войны во многом неподготовленной к роли гегемона в мировых процессах. И. П. Глушкова обратила внимание на ту роль, которую сыграл в формировании представлений американцев о Южной Азии специалист в области санскритологии Н. Браун[51]. Рассказ об этом служит яркой иллюстрацией вышеприведенного тезиса о создании спонтанно, в течение нескольких военных и послевоенных лет, важнейших для мировой державы инструментов анализа геополитической ситуации. И дело не только в термине «Южная Азия». Суть в том, что представления обо всем Востоке, за исключением тихоокеанского, который Соединенным Штатам по причине непосредственного соседства был знаком давно, отличались приблизительностью и неточностями. Впрочем, связано это, по всей

[49] Характерным представляется эпизод 1949 г., иллюстрирующий решающую роль Лондона в приглашении первого премьер-министра Пакистана Лиакат Али Хана в США и его отказе посетить СССР: Malik H. Soviet-Pakistani Relations and Post-Soviet Dynamics. L., 1994. P. 43–44.

[50] Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. P. 368–369.

[51] Глушкова И. П. Южная Азия: монтаж и демонтаж пространств и институций //Восток (Oriens). 2023. № 2. С. 223–235.

видимости, и с тем, что сама геополитическая тематика формировалась в послевоенном западном мире во многом заново на фоне замалчивания или отрицания классической геополитики, «запятнавшей» себя ассоциациями с нацистской идеологией[52].

Стоит заметить, что после окончания самой кровопролитной в истории человечества мировой войны политика великих держав лишь постепенно перестраивалась на путь балансирования на грани новой войны. Борьба за контроль над территориями, людьми и государствами велась мирными средствами и с помощью посредников, что возвращало ситуацию к периоду до обеих мировых войн и соответствовало подъему мировой экономики, повышательной волне Кондратьевского цикла. Американская политическая наука, поставленная на службу дипломатии мирного времени, принялась развивать присущие англосаксонской геополитике традиции, в частности отмеченную выше широтность представлений и ее евразийскую и афразийскую всеохватность в духе Х. Маккиндера[53]. В первые послевоенные годы в Госдепартаменте США существовал офис, состоящий из подразделений ближневосточных (североафриканских по сути), средневосточных и африканских дел. До сих пор во внешнеполитическом ведомстве Америки «под крылом» заместителя госсекретаря (Under Secretary) по политическим вопросам сохраняется Бюро ближневосточных дел (Bureau of Near Eastern Affairs), которое ведает политикой на Среднем Востоке (Middle East) и в Северной Африке[54].

Все послевоенные годы в США использовался также термин «Центральный регион» как расположенный между Атлантическим и Тихим океанами. Отсюда появившийся в 1959 г. блок СЕНТО (Central Treaty Organization). Он образовался фактически в 1955 г. и назывался до 1958 г. (до выхода Ирака из него) Багдадским пактом. Пакт, созданный под эгидой Великобритании, помимо Ирака, включал Иран, Турцию и Пакистан. США, фактически стоявшие за его созданием, входили в состав лишь ряда

[52] Прежде всего это касается известного германского геополитика К. Хаусхофера. См. о нем, в частности: Белокреницкий В. Я. Восток в мирополитических процессах. М., 2010. С. 50–51.

[53] См: Mackinder J. H. Democratic Ideals and Reality. A Study of the Politics of Reconstruction. New York, 1919.

[54] USA Government. Department of State official site.

структур пакта, главным образом из опасения «потерять» Египет, претерпевающий перемены после краха монархии в 1952 г. Из-за позиции Каира при новом национальном лидере Г. А. Насере англичанам и американцам пришлось отказаться от формирования с египетским участием военно-политической организации Средневосточного договора (Middle East Treaty Organization — МЕТО). Блок СЕНТО был переизданием МЕТО в урезанном виде (без Египта и других арабских стран)[55].

Существование СЕНТО с 1955 г. по 1979 г. не случайно, разумеется, совпало по времени с активным противостоянием на Ближнем и Среднем Востоке двух военно-политических сил — США и СССР. Азиатские страны СЕНТО, от Турции до Пакистана, образовывали, по представлениям американских международников, «северный ярус» (Northern Tier) обороны, примыкая к «мягкому подбрюшью» (Soft Underbelly) Советского Союза, которым они считали Кавказ и Среднюю Азию[56].

Отечественная геополитическая традиция основывалась, как отмечалось выше, на долготном (меридиональном) видении, в соответствии с которым неявно выделялись два смежных региона — Кавказ и Ближний Восток, с одной стороны, Средняя Азия и Средний Восток — с другой. На послевоенном этапе их соприкосновение оказалось настолько тесным, что наиболее распространенным в отечественной публицистике и научно-экспертной литературе стало использование термина «Ближний и Средний Восток». По сути, оно совпало с английским названием региона, отражая пересечение обеих геополитических проекций.

После восстановления народного хозяйства СССР вступил в фазу ускоренного экономического роста. Это позволило советскому руководству проводить уверенную наступательную политику, имея США в качестве главного геополитического противника. Одним из основных направлений активной политики Москвы стал Ближний и Средний Восток, в первую очередь его более удаленные от южных границ арабские государства. При этом по периметру границ советское руководство столкнулось

[55] Указания на МЕТО – о планах его создания см.: Tayyeb A. Pakistan. A Political Geography. L., 1966. P. 220; Нихамин В. П. Очерки внешней политики Индии, 1947–1957. М., 1959. С. 215.

[56] При этом под южным ярусом, вероятно, имелся в виду регион к югу от Египта, т.е. Восточная Африка, район Африканского Рога — Судан, Сомали и др.

с «забором» из недружественных или нейтральных государств — Турции, ставшей членом НАТО в 1952 г., Ирана, в котором в 1953 г. произошел инспирированный ЦРУ США переворот, приведший к устранению от власти настроенного на независимую внешнюю политику правительства М. Мосаддека, и Афганистана, где правящие круги вплоть до 1953 г. склонялись под давлением Вашингтона к достижению компромисса с Пакистаном по вопросу о Пуштунистане и стремились привлечь помощь США и СССР[57].

В середине 1950-х годов Москва при новом руководстве во главе с Н. С. Хрущевым приступила к зондажу возможностей «прорваться» на юг, в сторону Индийского океана. При сложившейся к тому времени ангажированности Турции, Ирана и Пакистана «окно возможностей» предоставляли Индия и Афганистан. Совершенный в конце 1955 г. визит руководителей СССР в эти две страны (а также Бирму) подтвердил определенные перспективы, открывающиеся перед СССР в плане политического влияния и экономического взаимодействия[58].

Но еще более привлекательным оказалось для СССР направление, связанное с Ближним Востоком (арабским в основном). После войны к власти в большинстве стран этого региона постепенно приходят лидеры, отталкивающиеся от прежней политики правящих кругов на союз и сотрудничество с бывшими метрополиями — Англией и Францией[59]. Конфликт вокруг Суэцкого канала, начавшийся в августе 1956 г., привел в конце октября к тройственной агрессии Израиля, Англии и Франции. Под давлением Советского Союза, пригрозившего применить ядерное оружие, и при отсутствии поддержки со стороны США действия коалиционных сил захлебнулись в начале ноября[60]. Неудача, больнее всего ударившая по Великобритании, заставила ее согласиться на тесное партнерство с США под их эгидой. Франция, напротив, попыталась в дальнейшем (особенно при президенте Ш. де Голле)

[57] Malik H. Soviet-Pakistan Relations and Post-Soviet Dynamics. P. 84–86.

[58] См., в частности: Пойя С. Афганистан при премьер-министре Мухаммаде Дауд-Хане (1953–1963). М., 2022.

[59] История Востока в шести томах. Т VI. Восток в новейший период (1945–2000)/ Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, В. В. Наумкин. М., 2008. Глава I. С. 26–30. (Автор — В. В. Наумкин).

[60] О позиции Москвы, эмоциональной реакции Н. С. Хрущева см: Васильев А. М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М., 2018. С. 39–71.

проводить собственную внешнеполитическую линию, оставаясь, например, членом НАТО, выйдя из военной организации блока.

В наибольшем выигрыше от Суэцкого кризиса оказалась Москва. СССР серьезно укрепил свою репутацию на Ближнем Востоке и среди новых независимых государств Азии и Африки. При этом Н. С. Хрущев сознательно и последовательно проводил политику жесткого противостояния Западу, стремясь максимально использовать фактор обладания атомным оружием и успехи в освоении космоса. В начале 1960-х годов тактика Хрущева, заключавшаяся в балансировании на грани термоядерной войны, привела к Карибскому кризису, что сыграло роль в отстранении его от власти[61].

Не касаясь политики СССР в отношении Китая, заметим лишь, что она, наряду с другими факторами, обусловила попытку Москвы «перепрыгнуть» через непосредственно подпиравшие его с юга государства Среднего Востока и создать сеть военно-морских баз в Индийском океане. Стратегия создания глубоководного флота в южных морях и усиление геополитических и геоидеологических позиций Москвы в регионе развивающихся стран — от Сомали, Эфиопии, Анголы в Африке до Кубы и Никарагуа в Центральной Америке — вызвало перенапряжение стратегических возможностей на том историческом этапе (в 1970–1980-х годах), когда экономический подъем в мире и в СССР сменился спадом.

Экстенсивное по преимуществу развитие советской экономики сопровождалось вывозом государственного капитала и устаревающих технологий, а также вооружений и военно-технических средств. Большим вниманием при этом пользовалось ближнее к СССР зарубежье, расположенное вдоль его южных рубежей. В Турции, Иране и Пакистане в 1960–1980-х годах с финансовой и технической помощью Москвы были построены крупные металлургические комбинаты в Искендеруне, Исфахане и Карачи. Еще более значительными были масштабы содействия, оказанные на льготных условиях Индии. Ценность этой помощи была особенно велика на первых порах, в 1950-х годах, когда сооружался металлургический завод в Бхилаи и было начато

[61] Скороспелов П. П. Особый способ осуществления внешней политики путем угрозы войной империализму. Военно-политическая деятельность Президиума ЦК при Н. С. Хрущеве (1953–1964) Часть I//Восток (Oriens). 2022. № 2. С. 9–28.

сооружение завода в Бокаро. Наряду с прочими построенными при советской помощи объектами машиностроительного комплекса они, по существу, заложили основу тяжелой промышленности независимой Индии[62].

Очевидным рубежом в послевоенной эволюции мира, на наш взгляд, надо считать 1970-е годы. Не перечисляя всех причин и симптомов произошедшего тогда перелома, укажем только на усиление самостоятельной роли и значения исламских стран Аравии и Персидского залива, силу которых существенно укрепили доходы от добычи и экспорта нефти. Столь же значимым стал и последовавший за этим подъем нового идеологического движения в лице исламизма, т.е. политического ислама, а затем и исламского радикализма и терроризма.

Между тем советское руководство, занятое геополитической борьбой с Западом и идейными баталиями с маоистским Китаем, не понимало значения и последствий поднимавшейся исламской волны[63]. Надежды, которые питали руководители и идеологи курса, проводившегося Москвой в отношении Ирана после крушения там монархии в феврале 1979 г., позволяют лучше понять причины, которые в самом конце того же года побудили СССР вмешаться в борьбу за власть в Афганистане и ввести туда значительный воинский контингент[64].

Существенно при этом, что на излете второго экспансионистского витка Россия в лице Советского Союза нарушила принцип активных действий на отдаленных рубежах, к которым, кроме названных выше, надо добавить Южный Йемен[65], и воспользовалась возможностями, казалось, открывающимися

[62] Коптевский В. П. СССР-Индия. Четверть века плодотворного экономического и научно-технического сотрудничества. Индия 1980. Ежегодник. М., 1982. С. 63–79.

[63] Красноречиво свидетельствует об этом статья Д. Б. Волкова «Особенности формирования внешнеполитических решений СССР в отношении Исламской Республики Иран»//Восток (Oriens). 2022. № 5. С. 15–24.

[64] Стоит привести цитату из заключения к вышеупомянутой статье: «Просчеты во внешнеполитических решениях, принимавшихся на высшем уровне в СССР под давлением лиц, действовавших в плену идеологических постулатов, привели к тупиковой ситуации в советской внешней политике в отношении Ирана… Аналогичные просчеты привели и к таким новым более крупным ошибочным решениям, как вторжение в Афганистан, которые повлекли системные последствия для самого СССР, ускорившие его развал»//Волков Д. Б. Особенности формирования внешнеполитических решений СССР. С. 120.

[65] См.: Наумкин В. В. «Красные волки» Йемена. М., 2003.

в непосредственном соприкосновении с границами. Следует подчеркнуть роль Вашингтона в афганском эпизоде, который явно провоцировал Москву на принятие опрометчивого решения[66].

Консолидация России и роль Среднего Востока

Ставшая очевидной в конце 1980-х годов тупиковость пребывания крупных советских соединений в Афганистане привела к выводу основной части войск (40-й армии) и попытке закрепления на прежних рубежах. Однако успешно проведенный маневр по отступлению не спас СССР от распада, а бремя консолидации легло на плечи руководства нового государства — Российской Федерации. По географическим очертаниям постсоветская Россия напоминала императорскую Россию конца царствования Петра I и была почти такой же, как Советская Россия начала 1920-х годов. Как и в случае с историческим прецедентом 70-летней давности, у России при этом сохранялась роль центрального компонента в сложившейся геополитической конструкции, поскольку она была признана главным правопреемником Советского Союза, а на месте последнего под эгидой Москвы возникло Содружество Независимых Государств (СНГ). Первая половина 90-х годов прошла в усилиях российского руководства преобразовать на рыночных началах экономику страны и утвердить власть центра на Кавказе, прежде всего в Чечне. Докатившаяся до южных рубежей России волна исламского радикализма сильно осложнила проблему местного национализма. Но к концу десятилетия наметилась стабилизация социально-экономической и политической обстановки, позволившая покончить с наиболее острыми проявлениями сепаратизма и терроризма и продвинуться на пути консолидации позиций России по внешнему кругу ее южных границ.

Постепенное укрепление позиций России в республиках Центральной Азии, включая Казахстан, а также на Южном Кавказе (в Армении и Азербайджане) происходило в условиях продолжающегося, хотя и ослабленного, противостояния с Западом. Поскольку Россия не дала согласие на подчинение своей внешней политики США и не согласилась с ролью второй опоры объединенной Европы (план Ж. Аттали), противоречия нарастали.

[66] См., в частности, статью В. И. Сажина в данном сборнике.

Особенно явными они стали в период Балканского кризиса 1999 г. В 2000-х годах после выхода мировой экономики из кризиса начался ее подъем, захвативший Россию и почти все другие государства СНГ, особенно богатые энергоресурсами (Азербайджан, Казахстан, Туркмению)[67].

В условиях начавшейся консолидации внутренних позиций Россия отказалась (в 2001 г.) от дорогостоящих и далеко от ее рубежей находящихся форпостов — военной базы Камрань во Вьетнаме и радиолокационного центра близ Гаваны на Кубе — и сохранила единственную «в дальнем зарубежье» базу в сирийском порте Тартусе и Латакии[68].

Несмотря на демонстративное сокращение поля геополитических амбиций, Россия столкнулась с сохраняющимся на нее давлением со стороны США и их союзников по НАТО. В этих условиях президент В. В. Путин произнес в феврале 2007 г. в Мюнхене на конференции по безопасности знаменательную речь, в которой подчеркнул неприемлемость для России модели однополярного мира и отметил нарушение Западом сделанных после роспуска Варшавского договора в 1990 г. обещаний о «нерасширении НАТО на Восток»[69].

Несмотря на эти предупреждения, попытки подорвать российские позиции в Восточной Европе, на Кавказе и в Центральной Азии продолжались. В 2008 г. успешно для России завершился вооруженный конфликт с Грузией из-за Южной Осетии и противостояние с ней по вопросу об Абхазии[70]. Кризис украинской власти зимой 2013–2014 гг. показал, помимо прочего,

[67] Белокреницкий В. Я. Восток в мирополитических процессах. С. 247–276.

[68] Лузянин С. Г. Восточная политика Владимира Путина// Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). М., 2007. С. 80–81.

[69] В контексте данной статьи примечательным является следующий пассаж из речи В. В. Путина: «Россия — страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня». URL: kremlin.ru/events/president/transcripts/24034. О самостоятельной роли России в мировых делах, особой «российской матрице» см.: Никонов В. А. Современный мир и его истоки. М., 2015. С. 320–447. В. А. Никонов, кстати, весьма эмоционально охарактеризовал Мюнхенскую речь В. В. Путина: «Все разочарование от результатов сотрудничества с Западом Путин выплеснул на Мюнхенской конференции 10 февраля 2007 г., обрушившись на практику однополярного мира, “мира одного хозяина, одного суверена”». Там же. С. 395.

[70] Об исторической подоплеке военных действий России на стороне Южной Осетии и о грузино-абхазском конфликте см: История Востока в шести томах. Т. VI. Глава 21. (Автор — Д. Б. Малышева).

степень вовлеченности Запада в дела непосредственных соседей России. Он привел к присоединению Крыма к РФ, а также провозглашению независимости двух дружественных России народных республик (Луганской и Донецкой). Достигнутые в Минске в 2014 и 2015 гг. договоренности лишь отсрочили новый виток конфликта с Украиной. Специальная военная операция (СВО), объявленная 24 февраля 2022 г. главнокомандующим ВС России, президентом В. В. Путиным, имеет цель консолидировать российские позиции на западном, точнее, юго-западном направлении и неизбежно меняет всю геополитическую ситуацию для РФ, ставя перед ней, в числе других, задачи укрепления политических и экономических позиций на южных направлениях.

Представляется, что можно говорить не об одном, а о двух смежных и отчасти пересекающихся проекциях — ближневосточной и средневосточной. Ключевой в первом случае является Турция. На протяжении всего исторического периода с момента создания национального турецкого государства эта страна принадлежала по преимуществу региону Среднего Востока. Располагаясь в его западной части, Турция имела стратегическое значение в качестве «контролера» проливов, ведущих из Черного в Средиземное море, а также территории, откуда могла исходить угроза для СССР[71].

В русле таких военных взаимосвязей нужно рассматривать участие Турции, Пакистана и Ирана в СЕНТО и в созданной как бы внутри нее организации Региональное сотрудничество ради развития[72]. Распад СССР усилил на время положение Турции как государства, ориентированного на север и в широтной перспективе. Возрожденная в 1985 г. после роспуска в 1979 г. (на гребне исламской революции в Иране) вышеупомянутая региональная организация получила название Организация экономического сотрудничества (ОЭС) и первоначально состояла из трех членов. В 1992–1993 гг. членство в ней увеличилось до 10 за счет шести постсоветских мусульманских республик и Афганистана,

[71] Пример реализации такой угрозы — осуществлявшиеся во второй половине 1950-х гг. полеты американских самолетов-разведчиков У-2 с турецкого аэродрома Инджирлик в пакистанский Пешавар и далее над советской территорией в Норвегию// Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л. Южная Азия в мировой политике. М., 2003. С. 85.

[72] Там же. С. 97.

который впервые с послевоенных времен принял участие в региональном объединении[73].

В начале 1990-х годов Анкара помимо этого регионального проекта, разыгрывала еще и карту единения тюркоязычных народов на территории бывшего СССР, включая Россию. Отмеченное выше преодоление острых кризисных явлений в Российской Федерации и новых независимых государствах Центральной Азии и Кавказа свело во многом на нет эту внешнеполитическую стратегию. В условиях начавшегося при правлении Партии справедливости и развития (ПСР) быстрого подъема турецкой экономики, «приправленного» идеологией умеренного исламизма, заявила о себе ориентация Анкары на Ближний Восток, на усиление турецкого влияния в арабском мире и укрепление, хотя и не без кризисов, связей Турции с Израилем. Усилению такой направленности внешней политики способствовали обострение курдской проблемы и вооруженное противостояние в Сирии, начавшееся в 2011 г.[74]

В целом на данном этапе Турция в определенной степени вернулась к ситуации времен Османской империи. Отсюда, наверное, известная ностальгия турецких военных и определенных политических кругов по имперским амбициям, появление планов расширения военно-морского присутствия в Средиземноморье и более активного участия в решении сложных ближневосточных проблем[75].

Значение Турции с точки зрения России трудно переоценить. Однако и проблем в отношениях с Анкарой немало. Это и несовпадающие позиции по положению в Сирии и проблеме курдов, и в целом двусмысленная позиция Турции по всему комплексу международных дел, поскольку она остается членом НАТО и поддерживает особые связи с Европейским союзом[76].

[73] См.: Центрально-азиатский макрорегион и Россия/ отв. ред. В. В. Наумкин. М., 1993.

[74] Ахмедов В. М. Роль военных в сирийском конфликте// Мусульманский Ближний и Средний Восток. С. 70–83; Ближний Восток. Политика и идентичность/ под ред. И. Д. Звягельской. М., 2020. С. 174–175.

[75] Речь идет, в частности, о концепции «голубой родины» адмирала в отставке Дж. Гюрдениза. Политика России на южных рубежах. С. 220–222 (автор раздела — А. Г. Гаджиев).

[76] Подробнее см: Гаджиев А. Г. Турция и ЕС. Проблемы и перспективы развития отношений (1963–2019 гг.). М., 2020.

Столь же велика, если не еще более значительна, роль Ирана. Причина — в однозначно антизападной политике и риторике Тегерана. Отрицание Ираном факта поставки своих дронов в Россию и их возможного участия в СВО на Украине рассчитано, скорее всего, на дипломатический эффект. Содействие Ирана нужно России как в военно-технической, так и в торгово-экономической области. Может пригодиться ей и накопленный Ираном многолетний опыт противодействия западным экономическим санкциям.

Как и Турция, Иран принадлежит обоим регионам — и Среднему, и Ближнему Востоку, — занимая, как и на предшествующих рассмотренных нами этапах геополитической эволюции, ключевое положение между Кавказом и Центральной Азией на севере, Аравией и зоной Персидского залива на юге[77].

Сотрудничество с Ираном не лишено в перспективе определенных рисков, связанных, в частности, с контрабандой наркотиков, исламистским радикализмом, возможным столкновением интересов в Афганистане и Таджикистане. Однако общий баланс, без сомнения, складывается в пользу развития и усиления многообразных связей и контактов с Исламской Республикой.

Более определенным представляется геополитическое местоположение Афганистана, хотя его относят и к Среднему Востоку, и к Южной Азии. Афганистан еще в середине прошлого века назвали «сердцем Азии». Замкнутая на суше (landlocked) страна расположена географически в центре Евразийского материка на перекрестье широтных и долготных путей.

Попытки модернизировать страну после разгрома в 2001 г. и изгнания в Пакистан радикальных исламистов из Движения Талибан в очередной раз закончились провалом, хотя США и их союзники по НАТО затратили огромные средства на поддержку афганских правительств[78]. В августе 2021 г. в результате поспешного ухода, по сути бегства, из Кабула остававшихся в стране американских военных к власти во второй раз пришли талибы.

[77] См: Роль и место Ирана в регионе/ отв. ред. Н. М. Мамедова, М. Иманипур. М., 2007. С. 7 и др.; Иран в мировой политике XXI век/ отв. ред. Н. М. Мамедова. М., 2017.

[78] См. об этом, в частности: Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М., 2014; Дауров Р.Д., Нессар О. М., Окимбеков У. В. Афганистан: политика и экономика (2001–2019). М., 2020.

Россия, наряду с другими государствами, не признает в полной мере законным их правление, ожидая перемен во властных структурах и внутренней политике, но сохраняет в столице присутствие дипломатов.

Сложным в настоящее время остается внутриполитическое положение в Пакистане, принадлежащем с геополитической точки зрения, как и Афганистан, одновременно Среднему Востоку и Южной Азии. Традиционная прозападная ориентация Исламабада вызывает недовольство широких слоев пакистанской общественности. Они выступают за преимущественное развитие всесторонних связей с Китаем, мусульманскими государствами, а также с Россией. В то же время кризисная ситуация в экономике и участившиеся теракты толкают пакистанское руководство в «объятия» США. От Вашингтона зависит содействие МВФ, в ловушку которого давно попала Исламская Республика. Россия готова оказать поддержку Пакистану в энергетической сфере, но опасается неустойчивости внутриполитической обстановки и неоднозначности внешнеполитического курса.

Заключение

Заканчивая рассмотрение основных тенденций политики России на Среднем Востоке на протяжении примерно 160 лет, можно прийти к выводу о наличии колебаний, длинных волн расширения, экспансии и закрепления, консолидации геополитических позиций. Первая волна экспансии приходится на период 1860–1910-х годов, когда царская Россия окончательно присоединила к себе казахские степи, подчинила, а затем ликвидировала крупнейшее в Средней Азии Кокандское ханство, поставила в полную зависимость от себя Бухарский эмират и Хивинское ханство, завоевала туркменские оазисы. Переход от расширения к закреплению позиций в Средней Азии и в примыкающем к ней с юга Среднему Востоку завершился в 1907 г. заключением конвенции с Англией о разделе сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете.

Вторая волна, содержание которой состоит в консолидации геополитических позиций, укладывается в рамки последующего 40-летнего периода (1910–1940-х годов). Временные потери, связанные с последствиями тяжелого выхода из Первой мировой

войны, утратами, вызванными Гражданской войной, удалось в конце концов компенсировать укреплением контроля над Средней Азией и Кавказом. Одержав безоговорочную победу во Второй мировой войне, СССР закрепил свои позиции на Среднем Востоке по границам с Турцией, Ираном и Афганистаном.

Вслед за консолидацией и преодолением разрухи и голода в первые послевоенные годы начался экспансионистский третий виток, продолжавшийся с 40-х по 80-е годы. На южном направлении советской политики он отмечен активным проникновением в Индийский океан и соперничеством с США на значительном удалении от материковой территории. Одновременно, особенно в первые 20–30 лет этого периода, расширялись и углублялись связи, в первую очередь торгово-экономические, с Турцией, Ираном, Пакистаном и Индией. Особое значение на заключительной фазе периода приобрел Афганистан, внедрение в который знаменовало исчерпание потенциала расширения.

Четвертый период протекает под знаком консолидации геополитических позиций постсоветской России. Активная ее фаза началась в 2000-х годах и должна закончиться, в соответствии с предложенный схемой, в середине-конце 2020-х годов. Циклы в 40 лет выявлены эмпирически. При этом они во многом совпадают с 36-летними циклами в истории России, разработанными и обоснованными В. И. Пантиным и его коллегами[79].

[79] Первый цикл продолжительностью в 36 лет начинается в 1881 г. и заканчивается в 1917 г., второй цикл — 1917–1953, третий — 1953–1989, четвертый — 1989–2025. Проводя интересные и убедительные аналогии, В. И. Пантин сравнивает период 2021–2025 гг. с периодом 1949–1953 гг. и делает краткий прогноз, основные пункты которого состоят в том, что в прогнозный период резко обострится конфронтация между США и Россией вплоть до регионального столкновения между ними или ряда таких столкновений; вероятнее всего, ни одна из сторон не добьется решающей победы, хотя Россия может пострадать гораздо больше; в результате американо-российской конфронтации позиции Китая усилятся, но там дадут о себе знать серьезные социальные и внутриполитические противоречия (Пантин В. И. Россия и Запад в 2020-е годы: перспективы геополитической революции//История и современность. Февраль 2021. № 1 (39). С. 39, 51). Выявленные автором совместно с В. В. Лапкиным циклы в эволюции России согласуются с их анализом цикличности мировой политической и экономической истории, при котором выделяются четыре фазы — структурный кризис, технологическая революция, великие потрясения и революция мирового рынка (Пантин В. И., Лапкин В. В. Переходная эпоха 2020–2040-х годов: циклы, сингулярность и альтернативы нежданного будущего // История и современность. Март 2020. № 1 (35). С. 66–93). Концепция циклов и ритмов истории разрабатывалась В. И. Пантиным с середины 1990-х годов. Развернутое изложение см. в частности: Пантин В. И., Лапкин В. В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития. Дубна, 2006.

В заключении попробуем оценить перспективы России на Среднем Востоке на завершающем витке периода консолидации. Турция — страна, в историческом плане мигрирующая от вертикальности к широтности в своей геополитической ориентации, будет, очевидно, стремиться сохранить баланс между Западом и Россией. В то же время международная роль Турции возрастет, особенно на Ближнем Востоке, в арабском мире и в зоне арабо-израильского конфликта, что только усилит значимость отношений с ней для России. Вместе с тем не исключено, что Турецкая Республика столкнется с глубокими внутренними противоречиями (политическими и региональными) и не обязательно найдет благоприятное для себя их разрешение.

Иран, скорее всего, постарается максимально использовать особые связи с Россией. В равной степени принадлежащий и Ближнему, и Среднему Востоку, он, с одной стороны, «выходит» на Персидский залив и весь неспокойный, «лоскутный» ближневосточный ареал, а с другой — «завязан» на Афганистан и Пакистан. Будущее значение Тегерана для Москвы зависит во многом от внутриполитической динамики в Иране, хотя в обозримой перспективе серьезные подвижки, несмотря на подспудные «толчки», кажутся маловероятными.

Афганистан, судя по всему, останется слабобьющимся «сердцем Азии». Попытки ускорить ритм его жизни едва ли приведут к заметным результатам. Существенно, чтобы от него при этом не исходила угроза безопасности соседям, как ближним, так и дальним, в том числе России. Причем угроза это двоякая — террористическая и наркотическая.

Среди ближних соседей Афганистана более всего может пострадать Пакистан. Объединенные как «сиамские близнецы» единым поясом проживания пуштунов, в том числе горных пуштунских племен, оба государства рискуют оказаться зоной повышенной террористической опасности. Исходящая от крайних исламистских групп волна терроризма, как и на рубеже XX–XXI вв., может «накрыть» не только две эти страны, но и Центральную Азию. Метастазы раковой опухоли терроризма могут дотянуться и до центральных районов России.

Впрочем, преувеличивать такой вариант развития событий на данный момент нет оснований. Вполне вероятное преодоление

кризисной ситуации в экономике Пакистана позволит усилить экономический потенциал как этой страны, так и Афганистана, что сделает возможным трансафганский коридор, ведущий из государств Центральной Азии в пакистанские порты на Аравийском море, прежде всего Гвадар. Этот глубоководный порт, сооруженный в 2000-х и 2010-х годах с помощью Китайской Народной Республики, при дальнейших вложениях в его инфраструктуру способен превратиться в крупный «хаб», многопрофильный центр в «веере» торгово-транспортных потоков, ведущих в сторону Китая, с одной стороны, Центральной Азии и России — с другой. При этом оба направления в принципе не конкурируют, а дополняют друг друга, обещая окупаемость будущих инвестиций в инфраструктуру региона.

В последний может быть вовлечен и Иран, который, несмотря на наличие собственного порта в Персидском заливе, Чабахар, сооружаемого с помощью Индии, способен обеспечить загрузку товарами и минеральными ресурсами не один, а несколько «хабов». Имеет шанс выйти из начальной фазы и проект комбинированного и разветвленного транспортного коридора «Север–Юг», договоренности о котором были достигнуты еще в 2001 г. в Санкт-Петербурге. Борьба за реализацию различных проектов, увеличивающих «связанность» срединного евразийского массива будет, по всей видимости, составлять одну из главных интриг в новой Большой игре между Россией, США, Китаем и Индией.

Д. С. Панарина *

Феномен «фронтира» и его значение для России

Резюме. В статье излагается концепция фронтира, дается краткая история того, как складывалось современное значение этого термина и явления, рассказывается о появлении и применении теории фронтира как мифа, введенной Ф. Дж. Тёрнером. Проводятся параллели и различия между понятиями «граница» и «фронтир». Кроме того, приводятся современные определения фронтира в сравнении с его пониманием в XIX–XX вв., которые были разработаны в ходе применения теории фронтира в российском научном дискурсе в отношении России. Кратко затрагивается вопрос о фронтире в России — в Сибири, на юге страны (исторический аспект) и на Кавказе (наши дни).

Ключевые слова: феномен «фронтира», граница-линия, зональная граница, освоение, колонизация, Ф. Дж. Тёрнер, юг России, Сибирь, Кавказ

The Frontier Phenomenon and What It Means for Russia

Abstract. *The paper outlines the concept of the frontier, gives a brief history of how the modern meaning of this term and phenomenon developed. The work explains the way the theory of "frontier as a myth" emerged and how it was first introduced and applied by F. J. Turner. Parallels and differences are shown between the concepts of "border" and "frontier". In addition, modern definitions of the frontier are given in comparison*

* Панарина Дарья Сергеевна - кандидат культурологических наук, старший научный сотрудник, Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН. ORCID: 0000-0003-3756-4056

with its understanding in the 19th-20th centuries, definitions which were developed in the course of applying the theory of the frontier in Russian scientific discourse in relation to Russia. The frontier in Russia is briefly touched upon — the one in Siberia, in the south of the country (historical aspect) and in the Caucasus (today).

Keywords: *frontier phenomenon, line boundary, zonal boundary, development, colonization, F. J. Turner, south of Russia, Siberia, the Caucasus*

Теория «фронтира» и историография его изучения

Изучение феномена границы было актуально в любую эпоху, поскольку сама проблематика этого феномена затрагивает многие области общественного бытия и общественного сознания. На современном этапе исследование вопросов границы представляется еще более необходимым в условиях глобализации, тенденции к постоянному расширению единого коммуникационного пространства, к стиранию прежде высоко значимых разграничительных линий на карте мира — экономических, исторических, культурных, вплоть до политических. А в свете событий последних лет, на фоне обратных процессов по проведению новых границ, по переделу сфер влияния на территориях, исторически имеющих большую значимость для России, явление фронтира дополнительно актуализируется.

Сильный интерес к феномену границы в самых разнообразных его проявлениях вызывают последствия распада СССР, ибо с выделением из Советского Союза ряда новых независимых государств, ранее бывших частями одного, сильно централизованного, целого, заново актуализируется проблема пограничных пространств. В фокус исследовательского внимания попадают не только специализированные вопросы трансграничных взаимоотношений между различными нациями, но и сама роль границы, равно как и примыкающих к границам территорий как коридоров формального и неформального взаимодействия и взаимовлияния соседних, когда близких, когда ощутимо различающихся экономик, политических систем и культур.

Все вышесказанное побуждает обращаться к истории данного феномена, к вопросу об изменении его значений в различные эпохи, в том числе и к уникальному явлению фронтира, возникшему на американской почве в момент появления в Северной Америке первых колоний-штатов, в полной мере развернувшемуся в процессе динамичной колонизации европейцами североамериканского континента, но в современном понимании осознанному лишь к концу XIX столетия.

Даже в более общих теориях границы, получивших развитие с древнейших времен, прослеживается идея фронтира как противопоставления цивилизованного мира варварству. Уже в древних китайских хрониках[1] и представлениях о границе великого китайского историка Сыма Цяня присутствует мысль о том, что Китай окружен варварской периферией, которую он, как цивилизованный мир должен «окультурить» или как минимум отодвинуть[2]. Более конкретное осмысление понятие «фронтир» получает в Средние века. Период с XIV по XVI в. характеризуется пониманием фронтира как цепи, являющейся преградой нападению, т.е. термин «фронтир» имеет военно-фортификационное значение или рассматривается как предел распространения власти того или иного государства и, по сути, представляет собой границу. В этом понимании граница являлась политической единицей и представляла собой *линию*. Однако линейная, будь то территориальная или социальная, граница в реальности являлась значительно менее непроницаемой, нежели в теории, и, помимо политического значения обладала и обладает еще и символическим. Ибо, как не раз было отмечено[3], уже сам процесс демаркации приводит к закреплению по ту сторону реально существующей или воображаемой линии образа «другого», который отличен, непонятен и, соответственно, воспринимается как потенциальная угроза целостности общности по эту («нашу») сторону границы. В отличие от *разделяющей* линейной границы, фронтир понимается в первую очередь как *соединяющая*

[1] Lien-ShengYang. Historical Notes on the Chinese World Order // The Chinese World Order. John K. Fairbank (ed.). Cambridge, 1968. P. 21.

[2] Сыма Цянь. Исторические записки. М.: Восточная литература. Т. VIII, гл. 110.

[3] См., например: Barth Fr. (Ed.) Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Differences. Boston: Little, Brown & Company, 1969.

переходная зона взаимодействия двух или более культур и/или политических структур[4].

В эпоху Великих географических открытий начинается проведение географических границ на карте мира, в связи с чем постепенно меняется само содержание понятия «граница». Можно предположить, что именно в этот период это понятие приобретает более широкое, территориально-ориентированное, значение, подразумевая не просто отграничительную линию, а область взаимодействия и взаимовлияния народов ее населяющих. И наконец, на протяжении XIX и XX вв. проводится относительно четкое разделение терминов «фронтир» и «граница». Последняя теперь рассматривается исследователями и как место, четко фиксируемое географически, в пространстве, и как процесс, протяженный во времени, обретающий в нем собственную мифологию и символизм. Такое видение стало возможным в результате интеграции новых дисциплин, антропологии и культурологии, с географией и историей. Впрочем, следует отметить, что такая концепция границы не была принята повсеместно, в частности твердыми приверженцами понимания границы исключительно как политической разделительной линии оставались геополитики. Именно в этот период понятие «фронтир» начинает все больше приобретать зональное значение, которое окончательно оформляется в научном мире в течение XIX–XX вв. Тогда же появляется и первая монументальная теория фронтира как мифа и как феномена, формирующего характерные особенности той или иной нации, ее идентичность и политические институты. Введенная в научный дискурс американским ученым Фредериком Дж. Тёрнером, теория фронтира как явления и как мифа на долгие годы становится основополагающей в фронтирных исследованиях.

Концепция Тёрнера о фронтире как о месте встречи дикости и цивилизации и как о явлении, в полной мере сформировавшем американскую демократию, американский национальный характер и мировоззрение американцев, породила целое направление исследований — «тёрнерианство», представленное

[4] Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции Фронтира: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского и др. Казань: Центр исследований Национализма и Империи, 2004. С. 199.

в основном американскими учеными — последователями Тёрнера. Самим Тернером она была впервые изложена в статье «Проблемы американской истории» в сборнике университета Висконсина «Aegis». В дальнейшем она легла в основу более полной работы Тёрнера о «Значении фронтира в американской истории», опубликованной в «Актах исторического общества» штата Висконсин. Широкое публичное освещение концепция Тёрнера получила в 1893 г. на ежегодном заседании Американского исторического общества, где Тёрнер выступил с одноименным докладом[5].

Концепция Тёрнера многогранна и противоречива. Основные ее положения сводятся к тезису об уникальности развития Соединенных Штатов в силу наличия западного фронтира, т.е. неограниченных свободных земель и неограниченных же возможностей для продвижения вперед[6]. В упрощенном виде сущность концепции Тёрнера наиболее ярко выразил один из его последователей и любимых учеников Э. М. Саймонс, писавший: «Пока существовала такая подвижная пограничная полоса, Соединенные Штаты являлись единственной страной в мире, где в течение многих поколений жители могли по собственному усмотрению выбирать, в какой из исторических эпох социального развития им жить»[7].

Теория Тёрнера также ставила насущную проблему дальнейшего развития страны в условиях закрытия фронтира и, следовательно, утраты американцами их уникального ресурса свободы — Запада.

На данном этапе можно говорить о своего рода триединстве тернеровской концепции с двумя другими, ей не идентичными, но очень близкими по самому предмету концептуализации и потому как бы примыкающими к ней с разных сторон. Так, существует самостоятельная концепция *границы как пространства*, выработанная и развитая историками «школы “Анналов”» на основе французского исторического опыта. Один их основателей этой школы Люсьен Февр утверждал, что изучение

[5] Ефимов А. В. Очерки истории США. 1492–1870 гг. М.: Учпедгиз, 1958. URL: http://www.biografia.ru/arhiv/amerika.html(дата обращения: 03.04.2023).

[6] Тёрнер Фр. Дж. Фронтир в американской истории. М.: Весь мир, 2009.

[7] Социальные силы в американской истории. // Цит. по: Ефимов А. В. Указ. соч. С. 91.

границы возможно посредством исследования ее связи с природой государства, которой и определяется политическое и военное значение этого термина[8]. По другую сторону располагается еще одна часть триединства, представленная *символической (или ментальной) географией*, которая подразумевает изучение процесса построения ментальных границ на основе отношения к «чужому»[9]. Делается это каждый раз с конкретной целью, скажем, для того, чтобы проследить и объяснить зафиксированный еще в античности феномен дуального деления мира. Ведь с самых ранних времен в сознании народов возникали разделительные линии, становившиеся границей противопоставления двух миров, «своего» и «чужого», формировавшие модели мировосприятия типа модели «Запад — Восток». На научной основе большинство таких моделей были созданы в Западной Европе и США — и там же были впоследствии подвергнуты серьезной, подчас пристрастной критике[10].

Сама концепция Тернера как центральный элемент этого своеобразного «триптиха» обозначает фронтир «не местом, но состоянием общества»[11], представляет его в качестве динамичной передвижной границы-*линии*, постоянно смещающейся все дальше вглубь осваиваемой территории, и в то же время — в качестве не чисто географического или политического, но и социального явления, *зоны* освоения. Правда, сразу же следует отметить, что применительно к конкретным случаям далеко не всегда можно явно разделить линейную и зональную характеристики границы в одном и том же месте. Как пишет А. Рибер, «линейность и зональность границы четко соотносятся друг с другом, а разделительные линии (границы в обычном понимании этого термина) могут исторически вытекать из характеристик территории, которая определяется как пограничная зона»[12]. Другими

[8] Febvre L. Frontier: The Word and the Concept // A New Kind of History from the Writings of Lucien Febvre. Peter Burke (ed.). London: Routledge and Kegan Paul, 1973. Pp. 208–218.

[9] Рибер А. Указ. соч. С. 201.

[10] Пожалуй, наиболее яркий образец такой критики — известная работа Эдварда Саида (см.: Said Ed. W. Orientalism. London and Henley: Routledge & Kegan Paul, 1978).

[11] См.: Turner F. J. Significance of Sections in American history. NewYork: Holt, 1921. URL: http://xroads.virginia.edu/~Hyper/TURNER/ (дата обращения: 03.04.2023).

[12] Рибер А. Указ. соч. С. 203.

словами, политические и административно-территориальные разделители не всегда совпадают с культурно-этническими и символическими элементами, присущими непосредственно *зональности* границы. Для большей четкости можно разделить понятие границы как:

• линии, обозначающей пределы военного завоевания;

• линии, показывающей географические контуры определенной территории;

• линии, ограничивающей политические пределы суверенного государства;

• линии взаимодействия и символического (в том числе ментального) противопоставления антиподов, как, например, «варварство-цивилизация»;

• зоны с постоянно меняющимися условиями существования и развития общества, охватывающей сразу несколько из перечисленных выше пунктов.

Отдельный интерес представляет изучение фронтира в других странах, особенно в России, где это явление было изначально представлено регионом Сибири и имеет не менее длительную и насыщенную историю, чем история Дикого Запада (в США). В последние десятилетия неоднократно появлялись сравнительные работы[13], рассматривающие под разными углами зрения и по разным аспектам особенности освоения американского и русского фронтиров.

Колонизационные процессы в России рассматривались учеными, начиная с XVIII в., со времени знаменитого высказывания М. В. Ломоносова о том, что «Россия будет прирастать Сибирью». В дальнейшем в схожем ключе смотрел на колонизацию в России В. О. Ключевский[14], который называл Россию «страной колонизующейся». Непосредственно историей освоения Сибири занимались историки Г. Ф. Миллер, автор первой «сводной истории края»[15], историк и этнограф П. И. Небольсин, издавший фун-

[13] Одна из обширных компаративистских работ по данной теме представлена монографией: Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М.: Аспект-Пресс, 2005.

[14] Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция 2 // Ключевский В. О. Соч. в 9 т. М., 1987. Т. 1.

[15] Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1.; Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2.

даментальный труд о покорении Сибири[16], В. К. Андриевич[17], М. К. Любавский, написавший два обширных труда на тему русской колонизации[18], и некоторые другие. Об образе Сибири-ссылки писали отечественные и зарубежные исследователи, такие как русский офицер и путешественник С. И. Турбин[19] и американский журналист, путешественник и писатель Дж. Кеннан[20].

В советское время колонизацию Сибири и различные аспекты ее истории изучали М. К. Азадовский, А. Д. Марголис, Р. Г. Скрынников, Б. О. Долгих, Л. М. Дамешек и др.[21] В постсоветский период сибирская историческая школа значительно пополнила коллекцию своих трудов. Достойны упоминания работы академика В. А. Ламина, Б. Е. Андюсева, М. В. Шиловского, И. Л. Дамешек, А. В. Ремнёва, сборник «Сибирь в составе Российской империи»[22].

Определенный интерес для понимания истории развития Сибири представляют научные сборники геополитической, региональной и этносоциальной направленности. Отдельного внимания заслуживают сборники по сибирской тематике широкого проблемного охвата[23].

В современном «фронтирном дискурсе» исследователи значительно расширили области применения теории о фронтире на российских просторах[24]. Активно говорят и пишут не только

[16] Небольсин П. И. Покорение Сибири: Историческое исследование Павла Небольсина. Репринтное изд-е, 1849 г. СПб.: Альфарет, 2008.

[17] Андриевич В. К. История Сибири. СПб., 1889. Ч. 1.

[18] Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией // Сер. Учебники для вузов. Специальная литература. СПб.: Лань, 2000; Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та., 1996.

[19] Записки С. И. Турбина рассказывают о жизни в Сибири и дают пространное описание как отрицательным, так и положительным чертам края // Турбин С. И. Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки. СПб.: Изд-е К. Н. Плотникова, 1872.

[20] Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.). СПб.: Русско-Балтийский инф. Центр БЛИЦ, 1999. Т. 1–2.

[21] Панарина Д. С. Феномен фронтира в культуре Америки и России (США и Сибирь): автореф. дисс. … канд. культурологии. М., 2012. С. 5.

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] См., например, исследование о восточном и южном российских фронтирах: Каппелер, Андреас. Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII вв. // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 47–64. Также см. историческую работу (с применением методов математических вычислений) о южном фронтире России: Канищев В. В., Лямин С. К. Факторы фрактальной модели вхождения зоны южнорусского фронтира в состав Московского государства: новая версия // Журнал

о сибирском фронтире, но и о донском, закубаньском, поволжском, о дальневосточном фронтирах России[25] — в рамках исторического развития, а в наши дни — о кавказском фронтире, как до сих пор существующем. Значительно расширилась и трактовка теории фронтира как такового, пополнилась классификация его видов.

В данной статье автор опирается на современное понимание фронтира, как подвижной, динамической границы, в соответствии с концепцией Тёрнера, и дает несколько логических определений такой границы в рамках различных аспектов. С *политико-географической точки зрения* это будет постоянно смещающаяся, передвигающаяся вперед полоса (линия) поселений, жители которых осваивают и цивилизуют на первичном уровне дикие земли, другие новооткрываемые природные ресурсы. С *социально-антропологической точки зрения* — это зона смешения и взаимодействия двух или более народностей, одна из которых может быть представлена менее развитым (варварским) аборигенным населением. Наконец, с *социокультурной точки зрения* — это территория, на которой формируется новая общность (и соответственно новое общество). Происходит это на основе адаптации друг к другу представителей всех наличествующих на фронтире наций и народностей (с последующей ассимиляцией части из них) — с их индивидуальными культурами и под влиянием всевозможных внешних факторов: природно-климатических, политических, экономических, религиозно-идеологических.

Вклад российских ученых в исследования теории фронтира

На протяжении десятилетий европейские и американские исследователи разрабатывали концепцию фронтира, оспаривали различные ее характерные черты, выделенные Тёрнером,

фронтирных исследований. 2018. № 4. С. 60–75. О фронтире в России с применением методов социологического исследования. См.: Немировская А. В., Фоа Р. Социокультурные особенности фронтира России // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 80–88.

[25] Sen' D. V. Frontier research in present-day Russia: Shaky boundaries of the academic dialogue // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1. P. 72.

предпринимали попытки типологизации видов фронтира. Так, один из последователей Тёрнера классифицировал фронтир по 20 хозяйственным типам (торговый, шахтерский, траперский и т.д.). В свою очередь, Юрген Остерхаммель (Jürgen Osterhammel) предложил три универсальных типа культурной границы — имперская «варварская» граница, национально-государственная территориальная граница и граница включения фронтира[26].

Российские ученые также пытались выделить его виды, например внешний, внутренний, внутрицивилизационный — в интерпретации, введенной М. В. Шиловским[27], который выразил мнение, что сперва возникает внешний фронтир — именно там происходит знакомство цивилизаций, еще не вошедших в своеобразное «огораживающее поле» колонизации. Внешний фронтир трансформируется во внутренний, в том случае, если осваиваемые территории входят в состав государства, а с автохтонным населением устанавливаются подданнические отношения. Финальной стадией этого процесса становится внутрицивилизационный фронтир, который формируется за счет складывания особой ментальности и появления специфической местной культуры[28]. Это деление, предложенное М. В. Шиловским применительно к сибирскому фронтиру, раскрывается в работах красноярского ученого А. С. Хромых, который отмечает, что необходимо говорить не о видах, а о стадиях фронтира, поскольку они последовательно сменяли друг друга. При таком подходе внешний фронтир — это места и период первой встречи колонизаторов с аборигенами. Внутренний фронтир представляет собой уже сформировавшиеся зоны контакта, где русские поселения органично вписываются в территорию исконного обитания местных народов. При этом, вся эта сложившаяся зона на этой стадии уже является частью административного поля государства. Что касается внутрицивилизационного фронтира, то согласно А. С. Хромых, это тот этап, на котором складывается новое сообщество,

[26] Osterhammel J. Kulturelle Grenzenin der Expansion Europas // Saeculum. Jahrbuchfür Universalgeschichte 46 (1995), 1. Hj., S. 108–114.

[27] Шиловский М. В. Фронтир и переселения (сибирский опыт) // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 101.

[28] Там же. С. 101–118.

либо же имеющаяся старая общность в ходе различных взаимодействий преобразуется в нечто особенное[29].

Группа современных исследователей в лице О. С. Якушенковой, С. Н. Якушенкова и А. П. Романовой на основе сравнительного анализа двух фронтиров — североамериканского и кавказского — предлагают свое также поэтапное деление фронтира. Они выделяют: ранний фронтир, фронтир, постфронтир, рефронтир, т.е. делают акцент на временной составляющей видоизменений фронтира[30]. В случае с данной концепцией в разные этапы доминируют различные векторы отношений и разные модели культурного диалога: торговые, матримониальные, военные, идеологические и т.д. На разных стадиях развития фронтира в этом процессе принимают участие и разные акторы, складываются разные культурные паттерны и модели поведения. Анализ всех этих составляющих позволяет с наибольшей эффективностью делать выводы о текущем развитии региона и прогнозировать изменения в нем в будущем[31].

Интересной с научной точки зрения является и систематизация фронтирных характеристик сибирским философом И. П. Басалаевой. Она выделила центральную неразрешенную проблему «…отсутствия четких критериев фронтира». Исследовательница попыталась осуществить интервенции в поле социологии, теоретической географии, философии, в поле, занимающемся пространственностью как таковой. Таким образом, она обозначила ряд следующих критериев, определяющих фронтир:

- «этнокультурная неоднородность групп и территорий;
- неравная численность фронтирующих групп;
- амбивалентно-конфликтное взаимодействие фронтирующих групп;
- изначальная гендерная диспропорция в доминантной фронтирующей группе;

[29] Хромых А. С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI — первой четверти XVII века в свете теории фронтира: автореф. дис. … канд. ист. наук. Красноярск, 2009. С. 3–4, 20–21.

[30] Якушенкова О. С. Женщина на американском фронтире. Астрахань: Издатель Роман Сорокин, 2012; Якушенков С. Н., Романова А. П. Фронтирная теория: новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на Юге России // Инноватика и экспертиза. 2012. Вып. 2(9). С. 74–80.

[31] Там же. С. 78.

• дальнейшая социокультурная и этническая ассимиляция фронтирных групп;

• маргинальное (“окраинное”, “украинное”) геополитическое расположение фронтирной территории;

• отсутствие четких границ (государственных, внутренних);

• квазиграничность (наличие “естественных пограничных рубежей”, зонирующих пространство фронтира);

• центрирование фронтирной зоны очагами “городской жизни” (локальных эпицентров имперского влияния);

• де-факто колониальный статус территории;

• отсутствие теоретически осмысленной целенаправленной региональной политики;

• номинальный характер государственной власти;

• отличие системы управления от таковой в метрополии, рыхлость административно-управленческой структуры;

• компрадорская по своей сути “местная” элита-нерезидент;

• “административное бесправие” и произвол;

• более высокая, чем в метрополии, степень горизонтальной и вертикальной мобильности, несформированность постоянного (местного) населения»[32].

Н. Ю. Замятина обобщенно охарактеризовала фронтир как «зону неустойчивого развития/равновесия»[33]. Раскрывая эту характеристику, она вычленила два типа неустойчивости: природную экстремальность и военно-политическую нестабильность. При этом, категория природной экстремальности не может быть применима универсально, поскольку она присуща не всем регионам, в отношении которых используется теория фронтира. Кроме того, Замятина обязательно включает в определение «фронтира» социальную составляющую, т.е. говорит о социальном фронтире, которому свойственны черты социальной пограничности[34].

[32] Басалаева И. П. Критерии фронтира: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 47–49.

[33] Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 82.

[34] Замятина Н. Ю. Норильск — город фронтира // Вестник Евразии. 2007. № 1. С. 176; цит. по: Соболева Т. Н., Бобров Д. С. Современная российская историография концепции фронтира // Известия Алтайского гос. ун-та. 2011. № 4–1(72). С. 190.

Л. В. Баева в своей статье, поясняя особенности всех смысловых значений фронтира, выделила следующие основные виды:

• ***«цивилизационный*** — территория подвижной границы между народами "цивилизации" и "дикости" ("варварства") (в терминологии Моргана-Энгельса), т.е. народов, стоящих на различных стадиях развития материальной жизни, связанной со стремлением к заселению новых земель, "окультуриванием" исконного населения или его вытеснением (вплоть до истребления);

• ***межкультурный*** — пограничье между культурами разного типа, связанное с их смещением, взаимопроникновением, взаимовлиянием друг на друга;

• ***конфессиональный*** — область проникновения той или иной религиозной системы на новые для нее территории, что может быть связано со столкновением или взаимопересечением различных конфессий (религиозных представлений) между собой;

• ***этнический (антропологический)*** — связан с областями взаимодействия двух или нескольких этносов (этнических групп) между собой, влекущего за собой изменения их образа жизни, обычаев, традиций и т.д.

• ***языковой (лингвистический)*** — связан с проникновением нового языка в ту или иную сложившуюся лингвистическую систему;

• ***ментальный (теоретический, парадигмальный)*** — граница между различными духовными (иррациональными и рациональными) традициями, стереотипами мышления, научными подходами, восприятием истории, идентичности с той или иной целостностью;

• ***военно-политический*** — характеризуется продвижением зоны влияния или расположения военных сил в тех или иных направлениях;

• ***технологический*** — область перехода из одного технологического уклада в другой, которая темпорально может иметь различную длительность;

• ***информационный*** — область проникновения новой значимой информации (в том числе и фальсификаций, искажений), вызывающей изменение устремлений больших групп людей;

• ***ценностный*** — встреча двух и более систем ценностей с их последующей трансформацией в каком-либо направлении»[35].

Автор приходит к выводу о том, что указанные ею виды фронтиров не проявляются одиночно и на практике они встречаются в совокупности, налагаясь один на другой.

Из всего вышесказанного закономерно вытекает, что современные исследователи в значительной мере расширили концепцию фронтира, выделили его этапы и виды, попытались обозначить основные признаки фронтирной теории, поскольку тех критериев, которые были предложены Тёрнером в конце XIX в., оказывается недостаточно для осмысления теории фронтира в современных условиях. В научном дискурсе о фронтире все больше ощущается отход от идеи о линейности или зональности фронтира, и все больший акцент делается на мысли о дихотомии «свой — чужой/другой», возникающей на территории фронтира[36].

Фронтир в России

Если рассматривать фронтир на территории России, то, бесспорно, условия его складывания и развития будут во многом отличаться от базовых характеристик фронтира в том виде, в котором они были изначально сформулированы в американском научном мире и на основе американской исторической реальности. Можно упомянуть сразу несколько особенностей, отличающих случай с Россией в этом плане: 1) одновременное наличие сразу нескольких фронтиров на окраинных территориях страны в определенные периоды ее истории[37]; 2) близость метрополии к осваиваемым территориям и, соответственно, гораздо больший уровень государственного контроля с сохранением при этом и определенной доли свободы и вольностей в сравнении с основной территорией страны; 3) более высокий

[35] Баева Л. В. Типология и проблемы изучения южнороссийского фронтира // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7: Философия. 2014. № 2 (22). С. 33–34.

[36] Крупенкин Е. Н. Концепция фронтира в современной отечественной литературе: эвристические возможности и пределы применения // Вестник Брянского гос. ун-та. 2018. № 1. С. 90.

[37] Так, к примеру, во второй половине XVI–XVII в. сформировалось по меньшей мере два фронтира — сибирский и южный, однако уже в первой половине XIX в. эти ранее фронтирные зоны уже стали частью основной территории государства. При этом появился новый фронтир — кавказский.

уровень инкорпорирования местного автохтонного населения, проживавшего на колонизируемых территориях до прихода русских, меньшая степень агрессии по отношению к «малым народам» и т.д.

Поскольку о сибирском фронтире, который на данном этапе с нашей точки зрения, все же прекратил свое существование, уже написано достаточно много полноценных научных трудов, мы не будем затрагивать его в данной статье. Но скажем несколько слов о южном фронтире России, так как эта область интересует нас в качестве объекта для сравнения с нынешним кавказским фронтиром, о котором речь пойдет ниже.

Южному фронтиру России второй половины XVI — первой половины XVIII в. присущи многие интересные особенности, однако мы остановимся только на некоторых из них. Итак:

• массовое переселение людей на осваиваемые территории юга проходило не стихийно, а в рамках политики государства, которая в то же время дополнялась и более независимой колонизацией разных слоев населения, будь то помещики, крестьяне или люди церкви. Важно сказать, что присутствие государства в новых областях ощущалось в первую очередь в лице воевод и сторожевых/станичных служилых людей, которые принимали непосредственное участие в заселении, освоении, охране и защите новых территорий от набегов кочевников (в том числе за счет создания системы укреплений). Они же (служилые люди — преимущественно низших чинов) составляли основной костяк фронтирного населения;

• территория освоения в связи с постоянной угрозой нападения крымских и ногайских татар, калмыков и черкас, а также в силу того, что также являлась местом ссылки и отбывания наказаний для неугодных элементов с основной территории государства, была достаточно неспокойным, криминализированным местом, если сравнивать ее с территорией монополии (что было характерно и для сибирского фронтира);

• осваиваемая территория российского юга была, если можно так выразиться, не занята, поскольку в этих областях не было постоянного местного населения, кроме кочевников-татар, которые не пытались в полной мере освоить пустующие земли и использовали их лишь временами как место летних кочевий

(т.е. рассматривали данные территории все же как свои). Кроме того, через южные области пролегали пути нападений на Российское государство крымских и ногайских татар и черкас, что также являлось элементом нестабильности на этом фронтире;

• при этом то немногочисленное местное население из числа угро-финнов, которые проживали на южном фронтире России, успело воспринять русский уклад жизни, было более оседлым, земледельческим и так же, как и переселенцы из метрополии, было заинтересовано в защите пограничных земель от набегов кочевников. Следовательно, между представителями этого автохтонного населения и пришлыми русскими не возникало острых конфликтов, которые могли бы привести к истреблению угро-финнов;

• отсутствие на южном фронтире крупнопоместного дворянства, малое число вотчинников, некрупные вотчинные наделы из числа имеющихся, нехватка крестьянского населения — все это означало минимальный уровень закрепощения простого населения и, напротив, максимально возможный уровень свободы;

• и наконец, отсюда вытекает еще одно свойство — социальная мобильность, которая была невозможна, либо же крайне ограниченна на основной территории государства.

На протяжении истории южного фронтира значимость указанных признаков была неодинаковой: в какие-то периоды наиболее значимыми были одни признаки, в какие-то периоды — другие[38].

Можно ли говорить о закрытии южного фронтира России? С точки зрения существования фронтира как феномена, возникающего в ходе освоения новых территорий, в ходе колонизации, — безусловно, можно. Но, как уже упоминалось в статье, фронтир это не только смещающаяся граница освоения, но это еще и набор социальных черт и форма культурного диалога, складывающегося между всеми народностями, присутствующими и постоянно проживающими либо регулярно оказывающими влияние извне на территорию фронтира. И в этом смысле

[38] Мизис Ю. А., Скобелкин О. В., Папков А. И. Теория фронтира и юг России в XVI — первой половине XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: гуманитарные науки. 2015. № 10(150). С. 11–12. Также о южном фронтире в России см.: Скобелкин О. В. Южный фронтир России на рубеже 60–70-х гг. XVI в. // Вестник Тамбовского гос. ун-та. 2013. Вып. 10(126). С. 43–48.

нет единого мнения касательно того, считать ли юг России до сих пор фронтиром или нет. Так, если рассматривать фронтир с опорой на классификацию, предложенную О. С. Якушенковой, то, скажем, Нижневолжский фронтир (также относящийся к югу России) проходит далеко не все стадии (ранний фронтир, фронтир, постфронтир), которые были характерны для американского фронтира, продвигавшегося линейно и стадиально с Востока на Запад. Другой особенностью именно Нижневолжского фронтира стала повторяемость второй стадии его развития за счет многократного появления в регионе новых участников фронтирного культурного диалога. С появлением на Нижней Волге новых массовых поселенцев (мигрантов) менялась и экономическая, этническая, политическая, культурная картина в складывающемся здесь обществе[39].

Дальнейшие геополитические изменения уже в конце прошлого столетия, выразившиеся в новых миграционных волнах на Нижней Волге, продолжают в значительной степени изменять, деформировать уже устоявшийся характер культурного диалога в этом регионе. Новые модели отношений внутри местного сообщества становятся возможны в связи со снижением численности русского населения и его влияния в экономике и/или культуре региона. Таким образом, здесь, по мнению исследователей, мы можем наблюдать стадию не постфронтира, но рефронтира, стадию, в ходе которой «происходит отказ от сложившегося паритета культурных и экономических отношений между акторами, переход к конфронтации»[40].

Обратимся также к вопросу о фронтире в Северо-Кавказском регионе России. Здесь фронтирные процессы проходят по различным сценариям. Так, в случае с Дагестаном идет нарастание конфронтации внутри культурного диалога. С другой стороны, в Чеченской Республике отмечается совсем иная картина: потребность в налаживании баланса, мирной жизни, а также переосмысление положения русской диаспоры в регионе, ее значимости для Северного Кавказа, его экономического и социального развития порождают позитивную переоценку русско-чеченских отношений. Идут два параллельных процесса — переработка

[39] Якушенков С. Н., Романова А. П. Указ. соч. С. 78.
[40] Там же. С. 79.

старого опыта сосуществования абсолютно разных по своей сути народностей и поиск новых форм и способов культурного диалога между ними. Следовательно, на Северном Кавказе мы можем говорить не просто о постфронтире или рефронтире, но о новом виде фронтира — пострефронтире, ранее не фигурировавшем в теоретических построениях исследователей[41]. Однако нельзя назвать эту стадию завершающей, поскольку фронтир на Кавказе — явление практически постоянное, и его развитие может закономерно меняться с течением времени в сторону той или иной стадии.

Нельзя забывать и о важности не только внутреннего положения в стране для подобных процессов, но и о внешних, в первую очередь внешнеполитических, факторах. Если вышеизложенные тезисы описывают ситуацию 10-летней давности, то начиная с 2014 г. и разворачивания конфликта между Россией и Западным миром в связи с событиями вокруг Украины и Крыма, мы наблюдаем новые изменения на Северо-Кавказском фронтире, на юге России, а также, возможно, можем говорить о формировании фронтира в Крыму и, в свете текущей уже в наше время СВО, на территории вошедших в состав России четырех административных единиц (Донецкой и Луганской Народных Республик и Запорожской и Херсонской областей).

И в этих условиях речь, безусловно, идет уже о военно-политическом фронтире[42], но также и о рефронтире (и в политическом, и в социально-этническом плане), так как присоединение территории Крыма к России, если рассматривать это событие с исторической точки зрения, является, по сути, возвращением этих территорий в состав нашего государства. То же самое можно сказать и о присоединении ЛДНР и еще двух областей, поскольку эти земли после русско-турецких войн второй половины XVIII в. и вплоть до начала XX в. входили в состав Российской империи, и впоследствии, уже при Советском Союзе, вся Украина была частью нашей страны.

Интересен тот факт, что ситуация на Украине в 2014 г, равно как и в текущий момент, повлияла и на обстановку, и на процессы

[41] Там же. С. 78–79.

[42] Примерами военно-политического фронтира считаются такие явления, как расширение НАТО на Восток, области противостояния между США и СССР в период холодной войны и т.д.

на Северо-Кавказском фронтире России. Изменилось положение РФ не только на международной арене, существенные изменения произошли и в экономической сфере — падение цен на энергоносители (нефть), дальнейшее ослабление национальной валюты, санкционная политика Запада в отношении России привели к росту цен на все товары и услуги на внутреннем рынке, снижению уровня жизни населения, отразились на миграционной обстановке на юге страны. Все эти внешнеполитические, а за ними внутриэкономические факторы вкупе с изменениями в миграционном законодательстве государства «способствуют оттоку внешних мигрантов на юге России, но при этом не сокращают число внутренних — из республик российского Кавказа»[43]. Отвечая на вопрос, почему мигранты с Кавказа выбирают своим новым местом поселения именно Южный федеральный округ, следует упомянуть несколько причин: это и развитость таких отраслей экономики, как сельское хозяйство или торговля, и исторически сложившиеся родственные связи между двумя регионами, и высокий уровень толерантности местного общества на пересечении культурных традиций буддизма, ислама и христианства, и, наконец, приятные климатические условия. Кавказ оказывается, по выражению А. П. Романовой, «вечным фронтиром», будучи в прошлом завоеванным Россией и активно наступающим на ее территории в современную эпоху[44].

Какие особенности позволяют нам говорить именно о фронтире в данном случае, а не просто о миграционных процессах? Во-первых, это протекание интеграции, адаптации мигрантов к местному сообществу и, в свою очередь, потенциал принимающего общества по включению в себя, принятию вновь прибывших. Во-вторых, это тот факт, что за счет постоянного притока мигрантов с Кавказа в южные регионы России здесь сохраняется положительный прирост населения, образуется уже второе поколение мигрантов (т.е. детей прежних мигрантов), которое в перспективе сыграет свою роль в развитии региона как потенциальное работоспособное население. Меняется и социальная

[43] Баева Л. В. Социальные, политические, культурные аспекты развития южно-российского фронтира в условиях новых вызовов // Социальная политика и социология. 2015. Т. 14. № 3. Ч. 1. С. 9.

[44] Романова А. П., Топчиев М. С. Кавказ как вечный фронтир // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 3. С. 284–291.

обстановка, появляется социальная инфраструктура, создаваемая под мигрантские слои населения в лице кавказских и других народностей. Так, за последние годы в г. Астрахани была открыта школа им. Г. Алиева, поставлен его памятник, назван проспект и открыт парк в его честь. Кроме того, появились и другие национально-знаковые объекты, связанные с культурой различных проживающих здесь диаспор: памятник казахскому народному музыканту, композитору Курмангазы Сагырбаеву, памятник туркменскому поэту Махтумкули Фраги, памятник татарскому поэту Габдулле Тукаю, памятник Равноапостольному князю Владимиру и др. Становятся более заметны отдельные национальные элементы, присущие культуре ислама. Так, например, речь идет о создании в школах отдельных классов для детей, плохо говорящих по-русски, о появлении специализированных отделов в супермаркетах, продающих товары для мусульман, о новом регулировании правил о ношении хиджаба, о растущем числе смешанных браков, в которых один из супругов является приверженцем ислама, а второй — ортодоксальной веры. Все эти явления — довольно новы для региона. Их вписывание в местное общество, формирование многообразия культур, мультикультурализма и в то же время тенденции к образованию замкнутых сообществ, анклавов, стремящихся не к интеграции в общество, но к сохранению собственной культурной парадигмы, противопоставлению себя титульному населению, — все это можно считать частью культурного диалога на фронтире[45]. Безусловно, это уже давно не переселенческий фронтир, но фронтир — как явление социальное, этно-конфессиональное, поликультурное и, главное, изменчивое. И таковым оно, возможно, будет оставаться еще долгое время.

[45] Баева Л. В. Социальные, политические, культурные аспекты… С. 8–11.

В. И. Сажин *

Ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. Причины и итоги

Резюме. В статье рассматриваются проблемы, связанные с вводом в декабре 1979 г. советских войск в Афганистан. Эта ограниченная, как полагали тогда руководители СССР, операция превратилась в самую долгую войну в истории советского государства.

В статье делается попытка понять основные причины, побудившие советских лидеров принять это роковое для страны решение. Представляется, что в данном афганском казусе сошлись и переплелись в запутанный клубок многие факторы, в том числе военно-политические в самом Афганистане и, главное, ошибки советских лидеров, не знающих и не понимающих специфику Востока и поэтому не способных сделать правильные выводы из оценок обстановки в Афганистане, на Ближнем и Среднем Востоке и в мире.

Воспользовавшись ситуацией, США сделали всё, чтобы втянуть СССР в войну в Афганистане, что им и удалось. Москва оказалась в положении, в котором находился Вашингтон во время войны во Вьетнаме (1965–1973 гг.).

Примечательно, что высшее военное руководство СССР, включая военную разведку ГРУ ГШ, многие политики, учёные востоковеды, политологи были против ввода войск. Но решение было принято узким кругом членов Политбюро, и началась почти десятилетняя афганская война, которая была безнадёжной с самого её начала.

* Сажин Владимир Игоревич - старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН, кандидат исторических наук. ORCID: 0000-0003-1429-476X

Цели войны достигнуты не были. В афганской войне Советский Союз понес большие людские, материально-финансовые, политические и моральные потери.

Новое советское руководство во главе с М. С. Горбачевым провело сложную военно-дипломатическую работу, в результате которой советские войска покинули Афганистан в феврале 1989 г.

В статье, в частности, делается вывод, что война в Афганистане привела к кардинальному изменению в мире. Более того, стала одной из причин развала Советского Союза.

Ключевые слова: СССР, Афганистан, ввод войск, Политбюро

Introduction of Soviet troops into Afghanistan in 1979. Reasons and results

Abstract. *The article deals with the problems associated with the entry of Soviet troops into Afghanistan in December 1979. This limited operation, as the leaders of the USSR believed at the time, turned into the longest war in the history of the Soviet state.*

The article attempts to understand the main reasons that prompted the Soviet leaders to make this fateful decision for the country. It seems that in this Afghan incident, many factors have converged and intertwined into a tangled tangle, including the military-political ones in Afghanistan itself and, most importantly, the mistakes of the Soviet leaders, who do not know and do not understand the specifics of the Orient and therefore are not able to draw the right conclusions from their assessments of the situation in Afghanistan, the Middle East and the world.

The United States, taking advantage of the situation, did everything to drag the USSR into the war in Afghanistan, which they succeeded in doing. Moscow found itself in the position in which Washington was during the Vietnam War (1965–1973).

It is noteworthy that the top military leadership of the USSR, including the military intelligence of the GRU of the General Staff, many politicians, orientalists, political scientists were against the introduction of troops. But the decision was made

by a narrow circle of members of the Politburo, and an almost a decade-long Afghan war began, which was hopeless from its very beginning.

The goals of the war were not achieved. In the Afghan war, the Soviet Union suffered great human, material, financial, political and moral losses.

The new Soviet leadership, headed by Mikhail Gorbachev, carried out complex military and diplomatic work, as a result of which the Soviet troops left Afghanistan in February 1989.

In particular, the article concludes that the war in Afghanistan has led to a fundamental change in the world. Moreover, it became one of the reasons for the collapse of the Soviet Union.

Keywords: *USSR, Afghanistan, the entry of troops, Politburo*

Введение

Война в Афганистане (1979–1989 гг.) стала самой многолетней войной в истории СССР и самой его последней военно-политической акцией.

С начала афганской войны прошло уже более 40 лет, а со дня её завершения — более 30. За это время изданы тысячи томов книг, исследований и статей на эту тему и в России, и за рубежом. Практически каждый аспект этого исторического явления был изучен с разных сторон, под разными углами зрения, написаны сотни диссертаций.

За прошедшие десятилетия неоднократно менялись взгляды на это историческое событие. Как известно, 24 декабря 1989 г. Съезд народных депутатов СССР принял Постановление «О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г.», в котором сказано: «Съезд народных депутатов СССР поддерживает политическую оценку, данную Комитетом Верховного Совета СССР по международным делам решению о вводе советских войск в Афганистан в 1979 году, и считает, что это решение заслуживает морального и политического осуждения»[1].

[1] Постановление от 24 декабря 1989 г. № 982–1 «О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 года» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_16098.htm (дата обращения: 10.12.2022).

Тем не менее временами в России звучат и другие оценки, высказываются иные предложения. Так, в частности, еще в 2018 г. Российский союз ветеранов Афганистана (РСВА) выступил с инициативой обратиться к руководству страны с просьбой отменить Постановление Съезда народных депутатов СССР[2]. Депутатами Госдумы был подготовлен документ об отмене решения Съезда. Инициатива парламентариев была отклонена. Можно предположить, что руководство РФ сочло, что подобное изменение официальной позиции получит негативную оценку у партнёров России на Востоке, в первую очередь, в Афганистане, Иране, Пакистане, в арабских странах, да и в Китае, который в своё время поддерживал противостоящие просоветскому Кабулу группировки моджахедов. Однако до сих пор мнения и участников войны в Афганистане, и наблюдателей расходятся в оценках этих событий.

Представляемая статья не предполагает открытие чего-то нового в истории этого конфликта. Автор, как участник событий, предлагает очень краткое изложение материала, основывая на собственных взглядах на тему, не претендуя на истину в последней инстанции.

25 декабря 1979 г. советские войска перешли границу Афганистана. Началась афганская война, которая длилась 9 лет, 1 месяц и 19 дней, всего 3338 дней. Через эту войну прошли более 620 тыс. советских военнослужащих. Из них 525,2 тыс. (в том числе 62,9 тыс. офицеров) служили в составе 40-й армии, 90 тыс. — в пограничных и других подразделениях КГБ СССР, 5 тыс. представляли Министерство внутренних дел (МВД) СССР. Кроме того, на должностях гражданского персонала в войсках находились около 21 тыс. человек — врачи, переводчики и др[3]. (по другим данным, более 1 млн. советских людей воевали, служили в тылах и работали в Афганистане[4]). Они представляли практически все народы и народности, проживавшие в республиках СССР.

[2] Шило Н. И. Афганистан 30 лет спустя. Последствия ввода советских войск в ДРА для страны и региона.// Вестник МГИМО. 2010. № 2 (11). С. 153–161.

[3] ТАСС 14.02.2019. История участия СССР в афганском конфликте. URL: https://tass.ru/info/6116588 (дата обращения: 20.12.2022).

[4] Гайнетдинов Р. Цена афганской войны // Милли Фирка. 17.02.2009. URL: http://milli-firka.org/цена-афганской-войны/ (дата обращения: 02.12.2022).

Причины войны в Афганистане

В чем причины этой самой продолжительной в истории СССР войны?

Их надо искать еще задолго до начала ввода советских войск, а именно — в 1973 г. Тогда в Афганистане был свергнут король Захир-шах. Власть перешла к его родственнику Мухаммеду Дауду, объявившему Королевство Афганистан республикой. Однако режим Дауда просуществовал недолго. В 1978 г. произошёл очередной государственный переворот — Саурская (Апрельская) революция. Новой властью стала Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА), провозгласившая Демократическую Республику Афганистан (ДРА)[5].

Судя по заявлениям партийного руководства, Афганистан начал строить социализм. Так, в одной из своих речей в октябре 1979 г. тогдашний лидер ДРА Хафизулла Амин назвал Апрельскую революцию «пролетарской», «социалистической революцией», а НДПА — партией рабочего класса (которого, по сути, не было в этой феодальной стране), ДРА — «пролетарским государством, где в полной мере осуществляется диктатура пролетариата»[6]. В Москве это встретили с повышенным вниманием. В советском руководстве оказалось немало сторонников «прыжка» Афганистана из феодализма в социализм. Правда, в Кремле не учли, что в этом государстве без пролетариата осуществляется не пролетарская, но не менее кровавая диктатура средневековых восточных деспотов, надевших маску р-р-р-революционеров, марксистов-социалистов и размахивающих популистскими лозунгами.

И это в стране, где господствовали феодальные отношения, противостояние различных этносов, кланов, родов и племен, нищета, безграмотность и фанатическая религиозность, где было 40 тыс. мечетей и около 300 тыс. мулл[7]. Фактически именно они

[5] Подробнее см.: Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. М.: ИВ РАН, 2004. С. 374–446.
Цит. по: Коргун В.Г. Указ. соч. С. 414.

[6] Цит. по: Коргун В. Г. Указ. соч. С. 414.

[7] Овсеенко М. Я. Записки военного контрразведчика / М. Я. Овсеенко — «Информационно-издательский центр Правительства Санкт-Петербурга», 2015. С. 208. (Писатели на войне, писатели о войне); Ямшанов Б. Полная правда о вводе советских войск в Афганистан еще не раскрыта. // ИА Фергана. URL: 27.12.2002. https://www.fergananews.com/articles/1244 (дата обращения: 25.12.2022).

правили страной, проповедуя ислам в его самых консервативных формах.

Пожалуй, это была первая ошибка зашоренных примитивным пониманием марксизма и живущих устаревшими представлениями советских лидеров. Ведь только лишь по большому недоразумению утвердившийся в Кабуле режим можно было квалифицировать как социалистический.

В НДПА обострилась давно шедшая борьба между фракциями «Хальк» («Народ» — руководители Нур Мохаммад Тараки и Хафизулла Амин) и «Парчам» («Знамя» — Бабрак Кармаль). В стране, по существу, провалилась аграрная реформа, силой навязанная псевдо-социалистами без учёта местных условий. ДРА лихорадили перманентные повсеместные репрессии, грубо попирались нормы ислама, при полном непонимании племенами социалистических идей терпели крах попытки устроить общественную жизнь по образу и подобию СССР. Оппозиция укрепляла свои ряды. Недовольство нарастало.

Восстали пуштунские племена. Усилился поток беженцев в сопредельные страны, в первую очередь в Иран и Пакистан. Каждая из этих стран приняла в первые месяцы существования ДРА около 3 млн. афганских беженцев. С тех пор процесс бегства афганцев из своей страны стал нескончаемым. Так, в 1987 г. (на завершающем этапе присутствия СССР) в этих двух странах проживало около 5751 тыс. мигрантов из Афганистана, из них 3541 тыс. — в Пакистане, 2200 тыс. — в Иране[8].

Весной 1979 г. началось вторжение вооруженных противостоящих Кабулу группировок из Пакистана, заполыхала гражданская война, кульминацией которой стал антиправительственный мятеж 15 марта 1979 г. в Герате — третьем по величине городе Афганистана. Гератские события привели к гибели от 3000 до 5000 афганцев и, по меньшей мере, 20 советских советников и их семей[9]. В апреле и мае подразделения афганской армии взбунтовались в городе Джелалабад на востоке страны;

[8] Лалетин Ю. П. Советское присутствие в Афганистане: воздействие на этносоциальную структуру афганского общества // МГИМО. URL: https://mgimo.ru/afghan/133684.html (дата обращения: 20.01.2023).

[9] Amstutz J. B. Afghanistan: The first five years of Sov. occupation / J. Bruce Amstutz. — Washington: Nat. defense univ., 1986. P. 41.

в июне и августе некоторые армейские подразделения подняли мятеж в Кабуле.

Положение Тараки ухудшалось с каждым днём. Перед ним стал вопрос об удержании власти, и он обратился с просьбой к СССР ввести войска, чтобы предотвратить худший сценарий событий. Позднее такие просьбы повторялись неоднократно и исходили не только от Тараки, но и от других афганских руководителей.

Накануне встречи с Тараки Политбюро ЦК КПСС в течение трёх дней — с 17 по 19 марта 1979 г. — обсуждало просьбу властей Афганистана ввести в страну советские войска. Тогда Политбюро решило: оказать ДРА военно-техническую, материальную помощь, но войска не вводить. «Мы не можем пойти на такой риск», — сказал председатель Совета министров СССР Алексей Николаевич Косыгин. Его поддержали Андропов и Громыко. С Косыгиным согласился и Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Примечательно, как аргументировал свою позицию по этому вопросу А. Н. Косыгин. На встрече с Н. М. Тараки 20 марта в Москве он сказал: «Мы будем вам оказывать помощь всеми возможными средствами — поставлять вооружение, боеприпасы, направлять людей, которые могут быть вам полезными в обеспечении руководства военными и хозяйственными делами страны, специалистов для обучения вашего военного персонала обращению с самыми современными видами оружия и боевой техники, которые мы вам направляем. Ввод же наших войск на территорию Афганистана сразу же возбудит международную общественность, повлечет за собой резко отрицательные многоплановые последствия. Это по существу будет конфликт не только с империалистическими странами, но и конфликт с собственным народом. Наши общие враги только и ждут того момента, чтобы на территории Афганистана появились советские войска. Это им даст предлог для ввода на афганскую территорию враждебных вам вооруженных формирований. Хочу еще раз подчеркнуть, что вопрос о вводе войск рассматривался нами со всех сторон, мы тщательно изучали все аспекты этой акции и пришли к выводу о том, что если ввести войска, то обстановка в вашей стране не только не улучшится, а наоборот, осложнится. Нельзя

не видеть, что нашим войскам пришлось бы бороться не только с внешним агрессором, но и с какой-то частью вашего народа. А народ таких вещей не прощает. Кроме того, как только наши войска пересекут границу, Китай и все другие агрессоры получат реабилитацию.

Мы пришли к выводу, что на данном этапе наилучшими, с точки зрения оказания вам наиболее эффективной поддержки, будут методы нашего политического воздействия на соседние страны, и предоставления большой и разносторонней помощи. Таким путем мы достигнем гораздо большего, чем вводом наших войск. Мы глубоко убеждены, что политическими средствами, которые предпринимаются и с нашей, и с вашей стороны, мы можем одолеть врага»[10].

Советский премьер представил абсолютно объективный анализ и даже прогноз возможного развития событий в случае ввода войск. Тогда, весной, к мнению А. Н. Косыгина прислушались, но уже зимой 1979 г. совершилось то, о чём с тревогой предупреждал предсовмина. Но до этого произошли кровавые события в ДРА, а американцы пришли к выводу о реальной возможности использовать ситуацию в Афганистане для взятия реванша у СССР после разгрома во Вьетнаме.

15 сентября 1979 г. в результате «мини-переворота» Амин захватил всю власть в партии и ДРА и начал репрессии против политических противников и просто несогласных с его курсом, став, по сути, кровавым диктатором. Десятки тысяч афганцев были убиты или бесследно исчезли. Амин опубликовал частичный список казненных: в нем было названо 12 тыс. имен[11].

8 октября по его приказу был убит бывший его соратник, лидер страны Нур Мохаммад Тараки. Началось массовое уничтожение единомышленников Тараки, достигнув более 50 тыс. человек[12]. При этом отряды исламского сопротивления — моджахеды — контролировали уже в разных провинциях от 100 до 80% территории. Власть НДПА распространялась лишь на Кабул

[10] Андриянов В. И. Косыгин. М., 2003. С. 16. // Электронная версия. Booksonline. URL: https://booksonline.com.ua/view.php?book=113609&page=84 (дата обращения: 20.12.2022).

[11] Дашин В. История советско-афганской войны // Pikabu. 11.02.2019. URL: https://pikabu.ru/story/istoriya_sovetskoafganskoy_voynyi_chast_2_6497029?utm_source=linkshare&utm_medium=sharing (дата обращения: 10.01.2023).

[12] Там же.

и две провинции — Кундуз и Баглан[13]. Ее вооруженные формирования составили 40 тысяч человек[14].

Захват власти Х. Амином и особенно зверское убийство Н. М. Тараки стало шоком для советских руководителей. Тем более что Амин, по некоторым неподтверждённым, но похожим на американскую дезинформацию данным, еще в 60-е годы был связан с западными спецслужбами, с ЦРУ и при этом, вел секретные переговоры с Пакистаном и Китаем.

Резко отреагировал на это событие Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Больше всего его возмущал тот факт, что незадолго до переворота — 10 сентября — он принимал в Москве Н. М. Тараки, обещал ему помощь и поддержку, заверял, что Советский Союз полностью ему доверяет. Т.е. Амин обманул его. «Какой же подонок — Амин, — негодовал Л. И. Брежнев, — задушить человека, с которым вместе участвовал в революции. Кто же стоит во главе Афганской революции? И что скажут в других странах? Разве можно верить слову Брежнева, если его заверения в поддержке и защите остаются словами?»[15].

Безусловно, первопричины войны в Афганистане — внутренние. Эта страна, раздираемая целым комплексом противоречий (политических, этнических, клановых, конфессиональных и так далее, и так далее), при любом решении советскими лидерами проблемы войны и мира была обречена на войну. Вопрос стоял только так: или чисто гражданская война между группировками в Афганистане (в различных вариантах — с предоставлением советской помощи Кабулу, но без ввода войск, или без всякой помощи от Москвы), или интервенция СССР, которая при любых условиях делала Советский Союз участником боевых действий в рамках всё той же гражданской войны.

[13] Дауди И. Афганистан — взгляд в прошлое: ввод войск // Казанский репортёр. 25.12.2019. URL: https://kazanreporter.ru/post/3331_afganistan_-_vzglyad_v_proshloe-_vvod_voysk (дата обращения: 10.12.2022).

[14] Боярский В. И. Партизанство вчера, сегодня, завтра: историко-документальный очерк. М., 2003. // Электронная версия. ВикиЧтение. Глава 8. Моджахеды Афганистана в 1980–1989 годах: тактика действий. URL: https://history.wikireading.ru/254991 (дата обращения: 10.02.2022).

[15] Баранов А. В. и др. Сражения, изменившие ход истории: 1945–2004. Саратов, 2005. Афганская война (А. А. Герман). Часть VIII. Введение советских войск. Установление диктатуры Амина. URL: https://licey.net/free/2-srazheniya__izmenivshie_hod_istorii/12-srazheniya__izmenivshie_hod_istorii__1945_2004/stages/1276-ustanovlenie_diktatury_h_amina.html (дата обращения: 02.02.2023).

Роль США в развязывании Советским Союзом войны в Афганистане

Надо отметить, что в конце 1970-х годов обстановка в мире и на Ближнем и Среднем Востоке складывалась не в пользу Советского Союза, позиции которого ослабевали. Возможная потеря так называемого «социалистического» Афганистана воспринималась в Москве крайне болезненно.

В то же время США прилагали все усилия для втягивания СССР в войну в Афганистане. Так, советник президента Дж. Картера по национальной безопасности Збигнев Бжезинский позже отмечал, что президент Картер еще до ввода советских войск подписал 3 июля 1979 года секретную директиву об оказании тайной помощи противникам просоветского режима в Кабуле. Это, по мнению, Бжезинского, должно повлечь военное вмешательство Советов.

США, по словам Бжезинского, не принуждали русских вмешиваться, но сознательно увеличили вероятность того, чтобы они это сделали. «Та секретная операция была блестящей идеей. Она дала возможность заманить русских в афганский капкан. Когда Советы официально пересекли границу, я написал президенту Картеру: “Теперь у нас появилась возможность обеспечить СССР его собственную Вьетнамскую войну… Фактически, Москва должна была вести на протяжении почти десяти лет невыносимую для неё войну, конфликт, повлёкший деморализацию и, в конце концов, распад Советской империи”, говорил Бжезинский[16].

США активно использовали дезинформацию для убеждения Москвы в намерениях Вашингтона вторгнуться в Кабул и создать в Афганистане ракетные базы, что в то время было достаточно правдоподобно. Это подтвердил и бывший командующий 40-й армией ВС СССР в Афганистане генерал-полковник Борис Громов: «Я уверен просто, что американцы, конечно, в этом смысле нас переиграли. Они привлекли афганцев к решению вот этого вопроса. Они через афганцев передавали дезинформацию для высшего руководства Советского Союза о том, что да, мы, то есть американцы, готовы войти в Афганистан и находиться там. И таким образом наши были

[16] Jauvert V. Les Révélations d’un Ancient Conseiller de Carter. // Le Nouvel Observateur.15–21.01.1998. Brzezinski: «Oui, la CIA est entrée en Afghanistan avant les Russes …». Par Zbigniew Brzeziński, Vincent Jauvert. Archives. 15 Janvier 1998. URL: https://www.voltairenet.org/article165889.html (дата обращения: 10.12.2022).

вынуждены принять вот такое решение о вводе войск», — сказал он в интервью на телеканале «Россия-1»[17].

Роковое решение Политбюро

В начале декабря 1979 г. председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов написал Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу письмо, в котором излагал ситуацию в Афганистане как критическую и предлагал меры по обеспечению защиты интересов СССР в этом регионе. Очевидно, это письмо дало новый толчок обсуждению и проработке вопроса о необходимости ввода советских войск в Афганистан[18].

8 декабря 1979 г. состоялось заседание так называемого «малого Политбюро» в составе: председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов, глава МИД А. А. Громыко, главный идеолог М. А. Суслов и министр обороны маршал Д. Ф. Устинов. После долгих колебаний решили ввести в ДРА небольшой контингент — 75–80 тыс. человек. Ненадолго[19].

9 декабря председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин информирует начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР маршала Н. В. Огаркова о том, что решение о вводе советских войск в Афганистан практически уже принято, и просит маршала убедить министра обороны Д. Ф. Устинова в ошибочности этого решения. После сложного разговора Н. В. Огаркова с Д. Ф. Устиновым начальник Генштаба сообщил А. Н. Косыгину, а затем и первому заместителю министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко, что не смог переубедить министра обороны[20].

---

[17] Afghanistan.ru. 14.02.2022. Борис Громов назвал ошибкой ввод советских войск в Афганистан. — URL: https://afghanistan.ru/doc/148168.html (дата обращения: 20.12.2022)

[18] Баранов А. В. и др. Афганская война (А. А. Герман). Часть VIII. Введение советских войск. 40. Решение о вводе советских войск в Афганистан. URL: https://licey.net/free/2-srazheniya__izmenivshie_hod_istorii/12-srazheniya__izmenivshie_hod_istorii__1945_2004/stages/1277–40_reshenie_o_vvode_sovetskih_voisk_v_afganistan.html (дата обращения: 02.02.2023).

[19] Ляховский А. Трагедия и доблесть Афгана. М.: Искона, 1995. // Электронная версия. BooksCafe.net, С. 53. URL: https://bookscafe.net/read/lyahovskiy_aleksandr-tragediya_i_doblest_afgana-180331.html#p53 (дата обращения: 20.12.2022).

[20] Ильяс Дауди. Иначе было нельзя // Армейский сборник. Журнал Министерства обороны Российской Федерации. 01.02.2018. URL: https://army.ric.mil.ru/Stati/item/115296/ (дата обращения: 10.12.2022).

В тот же день Н. Огаркова срочно вызвали к Генсеку. На заседании «малого Политбюро», где присутствовали Л. Брежнев, М. Суслов, Ю. Андропов, А. Громыко, Д. Устинов, А. Кириленко, К. Черненко, маршал Н. Огарков повторил свои доводы против ввода войск в Афганистан и призвал к стабилизации обстановки в ДРА политическим путем. Но его позиция не нашла поддержки, более того, она раздражала Политбюро. Министр обороны Устинов резко осадил начальника Генштаба: «Вы что, будете учить Политбюро? Вам надлежит только выполнять приказания». Глава КГБ Андропов добавил: «Вас пригласили не для того, чтобы заслушивать ваше мнение, а чтобы вы записывали указания Политбюро и организовывали их выполнение». Точку в обсуждении поставил Генсек: «Следует поддержать Юрия Владимировича Андропова»[21].

10 декабря Д. Устинов провел Коллегию Минобороны, на которой объявил об ожидании выхода решения Политбюро «о применении советских войск в ДРА», а также о том, что в связи с этим начальнику Генштаба Н. В. Огаркову предстоит формирование новой общевойсковой армии. Однако в разговоре с министром обороны начальник ГШ приводил свои аргументы, продолжая убеждать министра обороны в нецелесообразности принятого Политбюро решения[22].

Все аргументы маршала Огаркова были отвергнуты. Практически сразу, без формально-официального решения Политбюро о вводе войск, по личному приказу Устинова началось широкомасштабное мобилизационное развертывание соединений и частей Туркестанского и Среднеазиатского военных округов на границе с ДРА.

Решение Политбюро было оформлено (только в рукописном виде!) 12 декабря. На заседании Политбюро ЦК КПСС (вернее, его элиты) по предложению Ю. В. Андропова, Д. Ф. Устинова и А. А. Громыко единогласно было принято окончательное решение — ввести советские войска в Афганистан, хотя в интересах скрытности в документе это называлось «мероприятиями», а сама эта страна обозначена литерой «А». По убеждению советских руководителей, этот шаг должен был способствовать

[21] Там же.

[22] Там же.

интересам укрепления государства и ничего другого не преследовал. В особой папке ЦК КПСС хранился протокол этого заседания, написанный рукою К. У. Черненко, который долгое время был сверхсекретным, никому даже из высшего руководства страны не показывался и хранился в особом сейфе. Приводим его:

Совершенно секретно
Особая папка

Постановление ЦК КПСС № 176 /125 от 12/XII. К положению в «А»

Председательствовал тов. Л. И. Брежнев.

Присутствовали: Суслов М. А., Гришин В. В., Кириленко А. П., Пельше А. Я., Устинов Д. Ф., Черненко К. У., Андропов Ю. В., Громыко А. А., Тихонов Н. А., Пономарев Б. Н.

К положению в «А»

1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные тт. Андроповым Ю. В., Устиновым Д. Ф., Громыко А. А.

Разрешить в ходе осуществления этих мероприятий им вносить коррективы непринципиального характера.

Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить и в Политбюро.

Осуществление всех этих мероприятий возложить на тт. Андропова Ю. В., Устинова Д. Ф., Громыко А. А.

2. Поручить тт. Андропову Ю. В., Устинову Д. Ф., Громыко А. А. информировать Политбюро ЦК о ходе выполнения намеченных мероприятий.

Секретарь ЦК Брежнев Л. И.
№ 997-оп (1л)
П. 176/125 от 12/XII[23]

Этот документ во многом проясняет, кто был инициатором и исполнителем ввода советских войск в Афганистан. Протокол

[23] Ввод советских войск в Афганистан: Постановление ЦК КПСС № П 176/125, 12 декабря 1979 г. 100(0) ключевых документов по российской и советской истории. Источник: РГАНИ, Ф. 89. Пер. 14, Д. 31, л. 2. Копия. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0043_afg&l=ru&object=translation (дата обращения: 10.02.2023).

был подписан всеми членами Политбюро ЦК КПСС, присутствовавшими на этом заседании. 25 и 26 декабря появились подписи Кунаева, Щербицкого, Пономарева. Никто ни тогда, ни позже не высказался «против». Каждый из членов Политбюро знал, как расценивается несогласие с мнением Генерального секретаря ЦК КПСС, и поэтому все его предложения «встречали единодушное одобрение». Действовал принцип круговой поруки. Примечательно, что на заседании не присутствовал А. Н. Косыгин, позиция которого по данному вопросу была отрицательной. Тем самым снимаются все кривотолки и разночтения о том, кто ответствен за принятие решения на ввод войск в Афганистан[24].

Кстати, тогдашнее руководство КПСС не посчитало нужным вынести такой важный вопрос, как ввод войск в соседнюю страну (а по сути, вопрос о начале войны), на обсуждение высших государственных органов власти — Верховного Совета СССР или Совета министров СССР. Ни указа Президиума Верховного Совета СССР, ни постановления Совета министров СССР, ни приказа Верховного главнокомандующего Вооруженными силами СССР, ни какого-либо другого документа по вопросу ввода войск не принималось. Все указания отдавали устно. Поэтому юридически ввод войск был противозаконен.

Официально провозглашенная цель советского военного вторжения в ДРА формулировалась однозначно — оказание помощи в стабилизации обстановки и отражении возможной агрессии извне. В то же время замалчивался тот важнейший факт, что первой задачей, которую придется решать нашим войскам, станет свержение и устранение Х. Амина и замена его советским ставленником Б. Кармалем. Следовательно, ссылка на то, что ввод советских войск на афганскую территорию осуществлялся по просьбе законного правительства ДРА, вряд ли обоснованна. Ведь это абсурд — принять приглашение правительства и его главы ввести войска для того, чтобы уничтожить этого лидера вместе с правительством.

К тому же кого планировалось поставить на место тирана Амина? Бабрака Кармаля. Вот как характеризовал этого деятеля

[24] Ляховский А. А. Указ. соч. // Электронная версия. BooksCafe.net. С. 54. URL: https://bookscafe.net/read/lyahovskiy_aleksandr-tragediya_i_doblest_afgana-180331.html#p54 (дата обращения: 20.12.2022).

первый заместитель главкома Сухопутных войск, главный военный советник в ДРА генерал армии Александр Майоров в своей книге «Правда об Афганской войне»: «В жизни своей я не любил дураков, лодырей и пьяниц. А тут все эти качества сосредоточились в одном человеке. И этот человек — вождь партии и глава государства!»[25].

Кто против?

В целом же решение Политбюро ЦК КПСС о вводе войск в ДРА было принято им без должного анализа обстановки и прогноза развития ситуации, оценки причин, характера, масштабов и способов разрешения, а также без постановки четких общеполитических и стратегических целей, при полном неприятии и отметании честных и беспристрастных мнений многих военных, учёных и политиков.

Как было отмечено выше, мнение члена Политбюро А. Н. Косыгина, основанное на объективных анализах обстановки, было проигнорировано.

Против ввода войск выступали высшие военачальники — начальник Генштаба маршал Огарков, первый замначальника ГШ генерал армии Ахромеев, а также главнокомандующий сухопутными войсками, замминистра обороны генерал армии Павловский.

Генерал Иван Григорьевич Павловский в августе — ноябре 1979 г. находился в составе высокопоставленной советской миссии в Афганистане, где лично изучал обстановку в стране перед вводом советских войск. По итогам работы он представил советскому военно-политическому руководству письменный доклад с категорическими возражениями против ввода войск в Афганистан, затем на совещаниях отстаивал свою точку зрения.

Главное разведывательное управление Генштаба, прекрасно ориентирующееся в обстановке в Афганистане, также было против ввода войск. За несколько дней до начала афганской операции начальник ГШ маршал Огарков провёл совещание со своими заместителями. На нём присутствовал замначальника ГШ, начальник ГРУ генерал армии Пётр Иванович Ивашутин. Ему

[25] Майоров А. М. Правда об Афганской войне. Свидетельства Главного военного советника. М.: «Права человека», 1996. // Электронная версия, Ридли, С. 20. URL: https://readli.net/chitat-online/?b=420563&pg=20 (дата обращения: 10.12.2022).

первому как начальнику военной разведки было предоставлено слово. Он предупредил, что Советский Союз может получить в Афганистане то, что до того получили американцы во Вьетнаме, а египтяне — в Северном Йемене. И те, и другие вынуждены были ретироваться, так ничего и не добившись. Все присутствовавшие заместители начальника Генштаба тоже высказались против проведения операции[26].

Да что там какие-то маршалы и генералы. Категорически против ввода войск был председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин, единственный член Политбюро не поддержавший решение этого органа. С этого момента у А. Н. Косыгина произошел полный разрыв с Брежневым и его окружением.

Против афганской авантюры были специалисты-востоковеды, эксперты из МИДа, из академических институтов. Так, в Институте востоковедения в Москве, в отделе, занимавшемся Афганистаном, работало довольно много исследователей, изучавших политическую, экономическую и социальную жизнь этой страны во всех ее аспектах. Многих лингвистов в начале войны отправили в Афганистан в качестве переводчиков и советников. От сотрудников института невозможно было скрыть происходящее, и почти все они были против войны[27].

В Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) был составлен документ «Некоторые соображения о внешнеполитических итогах 70-х годов (тезисы)», который включал большой раздел о негативных последствиях афганской операции и, по сути, признавал ввод советских войск в Афганистан опасным прецедентом[28]. Тезисы были направлены в ЦК КПСС и КГБ СССР 20 января 1980 г., что, конечно, было уже поздно. Даже если бы учёные направили подобный документ на полгода, на месяц раньше, это ничего бы не изменило. Во второй половине 1979 г. партийно-политическое руководство СССР

[26] Добровольский А. Ветеран ГРУ вспомнил тайны афганской войны. «Факты массового саботажа» // Московский комсомолец, МКРУ. 19.12.2019. URL: https://www.mk.ru/social/2019/12/19/veteran-gru-vspomnil-tayny-afganskoy-voyny.html (дата обращения: 05.12.2022).

[27] Брейтвейт Р. Афган: русские на войне. М.: АСТ, Corpus, 2013. // Электронная версия, ЛитВек. С. 34. URL: https://litvek.com/book-read/293421-kniga-rodrik-breytveyt-afgan-russkie-na-voyne-chitat-online?p=34 (дата обращения: 10.01.2023).

[28] Богданов В. А. Афганская война. Воспоминания // М.: Советский писатель, 2005. С. 76–77.

приняло окончательное решение о силовом способе выхода из афганского тупика.

Кратко: начало, ход и исход бессмысленной войны СССР в Афганистане

Историки хорошо знают, что даже Британской империи, покорившей полмира, не удалось закабалить Афганистан. В результате трех англо-афганских войн (1838–1842, 1878–1880, 1919 гг.) Афганистану удалось победить англичан и сохранить свою независимость.

Однако трагическое решение о вводе войск было принято. Сбылись мечты и планы З. Бжезинского. В результате СССР попал, по словам журналистов, в «медвежий капкан», и Афганистан для Советского Союза действительно стал «трясиной» вроде той, какой был Вьетнам для США.

13 декабря оперативная группа во главе с генералом армии Сергеем Ахромеевым (который был против ввода войск, но был дисциплинированным солдатом, выполняющим приказ) прибыла в Термез для организации развертывания.

Была поднята по сигналу «Сбор» 103-я Витебская гвардейская воздушно-десантная дивизия, которой отводилась роль основной ударной силы в предстоящих событиях. Развертывание было крупнейшим в советской армии с окончания Второй мировой войны. Примечательно, что в части и соединения 40-й общевойсковой армии было призвано из Узбекистана, Туркмении и Таджикистана более 32 тыс. военнослужащих запаса. Личный состав 5-й мотострелковой дивизии на 43,5% состоял из представителей местных национальностей, а в 108-й мотострелковой дивизии — 64%[29].

В течение двух недель десятки тысяч людей, техника — танки, вертолеты, БТР — двигались к границе. Наивно полагать, что американская разведка была не в курсе этих событий, передвижений войск, их скопления на границе и т.д. Возникает логичный вопрос — почему же американцы не подняли шум

[29] Афганская война (25 декабря 1979–15 февраля 1989 гг.). // Всероссийская общественная организация морских пехотинцев «Тайфун». Памятная дата военной истории России. 15.02.2020. URL: http://mptaifun.ru/blog/aafganskaja_vojna_1979_1989_k_30_letiju_vyvoda_oksva/2020–02–15–925 (дата обращения: 10.12.2022).

ещё до начала ввода советских войск в Афганистан? Почему не представили разведывательные сведения и доказательства «советской агрессии» на суд широкой мировой общественности? Может быть потому, что в Вашингтоне боялись спугнуть Политбюро ЦК КПСС, который вползал в самоубийственную афганскую авантюру?

25 декабря в 15.00 сухопутные части 40-й армии перешли госграницу по трем направлениям: Кушка — Шинданд — Кандагар, Термез — Кундуз — Кабул, Хорог — Файзабад. Десант высаживался на аэродромах Кабул, Баграм, Кандагар.

27 декабря спецгруппы КГБ «Зенит», «Гром» и «мусульманский батальон» штурмом взяли дворец Тадж-Бек. Амин и его сыновья были убиты. Новым лидером страны стал Бабрак Кармаль.

В ночь на 28 декабря в Кабул вошла 108-я мотострелковая дивизия, взяв под контроль все важнейшие объекты столицы.

К середине января 1980 г. ввод главных сил 40-й армии в основном был завершен. Боевой состав войск в Афганистане изменялся вплоть до 1986 г. Проводилось переформирование и усиление некоторых частей с целью повышения их боевых возможностей.

В результате окончательный состав контингента стал следующим: управление 40-й армии с частями обеспечения и обслуживания, дивизий — 4; отдельных бригад — 5; отдельных полков — 4; отдельных батальонов охраны — 6; авиационных полков — 4; вертолетных полков — 3; бригада обеспечения; трубопроводная бригада; медицинские, ремонтные, строительные, квартирно-эксплуатационные и другие части и учреждения.

Максимальная численность советских войск в ДРА была в 1985 г. — 109,5 тыс. человек (военнослужащих — 106 тыс.), в том числе в боевых частях — 73,6 тыс. человек[30].

Непосредственное участие Советских вооруженных сил в афганской войне принято делить на четыре этапа:

1) декабрь 1979 г. — февраль 1980 г. — ввод основного состава 40-й армии, размещение по гарнизонам; 2) март 1980 г. — апрель 1985 г. — участие в боевых действиях против вооруженной оппозиции, оказание помощи в реорганизации и укреплении

[30] Ходаренок М. М. Чужая война: Афганистан в цифрах. 31 год назад советские войска были выведены из Афганистана. // Газета.Ру. 15.02.2020. URL: https://www.gazeta.ru/army/2020/02/14/12961003.shtml (дата обращения: 20.01.2023).

вооруженных сил ДРА; 3) май 1985 г. — декабрь 1986 г. — постепенный переход от активного участия в боевых действиях к поддержке операций, проводимых силами афганских войск; 4) январь 1987 г. — февраль 1989 г. — участие в проведении политики национального примирения, поддержка сил ДРА, вывод контингента войск на территорию СССР[31].

Боевые действия пошли по всей стране с большей энергией, однако победить в них было невозможно. У СССР не было ресурсов для того, чтобы обеспечить строительство в этой отсталой стране хоть какого-нибудь подобия современной экономики и социальной сферы.

Население жило за счет торговли с соседними Пакистаном и Ираном, продавая туда овец и шкуры, а больше всего — опийный мак, покупая взамен всё, что нужно для жизни.

Перекрыть внешнюю торговлю афганцев советские войска не могли: в Афганистане начался бы голод, а советская экономика не могла снабжать эту страну ничем — собственному населению всего не хватало.

Всю войну границы Афганистана оставались открытыми, и боевики-моджахеды спокойно переходили в Пакистан и Иран за оружием и боеприпасами и возвращались обратно. Поэтому война не имела никакого смысла — победить врагов при получении ими помощи извне и открытых границах невозможно в принципе. А обеспечить поддержку просоветского режима со стороны большинства населения — это вообще за гранью реальности. Хотя бы потому, что Советская армия за все почти 10 лет никогда не контролировала более 40% территории Афганистана.

Более того, Советская армия, её боевые, тыловые и обеспечивающие подразделения, по сути, не были в достаточной степени подготовлены к широкомасштабным боевым действиям в Афганистане. Евгений Никитенко в своей книге «Афганистан: от войны 80-х до прогноза новых войн»[32] подробно анализирует военную, боевую сторону пребывания советских войск в Афганистане. Он критически рассматривает

[31] Рубцов Ю. В. Советский Союз в "Необъявленной" войне в Афганистане (1979–1989): Осмысление прошлого.// Новая и новейшая история. 2009. № 1. С. 48–70.

[32] Никитенко Е. Г. Афганистан: от войны 80-х до прогноза новых войн. М., 2004. С. 362.

готовность советских солдат и офицеров действовать в особых, специфических условиях этой страны. Показывает плюсы и минусы подготовки ВС СССР решать сложные проблемы ведения боевых действий на горно-пустынной местности, в тяжелом климате, в окружении подчас исламских фанатиков, при враждебном отношении населения. По сути, российским военнослужащим приходилось в огневых условиях боев учиться противопартизанской войне, о которой они знали лишь по кино об Отечественной войне. Всё это, по мнению Никитенко, влияло на тактическую и оперативную деятельность войск, формировало особенности ведения боевых действий и сказывалось на их результатах.

В частности, он подверг критике подготовку офицеров запаса. Никитенко пишет: «Например, из числа призванных в декабре 1979 года офицеров более 70% вообще никогда не служили в армии. Они получили звания на военных кафедрах гражданских вузов. Подавляющее большинство из них показали полнейшую неспособность командовать подразделениями или исполнять другие обязанности по службе. Нередко подразделения, во главе которых стояли офицеры запаса, на марше и в бою оказывались неуправляемыми. Откровенно слабую профессиональную подготовку показали офицеры запаса технических и тыловых служб. Опыт ограниченного контингента советских войск в Афганистане (ОКСВ) (как и проводимых крупных учений) свидетельствует о том, что система их подготовки требует решительной и коренной перестройки, как, впрочем, и система подготовки кадровых офицеров»[33].

Надо отметить, что война в Афганистане не вызывала энтузиазма у широких народных масс в СССР. Вспоминает видный востоковед, известный журналист и учёный, полковник ГРУ ГШ Леонид Иванович Медведко: «У меня не раз возникали весьма откровенные разговоры с начальником ГРУ генералом П. И. Ивашутиным. Хорошо запомнил один из них, случившийся вскоре после ввода войск в Афганистан. Петр Иванович рассказал, что на очередном совещании у начальника Генштаба Огарков упомянул о факте массового саботажа. Оказывается, в связи с началом военных действий советской

[33] Там же.

армии в соседнем государстве было решено провести массовую мобилизацию офицеров запаса. Их предполагалось сконцентрировать в Горьком и уже оттуда по железной дороге переправить в части действующей армии. Для этого в Горький специально подогнали несколько пассажирских составов. Исходя из данных, упомянутых в мобилизационном плане, предстояло перевезти около 3 тысяч мобилизованных "запасников". Однако в итоге прибыло по повестке лишь 300 человек. Остальные уклонились от призыва, опасаясь, что их отправят "в Афган" на войну… Интересно, что этих многочисленных уклонистов, насколько я знаю, даже не пытались привлечь к ответственности, как это предусмотрено законом: видимо высокое руководство побоялось привлечь к столь некрасивой ситуации всеобщее внимание и раздуть скандал»[34].

Многие и многие факты свидетельствуют о том, что советская акция в Афганистане во всех отношениях была безнадёжной с самого её начала.

Исправление ошибок

В марте 1985 г. СССР возглавил М. С. Горбачев, которому предстояло решать беспрецедентные по масштабам и сложности задачи, связанные с поиском новой модели социального развития страны и выстраивания отношений с внешним миром. Война в Афганистане в ряду сложнейших проблем, стоящих перед руководством Советского Союза, имела немаловажное, а быть может, и первостепенное на тот период значение. Новый советский лидер имел твёрдое намерение добиться решения афганской проблемы. Он открыто называл Афганистан «кровоточащей раной».

Еще летом 1985 г. Политбюро, возглавляемое Горбачевым, назначает курс на «политическое решение Афганской проблемы».

В феврале 1986 г., выступая перед делегатами XXVII съезда КПСС, М. С. Горбачев заявил, что советские войска уйдут из Афганистана, как только будет выработано политическое решение, позволяющее этой стране остаться дружественной, независимой,

[34] Добровольский А. Ветеран ГРУ вспомнил тайны афганской войны. «Факты массового саботажа» // Московский комсомолец, МКРУ. 19.12.2019. URL: https://www.mk.ru/social/2019/12/19/veteran-gru-vspomnil-tayny-afganskoy-voyny.html (дата обращения: 05.12.2022).

нейтральной и дающее гарантии от внешнего вмешательства в ее дела.

Как пишет в своей книге посол Великобритании в СССР и России (1988–1992 гг.) Родерик Брейтвейт «Афган: русские на войне», «хотя теперь война была все более непопулярна среди народа и военных, Горбачев, конечно, не мог просто так вывести войска. Перед ним возникала сложная внутриполитическая проблема, которая ставила в тупик и другие страны, оказавшиеся в подобных обстоятельствах. Как вывести армию с достоинством, чтобы это не выглядело паническим бегством, предательством афганских союзников и памяти своих погибших солдат? 40-я армия не потерпела поражения на поле боя. Но как избежать удара по престижу Советского Союза и его армии, который с очевидностью будет нанесен?»[35].

Советская дипломатия начала вести сложнейшие переговоры с США, Пакистаном, другими странами, чтобы, «сохранив лицо», решить афганскую проблему. 14 апреля 1988 г. в Женеве подписываются «Соглашения по урегулированию ситуации в Республике Афганистан» между правительствами Афганистана и Пакистана при посредничестве ООН, при участии США и СССР в качестве гарантов. Согласно документу, СССР обязывался вывести войска через 9 месяцев, а США и Пакистан — прекратить поддерживать моджахедов.

Тогдашний министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварнадзе так прокомментировал Женевские соглашения: «Придется когда-нибудь объявить, что ввод войск был грубой ошибкой, что уже тогда и ученые, и общество отрицательно отнеслись к этой авантюре. С их мнением не посчитались. Отмежеваться от прошлого легко не удастся тем фактом, что мы не можем нести ответственность за тех, кто был до нас. И, кроме того, армия ведь выполняла воинский долг»[36].

С 15 мая 1988 г. по 15 февраля 1989 г. советские войска покидали Афганистан.

Последние подразделения советской армии во главе с командующим 40-й армией генералом Б. В. Громовым 15.02.1989 пересекли афгано-советскую границу и вернулись в СССР. Цели

[35] Брейтвейт Р. Афган: русские на войне. Электронная версия, ЛитВек. С. 85–86. URL: https://litvek.com/book-read/293421-kniga-rodrik-breytveyt-afgan-russkie-na-voyne-chitat-online?p=85 (дата обращения: 10.01.2023).

[36] Там же. С. 88.

десятилетней войны достигнуты не были. И винить в этом военнослужащих, присягнувших на верность Советскому Союзу, на выполнение приказов командиров и героически выполнявших свой долг, нельзя. Ошибки политиков — советских лидеров, опрокинутых в прошлое, не знающих и не желающих знать объективные реалии, живущих в иллюзиях, порожденных «Историей ВКП (б). Краткий курс» 1938 г., стоили СССР очень дорого.

Людские потери СССР в Афганистане

В афганской войне Советский Союз понес очень большие материальные, политические, моральные и нравственные потери.

Официальные потери Советской армии составили 14 тыс. 427 человек, КГБ — 576 человек, МВД — 28 человек (погибшими и пропавшими без вести). Раненых и контуженных за время боевых действий было 53753 человека (из них 10751 остались инвалидами)[37].

Цифры потерь непосредственно на территории Афганистана точны и тщательно проверены, утверждает профессор Военно-медицинской академии Санкт-Петербурга Владимир Сидельников, участник боевых действий в Афганистане. Однако военнослужащие, умершие в госпиталях на территории СССР от ран и болезней, полученных в ходе боевых действий в Афганистане, не вошли в официальную статистику потерь афганской войны[38].

Военный врач Сидельников отметил, что самая значительная часть обратившихся за медпомощью в Афганистане около 404 тыс. — это инфекционные больные, которые переболели дизентерией, гепатитом, брюшным тифом и другими инфекционными заболеваниями. Нередко эти болезни заканчивались смертельным исходом или серьезными осложнениями, превращавших больных в инвалидов[39].

[37] Подробнее см.: Береснев Э. В. Безвозвратные потери в Афганской войне (25.12.1979 г. 15.02.1989 г.) // Art of War. URL: http://artofwar.ru/b/beresnew_e_w/text_0120.shtml (дата обращения: 20.12.2022).

[38] Статистика потерь Советской Армии в Афганистане не включает умерших от ранений в госпиталях в СССР. // РИА Новости. 15.02.2007. URL: https://web.archive.org/web/20081023161914/http://nw.rian.ru/society/20070215/81524476.html (дата обращения: 10.12.2022).

[39] Там же.

В исследовании, проведённом офицерами Генерального штаба под руководством профессора Валентина Рунова, приводится оценка безвозвратных людских потерь 40-й армии в 26 000 человек, из них 2990 офицеров[40].

Финансовые потери СССР в Афганистане

В финансовом плане война обошлась СССР чрезвычайно дорого. В течение 1980-х годов Советский Союз вложил миллиарды долларов США в войну в Афганистане[41] Точные суммы расходов установить сложно. Хотя такие попытки имели место. По указанию Михаила Горбачева была сформирована группа экономистов под руководством премьер-министра СССР Николая Рыжкова, которая готовила отчёт «О расходах на ведение Афганской войны в 1984–1987 гг.». Однако Рыжков не успел довести масштабную работу до логического завершения. Политическая ситуация в СССР внезапно изменилась, и материалы, собранные комиссией по каким-то причинам оказались неопубликованными[42].

Достоверно был известен лишь размер помощи, поставленной СССР Афганистану в период с 1978 по 1990 г. (т.е. практически за весь военный период). Расходы на подготовку национальных профессиональных кадров Афганистана (в том числе и военных), на помощь в приобретении и использовании новых технологий, на льготное кредитование афганского правительства, а также на безвозмездную помощь составили 8 млрд. 480 млн. инвалютных рублей[43]. Эта сумма приблизительно равна 5 млрд 260 млн долл. по курсу 1989 г., а по курсу доллара на начало 2023 г. — 12 млрд 680 млн долл.[44]

---

[40] Афганская война 1979–1989 // Encyclopaedia-Russia.ru. URL: https://encyclopaedia-russia.ru/article/afganskaya-vojna-1979–1989/ (дата обращения: 02.02.2023).

[41] Balawar S. Invasion of USSR and US in Afghanistan and its results. // Hub Pages. 06.07.2018. URL: https://discover.hubpages.com/politics/Attacks-on-Afghanistan-and-its-results (дата обращения: 20.12.2022).

[42] «Непосильное бремя»: сколько денег потратил СССР на войну в Афганистане // Рамблер/Финансы. 03.07.2018. URL: https://finance.rambler.ru/markets/40240138/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 10.12.2022).

[43] Там же.

[44] CPI Inflation Calculator. // Value of $1 from 1989 to 2023. $1 in 1989 is worth $2.41 today. URL: https://www.in2013dollars.com/us/inflation/1989?amount=1 (дата обращения: 10.02.2023).

Как написали в своей книге «Глазами маршала и дипломата» С. Ф. Ахромеев и Г. М. Корниенко, «Афганистан обходился дорого. Каждый день войны 40-й армии обходился в 6,0–6,5 млн рублей. Кроме того, постоянно всем необходимым надо было снабжать афганские войска. В итоге стране каждый день войны обходился в 10–11 млн рублей»[45]. Исходя из этой информации, можно подсчитать, что война в Афганистане, по данным военных и дипломатов, стоила СССР 36,7 млрд рублей, в переводе на доллары 1989 г. — 22 млрд 750 млн, т.е. 54 млрд 830 млн долл. 2023 г.[46]

Ещё более впечатляющие цифры финансовых потерь привел в интервью изданию «Коммерсантъ Власть» в ноябре 2002 г. бывший посол СССР в Афганистане (1988 г.) Николай Григорьевич Егорычев: «Помощь Афганистану нам стоила ежегодно 10 млрд инвалютных рублей. В долларах это еще больше — 15–16 млрд»[47]. То есть по нынешнему курсу доллара около 37 млрд., соответственно за 10 лет — порядка 370 млрд долл.

Таким образом, афганская авантюра, развязанная оторванными от жизни кремлёвскими лидерами, обошлась советскому народу ориентировочно, по разным данным, в 70–370 млрд долл. по курсу 2023 г. Кроме того, моджахедами было уничтожено огромное количество советских вооружений и боевой техники. По данным западных источников, большая часть вооружения военных групп, выведенных из Восточной Европы в 1990 г. (уже после вывода советских войск из Афганистана), была передана кабульскому правительству в виде дополнительной экономической помощи и составила еще 3 млрд долл.[48]

[45] Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата: критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 г. // Электронная версия. Милитера — Военная литература. Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата. URL: http://militera.lib.ru/research/ahromeev_kornienko/05.html (дата обращения: 12.12.2022).

[46] CPI Inflation Calculator // Value of $1 from 1989 to 2023. $1 in 1989 is worth $2.41 today. URL: https://www.in2013dollars.com/us/inflation/1989?amount=1 (дата обращения: 10.02.2023).

[47] Жирнов Е. Афганистан стоил нам 15 миллиардов долларов в год // Коммерсантъ Власть. 25.11.2002. URL: https://www.kommersant.ru/doc/352676 (дата обращения: 10.12.2022).

[48] Дауди И. Афганистан — взгляд в прошлое: ввод войск. // Казанский репортёр. 25.12.2019. URL: https://kazanreporter.ru/post/3331_afganistan_-_vzglyad_v_proshloe-_vvod_voysk (дата обращения: 20.12.2022).

Последствия войны в Афганистане

Война не достигла ни одной из целей, не решила ни одной задачи, ради которых она затевалась. Спасти и защитить «завоевания» Саурской революции было не суждено. Просоветский, псевдосоциалистический режим рухнул через три года после выхода СССР из Афганистана. Предотвратить присутствие американцев в Афганистане также не удалось. С 2001 года после разгрома режима талибов США находились там более 20 лет (правда, в итоге тоже безуспешно). Причём ракетных баз, нацеленных на Россию, США в Афганистане не построили. (Чего так боялось брежневское Политбюро).

Война в Афганистане вызвала негативную реакцию во всём мире, резкое осуждение большей части международного сообщества (включая США, Китай, страны–члены Организации исламская конференция, в том числе Пакистан и Иран, и даже некоторые соцстраны).

14 января 1980 г. Генеральная Ассамблея ООН на своей Чрезвычайной сессии большинством голосов (104 «за», 18 «против» и 18 воздержавшихся) подтвердила резолюцию Совета Безопасности ООН (на которую ранее в Совбезе ООН СССР наложил вето). В резолюции Генассамблеи ООН «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности» действия Советского Союза в Афганистане были квалифицированы как открытое применение вооруженной силы за пределами своих границ и военная интервенция[49].

На протяжении всех последующих лет пребывания советских войск в Афганистане Генассамблея ООН на каждой из своих ежегодных сессий принимала резолюцию «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности». Пребывание советских войск в Афганистане в каждой резолюции характеризовалось не иначе как «непрекращающаяся иностранная вооруженная интервенция»[50].

[49] 6-я чрезвычайная специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности». 10–14 января 1980 года. URL: http://www.un.org/ru/ documents/ods.asp?m=S/RES/462%20 (1980) (дата обращения: 02.02.2023).

[50] Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. URL: http://www.un.org/ru/ga/documents/gares.shtml (дата обращения: 02.02.2023).

В знак протеста против действий СССР в Афганистане порядка 60 стран отказались от участия в XXII летних Олимпийских играх в Москве.

Война ослабила влияние СССР на Движение неприсоединения, ознаменовала конец «эпохи разрядки» 1970-х годов, привела к усилению экономического и технологического давления на СССР со стороны Запада и усугубила кризисные явления в самом СССР.

Война разрушила вековые традиционные узы дружбы с афганцами, превратив большую часть населения во врагов.

Война инициировала перманентную, продолжающуюся вот уже почти 50 лет гражданскую смуту и военное противостояние в Афганистане различных внутренних и внешних сил.

Война всколыхнула исламский фундаментализм. Именно в Афганистане в борьбе с СССР оформлялась «Аль-Каида», а Усама Бен Ладен делал первые шаги на своем пути террора. Здесь же организовывались первые ячейки Движения Талибан. Отсюда раковая опухоль исламского терроризма метастазами распространялась по всему миру.

Война способствовала поражению Советского Союза в «холодной войне», в глобальном военно-стратегическом противостоянии между двумя сверхдержавами, общественно-политическими системами и военными блоками.

Война привела к кардинальному изменению и переделу всего мира не в пользу СССР, к отказу от системы ялтинско-потсдамских соглашений, разрушению в пользу Запада стратегического баланса сил, развалу складывавшейся десятилетиями системы европейской безопасности, крушению мировой системы социализма и военной организации Варшавского договора.

Война в Афганистане стала одной из причин распада Советского Союза, которому история оставила всего два с половиной года после вывода советских войск из Афганистана.

Афганская война имела судьбоносное значение как для СССР, так и для Афганистана, других стран Ближнего и Среднего Востока, для всего мира. Этот военный конфликт преподал политикам и военным исторические уроки, глубокий анализ и усвоение которых способно предотвратить повторение роковых ошибок той войны.

З. А. Арабаджян *

Размышления о так называемом «Завещании Петра Великого» в связи с Персидским походом Петра I

Резюме. С незапамятных времен существует фальшивка о так называемом Завещании Петра Великого, которой объясняется вся внешняя политика России/СССР на протяжении последних 300 лет, в том числе ее движение на юг, к теплым морям. В статье показывается, что эта фальшивка модернизировалась геополитическими противниками России в зависимости от политической ситуации и конъюнктуры текущей эпохи, в частности в годы Первой мировой войны применительно к Ирану. В связи с этим автор выстраивает цепь логических рассуждений, основанных на исторических фактах, для объяснения мотиваций русской внешней политики и ее движения на юг. С опорой на архивные источники он показывает, что впервые мысль о присоединении к России иранского побережья Каспийского моря пришла не русским, а немцам по чисто коммерческим соображениям.

Ключевые слова: Завещание Петра, Персидский поход, морские и континентальные державы, Отто Бругеман, Александр Раманчуков

* Арабаджян Завен Артемович - кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0002-5743-2002

Reflections on the so-called «Testament of Peter the Great» in connection with the Persian campaign of Peter I

Abstract. *Since time immemorial, there has been a fake about the so-called. Testament of Peter the Great, which explains the entire foreign policy of Russia/USSR over the past 300 years, incl. its movement south to the warm seas. The article shows that this fake was modernized by the geopolitical opponents of Russia, depending on the political situation and conjuncture of the current era, in particular, during the First World War in relation to Iran. In this regard, the author builds a chain of logical reasoning based on historical facts to explain the motivations of Russian foreign policy and its movement to the south. Based on archival sources, he shows that for the first time the idea of annexing the Iranian coast of the Caspian Sea to Russia came not to the Russians, but to the Germans for their purely commercial reasons.*

Keywords: *Testament of Peter the Great, Persian campaign of 1722, maritime and continental powers, Otto Brugemann, Alexander Ramanchukov*

В связи с Персидским походом 1722–1723 гг. нельзя не упомянуть и об одной фальшивке, как бы связанной с ним — так называемом Завещании Петра Великого, согласно которому царь якобы завещал своим потомкам достичь господства в Европе, прибегая к древнему римскому принципу «Разделяй и властвуй», стравливая друг с другом европейские страны. В то время европейское господство было синонимичным мировому. Этот «документ» формировался на протяжении почти 200 лет и видоизменялся в зависимости от политической конъюнктуры исторического момента, сообразно нуждам заказчика — от поляков в XVIII в. до Гитлера. Всестороннее опровержение указанной фальшивки не является темой настоящей статьи[1], но и пройти мимо нее было бы неверно, поскольку в ней упоминается Иран.

[1] Разоблачение этого опуса было многократно проведено российскими и советскими авторами, однако наиболее, на наш взгляд, убедительным является исследование Данилиной Е. Н. ««Завещание» Петра Великого» (см. Труды Историко-архивного института. М., 1946. Т. 2. С. 205–269), в котором автор провел лингвистический, текстуальный и сравнительно-исторический анализ.

Слухи о наличии плана у царя появились еще при его жизни и усиленно распространялись поляками. В самых первых весьма кратких вариациях этого «документа» Иран, или как тогда говорили Персия, не упоминается. Его наиболее развернутая версия появилась ближе к 1812 г., в преддверии похода Наполеона в Россию. В этом варианте «Завещания», обнародованном французом Гайарде значительно позднее, когда он опубликовал воспоминания французского дипломата шевалье д Эона, имеется 14 пунктов. Д'Эон якобы снял копию с русского подлинника (который никто никогда не видел) в архиве в Петергофе. В данном варианте Персия упоминалась один раз следующим образом:

«IX. Возможно ближе придвигаться к Константинополю и Индии, обладающий ими будет обладателем мира. С этой целью возбуждать постоянные войны то против турок, то против персов, основывать верфи на Чёрном море, мало-помалу овладевать как этим морем, так и Балтийским, ибо то и другое необходимо для успеха плана — устроить падение Персии, проникнуть до Персидского залива, восстановить, если возможно, древнюю торговлю Леванта через Сирию и достигнуть Индии, как мирового складочного пункта. По овладении ею можно обойтись и без английского золота»[2].

После начала Первой мировой войны германские пропагандисты модернизировали так называемом завещание согласно требованиям исторического момента для распространения его в Иране. Оно было опубликовано в иранских газетах и в русском переводе напечатано в российской газете «Русское слово». Поскольку данный текст имеет непосредственное отношение к рассматриваемой в настоящей работе теме, ниже приводится обширный отрывок из него:

«9. Держава может считаться великой только тогда, когда столицей ее будет Константинополь — ключ к сокровищам Азии и Европы. Поэтому надо стараться всеми силами, чтобы завладеть Константинополем и его окрестностями, дабы заслужить имя царя царей всего мира. Для достижения этой цели надо возбуждать интригу между Персией и Турцией, дабы всегда господствовали между ними раздоры, вражда и война. Хотя религиозное недоразумение между ними, основанное на разногласиях между учениями шиитов и суннитов, действует в этом

[2] Gailiardet Fr. "Memoires du chevalier d'Eon. Paris, 1836. Vol. 1. P. 173.

направлении гораздо сильнее, чем грознейшая армия и сильнейшее орудие, но, тем не менее, следует всеми возможными средствами поддерживать эту вражду и усиливать гнев одной против другой, дабы они не вздумали сблизиться.

Больше всего радуют меня два обстоятельства: во-первых, разногласие и вражда между шиитами и суннитами, а, во-вторых, вмешательство и влияние духовенства в светских делах мусульман, которых оно удерживает от сношений с Европой, вследствие чего последователи ислама остаются в полном невежестве. По этим двух причинам скоро исчезнет из Азии имя ислама, а российские правители распространят здесь культуру христианства.

…

Кроме того, надо принимать всякие меры, чтобы Персия все более и более беднела, и чтобы торговля здесь упала. В общем надо направить ее к агонии, чтобы Россия при первом желании могла завладеть ею без всяких хлопот; но при этом не советую окончательно отнять душу от Персии до тех пор, пока не погибнет Турция.

Грузия и Кавказский край представляют собой артерию Персии. Как только ланцет русского господства дойдет до этой артерии, моментально Персия впадет в такую слабость, что ей невозможно будет оправиться даже при помощи самых опытных врачей. Тогда для русских царей Персия будет играть роль послушного верблюда под грузом необходимых транспортов впредь до угашения последнего пламени горящей Турции. Вслед за уничтожением Турции легко будет зарезать этого верблюда. Итак, вам следует безотлагательно завоевать Грузию и Кавказ, а правителей внутренней Персии привлечь к вашим услугам, как покорных слуг. Потом надо будет предпринять поход в Индию, так как страна эта очень большая и служит центром обширных торговых оборотов. Если вы найдете туда доступ, то от самой Индии достанется вам больше богатств (денег), чем сколько досталось через Англию. Ключом к Индии служит столица Туркестана. Продвигайтесь вперед, насколько можете, через киргизские степи, через Хиву и Бухару. Возможно, что такой путь приблизит вас к цели»[3].

Несмотря на фальсифицированный характер Завещания Петра Великого[4], невозможно отрицать его политику по расши-

[3] Русское слово». № 107 от 12/25. 05.1915.

[4] Следует отметить, что и классики марксизма, несмотря на свое весьма критиче-

рению территории России на Запад и на Юг. Данные движения русского государства нуждаются в объяснении, которые приводятся ниже.

Указанный процесс являлся естественной политикой крупного государства, практически лишенного выходов к морям, и начался задолго до рождения Петра I, еще при Иване IV. Войска Ивана Васильевича продвигались вниз по Волге и в 1556 г., окончательно завладев Астраханью, присоединили Астраханское ханство к Московскому государству. Тогда же русское влияние стало распространяться и до Кавказа, а кабардинские князья Пятигорские и Черкасские просили царя прислать им гарнизоны и православных священников. Последние активно проповедовали в Кабарде. Следует отметить и то, что второй женой Ивана Васильевича была Мария Темрюковна — дочь кабардинского князя Темрюка, принявшая христианство для того, чтобы данный брак стал возможным.

Когда Россия оправилась от Смутного времени, уже при Алексее Михайловиче продвижение на Кавказ продолжилось, что привело к первому вооруженному русско-персидскому конфликту 1651–1653 гг. Таким образом, Восточная политика Петра I не была чем-то совершенно новым, и для понимания ее причин необходимо сделать несколько пояснений.

Хорошо известно, что доступ к морю и морским коммуникациям является важным фактором для экономического развития любой страны, поскольку морской транспорт в те времена был как быстрее, так и дешевле сухопутного, а такая крупная страна как Россия не могла успешно развиваться без надежного доступа к морским портам[5]. Следует учитывать наличие в Европе

ское отношение к внешней политике русского царизма, скептически относились к вопросу о подлинности так называемого Завещания Петра Великого. В частности, Ф. Энгельс в работе «Внешняя политика русского царизма» отмечал: «Этот действительно великий человек … первый в полной мере оценил исключительно благоприятное для России положение в Европе. Он ясно — гораздо яснее, чем это было сделано в его так называемом завещании, составленном, по-видимому, каким-то эпигоном, — разглядел, наметил и начал осуществлять основные принципы русской политики как по отношению к Швеции, Турции, Персии, Польше, так и по отношению к Германии» (Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 22. С. 20).

[5] В общем-то этого не отрицал и К. Маркс, постоянно критиковавший имперскую внешнюю политику России. В своей работе «Разоблачение дипломатической истории XVIII века», не вошедшей во второе издание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, он соглашался с тем, что Россия не могла оставить в руках иностранных держав побережье и устья рек (Невы, Дона, Днепра, Буга, а также Керченского пролива), дававших выход ее товарам на иностранные рынки и пр. Но

того периода огромного количества государств, включая самые небольшие, при пересечении границы которых даже за транзитные грузы нужно было платить пошлину. Это существенно повышало конечную цену товара и ограничивало внешнеторговые обороты стран, не имевших выхода к морю.

В более широком плане необходимо помнить и о принципиальных различиях между талассократиями и телурократиями. В первом случае почти вся экономическая, политическая и культурная жизнь общества связана с морем, во втором — с сушей. Это обстоятельство приводит к серьезным различиям в политическом мышлении государственных деятелей морских и континентальных держав.

Морское мышление требует начинать защиту страны и ее интересов не на своем берегу, а на берегу противоположном от твоей страны (за проливом, за морем и даже за океаном), создавая там оборонительный плацдарм. Но противоположный берег — это только начало обороны, а не ее конец, и поэтому возникает неминуемое желание создать плацдарм по защите первого плацдарма и т.д. Наиболее четко эта теория была обоснована американским адмиралом А. Т. Мэхэном[6]. Если иная держава приближается даже к самому отдаленному плацдарму, то это воспринимается морской державой как угроза или даже агрессия против нее.

Так было в 1885 г., когда русские войска заняли Кушку, и британские политики стали воспринимать это как угрозу обороне Британии, хотя Кушка была гораздо ближе к Петербургу, чем к Лондону. Англичане считали, что этот мелкий приграничный инцидент, в ходе которого потерпел поражение афганский отряд,

---

он считает «грехопадением» Петра I то, что тот перенес столицу государства в город, заложенный в устье Невы, а не оставил ее в глубине своей страны, что потребовало постоянных новых территориальных приращений для защиты Петербурга: «Но здесь упускают из виду одно важное обстоятельство, тот tour de force (ловкий прием — авторы), которым он перенес столицу империи из континентального центра к морской окраине, ту характерную смелость, с которой он воздвиг новую столицу на первой завоеванной им полосе балтийского побережья почти на расстоянии пушечного выстрела от границы, намеренно дав, таким образом, своим владениям эксцентрический центр. Перенести царский трон из Москвы в Петербург значило поставить его в такие условия, в которых он не мог быть в безопасности даже от внезапных нападений, пока не будет покорено все побережье от Либавы до Торнио, а это было завершено лишь к 1809 г. с завоеванием Финляндии» (цит. по: Вопросы истории, 1989. № 4. С. 12).

[6] Mahan A. T. The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783. Boston: Little, Brown & Co, 1890.

возглавлявшийся английскими офицерами, чуть ли не поставил Англию и Россию на грань войны.

Другой пример желания морской державы создавать буферы для буферов также связан с Англией: ее стремление создавать буферные зоны к западу от Индии. С этой целью британцы начали проникновение в Белуджистан, ставший частью Британской Индии, а потом — и в Юго-Восточный Иран. Причем в период Конституционной революции 1905–1911 гг. в Иране в обмен на свою помощь Мохаммед Али-шаху они хотели получить часть провинции Сеистан, граничившей с Британской Индией[7]. Все это воспринималось ими как защита от возможных угроз Британии со стороны России.

В настоящее время американские ракетные базы в Польше и Румынии, по мнению американских стратегов, являются началом обороны США, хотя расстояние от этих стран до России, мягко говоря, несколько меньше, чем до США. В конечном итоге морское мышление приводит морскую державу-гегемон (в прошлом Великобританию, ныне — США) к стремлению обладать мировым господством.

В противоположность морскому континентальное мышление исходит из того, что если достигнуто море или океан, то страна вышла на свою естественную границу, на естественный рубеж обороны, и после выхода на них такое государство, как правило, останавливается. Тому есть несколько примеров из российской истории, в том числе. отказ Екатерины II принять под свое покровительство друзов во время захвата русским флотом совместно с отрядами друзов Бейрута в 1773 г.; Александра I — принять в состав России Гавайские острова (1818 г.), Александра III от восточной части Новой Гвинеи (1883 г.) и Эфиопии/Абиссинии (1889 г.), отстаивавшей свою независимость в войне с Италией. В 1898 г. российское правительство отказалось от просьбы султана Суматры принять ее под русскую протекцию. Более того, при Александре II Аляска, которую открыли и осваивали русские первопроходцы, была продана США, поскольку правительство считало ее слишком обременительной для государства и не имеющей стратегического значения для его безопасности. Имелись и другие подобные случаи отказов России

[7] Документальное подтверждение этому см.: Арабаджян З. А. Неизвестные страницы Конституционной революции 1905–1911 гг. в Иране. М., 2021. С. 98.

принимать в свой состав различные территории, но и приведенных вполне достаточно для демонстрации указанной тенденции[8].

Кроме того, у империй существует свой алгоритм развития. Любое имперское государство должно постоянно расширяться, осуществлять не только территориальную экспансию, но и экспансию своего влияния. Это является непреложным законом, без вынесения оценочного суждения: «хорошо» или «плохо». Все империи постоянно расширялись. Так, вполне просвещенные и демократичные Великобритания и Франция, хотя формально в них считалось, что территориальное расширение не является необходимым, поскольку для развития достаточно совершенствовать и развивать экономику, в XVIII и XIX вв. энергично занимались приобретением заморских колониальных владений и даже вели друг с другом войны за колонии. В частности, по итогам Семилетней войны (1756–1763 гг.) Франция потеряла свои колонии в Индии и Западном полушарии.

В современном мире имперским статусом обладают США, которые распространяют свое влияние во всех частях земли, в том числе совсем далеких от них не только географически, но и ментально, психологически, конфессионально, политически и в ином отношении. Великая держава остается таковой лишь до тех пор, пока она в состоянии расширять сферу своего влияния: велосипед не падает только пока едет. Если же империи отказываются от расширения, они начинают утрачивать свой статус великой державы и вступают в длительную полосу кризисов, выход из которых занимает несколько десятилетий. Пример этого дает история Великобритании и Франции после Второй мировой войны. Утрачивая свои колонии, культурное и экономическое первенство, они не смогли удержать имперского, великодержавного статуса и пребывали в кризисе около 30 лет. Даже обладание ракетно-ядерным оружием не помогло им сохранить прежний имперсковеликодержавный статус. Похоже, что в настоящее время по этому пути начали двигаться и США.

Политика Петра I, в том числе и восточная, осуществлялась, подчиняясь указанной схеме. Оценивая ее, следует учесть и следующие

[8] Единственным исключением являлось согласие Павла I принять на себя звание магистра Мальтийского ордена в 1798 г., но это было особым случаем, связанным с рыцарскими представлениями императора, которого называли последним рыцарем Европы.

обстоятельства. Рассказы о несметных сокровищах Востока манили всех европейцев. Пряности и различные диковинные вещицы стоили в Европе колоссальных денег. За мешок с пряностями порой платили золота больше, чем он весил. Не случайно в средневековой Европе очень богатого человека называли мешком с перцем. Все европейские страны хотели начать торговлю с восточными государствами, поскольку она была чрезвычайно выгодной. Например, из пяти кораблей Фернана Магеллана, отправившихся в кругосветное плавание, вернулся только один, но поскольку он привез восточные специи и пряности, экспедиция окупилась многократно. В Средневековье, в эпоху Возрождения и даже часть Нового времени (примерно до середины XVIII в.) поток серебряных денег шел с Запада на Восток, прежде всего в Китай, который давал Европе шелк, фарфор и чай. Европейцам же дать Китаю было нечего.

Торговые фактории в странах Востока и Нового света хотели иметь все страны. Даже такое маленькое государство, как Герцогство Курляндское, имело небольшие фактории на западном побережье Северной Африки, в устье реки Гамбии, купив у местных правителей земли по ее берегам и остров Джеймс в 30 км от ее впадения в океан. Там они просуществовала около 15 лет (с 1651 по 1666 г.), подвергалась нападениям пиратов и в конце концов была отобраны голландцами. Тем более фактории имелись у таких куда более сильных морских держав, как Швеция и Дания (в Карибском море). Фактории заводили все страны, которые могли построить корабли, способные ходить на большие расстояния и нести несколько десятков орудий для защиты от пиратов.

В связи с этим нет ничего странного в том, что Россия также стремилась развивать свою морскую торговлю. Еще Иван III основал крепость Ивангород, который должен был дать выход России на Балтику. Он рассчитывал построить в этом городе корабельное пристанище, т.е. порт. Но из этого ничего не вышло, поскольку данное место оказалось слишком мелководным для кораблей, которые должны были ходить по Балтийскому морю. Не случайно основной причиной, но не поводом, для начала Ливонской войны стало то, что Ливонский орден отделял Россию от моря и препятствовал русской торговле, часто не пропуская грузы, идущие из Европы морским путем. Кроме того, такие планы русских вызвали опасение и противодействие

прибалтийского купечества и сильных в то время европейских держав, таких как Швеция, Польша и Дания.

Великая северная экспедиция Витуса Беринга (1733–1743 гг.), направленная на изучение Сибири и поиска пролива между Азией и Америкой, своей конечной целью имела поиск такого пути в Китай, Японию и Индию, который монопольно принадлежал бы России. Однако судостроение в России находилось в зачаточном состоянии, и суда были не слишком хороши, она не имела своих опытных моряков, из-за чего в первой половине XVIII в. подавляющее большинство морских офицеров на русском флоте были иностранцами. В таких условиях создание факторий в далеких землях представлялось невозможным. Подтверждением этого явилась первая океаническая экспедиция Петра I на Мадагаскар и в Индию, которая вынуждена была вернуться в Россию, не пройдя и трети пути до Мадагаскара[9].

При таких условиях установление торговых отношений с Индией, являвшееся заветным желанием Петра, могло осуществляться только путем закрепления России на южных берегах Каспийского моря, откуда, как ему казалось, до цели рукой подать. Задача присоединения этих земель царю представлялась нетрудной с учетом глубокого упадка, в котором находился сефевидский Иран.

Удивительно, но идея присоединения прикаспийских земель Ирана к России впервые пришла в голову не русскому человеку, а немцу. Голштинский герцог Фридрих III хотел наладить торговлю с Востоком и совместно с крупным торговым городом Гамбургом направлял посольства в Иран (Персию) через Россию. Первое посольство в 1634 г. из-за бурь и кораблекрушения до цели не добралось. Тогда в 1636–1639 гг. тем же маршрутом отправили второе[10]. В его составе в качестве секретаря и советника находился Адам Олеарий, оставивший подробное описание путешествия по России и Персии[11]. Во главе посольства были

[9] Подробно см.: Копелев Д. Н. «Мадагаскарский король» и секретная экспедиция Петра Великого 1723–1724 гг. // Век просвещения, 2015. № 5. С. 186–211.

[10] Подробный анализ предложения об оккупации Прикаспийских провинций Россией, сделанного послом Бругеманом русскому послу Раманчукову, в те же годы приезжавшему в Иран, и всей ситуации, связанной с этим посольством, см.: Зевакин Е. С., Полиевктов М. А. К истории Прикаспийского вопроса. Тифлис: Закгиз, 1934.

[11] Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием/ Перевел с немецкого Павел Барсов. Москва, 1870.

два человека. Первый — голштинский дипломат Филип Крузий (предок российского мореплавателя И. Ф. Крузенштерна) и второй — Отто Бругеман. Последний был купцом и отвечал за чисто коммерческие аспекты посольства. Россия в разработанном голштинцами плане была исключительно важна как транзитный путь товаров из Персии в Европу, поскольку морской путь оказывался крайне опасен из-за конкуренции голландцев, которые контролировали морские пути и не дали бы свободного прохода голштинским кораблям. Понимая это, русское правительство навязало посольству крайне трудные условия транзита товаров из Персии в Европу, которые Бругеман рассчитывал выполнить, надеясь на огромные прибыли. Однако когда посольство прибыло в Персию и ознакомилось с условиями торговли, ценами, платежами, которые взимало шахское правительство, то он понял, что выполнение подписанных им с русскими условий невозможно. Это грозило провалом всей миссии и положению его самого.

Михаил Федорович, разрешив посольству двинуться на юг, послал чуть впереди него и своего посла Алексея Раманчукова в качестве малого посла. Перед ним было поставлено несколько задач, в том числе следить за договоренностями голштинцев с шахом. На обратном пути Раманчуков ехал вместе с голштинцами и имел много примечательных бесед с ними. К тому времени Бругеман уже понял, что с учетом персидских реалий и заключенного им в Москве соглашения Голштиния не сможет прибыльно торговать с Персией. В связи с этим он стал вести с Раманчуковым весьма своеобразные разговоры. Жаловался на персидское правительство, говорил, что русскому посольству не было оказано в Персии должного почтения, тогда как сам шах Аббас относился к русским с великим уважением. Раманчуков же все больше отмалчивался. Наконец Бругеман перешел к главному: «Одно тебе сказываю, что мочно великому государю за такую обиду всю гилянскую землю и иные прилежащие земли к Хвалынскому морю невеликими людьми завладети по их нестроению и неурядству, что (потому что) у них никакого промыслу по оборони не будет, кроме того, что хвалятся в судах (емкостях, сосудах) золотых и серебряных, да горами высокими, а к ратному делу нет никакого строения»[12]. И далее голштинский

[12] РГАДА. Ф. 77. Персидские дела. Оп. 1. 1636. Ед. хр. 1. Л. 93–94.

посол раскрыл Раманчукову причину, по которой голштинцы поехали назад из Исфагана сложным путем через Гилян: «Мы де нарочно для того просилися через гилянскую землю и, как … приедем, и в те края погуляем в ней и поразсмотрим, каково, что, и какие промыслы надобны будут. А то первое де говорю прямо правдою и добрым разсуждением, … больше четырех тысяч солдат немецких не надобно, да русских воинских людей сколько великий государь … позволит»[13]. А по его заверениям у русского царя много могущественных друзей, о которых ему неизвестно. Через несколько дней Бругеман возобновил свои речи и заявил, что к титулу русского царя хорошо бы добавить и «государь и обладатель Хвалынского моря»[14].

И в итоге изложил план захвата Прикаспийских земель, отмечая удобство пути по Волге до Астрахани и от Астрахани до Баку, Гиляна и др.

Причины, по которым голштинец Бругеман вдруг стал ратовать за передачу богатых каспийских провинций во владение русского царя, были просты и состояли в его личном интересе. Поскольку задуманная голштинцами торговая комбинация провалилась именно из-за подписанного ими договора с московскими властями, единственным способом исправить ситуацию могло быть присоединение данных земель к Москве. В этом случае голштинцы могли бы покупать гилянский шелк, рис, табак и прочие продукты, не выплачивая означенных соглашением сумм (300 тыс. рублей в год)[15], поскольку эти земли стали бы уже частью Московского царства. В России идеи Бругемана никакой поддержки не получили по многим причинам, и прежде всего из-за того, что наибольшей угрозой в то время для нее была Польша, а западное направление — наиболее опасным.

Таким образом, Петр в своей задумке присоединить к России каспийское побережье, входившее в состав державы Сефевидов, не был первопроходцем. Его замыслу способствовало положение сефевидского Ирана, переживавшего глубокий политический и социально-экономический кризис.

[13] РГАДА. Ф. 77. Персидские дела. Оп. 1. 1636. Ед. хр. 1. Л. 94.
[14] РГАДА. Ф. 77. Персидские дела. Оп. 1. 1636. Ед. хр. 1. Л. 102.
[15] Зевакин Е. С., Полиевктов М. А. С. 4.

Раздел II
ТУРЦИЯ

Н. Ю. Ульченко *

К вопросу о типологизации турецких экономических кризисов

Резюме. Традиционные экономические (финансово-экономические) кризисы в современной Турции практически без исключения оказывались результатом наложения неблагоприятной внешней конъюнктуры на структурную уязвимость зависимой от внешнего финансирования национальной экономики (кризисы 1980, 1998, 2008 гг.). Своего рода новый этап в эволюции типологии турецких кризисов связан с их развитием без видимой внешней провокации под влиянием ее возросшего запроса на внешнее финансирование (кризисы 1994, 2001 гг.). Кризис 2018–2019 гг. стал иным по своей этимологии, продемонстрировав способность негативного влияния внешнеполитических вызовов на динамику притока внешнего финансирования в структурно хрупкую национальную экономику. Но тем не менее, и он не стал «здоровым» кризисом роста, связанным с принципиальной сменой модели экономического развития Турции.

Ключевые слова: Турция, экономический кризис, финансово-экономический кризис, «зависимая финансиализация», внешнеполитический активизм

* Ульченко Наталья Юрьевна - доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН.
ORCID: 0000-0002-0078-1199

On the issue of typology of Turkish press (1945-1946)

Abstract: *Traditional economic (financial and economic) crises in modern Turkey turned out to be almost without exception the result of the imposition of unfavorable external conditions to the structural vulnerability of the national economy dependent on external financing (crises of 1980, 1998, 2008). A kind of new stage in the evolution of the typology of Turkish crises is associated with their development without visible external provocation under the influence of increased demand for external financing (crises of 1994, 2001). Crisis of 2018–2019 has become different in its etymology, demonstrating the ability of the negative impact of foreign policy challenges on the dynamics of the inflow of external financing into the structurally fragile national economy. But nevertheless, it did not become a «healthy» growth crisis associated with a fundamental change in the model or structure of Turkey's economic growth.*

Keywords: *Turkey, economic crisis, financial and economic crisis, «dependent financialization», foreign policy activism*

Позволим себе начать с тезиса о том, что своеобразным показателем зрелости и устойчивости национальной экономики может выступать отсутствие постоянной синхронизации ее макроэкономических трендов, прежде всего нисходящих или даже завершающихся кризисами, с таковыми в мировой экономике. Мы не рассматриваем случаи экономической автаркии, которая сама по себе является существенным препятствием на пути роста экономики, поэтому в данном случае изоляция от мировых шоков вряд ли способна компенсировать ее генеральное ограничивающее влияние на национальную экономику.

Развивая первоначальную мысль, уточним, что такого рода относительная устойчивость к глобальным кризисам рассматриваемой гипотетической национальной экономики вовсе не означает, что не придется столкнуться с проблемой неравномерности роста, связанного, например, со сменой модели. Но в этом случае речь будет идти в большей мере именно о циклическом развитии национальной экономики, а не импорте кризиса по каналам международных экономических связей.

В турецкой экономике кризисы периода экономической либерализации, а именно начиная с 1980 г., в ряде случаев имели именно реактивный характер, т.е. являлись ответом национального валютного и финансового рынков на ухудшение внешней конъюнктуры.

Так, кризис рубежа 1970–1980-х годов стал отсроченной реакцией турецкой экономики на нефтяной шок 1973–1974 гг., кризис 1999 г. — представляет собой результат проекции на турецкую экономику азиатского кризиса 1998 г. Кризис 2009 г. стал следствием влияния на турецкую экономику глобального финансового кризиса 2008 г. Схема развития этих кризисов носит достаточно универсальный характер, а именно высокая степень зависимости турецкой экономики от внешнего финансирования ведет к ее дезорганизации в случае смятения международных финансовых рынков и их неготовности предоставить Турции постоянно необходимый объем средств.

В то же время в последние десятилетия турецкая экономика пережила и кризисные потрясения, среди причин которых соотношение влияния внешней конъюнктуры и внутренних факторов сместилось в пользу последних. Так, кризис 1994 г. хотя и разразился на фоне некоторого понижательного тренда в ведущих мировых экономиках и мире в целом и кризисов внешней задолженности, пережитых несколькими латиноамериканскими странами, в определяющей мере стал результатом реакции иностранных кредиторов на инициированное правительством Т. Чиллер падение доходности краткосрочных государственных долговых обязательств. Именно этот финансовый инструмент, с одной стороны, широко использовался для покрытия бюджетного дефицита, разросшегося в результате проведения импонировавшей избирателям политики роста реальной заработной платы. С другой стороны, после проведения Турцией в 1989 г. финансовой либерализации высокая доходность госбумаг сделала их популярными не только и не столько среди местных, сколько среди иностранных инвесторов. Особо следует сказать о роли турецких банков, которые активно занимали за рубежом с целью приобретения казначейских обязательств. То есть, оставаясь формально турецкими инвесторами, средства для скупки госбумаг они привлекали извне. В итоге снижение

инвестиционной привлекательности Турции после анонсированного премьер-министром снижения доходности гособлигаций решающим образом усугубило общую неуверенность и рост осторожности международных инвесторов и кредиторов.

Подобным же образом и кризис 2001 г., будучи спровоцирован ставшей достоянием общественности информацией о разногласиях во властных структурах страны, не имеет очевидной связи с ухудшением внешней финансовой конъюнктуры, типологически и этимологически он связан с кризисом 1994 г. — по сути, его развитие стало результатом сомнений инвесторов в возможности выполнения стабилизационной программы, направленной на преодоление последствий кризиса 1994 г.

Конечно, говорить в полной мере о «национальном» происхождении кризисов 1994 и 2001 гг. не представляется возможным. Скорее, речь идет лишь о провоцировании *внутренними, а не внешними факторами* (курсив Н.У.) очередного проигрывания традиционного сценария «зависимой финансиализации» (dependent financialization)[1] — неизбежной дезорганизации турецкой экономики в случае отказа международных финансовых рынков предоставить Турции необходимый объем средств. При этом привычная ситуация приобрела большую остроту за счет выхода потребностей Турции в поступлении средств извне на качественно новый уровень в результате преднамеренного проведения политики роста бюджетных дефицитов в целях расширения емкости внутреннего рынка и ускорения темпов роста экономики после стагфляции конца 1980-х годов. Таким образом, собственный вклад турецкой экономики в развитие кризисного сценария заключался в более критичном запросе на внешнее финансирование, а вследствие этого — повышении чувствительности даже к не слишком резко обозначившимся спадам международной финансовой конъюнктуры. То есть зависимость от последней сохранялась, но проявилась и роль Турции-субъекта, которая заключалась в придании этой

[1] См. подробнее: Akcay Ü., Güngen A. R. The Making of Turkey's 2018–2019 Economic Crisis.
Working Paper. No. 120/2019. Berlin, Institute for International Political Economy, 2019. P. 2, 18. «Зависимую финансиализацию» авторы понимают применительно к экономике с растущим рынком как экономическую структуру, в которой экономическая активность в растущей мере зависит от притока иностранного капитала.

зависимости более болезненного для национальной экономики характера.

С точки зрения прохождения теста на самодостаточность национальной экономики более позитивно значимым оказался кризис 2009 г. Успехи турецкой финансовой стабилизации к концу первого десятилетия XXI в. позволили надеяться на смягчение глубины воздействия глобального кризиса на турецкую экономику, хотя возросшая устойчивость госфинансов и сопровождалась ростом внешней задолженности турецкого частного сектора. Тем не менее, повышение упорядоченности бюджетной сферы вместе с удачно проведенной реформой банковского сектора действительно обеспечили турецкой экономике сравнительно неглубокий спад и быстрое послекризисное восстановление.

Заметим, что кризис 2009 г. ознаменовался сменой стороны, ответственной за вхождение в кризисное пике. В развитии кризисов начала 1980-х, 1994, 1999 и 2001 гг. такой стороной, безусловно, выступало государство по причине того, что именно в государственном секторе формировался опасный дефицит сбережений, который неизбежно приходилось финансировать за счет внешних кредитов. Правда, в ходе кризисов 1994–2001 гг. они привлекались через банковские каналы, в первую очередь частные — именно турецкие банки, занимая средства за рубежом, стали активно использовать их для скупки доходных гособлигаций. Поэтому в ходе кризиса были затронуты и интересы банковского сектора, впрочем, в значительной мере защищенного солидарностью государства, которое по возможности оттянуло момент девальвации лиры, дабы позволить турецким банкам погасить задолженность по кредитам в иностранной валюте по прежнему курсу. Но своим глубинным происхождением эти кризисы были обязаны именно разбалансированности в сфере госфинансов.

Подчеркнем еще раз, в 2009 г. на фоне стабилизации в сфере госфинансов основным заемщиком оказался турецкий частный сектор. Именно он в наибольшей степени пострадал по итогам кризиса. Таким образом, принципиально новый момент заключался в том, что кризис поразил турецкую экономику при отсутствии традиционных проблем в бюджетной сфере.

В 2018–2019 гг. Турция, как представляется, пережила экономический кризис нового типа.

Прежде всего остановимся кратко на понятии «кризис», как оно используется в данном случае. Современная экономическая наука не предлагает единого понятия кризиса. Парадоксальным образом, более детальную разработку получило определение основных типов кризиса — кризиса платежного баланса, банковского, валютного, долгового и финансового[2].

Известный западный экономист М. Бруно прямо указывает на неоднозначность определения кризиса: существующие определения не являются ни взаимосогласованными, ни эксклюзивными[3].

Однако существуют и положительные следствия того, что определение понятия «экономический кризис» не является строгим — появляется возможность выбрать специфическую и актуальное для его исследования интерпретацию.

При выборе понятия кризиса применительно к данной работе, во-первых, обратим внимание на тот факт, что кризис рассматривается не как нижняя точка падения темпов роста, а как процесс, имеющий определенную продолжительность во времени. Общая протяженность кризиса, таким образом, включает период, предшествующий достижению экстремального минимума (значительная часть понижательного тренда), и, собственно, точку максимального падения экономики.

Российские экономисты-востоковеды Л. Е. Гринин и А. В. Коротаев разделяют позицию временной продолжительности явления кризиса. По их мнению, экономический кризис также является не точкой во времени, а определенным развивающимся состоянием: «…экономическим кризисом мы в рамках настоящего исследования называем весь период, связанный с переломом тенденции экономики от повышательного тренда к понижательному, включая период спада в экономике, то есть фазу рецессии, а также часть депрессии, иногда еще более тяжелой по последствиям, чем собственно спад»[4].

[2] Ishihara Y. Quantitative Analysis of Crisis: Crisis Identification and Causality; World Bank Policy Research Working Paper. № 3598, May 2005. P. 2. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/8947 (дата обращения: 17.09.2021).

[3] Bruno M. Deep Crisis and Reform. What Have We Learned? Wash., World Bank, 1996. P. 1–2. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/744981468740209362/pdf/multi0page.pdf (дата обращения: 15.09.2021).

[4] Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Глобальный кризис в ретроспективе: краткая история

Схожей концепции кризиса придерживается и известный турецкий экономист З. Ониш. Так, кризис рубежа 1970–1980-х годов З. Ониш датирует 1977–1980 гг. Однако 1977–1978 гг. ознаменовались именно снижением темпов роста, собственно, в отрицательную область они перебрались лишь в 1979–1980 гг. Такого рода подход подтверждает правомерность нашего видения кризиса как временного промежутка, который включает период снижения темпов роста, а также сам период пребывания в нижней точке спада.

Во-вторых, примем разделяемую в турецкой литературе точку зрения о том, что кризис 2018–2019 гг., ознаменовавшись заметной потерей темпов роста экономики, все же не был отмечен ее сокращением. Приемлемость подобного подхода допускает и М. Бруно, который, комментируя проблему неоднозначности понятия кризиса, отмечал: «То что воспринимается как серьезный кризис в одной стране, может не вызывать беспокойства в другой; так, снижение темпов роста до 3% в год будет кризисом в Республике Корея, но не в Кении»[5]. Мы в данном случае принимаем понимание кризиса в реалиях Южной Кореи как существенное снижение оставшихся формально положительными темпов роста, исходя и его адекватности и для условий Турции.

С тем фактом, что в 2018–2019 гг. экономика Турции пережила кризис, согласны З. Ониш и М. Кутлай. Его характеристиками они считают сочетание низких темпов роста и ускорение инфляции[6]. Такой же позиции придерживаются У. Акчай и А. Гюнген, расценивая макроэкономическую дестабилизацию 2018–2019 гг. как кризис[7].

Исходя из предложенного понимания кризиса, как периода развития экономики до точки достижения минимальных значений роста, отметим, что с 2014 г. в стране началось замедление экономического роста (вступление в фазу предкризисной рецессии) в связи с сокращением объемов

подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. М., 2009. С. 45.

[5] Bruno M. Deep Crisis and Reform. P. 2.

[6] Ziya Ö. & Kutlay M. The anatomy of Turkey's new heterodox crisis: the interplay of domestic politics and global dynamics/Turkish Studies. 2020. P. 2020/ URL: https://doi.org/10.1080/14683849.2020.1833723. Published online 27 Oct/ P. 13–14.

[7] Akcay Ü. and Güngen A. R. The Making of Turkey's 2018–2019 Economic Crisis. 2.

привлекаемого внешнего финансирования на фоне снижения дефицита по счету текущих операций платежного баланса (см. рис. 1). В 2011 г. дефицит обновил исторический максимум в размере 75 млрд. долл. (около 10% ВВП), после чего начал снижаться при одновременном замедлении экономики. По всей видимости, отмеченные изменения свидетельствуют о попытке турецких элит отказаться от прежней модели «зависимой финансиализации», в значительной мере опиравшейся на использование кредитных возможностей международного рынка, но состоятельной альтернативы пока предложить не удалось.

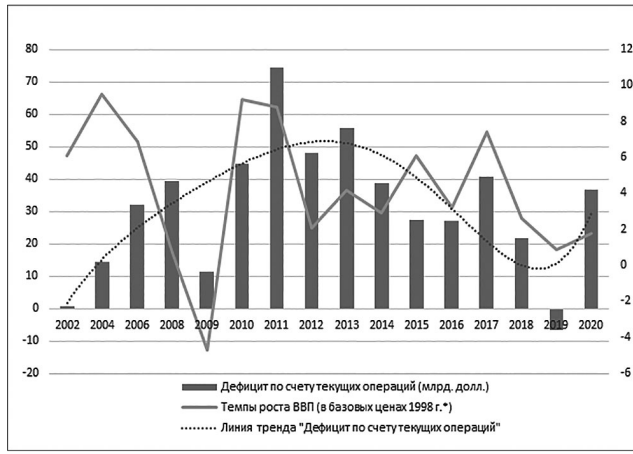

Рис. 1. *Некоторые макроэкономические показатели экономики Турции (2002–2020 гг.). Составлено по: База данных Всемирного банка: URL: https://data.worldbank.org/indicator/BN.CAB.XOKA.GD.ZS?locations=TR (дата обращения: 4.04.2021), URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=TR-1W-DE-RU-CN (дата обращения: 11.11.2021).*

При этом попытка отказа от модели роста первого десятилетия XXI в. проходила на фоне следующих трендов, логично предшествовавших или следовавших за снижением притока внешнего финансирования в турецкую экономику:

— проактивная, иногда с элементами вызова сложившемуся порядку внешняя политика;

— смягчение фискальной политики.

Итак, отличительной чертой турецкой внешней политики последних лет стал активный пересмотр догматов и алгоритмов действия предшествующего периода, обусловленный, в том числе, излишне оптимистичной оценкой экономических возможностей и потенциала страны. Ослабление внимания к реальным трендам экономического развития в условиях все более явного проявления авторитаризма со свойственной ему стилистикой категоричного принятия спорных решений привело к дистанцированию Турции от США и НАТО. Страна все в большей мере стремится продемонстрировать свою политическую субъектность на международной политической арене.

Так, в 2019 г., несмотря на членство Турции в НАТО, была заключена сделка с Россией на покупку и обслуживание ракетных комплексов С-400, турецкое Министерство обороны вело переговоры с Южной Кореей, Украиной о поставках деталей, необходимых для ВПК страны[8]. Обострился конфликт между Турцией и Грецией. В 2019 г. Турция начала работы по газовой разведке в спорных водах Средиземного моря. В августе 2020 г. к месту разведки были направлены корабли Военно-морского флота Турции, что привело к крупному инциденту с греческим военным кораблем и нарастанию напряжения между Турцией и Грецией.

Турция отказалась от предложения ЕС провести переговоры по вопросу границ в Восточном Средиземноморье[9]. После этого на заседании Европейского совета 10–11 декабря 2020 года было принято решение о введении санкций против Турции из-за ее научно-исследовательской и разведывательной деятельности в Средиземноморье[10]. Принятие санкций стало мощным сигна-

[8] Turkey-made helicopter engine to cut import bill $60M. URL: https://www.aa.com.tr/en/economy/turkey-made-helicopter-engine-to-cut-import-bill-60m/2066735 (дата обращения: 06.03.2022).

[9] European Council conclusions on external relations. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/10/01/european-council-conclusions-on-external-relations-1-october-2020/ (дата обращения: 06.03.2022).

[10] European Comission, Conclusions — 10 and 11 December 2020 URL: https://www.consilium.europa.eu/media/47296/1011–12–20-euco-conclusions-en.pdf (дата обращения 06.03.2022).

лом турецким властям, хотя их воздействие было ограничено только газовыми операциями Турции.

Резкая смена позиции Турции стала причиной беспокойства Запада. Комментируя сложившееся положение вещей, европейские эксперты М. Пирини и Ф. Сиккарди отмечали, что руководство Турции стало склонно к постоянной корректировке своей внешнеполитической линии в соответствии с внутриполитическими требованиями. Это создает значительную внешнеполитическую неопределенность для европейских и американских партнеров Анкары, поскольку Турция одновременно играет в друга и врага и действует как вместе с НАТО, так и против него. Совокупность этих обстоятельств, как считают эксперты, требует стратегического переосмысления со стороны Запада[11].

Запрос на подобное переосмысление ведет к нервозности зарубежных инвесторов. Снижение вслед за чувством уверенности их интереса к турецкому рынку приводит страну к существенным ограничениям в доступе к внешнему финансированию, а значит, и ослаблению действия одного из основных драйверов роста. Так, турецкие авторы Акчай и Гюнген признают, что пик валютного кризиса наступил в результате эскалации напряженности между Турцией и США, когда турецкая лира потеряла 23% своей стоимости относительно американского доллара[12].

Необходимость поддержания экономического роста на фоне сокращения объемов внешнего финансирования, во многом спровоцированного снижением предсказуемости развития отношений Турции и ее основных западных партнеров, стали причинами роста с 2014 г. размеров бюджетного дефицита и последующей утратой с 2018 г. такого важного элемента финансовой стабилизации, как профицит первичного бюджета[13] (см. рис. 2). Таким образом, рост бюджетных расходов начал превращаться в замещающий драйвер экономического роста. Следовательно, смягчение фискальной политики вполне может рассматриваться как частичная альтернатива прежней модели роста, что

[11] Pierini M., Siccardi F. Why the EU and the United States Should Rethink Their Turkey Policies in 2021.

[12] Akcay Ü. and Güngen A. R. The Making of Turkey's 2018–2019 Economic Crisis. P. 14.

[13] Соотношение доходов и расходов бюджета, не учитывающих процентные выплаты по госдолгу.

неизбежно поколебало устойчивость системы госфинансов. Знаменательно, что сокращение профицита первичного бюджета происходило практически параллельно с сокращением дефицита по счету текущих операций (см. Рис. 2). То есть реализовывался принцип сокращения объемов использования внешнего финансирования против роста внутреннего (роста бюджетных расходов). Видимо, именно эта опасная по своим последствиям для турецкой экономики альтернатива во многом имеется в виду, когда эксперты отмечают растущую пропасть между турецкими амбициями и возможностями. З. Ониш формулирует эту проблему как нарастание противоречий между стремлением к максимизации политической власти, ростом централизации в управлении экономикой и объективной привязанностью бедной ресурсами турецкой экономики к международному финансовому рынку[14].

Рис. 2. *Динамика некоторых макроэкономических показателей Турции (2002–2020 гг.). Составлено по: Istatistik gostergeler 1923–2008, S. 600, 643, 645, 694, Ekonomik Rapor 2005. Ankara, 2006. S.79; Ekonomik Rapor 2006. Ankara, 2007. S.78; Ekonomik Rapor 2009. Ankara, 2010. S. 78, 135; Ekonomik Rapor 2010. Ankara, 2011. S. 89, 144; Ekonomik Rapor 2012. Ankara, 2013. S.131, 206; Ekonomik Rapor 2014. Ankara, 2015. S. 109, 185; Ekonomik Rapor 2016. Ankara, 2017. S. 34, 113, 199; Ekonomik Rapor 2018. Ankara, 2019. S.131, 219; EKONOMİK GÖRÜNÜM. Mart 2021. s.4/ URL: https://ticaret.gov.tr/data/5e18288613b8761dccd355ce/Ekonomik%20 Görünüm_Mart_2021.pdf (дата обращения: 18.03.2022).*

Итак, можно говорить о возвращении национальной экономики к прежней модели роста с этатистскими рудиментами или,

[14] Ziya Ö. & Kutlay M. The anatomy of Turkey's new heterodox crisis: the interplay of domestic politics and global dynamics/Turkish Studies. 2020. P. 2020/ URL: https://doi.org/10.1080/14683849.2020.1833723. Published online 27 Oct/ P. 11.

по определению З. Ониша, «модели экономического управления, возглавляемого государством»[15], когда экономический рост обеспечивался за счет напряжения и перенапряжения бюджета. Использование подобных механизмов роста не раз приводило Турцию к финансовым кризисам.

Параллельное сокращение дефицита по счету текущих операций позволяет сделать определенные уточнения: речь шла о переходе от модели сравнительно высоких темпов роста, подогреваемого внешним финансированием, к инфляционной модели более умеренного роста, который финансируется бюджетной эмиссией на фоне сокращения зависимости от международного финансового рынка (см. рис. 3).

Рис. 3. *Объемы привлечения иностранных кредитов банковским сектором Турции, млрд. долл. США (2000–2021 гг.). Составлено по данным ЦБТР URL: http//tcmb.gov.tr*

Сокращение притока внешнего финансирования в сочетании с обострением проблемы бюджетного дефицита выступило триггером кризиса, «традиционного» для Турции типа (1980, 1994, 1999, 2001 гг.). Но важное отличие кризиса 2018–2019 гг. заключалось в том, что если ранее турецкая экономика становилась жертвой потрясений на международных финансовых рынках или же опасного роста собственных запросов на внешнее финансирование, то потенциал развития кризиса нового типа, скорее, заключен во внешнеполитических вызовах, инициированных самой турецкой стороной.

[15] Ibid.

Наличие внешнеполитического аспекта в снижении темпов роста турецкой экономики признают и Ониш и Кутлай. Они обращают внимание на смещение центра тяжести в турецкой внешней политике в постлиберальную эру (втором десятилетии XXI в.) в экономико-политическом смысле на Восток, в направлении России, Китая, а с точки зрения культурной принадлежности и цивилизационной идентификации — на Средний Восток (арабо-исламский мир). Таким образом, турецкие элиты перестали себя ощущать жестко афилированными с западными союзниками. Этот подход совсем не означает полный разрыв с Западом. Но турецкий истеблишмент уже более не считает Запад своей единственной якорной опорой. Эти обстоятельства повлияли на способы противостояния экономическим трудностям, позволив правительственным кругам пытаться использовать альтернативные источники внешней финансовой поддержки, например от России, Китая, Катара[16], что способствовало закреплению турецкой автономности по отношению к западным акторам и институтам (прежде всего, финансовым — *Н.У.*). Но в результате дистанцирования от западных партнеров последние, очевидно, уже окажутся не столь благожелательны, как раньше, в случае, если текущие экономические сложности приведут турецкую экономику к более серьезным проблемам. В итоге экономическое восстановление окажется гораздо более сложным в условиях отсутствия массированной западной поддержки, как это бывало в ходе ранее разворачивавшихся кризисов[17]. Таким образом, Ониш и Кутлай делают основной акцент на том, что смена внешнеполитического вектора сократит для Турции будущие возможности использования помощи западных финансовых институтов. Развивая данный тезис, подчеркнем, что отмеченный сдвиг стал отрицательным сигналом и для частных инвесторов, причем не столько направленным в будущее, сколько уже влияющим на настоящее.

[16] Отмеченный тренд получил дальнейшее развитие. Например, в январе 2022 г. Центральный банк Турецкой Республики сообщил о заключении соглашения о валютном свопе на три года с ОАЭ. Номинальная сумма соглашения — 4, 7 млрд долл./ URL: http://www.finmarket.ru/news/5630779 (дата обращения: 24.10.2023).

[17] Ziya Ö. & Kutlay M. The anatomy of Turkey's new heterodox crisis: the interplay of domestic politics and global dynamics/Turkish Studies. 2020. P. 2020/ URL: https://doi.org/10.1080/14683849.2020.1833723. Published online 27 Oct/ P. 8, 13.

Таким образом, кризис оказался результатом новых для турецкой экономики комбинации обстоятельств — внешнеполитических и валютно-финансовых. Новыми оказались и триггеры развития кризиса — проактивная с элементами вызова традиционным партнерским отношениям внешняя политика, обусловившая настороженность внешних кредиторов и вынудившая к частичной утере относительного баланса, достигнутого в бюджетной сфере. В итоге Турция пережила кризис падения темпов роста нового типа, спровоцированный внешнеполитической турбулентностью в условиях сохраняющейся «зависимой финансиализации».

Обновление типа кризиса опять же не означало его качественного изменения, которое понимается как переход от кризиса, развитие которого неотрывно от колебаний внешней конъюнктуры, к структурным кризисам роста. Произошло лишь явное дополнение одного аспекта внешнего влияния — финансово-экономического — другим — политическим.

После роста в менее чем 1% в 2019 г. и 1,9% в 2020 г. турецкая экономика выросла на 11,4% в 2021 г., по итогам 2022 г. рост был зафиксирован на уровне 5,6%. Послекризисное восстановление происходило на фоне резкого увеличения дефицита по счету текущих операций платежного баланса и резкого же увеличения импорта. Одновременно 2021 г. ознаменовался заметным снижением объемов бюджетного дефицита до 2,7% ВВП против 3,5% в 2020 г., а первичный бюджет оказался почти бездефицитным[18]. Похоже, следствием кризиса нового типа стало признание нежелательности сокращения внешнего финансирования ценой углубления внутриэкономических дисбалансов и внешнеполитических разногласий. Турция стала не столько сговорчивей, сколько ищет пути проявления большей гибкости в общении с западными партнерами. Таким образом, в целом Турция по-прежнему демонстрирует сохранение приверженности модели «зависимой финансиализации».

[18] EKONOMİK GÖRÜNÜM. Şubat 2023. Ankara: T. C. Ticaret Bakanlığı, 2023. S. 4, 6.

И. И. Иванова *

Карабахская война 2020 г. и изменение расстановки сил на Южном Кавказе

Резюме. Война 2020 г. в Нагорном Карабахе существенно отличается от первой карабахской войны начала 1990 г. Во-первых, на этот раз она завершилась поражением армянской стороны. Во-вторых, значительно усилилась роль Турции. В-третьих, на спорной территории между Азербайджаном и Арменией впервые появился российский миротворческий контингент. Роль России в урегулировании конфликта достигла качественно нового уровня.

Следует отметить влияние нагорнокарабахского конфликта на российско-турецкие отношения, сочетающие элементы соперничества и сотрудничества. Можно утверждать, что сторонам удалось избежать отрицательного влияние конфликта на двусторонние отношения. Вторая карабахская война завершилась, но мир пока не достигнут.

Ключевые слова: Нагорный Карабах. Армения, Азербайджан, российско-турецкие отношения

The Karabakh war of 2020 and the changing balance of power in the South Caucasus

Abstract. *The war in Nagorno Karabakh is significantly different from the first Karabakh war in the early 90's. Firstly, this*

* Иванова Инесса Ильинична - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН, ORCID: 0000-0002-3696-229

time war ended with the defeat of the Armenian side. Secondly, Turkey's role in the region has significantly increased. And thirdly, Russian peacekeeping contingent has appeared for the first time in the disputed territory between Azerbaijan and Armenia.

Russia's role in the settlement of the conflict has reached a qualitatively new level.

It should be noted the influence of the Nagorno Karabakh conflict on Russian-Turkish relations combining elements of rivalry and cooperation.

It can be argued that both sides managed to avoid the negative impact of the conflict on bilateral relations. The second Karabakh war was ended, but peace has not been achieved.

Key words: *Nagorno Karabakh, Armenia, Azerbaijan, Russian-Turkish relations*

На рубеже XX–XXI в. остался не решенным вопрос о Нагорном Карабахе, на который претендуют и Армения, и Азербайджан.

История этого конфликта такова. С 1937 г. спорная территория входила в состав Советского Азербайджана как Нагорно-Карабахская автономная область (НКАО). Подавляющее большинство её жителей составляли армяне. Однако с 1950-х годов Баку взял курс на их вытеснение и переселение сюда азербайджанцев.

Межобщинный конфликт на территории Нагорного Карабаха, имеющий давние исторические и культурные корни, приобрел особую остроту в ходе начавшейся в СССР политики перестройки (1987–1988). Совет народных депутатов НКАО в 1988 г. принял решение ходатайствовать перед армянским и азербайджанским республиканскими Верховными Советами о включении Нагорного Карабаха в состав Армении. В ответ на это в Азербайджане начались погромы армян, а осенью 1991 г. вспыхнула армяно-азербайджанская война.

2 сентября 1991 г. была провозглашена независимая Нагорно-Карабахская Республика (НКР), но ее не признало ни одно государство, включая Армению.

В 1991–1994 г. конфронтация армян и азербайджанцев привела к масштабным военным действиями за контроль над Нагорным Карабахом и некоторыми прилегающими к нему территориями.

Как подчеркивал шведский ученый, специалист по политике вопросов безопасности в Закавказье, Турции и Центральной Азии Сванте Корнелл, «из всех кавказских конфликтов карабахский конфликт имеет наибольшее стратегическое и общерегиональное значение. Этот конфликт — единственный на территории бывшего Советского Союза, в который были вовлечены два независимых государства. Более того, в конце 1990-х годов Карабахский конфликт способствовал формированию на Кавказе и вокруг него противостоящих друг другу группировок государств»[1].

5 мая 1994 г. был подписан Бишкекский протокол о перемирии и прекращении огня между Арменией и непризнанной Нагорно-Карабахской Республикой, с одной стороны, и Азербайджаном, с другой стороны. Также было подписано соглашение о прекращении огня с 12 мая 1994 г.

С самого начала армяно-азербайджанского конфликта Анкара заняла сторону Баку: объявила блокаду Армении и не пошла на установление дипломатических отношений с Ереваном.

После окончания первой войны в Нагорном Карабахе (1988–1994 гг.) эта территория была зоной замороженного конфликта. Азербайджан считал потерянные территории оккупированными, а не завоеванными, и никогда не скрывал своих намерений вернуть их. Перед войной 2020 г. президент Азербайджана Ильхам Алиев заявил: «Нагорный Карабах — наша древняя и историческая земля, и мы вернем эти земли»[2].

Уверенность И. Алиева основывалась на том, что с 1994 по 2020 г. баланс сил между двумя государствами изменился. Экономика Азербайджана процветала большую часть этого периода за счет каспийских нефтяных месторождений. Богатое нефтью и газом государство потратило большие средства на достижение военного превосходства.

Турция всегда одобряла претензии Азербайджана на спорную территорию в регионе, хотя первоначально она не играла значительной роли в поддержке Баку в его предыдущих конфликтах с Арменией. В 2008 г. Турция даже проводила политику

[1] Сванте Корнел. Конфликт в Нагорном Карабахе: динамика и перспективы решения. Old.sakharov-center: ru/publications/azrus/az. 0,15.htm. (дата обращения: 05.08.2023).

[2] Маркедонов С. Карабах 2020. Обострение или война. URL: htpps://Carnegie.ru/commentary/82795 (дата обращения: 05.08.2023).

сближения с Арменией. Провал этих дипломатических усилий стал водоразделом для развития турецко-азербайджанских отношений: после этого они только расширились и углубились.

С 2010 г. отношения между Турцией и Азербайджаном вышли на новый уровень. В 2010 г. оба государства подписали двустороннее соглашение «О стратегическом партнерстве и взаимной поддержке», которое обязало их помогать друг другу, используя «все возможности в случае военного нападения». Договор о стратегическом партнерстве от 2010 г. стал одним из важнейших элементов создания современных боеспособных вооруженных сил Азербайджана. Приведем некоторые свидетельства этому. Более 20 турецких оборонных компаний поддерживают с Азербайджаном деловые отношения. Турция, наряду с Россией и Израилем, входит в тройку крупнейших поставщиков вооружения для азербайджанской армии. Лишь за первые девять месяцев 2020 г. Азербайджан закупил у Турции вооружений на сумму в 123 млн. долл. Турецкое вооружение, проданное Азербайджану, включает в себя беспилотники, ракетные установки и другие виды оружия[3].

Три десятилетия многостороннего сотрудничества между Анкарой и Баку заложили основу для реализации их общих интересов в регионе.

Особую значимость имел запуск инфраструктурных проектов. В их число входят: нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан (запущен в 2005 г.), газопровод Баку — Тбилиси — Эрзурум (2006 г.), Трансанатолийский газопровод (2018 г.) и железная дорога Баку — Тбилиси — Карс (2017 г.). Для Азербайджана они сыграли ключевую роль в возможности экспортировать углеводороды на мировой рынок в обход России и Ирана, для Турции же они открыли перспективу создания энергетического хаба.

Вторая карабахская война началась с наступления азербайджанских войск 27 сентября 2020 г. с масштабным применением авиации, бронетехники, артиллерии. По версии минобороны Азербайджана, речь шла о контрнаступательной операции «Железный купол», начатой в ответ на обстрел армянской стороной нескольких азербайджанских населенных пунктов.

[3] Нуриев А. «Турция и Азербайджан между двумя карабахскими войнами». 21 дек. 2020 г. trtrussian.com/mnenie/turcia-i-azerbaijan-mezhdu-dvumya-karabahskimi-vojnami-3909348 (дата обращения: 10.05.2023).

После упорных боев в сентябре-октябре азербайджанским войскам удалось установить контроль над городами Джебраилом и Гадрутом, после чего армянский фронт рухнул. Последним сражением войны стала выигранная Азербайджаном битва за стратегически важный город Шушу.

Политическую и военную поддержку Азербайджану оказывала Турция, предоставившая военную технику и направившая в район военных действий сирийских наемников. Хотя формально Армения в войне не участвовала, по сути Армения и Нагорный Карабах в военном отношении фактически составляли одно целое.

Россия и Армения — стратегические союзники, причем Армения является членом и Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийского экономического союза. С первых же дней войны, когда превосходство сил противника стало очевидным, основные надежды Армении были обращены в сторону России. Ожидалось, что Москва нейтрализует турецкую угрозу, а также осудит участие наемников и добьется их вывода из зоны конфликта. С азербайджанской армией предполагалось справиться самостоятельно[4].

Публичную позицию России на начальном этапе войны можно характеризовать как подчеркнуто сдержанную и в целом мало отличающуюся от позиции США или Франции. Яркой иллюстрацией единодушия трех государств — сопредседателей Минской группы ОБСЕ — стало совместное заявление их глав на пятый день войны, 1 октября 2020 г. Президенты России, США и Франции «решительно осудили эскалацию в регионе и призвали к немедленному прекращению огня, а также к возобновлению переговоров без предварительных условий»[5].

Три попытки временного прекращения огня в целях «гуманитарного перемирия», инициированные Россией и её партнерами по Минской группе ОБСЕ, были сорваны в первые же минуты после анонсированного начала перемирий. Решимость Азербайджана и Турции поставить точку в вопросе принадлежности

[4] Аветикян Г. Война 2020 года в Нагорном Карабахе: Региональное измерение // Пути к миру и безопасности. № 2 (59). СПб., 2020. С. 186.

[5] Заявление президентов России, США и Франции по Нагорному Карабаху 1 октября 2020 г. Президент России, официальный сайт http: kremlin.ru-events president/news/64133.

Нагорного Карабаха проявлялась на фоне неспособности или нежелания посредников предпринять более действенные меры по предотвращению дальнейшей эскалации конфликта. Казалось, что Россия «отступает из Закавказья», освобождая место для турецкого присутствия[6].

Таким образом, несмотря на резолюцию СБ ООН о немедленном прекращении огня, столкновения между армянскими и азербайджанскими вооруженными силами продолжались. Лидеры Азербайджана и Армении подчеркнули, что еще не сформировались условия для остановки столкновений и начала переговоров. Азербайджан, усиливший свою военную мощь при активной поддержке Анкары для того чтобы «в корне устранить эту проблему, решил использовать силовое превосходство».

Турецкий политолог С. Кохен полагает, что «трудно понять настойчивость Армении продолжать борьбу, несмотря на полученные потери на фронте. И в этом большая доля ошибочных расчетов Пашиняна».

Далее Кохен подчеркивает, что на первый взгляд представляется, что в последних событиях Турция и Россия противостоят друг другу. Анкара помогает Азербайджану, Москва — Армении. «Однако очевидно, что Россия в этом вопросе, несмотря на существующие “особые отношения” с Ереваном, заняла более “серединную”, взвешенную позицию и благодаря этому может выступать в качестве посредника»[7]. Путин за счет успешной дипломатии, с одной стороны, защищает сферу своих интересов, с другой стороны — демонстрирует, что является главным актором на Кавказе.

Тем не менее, «Турция, проявившая себя как важный игрок в последних событиях, может установить сотрудничество с Россией в новом процессе по Нагорному Карабаху»[8].

Далее Кохен указывает, что, несмотря на противостояние Анкары и Москвы по некоторым вопросам в Сирии и Ливии, они продемонстрировали, что могут участвовать совместно в поиске решений. И такие же действия возможны сейчас на Кавказе.

[6] Аветикян Г. Война 2020 года в Нагорном Карабахе: Региональное измерение // Пути к миру и безопасности. № 2 (59). СПб., 2020. С. 186.

[7] S. Kohen Karabağ saban neveye kadar. Карабахская война. До какого предела. Milliyet. 02.10.2020.

[8] Ibid.

Президент РФ В. Путин 22 октября 2020 г. дал характеристику позиции России по событиям вокруг Карабаха. После своего выступления на международном Валдайском форуме российский президент ответил на вопросы политологов. На вопрос: кого Россия поддерживает в Нагорном Карабахе?, Путин заявил следующее: «У России всегда были особые связи с Арменией. И с Азербайджаном. В России живет 2 миллиона армян и 2 миллиона азербайджанцев. Для нас и Армения, и Азербайджан — равные партнеры. И для нас огромная трагедия, когда там гибнут люди. Мы хотим выстраивать полноценные отношения как с Арменией, так и с Азербайджаном. Да, есть элементы, причем в каждом случае выстраивания отношений с каждой из этих стран есть нечто такое, что отличает наши отношения с другим партнером. С Арменией это христианство. Но у нас есть очень тесные связи с Азербайджаном и по другим направлениям.

Что касается религиозной составляющей, я хочу обратить ваше внимание, что почти 15 процентов населения Российской Федерации исповедуют ислам. И даже в этом смысле Азербайджан не чуждая для нас страна.

Но чего мы точно не можем забывать — это то, что происходило в судьбе армянского народа, армянской нации в период Первой мировой войны. Трагедия огромная армянского народа.

В то же время мы понимаем, что такая ситуация, при которой значительная часть территории Азербайджана страной утрачена, не может продолжаться вечно.

Мы созваниваемся с Алиевым и Пашиняном по нескольку раз на дню. Никто не заинтересован в урегулировании в Карабахе более, чем Россия»[9].

После Карабаха прозвучал вопрос про Эрдогана и особую роль Турции в этой войне. «Эрдоган — человек гибкий, с ним можно найти общий язык», — сказал Путин. Знаю, что сегодня объем торгового оборота у нас 20 млрд. долларов. — Знаю, что Турция реально заинтересована в том, чтобы это сотрудничество продолжалось. Знаю, что президент Эрдоган проводит независимую внешнюю политику. Несмотря ни на какое давление, мы с ним в достаточно короткие сроки реализовали проект “Турецкий

[9] Нагорный Карабах на Валдайском форуме. Ответы В. Путина 22.10.2020. cwilnet.am/news/378 379 нагорный–карабах-на-валдайском форуме.

поток". С таким партнером не просто приятно, а с таким партнером надежно работается»[10].

Подписание главами государств Азербайджана, Армении и России совместного заявления от 10 ноября 2020 г. остановило войну и закрепило роль России как единоличного посредника между армянской и азербайджанской сторонами. Согласно документу, под контроль Баку перешли семь районов вокруг Карабаха, включая город Шуша. Азербайджан получил коридор по территории Армении для связи с Нахичеванской автономией, а Армении для связи с Карабахом был оставлен коридор через Лачинский район. В Нагорный Карабах вводились российские миротворцы[11].

После прекращения огня в Нагорном Карабахе 11 ноября 2020 г. главы военных ведомств Турции и России подписали меморандум о создании Совместного российско-турецкого центра (СРТЦ) по контролю за прекращением огня и всех военных действий в зоне нагорно-карабахского конфликта. Как отметил тогда министр обороны России С. Шойгу, СРТЦ «сформирует твердую основу для урегулирования застарелого конфликта».

Совместный российско-турецкий центр находится на территории Азербайджана в непосредственной близости от линии соприкосновения сторон.

30 января 2021 г. министр обороны Азербайджана генерал-полковник З. Гасанов, заместитель главы Минобороны РФ генерал-полковник А. Фомин, а также заместитель Минобороны Турции Ю. Караосманоглу официально открыли центр. Важность работы СРТЦ сложно переоценить. Так, в своем выступлении А. Фомин подчеркнул, что конфликт в Нагорном Карабахе был самым продолжительным и кровопролитным на постсоветском пространстве. А его турецкий коллега Ю. Караосманоглу отметил, что у Москвы и Анкары уже есть успешный опыт совместных действий по поддержанию мира, в частности на территории Сирии[12].

Президент России В. В. Путин, говоря о более широкой роли Турции в регионе, подчеркнул, что Анкара действовала в рамках

[10] Ibid.

[11] Азербайджан вернул контроль над Карабахом // Независимая газета. 25.12.2020.

[12] Рамм А. Беспилотный мир: в Карабахе заработал российско-турецкий центр // Известия. 01.02.2021.

международного права. В интервью российским СМИ он указал: «Азербайджан — независимое суверенное государство и вправе выбирать себе союзников так, как он считает нужным».

Глава государства также коснулся темы участия Анкары в миротворческой миссии в Нагорном Карабахе. «Мы договорились о том, что Турция по просьбе Азербайджана будет принимать участие в контроле за соблюдением прекращения огня. Мы сделаем это совместно с Турцией, имея в виду, что у нас есть очень хороший опыт взаимодействия на Ближнем Востоке, в том числе в Сирии, где мы и в Идлибской зоне, и на границе между Сирией и Турцией вместе организуем совместное патрулирование, конвой», — рассказал президент В. В. Путин.

Отвечая на вопрос о месте расположения центра по мониторингу режима прекращения огня, Путин отметил, что «Азербайджан вправе принять решение самостоятельно, где он посчитает целесообразным его разместить».

Российский лидер подчеркнул, что с точки зрения международного права и Нагорный Карабах, и все прилегающие к нему районы «являлись, являются неотъемлемой частью территории Азербайджанской Республики».

Президент РФ пояснил, что Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ) не могла оказать помощь Армении во время боевых действий в Нагорном Карабахе, поскольку на ее территорию никто не посягал. «Договор ОДКБ (о коллективной безопасности) предусматривает взаимную помощь в случае агрессии в отношении территории страны — участницы этого Договора. На территорию Армянской Республики никто не покушался. И это не давало нам никакого права принять прямое участие в этих боевых действиях», — сказал президент России[13].

Турецкие эксперты подчеркивают, что в результате поддержки, оказанной Турцией Азербайджану, «Нагорный Карабах был освобожден от армянской оккупации, и открытие Нахичеванского коридора стало началом нового периода для турецкой внешней политики в регионе, простирающимся от Кавказа до Центральной Азии. В интервью, данном корреспонденту

[13] Путин В. В.: Позиция Турции по Карабаху основана на международном праве. 18.11.2020. a.a.can/tr/ru/ азербайджан-борьба-за-целостность-путин-позиция-турции-по-карабаху-основана-на-международном праве/2047275.

Анатолийского Агентства, турецкие ученые следующим образом оценивают роль Турции в событиях на Кавказе. Председатель Фонда турецко-азербайджанского сотрудничества и солидарности профессор Айгюр Аттар подчеркнул, что политика Турции по вопросу Карабаха стала самым важным элементом турецкой внешней политики, еще раз подтвердивший тезис "два государства — один народ". Ученый указал, что хотя Россия и заявляла о своем доминирующем положении на Южном Кавказе, Турция, благодаря дипломатическим атакам, сумела занять свое место в этом регионе. Ожидания от Минской группы ОБСЕ закончились фиаско, и Турция доказала необходимость своего присутствия за столом переговоров»[14].

Профессор Университета национальной обороны (Milli Savunma Universitesi) Ибрахим Атнур указывал, что Турция, выступавшая на стороне Азербайджана с 1990-х годов, впервые использовала «все дипломатические инструменты и одержале победу. За счет этой политики она смогла внести серьезный вклад в решение карабахской проблемы, не решаемой вот уже 30 лет … Турция еще более усилила свою мощь в Южном Кавказе»[15].

И наконец, профессор Университета Мармара (Marmara Universitesi) Гирай Дерман подчеркнул, что решение карабахской проблемы, тридцать лет находившейся в состоянии «замороженного конфликта», при поддержке Турции стало самым важным завоеванием турецкой внешней политики в 2020 г.

Другим завоеванием стало открытие коридора связи, соединяющего Азербайджан и Нахичеванскую автономную область, что по прошествии века позволит соединить Турцию по суше с республиками Центральной Азии.

Дерман также подчеркнул, что «Турция значительно повысила свою мощь в качестве важного игрока на Южном Кавказе»[16].

Парад Победы, организованный 10 декабря 2020 г. в Баку, на котором присутствовали президенты Азербайджана и Турции, стал публичной символической демонстрацией нового уровня

[14] Karabağ zaferi 2020 Turk diş politikasinin en büisük kazanimi oldu. 30.12.2020. Победа в Карабахе стала самым большим завоеванием турецкой внешней политики в 2020 г. 30.12.2020. 20a.a.com.tr/azerbaycan-cephe hatti oldu.

[15] Ibid.

[16] Ibid.

их отношений. Война в Нагорном Карабахе 2020 г. — это пик в развитии альянса Баку — Анкара и одновременно свидетельство эрозии постсоветского пространства.

Безусловно, Россия является и в ближайшем будущем останется ключевым игроком в этом регионе, обладающим самым широким набором инструментов, в первую очередь политических и военных. Но ее тактический успех — прекращение боевых действий и размещение своих миротворцев в зоне конфликта — скорее свидетельствует о дипломатическом мастерстве и абсолютной воле к сохранению Южного Кавказа в зоне своего исключительного влияния, а не о реальной силе в регионе.

11 января 2021 г. в Москве состоялась встреча лидеров России, Азербайджана и Армении, по итогам которой декларировалась договоренность о создании рабочей группы во главе с вице-премьерами трех стран для разблокировки всех экономических и транспортных связей в регионе. Россия, взявшая на себя лидерство в переговорном процессе, сфокусировалась на том, чтобы не просто говорить о разрешении конфликта, но и с помощью совместных экономических проектов привязывать противоборствующие стороны к поискам эффективного мирного решения. Дальнейшее развитие событий показало, что полностью переключить фокус конфликтного урегулирования с геополитики на экономику не получилось. Неурегулированные вопросы безопасности за весь период между январем и ноябрем 2021 г. регулярно давали о себе знать[17].

В Ереване и Баку были даны диаметрально противоположные оценки итогов московского саммита 11 января.

Азербайджанская сторона, считающая вопрос о статусе Нагорного Карабаха окончательно снятым с повестки дня, стала делать упор на вопросах экономического развития Южного Кавказа и создания для этого шестисторонней платформы. Предполагалось, что «шестерка» будет состоять из двух «троек», одну из которых составят три закавказские республики — Азербайджан, Армения и Грузия, другую — Россия, Турция и Иран, ведущие государства региона, обладающие наибольшими ресурсами,

[17] Маркедонов С. Россия в армяно-азербайджанском урегулировании: укрепление лидерства. https://eurasia.expert/rossiya-v-armyano-azerbaydzhanskom-uregulirovanii-ukreplenie-liderstva/ (дата обращения: 15.10.2023).

политическим весом и экономическим потенциалом для его развития[18].

В свою очередь, линию Еревана с самого начала года во многом стало определять нарастающее внутриполитическое противостояние, массовые уличные протесты, участники которых сделали вопросы войны и мира центральными и продолжали обвинять премьер-министра Н. Пашиняна в сдаче национальных интересов.

Протесты в Ереване не успокоились после внеочередных парламентских выборов в июне 2021 г., на которых уверенно победила партия Н. Пашиняна «Мой шаг».

В ситуации, когда в первый послевоенный год премьер-министр Армении был вынужден делать каждый шаг с оглядкой на своих радикально настроенных оппонентов, быстрый старт диалога на высшем уровне сменился многомесячным застоем и новыми столкновениями на границе[19].

Несмотря на остроту карабахского сюжета, главным вопросом политической повестки стало уточнение и определение межгосударственных границ. Слом старого статус-кво изменил конфигурацию границ между Арменией и Азербайджаном. Таким образом, границы стали главной темой региональной безопасности.

По инициативе В. Путина в Сочи 26 ноября 2021 г. состоялась трехсторонняя встреча президентов РФ и Азербайджана и премьер-министра Армении. Как подчеркивал турецкий исследователь Айдын Гювен, на повестке дня стояли такие вопросы, как усиление региональной стабильности, выстраивание новых связей в области экономики и коммуникаций[20].

По итогам 26 ноября 2021 г. появилось очередное совместное заявление. Оно стало третьим с момента наступления перемирия 2020 г. Необходимо уточнить, что все встречи заканчивались не договоренностями, а совместными заявлениями, которые, по существу, выражали протоколы о намерениях. В заявлении особо подчеркнут «важный вклад российского миротворческого контингента в стабилизацию обстановки и обеспечении

[18] Строкань С. Горы с плеч.
Ереван и Баку получили послевоенную повестку. // Коммерсантъ. 30.12.2021.

[19] Там же.

[20] Ayden Güven. Rusya'da Dağlik Karabağ Zirvesi. 29.11.2021. URL: Iramcenter org/rusyada-daglik karabag zirvesiт (дата обращения: 03.12.2022).

безопасности в регионе». Стороны также «условились предпринимать шаги по повышению уровня стабильности и безопасности на азербайджано-армянской границе и вести дело к созданию двусторонней комиссии по делимитации государственной границы между Азербайджанской Республикой и Республикой Армения с последующей её демаркацией при консультативном содействии Российской Федерации по запросу сторон»[21].

В целом хорошей новостью стало достигнутое понимание того, что проведение делимитации границы вместе с разблокированием транспортных коммуникаций должно будет устранить очаг перманентной напряженности на границе. Как бы то ни было, за прошедший год Москва смогла значительно укрепить свое лидерство в деле посредничества между Баку и Ереваном. И обе конфликтующие стороны демонстрируют заинтересованность в российском участии[22].

Подводя итоги карабахской войны и последующих событий, можно сделать следующие выводы. Вспыхнувшая осенью 2020 г. война в Нагорном Карабахе существенно отличается от первой карабахской войны начала 1990-х годов. Во-первых, на этот раз война завершилась поражением армянской стороны. Во-вторых, значительно усилилась роль Турции. В-третьих, на спорной территории между Азербайджаном и Арменией впервые появился российский миротворческий контингент. Роль России в урегулировании конфликта достигла качественно нового уровня, тогда как роли США, Франции и других европейских стран, а также Минской группы ОБСЕ заметно уменьшились[23].

Обе конфликтующие стороны — Армения и Азербайджан — готовы принимать особую роль Москвы в урегулировании противостояния. На сегодня три документа (совместные заявления лидеров России, Азербайджана и Армении от 10 ноября 2020 г., 11 января 2021 г. и 26 ноября 2021 г.) определяют контуры послевоенного статус-кво, и Москва вовлечена в процесс их

[21] Встреча с Ильхамом Алиевым и Николом Пашиняном 26 ноября 2021 г. URL: kremlin.ru/events/president/news/67 200 (дата обращения: 03.12.2022).

[22] Маркедонов С. Россия в армяно-азербайджанском урегулировании: укрепление лидерства. https://eurasia.expert/rossiya-v-armyano-azerbaydzhanskom-uregulirovanii-ukreplenie-liderstva/ (дата обращения: 03.12.2022).

[23] Россия в армяно-азербайджанском урегулировании: укрепление лидерства. URL: https://nv.am/rossiya-v-armyano-azerbajdzhanskom-uregulirovanii-ukreplenie-liderstva/ (дата обращения: 15.05.2022).

имплементации. Таким образом, Россия, удержав равновесие во второй карабахской войне, сохранила Армению в статусе союзника, а Азербайджан — как партнера. В стратегическом отношении Москва обозначила курс на продвижение проектов экономического сотрудничества между враждующими сторонами, повышение внутренней связанности расколотого после распада СССР региона, развитие транспортных и других коммуникаций как по линии север — юг, так и восток — запад.

Следует также отметить влияние Нагорно-Карабахского конфликта на российско-турецкие отношения, сочетающие элементы соперничества и сотрудничества. Можно утверждать, что обеим сторонам удалось избежать отрицательного влияния конфликта на двусторонние отношения. И это стало возможным благодаря существующим между Россией и Турцией механизмам сотрудничества вроде тех, что использовались при урегулировании сирийского и ливийского кризисов, где интересы сторон не всегда совпадают. В случае с Нагорным Карабахом Москва в определенной степени утратила монополию на геополитическое лидерство на Кавказе, и теперь она должна учитывать интересы и мнение Турции в этом регионе.

Вторая карабахская война завершилась, но окончательный мир пока не достигнут. Нынешний статус-кво требует много усилий для восстановления региона, оставляя больше вопросов, чем ответов относительно путей решения многочисленных проблем и самого будущего региона. Это во многом будет зависеть не только от Армяно-Азербайджанского региона, но и в не меньшей степени от турецко-армянских и турецко-российских отношений. Перспектива улучшения будущих взаимоотношений Анкары и Еревана включает множество разрозненных фрагментов и внешнеполитических эпизодов, складывая которые возможно будет выстроить единую картину.

С. Л. Волкова *

Турция и Татарстан — торговые партнеры на современном этапе

Резюме. Турецкая политика географической диверсификации экспорта приобрела в отношении Российской Федерации форму сотрудничества с субъектами и регионами, в том числе и с Республикой Татарстан. В статье отмечается, что для налаживания торговых отношений стороны использовали различные схемы сотрудничества. Автор статьи анализирует динамику объема внешней торговли, а также товарную структуру экспорта и импорта на современном этапе. Делаются выводы, что Турция значительно нарастила объем экспорта, при этом возросла и технологичность турецких товаров. А импорт сырья и минеральной продукции, напротив, сократился. Отмечается, что сотрудничество сторон является взаимовыгодным и перспективным направлением.

Ключевые слова: Турция, Татарстан, географическая диверсификация, внешняя торговля, взаимовыгодное сотрудничество

Turkey and Tatarstan are trading partners at the present stage

Abstract. *The Turkish policy of geographical diversification of exports has acquired a form of cooperation with subjects and regions, including the Republic of Tatarstan, in relation to the Russian Federation. The article notes that the parties used various cooperation schemes to establish trade relations. The author of*

* Волкова Светлана Леонидовна – кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID ID: 0000-0002-1785-8957

the article analyzes the dynamics of the volume of foreign trade, as well as the commodity structure of exports and imports at the present stage. It is concluded that Turkey has significantly increased the volume of exports, while the manufacturability of Turkish goods has also increased. And imports of raw materials and mineral products, on the contrary, decreased. It is noted that the cooperation of the parties is a mutually beneficial and promising direction.

Keywords: *Turkey, Tatarstan, geographical diversification, foreign trade, mutually beneficial cooperation*

В 2000-х годах торговое сотрудничество между Турцией и Татарстаном продолжало развиваться. Наряду с сотрудничеством с прежними торговыми партнерами Турция активно расширяла торговые регионы и налаживала контакты с новыми странами. Российская Федерация являлась важным стратегическим партнером для Турции. Сотрудничая с РФ, Турция одновременно начала вовлекать во внешнеторговые связи все большее число российских субъектов. Стратегия географической диверсификации стала приобретать форму диверсификации внутри страны.

Республика Татарстан (РТ) являлась одним из важных и привлекательных партнеров для Турецкой Республики (ТР). Развивая экономические отношения, Турция наращивала объемы своей внешней торговли с РТ.

Стремительному развитию турецко-татарстанских отношений в начале 2000-х годах содействовало межправительственное соглашение о торговом, экономическом, техническом и культурном сотрудничестве, подписанное в 1995 г. В 2007 г. был подписан договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан. Татарстан в пределах своих полномочий мог проводить внешнеэкономические и международные связи с субъектами и административно-территориальными образованиями иностранных государств, участвовать в деятельности специально созданных для этих целей органов международных организаций, а также имел право на заключение соглашений об

осуществлении международных, внешнеэкономических связей и осуществлять такие связи с органами государственной власти иностранных государств — по согласованию с Министерством иностранных дел Российской Федерации[1]. Таким образом, Татарстан в рамках своих полномочий мог напрямую осуществлять сотрудничество с Турцией, при этом имея меньшее, чем у центральных структур, давление налоговых и контролирующих организаций и бюрократии, специальные льготы и гарантии и используя поощрения и защиту иностранного капитала. Одновременно с прямым сотрудничеством РТ развивала экономические и торговые связи еще и благодаря специализированным организациям турецких государственных и неправительственных структур, министерств и ведомств, представительств и объединений частного сектора. Данная схема позволяла обходить законодательство с помощью различных юридических форм сотрудничества.

Благодаря налаженным схемам и методам развития торговых отношений объем внешней торговли между Турцией и Татарстаном в начале 2000-х годов имел тенденцию роста. В 2009 г. президент Турции А. Гюль, находясь в Татарстане с официальным визитом, отметил, что Турция является одной из первых стран, осуществляющих внешнюю торговлю напрямую с Татарстаном. А. Гюль заявил, что объем внешней торговли имеет небывалый рост (в 2002 г. он составлял всего 20 млн долл., а в 2008 г. — почти 3 млрд долл.). Президентами республик были высказаны надежды на то, что данный рост продолжится и далее[2].

Однако стоит отметить, что, несмотря на ожидаемый рост объема внешней торговли до 3 млрд долл. и более, данного увеличения не произошло, а имелось снижение его объемов (см. табл. 1) (приводимые здесь и далее данные относятся к товарам, прошедшим таможенный контроль в Приволжском таможенном управлении в Татарстане Федеральной таможенной службы РФ).

[1] Волкова С. Л. Экономическое сотрудничество Турции и Татарстана: договорно-правовые и юридические аспекты (2005–2014 гг.) // Финансовая экономика. 2022. № 3. С. 12.

[2] Tataristan'a ilk cumhurbaşkanı ziyareti // Güney Türkistan. 16.02.2009. URL: https://guneyturkistan.wordpress.com/2009/02/16/tataristana-ilk-cumhurbaskani-ziyareti/ (дата обращения: 23.11.2022).

Таблица 1

Объем внешней торговли между Турцией и Татарстаном, долл.

Годы	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Объем (млн. долл.)	7,7	17	160	840	930	1029	1385	2543	1598	1514

2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
794	925	657	500	350,6	215,5	303,9	313,9	480,9	361,8	563,8

Рассчитано и составлено по данным Министерства торговли и внешнеэкономического сотрудничества Республики Татарстан (было ликвидировано 11.07.2019). URL: https://mpt.tatarstan.ru/sotrudnichestvo-so-stranami-dalnego-i-blizhnego.htm и Государственного комитета Республики Татарстан по статистике. URL: https://tatstat.gks.ru/statistic.

Проанализировав данные, стоит отметить, что в начале 2000-х годов наблюдался резкий рост объема внешней торговли между сторонами. Так, в 2001 г. внешнеторговый оборот составлял всего лишь 7,7 млн долл., в 2003 г. уже 160 млн долл., а в 2005 г. — 930 млн долл. — рост был колоссальным (в 100 раз). И далее увеличение продолжилось: с 930 млн долл. в 2005 г. до 2,5 млрд долл. в 2008 г. — в 2,7 раза. Но мировой финансово-экономический кризис стал причиной снижения спроса и падения контрактных цен на продукцию топливно-энергетического сектора. В итоге, в 2009 г. наблюдалось падение объема внешней торговли в 1,5 раза (до 1,6 млрд долл.). В 2014 г. он составил всего 500 млн долл., снизившись по сравнению с 2008 г. в 5 раз. Объем внешней торговли сокращался вплоть до 2016 г. Однако начиная с 2017 г. мы наблюдаем его увеличение. После коронавирусной пандемии в 2020 г. произошло очередное падение значений, но в 2021 г. объем торговли вновь увеличился и достиг примерно значений 2014 г. (564 млн долл.).

Рассмотрим экспорт Турции в Татарстан (см. табл. 2).

Таблица 2

Экспорт Турции в Татарстан, долл.

Годы	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Объем турецкого экспорта, млн. долл.	2	4	3	6	11,5	26,9	134,6	231,9	56,6	139,8
Доля в общем объеме татарстанского импорта, %	0,5	1,1	0,6	1,0	1,6	2,5	7,6	7,9	3,2	5,4

2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
230,8	209,4	301,7	325,4	130,1	104,3	159,6	193,9	210,2	219,7	341,5
6,8	5,5	5,7	7,4	5,3	3,9	4,1	5,0	6,6	6,0	6,2

Рассчитано и составлено по данным Министерства торговли и внешнеэкономического сотрудничества Республики Татарстан (было ликвидировано 11.07.2019). URL: https://mpt.tatarstan.ru/sotrudnichestvo-so-stranami-dalnego-i-blizhnego.htm и Государственного комитета Республики Татарстан по статистике. URL: https://tatstat.gks.ru/statistic.

Объем турецкого экспорта в начале 2000-х годов был довольно низким: 2001 г. — 2 млн долл., 2003 г. — 3 млн долл. В 2005 г. по экспорту в Татарстан Турция имела незначительную долю, всего 1,6%, в 2006 г. — 2,5%. В 2007 г. рост турецкого экспорта увеличился в 12 раз — с 11 млн в 2005 г. до 135 млн долл. в 2007 г. В 2009 г. в результате мирового финансово-экономического кризиса снижение стоимостного объема турецкого экспорта составило 207% (56,6 млн долл. в 2009 г. против 231,9 млн долл. в 2008 г.) — сокращение в 4 раза. В 2010 г. наблюдался вновь рост доли Турции в импорте Татарстана — 5,4%, и в 2014 г. Турция была на четвертом месте среди стран-лидеров по импорту Татарстана (ее доля составила 7,4% от общего объема татарстанского импорта). В 2018 г. Турция заняла 5-е место, которое она

продолжала удерживать в 2019, 2020 и 2021 гг. В итоге стоимость турецкого экспорта с начала 2000-х гг. увеличивалась (за исключением 2009 и 2016 гг.). В результате с 2005 по 2021 г. экспорт Турции в Татарстан увеличился примерно в 30 раз.

Доля турецкого экспорта в общем объеме внешней торговли сторон, имела значительное увеличение — более чем в 60 раз (1% — в 2003 г., 2,6% — в 2006 г., 9% — в 2010 г., 45,9% — в 2013 г., 48% — в 2016 г. и 60% — в 2021 и 2022 гг.).

Данная тенденция подтверждает успешность экспортно ориентированной стратегии Турции, которая была направлена на рост экспорта, в том числе и благодаря расширению числа торговых партнеров за счет географической диверсификации.

Импорт Турции из Татарстана в начале 2000-х годов имел тенденции роста (см. табл. 3).

Таблица 3

Импорт Турции из Татарстана, долл.

Годы	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Объем турецкого импорта, млн. долл.	5	13	157	836	919,2	1002,3	1250,5	2311,0	1540,9	1374,7	563,3
Доля в общем объеме татарстанского экспорта, %	0,2	0,4	3,7	14,2	9,7	8,8	9,3	12,5	13,1	8,1	2,6

2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
719,8	355,2	174,8	220,5	111,2	144,3	119,9	270,7	142,1	222,3
3,4	1,6	1,0	2,1	1,2	1,1	0,8	2,2	1,6	1,8

Рассчитано и составлено по данным Министерства торговли и внешнеэкономического сотрудничества Республики Татарстан (было ликвидировано 11.07.2019). URL: https://mpt.tatarstan.ru/sotrudnichestvo-so-stranami-dalnego-i-blizhnego.htm и Государственного комитета Республики Татарстан по статистике. URL: https://tatstat.gks.ru/statistic.

Так, с 2002 до 2008 г. стоимость импорта увеличилась с 13 млн долл. до 2,3 млрд долл. Доля Турции в общем объеме татарстанского экспорта увеличилась (в 2006 г. она составляла 8,8%, а в 2007 г. — 9,3%). С 4-го места среди стран по экспорту Татарстана Турция в 2009 г. переместилась на 1-е место. Но в 2009 г. под влиянием мирового кризиса стоимостной объем экспорта Республики Татарстан снизился на 36,3% относительно 2008 г. (11 748 млн долл. против 18 445 млн долл.). После 2009 г., несмотря на рост общего объема экспорта Татарстана, экспорт в Турцию сокращался. Так, в 2010 г. доля Турции составляла 8,1%, в 2011 г. — 2,6%, а в 2014 г. — 1%. В 2018 г. доля Турции продолжала снижаться, опустившись ниже 1%. Хотя в 2019 г. она повысилась и составила уже 2,2% (12-е место). Но в 2020 г. и 2021 г. вновь наблюдалось снижение доли Турции. Начиная с 2014 г., стоимость турецкого импорта имела незначительные изменения (120–200 млн долл.). При этом импорт в отдельные годы снижался (2016, 2018, 2020), а в другие — 2015, 2017, 2019 и 2021 — возрастал. В итоге по сравнению с максимальными значениями в первом десятилетии 2000-х годов импорт Турции сократился к 2021 г. более чем в 10 раз.

Таким образом, в первом десятилетии 2000-х годов Турция в основном импортировала татарстанскую продукцию. Доля турецкого импорта в общем объеме турецко-татарстанской внешней торговли с 2005 по 2010 г. составляла более 90% (2005 г. — 98,8%, 2007 г. — 90%, 2009 г. — 96,3%, 2010 г. — 90,7%).

Но с 2011 г. импорт Турции значительно сократился. В 2014 г. доля турецкого импорта в общем объеме внешней торговли сторон составила всего лишь 35%. И несмотря на очередной рост доли турецкого импорта в 2016 г. до 50%, в 2021 г. она составила 39%.

Таким образом, снижение общего объема внешней торговли происходило именно за счет уменьшения объемов импорта Турции, в то время как турецкий экспорт, напротив, увеличивался. В итоге экспорт Турции в Татарстан увеличился за 20 лет в 30 раз, а турецкий импорт сократился с 2008 по 2021 г. в 10 раз.

В начале 2000-х годов Турция имела огромное отрицательное сальдо внешней торговли (в 2005 г. — 907 млн долл., в 2009 г. — 1,48 млрд долл.). Начиная с 2014 г. сальдо баланса

внешней торговли стало впервые положительным для турецкой стороны (150 млн долл.). И несмотря на то, что в отдельные годы сальдо вновь было отрицательным, в 2017, 2018, 2020 и 2021 гг. оно было положительным (в 2021 г. оно составило 119 млн долл.).

Превышение экспорта над импортом демонстрирует соотношение турецкого экспорта к импорту. В начале 2000-х годов оно было ничтожно мало (1,3% в 2005 г.). В последующие годы наблюдалось его увеличение: 2007 г. — 10,7%, 2013 г. — 85% и 2014 г. — 186%. И далее неоднократно имело значения, превышающие 100% (2017, 2018, 2020 и 2021 гг.). В итоге в 2021 г. данный показатель составил 153%. Данные цифры отражают превышения объемов экспорта над импортом и показывают успешность политики экспортоориентированного развития.

В то же время стоит отметить, что к увеличению объема турецкого экспорта в Татарстан привело и расширение его ассортимента и структуры.

Рассмотрев товарную структуру турецкого экспорта, стоит отметить, что в 2001 г. лидировали оборудование механическое — 37%, оборудование электрическое — 4%, инструменты измерительные — 1,6%, а также автомобильное оборудование, трубы из черных металлов[3]. В 2020 г. 1-е место занимал транспорт (40,1%). Далее — машины, оборудование и аппаратура — 33,8%, металлы и изделия из них (7,7%)[4].

То есть лидирующие позиции в турецком экспорте занимали транспорт и машины, оборудование и аппаратура. Это отражает наращивание Турцией общего стоимостного объема своего экспорта. Страна экспортирует товары, принадлежащие к продукции среднетехнологичных отраслей, а тенденция их преобладания подтверждает развитие технологичности турецкого экспорта и рост его конкурентоспособности.

В 2001 г. в импорте Турции преобладала продукция химической и нефтехимической промышленности (каучук синтетический — 36%, моющие и чистящие средства — 28%, шины

[3] Рассчитано по данным Министерства торговли и внешнеэкономического сотрудничества Республики Татарстан. URL: https://mpt.tatarstan.ru/sotrudnichestvo-so-stranami-dalnego-i-blizhnego.htm и Государственного комитета Республики Татарстан по статистике. URL: https://tatstat.gks.ru/statistic (дата обращения: 05.09.2022).

[4] Рассчитано по данным интернет-сайта ru-stat.su. URL: https://ru-stat.com/date-Y2013–2014/RU92000/import/TR (дата обращения: 05.09.2022).

резиновые — 19%)[5]. Однако далее объем минеральной продукции резко сократился. Это же отмечалось и по нефтепродуктам. На снижении импорта нефти начиная с 2009 г. сказался не только мировой финансовый кризис, но и расширение Татарстаном числа партнеров по экспорту своей нефти, а также запуск в 2011 г. нефтеперерабатывающего комплекса ТАНЕКО, что послужило причиной роста переработки нефти в готовое сырье. В итоге в 2020 г. 1-е место в турецком импорте уже занимали пластмассы, каучук и резина — (46,5%), 2-е — жиры и масла (35,7%), 3-е — древесина (6%), а 4-е место занял транспорт — (3,9%). Минеральные продукты заняли всего лишь 5-е место (3,4%)[6]. Таким образом, за указанный период отмечалось изменение структуры импорта Турции из Татарстана, смещение от минеральной и химической продукции к древесине и транспорту.

Оценка двустороннему турецко-татарстанскому сотрудничеству с начала 2000-х до 2015 г. была дана на бизнес-форуме Комитета по внешнеэкономическим связям (DEİK) председателем Тунджаем Йозильханом. Он сообщил, что Татарстан, занимая 5-е место среди регионов России по промышленному производству и 2-е место по сельскохозяйственному производству, представляется для Турции перспективным регионом для распределения направлений своего сотрудничества и на другие регионы и субъекты РФ, кроме Москвы. При этом было отмечено, что объем двусторонней торговли демонстрировал небывалый рост, начиная с 2000-х годов, и достиг в 2007 г. примерно 1,5 млрд долл, а в 2008 г. он увеличился еще почти в два раза и достиг 2,6 млрд. долл. Несмотря на последующее снижение объемов, Т. Йозильхан выразил надежду, что в дальнейшем стороны достигнут более высоких показателей. В итоге председатель бизнес-форума DEİK отметил, что Татарстан стоит расценивать с точки зрения его географического положения как мост для развития продуктивного сотрудничества с Российской Федерацией. Он выразил надежду,

[5] Рассчитано по данным Министерства торговли и внешнеэкономического сотрудничества РТ. URL: https://mpt.tatarstan.ru/sotrudnichestvo-so-stranami-dalnego-i-blizhnego.htm и Государственного комитета РТ по статистике. URL: http://www.tatmintorg.ru/.

[6] Рассчитано по данным интернет-сайта ru-stat/su. URL: https://ru-stat.com/date-Y2013–2014/RU92000/export/TR.

что турецко-татарстанское и турецко-российское сотрудничество будет развиваться и укрепляться[7].

Конечно, пандемия коронавирусной инфекции внесла ограничения в контакты сторон, однако они прилагали все усилия для продолжения развития двусторонних отношений. В результате мы отмечаем увеличение объема торговли в 2021 г. после падения в 2020 г. А количество заключенных соглашений и подписанных договоров продолжало возрастать.

Так, президент Республики Татарстан Рустам Минниханов, находясь с рабочим визитом в Турции в июне 2021 г., заявил, что Татарстан планирует выйти на устойчивый рост товарооборота с Турцией, а также отметил, что несмотря на некоторый спад из-за пандемии, имеются надежды, что в дальнейшем экономики будут восстанавливаться, в результате чего стороны выйдут на устойчивую траекторию роста. Также президент Татарстана провел встречу с руководством Союза производителей продукции машиностроения Турции. После посещения промышленной зоны Гебким Р. Минниханов отметил важность личных контактов для восстановления показателей сотрудничества допандемийного уровня. Затрагивался также вопрос о взаимодействии компании «Татнефть» с входящей в холдинг турецкой компанией «Тюпраш». Татарстанская сторона заявила о своей готовности к совместной работе не только по поставкам нефти, но и по обмену своими технологиями по переработке сырья и взаимодействию по общим проектам в нефтехимии[8].

Во время встречи в Екатеринбурге в июне 2022 г. на международной промышленной выставке глава Татарстана отметил, что обе стороны, будучи торговыми и экономическими партнерами, одновременно имеют прочные братские связи. Подчеркивалось, что республика придает огромное значение торговому, экономическому и инвестиционному сотрудничеству. В свою очередь представитель турецкой стороны, заместитель

[7] Türkiye-Tataristan İş Forumu // Medyaradar. 15 Aralık 2016. URL: https://www.medyaradar.com/turkiye-tataristan-is-forumu-haberi-549105 (дата обращения: 13.11. 2022).

[8] Minnihanov: Türkiye ile ticaret hacminde istikrarlı büyüme hacmine ulaşmayı hedefliyoruz // Sputnik. Türkiye. 24.06.2021. URL: https://sputniknews.com.tr/20210624/minnihanov-turkiye-ile-ticaret-hacminde-istikrarli-buyume-hacmine-ulasmayi-hedefliyoruz-1044808922.html (дата обращения: 20.01.2023).

министра промышленности и технологий Х. Бюйюкдеде, также отметил важность и перспективность данного сотрудничества[9].

Торговые отношения между Турцией и Татарстаном являются взаимовыгодными. Турция значительно нарастила за 20 лет объемы экспорта и увеличила его технологичность, при этом сократив импорт, в котором нефть и нефтепродукты перестали занимать лидирующие позиции. Татарстан также стремится к расширению сотрудничества, наращивая свой экспорт среднетехнологичных товаров. Необходимо дальнейшее развитие и укрепление торговых отношений между сторонами, которым следует исходить из их выгоды и интересов, несмотря на непростые современные политические и экономические условия.

[9] Rusya'nın en büyük sanayi fuarına Türkiye çıkarması // Gazetem. 4 Temmuz 2022. URL: https://www.gazetemru.com/2022/07/04/rusyanin-en-buyuk-sanayi-fuarina-turkiye-cikarmasi/ (дата обращения: 22.01.2023).

Е. А. Васильева *

Турция и Греция: нарастание «напряженности» (начало XXI в.)

Резюме: Турецко-греческие отношения, начиная со второй половины XX в. находятся в напряженном состоянии. Между двумя странами накопился большой круг вопросов, которые пока не удаётся решить. А новые реалии, с одной стороны, усугубляют общую обстановку в регионе, а с другой стороны, являются мощным стимулом для активизации усилий по решению проблем. К сожалению, это пока приводит к всё большему нарастанию напряженности между Грецией и Турцией, поскольку обе страны стремятся решить проблемы в свою пользу и не принимают компромиссные варианты. К противостоянию двух сторон уже прямо или косвенно начали подключаться и другие акторы. После прихода к власти в Турции в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР) были приложены усилия по сближению турецкой и греческой позиций, однако попытка государственного переворота в Турции в 2016 г. изменила данный тренд. И начался новый виток ухудшения отношений, решить который пока не удаётся.

Ключевые слова: Турция, Греция, Кипр, ТРСК, турецко-греческие отношения, Эгейское море, ИЭЗ, континентальный шельф, природный газ, Восточное Средиземноморье

Turkey and Greece: the rise of «tension» (beginning of XXI centery)

Abstract: *Historically Turkish-Greek relations are tense. There are a large number of unsolved issues between the two countries. But new realities appeared. On the one hand, they*

* Васильева Екатерина Александровна - соискатель Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН.

worsen situation in the region, on the other hand, it`s aboost to intensify efforts to solve problems. Unfortunately, this situation in general has so far led to an increasing tension between Greece and Turkey. Countries seek to solve problems in their favor and do not accept compromise. Other actors have already started to get involved directly or indirectly in the confrontation between Greece and Turkey. After the Justice and Development Party came to power in Turkey, efforts were made to bring the Turkish and Greek positions closer, but 2016 Turkish coup d'état attempt changed this trend. And deterioration of relations has begun with new strength.

Keywords: *Turkey, Greece, Cyprus, TRNC, Turkish-Greek relations, Aegean Sea, Exclusive Economic Zone, continental shelf, natural gas, Eastern Mediterranean*

В течение уже достаточно долгого времени турецко-греческие отношения остаются напряженными. Одна из исторических причин — оккупации Грецией западных районов Турции после Первой мировой войны, в ходе которой Греция рассчитывала на территориальные приобретения во Фракии и Западной Анатолии (Измир, Маниса и Айвалык)[1]. Национальное освободительное движение Турции не позволило реализоваться этим планам. Однако сейчас остро стоит вопрос о делимитации морских границ в Эгейском море и воздушного пространства над ним.

Греция является страной-подписантом Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а Турция — нет, поэтому у сторон сложились разные подходы к решению проблем формирования исключительной экономической зоны и континентального шельфа: Греция апеллирует международным правом, Турция же исходит из принципа «справедливости». Анкара полагает, что стремления Греции ущемляют её права, и намерена препятствовать превращению Эгейского моря в «греческое озеро»[2]. Однако турецкая позиция также имеет юридическое обоснование. Турция обращается к Лозаннскому мирному договору, который был

[1] Еремеев Д. Е. История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней. М.: Квадрига, 2017. С. 55–56.

[2] Восточное Средиземноморье в поисках нового баланса интересов / П. Гудев, И. Ибрагимов, Ю. Квашнин [и др.] // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 3(66). С. 107–108.

подписан в 1923 г., тогда территориальное море ограничивалось тремя морскими милями. Учитывая изменения в регионе, произошедшие с момента подписания Лозаннского договора, Турция аппелирует и к Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., в которой прописано, что непредвиденные коренные изменения не являются основанием для прекращения действия договора[3].

Необходимо отметить, что Турция (несмотря на свою приверженность «духу Лозанны») в 1964 г. расширила границы территориальных вод до 6 морских миль с оговоркой, что в Чёрном и Средиземном морях на основе взаимности будет использовано 12 морских миль. Для Турции неприемлемо увеличение границ территориального моря в Эгейском районе до 12 миль, поскольку тогда она будет отрезана от открытого моря территориальными водами Греции[4]. Турцию не устраивает тот факт, что несмотря на большую протяженность своей береговой линии в Эгейском море, она фактически лишается возможности вести здесь экономическую и хозяйственную деятельность.

Безусловно, главную роль в данном противостоянии играют острова Эгейского моря, которые в своём большинстве принадлежат Греции (более тысячи островов). По условиям Лозаннского договора только Гёкчеада (Имроз), Бозджаада и Тавшан остались за Турцией, остальные были переданы Греции и Италии[5]. Все итальянские острова в Эгейском море отошли к Греции по Парижскому договору 1947 г. Однако в 1995 г. Турция направила Греции ноту, в которой скала Кардак (ранее принадлежащая Италии) является неотъемлемой частью Турции, обосновывая это тем, что протокол делимитации турецко-итальянской границы 1932 года, по которому Кардак (Имиа) был территорией Италии, не был ратифицирован ВНСТ и не был зарегистрирован в Лиге Наций[6].

Вопрос островов важен по нескольким причинам. Первая — острова Лемнос, Лесбос, Айос-Эфстратиос (принадлежат Греции),

[3] Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции. Коллективная монография / под ред. И. Д. Звягельской / ИМЭМО РАН. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 35–37.

[4] Там же. С. 40–43.

[5] Еремеев Д. Е. Указ. соч. С. 107–109.

[6] Борьба за Восточное Средиземноморье. С. 38–40.

а Гёкчеада/Имброз, Тавшан, Бозджаада принадлежат Турции. Они необходимы для контроля прохода через Черноморские проливы (см. рис. 1).

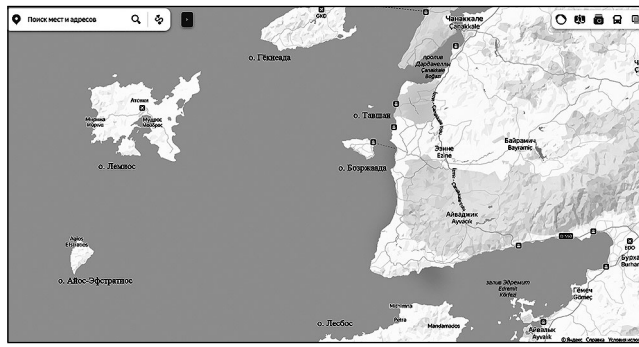

Рис. 1. **Пролив Дарданеллы и близлежащие острова**
Источник: Яндекс Карты *(с пометками автора).*
URL: https://yandex.ru/maps/?ll=26.350532%2C39.732794&source=entity_search&z=9.68

В случае установления Грецией границ территориального моря в 12 миль проход судов и кораблей от пролива Дарданеллы до Средиземного моря будет невозможен без прохождения территориальных вод Греции, что, в свою очередь, накладывает отпечаток на характер данного прохода и увеличение полномочий Греции по контролю судоходства в регионе. Конечно, в статьях 17 и 18 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. указано, что все государства пользуются правом мирного прохода через территориальные воды, который должен быть быстрым и непрерывным за исключением чрезвычайных обстоятельств[7].

Однако пункт 1 статьи 25 гласит: «Прибрежное государство может принимать в своем территориальном море меры, необходимые для недопущения прохода, не являющегося мирным»[8]. Также из соображений безопасности по пункту 3 той же статьи «прибрежное государство может … временно приостанавливать

[7] Конвенции Организации Объединённых Наций по морскому праву 1982 года. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 05.09.2022).

[8] Там же.

в определенных районах своего территориального моря осуществление права мирного прохода иностранных судов»[9].

Помимо вышеуказанных островов, с которых возможно осуществлять контроль судов, проходящих Черноморские проливы, южнее находятся архипелаги, которые занимают обширные территории. Важно отметить, что в случае удовлетворения претензий Греции на границы территориального моря вокруг Кикладских островов, Южных Спорад (Додеканесские острова) и Восточных Спорад (острова вдоль побережья Малой Азии: Хиос, Иракия, Самос и др.) образуется большая акватория, принадлежащая Греции. Таким образом, на данном участке не будет возможности прохода в Средиземное море по открытому морю (ср. рис. 2 и рис. 3).

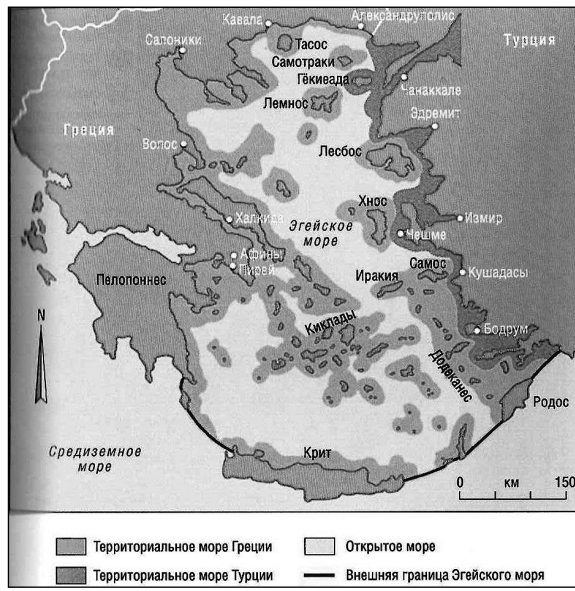

Рис. 2. **Акватория территориального моря Греции в Эгейском море**

Источник: Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции: коллективная монография / под ред. И. Д. Звягельской / ИМЭМО РАН. М., 2022.

[9] «Морской конвенции ООН».

Рис. 3. **Претензии Греции на расширение внешних границ территориального моря**

Источник: Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции: коллективная монография / под ред. И. Д. Звягельской / ИМЭМО РАН. М., 2022.

В этом случае США могут упрочить свои позиции в Чёрном море, поскольку проход через Проливы будет контролировать не только Турция, но и Греция. Для США это весьма важно, так как сейчас турецко-американские отношения находятся в стадии турбулентности, а строительство военно-морской базы США в Очаково, начатое в 2017 г.,[10] сейчас затруднительно из-за специальной военной операции на Украине.

Вторая причина, по которой острова играют важную роль в турецко-греческих отношениях, это вопрос доступа к ресурсам

[10] Бовдунов А., Чурсина М. В опасной близости: зачем американцы строят военно-морскую базу в украинском Очакове // RT. 11.08.2017. URL: https://russian.rt.com/ussr/article/417991-amerikancy-voennaya-baza-ukraina (дата обращения: 20.02.2023).

и безопасность. На рисунке 3 видно, что Турция будет фактически лишена свободы проведения военных маневров, а также ограничена в некоторых вопросах морского судоходства и промыслов в Эгейском море, если требования Греции будут удовлетворены. Более того, Турция отказывается признавать, что от островов можно отсчитывать исключительную экономическую зону и континентальный шельф. Анкара намерена отстаивать свои права по принципу «справедливости» и сохранить возможность использовать природные богатства Эгейского моря, в то время как Греция, пользуясь Конвенцией ООН по морскому праву, также претендует на данные ресурсы.

Существует мнение о целесообразности использования дифференцированной ширины территориальных вод (12 миль от материковой части и 6 миль от островов), но такой компромиссный вариант маловероятен, учитывая возрастающую напряженность в отношениях двух стран[11].

Компромиссный вариант смог бы решить проблему воздушного пространства над акваторией Эгейского моря, если бы Греция сузила зону противовоздушной обороны вокруг своих островов с 10 до 6 миль[12].

10-мильная зона ПВО была установлена в 1931 г. греческим правительством. Начиная с 1974 г., в знак протеста Турция ежедневно отправляет свои военные самолёты в спорное пространство (между 6 и 10 милями). К сожалению, это приводит к воздушным инцидентам, самый резонансный из которых случился 23 мая 2006 г., когда произошло столкновение греческого и турецкого истребителя над о. Карпатос (Додеканесские острова)[13]. По оценкам специалистов, с 1974 по 2016 г. в совокупности стороны потеряли 10 самолётов[14].

Попытки решить греческо-турецкие противоречия были предприняты в 2002 г., когда к власти пришла Партия справедливости и развития. С 2002 по 2016 г. было проведено 60 раундов

[11] Восточное Средиземноморье в поисках нового баланса интересов. С. 110–111.

[12] Там же. С. 110.

[13] Атрашкевич А. Н. Турция и Греция: политические и экономические отношения в конфликтных условиях (1999–2017 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения, 2019. Т. 19. № 4. С. 680.

[14] Мельник Г. Сиригос: Греция и Турция потеряли в конфликтах по четыре самолета // РИА Новости. 20.01.2016. URL: https://ria.ru/20160120/1362260005.html (дата обращения: 18.02.2023).

переговоров. Особенно интересно, что именно в этот период (в 2013 г.) в Турции была принята, в качестве официального политического курса, доктрина «Голубая Родина» (MaviVatan), четко устанавившая морские зоны, которые должны быть под контролем Турции[15]. Предположительно, это было сделано для подтверждения своей решимости в вопросах отстаивания национальных интересов в регионе.

Активизация переговорного процесса проходила на фоне открытия богатых месторождений природного газа в Восточном Средиземноморье. Так, в 2009 г. на континентальном шельфе Израиля было открыто месторождение «Тамар», а в 2010 г. — «Левиафан», в 2011 и 2018 гг. — «Афродита» и «Калипсо» на шельфе Кипра, соответственно, в 2015 г. — египетское месторождение «Зухр»[16].

К тому же кипрский вопрос турецкой стороной рассматривается как составляющая часть греческо-турецких отношений. У такого подхода есть своя историческая подоплёка: о. Кипр, находящийся в стратегически важной точке, во второй половине XVI в. вошёл в состав Османской империи. Но начиная с XIX в., греки-киприоты вынашивали идею «эносиса» (присоединения к Греции). Проживающие на острове турки-киприоты противостояли этой идее и добивались «таксима» (разделения острова на две части). Периодически противостояние двух сторон имело напряжённый характер. После произошедшего на острове переворота при поддержке греческого режима «чёрных полковников», 20 июля 1974 г. Турция на правах страны-гаранта провела военную операцию по защите интересов турок-киприотов[17]. И с тех пор Турция содержит постоянный военный контингент на о. Кипр и единственная признаёт независимость Турецкой Республики Северного Кипра, образованной в 1983 г.

[15] Агазаде М. М. Большое Средиземноморье как комплекс безопасности / М. М. Агазаде, П. М. Павлова, Г. А. Николова // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки, 2021. Т. 8. № 3(31). С. 120.

[16] Горбунова Н. М. Газ в Восточном Средиземноморье как причина новых конфликтов стран региона / Н. М. Горбунова, И. И. Иванова // Вестник Института востоковедения РАН, 2019. № 2(8). С. 227.

[17] Сулейманов А. Проблемы Кипра: история и современность // Мировая экономика и международные отношения, 2019. Т. 63. № 2. С. 75–78.

Следует отметить, что Турция не готова рассматривать турецко-греческие противоречия о делимитации Эгейского моря без включения в данные переговоры проблемы Кипра. Дело в том, что руководство Турции считает, что Греция и Республика Кипр не учитывают мнения турок-киприотов и ущемляют их права по добыче полезных ископаемых на шельфе. Поэтому, скорее всего, наличие газоносных бассейнов в данном районе стало дополнительным фактором, усложняющим переговорный процесс, но в то же время и мощным стимулом для ведения переговоров. Однако для Греции делимитация Эгейского моря и кипрский вопрос являются разными направлениями внешней политики.

Республика Кипр подписала соглашение о разграничении своей экономической зоны с Египтом в 2003 г., с Ливаном — в 2007 г. и с Израилем в 2007 г. Турция отправила ноты протеста в ООН и провела демонстрацию военных кораблей в регионе[18]. Такая активность принесла свои плоды — Ливан не ратифицировал соглашение.

21 сентября 2011 г. между Турцией и ТРСК было подписано соглашение о разграничении континентального шельфа в Средиземном море и начале поисковых работ[19]. В сентябре 2011 г. Анкара направила военные корабли для поддержки действий турецкой нефтяной компании у берегов Кипра[20]. С тех пор Турция регулярно проводит геологоразведку на континентальном шельфе Кипра, что неоднократно ставило межобщинные переговоры о Кипре в тупик. Действия Турции согласно документу, опубликованному на сайте посольства Республики Кипр, «явились грубым нарушением суверенных прав и юрисдикции Республики Кипр над своей исключительной экономической зоной и шельфом, в том виде, как они закреплены в Конвенции ООН по морскому праву и соответствующих нормах обычного права»[21].

[18] Иванова И. И. Турция и кипрский вопрос: напряжение сохраняется // Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы, 2018. Вып. 4. С. 95.

[19] Сулейманов А. Указ. соч. С. 81.

[20] Искендеров П. Россия и Турция в контексте кипрской проблемы // News Front. 17.02.2017. URL: https://news-front.info/2017/02/17/rossiya-i-turtsiya-v-kontekste-kiprskoj-problemy-petr-iskenderov/ (дата обращения: 16.02.2023).

[21] Иванова И. И. Указ. соч. С. 96–97.

Несмотря на сложность обстановки в регионе, турецко-греческий переговорный процесс не прекращался. Только после 2016 г. последовал латентный период на протяжении 5 лет[22]. Греция пыталась использовать ситуацию, возникшую в американо-турецких отношениях после попытки военного переворота в Турции. Авиабаза в Инджирлике используется США на основе договора о военном и экономическом сотрудничестве между Турцией и США. Эта база имеет важное стратегическое значение для США и НАТО, так как это самая восточная база альянса в Европе. В июле 2016 г. после попытки переворота в Турции база была окружена и обесточена, а командующий военной базой НАТО в Инджирлике Бакир Эркан Ван был арестован по подозрению в причастности к попытке военного переворота[23].

Это был неожиданный удар для США и НАТО, страна-член НАТО окружила базу альянса, хотя, по мнению профессора Д. Е. Еремеева, американское руководство на базе во время путча повело себя двусмысленно[24]. С одной стороны, с этой базы взлетали F-16, которые бомбили правительственные здания в Анкаре, а с другой стороны, США отказали Б. Э. Вану в политическом убежище[25]. Однако всё равно по Турции прокатились протестные демонстрации против присутствия американцев в Инджирлике[26].

В январе 2017 г. Анкара поставила под вопрос присутствие сил коалиции во главе с США на турецкой базе Инджирлик[27], однако она продолжает функционировать. Возможно, это был демонстрационный манёвр Турции, поскольку он произошёл спустя несколько месяцев после того, как прошли слухи о вывозе атомного оружия с базы Инджирлик на румынскую базу в Девеселу[28].

[22] Восточное Средиземноморье в поисках нового баланса интересов. С. 109.

[23] Габриелян А. Турция: о планах перевода авиабазы США из Инджирлика в Грецию // Институт Ближнего Востока. 20.04.2017. URL: http://www.iimes.ru/?p=34179 (дата обращения: 20.02.2023).

[24] Еремеев Д. Е. Указ. соч. С. 348.

[25] Ярошинская А. Ядерные бомбы США в «заложницах» Турции? // РОСБАЛТ. 17.10.2019. URL: https://www.rosbalt.ru/world/2019/10/17/1808241.html (дата обращения: 20.02.2023).

[26] Еремеев Д. Е. Указ. соч. С. 348.

[27] Габриелян А. Турция: о планах перевода авиабазы США из Инджирлика в Грецию // Институт Ближнего Востока. 20.04.2017. URL: http://www.iimes.ru/?p=34179

[28] Шестаков Е. США, предположительно, перевезли ядерное оружие из Турции в Румынию // Российская газета. 18.08.2016. URL: https://rg.ru/2016/08/18/ssha-

Также в январе 2017 г. турецко-греческие отношения были омрачены отказом Греции экстрадировать восемь пилотов ВВС Турции, обвиняемых в причастности к попытке государственного переворота[29]. В декабре 2017 г. Р. Эрдоган совершил визит в Грецию. На этот визит — первый визит президента Турции в Грецию за 65 лет — возлагали большие надежды, однако результатов он не принес[30].

Существуют свидетельства того, что после попытки государственного переворота США и НАТО подыскивают новую опорную базу в Восточном Средиземноморье и что Греция предложила несколько вариантов: в Пафосе на юге Кипра и в Суде на Крите[31].

Греция заинтересована в переводе авиабазы из Инджирлика на подконтрольную ей территорию, поскольку это поможет ей упрочить свои позиции и ослабить Турцию в борьбе за региональное лидерство. Возможно, сейчас Греция будет пытаться использовать разрушительное землетрясение на юго-востоке Турции 2023 г., как аргумент в пользу переноса базы из Турции. Хотя, скорее, это зависит от состояния турецко-американских отношений и целостности НАТО.

15 января 2019 г. по итогам встречи, которая состоялась в Каире, Египет, Израиль, Кипр, Греция, Италия, Иордания и Палестина (позднее к ним присоединилась Франция) объявили о создании Газового форума стран Восточного Средиземноморья. Наблюдателями на данном форуме зарегистрированы США, ЕС и Группа Всемирного банка[32]. В 2020 г. были предположения, что в данном форуме примут участие ОАЭ, но официальный статус пока не определен. Однако данный форум помимо газовой политики региона и торгового аспекта имеет также политическую и военную подоплеку. Турция сочла, что он носит антитурецкий характер и провела ряд военных учений в регионе. А 19 ноября 2019 года между Анкарой и ливийским Правительством национального согласия был подписан

predpolozhitelno-perevezli-iadernoe-oruzhie-iz-turcii-v-rumyniiu.html (дата обращения: 20.02.2023).

[29] Атрашкевич А. Н. Турция и Греция: политические и экономические отношения в конфликтных условиях (1999–2017 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения, 2019. Т. 19. № 4. С. 683.

[30] Там же.

[31] Габриелян А. Турция: о планах перевода авиабазы США из Инджирлика в Грецию // Институт Ближнего Востока. 20.04.2017. URL: http://www.iimes.ru/?p=34179

[32] Наблюдатели //Сайт Газового форума стран Восточного Средиземноморья. URL: https://emgf.org/about-us/observers/ (дата обращения: 20.02.2023).

меморандум о взаимопонимании между Турцией и Ливией по разграничению морских зон, который вызвал резкое осуждение в мире, в первую очередь со стороны Израиля, Греции и Кипра[33].

Вопрос военной безопасности становится всё более серьёзным. Несмотря на то что и Турция, и Греция — страны-члены НАТО, военное противостояние между ними набирает обороты. Милитаризация греческих островов (Лемнос и Самос) усугубляет беспокойство Турции и не способствует выводу турецкого контингента с северной части Кипра. Даже, наоборот, приводит к тому, что Турция использует военные корабли для обеспечения безопасности своих судов, производящих геологическую разведку в районе острова, и, кроме того, планирует разместить дополнительную базу беспилотной авиации в Карпасе (северная часть Кипра).

В 2021 г. состоялись несколько встреч представителей Греции и Турции, которые были призваны снизить напряжённость между двумя сторонами. Однако говорить о полноценном восстановлении переговорного процесса нельзя[34]. По сообщениям СМИ, совместное заявление министров иностранных дел Турции М. Чавушоглу и Греции Н. Дендиаса после переговоров 15 апреля 2021 г. в Анкаре закончилось «публичной перепалкой»[35]. А в конце апреля 2021 г. в Женеве прошел неформальный пятисторонний саммит (Республика Кипр, ТРСК, Греция, Турция, Великобритания) по Кипрскому вопросу с участием Генерального секретаря ООН А. Гутерриша, который не привел к выработке единого мнения[36].

[33] Горбунова Н. М. Борьба за шельф Восточного Средиземноморья: итоги и перспективы / Н. М. Горбунова, И. И. Иванова // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 2(12). С. 67–72.

[34] Логинова К. Битва за Средиземноморье: Турция и Греция решили наладить контакт // Известия. 18.03.2021. URL: https://iz.ru/1138510/kseniia-loginova/bitva-za-sredizemnomore-turtciia-i-gretciia-reshili-naladit-kontakty (дата обращения: 19.02.2023).

[35] Выступление глав МИД Турции и Греции закончилось публичной перепалкой // РИА Новости. 15.04.2021. URL: https://ria.ru/20210415/perepalka-1728489054.html (дата обращения: 19.02.2023).

[36] «Поиск точек соприкосновения». Саммит по Кипру завершился безрезультатно. ТАСС, 29.04.2021. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11280241 (дата обращения: 18.02.2023).

20 июля 2021 года лидер турок-киприотов Э. Татар и президент Турции Р. Эрдоган, который находился с официальным визитом на военном параде в турецкой части Никосии, заявили, что часть района Вароша в кипрском городе Фамагуста будет демилитаризована и выделена в пользование греко-кипрских собственников. Данное заявление, как и само присутствие президента Турции на Кипре, вызвало бурную реакцию Республики Кипр и Греции. ЕС, США, Великобритания и Россия также высказали своё неодобрение, поскольку по Резолюциям Совета Безопасности ООН № 550 (1984 г.) и № 789 (1992 г.) район Вароша находится под юрисдикцией миротворцев ООН, и на этой территории могут жить только местные жители. Заявления, сделанные Э. Татаром, идут вразрез с международным правом. 21 июля Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш выразил свою обеспокоенность односторонними действиями ТРСК и Турции, что может послужить причиной срыва переговоров по решению Кипрской проблемы[37].

Помимо политических попыток сдержать рост влияния Турции в Восточном Средиземноморье Греция переходит к более активным действиям. В конце 2020 г. были проведены совместные учения Греции, Кипра, Египта и ОАЭ[38]. Греция начала предпринимать дополнительные меры по оснащению вооружением своей армии. В январе 2021 г. руководство Греции подписало контракт с Францией на поставку эскадрильи «Рафаелев» (18 штук)[39]. Также Греция стремится создать антитурецкую коалицию в регионе, заручившись поддержкой Израиля, Египта, Кипра. Более того, заявление США о намерении создать новую военную базу в греческом порту Александропулиса также вызывает обеспокоенность Турции[40].

[37] ООН прокомментировала действия Турции в Вароше // Вестник Кипра. 23.07.2021. URL: https://vkcyprus.com/politics/14539-oon-prokommentirovala-dejstviya-turtsii-v-varoshe/ (дата обращения: 20.02.2023).

[38] Восточное Средиземноморье в поисках нового баланса интересов. С. 115.

[39] Гюсак А. Греция приобрела «Рафали» для сдерживания Турции // Российская газета. 26.01.2021. URL: https://rg.ru/2021/01/26/greciia-priobrela-rafali-dlia-sderzhivaniia-turcii.html (дата обращения: 20.02.2023).

[40] Министр обороны Турции: Отданы приказы ВМС и ВВС на случай греческой милитаризации островов в Эгейском море //Военное обозрение. 06.10.2022. URL: https://topwar.ru/202914-ministr-oborony-turcii-otdany-prikazy-vms-i-vvs-na-sluchaj-grecheskoj-militarizacii-ostrovov-v-jegejskom-more.html (дата обращения: 21.02.2023).

В июне 2022 г. Р. Эрдоган объявил о разрыве соглашения с Афинами о действии Стратегического совета высшего уровня[41], что можно охарактеризовать как отказ от существующего переговорного формата. Но через полгода, 12 декабря 2022 г. в Брюсселе произошла тайная встреча представителей двух стран (директора дипломатического офиса премьер-министра Греции А. Бура и официального представителя президента Турции И. Калына в присутствии дипломатического советника канцлера Германии Й. Плетнера), детали которой не раскрываются[42]. Возможно, одной из причин тайных переговоров стал инцидент, произошедший в сентябре 2022 г. Тогда греческие расчеты ПВО, на вооружении которых стоят системы С-300, «вели» турецкие самолёты, выполняющие полёты в рамках миссии НАТО.

Греция и Турция демонстрируют свою настойчивость в решении проблемных вопросов в свою пользу. Объективно оценивая действия третьих сторон, можно сделать вывод, что у Греции гораздо больше поддержки на международном уровне. В регионе образовано союзное объединение стран, которое противостоит турецкому влиянию в регионе. Конечно, попытки турецкой дипломатии по улучшению отношений с Египтом и Израилем имеют результат, который ставит под сомнения возможность создания прочного союза антитурецкого характера. Но отношения между Грецией, Республикой Кипр, Египтом и Израилем выглядят куда прочнее.

С другой стороны, несмотря на экономический кризис, Турция выглядит куда более устойчивой, чем Греция. Проводя активную многовекторную внешнюю политику, Турция приобретает всё больший вес на международной политической арене. Так, активное участие в зерновой сделке, попытка посредничества в российско-украинских переговорах, предоставление площадки для знаковых переговоров (например, переговоры глав СВР и ЦРУ по неиспользованию атомного оружия), превращение Турции в газовый хаб создали для Турции хороший имидж.

[41] Турция прекратит двусторонние переговоры с Грецией // РБК. 01.06.2022. URL: https://www.rbc.ru/politics/01/06/2022/6297532a9a794731b570a550 (дата обращения: 15.02.2023).

[42] Греция и Турция провели тайные переговоры в Брюсселе, сообщили СМИ // РИА Новости. 19.12.2022. URL: https://ria.ru/20221219/diplomatiya-1839643294.html (дата обращения: 10.02.2023).

Меморандум с Ливией 2019 года, активизация усилий по признанию независимости ТРСК, улучшение отношений с Египтом и Израилем говорят о твёрдом намерении Турции упрочить свои позиции в регионе.

Д. В. Родин *

Кризис из-за Черноморских проливов в освещении турецкой прессы (1945–1946 гг.)

Резюме. В статье прослеживается реакция турецкой прессы на развитие кризиса в советско-турецких отношениях, вызванного претензиями СССР на изменение статуса Черноморских проливов в интересах обеспечения собственной безопасности. На примере материала газет различной политической направленности раскрывается отношение турецкой общественности к требованиям Москвы и тесная взаимосвязь между событиями внутри-и внешнеполитической жизни Турции в 1945–1946 гг. Подчеркивается, что общая негативная оценка советских претензий в указанные годы подготавливала почву для поддержки турецким населением курса на сближение с западными странами и, как следствие, на вступление Турции в НАТО.

Ключевые слова: холодная война, СССР, Турция, советско-турецкие отношения, Черноморские проливы, конвенция Монтрё, пресса, общественное мнение

Crisis of the Black Sea straits in the Turkish press (1945–1946)

Abstract. *The article traces the reaction of the Turkish press to the development of the crisis in Soviet-Turkish relations, caused by the claims of the USSR to change the status of the Turkish Straits as the means of ensuring their own security. With the*

* Родин Денис Валерьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. ORCID: 0009-0002-5378-5342

material of newspapers of various political orientations as an example, the article reveals the attitude of the Turkish public to Moscow's demands and the close relationship between the events of domestic and foreign political life in Turkey in 1945–1946. It is important to emphasize that the general negative assessment of Soviet claims in these years paved the way for the Turkish population to support the course towards rapprochement with Western countries and Turkey's entry into NATO.

Keywords: *Cold War, USSR, Turkey, Soviet-Turkish relations, Turkish Straits, Montreux convention, press, public opinion*

Кризис из-за Черноморских проливов 1945–1946 гг. нельзя назвать мало- или слабоизученным. В научной литературе весьма подробно рассмотрены предпосылки советско-турецкого конфликта, развернувшегося после окончания Второй мировой войны, позиции сторон, их дипломатические ходы и достигнутые результаты[1]. Однако предшествующий опыт изучения не отменяет важности повторного обращения к данному сюжету вследствие непреходящей актуальности и важности «первого полигона холодной войны»[2]. Показательной в этом отношении является следующая цитата из турецкой газеты «Хабар» от 27 февраля 1946 г.: «…вопрос о Проливах является костяком таких вопросов, как вопрос о Сирии и Ливане, как конфликт между северными и южными арабами, как вопрос об Ираке, вопрос об Иране и связанный с ним турецкий вопрос, вопрос о Балканах, вопрос о Триесте и о польской армии в Италии, вопрос о самой Италии и вопрос о Триполитании… Эта точка зрения, привязывающая все вопросы Центрального и Восточного Средиземноморья, Балкан и Среднего Востока к вопросу о Проливах, составляет ядро конфликта между англичанами и Советами»[3].

Одной из тех граней кризиса, которая представляется на данный момент недостаточно изученной, является освещение

[1] См., напр.: Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 469–482; Гасанлы Дж. П. СССР–Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008. С. 185–448; Мошкин С. В. Дипломатическая война за черноморские проливы в 1944–1946 годах // Дискурс-Пи. 2016. № 1. С. 112–116.

[2] Гасанлы Дж. П. Указ. соч. С. 623.

[3] Новая точка зрения в вопросе о Проливах. «Хабар», 27 февраля // Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 132. Оп. 31. П. 113. Д. 16. Л. 174.

советско-турецкого конфликта из-за проливов Босфор и Дарданеллы прессой обеих заинтересованных сторон. В рамках предлагаемой статьи будет рассмотрена турецкая точка зрения на события 1945–1946 гг. Целью статьи является выявление основных паттернов, проявившихся в реакции турецкой прессы на события, связанные с кризисом. Опирается представленное исследование на материалы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), а именно на переводы статей из турецких газет в фондах 132 «Референтура по Турции» и 194 «Посольство СССР в Турции».

Информационный фон вокруг кризиса в советско-турецких отношениях, обозначившегося к концу Второй мировой войны, был чрезвычайно насыщен: с октября 1945 г. по декабрь 1946 г. едва ли не каждый день в турецкой прессе появлялись одна или несколько статей, посвященных проблеме Проливов в советско-турецких отношениях. Особую активность проявляли газета Народно-республиканской партии «Улус» и ее владелец Нихат Эрим, вечерняя газета «Акшам», традиционно выражавшая лояльность к правительству Турции, и реакционная «Танин», которую в 1943 г. возродил Хусейн Джахид Ялчин. Последняя являлась основным проводником антикоммунистической пропаганды. Антисоветские настроения были характерны и для националистических газет: «Вакыт», в которой публиковался реакционер Асым Ус, и «Тасвир» Валида и Зияда Ебуззия, где также печатались Джихад Бабан и Селим Сабит. По данному вопросу неоднократно высказывалась и либеральная газета «Ватан», в которой публиковался Ахмет Эмин Ялман. Что касается левой прессы, то после разгрома типографий газет «Тан», «Енидюнья», «Ля Тюрки» и журнала «Горюшлер» в ходе демонстрации 4 декабря 1945 г. демократические (в том числе просоветские) элементы были лишены возможности вести через печать пропаганду своих взглядов[4].

Осенью и зимой 1945–1946 гг. турецкая пресса могла в первую очередь оперировать информацией о разрыве советско-турецкого договора о дружбе, сведениями о решениях Потсдамской конференции, согласно которым Советский Союз, США

[4] Вдовиченко Д. И. Борьба политических партий в Турции (1944–1965 гг.). М., 1967. Л. 39.

и Великобритания договорились произвести обмен мнениями с турецким правительством на двусторонней основе о возможности пересмотра конвенции Монтрё 1936 г., и слухами о территориальных требованиях Москвы в отношении восточных вилайетов Турции и «совместной обороне» Черноморских проливов. Требования со стороны Советского Союза было вызваны, как справедливо отмечают в научной литературе, стремлением «давить на Турцию с обоих флангов» — и по вопросу о Проливах, и по вопросу о границе в Закавказье[5]. Важную роль также играли новости, поступавшие из Ирана, вокруг вывода войск из которого разворачивался отдельный кризис в отношениях СССР и западных держав. О последнем Ялчин писал: «Форма, какую примет азербайджанский вопрос и результаты, которые вытекут из него, вероятно, будут в большей или меньшей степени признаком, указывающим на положение с турецким фронтом»[6].

Вследствие этого большинство газет предпочитало осторожно высказываться в пользу пересмотра Конвенции и формулировать предположения касательно возможных требований со стороны северного соседа. Как утверждал Неджмеддин Садак в газете «Акшам»: «Турция, как единственный хозяин Проливов, при установлении их нового режима абсолютно не желает возбуждать трудности для других заинтересованных государств»[7]. При этом либеральная пресса уже в это время демонстрировала нарастающее недоверие к политике Москвы. Так, газета «Ватан» утверждала: «Нынешняя Россия, которая становится все более скрытым и милитаристическим обществом, не может предоставить возможность для создания на Балканах и Среднем Востоке зоны местной безопасности между этими странами и уважать их полную независимость»[8]. Еще более критические замечания содержала реакционная печать. Ялчин в газете «Танин» щедро осыпал большевиков обвинениями: «Если бы Россия до сих пор признавала международные законы и права, то все вопросы

[5] Гасанлы Дж. П. Указ. соч. С. 259.

[6] Иранский вопрос и Турция. «Танин», 27 ноября. Ялчин // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 113. Д. 20. Л. 71.

[7] Начало вопроса о Проливах. «Акшам», 7 ноября. Садак // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 113. Д. 20. Л. 40.

[8] Безопасность на Ближнем и Среднем Востоке. «Ватан», 18 февраля. Ялман // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 113. Д. 21. Л. 36.

давным-давно были бы разрешены»[9]; «Для того, чтобы доказать, что русские не выполняют своих обещаний, вовсе нет необходимости еще раз перечислить все происшедшие события»[10] и т.д.

Оборотной стороной данных тенденций являлось проявление определенных симпатий в отношении Вашингтона и Лондона. Нихат Эрим в газете «Улус» хвалил Соединенные Штаты за «миролюбие и стремление ко всеобщей безопасности»[11], Ялчин в «Танин» писал о «самой большой дружбе» между Турцией и Англией[12], Асым Ус в газете «Вакыт» хвалил речи британского министра иностранных дел Э. Бевина в Палате общин, свидетельствующие, что он «понял дух турецко-русского вопроса так правильно, что это даже нас удивляет»[13]. Вместе с тем газета «Акшам» признавала, что корень проблем лежит не столько в состоянии советско-турецких отношений, сколько в общей международной обстановке и нарастании противоречий между Западом и Востоком: «Вследствие того, что Советская Россия совсем не доверяет в мирной обстановке своим союзникам в войне, она искоса смотрит на Турцию, находящуюся в их рядах, и в тот день, когда советско-английские отношения улучшатся, когда она перестанет бояться англо-американской агрессии или, наоборот, Турция действительно отойдет от них, вернется и советско-турецкая дружба»[14].

Вследствие этого Садак критиковал статью известного американского политического обозревателя У. Липпмана, в которой утверждалось, что «открытие Проливов и предоставление России возможности выйти в Средиземное море будет достаточным для того, чтобы ликвидировать все существующие ныне разногласия»[15]. Оспаривая мнение американского журналиста, Н. Садак

[9] Будущность, подготовленная на вашингтонских встречах. «Танин», 15 ноября. Ялчин // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 113. Д. 20. Л. 84.

[10] Там же.

[11] Америка и Проливы. «Улус», 22 ноября. Проф. Нихат Ерин // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 113. Д. 20. Л. 79.

[12] Турецко-английские отношения. «Танин», 10 февраля. Ялчин // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 113. Д. 21. Л. 27.

[13] Турецко-русские отношения и Англия. «Вакыт», 25 февраля. Асым Ус // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 113. Д. 21. Л. 53.

[14] Поводом или результатом является ухудшение турецко-советских отношений. «Акшам», 2 февраля. Садак // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 113. Д. 21. Л. 11.

[15] Там же.

утверждал: «Россия не желает свободного выхода через Проливы в Средиземное море, ибо этому никто не препятствует. Россия хочет, чтобы англичане не могли войти в Черное море. Поэтому она требует баз»[16]. Тем самым признавалось наличие у Москвы интересов в сфере обеспечения собственной безопасности, и от их удовлетворения (прежде всего путем улучшения отношений между западными демократиями и СССР) зависело в том числе улучшение советско-турецких отношений и разрешение вопроса о статусе Черноморских проливов.

Весной 1946 г. тенденции к обострению советско-турецких отношений и к сближению между Анкарой и западными странами получили дальнейшее развитие. Сенсацией для турецкой печати стали слова бывшего министра иностранных дел Третьего рейха И. фон Риббентропа на Нюрнбергском процессе о переговорах между А. Гитлером и В. М. Молотовым в Берлине в ноябре 1940 г., на которых поднимался в том числе и вопрос Черноморских проливов. Редакция газеты «Улус» вопрошала: «Разве можно турецким соотечественникам не удивляться таким событиям, когда министр иностранных дел Советского Союза, который так взыскательно думал о дружбе и безопасности и который считал внешнюю политику одной из основ, вел поистине торговлю в Берлине с Гитлером и Риббентропом?»[17]. Газета «Танин» в этой связи говорила о прямой преемственности между политикой большевиков и властей царской России: «Русские требования находятся в рамках целей русского царизма и нынешнего русского правительства, как это было доказано при помощи документов на процессе в Нюрнберге»[18]. Националистическая «Тасвир», напоминая читателям историю русско-турецких войн, подытоживала: «Стоит только открыть секретную страницу истории, где упоминается имя России, как там замечается пара жадно сверкающих глаз, обращенных в сторону турецкой территории. Этими глазами являются глаза москвичей»[19].

[16] Там же. Л. 13.

[17] Слова Риббентропа. «Улус», 3 апреля. Атай // АВП РФ. Ф. 194. Оп. 11б. П. 109. Д. 1. Л. 197.

[18] Газета «Танин» от 17 апреля помещает сообщение Ялмана из Анкары относительно русско-турецких отношений… // АВП РФ. Ф. 194. Оп. 11б. П. 109. Д. 4. Л. 217.

[19] Взоры, устремленные на Проливы. «Тасвир», 3 апреля. Зият Эбуззия // АВП РФ. Ф. 194. Оп. 11б. П. 109. Д. 2. Л. 134.

Параллельно усиливались симпатии в отношении западных демократий, чему в немалой степени способствовал визит в Стамбул американского линкора «Миссури» в апреле 1946 г., осуществленный в качестве демонстративной поддержки Анкары в ее противостоянии с Москвой[20]. Турецкие газеты в один голос приветствовали прибывших американцев. «Адмиралы, офицеры и солдаты, которые прибудут в Стамбул на линкоре “Миссури”, с сегодняшнего утра будут гостями турецкой нации, которые вызовут всюду радость и веселье», — заявлял правительственный официоз «Улус»[21]. Ялман в «Ватане» писал, что «посещение “Миссури” является человечной демонстрацией того, что при необходимости полной безопасности вместе с нами будет не только Америка, а весь мир»[22]. Националистическая «Тасвир» предупреждала: «Турция, имеющая сильного друга, подобно Америке, может продолжать с большей безопасностью и спокойствием сохранение мира на Ближнем Востоке… Враг недоволен, ибо турецко-американская дружба изо дня в день усиливается, и истина сообщается миру, что заставит больше думать и выжидать, чтобы напасть на Турцию»[23]. Единогласное восхищение в отношении прибывших американцев являлось свидетельством дальнейшего укрепления дружественных отношений между Анкарой и Вашингтоном, что в турецких правительственных и общественных кругах считали одной из лучших гарантий обеспечения безопасности и территориальной целостности Турции.

К лету 1946 г. на первый план в общественной жизни страны вышли выборы в меджлис, в ходе которых внешнеполитические вопросы оказались тесно переплетены с внутренними. Основным оппонентом Народно-республиканской партии выступала Демократическая партия, одним из лидеров которой был Махмуд Джеляль Баяр. Еще в конце апреля он дал интервью одному американскому журналисту и, отвечая на вопрос о русских требованиях, заявил: «У русских требований, о которых ходят слухи, нет

[20] Мошкин С. В. Указ. соч. С. 114.

[21] Миссури. «Улус», 5 апреля. Атай // АВП РФ. Ф. 194. Оп. 11б. П. 109. Д. 2. Л. 125.

[22] Отчего мы так ликовали? «Ватан», 8 апреля. Ялман // АВП РФ. Ф. 194. Оп. 11б. П. 109. Д. 2. Л. 235.

[23] Пушечные выстрелы, сотрясающие наш горизонт. «Тасвир», 5 апреля. Эбуззия // АВП РФ. Ф. 194. Оп. 11б. П. 109. Д. 2. Л. 160.

никакой связи с реальностью… Сегодняшняя Советская Россия и революционная Турция в атмосфере взаимной дружбы полностью ликвидировали все затруднения, которые оставили после себя Царская Россия и Османская империя»[24].

За эти слова он немедленно подвергся критике со стороны правых газет, в частности со стороны Ялчина, иронизировавшего в газете «Танин»: «Разве он не искал и не нашел возможность получить достоверные данные по русскому вопросу, которым так сильно занята страна? Может быть, он не читал наши статьи, которые раскрывают всю истину вот уже несколько месяцев?»[25]. Свои мысли Ялчин развил в дальнейших статьях, призывая Демократическую партию заявить о полном отказе от какой-либо солидарности с Советским Союзом: «Скажи же, Демократическая партия, разве ты не с нами? Разве ты являешься сторонником Москвы? Разве ты хочешь передать большевикам Карс, Ардаган, Артвин, Проливы и Стамбул? Мы сейчас от имени Демократической партии отвечаем на этот вопрос: “Никогда!”, и уверены в том, что они также повторят это слово»[26].

Руководство Демократической партии было вынуждено оправдываться: «Мы хотим не воевать с любой страной, а установить дружественные отношения со всеми государствами с условием взаимного уважения независимости и свободы, что сказано в этой фразе, и разве может допустить логика, чтобы из этой фразы был сделан вывод, что Демократическая партия является сторонницей русских?»[27]. Тем не менее позиции Демократической партии из-за подобных нападок были значительно ослаблены, что наряду с демонстрацией грубой силы со стороны правящих кругов[28] стало одной из причин ее поражения на парламентских выборах в июле 1946 г.

Между тем требования советской стороны наконец-то приняли оформленный вид. В нотах от 7 августа и 24 сентября 1946 г.

[24] Ответы Джеляль Байяра на вопросы американского журналиста. «Ватан». 29.04.46 г. // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 113. Д. 17. Л. 69.

[25] Джеляль Баяр и русский вопрос. «Танин», 4 мая. Ялчин // АВП РФ. Ф. 194. Оп. 11б. П. 109. Д. 1. Л. 310.

[26] Большевики сбросили с себя маски… «Танин», 13 июля. Ялчин // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 113. Д. 21. Л. 173.

[27] Не будем превращать внешнюю политику в орудие предвыборной борьбы. «Ени Тюркие», 21 июля. Феник // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 113. Д. 21. Л. 187.

[28] Вдовиченко Д. И. Указ. соч. С. 58.

Москва объявляла: события Второй мировой войны продемонстрировали, что Конвенция 1936 г. «не отвечает интересам безопасности Черноморских Держав и не обеспечивает условий, при которых предотвращалось бы использование этих Проливов во враждебных Черноморским Державам целях»[29]. Вследствие этого советская сторона требовала от Анкары внесения изменений в конвенцию с учетом интересов Москвы, главными из которых являлись следующие: признание за Черноморскими державами и Турцией исключительного права на «установление режима Проливов как естественного морского пути, ведущего из Черного моря и в Черное море» и организация силами СССР и Турции совместной обороны Босфора и Дарданелл «для предотвращения использования Проливов другими государствами во враждебных Черноморским Державам целях»[30].

Турецкая печать была едина в осуждении советских нот. Ялман в газете «Ватан» отмечал: «Русская нота отодвинула на второй план все внутренние споры»[31]. После публикации текста первой ноты газета «Акшам» писала: «Советская нота о Проливах вызвала глубокое удивление повсюду. Степень этого удивления нельзя измерить масштабами того удивления, которое было вызвано во всем мире политикой Советской России после войны»[32]. А в отношении второй ноты газета «Башкент» утверждала, что она «является выражением монополистической политики в Черном море и захватнической политики в Европе и на Ближнем Востоке»[33]. Разбирая содержание нот постатейно, редакция газеты «Улус» удивлялась: «Нелегко разрешимой тайной является логика, при помощи которой можно прийти к выводу, что мы, предоставив базы на своей территории, не уничтожим своего суверенитета и даже наша безопасность будет еще более обеспечена»[34]. Ялчин в газете «Танин» заявлял: «Русские в связи

[29] Нота МИД СССР от 7 августа 1946 г. // АВП РФ. Ф. 194. Оп. 26. П. 38. Д. 1. Л. 175.

[30] Там же. Л. 179.

[31] Наше единство обеспечено перед внешней опасностью. «Ватан», 14 августа. Ялман // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 114. Д. 22. Л. 76.

[32] Что позволило осмелиться Советской России выставлять свои чрезмерные требования в отношении Проливов. «Акшам», 17 августа. Садак // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 114. Д. 22. Л. 82.

[33] Что требуют русские? «Башкент», 4 октября. Феник // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 114. Д. 23. Л. 20.

[34] Вторая советская нота о Проливах. «Улус», 30 сентября. Эсмер // АВП РФ. Ф. 132.

с вопросом о Проливах перепутали свои идеи господства на Ближнем Востоке и над Турцией»[35].

С другой стороны, высокая оценка давалась ответным турецким нотам. Еще на стадии их подготовки газета «Ватан» писала: «Ответ, конечно, будет передавать единственную мысль, вокруг которой непоколебимо объединилась турецкая нация: она отвергает любое предложение, откуда бы оно ни поступило, хотя бы на йоту наносящее ущерб независимости и суверенитету ее»[36]. «Образцом внешней политики» называл ответ Анкары на первую советскую ноту Ялчин[37], а Нихат Эрим в газете «Улус» писал: «Нота нашего правительства является документом, который будет от души одобрен всей турецкой нацией. Мы надеемся, что влияние, которое оставит эта нота на другие миролюбивые нации, будет очень положительным»[38]. После публикации ответа на вторую ноту газета «Акшам» сообщала: «...наше правительство на основании таких же сильных доказательств, как и ранее, отвечает на настойчивые обвинения Советской России в отношении того, что Турция во время войны нехорошо выполняла роль стража Проливов и предоставляла военным судам стран “оси” возможность прохода через Пролив»[39]. Единодушная поддержка турецкого правительства, отвергнувшего претензии советской стороны на совместную оборону Черноморских проливов, должна была служить подкрепляющим аргументом в пользу прекращения каких-либо переговоров с Москвой по вопросам, затрагивающим безопасность и территориальную целостность Турции.

При этом немалые надежды возлагались на поддержку со стороны западных демократий. Ялчин писал после публикации

Оп. 31. П. 114. Д. 22. Л. 225.

[35] Лицом к лицу с русскими. «Танин», 9 октября. Ялчин // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 114. Д. 23.Л. 29.

[36] Положение ясно. «Ватан». 12.X.46 г. Садун Г. Савджи // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 113. Д. 19. Л. 15.

[37] Турецкая нота. «Танин», 25 августа. Ялчин // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 114. Д. 22.Л. 99.

[38] Ответ республиканского правительства. «Улус», 25 августа. Эрим // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 114. Д. 22. Л. 105.

[39] Турецкая нота представляет собой ряд сильных и логических доказательств, не оставляющих в стороне ни одного пункта. «Акшам», 21 октября. Садак // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 114. Д. 23. Л. 81.

второй советской ноты: «Как говорится в одном сообщении из Нью-Йорка, которое еще не подтвердилось, Соединенные Штаты Америки и Англия будут решительно поддерживать Турцию. Но это еще ничего не означает. В той же телеграмме, со ссылкой на этот раз на высокие официальные органы, заверяется, что Англия и Америка будут решительнейшим образом выступать против всякой попытки Советов расшириться в сторону Проливов. Однако это тоже, в сущности, ничего не гарантирует...»[40]. Яростной критике он подвергал заявления, свидетельствовавшие о нежелании американских политиков участвовать в разрешении противоречий за пределами Западного полушария, в частности слова бывшего вице-президента США, а ныне министра торговли Г. Уоллеса о том, что «империалистическая политика Англии на Ближнем Востоке заставляет русских сопротивляться»[41]. Соответственно, турецкая печать приветствовала отставку Уоллеса, считая ее победой курса госсекретаря Дж. Ф. Бирнса на сдерживание СССР. «Теперь Бирнс будет продолжать проводить ту политику, которая весьма энергично поддерживается американским народом», — писал в этой связи Нихат Эрим[42].

Тем важнее для Анкары было получение от Вашингтона и Лондона письменных гарантий поддержки в сопротивлении советским требованиям. Турецкая газета «Ля Репюблик» писала в этой связи: «...англичане и американцы согласились с полной справедливостью дела Турции. Для Турции это является политической победой, состоящей в том, что она обеспечила себе поддержку со стороны Америки и Великобритании»[43]. Немаловажным было и привлечение внимания мировой общественности к проблеме Проливов. «Мир понимает самопожертвование Турции и знает, что требовать от нее еще большего — это значит идти вразрез любым принципам

[40] Обязанность, выпадающая на долю Англии и Америки. «Танин», 1 октября. Ялчин // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 114. Д. 22. Л. 231.

[41] Заявление американского министра торговли. «Танин», 15 сентября. Ялчин // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 114. Д. 22. Л. 195.

[42] Перед новым развитием событий. «Улус», 21 сентября. НихатЭрим // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 114. Д. 22. Л. 203.

[43] Английская точка зрения по вопросу о Проливах. «Ля Репюблик», 26 ноября // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 114. Д. 23. Л. 204.

права и справедливости», — утверждала газета «Улус»[44]. Подобные заявления отражали уверенность турецкого правительства в возможности успешной борьбы с давлением со стороны Советского Союза, который перед лицом единого лагеря Турции и западных стран не решится подкрепить свои требования демонстрацией силы. В определенной степени подобные рассуждения следует признать справедливыми: после обмена нотами стороны оставили мысли о созыве конференции по вопросу статуса Черноморских проливов, а документы МИД СССР 1947–1948 гг. свидетельствуют, что ввиду жесткой позиции Анкары, нашедшей поддержку в Вашингтоне и Лондоне, две советские ноты 1946 г. постепенно теряли свою значимость[45].

Таким образом, на протяжении «войны нервов» 1945–1946 гг. турецкие газеты, несмотря на различную политическую направленность, демонстрировали единство взглядов в отношении требований Москвы, решительным образом отвергая их как на стадии слухов, так и в момент появления официальных советских нот. Лишь немногие газеты признавали справедливой обеспокоенность советской стороны по вопросу укрепления обороны «в естественном районе своей безопасности» в условиях, когда «Америка, добравшись в Средиземное море, за тысячи миль, создает здесь свои базы»[46]. Консолидации взглядов способствовали как события за пределами Турции (нарастающее противостояние СССР и западных держав, кризис в Иране, показания Риббентропа в Нюрнберге), так и явления внутриполитической жизни, в частности борьба между Народно-республиканской и Демократической партиями на выборах в меджлис в июле 1946 г.

Оборотной стороной нарастания недоверия по отношению к северному соседу Турции являлось тяготение к лагерю западных демократий, представленному Великобританией и США. В этой связи нельзя не согласиться со следующим мнением: «В конечном счете советские демарши активно подтолкнули

[44] Америка и вопрос о Проливах. «Улус», 15 октября. Атай // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 114. Д. 23. Л. 46.

[45] Гасанлы Дж. П. Указ. соч. С. 446–448.

[46] В связи с вопросом Проливов. «Сес», № 3, 23 октября. Редакционная // АВП РФ. Ф. 132. Оп. 31. П. 114. Д. 23. Л. 102.

Турцию в объятия американцев...»[47]. Всячески подчеркивая и восхваляя дружбу с Лондоном и Вашингтоном, турецкая пресса способствовала оформлению у читателей более четкой прозападной ориентации. Тем самым закладывался фундамент общественной поддержки процесса интеграции Турции в западные военные структуры, в частности вступления в НАТО в 1952 г.

[47] Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). С. 513.

А. В. Болдырев *

Турецкие историки о советско-турецких отношениях в 1939–1941 гг.: Конвенция Монтрё и начало турецкого нейтралитета

Резюме. В статье анализируются взгляды турецких историков на формирование турецкого нейтралитета на начальном этапе Второй мировой войны и роль Конвенции Монтрё в советско-турецких отношениях. Исследователи полагают, что Турция выиграла, поскольку осталась вне советско-германской войны и избежала раздела по польскому варианту. Берлинские переговоры нанесли ущерб советско-турецким отношениям, поскольку, даже подписав 25 марта 1941 г. декларацию с СССР о нейтралитете, Турция не оставила своих подозрений относительно планов Москвы. При этом информация о берлинских переговорах, несмотря на германскую «интерпретацию» событий, лишь заставляла Турцию действовать активнее. Следует признать, что в своей политике в отношении Турции накануне войны Советский Союз потерпел неудачу, оставив информационное поле боя за своим противником. Можно согласиться с турецкими исследователями, что причинами этого являлись отравленные ядом взаимных подозрений отношения между Москвой и Анкарой и преобладание германского влияния в Турции.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Турция, СССР, Германия, советско-турецкие отношения, турецкая историография, турецкий нейтралитет, Конвенция Монтрё

Abstract. *The article examines the view of Turkish historians on the formation of Turkish neutrality at the initial stage of World*

* Болдырев Андрей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0003-3982-284

War II and the role of the Montreux Convention in Soviet-Turkish relations. The researchers emphasize that thanks to the policy of neutrality, Turkey remained out of the Soviet-German war and retained its territorial integrity. The Berlin talks caused damage to Soviet-Turkish relations, because, even having signed a declaration of neutrality with the USSR on March 25, 1941, Turkey did not leave its suspicions about Moscow's plans. At the same time, information about the Berlin talks, despite the German «interpretation» of events, only forced the Turks to act more actively. In its Turkish policy on the eve of the war, the Soviet Union failed, losing the information battlefield to Germany. One can agree with Turkish researchers that the reasons for this were the spoiled Soviet-Turkish relations, poisoned by the poison of mutual suspicions, and the predominance of German influence in Turkey.

Keywords: *World War II, Turkey, USSR, Germany, Soviet-Turkish relations, Turkish historiography, Turkish neutrality, Montreux Convention*

Анализируя истоки турецкого нейтралитета, ставшего официальным курсом Анкары в период Второй мировой войны, турецкие историки полагают, что выбор в пользу нейтралитета определялся тем фактом, что у политиков, принимающих это решение, перед глазами был печальный опыт участия Турции в Первой мировой войне[1]. Среди исследователей нет сомнения в правомерности мер, использованных Анкарой для его обеспечения. Так, Мурат Онсой и Гюрол Баба[2] подчёркивают, что нейтралитет был большим испытанием для турецкого правительства, поскольку права нейтралов в военное время (как и права малых держав) часто игнорировались[3]. Но поддержание нейтралитета для Турции было «вопросом жизни

[1] Davut Han A., Selcuk Bugras. Reflections of the Second World War in Turkey's Foreign Policy // Vistula University — Warsaw, Poland, 2014. No. 1 (39). P. 138–139.

[2] Мурат Онсой (Университет Хаджеттепе, Стамбул) и Гюрол Баба (Университет социальных наук, Анкара) — турецкие исследователи.

[3] См.: Kasar Ya. Forgotten alliance: Hitler-Stalin pact of 1939 and the outcome of Second World War // International Research Journal Commerce arts science (CASIRJ). 7 Issue: 3. Vol. 2016. P. 22–33.

и смерти»[4]. Серкан Кара[5] резюмирует эту позицию следующим образом: «…основным принципом турецкой внешней политики во время Второй мировой войны было избежать войны *любой ценой* (курсив наш. — *А. Б.*)»[6].

В связи с этим Аслыхан Гюдек[7] отмечает, что, сумев извлечь уроки из недавней истории, Турция использовала Анкарский договор[8], для проведения политики в зависимости от хода событий[9]. Аналогичную оценку политики Турции в годы войны даёт Севтап Сыракая[10], подчёркивая, что внешняя политика Турции в период войны была направлена на то, чтобы оставаться в стороне от военных действий. Таким образом, Турция проводила политику «равновесия», в соответствии с которой она присоединялась к сильнейшей стороне и не прерывала отношения с другой[11]. Учитывая, что основная цель заключалась в том, чтобы удержать Турцию от войны и сохранить ее территориальную целостность, турецкие лидеры стремились превратить статус своего стратегически выгодно расположенного государства «из обязательства в актив», извлекая экономическую выгоду из своего положения и избегая военного конфликта[12].

В связи с этим на причинах отказа Турции от подписанного ею Анкарского соглашения следует остановиться подробнее, поскольку это решение являлось составной частью турецкого нейтралитета. М. Онсой и Г. Баба подчёркивают, что к концу

[4] Önsoy M., Baba G. Escaping the Whirlpool of War: A Two-fold Analysis of Turkey's Neutrality Policy in World War II // Cumhürriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi (CTAD). (Spring 2019). Year 15, Issue 29. P. 132.

[5] Серкан Кара — исследователь Университета Алтынбаш (Стамбул).

[6] Kara S. Foreign policy of Turkey during the Second World War. 30.03.2019. .URL: https://www.researchgate.net/publication/332093667_FOREING_POLICY_OF_TURKEY_DURING_THE_SECOND_WORLD_WAR (дата обращения: 19.06.2020).

[7] Аслыхан Гюдек — сотрудник Эгейского университета (Измир).

[8] Анкарский договор — Договор о взаимопомощи между Великобританией, Францией и Турцией, подписанный 19 октября 1939 г.

[9] Гюдек А. Влияние Второй мировой войны на внешнюю политику Турции. 23.02.2013. URL: https://inosmi.ru/world/20130223/206214145.html (дата обращения: 01.1.2020).

[10] Севтап Сыракая — исследователь Анкарского университета, исследователь Института истории Казанского федерального университета (на 2015 г.).

[11] Сыракая С. 22 июня 1941 года в турецкой прессе // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. № 6. С. 166.

[12] Önsoy M., Baba G. Op. cit. P. 123–124.

1930-х годов «атмосфера, которая привела к тесному сотрудничеству Турции с союзниками с начала войны, постепенно исчезла»[13]. После поражения Франции[14] Анкарское соглашение подвергалось критике за поспешность в его заключении[15]. Рассматривая то, как оценивают турецкие историки реакцию Анкары на поражение Франции, можно сделать вывод, что для страны это было вторым шоком после подписания договора о ненападении между СССР и Германией (пакт Молотова — Риббентропа 23 августа 1939 г.). Договор о взаимопомощи, когда-то являвшийся «спасением» для Турции, теперь становился для неё проблемой номер один, вынуждая вступить в войну против Италии[16].

К тому же Турция не была уверена в прочности обещаний союзников. Рассматривая итоги совещания в Алеппо[17], исследователь Онур Ишчи[18] приводит слова президента Турции И. Инёню, отмечавшего, что «британцы были готовы обсуждать только гипотезы»[19]. Судя по всему, это сыграло не последнюю роль в том,

[13] Ibid. P. 136.

[14] Французская кампания, или Шестинедельная война — военная операция стран “оси” в Западной Европе с мая по июнь 1940 г., приведшая к разгрому французских, бельгийских и нидерландских вооружённых сил, а также эвакуации Британских экспедиционных сил во Франции.

[15] Kara S. Foreign policy of Turkey during the Second World War. 30.03.2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/332093667_FOREING_POLICY_OF_TURKEY_DURING_THE_SECOND_WORLD_WAR (дата обращения: 29.04.2020).

[16] Önsoy M., Baba G. Op. cit. P. 135–136.
10 июля 1940 г. Италия объявила войну Франции и Великобритании. Вступление Италии в войну вынуждало вступить в войну и Турцию, согласно букве Анкарского соглашения.

[17] С 15 по 20 марта 1940 г. в Алеппо проходили англо-франко-турецкие штабные переговоры. Повестка дня конференции предполагала рассмотрение планов укрепления Фракии. Турция поставила вопрос об англо-франко-турецком оперативном сотрудничестве, в частности о Додеканезской операции, на случай вступления в войну Италии. Англичане отказались обсуждать вопросы, выходящие за рамки повестки дня.
По настоянию турецкой стороны вопрос был всё-таки поставлен на обсуждение, но союзники отделались уклончивым решением о необходимости его дальнейшего изучения (Бабинцев В. А. Англо-франко-турецкий пакт от 19 октября 1939 г. // Балканы и Ближний Восток в Новейшее время. Свердловск, 1976. Вып. 5. С. 6).

[18] Онур Ишчи — турецко-американский историк, доцент кафедры международных отношений и директор Центра российских исследований Университета Билькент (Анкара).

[19] İsci O. Russophobic neutrality: Turkish diplomacy, 1936–1945. A Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of Arts and Sciences of Georgetown University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of

что уже до поражения Франции в июне 1940 г. Турция предпочитала не столько следовать положениям Анкарского соглашения, сколько маневрировать между державами «оси» и антигитлеровской коалицией[20]. С. Кара отмечает, что «внешняя политика Турции в начале войны состояла в том, чтобы убедить Великобританию в том, что они поддерживают их праведное дело, хотя и не вступают в войну, но служат их интересам. Тот же метод убеждений применялся и в отношении Германии и СССР». Таким образом, не вступая в войну, Турция последовательно проводила политику «баланса» между Великобританией, Германией и Советским Союзом[21].

Кроме того, Анкара понимала, что США, Великобритания и Франция не могут заменить Германию в качестве торговых партнеров. Поток военной помощи со стороны союзников на основе Анкарского соглашения о взаимопомощи был далек от удовлетворительного[22]. После окончательного поражения Франции нейтралитет Анкары стал еще более очевидным, а единственным поводом для вступления в войну для Турции было бы вторжение в Проливы. Поскольку после падения Франции договор был обновлен, т. е. стал англо-турецким, Турция могла не опасаться давления с целью вовлечения в войну[23].

По мнению турецких историков, Турцию беспокоила реакция на Анкарское соглашение Советского Союза. Однако более объективным представляется мнение С. Кара, утверждающего, что «советские оговорки» протокола № 2, приложенного к Анкарскому соглашению, исключавшие антисоветскую направленность документа, скорее облегчили Анкаре выход из ставшего обременительным договора[24]. Так, уже в марте 1940 г. премьер-министр

Philosophy in History. Washington, 2014. P. 101.

[20] Kara S. Foreign policy of Turkey during the Second World War. 30.03.2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/332093667_FOREING_POLICY_OF_TURKEY_DURING_THE_SECOND_WORLD_WAR (дата обращения: 29.04. 2020).

[21] Ibid.

[22] Önsoy M., Baba G. Op. cit. P. 136.

[23] Kara S. Foreign policy of Turkey during the Second World War. 30.03.2019. Researchgate.net. URL: https://www.researchgate.net/publication/332093667_FOREING_POLICY_OF_TURKEY_DURING_THE_SECOND_WORLD_WAR (дата обращения: 19.06.2020).

[24] Ibid.

Турции Рефик Сайдам из-за слухов о вступлении Италии в войну и вторжения Советского Союза в Бессарабию[25] объявил о нейтралитете Турции, заявив, что его цель — «удержать Турцию от войны»[26]. 26 июня 1940 г. Турция подтвердила свое неучастие в войне, применив протокол № 2. То есть, как отмечает британский исследователь Уильям Хейл, «Турция отказалась от своего обязательства, ссылаясь на протокол, освобождающий ее от вступления в войну против СССР» (Италия являлась союзником Германии)[27]. В результате Турция фактически вышла из Анкарского соглашения, заявив, что альянс более недействителен из-за неспособности Франции выполнять свои обязательства. По словам турецкого историка Селима Дерингиля[28], «это было время, когда британцы осознали, что Турцию не будет заботить ничего, кроме ее собственных интересов»[29]. Последнее, как можно сделать вывод из турецких публикаций, не стало новостью для британской дипломатии. Сразу после заключения Анкарского соглашения представитель Турции в Лиге Наций Неджмеддин Садак писал в газете Akşam, что несмотря на данные Великобритании и Франции гарантии, Турция будет придерживаться собственных интересов[30].

Что касается экономической составляющей суверенитета Турции, то в историографии обращается внимание на то, что сотрудничество с Германией имело достаточно ограниченный характер, поскольку она была заинтересована прежде всего в импорте

[25] Согласно договору Молотова — Риббентропа, Третий рейх уступал Бессарабию в «сферу влияния» Советского Союза. 28 июня 1940 г. Красная армия вошла на территорию Бессарабии и Северной Буковины, которые перешли под контроль СССР.

[26] Önsoy M., Baba G. Op. cit. P. 135.

[27] Hale W. Turkish foreign policy 1774–2000. L., 2000. P. 82.

[28] Селим Дерингиль (родился в Канаде в 1951 г.) — турецкий академик, профессор истории Университета Boğazıçı и Ливанского американского университета (г. Бейрут). Автор классической монографии о Второй мировой войне: Turkish Foreign Policy During the Second World War: 'active' Neutrality.Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

[29] Önsoy M., Baba G. Op. cit. P. 135–136.

[30] Козджаз У. Положение турецкой прессы и образ Советского Союза в Турецкой прессе на самом начальном этапе Второй мировой войны // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 5. С. 1–7. [Электронный ресурс] URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26795 (дата обращения: 01.01.2020).

хромовой руды[31]. Турецкий историк Тюркkая Атаов[32] подчёркивал, что из-за ориентации Турции на страны антигитлеровской коалиции Германия стремилась ограничить экономические отношения с Турцией тем, что «было абсолютно необходимо»[33]. Последнее не удалось, поскольку Германия не смогла найти адекватной замены турецкому сырьевому экспорту. «Хромовая руда была абсолютно необходима для производства стали для вооружения. Потеря импорта сырья из Турции нанесла бы серьезный удар по экономике Германии…»[34].С другой стороны, Германия вместе с захваченными территориями была самым важным рынком Турции, где она могла продавать 50% своего экспорта. Великобритания и Франция могли лишь создать для Турции равновесие посредством кредитов и займов только на время без реальной и долгосрочной замены. Поэтому Турция была крайне заинтересована в сохранении и развитии торговли с Германией[35].

Первым торговым договором между нацистской Германией и Турецкой Республикой было германо-турецкое торговое соглашение 25 июля 1938 г. Развитие турецко-германских экономических отношений привело к заключению второго германо-турецкого соглашения в июле 1940 г.[36] Договор исключал официальную продажу хрома Германии и транспортировку оружия через турецкую территорию, но предусматривал обмен товарами. В соответствии с этим договором Германия за поставки стратегического сырья должна была поставить в Турцию оборудование, запасные части и подвижной состав, в обмен на турецкий табак, мохер, оливковое масло, сухофрукты, овес, жмых для коров, опиум, шкуры и хлопок[37].В турецкой историографии, впрочем, отрицается экономическая составляющая турецко-германских отношений как одна из причин последующего прогерманского «разворота». Так, историк Фероз Ахмад

[31] Ataöv T. Turkısh foreign polıcy.1939–1945. Ankara, Üniversitesi Basinevi, 1965. P. 39

[32] Тюркkая Атаов (род.в 1932 г.) — известный турецкий исследователь, профессор Анкарского университета (два года работал в Секторе Турции ИВ АН СССР).

[33] Ataöv T. Op. cit. P. 39.

[34] Ibid. P. 40.

[35] Ibid.

[36] Постников А. Г. Дипломатические аспекты германо-британского противоборства на Балканах и в Турции в 1940–1941 гг. Цели, методы, результаты // Вестник ННГУ, 2018. № 1. С. 26.

[37] Önsoy M., Baba G. Op. cit. P. 136.

утверждает, что И. Инёню «отчаянно пытался изменить экономическую зависимость Турции от Германии»[38].

Заключительным этапом в формировании турецкого нейтралитета стали переговоры о статусе Босфора и Дарданелл и судьбе международной конвенции о проливах, заключенной в швейцарском городе Монтрё 20 июля 1936 г. (далее КМ-36). К 1940 г. в советско-турецких отношениях уже давно наступил период охлаждения. Что касается Советского Союза, то турецкие исследователи полагают, что он активно готовился к решению вопроса о Черноморских проливах в свою пользу. Мурат Ульгюль[39] отмечает, что «в годы войны советские правители установили диалог по этому вопросу практически со всеми противоборствующими сторонами. После немецкой оккупации Франции… во время встречи с послом Италии (Аугусто Россо. — *А.Б.*) Молотов отметил, что Советский Союз готов признать гегемонию Италии на Средиземном море, если Италия, в свою очередь, признает советское господство на Черном море»[40].

Ситуацией воспользовалась Германия, прекрасно осведомленная о советско-турецких противоречиях и со второй половины 1930-х годов энергично укреплявшая своё присутствие в Турции. Как отмечал Алтемур Кылыч[41], немцы «поняли» недовольство СССР Конвенцией Монтрё[42], а неудача московских переговоров 1939 г.[43] подвигла германскую дипломатию на проведение «проли́вной» провокации[44]. Переговоры состоялись в Берлине 12 и 13 ноября 1940 г. Формально на встрече не предполагалось поднимать вопросы о ревизии КМ-36. Советская

[38] Feroz A. The Historical Background of Turkey's Foreign Policy // The Future of Turkish Foreign Policy. ed. by Lenore G. Martin and Dimitris Keridis. Boston, 2004. P. 74.

[39] Мурат Ульгюль — доцент Черноморского Технического Университета (Трабзон).

[40] Ulgul M. The Soviet Influence on Turkish Foreign Policy (1945–1960). A Thesis submitted to the Interdisciplinary Program in Russian and East European Studies in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Gainesville, 2010. P. 26.

[41] Алтемур Кылыч (1924–2016) — турецкий журналист и писатель.

[42] Kılıc A. Turkey and the World. An appraisal of events and policies since World War II. Washington, D. C.: PublicAffairsPress, 1959. P. 86–87.

[43] Советско-турецкие переговоры в Москве 25 сентября-16 октября 1939 г. по поводу заключения пакта о взаимопомощи.

[44] Болдырев А. В. Советско-турецкие отношения в 1940 г. и «берлинская» провокация германской дипломатии // Вторая мировая война и Восток. Коллективная монография / отв. ред. Н. Г. Романова, Т. А. Филиппова. М.: ИВ РАН, 2019. С. 204–206.

делегация намеревалась рассмотреть накопившиеся между СССР и Германией противоречия в европейских и балканских делах.

Тем не менее вопрос о КМ-36 и проливах возник в ходе советско-германских переговоров. Германская сторона предложила наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову за спиной Турции заключить соглашение об изменении в пользу СССР режима Черноморских проливов[45]. По версии А. Кылыча, во время переговоров В. М. Молотов запросил не только базы в Проливах, но и потребовал Карс и Ардаган, однако эти требования были чрезмерны для А. Гитлера[46]. В той или иной степени этой версии придерживаются и другие турецкие историки: Т. Атаов, П. Бильгин и К. Джош, Ф. Ахмад[47]. Мнения, что на переговорах 12–13 ноября 1940 г. Проливы были предметом переговоров между СССР и Германией придерживаются также британские исследователи Николас Тамкин и Уильям Хейл[48]. Американский историк Брюс Р. Кунихолм[49] также утверждает, что «в ноябре 1940 года Молотов, ведя переговоры с немцами, добивался контроля над Проливами…»[50]. Данные утверждения не соответствует действительности, так как на основании протоколов встречи (переговоры протоколировала германская сторона) следует, что пересмотр КМ-36 не являлся ключевым в позиции советской делегации по вопросу о Проливах[51]. Основываясь на документах, можно с уверенностью сказать, что обеспечить свои интересы в вопросе о проливах СССР намеревался путём заключения союзного пакта

[45] См. подробнее: Болдырев. А. В. Советско-турецкие отношения в 1940 г. и «берлинская» провокация германской дипломатии // Вторая мировая война и Восток. С. 206–217.

[46] Kılıc A. Op. cit. P. 83, 86-87.

[47] Ataöv T. Op. cit. P. 50.; Coş K., Bilgin P. Stalin's Demands: Constructions of the ''Soviet Other'' in Turkey's Foreign Policy, 1919–1945 // Foreign Policy Analysis, 2010. № 6. P. 54. Feroz A. Op. cit. P. 133.

[48] Tamkin N. Britain, Turkey and the Soviet Union, 1940–45. Strategy, Diplomacy and Intelligence in the Eastern Mediterranean. London: Palgrave Macmillan, 1st ed. 2009. P. 25; Hale W. Op. cit. P. 83.

[49] Брюс Р. Кунихолм (р. в 1942) — профессор, американский исследователь внешней политики США на Ближнем и Среднем Востоке.

[50] Kuniholm B. R. The Origins of the Cold War in the Near East: Great power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton: Princeton University Press, 1980. P. 69.

[51] Подробнее см.: Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939–1941: документы и материалы / сост. Ю. Фельштинский. М.: Московский рабочий, 1991. С. 209–216.

с Болгарией, который позволял советским войскам в случае необходимости быстро выйти к Босфору и гарантировал интересы СССР в Проливах без пересмотра конвенции 1936 г.[52]

Это отмечает и М. Ульгюль. Он подчёркивает, что в ходе берлинских переговоров советский нарком руководствовался в большей степени «страхом за Балканы», чем традиционными стремлениями в отношении Проливов: «…записи разговора показывают, что главной заботой Советского Союза в начале 1940-х годов была ситуация на Балканах и возможный переход региона в сферу влияния Германии. В ходе встречи Молотов упорно связывал вопросы о Проливах с вопросом о российских гарантиях Болгарии»[53].

14 ноября 1940 г. советская делегация покинула Берлин. Историки не сомневаются, что А. Гитлер не намеревался предоставлять СССР какие-либо гарантии в Проливах, кроме «бумажного соглашения»[54]. Это вполне понимали и в Москве. 17 ноября 1940 г. В. М. Молотов информировал о германских предложениях посла СССР в Лондоне И. М. Майского[55], высказав сомнения в искренности германской стороны. При этом В. М. Молотов подчеркнул, что «немцы хотят прибрать к рукам Турцию под видом гарантий ее безопасности на манер Румынии, а нам хотят смазать губы обещанием пересмотра Конвенции в Монтрё *в нашу пользу* (курсив наш. — *А. Б.*)… Мы не дали на это согласие, так как считаем, что Турция должна остаться независимой, и, во-вторых, режим Проливов может быть улучшен в результате наших переговоров с Турцией, *но не за ее спиной*» (курсив наш. — *А. Б.*)[56]. В тот же день И. М. Майский довел до сведения Уинстона Черчилля, что Советский Союз не будет взаимодействовать с Германией на Ближнем и Среднем Востоке[57].

В дальнейшем линия советской дипломатии была изменена. 25 ноября 1940 г. в официальной беседе с германским

[52] Болдырев. А. В. Советско-турецкие отношения в 1940 г. и «берлинская» провокация германской дипломатии // Вторая мировая война и Восток. С. 216.

[53] Ulgul M. Op. cit. P. 26.

[54] Tamkin N. Op. cit. P. 25.

[55] Иван Михайлович Майский (Ян Ляховецкий) (1884–1975) — советский дипломат, историк и публицист. Полномочный представитель (полпред) СССР в Великобритании (1932–1943).

[56] СССР и Турция. 1917–1979 гг. М.: Наука, 1981. С. 165.

[57] Рыбас С. Громыко. Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 86.

послом Ф. фон Шуленбургом В. М. Молотов изложил позицию СССР относительно сделанных в Берлине предложений. Советская сторона не только согласилась примкнуть к Тройственному пакту, но даже расширила его базу. При этом осторожная линия в отношении Турции сменилась на весьма жёсткую риторику. Б. Р. Кунихолм отмечал в связи с этим, что 25 ноября 1940 г. В. М. Молотов передал послу Германии в Москве Ф. фон Шуленбургу поправку к проекту протокола о предлагаемом Пакте четырех держав[58], изложенную И. фон Риббентропом в начале месяца. Советское принятие пакта было обусловлено рядом условий, которые включали «создание базы для сухопутных и военно-морских сил СССР в пределах Босфора и Дарданелл путем долгосрочной аренды»[59].

Думается, что, оценивая последствия своих шагов, руководство СССР исходило прежде всего из того, что возможность сближения с Германией произведет должное впечатление на Турцию. Конечной целью для СССР было добиться от Турции согласия на создание военно-морской базы в турецком порту Зонгулдак, который находился в шаговой доступности от Босфора. Иными словами в отношении Турции советское руководство намеревалось ограничиться постановкой вопроса о совместной обороне Проливов, идея которой уже не раз выдвигалась самой Турцией. Согласие Германии на советские предложения должны были показать туркам, что в случае необходимости можно будет обойтись и без них. Это не означало, что СССР был намерен игнорировать интересы Турции (решать этот вопрос Советский Союз намеревался на базе двусторонних переговоров с турецким правительством), но должно было сделать турецкую сторону сговорчивее. Отсутствие в документах о советско-германских переговорах по болгарскому вопросу в конце 1940 — начале 1941 г. каких-либо упоминаний о Турции ещё раз подтверждает тот факт, что вопрос о Проливах СССР связывал не с Турцией и пересмотром Конвенции Монтрё, а с Болгарией, государством, географически близким к Проливам, и страной с широко распространенными русофильскими настроениями[60]. Не исключено при этом, что территория

[58] Германии, Советского Союза, Италии и Японии.

[59] Kuniholm B. R. Op. cit. P. 24–25.

[60] Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939–1941: документы и материалы. С. 228–231.

Болгарии рассматривалась Советским Союзом как возможный вариант создания военно-морской базы в болгарской Варне.

В марте 1941 г. А. Гитлер «предупредил» турок о берлинских переговорах, демонстративно представив себя защитником турецких интересов «перед лицом хищного российского империализма»[61]. Как отмечает Ф. Ахмад, информация о переговорах была доведена до турецкого посла в Германии Хюсрева Гёреде 17 марта 1941 г. В разговоре с ним А. Гитлер утверждал, что В. М. Молотов поднял вопрос о Дарданеллах, предполагая размещение русских гарнизонов вблизи Проливов. А. Гитлер сказал Х. Гёреде, что он отклонил предложение В. М. Молотова. Турецкий посол «был явно удовлетворён, поблагодарив фюрера за его слова»[62]. Ф. Ахмад отмечает также, что во время встреч главы турецкого МИД Ш. Сараджоглу и германского посла Ф. фон Папена (апрель-май 1941 г.), Ш. Сараджоглу заверил его, что отныне Турция вновь считает Россию «своим непримиримым и величайшим врагом»[63].

По мнению Н. Тамкина, опасения Турции нового нацистско-советского соглашения подтолкнули Анкару к заключению договора с Германией, чтобы предотвратить появление совместной советско-германской угрозы. Того же мнения придерживается и У. Хейл. Согласно ему, советско-турецкие отношения «были омрачены советско-германскими отношениями …Существовала опасность, что Германия отдаст Проливы СССР как плату за нейтралитет»[64]. Следует не согласиться и с этим мнением британского историка, поскольку советско-германский диалог 1940–1941 гг. от начала и до конца являлся блефом со стороны Берлина.

Тем не менее раскрытие берлинских переговоров нанесло серьёзный ущерб советско-турецкому диалогу. П. Бильгин и К. Джош[65] отмечают, что хотя СССР подтвердил свою лояльность конвенции Монтрё[66], раскрытие переговоров нанесло

[61] Tamkin N. Op. cit. P. 26.

[62] Feroz A. Op. cit. P. 133.

[63] Ibid. P. 139.

[64] Hale W. Op. cit. P. 83.

[65] Профессор Пынар Бильгин и Кыванч Джош — сотрудники Университета Билькент (Анкара).

[66] 25 марта 1941 г. была подписана советско-турецкая декларация о взаимном нейтралитете в случае войны.

ущерб отношениям между Турцией и СССР, что сделало сохранение «искренней дружбы» еще более трудным[67]. А. Кылыч подчёркивал, что, если «первый намёк на изменение советского отношения к Турции проявился тогда, когда россияне проявили нежелание подписать новый Договор о дружбе с Сараджоглу в 1939 году», то «секретные переговоры относительно Турции между Молотовым и Гитлером и Риббентропом послужили обострению традиционного подозрения турок относительно России»[68].

Турецкие исследователи, впрочем, прекрасно понимают причину «благих» намерений А. Гитлера. Как отмечает Ф. Ахмад, А. Гитлер «проявил позитивное отношение к интересам Турции не по каким-либо сентиментальным причинам …скорее он действовал из чувства, что это будет против собственных интересов Германии, если что-то случится с Турцией. Германии было бы невыгодно наблюдать, как какая-либо другая держава обосновывается на Балканах и в Дарданеллах»[69]. Кроме того, после «мирной» оккупации Румынии и Болгарии[70] Германия старалась не обострять отношений с Анкарой, предотвратив советско-турецкое сближение. В рассматриваемое время немцы сформулировали новое отношение к Турции, превратившись в ярых сторонников нейтралитета страны, что было связано с ухудшением германо-советских отношений. М. Онсой и Г. Баба отмечают, что «Инёню почувствовал облегчение от письма, которое он получил от Гитлера в начале марта, в котором указывалось, что Германия уважает

[67] Coş K, Bilgin P. Stalin's Demands: Constructions of the «Soviet Other» in Turkey's Foreign Policy, 1919–1945 // Foreign Policy Analysis, 2010. No 6. P. 54.

[68] Kılıc A.Op. cit. P. 116. Турецкие пресса и общественность узнали о советско-турецких переговорах лишь после нападения Германии на Советский Союз.

[69] Feroz A. Op. cit. P. 133.

[70] 7 октября 1940 г. в страну по приглашению диктатора И. Антонеску были введены германские войска под предлогом «защиты нефтяных районов» и обучения румынских военных. 23 ноября 1940 г. Бухарест официально присоединился к Тройственному пакту, ранее подписанному Берлином, Римом и Токио. Таким образом, Германия получила румынские нефтепромыслы. Помимо этого 1 марта 1941 в Вене были подписаны документы о присоединении Болгарии к пакту «Рим — Берлин – Токио». Уже 2 марта 1941 года немецкие войска вступили на территорию Болгарии с территории Румынии. 6 апреля 1941 г. началось немецкое вторжение в Югославию и Грецию, для чего Болгария предоставила свою территорию (История стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX века. М.: ИПО Профиздат, 1997. С. 249; История южных и западных славян. Т. 2. М.: Изд-во Московского университета, 2002. С. 40)

нейтралитет Турции»[71].12 марта 1941 г. А. Гитлер отправил второе письмо, где предложил пакт о ненападении между двумя странами. В результате 18 июня 1941 г. министр иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу и посол Германии Ф. фон Папен подписали турецко-германский договор о Дружбе и ненападении[72].

По мнению турецких историков, благодаря «дружбе» с Германией Турция была спасена от опасности разделить судьбу Польши[73]. С. Кара подчёркивает, что положение Турции после подписания германо-турецкого договора улучшилось, совпав по времени с нападением Германии на Советский Союз, «поскольку опасность совместного советско-германского давления была устранена»[74]. В турецкой литературе имеется также мнение, что в рассматриваемый период Турция опасалась не столько военной опасности со стороны Советского Союза, сколько угрозы советско-германского столкновения. Ф. Ахмад отмечает, что именно из-за страха перед германо-советским конфликтом правительство Турции «склонилось к соглашению с Германией»[75]. По его мнению, благодаря страху Турции перед Советским Союзом Ф. фон Папену удалось в апреле-мае 1941 г. «мастерски» направить «турецкую дипломатию в прогерманский нейтралитет». Ссылаясь на мнение Т. Атаова, он подчёркивает, что, стараясь вбить клин между «турками» и «советами», немцы держали турок «в постоянном страхе перед русскими»[76]. В результате Германия получила гарантию для своего «южного фланга», начав спустя 4 дня войну против СССР[77].

Таким образом, среди турецких историков нет сомнений в правильности избранного Анкарой курса, как нет и сомнений

[71] Önsoy M., Baba G. Op. cit. P. 133.

[72] Nur Altınörs M. Turkish Foreign Policy during World War II // Asian Journal of Social Science Studies. 2017. Vol. 2. № 4. P. 2.

[73] Турция и Вторая мировая война. Ч. 1–3 (сайт турецкого языкового центра). URL: http://www.turkishfirst.ru/stories/turtsiya-vtoraya-mirovaya-voyna-1.html (дата обращения: 03.11.2020).

[74] Kara S. Foreign policy of Turkey during the Second World War. 30.03.2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/332093667_FOREING_POLICY_OF_TURKEY_DURING_THE_SECOND_WORLD_WAR (дата обращения: 19.06.2020).

[75] Feroz A. Op. cit. P. 139.

[76] Ibid. P. 143.

[77] Турция и Вторая мировая война. Ч. 1–3 (сайт турецкого языкового центра). URL: http://www.turkishfirst.ru/stories/turtsiya-vtoraya-mirovaya-voyna-1.html (дата обращения: 03.11.2020).

в правомерности средств, использованных для его реализации. Исследователи считают, что Турция выиграла не только потому, что осталась вне советско-германской войны, но и потому, что избежала раздела по польскому варианту. Берлинские переговоры нанесли ущерб советско-турецким отношениям, поскольку даже подписав 25 марта 1941 г. декларацию с СССР о нейтралитете, Турция не оставила своих подозрений относительно планов Москвы. В то же время в отличие от пакта Молотова-Риббентропа, турецкие лидеры не испытали аналогичного «шока» от берлинских переговоров. Этому не могла помешать даже германская «интерпретация» событий, поскольку с момента падения Франции турецкая дипломатия держала официальный курс на невмешательство в мировой конфликт любыми средствами. По этой причине негативная информация о своем соседе, к которому Турция и без того не испытывала особого доверия, лишь заставила турок действовать активнее.

И. А. Свистунова *

К вопросу о создании «Турецкой православной церкви» в период образования Турецкой Республики

Резюме. В годы турецко-греческой войны (1919–1922) анкарское правительство предприняло попытку создать «Турецкую православную церковь», автономную от Константинопольского патриархата. В статье рассматриваются причины, цели и историческая судьба этого социально-политического проекта, который можно считать одной из первых попыток кемалистов реформировать османское общество.

Ключевые слова: Турецкая православная церковь, Национально-освободительная война в Турции, турецко-греческие отношения

On the Formation of the "Turkish Orthodox Church" during the Establishment of the Republic of Turkey

Abstract. *During the Turkish-Greek War (1919–1922) the Ankara government attempted to create a "Turkish Orthodox Church" autonomous from the Patriarchate of Constantinople. The article examines the reasons, goals, and historical fate of this sociopolitical project, which can be considered one of the first attempts of the Kemalists to reform Ottoman society.*

* Свистунова Ирина Александровна - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0001-5191-9090

Keywords: *Turkish Orthodox Church, the Turkish War of Independence, Turkish — Greek Relations*

Тяжелые для Турции итоги Первой мировой войны были дополнительно осложнены греко-турецкой войной 1919–1922 гг., которая стала мрачной страницей в истории отношений двух народов. На первом этапе войны события складывались в пользу греков. В такой атмосфере в Анатолии началась реализация социально-политического проекта, получившего поддержку новых турецких властей в преддверии создания Турецкой Республики. В сентябре 1922 г. было провозглашено образование «Турецкой православной церкви» (ТПЦ), которая по замыслу ее создателей должна была объединить православных подданных новой Турции. Лидер движения за создание ТПЦ, известный под именем Папа Эфтим, был избран патриархом этой новой структуры. Он поддерживал прямые контакты с Мустафой Кемалем и принимал активное участие в национально-освободительной борьбе, за что был награжден Медалью Независимости (İstiklal Madalyası). Известны слова Мустафы Кемаля о том, что «Папа Эфтим послужил стране столько же, сколько целая армия»[1]. Эти строки высечены на мраморном надгробии на могиле священнослужителя, скончавшегося и похороненого в Стамбуле в 1968 г.

В статье рассмотрены различные аспекты создания ТПЦ как проекта кемалистского правительства новой Турции, который можно считать одним из первых в череде радикальных реформ социально-политической жизни бывшего османского общества, проводившихся Ататюрком.

В отечественной исследовательской литературе этот вопрос почти не изучен. Его поднимали в своих работах только некоторые церковные исследователи[2]. В то же время анализ этой

[1] Türk Dış Politikası. Kurtuluş Savaşından Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar. Cilt I. 1919–1980/ editör Baskın Oran. İstanbul: İletişim Yayınları, 2012. S. 190.

[2] См. статью священника Павла Бочкова: «К истории возникновения «Турецкой православной церкви»: политический проект или неудавшаяся национальная автокефалия». Studia Humanitatis. 2017. № 3. URL: https://st-hum.ru/content/svyashchennik-pavel-bochkov-k-istorii-vozniknoveniya-tureckoy-pravoslavnoy-cerkvi (дата обращения: 27.03.2023). О ТПЦ упоминается в монографии М. В. Шкаровского «Константинопольский патриархат и Русская Православная Церковь в первой половине XX века». Москва: «Индрик», 2014.

темы с точки зрения истории Турции может раскрыть подробности периода национально-освободительной борьбы, расширить представления о подходе кемалистов к формированию новой структуры общества и национальной идентичности населения Турецкой Республики.

Отметим, что в современной Турции исследовательский интерес к теме «Турецкой православной церкви» носит достаточно высокий характер. За последние 20 лет турецкими авторами было издано не менее четырех монографий, полностью посвященных этому вопросу. Две последние вышли в 2016 г., затем были переизданы в 2020 и 2022 гг.[3] Кроме того, в ряде турецких книг и статей на близкие исторические темы вопросу о ТПЦ отводится значительное место.

Причины возникновения проекта ТПЦ

Как известно, в османский период общество было разделено по религиозной принадлежности на «миллеты». Православное население Османской империи входило в Православный миллет (millet-i Rûm), главой которого считался Константинопольский патриарх. В ходе греко-турецкой войны 1919–1922 гг. Константинопольский патриархат поддержал греческую армию, поскольку многие греки воспринимали эту войну как возможность освободиться от многовекового турецкого владычества и вернуть власть над своими историческими территориями.

В 1919 г. при участии Константинопольского патриархата в Стамбуле был создан греческий Национальный комитет, который принял решение установить отношения с европейскими странами, прекратить контакты с османским правительством и приложить усилия для объединения с Грецией[4]. Местоблюститель патриаршего престола архиепископ Дорофей приехал на Парижскую мирную конференцию и вручил странам Антанты меморандум, в котором призвал союзников освободить греков от турецкого гнета. Англия и Франция воздержались от отправки войск для участия в военной операции греков, но оказали им помощь вооружением. Греческая армия заняла Измир и начала

[3] Doğan Ü. Türk Papa. Ankara: Kripto, 2016, 2020; Benlisoy F., Benlisoy S. 'Hiristiyan Türkler' ve Papa Eftim. İstanbul: İstos, 2016, 2022.

[4] Türk Dış Politikası. Kurtuluş Savaşından Bugüne … S.181.

продвигаться вглубь Анатолии. Однако в 1921 г. в войне наметился перелом в пользу турок, которые в итоге одержали победу над греками.

После этих событий, получивших в Греции название «Малоазийской катастрофы», в начале 1923 г. кемалистское правительство Турции договорилось с греческим руководством о принудительном обмене населением. На Лозаннской конференции по итогам Первой мировой войны для Турции кемалистская делегация выразила намерение выдворить из страны и Константинопольский патриархат. Европейским странам не без труда удалось добиться того, чтобы патриархат остался в Стамбуле на своем историческом месте, где он находится, начиная с IV в.

Таким образом, принимая во внимания события и атмосферу греко-турецкой войны, первой причиной возникновения проекта создания «Турецкой православной церкви» можно считать негативное отношение кемалистов к Константинопольскому патриархату, который воспринимался как выразитель интересов Греции — военного противника Турции.

Вторая причина заключалась в том, что в центральной Анатолии с давних пор проживали так называемые «караманлы» — православные подданные Османской империи, которые говорили и вели богослужение на турецком языке, но при этом на письме использовали греческий алфавит. Название этой группы населения происходит от названия османской провинции Караман, которая, по-видимому, изначально была крупным центром проживания ее представителей. Считается, что к началу XX в. большие общины «караманлы» проживали в вилайетах Конья, Нигде, Невшехир, Кайсери и Анкара[5]. По мнению некоторых исследователей, география их расселения была гораздо шире. В XIX в. турецкоязычные православные общины встречались в Анатолии на пространстве от Черноморского побережья на севере до Киликии и Антальи на юге, от Бурсы и Айдына на западе до Кайсери и Сиваса на востоке. Относительно этнической принадлежности «караманлы» единого мнения не существует. У историков есть две противоречащих друг другу версии[6]:

[5] Ibid. S. 190.

[6] Türk Dış Politikası. Kurtuluş Savaşından Bugüne … S. 190.

1. «Караманлы» — этнические греки, которые начали говорить по-турецки после завоевания турками Малой Азии, но сохранили православную веру и греческую письменность.

Сторонники греческого происхождения «караманлы» утверждают, что в османском обществе этот феномен не был уникальным явлением. Так, в Анатолии встречались общины армян, которые говорили по-турецки, но писали армянскими буквами. На Балканах были славяне, которые использовали турецкий язык, но писали на кириллице[7].

2. «Караманлы» — потомки различных тюркских племен, которые пришли в Малую Азию еще во времена Византии и приняли православие и греческую письменность, но сохранили турецкий язык.

Турецкий историк Мустафа Баш отмечает, что, когда в Малую Азию пришли сельджуки, они нашли там тюрок христианского вероисповедания, которые состояли на службе у византийцев, охраняя границы империи[8].

В ходе развития турецкой национальной идеологии в первой четверти XX в. выдвигались различные смелые исторические теории. Среди них были утверждения о том, что турки-христиане являются потомками туранских племен, которые обитали в Малой Азии четыре тысячи лет назад. Таким образом, турецкие националисты пытались обосновать тезис, согласно которому турки являются автохтонным народом Анатолии[9]. Выдвигались и предположения о том, что турки — потомки хеттов и они были в числе тех обитателей Малой Азии, которые приняли христианство еще в I в[10].

По различным турецким оценкам, численность этой группы населения составляла от 300–500 тыс. до 1 млн. человек[11]. Определить точную численность «караманлы» сегодня не представляется возможным. Переписи населения проводились исключительно по религиозному признаку и не учитывали

[7] Benlisoy F., Benlisoy S. 'Hiristiyan Türkler' ve Papa Eftim… S. 11.

[8] Baş M. Türk Ortodoks Patrikhanesi. Ankara: Aziz Andaç Yayınları, 2005. S. 14–15.

[9] Benlisoy F., Benlisoy S. 'Hiristiyan Türkler' ve Papa Eftim… S. 14–15.

[10] Macar E. Cumhuriyet Döneminde İstanbul Rum Patrikhanesi. İstanbul: İletişim, 2004. S. 89–90.

[11] Ağca F. Hıristiyan Karamanlı Türkleri ve Karamanlı Ağzı Üzerine. Türkbilig, 2006/11. S. 4.

лингвистические особенности. По данным турецкого историка Кемаля Карпата, в 1914 г. в империи проживало 1 млн. 729 тыс. православных греков[12]. Сложно предположить, сколько из них относилось к «караманлы». Однако, по данным Центра исследований Малой Азии, из 81 православной общины в Каппадокии 49 были турецкоязычными[13].

В Османской империи «караманлы» создали пласт собственной культуры. Они имели свои типографии, где издавались книги на турецком языке, напечатанные греческим шрифтом. До настоящего времени дошло 752 таких издания, которые в основном хранятся в Национальной библиотеке в Афинах[14]. На территории современной Турции в различных местах встречаются надгробные плиты с надписями на языке «караманлы».

Как бы то ни было, эта православная община всегда находилась в духовной юрисдикции Константинопольского патриархата. Вместе с тем, имея культурные отличия от основной массы греков и проживая во внутренних районах Анатолии, «караманлы» были менее подвержены влиянию греческих национальных идей. Неудивительно, что в условиях греко-турецкой войны у кемалистов возникло стремление отделить «караманлы» от греков и опереться на них, используя фактор языковой близости.

Турецкие авторы Ф. Бенлисой и С. Бенлисой полагают, что турецкоязычные христиане Анатолии стали объектом идеологической борьбы турецкого и греческого национализмов, начиная с последней четверти XIX века. С образованием ТПЦ, которая откололась от Константинопольского патриархата, это идейное противостояние получило осязаемую форму церковного конфликта[15].

Представляется, что турецкие власти, продвигая проект создания для «караманлы» отдельной «Турецкой православной церкви», преследовали несколько целей:

— ослабить влияние Греции и Константинопольского патриархата на население Анатолии, внеся раскол в религиозной сфере;

[12] Karpat K. Ottoman Population, 1830–1914: Demographic and Social Characteristics. University of Wisconsin Press, 1985. P. 188.

[13] Benlisoy F., Benlisoy S. ‘Hiristiyan Türkler’ ve Papa Eftim… S. 10.

[14] Ağca F. Hıristiyan Karamanlı Türkleri ve… S. 10.

[15] Benlisoy F., Benlisoy S. ‘Hiristiyan Türkler’ ve Papa Eftim… S. 9.

— создать новую структуру с выраженной национальной идентичностью «турецкой», что соответствовало общему курсу на построение национального государства вместо империи;

— оказать странам Запада, что в новой Турции сохраняются различные вероисповедания. Создание ТПЦ позволяло кемалистам продемонстрировать, что в Анатолии нет угнетенных греков, к освобождению которых призывала европейцев Греция, но есть турки-христиане, которые пользуются религиозными правами;

— другой вариант посыла, адресованного Западу, озвучил министр юстиции Рефик Шевкет бей, выступая перед меджлисом в декабре 1921 г. Он сказал, что цель создания ТПЦ заключается в том, чтобы «показать Европе, что в Анатолии нет никаких меньшинств, нет никого, кроме турок»[16].

Процесс создания ТПЦ и участие в нем кемалистов

Руководство новой Турции во главе с Мустафой Кемалем принимало прямое участие в создании ТПЦ, существование которой официально было признано турецким государством. Однако существует два подхода к вопросу о событиях, которые привели к реализации этого проекта, подобно тому, как есть две версии об этническом происхождении «караманлы».

Согласно первому подходу, в 1918 г. на фоне ослабления Османской империи в итоге Первой мировой войны Константинопольская патриархия и стоящая за ней Греция предприняли попытку популяризировать греческую «Великую идею» (проект воссоздания греческой империи со столицей в Константинополе) среди православного населения Анатолии. Это сопровождалось усилиями по эллинизации «караманлы», которые воспротивились попыткам ассимиляции и поднялись на защиту своей национальной турецкой культуры.

Второй подход рассматривает происходившие события в контексте борьбы двух национальных идей (турецкой и греческой) и военного противостояния сторон в Анатолии. В этой ситуации поддержка многочисленного православного населения имела большое значение, поэтому обе стороны стремились получить возможность на него опереться.

[16] Macar E. Cumhuriyet Döneminde İstanbul Rum Patrikhanesi… S. 90.

Лидером движения за создание «Турецкой православной церкви», т.е., новой патриархии, отделенной от греческой Константинопольской патриархии, стал православный священник — «караманлы» Эфтим Карахисаридис. Будущий глава ТПЦ родился в 1884 г. в Центральной Анатолии, современном иле Йозга, в местечке, которое тогда называлось Акдагмагден. При рождении он получил имя Павлос. В молодости занимался торговлей, как и его отец, а в 1915 г. был рукоположен в священники с именем Эфтим. В 1918 г. накануне греко-турецкой войны он был назначен представителем митрополита в уезде Кескин (совр. Кырыккале в 80 км восточнее Анкары).

Греческие авторы пишут о том, что поначалу Папа Эфтим состоял в организации, которая поддерживала греческие национальные идеи. Но затем он вступил в конфликт с другим священником, что привело к расколу христианского населения в Кескине на две группы, и начал поддерживать турецкое освободительное движение, вовлекая в него и свою паству. В апреле 1918 г. Папа Эфтим издал Кескинский манифест, в котором выступил против попыток Константинопольской патриархии превратить «караманлы» в греков[17]. В сентябре 1919 г. он ездил на Сивасский конгресс деятелей турецкого национального движения, хотя и не был делегатом.

Примерно в это же время Папа Эфтим вступил в прямой контакт с Мустафой Кемалем-пашой при посредничестве сподвижника Ататюрка уроженца Кескина Рыза-бея, который порекомендовал ему Папу Эфтима в качестве сторонника освободительного движения и организовал их личную встречу. Выступая на митинге в Кескине осенью 1919 г., Папа Эфтим заявил, что не признает стамбульское правительство и будет подчиняться только Мустафе Кемалю[18]. Некоторые исследователи полагают, что познакомил Папу Эфтима с Ататюрком один из командующих турецкой освободительной армией Черкес Этхем[19].

Неизвестно, кто именно был автором идеи создания в Турции неканонической автокефалии, которая в глазах всего православного мира была церковным расколом. Турецкие исследователи

[17] Doğan Ü. Türk Papa… S. 17.

[18] Ibid. S. 40.

[19] Baş M. Türk Ortodoks Patrikhanesi… S. 81.

утверждают, что Мустафа Кемаль поддержал стихийное движение народных масс и что еще во время Первой мировой войны османское правительство получало анонимные обращения с просьбами образовать турецкую церковь[20]. Как бы то ни было, после встречи с Папой Эфтимом Мустафа Кемаль начал оказывать поддержку ему лично и проекту создания ТПЦ.

Папа Эфтим поддерживал контакты с анкарским правительством и вел активную агитационную деятельность среди «караманлы», пытаясь склонить их на сторону турецкого национального движения. Он объезжал населенные пункты, в которых проживали «караманлы», и выступал там со своими воззваниями. В 1921 г., накануне контрнаступления турецкой армии, Папа Эфтим выступал на митинге в Анкаре возле здания ВНСТ в присутствии Ататюрка. Сохранилась фотография, на которой священник стоит на парапете и произносит пламенную речь.

Не все «караманлы» разделяли идеи Папы Эфтима. Часть турецкоязычных православных поддерживала греческое национальное движение, как свидетельствуют турецкие историки, объясняя этот факт успешной пропагандой Константинопольского патриархата[21].

5 января 1921 г. Совет министров анкарского правительства принял постановление, согласно которому надлежало рассмотреть вопрос о создании новой патриархии, независимой от Константинопольского патриархата. Объяснялось это тем, что «значительная часть христиан в Анатолии — этнические турки». В постановлении Совмина упоминалось название нового патриархата — Анатолийский патриархат[22]. Весной 1921 г. каймакамы различных уездов и другие представители администрации в населенных «караманлы» провинциях стали сообщать в Анкару о том, что получают обращения местных жителей с заявлениями о стремлении сохранять свою турецкую идентичность и с просьбами о создании Турецкой патриархии[23]. 1 мая 1921 г. Совет министров принял решение о создании «Турецкой православной патриархии». К июню 1921 г. был разработан

[20] Doğan Ü. Türk Papa… S. 47.

[21] Baş M. Türk Ortodoks Patrikhanesi… S. 1.

[22] Macar E. Cumhuriyet Döneminde İstanbul Rum Patrikhanesi… S. 88.

[23] Doğan Ü. Türk Papa… S. 47–48.

соответствующий законопроект. В обосновании говорилось о том, что турки планируют создать национальную патриархию подобно тому, как в XIX в. это сделали болгары и сербы, отделившиеся от греческого Константинопольского патриархата[24]. Местом пребывания «патриархата» должен был стать город Кайсери. Законопроект определял различные стороны жизнедеятельности новой «патриархии», начиная от финансовых вопросов до подбора кандидатов в архиереи, к которым законодательно выдвигался ряд требований. В число этих требований входили умение читать и писать по-турецки, непричастность к антигосударственной деятельности и насилию в отношении местного населения, а также проживание в Анатолии более пяти лет до избрания епископом[25]. Обсуждение законопроекта в органах власти продолжалось вплоть до начала 1922 г.

В феврале 1922 г. Министерство юстиции в Анкаре издало постановление о том, что общине православных турок запрещается поддерживать отношения с Константинопольским патриархатом, а нарушение этого запрета будет считаться изменой родине[26]. Турецкие власти хотели решить вопрос о ТПЦ до переговоров в Лозанне. В июле 1922 г. Папа Эфтим был вызван в Анкару, где получил здание и начал деятельность по созданию Турецкой патриархии. При этом он действовал в духе последующих реформ Ататюрка: требовал, чтобы священники носили светскую одежду, не участвовали в политической деятельности и обязательно знали турецкий язык. Проявлял международную активность, обращаясь с посланиями к Англиканской церкви и в Ватикан. В 1922–1923 гг. издавал газету «Голос православия в Анатолии».

Для создания автономной церкви требовалось провести церковный собор с участием митрополитов и епископов, а также представителей церквей Анатолии. Папа Эфтим получил от Министерства юстиции разрешение на проведение собора в Кайсери[27]. Однако он столкнулся с трудностями при поиске необходимого числа участников — архиереев.

[24] Macar E. Cumhuriyet Döneminde İstanbul Rum Patrikhanesi… S. 89.
[25] Baş M. Türk Ortodoks Patrikhanesi… S. 49–50.
[26] Macar E. Cumhuriyet Döneminde İstanbul Rum Patrikhanesi… S. 91.
[27] Baş M. Türk Ortodoks Patrikhanesi… S. 52.

Константинопольский патриархат, осведомленный о происходящих событиях, начал вызывать митрополитов и епископов в Стамбул. С целью обеспечить необходимое число участников собора в Кайсери турецкие власти стали возвращать из ссылки и выпускать из тюрем православное духовенство, ранее обвинявшееся в поддержке греческих идей. Опасаясь, что этого количества все же будет недостаточно, 31 декабря 1921 г. Министерство иностранных дел кемалистского правительства даже направило шифротелеграмму в советскую Россию. В телеграмме содержалась просьба направить в Анкару епископов, которые были бы этническими турками или татарами, для участия в заседании турецкого церковного собора[28]. Таким образом, кемалистская власть принимала прямое участие в организации собора, который должен был провозгласить создание автономной от Константинопольского патриархата национальной «Турецкой православной церкви».

В конечном итоге собор был проведен в монастыре св. Иоанна Крестителя в поселке Зинджидере провинции Кайсери. В заседании приняли участие один митрополит и два епископа, а также священники, представлявшие 72 церковные общины Анатолии. По мнению турецкого историка Э. Маджара, не все участники собора присутствовали на нем по доброй воле[29]. 21 сентября 1922 г. было провозглашено создание «Турецкой православной церкви», которая стала неканонической структурой, признанной турецким правительством, но непризнанной никем в православном мире.

Известно, что Исмет-паша, возглавлявший турецкую делегацию на Лозаннской конференции (с 20 ноября 1922 г. по 24 июля 1923 г.), неоднократно запрашивал правительство о том, как продвигаются дела с признанием ТПЦ. В итоге в январе 1923 г. на конференции была достигнута договоренность о том, что Константинопольский патриархат останется в Стамбуле. Европейские страны не уступили Турции, которая планировала выслать патриархат из страны и заменить его «Турецкой православной патриархией». После этих договоренностей активность турецких властей по формированию ТПЦ снизилась.

[28] Doğan Ü. Türk Papa… S. 50–51.

[29] Macar E. Cumhuriyet Döneminde İstanbul Rum Patrikhanesi… S. 92.

30 января 1923 г. Турция и Греция договорились об обмене населением. По соглашению греки Анатолии должны были покинуть Турцию и уехать в Грецию. В свою очередь, турки, проживавшие в Греции, должны были уехать в Турцию. Несмотря на все свои заслуги перед кемалистским правительством, Папе Эфтиму не удалось добиться исключения своей паствы из турецко-греческого соглашения об обмене населением. Большая часть «караманлы» была выслана в Грецию. Небольшое количество переехало в Стамбул вместе с Папой Эфтимом. В августе 1924 г. первый президент Турецкой Республики Мустафа Кемаль лично подписал указ, согласно которому Папа Эфтим и его семья исключались из соглашения об обмене населением и не подлежали высылке из Турции[30].

Историческая судьба «Турецкой православной церкви»

Проект ТПЦ не был свернут полностью. Папа Эфтим и небольшое число его сторонников получили возможность переехать в Стамбул, где они сумели занять в районе Бейоглу здания трех церквей, ранее принадлежавших Константинопольскому патриархату. Папа Эфтим находился в постоянном противостоянии с Константинопольским патриархатом, что, очевидно, соответствовало интересам турецких властей, стремившихся ослабить положение греческой патриархии, которую им не удалось выслать из страны.

В 1924 г. Папа Эфтим был провозглашен патриархом «Турецкой православной церкви», у которой со временем становилось все меньше паствы. В 1930 г. наступило потепление в отношениях между Турцией и Грецией, и турецкие власти сократили поддержку Папы Эфтима, чтобы не раздражать Афины. Тем не менее, стамбульские церкви сохранились во владении ТПЦ, продолжая оставаться предметом споров с Константинопольской патриархией. В 1930-е годы Турецкую православную церковь» посещали гагаузы, приезжавшие в Турцию из Румынии на учебу. Однако впоследствии они возвращались на родину либо, оставаясь в Турции, вынуждены были ассимилироваться и принять ислам.

[30] Baş M. Türk Ortodoks Patrikhanesi… S. 84.

К моменту кончины Папы Эфтима I в 1968 г. прихожане его «патриархата» фактически состояли лишь из членов его семьи. На похоронах священнослужителя присутствовали государственные лица. Титул патриарха унаследовал его сын под именем Эфтим II, затем второй сын — Эфтим III. Сейчас «патриархом» считается внук Папы Эфтима — Эфтим IV, а его сестра Севги Эренэрол занимает должность пресс-секретаря ТПЦ. После принятия в 1934 г. в Турции «Закона о фамилиях» Папа Эфтим I взял себе фамилию Эренэрол, которую и носят сейчас его потомки.

Стоит отметить, что «обмен населением» стал тяжелой трагедией для сотен тысяч человек, которые были вынуждены навсегда покинуть родные места и переселиться в незнакомые для них края. Лишившимся своих домов и прочей собственности и оказавшимся в гораздо худших жизненных условиях, чем ранее, людям пришлось пройти и через разлуку с родственниками и друзьями. Вынужденные переселенцы воспринимали турецко-греческое соглашение как ссылку и депортацию. Для «караманлы» трудности усугублялись тем, что значительная их часть говорила только по-турецки. Внезапно очутившись в Греции, они столкнулись и с языковой проблемой.

В 1924 г. православный священник — «караманлы» отец Неофит издал в Салониках книгу стихов, написанную на турецком языке греческими буквами, под названием «Национальная катастрофа». В ней он в поэтической форме описывал бедствия, с которыми столкнулись вынужденные переселенцы, и выражал надежду на возвращение. В произведении содержались негативные оценки деятельности Папы Эфтима, подтверждая тот факт, что не все «караманлы» поддерживали идею создания «Турецкой православной церкви»[31].

Что касается современных турецких оценок феномена ТПЦ, то автор одной из монографий, посвященных этому вопросу, в предисловии к своей работе написал о том, что турецкий народ недостаточно хорошо знает о деятельности «Турецкой православной патриархии» и Папы Эфтима, который сыграл решающую роль в победе Турции в освободительной борьбе, а после

[31] Benlisoy F., Benlisoy S. ‘Hiristiyan Türkler’ ve Papa Eftim… S. 7–8, 16; Doğan Ü. Türk Papa… S. 11.

провозглашения республики неутомимо поддерживал принципы Ататюрка[32].

Подводя итоги статьи, хотелось бы отметить, что на первый взгляд высылка в Грецию православных «караманлы» кажется нелогичным шагом кемалистского правительства Турции, которое ранее продвигало тезис о том, что «караманлы» — этнические турки и носители турецкой культуры. Турецкими властями были приняты различные законодательные постановления в поддержку процесса создания ТПЦ. Точнее говоря, без согласия и одобрения турецкого государства этой структуры просто не возникло бы. Тем не менее нашлись веские причины, которые побудили Анкару сократить масштабы проекта создания «Турецкой православной церкви».

Во-первых, по мере развития национальной идеологии новой Турции проект создания ТПЦ и признание существования турок-христиан вступали в противоречие с турецким национализмом, который опирался на фактор религиозного единства турок. Настоящие турки должны были быть мусульманами. Таким образом, по выражению турецких историков Ф. и С. Бенлисой, «турки-христиане и национальная турецкая церковь оказались альтернативным путем, по которому не пошел турецкий национализм».

Во-вторых, сыграла свою роль международно-политическая ситуация и тот факт, что кемалистской делегации на Лозаннской конференции не удалось добиться высылки из Стамбула Константинопольской патриархии. В таких условиях создавать в мусульманской Турции второй православный патриархат с достаточно многочисленной паствой было нецелесообразно, принимая во внимание изначальную цель кемалистов «заменить» греческий патриархат на турецкий.

К тому же два патриархата создали бы целый ряд потенциальных рисков для новой Турции. Прежде всего, риск дополнительной внутриполитической дестабилизации в только что пережившей распад империи и войну стране от перманентного столкновения двух патриархатов. Существовал и риск того, что в конечном итоге ТПЦ выйдет из-под контроля турецких властей, принимая во внимания активный характер Папы Эфтима,

[32] Benlisoy F., Benlisoy S. ‘Hiristiyan Türkler’ ve Papa Eftim… S. 21.

и «караманлы» захотят вернуться в Константинопольский патриархат, в то время как было принято принципиальное решение лишить последний влияния в Анатолии.

Таким образом, «Турецкая православная церковь», которая до сих пор официально существует в Стамбуле и признана турецким государством, не имеет ни своего места в православном мире, ни значимости в турецком обществе и, по сути, является лишь ярким историческим напоминанием о периоде создания Турецкой Республики и политике Ататюрка.

Т. Е. Михайлова-Могильницкая *

Османские реформы первой половины XIX в. и зарождение нового искусства (живописи)

Резюме. В статье рассматривается процесс возникновения и ранний период развития нового вида османского искусства — вестернизированной живописи (первая половина XIX в.) в контексте бурных исторических процессов в Османской империи. Новое искусство возникло под влиянием военных реформ (с конца XVIII в.), его формирование продолжилось в эпоху Танзимата (с 1830-х годов). Особенно важную роль сыграли реформы в сфере образования и появление практики европейских стажировок для османских подданных. В первой половине XIX в. османская вестернизированная живопись находилась в зачаточном состоянии и совершала первые робкие шаги на пути приобщения к европейскому искусству, которым всё больше увлекалась османская правящая элита. В то же время именно на этом раннем этапе были заложены основы, позволившие новой живописи стремительно возвыситься и занять прочную нишу в обществе уже к концу XIX в.

Ключевые слова: искусство, османская живопись, реформы, вестернизация, модернизация, Османская империя, Танзимат

Ottoman reforms in first half of 19th century and the birth of a new art (painting)

Abstract. The article deals with the problem of the emergence and early development of a new type of Ottoman art — Westernized painting (the first half of the XIX century).

* Михайлова-Могильницкая Татьяна Евгеньевна - лаборант-исследователь Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН.

The new art was the result of military reforms (since the end of the XVIII century), its formation continued in the era of the Tanzimat (in the 1830s). Reforms in the field of education and the emergence of the practice of European internships for the Ottomans played a particularly important role. In the first half of the XIX century the Ottoman Westernized painting was in its infancy and was making the first timid steps on the path of introduction to European art, which the Ottoman ruling elite was increasingly interested in. At the same time, it was at this early stage that the foundations were laid that allowed the new art to rise rapidly and occupy a sustainable niche in society by the end of the XIX century.

Keywords: art, ottoman painting, military artists, reforms, westernization, modernization, Ottoman Empire, Tanzimat

Вестернизированная живопись — культурно-исторический феномен, возникший на заре модернизаторского процесса XIX в. в Османской империи, явившийся одновременно ровесником и результатом ранних османских реформ в начале эпохи Танзимата и предшествующий ей период. Становление этого нового вида искусства служит прекрасным иллюстративным материалом, который выявляет, с одной стороны, особенности реформаторского процесса в разные его периоды, а с другой — отклик со стороны общества на нововведения и степень их принятия, также менявшиеся с течением времени. Изучая развитие нового османского (позже — турецкого республиканского) искусства, можно проследить трансформацию самого общества, его духовных ценностей и запросов.

Эпоха реформ в Османском государстве началась в конце XVIII в. Первые десятилетия, вплоть до 1830-х годов, они были сконцентрированы на военной сфере — с целью создания боеспособной армии по европейскому образцу для успешного решения внешних и внутренних проблем государства.

Казалось бы, военная сфера более чем далека от области культуры и изобразительного искусства. Однако именно в недрах ранних военных реформ зародился новый и новаторский для османского мира вид искусства — вестернизированная живопись, фактически заменившая традиционную османскую миниатюру.

На протяжении почти всего XIX в. османские художники были самым тесным образом связаны с военной средой.

Новый вид искусства вступил на историческую сцену в период правления султана Селима III (1789–1807). С целью воспитать европейски образованных офицеров были созданы военные училища нового образца при участии европейских специалистов и преподавателей, с учебными программами, усовершенствованными на западный манер. Помимо прочего, в программу включили несколько дисциплин по техническому рисунку для обучения навыкам топографических зарисовок и картографирования местности: санат-ы рессамийе (искусство рисования), ресм-и хат (линейный рисунок) и меназыр (перспективные построения)[1]. Так, в военных целях обучение приёмам европейской живописи было впервые поставлено на профессиональную основу, и именно с этого началось художественное образование в Османском государстве[2].

Впервые эти дисциплины появляются в Султанском сухопутном инженерном училище (Мюхендисхане-и Берри-и Хумаюн, далее — МБХ, 1795–1796 гг.) и Морском инженерном училище (Мюхендисхане-и Бахр-и Хумаюн, далее — Бахрийе, 1793 г.), организованным по европейскому образцу (в частности, выпускникам впервые начали выдавать дипломы специалистов[3]). Спустя несколько десятилетий появились Военное училище (Мектеб-и Харбийе, далее — Харбийе, 1835 г.) и Военно-медицинское училище (Мектеб-и Тыббийе, далее — Тыббийе, 1838 г.), в программу которых также вошли дисциплины по рисунку. Ареал распространения военных школ, а следовательно, и некоторых форм художественного образования ограничивался столицей и долгие десятилетия не выходил за её пределы.

[1] Erol T. A History of Turkish Painting. L., 1988. P. 96; Cebeci N. T. Mühendishâne-i Berr-î Hümâyûn Mezumu Bir Ressam: Hüsnü Yusuf Bey // Milli Saraylar Sanat Tarih Mimarlık Dergisi. İst.: Aralık, 2020. S. 52.

[2] Первые упоминания о техническом рисунке как учебном предмете появляются после создания корпуса новых войск хумбараджи (бомбардиров, 1735 г.), где под наблюдением османского генерала Бонневаль-паши было организовано обучение. Среди преподавателей числился и муаллим-и ресим (учитель топографии или черчения). Однако никаких свидетельств о результатах обучения по этому предмету не сохранилось, а уже в 1747 г. корпус был распущен: (Ихсаноглу Э. Османские учебные и научные институты. // История Османского государства, общества и цивилизации. М., 2006. Т. 2. С. 309).

[3] Там же. С. 311.

Неудивительно, что первые поколения мастеров, окончивших военные школы, вошли в историю под названием «военных художников». Парадокс заключался в том, что при наличии «военных художников» гражданских ещё не существовало[4].

Какое будущее ожидало выпускников училищ? Учащиеся считались военным персоналом и получали жалованье. В МБХ после 4-летнего обучения выпускники со специальностью военных инженеров направлялись в армию или оставались в училище в качестве преподавателей. Таким образом, карьера «военного художника», по крайней мере, до середины XIX в. (т.е., в течение полувека существования художественного образования) отличалась минимальной вариативностью.

Источники первой половины XIX в. наглядно показывают, каким образом и в каком соотношении «военные художники» сочетали профессиональную деятельность и художественное творчество. В документах различных ведомств фигурируют лишь записи о выполненных чертежах, картах местности и архитектурных макетах — в военных или хозяйственных нуждах, а также о военных повышениях[5]. В архивах военных школ сохранились сведения о преподавателях рисунка. Информация же непосредственно о художественном творчестве ранних мастеров дошла до нас преимущественно в виде пересказов со слов современников.

И всё же «военные художники» находили возможность заниматься творчеством, хотя и в весьма своеобразной форме, в духе времени: творчество также встраивалось в военную службу. Если художнику удавалось вручить свою работу султану, то он мог рассчитывать на вознаграждение в виде особого поощрения и на зарубежную стажировку, которая, в свою очередь, способствовала продвижению по службе. Так, снова в тесной связи с военной сферой началось становление новой живописи и как искусства, а не только технического подспорья.

В соответствии с запросами заказчиков (султана) и общества (военной среды) в османской живописи началось формирование живописных жанров — портретного и пейзажного (от топографических рисунков). Жанровая живопись, будучи основным видом османской миниатюры, в новом искусстве первой

[4] Erol T. A History… P. 92.

[5] Cebeci N. T. Mühendishâne-i Berr-î Hümâyûn… S. 55.

половины XIX в. распространения не получила. Не предусматривалась она и в учебных программах военных школ. Русский военный и учёный М. П. Вронченко, в 1830-е годы под дипломатическим прикрытием совершивший разведывательную военно-географическую экспедицию по Малой Азии, упоминал, что в кофейнях в больших городах есть настенные изображения, среди которых иногда встречаются животные, но очень редки изображения людей, так как «списывать образ человека… и теперь почитается грехом»[6].

Самые ранние упоминания о «новых» османских художниках относятся к 1830-м годы, словно до этого времени (т.е. в течение сорока лет — 1790-е — 1830-е годы) мастера воспринимались обществом исключительно как военные, а не как люди искусства. Это косвенно подтверждается тем, что источники того же периода сохранили нам имена художников-миниатюристов, хотя искусство миниатюры к тому времени практически сошло со сцены[7].

Перелом произошёл в 1830-е годы, когда реформаторская деятельность расширилась и охватила не только военную, но и «гражданские» сферы[8]. Преобразования затронули систему образования — в числе прочего, появилась практика европейских стажировок, что сыграло огромную роль в развитии новой османской живописи.

Ферик Ибрахим-паша (1815–1889/91), Ферик Тевфик-паша (1819–1866), Хюсню Юсуф-бей (1817–1861) — первые три известных нам художника нового направления. Впрочем, помимо имён, сведений о них практически не сохранилось, как не дошли и их произведения (либо их атрибуция вызывает сомнения)[9].

Социальное происхождение художников различно. Ибрахим-паша родился в семье военного — юзбаши (капитана) армии Низам-ы джедид, в Ускюдаре, пригороде Стамбула[10].

[6] Вронченко М. П. Обозрение Малой Азии, в нынешнем её состоянии, составленное русским путешественником М. В. СПб., 1839. Ч. 1. С. 221.

[7] Boyar S. P. Türk Ressamları. Hayatları ve Eserleri. Ankara, 1948. S. 12–13; Атыл Э. Османское искусство // История Османского государства… Т. 2. С. 463.

[8] Такие реформы, как введение нового административного деления, учреждение министерств, развитие светского образования и другие: См.: Орешкова С. Ф. Османская империя: очерки истории. М., 2018. С. 136–137.

[9] Erol T. A History… P. 105.

[10] Kuzucular Ş. Ferik İbrahim Paşa ve Tabloları. URL: https://edebiyatvesanatakademisi.com/ (дата обращения: 15.09.2022).

По имеющимся данным, он единственный происходил из семьи, знакомой с европейской системой обучения, по которой обучались офицеры Низам-ы джедид — первого реформированного османского войска конца XVIII в[11]. Тевфик-паша родом из провинции (Бурса), его отец — представитель учёного сословия (ильмие) — служил главным муэдзином. Оба «военных художника» дослужились до высокого титула ферик (бригадный генерал). Происхождение Хюсню-бея неизвестно, его военная карьера завершилась в чине каймакама (подполковника).

Ибрахим-паша и Хюсню-бей учились в МБХ, Тевфик-паша закончил султанскую военную школу Эндерун, а после — Харбийе. Все трое обучались у лучших преподавателей своей эпохи. Наконец, это первые из известных османских живописцев, которые были отправлены на стажировку в Европу.

Известно, что все трое отправились за рубеж после того, как преподнесли султану свои произведения. В то время султан выступал единственным заказчиком для «военных художников». Посредниками между султаном и художниками могли стать высокие чиновники. Так, Хюсню-бею удалось вручить свою работу правителю при содействии Ахмеда Фетхи-паши (начальника Топхане-и Амире — Султанского арсенала)[12].

Сведений о стажировках практически не сохранилось, известны лишь названия городов, где стажёры проходили обучение: Лондон, Париж, Вена[13]. Конечно, европейские столицы должны были произвести на османских подданных ошеломляющее впечатление. Вопрос, насколько повлияло увиденное на мировоззрение и художественное творчество османских «первопроходцев», остаётся открытым за неимением источников, но именно эти мастера впоследствии обучали следующие поколения художников, которым суждено было вывести на новый уровень и прославить османское искусство.

[11] Озджан А. Османская военная организация // История Османского государства… Т. 1. С. 310.

[12] Cebeci N. T. Mühendıshane-i Berri-i Hümayun… S. 55.

[13] Kuzucular Ş. Ferik İbrahim Paşa ve Tabloları; Özyiğit H. Enderun Mektebin'nde Yetişen İki Sanatçı Said Efendi ve Tevfik Paşa // Ekev Akademi Dergisi. 2011, Sayı 49. S. 156; Cebeci N. T. Mühendishâne-i Berr-î Hümâyûn… S. 56.

Впрочем, сохранились косвенные свидетельства, показывающие, что первая триада художников пыталась внедрять европейские веяния. По словам младших современников, много лет спустя после стажировки Ибрахим-паша написал портрет султана Абдулмеджида (1839–1861) в реалистичной манере, изобразив даже следы оспы на лице султана, после чего был на несколько лет сослан в Бурсу[14].

Для указанного периода характерен симбиоз старого и нового живописного искусства, порой в причудливом переплетении. Так, Тевфик-паша, получив в Харбийе художественное образование западного толка, в то же время изготавливал миниатюрные портреты султана наряду с традиционными художниками-миниатюристами. С третьей стороны, такие портреты сами по себе являлись новшеством: они появились при Махмуде II (1808–1839) в качестве награды (медалей) для высших сановников[15].

Отношение общества (в то время доступ к новой живописи имели лишь султан и высшие столичные сановники) к вестернизированному искусству было сдержанным. С одной стороны, султан принимал активное участие в развитии нового искусства, благосклонно относился к работам своих художников (хотя неизвестно, делал ли им заказы) и отправлял их в Европу, но ориентировался, безусловно, на европейских мастеров, не слишком полагаясь на профессиональный уровень «военных художников». Строки А. С. Пушкина «Стамбул гяуры нынче славят» (1830 г.) прекрасно отражают ситуацию вокруг изобразительного искусства той эпохи: действительно, западное искусство долгое время считалось естественным и уместным, только если его создают западные же мастера. При дворе Абдулмеджида не только работали европейские художники, создавая портреты членов султанской семьи, но даже устраивались выставки европейских мастеров — лично для султана, с помощью и посредством иностранных дипломатов[16].

[14] Boyar S. P. Türk Ressamları… S. 23.

[15] Там же. S. 13, 26. Миниатюрные портреты выполнялись, как правило, на слоновой кости и вставлялись в рамку с драгоценными камнями: Атыл Э. Османское искусство и архитектура// История Османского государства, общества и цивилизации. М., 2006. Т. 2. С. 463.

[16] S. Germaner, Z. İnankur. Orientalism and Turkey. İstanbul, 1989. P. 81.

И всё же прослеживаются определённые шаги правящей элиты по привлечению ко двору и османских мастеров. Так, Ибрахим-паша даже давал султану уроки рисования после своего возвращения из Европы, а Тевфик-паша назван «придворным живописцем султана» в заметках российского художника Ивана Захарова, побывавшего в Стамбуле[17]. Впрочем, ни одного произведения «придворного живописца» русскому художнику не продемонстрировали, что само по себе весьма показательно. Красноречивым фактом отношения общества к новому искусству является практически полная утрата наследия ранних мастеров.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что возникновение и становление нового искусства («как в Европе») в Османской империи имеет яркие особенности. Оно пустило ростки в среде, созданной вовсе не для его развития, а для сугубо практических военных целей, не связанных с эстетическими или иными запросами, имеющими отношение к сфере искусства. Очень долго (почти полвека) «новая живопись» находилась в латентном состоянии — общество было не готово к восприятию искусства в западном стиле, если оно происходило из османской среды.

Зримые всходы появились лишь после того, как реформаторская деятельность расширилась и охватила, помимо военных, «гражданские» сферы. У художников появилась возможность познакомиться не только с отдельными художественными техниками в военных училищах, но и с самим западным искусством во время стажировок. Распространение нового искусства ограничивалось не просто столицей, а фактически дворцовой средой, подобно существованию миниатюрной живописи в предыдущие столетия. Но даже в этой среде отношение к новому искусству оставалось скорее равнодушным, наследие своих мастеров не ценилось и было практически полностью утрачено.

В процессе модернизации османской культуры не обошлось без потерь. Одновременно с приобщением к западному искусству исчезло выдающееся искусство османской миниатюры.

Для новой османской живописи первая половина XIX в. завершилась символично: на первой Всемирной выставке в Лондоне

[17] Boyar S. P. Türk Ressamları… S. 23; Захаров И. Д. Путевые записки русского художника И. Захарова, собранные во время поездки по России, Турции, Греции, Италии и Германии. СПб., 1850. Ч. 1. С. 40.

(1851 г.) в турецком отделе были представлены картины и литографии учеников стамбульских учебных заведений — как свидетельства модернизации османской культуры[18]. Образно выражаясь, новое османское искусство впервые покинуло пределы дворца и вышло в мир. И не просто на всеобщее обозрение, а в качестве демонстрации западному миру достойного «современного» уровня османской культуры.

Хотя эта внешняя демонстрация приверженности западному стилю была ещё далека от реального положения дел, две яркие особенности раннего этапа становления нового искусства стали, как думается, залогом последующего стремительного взлёта османской живописи. Во-первых, художники являлись наиболее образованной частью общества, получая лучшее образование своей эпохи в лучших и единичных учебных заведениях империи. Во-вторых, они имели возможность выезжать за рубеж и лично приобщаться к европейскому искусству. Пройдёт всего тридцать лет после Всемирной выставки 1851 г., а в Османской империи уже будет первый музей, Академия художеств, появятся художественные выставки, наладится регулярное общение османских и европейских мастеров. Столь впечатляющий шаг вперёд за столь короткое время основан на достижениях начального периода, хотя они и кажутся весьма скромными.

[18] Витол А. В. Советская медаль для султана (Имидж Турции на Западе в середине XIX в.). // Османская империя. События и люди. М., 2000. С. 89.

Раздел III

КУРДСКИЙ АРЕАЛ

***К. В. Вертяев* ***

Турецко-сирийская граница как источник дестабилизации отношений между двумя странами

Резюме. В статье анализируется формирование турецко-сирийской государственной границы на основании Анкарского соглашения 1921 г. и последующие приграничные факторы дестабилизации отношений между Турцией и Францией как государством-мандатарием, а затем — независимой Сирией, в том числе, включая угрозы трансграничной турецкой интервенции на протяжении новейшей истории. Лежащий в основе современных трансграничных конфликтов на турецко-сирийской границе курдский фактор имеет давнюю историю, связанную с разделением курдского народа государственными границами двух стран и деятельностью здесь повстанческих группировок (Партия рабочих Курдистана). В статье приведен анализ основных конфликтных ситуаций на турецко-сирийской границе в Новейшее время, а в последнее время — в результате гражданской войны в Сирии и интервенции Турции при поддержке местных протурецких сил (Временного правительства Сирии) на север страны.

Ключевые слова: Турция, Сирия, курды, турецко-сирийская граница, гражданская война в Сирии, Партия рабочих Курдистана

* Вертяев Кирилл Валентинович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0003-3533-3684

Turkish-syrian border as a source of destabilization between the two countries

Abstract. *The article analyzes the formation of the Turkish-Syrian state borders on the basis of the Ankara agreement of 1921 and the subsequent factors of destabilization in the relations between Turkey and France, as a mandate holder state, and then independent Syria, with threats of trans-border Turkish military intervention. The Kurdish factor underlying modern cross-border conflicts between Turkey and Syria has a long history associated with the Kurds as the people devided by the state borders alone with the activities of rebel groups here like PKK. The article provides an analysis of the main conflict situations on the Turkish-Syrian border in recent times, and more recently as a result of the civil war in Syria and Turkey'smilitary intervention to support local pro-Turkish forces (the Syrian Interim Government) in the north of the country.*

Keywords: *Turkey, Syria, Kurds, Turkish-Syrian border, Syrian civil war, PKK*

Государственная доктрина Турции опирается на идеи сильного национального централизованного государства, которая подразумевает строгую незыблемость государственных границ. В условиях политической турбулентности в регионе с конца XX в. турецко-иракская и турецко-сирийская границы оставались центром наивысшего напряжения в отношениях между соседними странами, что было связано как с деятельностью повстанцев из Партии рабочих Курдистана (ПРК, запрещена в Турции), так с и односторонне взятым на себя Турцией правом на проведение трансграничных военных операций на территории соседних государств — в Ираке, с использованием собственной армии и в Сирии, используя в основном милитаристские прокси-силы так называемого «Временного правительства Сирии». Напряженность на сирийско-турецкой границе с момента начала гражданской войны в Сирии приводила к эксцессам, которые были чреваты серьезными осложнениями

не только в двусторонних отношениях, но и в отношениях с третьими государствами: в качестве примеров можно привести сбитые сирийскими ВВС турецкий истребитель (2012 г.) и ВВС Турции российский истребитель в ноябре 2015 г., а также де-факто оккупацию Турцией на момент написания статьи сирийских территорий на севере страны (Африн и четырехугольник Телль Абьяд — Айн Исса) в результате трех турецких военных операций: «Щит Евфрата» (август 2016 г. — март 2017 г.), «Оливковая ветвь» (2018 г.) и «Источник мира» (2019 г.).

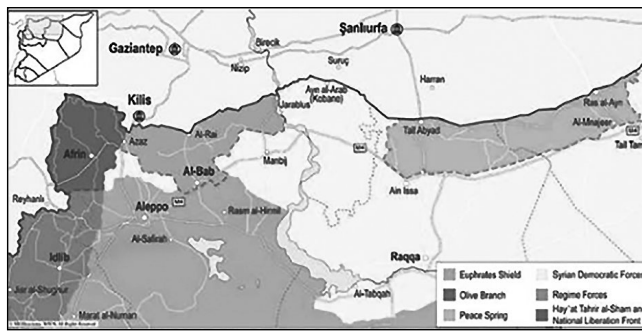

Рис. 1*. Зоны контроля Временного правительства Сирии (ВПС), установленные в результате интервенции Турции и турецких прокси в 2017–2019 гг.*
Источник: Hoffman M., Makovsky A. Northern Syria Security Dynamics and the Refugee Crisis. Washington, DC: Center for American Process, 26.05.2021. https://www. americanprogress.org/article/northern-syria-security-dynamics-refugee-crisis/

Пограничные районы не только отражают сдвиги в политике и экономике, но и становятся динамичным ареалом, где политические акторы реагируют на политику и формируют ее таким образом, что это не только обеспечивает им необходимые жизненные условия, но и имеет последствия далеко за пределами их непосредственного окружения. Наглядным примером сложноподчинения различных аспектов трансграничного бытия стали такие форс-мажорные обстоятельства, как эпидемия Covid-19 в 2020 г. и разрушительное землетрясение

3 февраля 2023 г., превратившее в руины целые города по обе стороны границы.

Процессы, происходящие в приграничье, не только предоставляют аналитические возможности для наблюдения за маятником социально-политической и экономической напряженности в данном регионе, но также предлагают многоуровневую зону принятия решений, когда глобальные структурные сдвиги трансформируют межгосударственные отношения и влияют на то, как государственные акторы «торгуются» с местными элитами с целью обеспечения баланса интересов различных групп.

С исторической ретроспективы можно утверждать, что приграничные районы между Турцией и Сирией после Первой мировой войны стали частью более широкой перестройки мирового политического порядка, когда возникшая на основе Анкарского соглашения 1921 г. турецко-сирийская граница официально положила конец османскому государственному устройству на Ближнем Востоке, введя принцип национального суверенитета, предусмотренный Парижской конференцией и системой мирового послевоенного устройства (1919 г.). В рамках турецко-сирийских отношений вопрос предела государственного суверенитета каждой из сторон, чьи границы до сих пор остаются предметом территориальных споров, незримо присутствовал на протяжении истории, демонстрируя склонность Турции к экспансии сфер национальных интересов и безопасности вглубь сирийской территории. К числу факторов, оказывавших на протяжении долгого периода негативное влияние на характер турецко-сирийских отношений, можно отнести территориальный вопрос, связанный с провинцией Хатай (Александретта; так называемое «Государство Хатай», отошло к Турции в 1939 г. по договоренности с Францией как державой-мандатарием в отношении Сирии).

В контексте влияния на чувствительность вопроса границ нужно рассматривать также и проблему использования вод реки Евфрат, имеющую критическое значение для сельского хозяйства Сирии после строительства плотин на реке на территории Турции в 70-е — 90-е годы. В целом, в рамках изучения данных проблем остается интерес к последствиям соглашения Сайкса — Пико, а турецкие правящие круги и эксперты вновь и вновь пытаются определить сферу национальных интересов за пределами

зачастую искусственных и нерациональных послевоенных административных границ. Анализ исторического контекста формирования сирийско-турецкой границы и причины напряженности являются предметом изучения настоящей статьи.

Особенностью возникновения турецко-сирийской границы является то, что она появилась в результате военных действий, будучи линией фронта между войсками Османской империи и Франции как участницы Антанты, в самом конце Первой мировой войны на момент подписания Мудросского перемирия 30 октября 1918 г. Позднее граница была упорядочена и пролегла по Багдадской железной дороге, недостроенной немцами. Соглашение о границах было ратифицировано в 1923 г. созданием нового государства — Турецкой Республики.

Второй особенностью является то, что в итоге государственного разграничения живший здесь столетиями курдский народ, говоривший на одном курдском наречии — курманджи, оказался разделенным между двумя государствами. Под разделенным народом следует понимать этническую группу, территория компактного проживания которой разделена границами двух или более государственных образований, которая осознает себя в качестве единой общности и формирует специфические механизмы сдерживания культурной дифференциации своих отдельных частей, расположенных по разные стороны государственных границ[1]. Курдские районы Сирии разделены на три основные части, которые образуют здесь своеобразные «курдские анклавы», отгороженные от обширной территории основного расселения курдов сирийско-турецкой границей. Этими тремя районами являются: Курд-Даг (т.е. «Курдские горы»), включая Африн в северо-западной части Сирии, где сосредоточена большая часть производства оливок в Сирии; район вокруг города Кобани, расположенный у Багдадской железной дороги, и мухафаза Хасеке на северо-востоке Сирии, в верхней Месопотамии. Собственно Заевфратье, или сирийская Джазира, по утверждению А. Г. Багирова, имеет площадь 48.500 кв. км, что составляет четвертую часть территории страны — территории, замкнутой рекой Евфрат, сирийско-иракской границей, протяженностью

[1] Балашов Ю. Проблемы разделенных народов и варианты их решения в международно-политическом континууме: автореф. дисс. по политологии. Нижний Новгород, 2008. С. 6.

360 км и сирийско-турецкой — границей протяженностью порядка 410 км.[2]

С момента официального возникновения турецко-сирийской границы (1921 г.) контрабанда и трансграничные племенные набеги стали предметом постоянных споров между соседними странами, а по сути — между Турцией и Францией как государством-мандатарием. Государственные органы обеих стран были крайне обеспокоены трансграничными потоками информации, такой как новости, пропаганда, а также перемещением агентов влияния, подрывающих суверенитет государства над этими территориями. Дело в том, что разноплеменное население региона, состоявшего из курдов, турок и арабов, привыкло считать свой регион единым целым и немало не считалось с турецко-сирийской границей[3]. Некоторые из курдских вождей боролись как с турками, так и с французами. В августе 1923 г. в Северной Сирии насчитывалось до 2 тыс. курдских повстанцев[4].

Жители сирийского приграничья часто оказывались в центре влияния различных интересов, связанных с региональными и международными конфликтами, а в период возникновения беспорядков правительства стали воспринимать приграничные зоны как свою «ахиллесову пяту». По мнению Й. Теджеля, вывод о том, что турецко-сирийская граница была окончательно «закреплена» в течение 1920–1930-х годов после подписания Анкарских соглашений 1921 г., был бы не только неверным, но и ошибкой, связанной с нарративными параметрами распространения влияния интересов национальных государств[5]. Примечательно, как Мустафа Кемаль представлял себе принципы формирования южных границ нового государства, опираясь на собственный опыт, полученный во время пребывания в период военных действий как раз на территории Сирии. По его мнению, граница должна была проходить от южной оконечности Александретты через район Антакьи до Алеппо и станции Катма, современный Аазаз, оттуда до моста через Евфрат в Джерабулус, затем сворачивала бы на юг вдоль Еврата до города Дейр-эз-Зор,

[2] Багиров А. О курдах Сирии. // Ближний и Средний Восток: история, экономика, политика. Институт Востоковедения АН СССР, 1987. С. 51.

[3] Лазарев М. Империализм и курдский вопрос (1917–1923). М., 1989. С 233.

[4] Там же. С 233.

[5] Там же. С. 31.

от которого поворачивала на восток до границы Ирана, включая города Мосул, Киркук и Сулеймманию[6]. Как видно, согласно представлению Ататюрка, в границы Турции должны были быть включена практически вся территория современного проживания курдов, за исключением иранской части. Это было связано с тем, что на заре республики курды рассматривались как часть одного неделимого турецкого государства.

Тяжелое положение французских войск в районе Антепа (Газиантепа), Мараша (Кахраманмараша) и Урфы заставило Францию пойти на переговоры с кемалистами и подписать Анкарский договор об установлении сирийской границы с Турцией. Несмотря на то что население Антакьи и северных районов Алеппо оказывало сопротивление французским оккупационным властям, Мустафа Кемаль пошел на подписание этого договора.

Хотя турецко-сирийская граница стала юридически зафиксированной, это отнюдь не означало, что незаконные схемы ее пересечения не начали принимать новые формы. В этом смысле трансграничное взаимодействие — это непрерывный процесс, который включает в себя сложное взаимодействие локального, регионального и глобального контекста.

Здесь примечательно вспомнить рассуждения столетней давности лорда Д. Керзона, которые приводит В. Ф. Минорский, о бытовавшем здесь, по его мнению, инстинктивном отвращении к точно определенным рубежам, «отчасти ввиду кочевых наклонностей населения, отчасти ввиду типично восточной нелюбви к ясным соглашениям из соображения, что от неустановленной границы можно ожидать большего, нежели от границы установленной»[7].

Единственным на тот момент отличием было то, что местные курдские племена в этот период находились под властью двух различных администраций: французской и турецкой.

Так, одной из специфических черт турецко-сирийской границы явилось то, что на территории Сирии оказалась гробница Сулеймана Шаха, долгое время считавшегося дедом Османа I, основателя Османской империи[8], которая, согласно Лозаннскому

[6] Kemal Atatürk. Nutuk. C. III. Ankara, 1987. S. 1186.

[7] Минорский В. Турецко-персидское разграничение// Известия ИРГО. Петроград, 1916. Т. LII, вып. V. С. 12–46.

[8] Сулейман Шах (тур. Süleyman Şah) — с XV в. считался отцом Эртогрула и дедом

соглашению 1923 г., является территорией Турции на сирийской земле, то есть турецким ненаселенным анклавом в Сирии (в настоящее время гробница перенесена непосредственно к границе Турции и охраняется турецкими военными). Считается, что Сулейман Шах утонул в реке Евфрат на территории современной Сирии. В соответствии с Анкарским договором 1921 г., после распада Османской империи могила находится в собственности Турции. Она изначально была расположена у замка Джабер, но затем дважды переносилась: в 1973 г. — после образования водохранилища Эль-Асад в Табке и в начале 2015 г. — из-за гражданской войны в Сирии. Турция эвакуировала своих военнослужащих, защищавших гробницу, а также артефакты мавзолея через несколько дней после сообщения о том, что могила была осаждена боевиками исламского государства Ирака и Леванта в 2015 г. Турецкое правительство заявило, что перенесение могилы является временным и оно не предполагает какого-либо изменения в состоянии или значени могилы Сулеймана Шаха.

Несмотря на подобные прецеденты, принципы, на которых строилось формирование границ новых национальных государств, должны были отвечать трем характеристикам международной стабильности — в соответствии с принципом международного права, называемым Вестфальским суверенитетом. Он заключаются в том, что власть должна принадлежать государству внутри его границ, что государства должны признавать друг друга равными и что государства не должны вмешиваться во внутренние дела других государств. Именно вестфальский принцип делает нелегитимными разного рода инсургентов, повстанцев и сепаратистов, в том числе действующих в интересах других государств, а государственные армии — легитимными.

Османа I. На данный момент считается доказанным, что отцом Эртогрула был Гюндюз Альп, так как была найдена монета с надписью «Осман б. Эртогрул б. Гюндуз Альп». Османист Поль Уиттек предположил, что Сулейман Шах — это Сулейман ибн Кутулмыш [Alderson, A. Dolphin. The Structure of the Ottoman Dynasty. Oxf.: ClarendonPress, 1956. P. 162]. Однако источники ссылаются на то, что сельджукский султан Сулейман ибн Кутулмыш погиб во время боя с войском сельджукида Тутуша в 1086 году в Сирии и был похоронен у ворот Алеппо. Путаница, вероятно, была связана с тем, что Сулеймана Шаха путали с его сыном, Кылыч-Арсланом I, который утонул в 1107 году в притоке Евфрата, реке Хабур. По словам А. Крымского, «франкские и византийские историки, равно как и Тассо», называли Кылыч-Арслана Сулейманом [Крымский А. Кылыдж-Арслан I. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1896. Т. XVII].

Между тем стремление национальных элит использовать курдский фактор в интересах формирующихся новых государств на Ближнем Востоке было заметно еще сто лет назад. Здесь можно обратиться к свидетельствам вековой давности, исходящим от Полномочного представителя СССР в Турции С. И. Аралова, о взглядах Мустафы Кемаля на курдский вопрос. «Цель наша, — говорил Кемаль, — создать национальную Турцию в рамках территории, населенной турками… Курдский вопрос запутанный и трудный. Курдистан богат нефтью и другими ископаемыми. На Курдистан зарятся многие, прежде всего — Англия, наш первый враг. Англия пользуется тем, что курды принадлежат двум государствам — Турции и Персии и играет на этом. Англичане исстари подкупают курдских вождей. Теперь курдские вожди разделились: одни тянут к Ирану, другие — к Англии, третьи — к нам»[9]. Как справедливо отмечал М. С. Лазарев, бросается в глаза то, что для Кемаля существовал только международный аспект курдской проблемы, а ее внутриполитическое (этнополитическое, т.е. внутритурецкое) содержание он выносит за скобки и сознательно игнорирует[10]. Фактически, он признавал наличие только двух Курдистанов: Турецкого и Иранского, при этом очевидно рассматривал Мосульский вилайет частью Турции, как, очевидно, и Сирийский Курдистан, который уже к тому времени оказался на территории подмандатной Сирии согласно установленной в 1921 г. турецко-сирийской границе. При этом курдский вопрос становился главным узлом в борьбе кемалистской Турции с английской политикой захвата Северной Месопотамии[11], а сирийские курды, находившиеся под мандатом Франции, отходили в этой связи для интересов Турции на второй план.

Тем не менее, вопрос государственных границ Сирии и Турции горячо дискутировался и обсуждался на протяжении 1920-х и 1930-х годов — спустя много лет после официальных соглашений в Анкаре в 1921 г., которые легитимизировали границу на бумаге. Сразу же после своего возникновения турецко-сирийская граница стала камнем преткновения в вопросах юрисдикции французского колониального мандата и сферы влияния

[9] Аралов С. Воспоминания советского дипломата. 1922–1923. М., 1960. С. 109.
[10] Лазарев М. Указ. соч. С. 229–230.
[11] Лахути. Курды и Курдистан. М.: Новый Восток, 1923. Кн. 4. С. 58.

кемалистской Турции. Однако вплоть до конца 1920-х годов граница оставалась в значительной степени прозрачной, характеризовавшейся эпизодическими грабежами и постоянной контрабандой товаров, торговля которыми находилась под государственной монополией[12]. Статус подмандатного государства давал Сирии доступ к французским товарам, которые пользовались спросом и в Турции. Анкара при этом стремилась подорвать экономические связи между Южной Турцией и Северной Сирией и делала попытки интегрировать свои южные провинции в свою национальную экономику[13].

Так, в 1921 г. появились слухи, что турки хотят создать некое «трансиракское государство» с включением всего Южного и части Западного Курдистана (сирийской Джазиры). Однако кандидатура предложенного Турцией главы такого государства Сиди Ахмеда аш-Шерифа ас-Сенуси, представителя династии Сенусидов из Ливии, возглавившей антиколониальную борьбу против итальянцев, не нашла поддержки у местных жителей[14].

По мере того как в 30-е годы Великая депрессия постепенно приводила к обострению экономической конкуренции во всем мире, некогда прозрачные границы, которые до этого позволяли вести достаточно свободный экономический обмен и торговлю, становились менее проникаемыми на фоне притока товаров, на которые увеличивался спрос, ужесточили пограничные правила. Испытывая нехватку денег из-за сужения мировых и внутренних рынков, государства по всему миру стали еще более осторожными в отношении характера пограничных операций и прозрачности границ[15]. Введение тарифов, квот и других инструментов протекционизма для регулирования трансграничных сделок определило положение государств в быстро меняющемся экономическом и политическом порядке, и приграничье стало местом этой борьбы интересов.

Несмотря на укрепление сотрудничества между Сирией времен французского мандата и Турцией, факторы напряженности

[12] Tejel. J. States of Rumors: Politics of Information Along the Turkish-Syrian Border, 1925–1945 // Journal of Borderlands Studies, 37:1, 95–113. P. 62.

[13] Sunar N. State an Society in the Politic of Turkey's Development. Ankara, 1974. S. 68.

[14] The Near East. 1923. No. 645. September 20. P. 299.

[15] Kongar E. Toplumsal Değişme kuramları ve Türkiye Gerçeği. BilgiYayınları. 1979. S. 389.

никуда не исчезали, а наоборот, актуализировались. В период между 1925 и 1933 гг. «головную боль» Анкаре доставляло расселение курдского и армянского населения из Турции вдоль границы, что рассматривалось как потенциальная угроза национальной безопасности Турции[16]. При этом большинство изгнанных противников правительства Анкары обосновались в Леванте (Восточном Средиземноморье), где продолжали лоббирование своих интересов против Турецкой Республики[17]. Это позволило губернатору Диярбакыра Абидину Озмену в 1936 г. считать, что в «подбрюшье» Турции создается курдско-армянское государство, которое стремилось распространить контроль «не только на сирийскую Джазиру, но и на территорию Турции»[18].

Наконец, турецкое недовольство также было направленана контрабанду на границе, которая, по мнению турецких властей, находилась в руках коалиции армянских и курдских трансграничных сетей и предпринимателей при участии мандатной власти Франции.

В свою очередь, французская политика невмешательства была также тесно завязана на динамику на турецко-сирийской границе. С момента создания Турецкой Республики Франция настоятельно просила Анкару открыть свой рынок для товаров, произведенных или находящихся в обращении в Сирии. При этом Турция стремилась создать свою национальную экономику путем введения высоких тарифов на импортные товары, а Франция закрывала глаза на контрабанду товаров из Сирии. На этом фоне французский верховный комиссар в Леванте был обеспокоен настойчивыми слухами и заявлениями, опубликованными в турецкой прессе, относительно «естественного права» Турции «вернуть» свои «потерянные» провинции в Северной Сирии[19].

В декабре 1925 г., когда Лига Наций готовилась опубликовать долгожданное решение по делу территориальной принадлежности Мосульского вилайета, американское консульство в Алеппо

[16] Altuğ, White. Borders and State Power: The Turkish-Syrian Border in the 1920s and 1930s. Vingtième Siècle Revue d histoire. Jan. 2009. P. 91–104.

[17] Mufti M.«From Swamp to Backyard: The Middle East in Turkish Foreign Policy» // in Freedman, Robert O. (ed.) (2002): The Middle East Enters to Twenty-First Century, Gainesville, University Press of Florida. P. 106.

[18] B. Şimşir. KürtçülükII. Ankara, 2007. S. 81.

[19] Tejel J., 2022. P. 106.

сообщило, что «турки распространяют в Урфе и Антепе сообщения о том, что французы собираются покинуть Сирию и что сейчас для них благоприятное время для оккупации северной части [Сирии]»[20]. Довольно сложно предположить, чтобы Турция тогда была готова ввязываться в новую войну, но такие слухи способствовали созданию постоянной напряженности. Неудивительно, что французские, британские и американские официальные лица и дипломаты периодически обсуждали возможность того, что новая Турция бросит вызов послевоенному порядку в регионе. Между тем для кемалистов борьба именно за Мосульский вилайет имела принципиальное и приоритетное значение. При этом наряду с кампаниями в прессе именно слухи стали грозными инструментами дипломатического давления на французские интересы и косвенно оказывали влияние на формирование турецко-французских отношений в межвоенные годы.

К лету 1923 г. на турецко-сирийской границе возрастала напряженность, причиной которой были непрестанные волнения курдских племен. М. С. Лазарев считает, что именно к этому времени относится возникновение курдского вопроса в Сирии, ставшей подмандатным государством Франции[21]. Следует признать, что присутствие армянских и курдских поселенцев вдоль границы стало яблоком раздора еще с 1920-х годов, Анкара охотно использовала как фактор их присутствия, чтобы иметь право голоса в сирийских делах. Так, А. Тойнби из бесед с Хюсейном Орбаем, премьером «новой» Турции в 1922 г., вынес впечатление, что преобладающий мотив, стоящий за турецким требованием возвращения Мосульского вилайета, «не экономический или стратегический, а исключительно политический и он целиком связан с курдами, ибо турки хотят ассимилировать курдов в своем политическом организме»[22]. Тойнби убедился, что «кемалисты мечтают об объединении всего Курдистана под турецкой эгидой, ибо в разделенности Курдистана видят источник постоянной угрозы для Турции»[23].

[20] Ibid. P. 107.

[21] Лазарев М. Указ. соч. С. 232–233.

[22] Цит. по: Лазарев М. С. Указ. соч. С. 229.

[23] Toynbee A. Angoraandthe British Empire in the East. The Contemporary review 1923. № 690. June. P. 686.

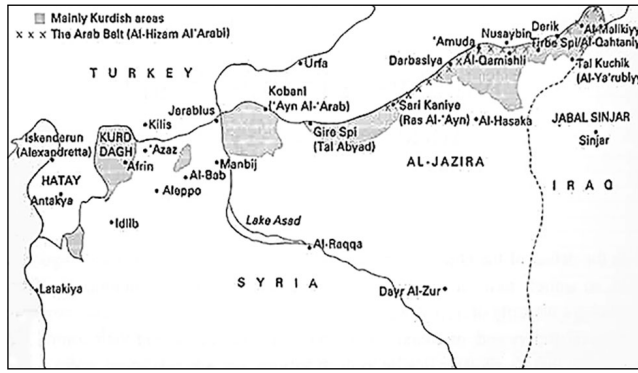

Рис. 2. **Расселение курдов Сирии**
Источник: D.McDowall. AModernHistory of the Kurds.4th edition. Taurus, 2021. P. 454.

В начале 1930-х годов проект создания сирийского санджака в Верхней Джазире породил слухи о том, что Франция поддерживает создание армянской автономной области в этом районе, распространялись в турецкой прессе, подпитывая новую волну кампаний против Франции с требованием изменения общей границы по соображениям безопасности. Впоследствии Турция обратилась к мандатным властям с просьбой удалить тысячи армян из приграничной зоны, включая район Александретты и Верхнюю Джазиру. Хотя сначала французские власти сопротивлялись турецкому давлению, различные армянские семьи, обвиненные в причастности к контрабанде, были насильственно переселены вглубь страны французами. Хотя выселение армян было спорадическим и выборочным, французские официальные лица признали, что, учитывая серьезность турецких обвинений, выдвинутых прессой, мандатные власти должны были убедить армян отказаться от контрабанды и, что более важно, Франция должна была заключить торговое соглашение с Турцией, которое удовлетворило бы обе стороны[24].

До начала Второй мировой войны призрак турецкой аннексии Северной Сирии постоянно витал над этим регионом. В начале 1925 г., например, британское консульство предупредило, что

[24] Tejel J., 2022. P. 109.

Алеппо страдает от «необычайно сильных приступов периодической паники, что французы собираются немедленно эвакуироваться из Северной Сирии». Аналогичным образом, в 1926 г. французская пресса писала о том, что «курды, у которых есть магазины, закрыли их и вывезли товары вглубь Сирии». Наконец, «многие армянские семьи бежали и прибыли в Джараблус». Несколько лет спустя Франция из-за турецкого давления все же удалила некоторых армянских контрабандистов из приграничной зоны, однако слухи о широкомасштабной, хотя и неподтвержденной фактами кампании против армян в Сирии со стороны Турции и возможности военного вторжения, привели к тому, что различные армянские семьи добровольно покинули этот район и искали убежища на юге страны[25].

В конце 20-х годов Турция не рассматривала фактор курдского присутствия на территории Сирии как угрозу своей безопасности. В своем выступлении перед Великим национальным собранием Турции премьер-министр Исмет Паша (Иненю) в 1929 г. отмечал, что в Сирии находятся именно религиозные группы, враждебные Сирии, появление которых на территории Турции приведет к тому, что «исламисты снова поднимут свой флаг в наших городах»[26]. Между тем угроза «курдизма», исходившая с севера Сирии, уже в 1936 г. вынуждала губернатора провинции Диярбакыр признавать в связи с восстанием в Дерсиме, что «курдские движения больше контактируют с пропагандистами за пределами Дерсима, чем со своими собственными силами. Их появление необходимо ожидать в местах, близких к границам, где пропаганда утверждает существование таких отдельных народов, как армяне, ассирийцы, сирияки, при этом за их спинами стоят другие государства». Губернатор Диярбакыра продолжает: «Курдизм в Сирии развивался по инициативе братьев Бедирханов, при поддержке французских ученых, которые составили для курдов алфавит и переняли турецкие буквы. С одной стороны, это изобретение, которое считается полезным для нас, преследовало цель ведения пропаганды курдского национализма среди курдов, проживающих в Турции»[27].

[25] Şimşir B., 2007. II. S. 81–83.
[26] Ismet İnönü'nünTBMM'deki Konuşmaları.1920–1973.1 cilt. Ankara, 1992. S. 300.
[27] Цит. по: B. Şimşir, 2007. II. S. 81–83.

На этом фоне изменение международного контекста для северной Сирии как в Европе, так и в Средиземноморье было связано с приходом фашистов к власти в Италии. В то время как Италия и Турция поддерживали дружеские отношения между 1928 и 1932 гг., в 1933 г. Бенито Муссолини стал активно требовать пересмотра послевоенного порядка в Средиземноморье серией дипломатических демаршей[28]. На Балканах также зрел территориальный ревизионизм, который в первую очередь исходил от Болгарии. Турция подписала Балканскую Антанту в феврале 1934 г. вместе с Грецией, Румынией и Югославией, целью которой было создание единого фронта против возможной итальянской и/или болгарской агрессии на Балканах. Вторжение в Абиссинию в октябре 1935 г. подтвердило опасения Турции по поводу итальянского ревизионизма в Восточном Средиземноморье. В Леванте это означало, что Александретта и ее порт могли стать главными воротами для итальянской экспансии на север Сирии и регион в целом.

Итальянский и болгарский ревизионизм был встречен пробуждением турецкого ирредентизма в отношении северных сирийских территорий после подписания франко-сирийского договора 1936 г., который предусматривал полную независимость Сирии. Хотя Франция в конечном итоге не ратифицировала договор, Турция выразила несогласие с его условиями.

За год до его подписания, выступая в 1935 г. перед Великим национальным собранием Турции, премьер Иненю заявил, что «невозможно не замечать, что политика Франции на турецко-сирийской границе носит характер откровенного противостояния с нами»[29]. Кроме того, Турция увидела в неясностях, оставленных соглашением о будущем статусе Александретты, возможность не только вернуть себе бывшую османскую провинцию на основе ее этнического характера, но и защитить турецкие интересы перед лицом итальянской угрозы. В декабре 1937 г. Мустафа Кемаль обратился к Великому национальному собранию в Анкаре, подчеркнув важность Александретты для Турецкой Республики[30]. Пресса внутри Турции, как и собственная

[28] Штейн Б. Внешняя политика Муссолини // Исторический журнал. 1943. № 8–9. С. 41–49.

[29] Цит. по: Şimşir B., 2007. II. S. 84.

[30] Atatürk, 1997. S. 142.

тюркоязычная пресса Александреттского санджака, вместе с местными комитетами развернули серию кампаний в пользу присоединения этой территории к Турции на основе спешно проведенного референдума в границах переходного политического образования, формально существовавшего с 7 сентября 1938 г. по 29 июня 1939 г. под названием Государство Хатай[31]. Франция при этом согласилась на передачу Турции Хатая (Искендеруна) в июне 1939 г. — стремясь заручиться нейтралитетом Турции незадолго до начала Второй мировой войны, когда международная обстановка после аншлюса нацистской Германией Австрии и заключения Мюнхенского соглашения продолжала накаляться.

Когда пронацистская хунта «четырех полковников» под руководством Рашида аль-Гилани захватила власть в Ираке в 1941 г., Германия начала оказывать давление на Турцию с целью осуществления транзита в Сирию через турецкую границу, чтобы помочь администрациям стран германской «оси» в Ираке и Сирии. Однако Турция не разрешила проход через свои земли, несмотря на все давление Гитлера. По мнению ряда турецких исследователей, по итогам Второй мировой войны, Турция способствовала, хотя и косвенно, процессу независимости Сирии и Ирака[32].

В июне 1941 г. Великобритания при поддержке «Свободной Франции» генерала де Голля оккупировала Сирию в рамках Сирийско-ливанской операции с целью противодействия экспансионистским планам фашистской Германии.

К концу 1941 г. турецкое правительство попросило Великобританию исправить сирийско-турецкую границу в обмен на обещание более тесного политического и военного сотрудничества с британцами, включая строительство железной дороги, связывающей Турцию с Ираком, что было сочтено правительством Иненю необходимым с целью защиты Турции в случае немецкого

[31] Примечательно, что в состав государства Хатай входил армянский «анклав» в Кассабском районе, который составлял его крайнюю южную часть. В 1939 году Хатай был присоединен к Турецкой Республике, однако Кассаб присоединился к Сирии (в этом сыграли важную роль кардинал Григор Петрос Агаджанян и папский посланник в Сирии и Ливане), но большая часть земельных участков его жителей осталась в составе Турции. В 1946 году Кассаб становится частью независимой Сирийской Арабской Республики [URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кассаб].

[32] Öztürkçü M. Suriye`nin BağımsızlığınaTürkiye`nin Bakışı// History Studies. International Journal Of History. September 2016, 8(3). P. 111–133.

вторжения. Хотя британцы отвергли турецкие претензии на территории Северной Сирии, это не сняло напряженности на границе. Например, временное закрытие турецко-сирийской границы британцами летом 1943 г. могло быть попыткой заставить Турцию разорвать дипломатические отношения с вишистской Францией. По сообщениям французской разведки, «все деревни, расположенные на полосе земли в 40–50 км к северу от железной дороги, были эвакуированы военными властями». Растущее напряжение между 1936 и 1945 гг. вдоль границы вызвало состояние паники и паранойи, особенно среди французов. Мандатные власти считали, что пограничный режим, сложившийся вдоль турецко-сирийской границы с 1929 г., всегда работал в пользу турецких интересов по ряду причин. Турецкая администрация была более этнически и конфессионально однородной. В Сирии, наоборот, границу контролировали различные службы с различными патронажными связями. Тот факт, что эти службы зависели от разных властей — от Генеральной службы и таможни в Бейруте, сирийской жандармерии или главы мухафазы, — усугублял ситуацию, поскольку коммуникация между этими учреждениями была, мягко говоря, слабой. Размещение британских солдат в Леванте с целью защиты границ Сирии в период с 1941 по 1944 г. лишь усугубило ситуацию.

Претензии Турции на Северную Сирию отчетливо проявились во время Сирийского кризиса 1957 г., который явился результатом формирования биполярного мира в период острой дипломатической конфронтации времен холодной войны, в которой участвовали Сирия и Советский Союз, с одной стороны, и Соединенные Штаты и их союзники, включая Турцию и страны Багдадского пакта — с другой.

Помимо прочего, это обострение было связано с приходом в Турции к власти в 1950 г. Демократической партии (ДП), оппозиционной по отношению к правившей на протяжении тридцати лет Народно-республиканской партии, созданной Ататюрком. ДП ориентировалась на крупных землевладельцев, а также на клерикальный электорат, среди которого было немало курдов. Взаимные политические разногласия, помимо проблемы Хатая, который Сирия не признавала территорией Турции, были осложнены возникновением палестинского вопроса, в котором

Турция отказалась поддерживать сторону арабских националистов и признала созданный в 1948 г. Израиль. Особую роль сыграли крепнущие отношения Турции с западными странами.

Необходимо учитывать экзистенциальную угрозу советского фактора для Турции, чтобы представить обеспокоенность Турции по поводу целостности своих границ. После Ялтинской конференции, 19 марта 1945 г., министр иностранных дел СССР В. Молотов пригласил к себе в кабинет посла Турции в Москве Селима Сарпера для вручения ноты о прекращении Договора о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 г., остававшегося основой советско-турецких отношений на протяжении двадцати лет, в том числе и во время Великой Отечественной войны. Позже Советский Союз, 7 июня 1945 г. передал ноту с предложением о заключении двустороннего соглашения о Проливах с предоставлением военной базы на Проливах м с целью их совместной защиты, а также требованием изменить восточную границу с Турцией (города Карс и Ардаган должны были быть оставлены Советскому Союзу) с подписанием соответствующего договора. Таким образом, Турция вышла из мировой войны без потерь благодаря своей успешной внешней политике, но в конце войны «осталась наедине со своим страхом перед вторжением СССР»[33]. Это подтолкнуло Турцию к более тесному взаимодействию с США в рамках провозглашенной «доктрины Трумэна», основанной на принципе сдерживания коммунизма в возможных районах распространения, которые обозначил дипломат Джордж Кеннан. После войны правительство Турции работало над тем, чтобы страна стала членом всех западных политических, военных и экономических организаций, чтобы быть включенной в западную систему безопасности против СССР, ориентируясь на финансовую поддержку со стороны Запада для дальнейшего развития, мобилизации и модернизации своих вооруженных сил.

При этом Турция, которую арабские националисты считали историческим наследником Османской империи, рассматривалась и после Второй мировой войны в качестве таковой со стороны курдских националистов, находившихся в Сирии, а коммунистические идеи при активной поддержке СССР находили в арабо-курдской среде благодатную почву.

[33] Öztürkçü M., 2016. S. 122.

Так, к концу августа и в Вашингтоне, и в Лондоне были убеждены, что Сирия больше не входит в неприсоединившийся лагерь и что нужно что-то делать, чтобы не допустить прихода к власти прокоммунистических режимов. В письме бывшему главе ЦРУ госсекретарю Аллену Даллесу от 28 августа премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан охарактеризовал советского лидера Никиту Хрущева как «более опасного человека, чем Сталин», и далее подчеркнул важность принятия мер, чтобы соседние с Сирией Ливан, Иордания и в конечном итоге, Ирак не попали в советскую сферу влияния[34].

2 сентября госсекретарь Даллес заявил на пресс-конференции в Вашингтоне, что все страны, граничащие с Сирией, придерживаются мнения, что Сирия станет коммунистическим государством, если ничего не будет сделано в течение следующих 60 дней. Это также последовало за серией важных дипломатических обменов между официальными лицами из разных стран, в ходе которых выяснилось, что Израиль готов к военным действиям, если другие соседние с Сирией страны не решат ее «изолировать». Однако наиболее активно именно Турция была готова прибегнуть к военным мерам, поскольку правительство Мендереса рассматривало приход к власти коммунистов как вопрос своей национальной безопасности и в этом премьера поддерживал генералитет.

18 августа сирийское правительство под председательством Шукри аль-Куатли назначило полковника Афифа аль-Бизри начальником штаба сирийской армии, который, как утверждали западные правительства, был сторонником Советского Союза и агентом его влияния. Подозрения Запада в том, что в Дамаске произошел коммунистический переворот, усилились, что побудило соседние Ирак, Иорданию и Ливан рассмотреть вопрос о поддержке арабского или западного военного вмешательства вплоть до свержения сирийского правительства. Турция была единственной страной, которая активно на это откликнулась, развернув тысячи военнослужащих вдоль сирийско-турецкой границы. Никита Хрущев пригрозил, что запустит ракеты по Турции, если она нападет на Сирию, а Соединенные Штаты заявили,

[34] Finer. H. Dulles over Suez, the Theory and Practice of his Diplomacy Heinemann: Quadrangle Books, 1964. P. 138.

что могут атаковать Советский Союз в ответ на нападение на Турцию. Кризис закончился в конце октября, когда Турция согласилась прекратить операции на границе под давлением США и после неожиданного визита Хрущева в посольство Турции в Москве[35].

Эти события рассматриваются как серьезный провал «доктрины Эйзенхауэра», в которой подчеркивалось, что Соединенные Штаты могут вмешаться от имени ближневосточного союзника для борьбы с «международным коммунизмом». Сирия ответила тем, что Дамаск привержен «позитивному нейтралитету» — внешнеполитической доктрине, в которой подчеркивается независимость от «патернализма» сверхдержав времен холодной войны[36]. При этом поднимавшееся в Сирии левое прокоммунистическое движение как в лице арабов, так и курдов, наблюдая за отношениями между турецким правительством и поддерживаемыми Великобританией монархическими режимами в Египте, Ираке, Саудовской Аравии и Иордании, еще больше ассоциировало Турцию с империализмом.

Турецкое правительство с тревогой смотрело на все эти события. Проправительственные газеты Турции писали, что Сирия стала «сателлитом» СССР, мало чем отличающимся от Польши или Венгрии. Это обеспечивало СССР «плацдарм» для поставки вооружения, боеприпасов, превращая Сирию в «трамплин» для коммунизма на Ближнем Востоке. Большее беспокойство вызывало то, что Сирия могла использоваться как средство дестабилизации Турции. Еще в 1955 г. газета «Зафер» сообщила, что пятьдесят агентов советского влияния во главе с известным турецким коммунистом Арсланом Кумбараджи прибыли в Дамаск и что известный турецкий поэт и коммунист Назым Хикмет, или, как его назвала газета, «осужденный предатель», посещает Бейрут[37].

В период восстания Мустафы Барзани в Ираке сирийские территории, населенные курдами, оставались объектом пристального внимания Турции. Внутри Сирии курды рассматривались как инструмент влияния, используемый иными державами,

[35] Ibid.

[36] Ibid.

[37] Milliyet. 07.10.1998.

особенно США, Турцией и Израилем для реализации своей политики в Сирии[38].

Намного позже, в 1987 г., Турция попыталась нанести новый удар — дипломатический. После визита Тургута Озала в Сирию наметилось потепление отношений между двумя странами. Сирийское правительство подписало протокол, по которому обязывалось воспрепятствовать проникновению апочистов из Сирии в Турцию и закрыть принадлежащие им военные лагеря. Однако Дамаск, дабы избежать упреков Анкары, переместил лагеря в долину Бекаа в Ливане, находящуюся под сирийским контролем, и, действуя по принципу «и волки сыты, и овцы целы», юридически выполнил условия договора[39].

Следующей вехой турецко-сирийских отношений, также грозивший перерасти в вооруженное противостояние в связи с курдским вопросом, стал 1998 г., когда Турция потребовала высылки лидера ПРК Абдуллы Оджалана из Сирии. Как уже отмечалось в предыдущих главах, в 1980-е и 1990-е годы Сирия покровительствовала курдским повстанцам из Ирака и Турции в лице ПСК, ДПК, ПРК. Сотрудничество и покровительство Сирией ПРК вызывало серьезную обеспокоенность Турции, поскольку вылазки апочистов на территорию Турции нередко совершались именно из Сирии[40].

С другой стороны, Дамаск был обеспокоен строительством на Евфрате плотины Ататюрка, в которой правительство Асада-старшего видело угрозу водоснабжения для своей территории. Строительство этой гигантской плотины, шестая по величине в мире, было почти завершено в 1992 г., несмотря на внутренние и внешние препятствия.

4 марта 1992 г. премьер-министр Турции Сулейман Демирель лично предупредил сирийского посла в Анкаре о деятельности ПРК в ливанской долине Бекаа, которая находится под контролем Сирии, и о пребывании Оджалана в Дамаске. Примерно через месяц, 30 марта 1992 г., премьер-министр Демирель открыто обвинил Сирию в поддержке ПРК. Он сказал, что

[38] Вертяев К. Курдский вопрос в политике Турции. М., 2007. С. 71.

[39] Там же.

[40] Yayla. A. Terrorism in Turkey. Ankara Üniversitesi iyasal Bilgiler Fakültesi Dergisi. Cilt XLIV Temmuz-Aralık 1989. No. 3–4. S. 262.

соседняя с Турцией Сирия поддерживает деятельность ПРК в Юго-Восточной Анатолии, но «нашему терпению есть предел»[41].

Турция сосредоточила на сирийской границе до 10 тыс. военных, готовых начать интервенцию. В результате Сирия уступила: Оджалан был вынужден бежать из Сирии через Россию и Италию в Кению, где в феврале 1999 г. был схвачен турецкими спецслужбами.

Перед этим в Адане 20 октября 1998 г. главой Управления политической безопасности Сирии Аднаном Бадром аль-Хасаном и посланником МИДа Турции Угуром Зиялом был подписан Аданский протокол, иногда именуемый соглашением, меморандумом или консенсусом (Adana Mutabakatı). Соглашение предусматривало следующее: оба государства примут меры против угрожающих им террористических организаций и предотвратят любую их деятельность на своей территории. В этом контексте лидеру ПРК Абдулле Оджалану не будет позволено проживать в Сирии или въезжать в страну. Сирия не позволит поставлять оружие, материально-технические материалы, оказывать финансовую поддержку и поддерживать пропагандистскую деятельность ПРК на своей территории, а также не позволит элементам ПРК проникать на территорию Сирии из-за границы. ПРК будет запрещено действовать на сирийской территории. Сирия не позволит ПРК создавать на своей территории лагеря, образовательные или иные учреждения или вести коммерческую деятельность[42]. В связи с этим некоторые члены ПРК были арестованы или задержаны, а их поименные списки переданы турецкой стороне. В соответствии с соглашением Сирия классифицировала ПРК как террористическую организацию и запретила ее деятельность. Две страны взаимно согласились не допускать присутствия террористических организаций, их тренировки и обучения, логистики, поставок оружия, решили сотрудничать в области совместных антитеррористических операций, экстрадиции задержанных и обмена информацией, документами

[41] Cumhuriyet Ansiklopedisi (CA) 4. S. 378.

[42] Statement Made By İsmail Cem, Foreign Minister, On The Special Security Meeting Held Between Turkey And Syria October 20, 1998 (Unofficial Translation). URL: https://www.mfa.gov.tr/_p_statement-made-by-ismail-cem_-foreign-minister_-on-the-special-security-meeting-held-between-turkey-and-syria_br_october-20_-1998_br__unofficial-translation__p_.en.mfa (дата обращения: 18.09.2022).

и разведывательными данными. В приложениях к Аданскому протоколу было отмечено, что пограничные споры между двумя странами прекращены сторонами. В этом контексте было подчеркнуто, что сторонам не разрешается претендовать на какие-либо права на территории друг друга[43]. Несмотря на это, до сих пор Хатай изображается на всех сирийских картах как территория САР. Поступала информация, что в период потепления отношений между Сирией и Турцией в нулевые годы сирийская сторона вроде бы приблизилась к тому, чтобы отказаться от претензий на Искендерун. Однако какие-либо подтвержденные факты отсутствуют[44].

В сентябре 2013 г. приграничный с Турцией сирийский город Азаз перешел в руки ИГИЛ, имеющего в тот период связи с «Аль-Каидой», в результате чего начались столкновения между игиловцами и Свободной сирийской армией (ССА), активно поддерживаемой Турцией. В сущности, ССА была создана для борьбы с режимом Асада и ставила целью собрать в своих рядах различные борцов с режимом независимо от их конфессиональной или этнической идентичности. Однако вскоре стало очевидным, что группы, связанные с «Аль-Каидой», начали действовать самостоятельно и имеют свои собственные цели, и ситуация складывается таким образом, что, с одной стороны, продолжаются столкновения между ССА и армией Асада, а с другой — между исламистами и сирийскими курдами, а также между ССА и исламистами[45].

Однако при этом выяснилось, что первоначально руководитель службы национальной разведки Турции Хакан Фидан предлагал премьер-министру Турции Давутоглу заслать в Сирию диверсионную группу с целью обстрелять из ракет гробницу Сулеймана шаха, являющеюся суверенной частью Турции, чтобы создать *casusbelli* с ИГИЛ и, как следствие, основания для ввода войск на север Сирии. Запись разговора была опубликована на

[43] Aykan M., "The Turkish-Syrian Crisis of October 1998: A Turkish View," Middle East Policy 6, sy. 4 (1999). S. 176.

[44] Bishku M., Turkish-Syrian Relations: A Checkered History// Middle East Policy. Fall 2012. Vol. 18. № 3. P. 47.

[45] Иванова И. Сирийский фактор в российско-турецких отношениях. В сб. Россия и Турция в новой мировой политической среде. МГИМО, 2015. С. 98.

новостном канале на портале Youtube, который сразу после этого был запрещен в Турции[46].

При этом Турция продолжала позволять иностранным джихадистам пересекать свою территорию, чтобы добраться до Сирии, и бездействовала, в то время как ИГИЛ пыталось стереть с лица земли Кобани — сирийский курдский город на турецкой границе — во время его эпической осады, которая длилась с октября 2014 г. по январь 2015 г. Только поддержка с воздуха США и героическое курдское сопротивление позволило курдам выжить, а затем начать наступать и побеждать. Однако поддержка США ПДС/YPG/СДС вскоре привела к серьезному кризису в американо-турецких отношениях.

На этом фоне, как представляется, разведка Турции недооценила степень автономизации кантонов Рожавы в 2012 г., а начатый по «тюремной инициативе» Оджалана в 2013 г. процесс перемирия повстанцев с турецкой армией, как и начало нового политического диалога, инициированного легальной курдской оппозицией в Турции, сулили перемены в курдском вопросе как в Турции, так и в Сирии.

Таким образом, когда в Сирии разразилась гражданская война, Асад был склонен возобновить сотрудничество с ПРК, но по другой причине: передача Сирийского Курдистана под контроль сил ПДС/ YPG в 2012 г. позволяла теперь уже Асаду убить двух зайцев одним выстрелом: сохранить контроль над северными районами и насолить северному соседу, который занял жесткую позицию и критиковал его за меры по подавлению восстания и начал поддерживать вооруженную оппозицию, стремившуюся к свержению действующего сирийского режима, что также попадает под определение терроризма, согласно юрисдикции Аданского протокола 1998 г. Статья 1 Аданского консенсуса гласит: «Сирия *на основе принципа взаимности* не допустит никакой деятельности, исходящей с ее территории, направленной на то, чтобы поставить под угрозу безопасность и стабильность Турции». При этом в нескольких сообщениях периода гражданской войны говорилось, что Сирия дала ПРК полную свободу действий на своей территории (Рожаве) и что якобы сирийские

[46] Letsch C., Rushe D. in New York Turkey blocks YouTube amid 'national security' concerns. URL: https://www.theguardian.com/world/2014/mar/27/google-youtube-ban-turkey-erdogan (дата обращения: 22.11.2022).

службы безопасности убивали умеренных курдских политиков, чтобы расчистить путь ПРК для восстановления своих позиций в курдских регионах.

При этом Турция считает, что вооружаемые США Отряды народной самообороны (YPG) — сирийского ответвления вооруженных сил ПРК, представляют угрозу ее безопасности. Руководство же ААСВС отрицает, что YPG подчиняются только ПДС, поскольку представляют собой силы самообороны всех курдов и других народов, населяющих Рожаву (ААСВС).

Возобновление внимания к Аданскому протоколу заставляет вспомнить о некоторых критических моментах нынешней политической повестки дня. Во-первых, это означает, что если признать ПДС террористами только потому, что они имеют органические связи с ПРК, то Сирия должна будет либо выдать Турции террористов, в данном случае членов YPG или Партии демократического союза (ПДС), либо удалить их из страны. Но чтобы ожидать этого от Дамаска, Турции необходимо как минимум вступить в официальные переговоры с сирийским руководством. По мнению ряда аналитиков, возвращение в повестку дня Аданского протокола служит прокладкой пути для официальных контактов между Анкарой и Дамаском и новым началом двусторонних отношений.

Так, в начале 2019 г. Турция была обеспокоена возможным вакуумом власти, который мог возникнуть после ухода США, тогда как серьезные контакты между Турцией и Сирией оставались маловероятными. Кроме того, действия, которые Турция может предпринять против ААСВС в Сирии, зависели и до сих пор зависят от того, какой подход Дамаск примет по отношению к курдам.

Анкаре удалось вынести на повестку дня свои опасения по данному поводу в рамках продолжающегося Астанинского процесса, в который также входят Россия и Иран, и, как отмечал президент Р. Эрдоган, Турции не нужна никакая другая платформа для обсуждения своих опасений[47]. Турция хочет, чтобы ее границы были свободны от угрозы, исходящей от элементов

[47] Altaş M. Cumhurbaşkanı Erdoğan: Türkiye-İran-Rusya üçlü zirvesi Astana sürecini ayağa kaldıracak URL: https://www.aa.com.tr/tr/dunya/cumhurbaskani-erdogan-turkiye-iran-rusya-uclu-zirvesi-astana-surecini-ayaga-kaldiracak/2640145 (дата обращения: 22.09.2022).

политической структуры нынешней Сирии, и Россия, и Иран это понимают.

Однако, несмотря на поимку лидера, ПРК пустила глубокие корни в Сирии. Действительно, многие отряды бойцов ПРК подпитывались за счет курдов из Сирии, а руководитель YPG Мазлюм Кобани — из бывших партизан, воевавших в Турции. Поэтому принято считать, что сирийские курды, в большинстве симпатизирующие ПРК, в 2003 г. создали Партию Демократического союза (ПДС) под сильным влиянием ее идеологии, отвечающей традиционным для курдов Турции и Сирии неолибертарианским левым взглядам, идеям революционного переустройства общества, сформировавшимся еще в 1970-е годы, и, учитывая ее мощную социальную базу, ПДС быстро начала превращаться в доминирующую курдскую партию в Сирии, ныне по разным причинам активно поддерживаемую США, которые не рассматривают ПДС как террористов. При этом правительство Дамаска усилило давление на курдов и назвало часть из них террористическими группами, впрочем к ПДС это не относилось. Более того, сопредседатель ПДС Салих Муслим даже посещал Турцию по приглашению оппозиционной Народно-республиканской партии Турции[48].

На конференции «Женева-2» в январе 2014 г., проходившей в Монтрё, в выступлениях сирийского и турецкого министров иностранных дел отразились непримиримые позиции сторон. Сказав, что турки помогали террористам, Муаллем возложил на Турцию ответственность за то, что произошло в Сирии: «Ничего из этого не произошло бы, если бы не Эрдоган»[49]. Давутоглу также объяснил подход Турции, заявив, что «лидер, утративший легитимность и способность установить власть в стране, и его ближайшее окружение, а также люди, чьи руки в крови, не могут иметь места во власти»[50]. По сути, Давутоглу поставил жирную

[48] PYD lideri Ankara'da. URL: http://www.aljazeera.com.tr/haber/pyd-lideri-ankarada (дата обращения: 22.11.2022).

[49] Montrö'deki Cenevre-2 Konferansı gergin başladı," Hürriyet, 22 Ocak 2014. URL: http://www.hurriyet.com.tr/montrodeki-cenevre-2-konferansi-gergin-basladi-25623620 (дата обращения: 22.11.2022).

[50] "Dışişleri Bakanı Davutoğlu "Suriye halkını daha parlak bir gelecek bekliyor. Türkiye Bu yolda onların yanında yer alacaktır"," Dışişleri Bakanlığı, 22 Ocak 2014. URL: http://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-davutoglu-_suriye-halkini-daha-parlak-bir-gelecekbekliyor_-turkiye-bu-yolda-onlarin-yaninda-yer-alacaktir.tr.mfa (дата обращения: 22.09.2022).

точку в реализации своей же разработанной концепции «ноль проблем с соседями»[51].

По мнению ряда турецких аналитиков, тот факт, что 15 июня 2015 г. YPG наконец отбили Тель-Абьяд у ИГИЛ и установили там свою власть, стал важным переломным моментом для Турции, и если его оценить в единстве с событиями в самой Турции, это стало началом нового процесса и подхода Турции к проблеме сирийских курдов.

24 августа 2016 г., Турция начала свои первые с 1920 г. военные действия на территории Сирии с операции «Щит Евфрата», основной целью которой были позиции ИГИЛ и Джерабулус. Одной из возможных целей операции заключалась в том, чтобы не дать захватить его силам YPG. Операция достигла всех своих целей, кроме взятия Манбиджа, и завершилась 30 марта очисткой Эль-Баба от ИГИЛ. Таким образом, Турция предотвратила объединение территорий, находящихся под контролем ПДС, и подготовила почву для переселения сирийских беженцев в эти регионы. При этом Турция вместе с Россией и Ираном в Москве провела переговоры о будущем Сирии, а затем стала одной из инициативных сторон Астанинского процесса.

В результате Турция проводила очень активную политику в Сирии после 2015 г.: не отказываясь от тезиса, что Турция хочет видеть Сирию без Асада, Анкара определила свои первостепенные приоритеты в отношении террористических угроз теперь не только со стороны ИГИЛ, но и со стороны ПДС/YPG, которые до этого не упоминались в турецких СМИ как террористические[52]. Это был заметный сдвиг в генеральной линии турецкой внешней политики. Его триггером стал теракт в Суруче в 2015 г., который привел к завершению мирного процесса, объявленного ПРК в 2013 г., и возобновлению столкновений апочистов с турецкой армией. С другой стороны, по сути, начался период, когда ставились под сомнение нынешние союзнические отношения с США и формировалась новая логика действий за счет совместных

[51] Маврина Ю. В. Концепция внешней политики Турции Ахмета Давутоглу // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2014. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-vneshney-politiki-turtsii-ahmeta-davutoglu (дата обращения: 20.09.2022).

[52] Suriye'deki Kürt partiler anlaştı. URL: https://www.aa.com.tr/tr/dunya/suriyedeki-kurt-partiler-anlasti/108479 (дата обращения: 20.09.2022).

действий с Россией и Ираном. В рамках этого процесса Турция приступила к реализации стратегии установления фактического военного присутствия и непосредственного вмешательства на местах, хотя ее цели изменились, и, таким образом, она вступила в новую фазу своей политики в отношении гражданской войны в Сирии: по сути, ее врагом в Сирии стала Автономная администрация сирийских курдов, где главную роль играют сторонники ПРК. В самом процессе автономизиции и мобилизации под руководством ПДС, получившем поддержку США, т.е. движении за автономию региона в рамках демократического конфедерализма кантональных администраций, заключались потенциальные вызовы территориальной целостности Турции.

В Сочинском меморандуме 2019 г. президенты В. Путин и Р. Эрдоган договорились по 10 пунктам: обе стороны подтверждают свою приверженность сохранению политического единства и территориальной целостности Сирии, а также защите национальной безопасности Турции. Они подчеркнули свою решимость бороться с терроризмом во всех его формах и проявлениях и пресекать сепаратистские планы на сирийской земле. В этих рамках должен был быть сохранен установившийся статус-кво в районе текущей операции «Источник мира» глубиной 32 км, в который входят Тель-Абьяд и Рас эль-Айн. При этом обе стороны подтвердили важность Аданского консенсуса 1998 г. Россия будет способствовать его реализации в нынешних условиях. С сирийской стороны, которая находится за пределами зоны проведения операции «Источник мира», будет обеспечено удаление отрядов YPG и их оружия с расстояния 30 км от турецко-сирийской границы. Совместное турецко-российское патрулирование начнется, кроме города Камышлы, на глубине 10 км к западу и востоку от границ нынешнего района операции «Источник мира». Все элементы YPG будут удалены из Манбиджа и Тель-Рифата с их оружием. Обе стороны примут необходимые меры для предотвращения проникновения террористических элементов. Будут предприняты совместные усилия для содействия безопасному и добровольному возвращению беженцев. Стороны продолжат свои усилия по поиску постоянного политического решения сирийского конфликта в рамках Астанинского механизма.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что с момента своего возникновения турецко-сирийская граница оставалась центром напряжения и дестабилизации отношений сначала между Турцией и Францией, как государством-мандатарием, а затем, с 17 апреля 1946 г., с Сирией как полностью независимым государством. Критическими моментами в двусторонних отношениях стали Сирийский кризис 1957 г., кризис из-за поддержки Сирией ПРК, завершившийся высылкой с территории Сирии ее лидера Абдуллы Оджалана и заключением Аданского протокола от 20 октября 1998 г., а также началом гражданской войны в Сирии 15 марта 2011 г. По-прежнему неразрешенным остается в двусторонних отношениях статус провинции Хатай.

Как видно из вышеизложенного, ревизионистские интересы в отношении северных сирийских территории присутствовали в Турецкой республике со времен французского мандата в Сирии. Отчетливо они проявились во время Сирийского кризиса 1957 г., затем в 1998 г. и, наконец, в 2015 г., когда Анкара начала активную политику сопротивления росту влияния апочистов на севере Сирии, вплоть до военных операций, приведших к де-факто оккупации Турцией сирийской территории.

Вопрос о силе и влиянии в турецкой политике является подтекстом дискуссии о том, какая «новая» Турция понадобится миру в будущем. Правительству Турции, возможно, придется пересмотреть свой переход к жесткой ястребиной позиции в отношении сирийских курдов в лице ПДС, если в Турции возникнет такая общественная потребность. Большинство турок желают мира со своими соседями. Турецкие правящие элиты не могут игнорировать общественное мнение по важнейшим вопросам внешней политики так же легко, как это было раньше, когда военные доминировали в принятии внешнеполитических решений Турции.

И. Н. Веденеев *

Операция вооружённых сил Турции против РПК (Рабочей партии Курдистана) на севере Ирака (2022 г.)

Резюме. Работа посвящена анализу операции «Коготь-замок» ВС Турции в Северном Ираке. Данная операция рассматривается в широком контексте, в частности, рассматривается позиция и роль руководства Курдской региональной автономии Ирака (КРАИ). Также в работе проанализирована операция ВС Ирака против боевиков РПК в Синджаре. Турецкому руководству удалось достичь основных целей операции и нанести значимый ущерб позициям РПК в Северном Ираке (регион Зап). В том случае, если весной 2023 г. будет дан старт новой военной операции, весьма вероятно, что позиции РПК в районе Зап будут окончательно уничтожены.

Ключевые слова: Ближний Восток, курды, Турция, Ирак, Сирия, Автономная администрация Северной и Восточной Сирии (Рожава), Синджар (Шенгал), РПК, СДС, КРАИ, Силы сопротивления Синджара (YBŞ)

Operation of the Turkish Armed Forces against the PKK in Northern Iraq (2022)

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the operation "Claw-Lock" of the Turkish Armed Forces in northern Iraq. This operation is considered in a broad context, in particular, the position and role of the leadership of the Kurdish Regional Government (KRG) in Iraq is considered. The article also analyzes*

* Веденеев И.Н. - кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0002-8808-9745

the operation of the Iraqi Armed Forces against PKK militants in Sinjar. It is concluded that the Turkish leadership managed to achieve the main goals of the operation and inflict significant damage on the positions of the PKK in northern Iraq (Zap region). It is highly probable that if a new military operation is launched in the spring of 2023, the PKK positions in the Zap region will be completely destroyed.

Keywords: *the Middle East, the Kurds, Turkey, Iraq, Syria, the Autonomous Administration of North and East Syria, AANES (Rojava), Sinjar (Shingal), PKK, SDF, KRG, the Sinjar Resistance Units (YBŞ)*

Одной из черт внешней политики Турции на современном этапе является её активный, граничащий с агрессивным, характер. Несмотря на то что находящееся у власти в Турции правительство Партии справедливости и развития (ПСР) во главе с Реджепом Т. Эрдоганом приветствовало перемены на Ближнем Востоке, связанные с событиями так называемой «арабской весны» (2010–2012 гг.), нельзя сказать, что турецкой стороне удалось извлечь из этого процесса большие политические дивиденды. Тем не менее следует отметить, что турецкому руководству удалось до некоторой степени закрепить свои позиции в Ливии, что активно используется во внутриполитическом дискурсе.

К числу других активных направлений турецкой дипломатии следует отнести Южный Кавказ (ситуацию вокруг Карабаха), Украину (массовые поставки «Байрактаров» в начале 2022 г., «зерновую сделку»), а также отношения со странами Запада (роль Турции в вопросе о вступлении Швеции и Финляндии в НАТО). Однако этими направлениями внешняя политика Турции тоже не исчерпывается. Не менее важными (в том числе с точки зрения соприкосновения с российскими интересами) являются Сирия и Ирак.

Характерной чертой внешней политики Турции в отношении сопредельных стран в настоящее время является активное (если не сказать, регулярное) проведение военных операций. Так, за всё время Гражданской войны в Сирии (2011 г. — н.в.) были проведены следующие масштабные интервенции:

1. «Щит Евфрата» (тур. *Fırat Kalkanı Harekâtı*): 24 августа 2016 г. — 29 марта 2017 г.;

2. «Оливковая ветвь» (тур. *Zeytin Dalı Harekâtı*): 20 января — 24 марта 2018 г.;

3. «Источник мира» (тур. *Barış Pınarı Harekâtı*): 9–22 октября 2019 г.

Итогом каждого из этих вооружённых вмешательств была оккупация определённой части суверенной территории Сирии. Так, по итогам операции «Оливковая ветвь» был оккупирован кантон (провинция) Африн — один из трёх кантонов, входивших в состав самопровозглашённой Автономной администрации Северной и Восточной Сирии (также известной как Рожава). По итогам операции «Источник мира» ВС Турции (и их сирийские прокси) также расширили сферу своего влияния, более того — непосредственного присутствия «на земле». В связи с этим, в частности, возникает вопрос, насколько последовательными союзниками сирийских курдов на самом деле являются США, так как администрация Д. Трампа де-факто закрыла глаза на масштабную агрессию Турции против курдов Рожавы[1].

Аналогичные вооружённые вмешательства — до 17 апреля 2022 г. — также имели место на территории северного Ирака:

1. объединённые операции «Коготь Орла» и «Коготь Тигра» (тур. *Pençe operasyonları*): 15 июня — 5 сентября 2022 г.;

2. операции «Коготь-молния» и «Коготь-гром» (тур. *Pençe-Şimşek* и *Pençe-Yıldırım Operasyonları*): 23 апреля 2021 г. — 17 апреля 2022 г.

Как в случае агрессии против самопровозглашённой Автономии Северной Сирии, так и в случае наступательных действий на территории Северного Ирака (если не сказать, Курдской региональной автономии в составе Ирака — КРАИ)[2] турецкое руководство оправдывает свои действия правом на самооборону (ст. 51 Устава ООН). С точки зрения правительства Эрдогана, одной из основных угроз национальной безопасности Турецкой

[1] Turkey strikes near US base in Syria after Pentagon calls for de-escalation // Al-Monitor [Электронный ресурс] URL: https://www.al-monitor.com/originals/2022/11/turkey-strikes-near-us-base-syria-after-pentagon -calls-de-escalation (дата обращения: 18.02.2023).

[2] Также известной как Иракский Курдистан (другое название, принятое на английском — Региональное правительство курдов, KRG).

Республики являются курды, курдский национализм (сепаратизм) и деятельность Рабочей партии Курдистана (РПК), а также Сирийских демократических сил (СДС) — ополчений сирийских курдов, численность которых, согласно интервью их лидера Мазлума Абди, достигала — по состоянию на осень 2022 г. — 100 тыс. чел[3].

Следует отметить, что турецкое руководство не проводит между РПК и СДС никакой разницы (что не вполне соответствует действительности). Обе организации рассматриваются руководством Турции в качестве «террористических». РПК также признана экстремистской в большинстве стран Запада. Однако это не мешает её членам активно присутствовать в Западной Европе (прежде всего в Швеции и Германии). В свою очередь, руководство СДС (в лице М. Абди) выражает надежду на то чтобы жить в мире со своим северным соседом[4]. Данное заявление полностью противоречит официальному турецкому дискурсу, который представляет отношения турецкого государства с сирийскими курдами (силами, заявляющими что они выступают от имени курдов Сирии и их интересов) как априори антагонистические[5].

Очередным «этапом» вмешательств, последовательно проводимых ВС Турции на территории Северного Ирака, стала операция «Коготь-замок» (тур. *Pençe-Kilit Operasyonu*), начатая 17 апреля 2022 г. С целью нанести максимальный ущерб позициям РПК в следующих регионах Северного Ирака: Зап, Метин и Авашин. Также немаловажно отметить что началу военной операции непосредственно предшествовал визит Р. Эрдогана в Эрбиль (столицу КРАИ), где у него состоялась встреча с премьер-министром автономии Масруром Барзани[6]. Как след-

[3] Mazloum Abdi: US Barred Türkiye from Carrying Out Military Operation in Syria // Asharq Al-Awsat [Электронный ресурс] URL: https://english.aawsat.com/home/article/4029681/mazloum-abdi-us-barred-türki ye-carrying-out-military-operation-syria%C2%A0 (дата обращения: 19.02.2023).

[4] Syrian Kurdish commander says Kobani likely target of threatened Turkish ground offensive // Al-Monitor [Электронный ресурс] URL: https://www.al-monitor.com/originals/2022/11/syrian-kurdish-commander-says -kobani-likely-target-threatened-turkish-ground (дата обращения: 19.02.2023.)

[5] Например: Cumhurbaşkanı Erdoğan'dan ABD'ye YPG/PKK tepkisi: Bu yardımın sona ermesi gerekiyor // Yeni Şafak [Электронный ресурс] URL: https://www.yenisafak.com/gundem/cumhurbaskani-erdogandan-ab dye-ypg-pkk-tepkisi-bu-yardimin-sona-ermesi-gerekiyor-3704144 (дата обращения: 19.02.2023).

[6] Turkey launches offensive against PKK targets in northern Iraq // Al-Monitor [Электронный ресурс] URL: https://www.al-monitor.com/originals/2022/04/

ствие этого, необходимо осветить позицию и роль руководства КРАИ касательно действий Турции на территории Северного Ирака.

Несмотря на то что это не афишируется в иракских (и в частности, курдско-иракских) СМИ (таких, как *Rudaw, Kurdistan 24* и *Bas News*), руководство КРАИ де-факто потворствует турецкому экспансионизму. Связано это со следующими обстоятельствами. Так, с одной стороны, Турция является крупнейшим внешнеторговым партнёром Иракского Курдистана. Именно через Турцию осуществляется транспортировка нефти, добываемой на территории КРАИ, на международный рынок. О том, какое значение это имеет для иракских курдов, наиболее красноречиво свидетельствуют слова Дугласа Олливанта, директора Совета национальной безопасности при президентах США Джордже Буше-младшем и Бараке Обаме по Ираку. По его мнению, «Турция осуществляет почти полный контроль над нефтегазовым сектором Курдистана, поскольку ей принадлежат трубопроводы внутри Турции и экспортный порт Джейхан»[7].

С другой стороны, боевики РПК рассматриваются руководством Иракского Курдистана как самостоятельный фактор дестабилизации обстановки в субрегионе (этногеографическом ареале Курдистан) в целом. Можно сказать, что в известной степени история повторяется. Так, например, существуют сведения, что в период восстания курдов в Ираке в 60–70-х годах. XX в. во главе с Моллой М. Барзани к нему обратились турецкие курды, однако он проигнорировал их обращение[8]. Связано это было с тем, что в случае поддержки своих собратьев по ту сторону турецко-иракской границы он автоматически настроил бы против себя одну из сильнейших стран региона, руководство которой всегда проявляло максимальное беспокойство по вопросу сепаратизма и, прежде всего, курдов (так называемый «севрский синдром»).

---

turkey-launches-offensive-against-pkk-targets-northern-iraq (дата обращения: 17.02.2023).

[7] Орлов А. С. О турецко-иракских разногласиях в связи с продвижением интересов регионального правительства Курдистана в энергетическом секторе / Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. URL: http://www.iimes.ru/?p=88762 (дата обращения: 17.02.2023).

[8] Marcus A. Blood and Belief. The PKK and the Kurdish. Fight for Independence. New York and London: New York University Press, 2007. P. 20.

Однако было бы упрощением считать, что в противодействии курдскому национализму (как минимум РПК) заинтересованы только турецкое государство и руководство КРАИ. Даже если вынести за скобки правительства Ирана и Сирии — унитарных по своему устройству государств и тоже жёстко выступающих против курдского национализма, необходимо отметить действия ВС центрального правительства Ирака, целью которых в начале лета 2022 г. стал Синджар (также известный как Шенгал).

1 мая 2022 г. в Синджаре произошли столкновения между ВС Ирака и Силами сопротивления Синджара, YBŞ (курд. *Yekîneyên Berxwedana Şingal*), которые быстро переросли в тяжёлые бои. Очевидцы отмечают, что наступление началось с атак на позиции РПК в Шенгале. ВС Ирака задействовали тяжёлое вооружение, а также военную авиацию (в частности, вертолёты)[9]. Имели место и бомбардировки.

Именно в Синджаре в августе 2014 г. произошёл геноцид езидов, которые оказались беззащитными перед лицом боевиков ИГИЛ. В результате как минимум 5 тыс. мужчин этой небольшой этноконфессиональной группы курдов было казнено, в то время как 7 тыс. женщин (в том числе девочек) было обращено в сексуальное рабство[10]. СДС прилагают силы по их обнаружению и вызволению (в частности, в лагере аль-Хол)[11]. Однако судьба многих остаётся по-прежнему неизвестной.

YBŞ контролирует большую часть Синджара с 2014 г., когда вместе с РПК им удалось изгнать боевиков ИГИЛ из этого региона. Несмотря на то что РПК заявила о своём уходе из Синджара ещё в 2018 г., руководство Турции рассматривает этот район как источник угрозы (ввиду наличия связей между обеими группами).

2 мая генерал-майор иракской армии Тахсин аль-Хафаджи призвал YBŞ покинуть Синджар. В свою очередь, командир

[9] Щегловин Ю. Б. О военной операции иракской армии против курдов в Синджаре / Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс] URL: http://www.iimes.ru/?p=85512 (дата обращения: 18.02.2023).

[10] ISIS carried out massacres and mass sexual enslavement of Yazidis, UN confirms // The Telegraph [Электронный ресурс] URL: https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/islamic-state/11160906/Isil-carried -out-massacres-and-mass-sexual-enslavement-of-Yazidis-UN-confirms.html (дата обращения: 28.02.2023).

[11] История Вефы, езидки, которую ИГИЛ украл 9 лет назад // Hawar News Agency [Электронный ресурс] URL: https://hawarnews.com/ru/haber/istoriya-vefy2c-ezidki2c-kotoruyu-igil-ukral-9-let-nazad-h21706.html (дата обращения: 28.02.2023).

YBŞ Хебат Эреб заявил о том, что защитники Синджара будут защищаться[12].

Следует отметить, что этой военной операции предшествовали переговоры, которые не увенчались успехом. Ещё раньше в октябре 2020 г. между Багдадом и Эрбилем было достигнуто соглашение, согласно которому управление Синджаром будет осуществляться совместно и, как следствие этого, «все неправительственные вооружённые силы должны покинуть провинцию»[13].

Несмотря на то что наступление против Синджара соответствует интересам Турции, представляется вероятным, что сложившаяся ситуация не более чем совпадение. Нет прямых доказательств того, что Турция осуществляет «дирижирование» политикой в Багдаде. Во всяком случае, можно предположить, что руководство Ирака не стало бы наступать на Синджар, если бы это не соответствовало его собственным интересам (либо только интересам КРАИ, отношения с которой у Багдада остаются антагонистическими почти по всем вопросам).

Другим «кейсом», также прошедшим на фоне турецкого вмешательства в Ирак в 2022 г. (происходившего перманентно: с 17 апреля по конец декабря), стала отдельная операция, получившая название «Коготь-меч» (тур. *Pençe-Kılıç Operasyonu*). 20 ноября был нанесён ряд воздушных ударов по предполагаемым целям РПК в Сирии и Ираке. Предлогом к проведению воздушной бомбардировки стало «отмщение» за теракт в Стамбуле 13 ноября, вину за который турецкое руководство возложило на РПК. Курды всё отрицают. Более того, М. Абди заявил в интервью *Al-Monitor*, что ему известно, что исполнительница теракта (её семья) связана с ИГИЛ, а сам теракт призван стать *casus belli* в отношении Рожавы[14].

[12] Щегловин Ю. Б. О военной операции иракской армии против курдов в Синджаре // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс] URL: http://www.iimes.ru/?p=85512 (дата обращения: 18.02.2023).

[13] Там же.

[14] Syrian Kurdish commander says Kobani likely target of threatened Turkish ground offensive // Al-Monitor [Электронный ресурс] URL: https://www.al-monitor.com/originals/2022/11/syrian-kurdish-commander-says -kobani-likely-target-threatened-turkish-ground (дата обращения: 19.02.2023).

По итогам воздушной атаки можно предполагать поражение ряда целей вдоль границы 750 км и на глубину 195 км.[15] В Ираке атаки были осуществлены в уже упомянутом Синджаре, а также Кандиле (другом горном районе, представляющем — наравне с Запом — второй по военному значению и размеру укрепрайон РПК). По итогам воздушных ударов 20 ноября можно утверждать о поражении как минимум 89 целей в Сирии и Ираке[16]. Прежде всего речь идёт об убежищах и складах боеприпасов. Всего в акции приняло участие порядка 70 истребителей[17].

Что касается непосредственно операции «Коготь-замок», необходимо отметить следующие моменты.

Наступление турецких войск было медленным, но планомерным. Это было связано в первую очередь с горным, пересечённым рельефом Северного Ирака. Также, возможно, это было связано с масштабом ресурсов, привлечённых ВС Турции для проведения операции. 19 апреля турецким войскам (подразделениям спецназа, переброшенным посредством авиации) удалось занять район Куроджахро (*Kurojahro*) — в самой южной точке региона Зап, т.е. фактически с самого начала зайти партизанам в тыл[18]. Вся последующая стратегия турецкого командования состояла в том, чтобы двигать линию соприкосновения с севера на юг, до Куроджахро.

Насколько позволяют прояснить ситуацию источники, симпатизирующие РПК, турецким войскам удалось добиться значительного продвижения лишь к середине осени 2022 г. 3 ноября Гире Шореш (*Girê Şoreş*) был взя, т и, как следствие этого, фронт сопротивления партизан оказался рассечён на две части[19]. По состоянию на 14 ноября, фронт сопротивления «рухнул», в то время как присутствием ВС Турции был отмечен почти весь

[15] Орлов А. С. О начале новой военной операции Турции «Коготь-меч» на севере Сирии и Ирака / Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс] URL: http://www.iimes.ru/?p=92004 (дата обращения: 28.02.2023).

[16] Щегловин Ю. Б. О заявлении президента Турции по нормализации турецко-сирийских отношений на фоне военных операций против курдов на севере Сирии и Ирака / Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс] URL: http://www.iimes.ru/?p=92942 (дата обращения: 17.02.2023).

[17] Орлов А. С. О начале новой военной операции Турции «Коготь-меч» на севере Сирии и Ирака / Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс] URL: http://www.iimes.ru/?p=92004 (дата обращения: 28.02.2023).

[18] MapKurdistan // Twitter (19.04.2022) URL: https://twitter.com/MapKurdistan.

[19] MapKurdistan // Twitter (03.11.2022) URL: https://twitter.com/MapKurdistan.

театр боевых действий (за исключением небольшого района на юго-западе)[20]. По состоянию на 25 декабря, курдские источники сообщили, что Турция отозвала свои войска. Несмотря на то что они связывают это с «активными партизанскими действиями»[21], по всей видимости, было принято решение завершить кампанию этого года — ввиду наступления зимы, — чтобы возобновить её следующей весной (как это имело место годом ранее). Уже по состоянию на 2023 г., курдскими источниками утверждается, что РПК удалось дать отпор регулярной армии и «отбить» значительные территории, прежде всего на юго-западе.

Несмотря на то что положение РПК представляется незавидным, следует признать, что для того, чтобы вполне контролировать этот горный район (формально относящийся к КРАИ, но де-факто ему неподконтрольный), Турции действительно придётся приложить дополнительные усилия. В связи с этим не вызывает удивления то обстоятельство, что турецкие войска стремительно прокладывают «военную дорогу» к Гире Шореш[22]. Представляется очевидным, что реализация этого проекта позволит Турции быстрее перебрасывать войска и военную технику, оказывать любое противодействие партизанам в целом. Этому же призвано создание многочисленных военных баз (по всей видимости, не очень больших), численность которых на территории Северного Ирака уже достигает 40. Самые отдалённые из них располагаются на глубине 75 км от турецкой границы[23].

Также следует отметить, что помимо собственно военной техники в ходе операции активно задействовалась строительная (тракторы, экскаваторы), целью которых было разрушать (заваливать) тоннели, вырытые партизанами. Задача состоит, таким образом, не только в том, чтобы «нейтрализовать» защитников Запа, но и в том, чтобы сделать невозможным возвращение партизан из других регионов (прежде всего Кандиля и Синджара).

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

[20] MapKurdistan // Twitter (14.11.2022) URL: https://twitter.com/MapKurdistan.

[21] MapKurdistan // Twitter (25.12.2022) URL: https://twitter.com/MapKurdistan.

[22] MapKurdistan // Twitter (10.11.2022) URL: https://twitter.com/MapKurdistan.

[23] Орлов А. С. О турецко-иракских разногласиях в связи с продвижением интересов регионального правительства Курдистана в энергетическом секторе / Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс] URL: http://www.iimes.ru/?p=88762 (дата обращения: 17.02.2023).

Действия турецкого руководства, осуществлённые в 2022 г. в отношении Северного Ирака, не оставили сомнений в решимости правительства Эрдогана поставить точку в вопросе сепаратизма турецких курдов в наиболее радикальной его форме, а именно РПК. По итогам года проведения операции «Коготь-замок» можно утверждать, что ее основные цели достигнуты. Район Зап был оккупирован почти полностью. В настоящее время ВС Турции отступили, однако едва ли можно сомневаться в том, что весной 2023 г. операция будет возобновлена (если не сказать, начата новая с очередным пафосным названием). Собственно, операция «Коготь-замок» представляет собой не что иное, как логическое продолжение тех операций, что ей предшествовали (аналогично — в Сирии).

Вместе с тем следует указать на объективные трудности её проведения. Чтобы закрепиться в регионе (иными словами, лишить боевиков РПК возможности сообщения с «тыловой» поддержкой в глубине турецкой территории, создать непроницаемый «буфер» вдоль границы), Турции необходимо разрушить существующие укрепления (тоннели) партизан и создать сеть собственных оборонительных укреплений. Следует сказать, что Турция уже достаточно давно последовательно проводит антипартизанскую стратегию, разница лишь в том, что теперь её политика в отношении Ирака стала более активной, а военное присутствие («на земле») явлено непосредственно.

Вместе с тем представляется сомнительным, что таким образом удастся, во-первых, уничтожить РПК, а во-вторых, подавить национальное движение курдов. И то, и другое было призвано к жизни объективными реалиями XX в.: с одной стороны, становлением национального самосознания, с другой –ситуацией, при которой социальное неравенство оказалось отмечено значительной этнической составляющей. В конце 1970-х годов произошла «смычка» двух этих компонентов, закономерным следствием чего стало возникновение РПК. Несмотря на то что турецким руководством прилагаются значительные усилия по подавлению угрозы РПК (шире –курдского национализма), эти идеи (и эта организация) по-прежнему пользуются достаточно широкой поддержкой в юго-восточных провинциях страны, что связано, в свою очередь, именно с их экономической необустроенностью.

Также хотелось бы отметить амбивалетную роль руководства КРАИ (курдов по национальности и исповедующих курдский национализм в качестве идеологии Иракского Курдистана). Наиболее кратко его позиция может быть резюмирована как ориентация на собственные интересы (что — применительно к РПК — означает солидаризацию не со своими братьями по ту сторону границы, но с турецким государством). Данное обстоятельство также представляется закономерным ввиду объективных исторических предпосылок.

Отдельно следует отметить позицию Багдада, который тоже не заинтересован в том, чтобы РПК сохраняла своё присутствие на территории Ирака. Иракское правительство проводит собственные операции в Синджаре и закрывает глаза на турецкое вмешательство в Запе. Вместе с тем, с нашей точки зрения было бы преувеличением видеть в действиях Багдада «руку Анкары». В настоящий момент их интересы совпали, однако это не означает, что Багдад действует (готов действовать) в фарватере внешней политики Турции, в том числе по этому вопросу.

М. С. Озманян *

Создание КАР (Курдского автономного района) и влияние внешних факторов

Резюме. Статья посвящена созданию Курдского автономного района и влиянию внешних факторов. Международная помощь создала относительно стабильную обстановку, которая позволила реабилитироваться и восстановить экономику. Курдский регион получил признание, внешнее покровительство и внутренний суверенитет, все это поощряло квазигосударственность.

В Курдском регионе были проведены выборы, создано свое правительство и начался процесс строительства гражданского общества. Однако внутренние структурные ограничения препятствовали долгосрочному развитию и программам внешней помощи.

Политическое недоверие, незаконная торговля и ограниченный социокультурный обмен — это единственные связи, которые можно было поддерживать с Багдадом.

Ключевые слова: Курдский регион, США, политика, ООН, статус-кво, санкции, Багдад, ДПК, ПСК

Creation of the KAR (Kurdish autonomous region) and the influence of external factors

Abstract. *The article is devoted to the creation of the Kurdish Autonomous Region and the influence of external factors. International aid has created a relatively stable environment that has allowed rehabilitation and economic recovery.*

* Озманян Мидия Саидовна - младший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0001-9761-4663

The Kurdish region received forms of recognition, external patronage and internal sovereignty, all of which encouraged quasi-statehood. Elections were held in the Kurdish region, they created their own government and engaged in building a civil society. However, internal structural constraints hindered long-term development and external assistance programs.

Political distrust, illegal trade and limited socio–cultural exchange were the only ties that could be maintained with Baghdad.

Keywords: *Kurdish region, USA, politics, UN, status quo, sanctions, Baghdad, KDP, PUK*

В отличие от довоенного периода, когда у Курдского региона не было доступа к иностранной помощи после войны в Персидском заливе иракским курдам были предложены новые формы покровительства и поддержки.

В частности, внешняя помощь Курдскому региону была прямым ответом на неудавшееся курдское восстание против Саддама Хусейна в апреле 1991 г. Массовый исход около 2 млн. курдов в горные районы Турции и Ирана привел к гуманитарному кризису, который вызвал отклик в ряде западных стран. Санкции ООН, введенные против Ирака, внутреннее эмбарго Багдада в отношении Курдского региона и авторитарное правление Саддама Хусейна усугубили ситуацию и привели к ухудшению положения местного населения[1]. С одобрения Резолюции 688 СБ ООН три мухафазы в Курдском регионе получили международную защиту в виде безопасного убежища и бесполетной зоны, введенной коалиционными силами в рамках операции «Provide Comfort II»[2]. Коалиция поддерживала небольшое военное присутствие в Военном координационном центре в пограничном городе Заху, который служил центром связи для Международной неправительственной организации (далее — МНПО) и Управления США по оказанию иностранной помощи в случае стихийных бедствий и ведущего донорского агентства в Курдском регионе.

[1] Baram A. The Effects of Iraqi Sanctions Pitfalls and Responsibility // Middle East Journal, 2000. 54. № 2. P. 20.

[2] Graham-Brown S. Sanctioning Saddam: the politics of intervention in Iraq. L., 1999. P. 105–11.

Гуманитарная помощь также стала предоставляться в массовом порядке, заменив государственную социальную помощь и став важнейшим источником внешнего финансирования региона.

Помощь была направлена не только суверенному иракскому государству, но и курдам, как жертвам режима Саддама Хусейна. Международная помощь создала относительно стабильную обстановку, которая позволила восстановить экономику. Курдский регион был признан, получил внешнее покровительство и внутренний суверенитет, которые поощряли квазигосударственность. В течение этого периода курды провели выборы, создали собственное правительство. В регионе начался процесс строительства гражданского общества.

Несмотря на тяжелые послевоенные условия жизни, включая перебои в подаче электроэнергии, нехватку продовольствия и безработицу, местное население испытывало счастье по поводу своих новых политических свобод. Их открытое отношение к иностранной помощи, прямое присутствие донорских агентств и коалиционных сил в Заху, а также финансируемая США программа поддержки небольших проектов создали благоприятную среду для распределения помощи. Международные негосударственные организации построили школы и больницы в сельских районах, закупили учебные материалы и медикаменты, восстановили подъездные дороги и переселили почти два миллиона курдских беженцев в их родные деревни.

Проекты ООН в области водоснабжения и санитарии затронули около 90% от общего числа деревень в Курдском регионе. В то время как контролируемые Саддамом Хусейном регионы, помощь в которых была ограничена, переживали растущую инфляцию, политическую нестабильность и экономический спад, Курдский регион расселил большинство беженцев, восстановил некоторые сельские районы и обеспечил основные потребности местного населения.

Различные секторы экономики медленно возрождались. Производство стимулировалось финансируемой правительством США программой обратного выкупа пшеницы в качестве средства оказания помощи местным фермерам путем закупки

пшеницы местного производства по конкурентоспособным рыночным ценам.

Под влиянием преимуществ спонсируемых США движений за демократизацию в Восточной Европе и попыток заполнить вакуум власти на севере Курдский Фронт покинул горные крепости, чтобы управлять политическими делами в городах. В мае 1992 г. были проведены выборы и создано первое Курдское региональное правительство (далее — КРГ), базирующееся в Эрбиле. В отличие от назначенной Багдадом администрации, созданной в 1970-х годах, КРГ в Эрбиле пыталось обеспечить институциональную основу для самоуправления. «Раскол 50 на 50»[3] был основан на системе управления, которая разделяла власть между Демократической партией Курдистана (далее — ДПК) и Патриотическим союзом Курдистана (далее — ПСК)[4]. Целью было заполнить вакуум власти, сохранить единство между двумя враждующими партиями и стабилизировать регион.

На построение курдского квазигосударства оказали влияние демократические нормы, заимствованные из-за рубежа. Сразу после войны группа курдских юристов из диаспоры подготовила конституцию. В ней были прописаны институциональные принципы, в которых могла бы поддерживаться современная парламентская политическая система — спикер палаты представителей, президент Национальной ассамблеи Курдистана и расширенный Кабинет министров, включающий четыре вновь созданных министерства: восстановления и развития; гуманитарной помощи и сотрудничества; пешмерга, а также культуры.

Во время первого премьерства Фуада Массума КРГ разработало правительственные программы, укрепило силы пешмерга и учредило совет губернаторов на уровне провинций для поддержания связей с МНПО, ООН и донорскими агентствами. Это также создало правовую основу для интеграции гражданского общества в структуры местных органов власти, включая законы, расширяющие права этнических и религиозных меньшинств, и процедуры проведения публичных демонстраций.

[3] Hoff R., Leezenberg M., Muller P. Elections in Iraqi Kurdistan: An experiment in democracy. The Hague, 1992.

[4] ELKLM. Electing the Leader of the Kurdistan Liberation Movement. Arbil, 1992; ELKNA. Electoral Law for the Kurdistan National Assemblay. Arbil, 1992.

Появились профсоюзы, молодежные группы, агентства средств массовой информации и местные государственные органы, которые поддерживали реформы образования, права женщин и индивидуальных свобод. В Сулеймании некоторые демонстранты протестовали против соперничества политических партий, что привело к серии публичных дебатов и обещаниям КРГ защитить «демократизацию в Курдистане».

Курдские официальные лица начали использовать новый политический дискурс, называя возникающее квазигосударство как «Свободный Курдистан». С этой целью КРГ участвовало в проектах по изменению идентичности, которые привели к деарабизации систем образования, управления и коммуникации. Учебные программы, уличные указатели были переведены с арабского на курдский язык. Были созданы или вновь открыты курдские телевизионные станции, курдские газеты и университеты, где обучение велось на курдском языке. Молчаливое одобрение этих процессов иностранными правительствами и международными организациями, наряду с продолжающимся авторитарным правлением Саддама Хусейна, полу-легитимизировало курдское квазигосударство и усилило его ощущение фактического отделения от Багдада.

Режим щедрой помощи способствовал экономическому восстановлению и институциональному строительству в Курдском регионе. Тем не менее крайне политизированный характер помощи и механизмов ее финансирования накладывал определенные условия на проекты, которые могли быть реализованы, что сдерживало внутренний суверенитет курдского квазигосударства, укрепляло статус-кво и препятствовало долгосрочному развитию.

Беспокойство членов ООН по поводу нарушения статьи 2 (7) Устава ООН, которая обязывала их поддерживать территориальную целостность Ирака, оставлял вопрос суверенитета Курдского региона деликатным.

Учитывая приверженность суверенитету Ирака и условия режима санкций, ООН, иностранные правительства и донорские агентства проводили одностороннюю политику, которая относилась к Курдскому региону так же, как и к остальной части страны. Они официально не признали КРГ законным правительством,

несмотря на его все более очевидный статус де-факто и несуществующее правительство в Багдаде. МНПО также было запрещено направлять средства КРГ или государственным учреждениям в Курдском регионе, что препятствовало обучению и интеграции специалистов государственного сектора в процессы реабилитации.

Действительно, некоторые МНПО тесно сотрудничали с Министерством реконструкции и развития КРГ в рамках программ восстановления сельских районов и переселения. Другие координировали свои действия с местными НПО, которые были связаны с высокопоставленными чиновниками или политическими партиями.

Тем не менее КРГ было отстранено от участия в ключевых проектах государственного сектора, что ограничивало любые рычаги влияния на внутренний суверенитет. Гуманитарная программа ООН в Ираке была столь же исключительной. ООН исключила КРГ из программ, позволив баасистскому режиму осуществлять косвенный контроль над курдским севером.

Условия предоставления помощи также определялись правительством Турции и ее стратегическими отношениями с правительствами западных стран, в частности с США[5]. Турция контролировала единственный открытый пункт пересечения границы с Иракским Курдистаном — Хабур, — через который могла проходить гуманитарная помощь.

Кроме того, в рамках своего действующего соглашения с центральным правительством Ирака о «поиске и захвате террористов» в приграничных районах турецкие военные бомбили курдские пограничные районы и деревни, подозреваемые в укрывательстве боевиков Рабочей партии Курдистана (далее — РПК), оказывали давление на западные правительства, чтобы не поддерживали или не признавали Иракский Курдистан, и препятствовали операциям по оказанию помощи. Время от времени турецкие официальные лица закрывали границу и препятствовали въезду гуманитарных грузов и персонала в Курдский регион или выезду из него, что часто приводило к нехватке продовольствия, забастовкам и росту цен.

[5] Graham-Brown S. Op. cit. P. 222, 310.

В результате стратегические интересы США, региональное давление и политическая целесообразность стали руководящими принципами для решения программы помощи на курдском севере. Создание безопасного убежища было скорее побочным продуктом внешнего влияния, освещения в СМИ и необходимости переселения курдских беженцев, чем запланированной попыткой защитить и развить Курдский регион в долгосрочной перспективе.

Не было предпринято никаких усилий для содействия наращиванию местного потенциала, несмотря на слабые институты и отсутствие социального капитала. Большинство американских средств поступали от Министерства обороны США, у которого были свои собственные правила распределения, основанные на материальных благах и логистике, которые создали «товарноориентированный» подход, сосредоточенный на распределении продовольствия и топлива[6].

Условия предоставления помощи ограничивали потенциал развития региона. Например, хотя программа обратного выкупа пшеницы помогала местным фермерам и поощряла сельскохозяйственное производство, она не допускала участия КРГ, что препятствовало потенциальной передаче навыков местным чиновникам.

На самом деле условия и потребности послевоенного Иракского Курдистана требовали краткосрочной помощи в случае стихийных бедствий, а не помощи в целях развития. Сотни тысяч беженцев должны были быть переселены; необходимо было распределить питьевую воду, продовольствие и топливо, построить мосты, и создать основные службы для обеспечения выживания местного населения. Отмена центральным правительством служб социального обеспечения и замена их системой субсидируемых пайков не только привели к сокращению заработной платы в государственном секторе, но и к росту цен и колебаниям валютных курсов.

Экономическая нестабильность ослабила доверие к институтам государственного сектора, особенно к банковской системе.

Не было у формирующегося курдского квазигосударства и соответствующих механизмов и институциональных основ,

[6] Ibid. S. 278–284.

с помощью которых можно было бы эффективно распределять помощь[7]. Несмотря на водные и нефтяные ресурсы, курдский север пострадал от десятилетий войны, операции «Анфаль» и пренебрежения инфраструктурой. Война в Персидском заливе разрушила основу телекоммуникационной системы, включая национальные микроволновые, кабельные и сельские телефонные сети.

Несмотря на то что в 1995 г. курдские инженеры создали относительно автономную энергосистему для некоторых районов региона, она работала на минимальной мощности.

Отсутствие интеграционных сил и сохранение традиционной экономики также препятствовали изменениям отношений, необходимых для поддержки перехода от традиционных способов управления к более рациональным[8]. Так, сельский сектор по-прежнему основывалось на традиционных способах ведения хозяйства, а не на коммерческом производстве товаров или специализации товарных культур[9].

То же самое относилось и к курдской элите. Хотя КРГ было создано по образцу парламентской системы, по сути, это была переработанная версия Курдского Фронта, погрязшая в партийном соперничестве.

Кроме того, хотя КРГ было создано как децентрализованная политическая система, оно оставалось высокоцентрализованным. Курдские лидеры консультировались со своими политбюро, многие из которых сформировали президентский совет; однако они оставались вне и выше КРГ, что еще больше подрывало легитимность и влияние парламентского правления. КРГ также не имело конституции, несмотря на усилия иракских курдских юристов создать структуру, основанную на европейских правовых принципах.

Из-за режима двойных санкций, которые наносили ущерб экономике, традиционным общественно-политическим структурам, а также монополизация власти двумя основными партиями

[7] Rondinelli D. A. Development Administration and U. S. Foreign Aid Policy. // Boulder: Lynne Rienner, 1987. P. 3.

[8] Inglehart R. Modernization and Postmodernization: cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton: Princeton Univ. Press, 1997. P. 54.

[9] Smelser N. J. Mechanisms of change and adjustment to change // In Economic development and social change: the modernization of village communities ed / George Dalton. Garden City, N.Y.: Natural History Press, 1971. P. 352–374.

и ограничение международной поддержки, приводили к тому, что возникающее курдское квазигосударство было слишком институционально слабым и экономически не развитым.

Не поощрялось курдское квазигосударство и к переговорам с Багдадом. Пытаясь предотвратить саддамизацию курдского севера, донорские агентства, иностранные правительства и МНПО непреднамеренно поощряли идею отделения Курдского региона от иракского государства, а не членства в нем.

В ранний послевоенный период закрытие основных транспортных маршрутов и повторное открытие других подъездных путей, гуманитарная помощь оказали серьезное влияние на курдскую политическую экономику, создав разницу в ценах между зонами и новые прибыли для предпринимателей, связанных с ДПК и ПСК. Основной источник деловых обменов переместился из Мосула в Заху на турецкой границе, что пошло на пользу Дохуку. Транспортные маршруты из Мерсина на юго-востоке Турции стали важным транзитным маршрутом в Курдский регион, где возникла прибыльная индустрия контрабанды нефти.

Вместо того чтобы попытаться устранить этнические разногласия между регионами, программа внешней помощи лишь усилила их. «Зеленая линия» установленная ООН в 1991 г., разделила Курдский регион почти пополам, а также территории, контролируемые Багдадом, от территорий, находящихся под контролем КРГ. Поскольку эти территории, включая провинцию Киркук, не рассматривались МНПО и иностранными правительствами как часть Курдского региона, они не имели права на получение иностранной помощи.

Все проблемы, связанные с внутренней границей, спорными территориями, неравномерным распределением помощи, определением статуса Киркука усилили существующую напряженность между Эрбилем и Багдадом, а также между курдскими партиями.

После 1992 г. обмен ресурсами и коммерческие связи, главным образом в форме контрабанды, продолжались между курдскими подрядчиками и подрядчиками в других частях Ирака, несмотря на внутреннее эмбарго. Деловые отношения поддерживались между Курдским регионом и Багдадом, а также территориями за пределами «Зеленой линии».

Контрабандная экономика, которая определила Иракский Курдистан после войны в Персидском заливе, также была частью формирующегося квазичастного сектора, зависящего от Багдада и региональных государств[10]. Торговцы и подрядчики в Багдаде создали «компании-призраки», которые торговали нефтью и материалами от имени центрального правительства по ценам, незначительно превышающим цены, требуемые региональными рынками, что приносило пользу некоторым районам Курдистана. Эти компании закупали керосин в Мосуле и перепродавали его МНПО, местным организациям и частным лицам за небольшую часть цены на нефть из Турции.

КРГ заключило сделки с Багдадом и региональными государствами, чтобы сохранить администрацию действующей. КРГ продолжало поставлять воду для ирригационных нужд в Южном и Центральном Ираке, что часто приводило к нехватке воды в самом Курдском регионе. В конечном итоге Дохук обратился к Турции за временным обеспечением своих потребностей в энергии, однако электричество направлялось не в КРГ, а в Мосул через Заху, а затем обратно в Дохук. Эта договоренность поставила Дохук в зависимость от Мосульской плотины, которая контролировалась центральным правительством.

Аналогичным образом, чтобы сохранить открытую границу и извлечь выгоду из таможенных сборов, КРГ заключило соглашения о безопасности с турецким правительством, которые включали совместные усилия по поиску активистов РПК в приграничном районе. Между ирако-курдскими политическими партиями, турецким правительством и РПК возникли трехсторонние отношения, которые привели к возобновлению внутренних конфликтов между курдскими партиями.

Тем не менее, как и в довоенный период, эти политические сделки и коммерческие обмены не оказали положительного влияния на подавляющее большинство населения Курдского региона. Хотя КРГ ежегодно получало около 750 млн. долл. США от налогообложения на ирако-курдско-турецкой границе, большая часть доходов шла на пользу частным лицам, связанным с ДПК или ПСК, частным компаниям, связанным с государством,

[10] Gadzar H. and Athar H. Crisis and Response: a study of the impact of economic sanctions on Iraq. // In Iraq's economic Predicament / ed. Kamil A. Mahdi, 31–83. Reading, UK. 2002. P. 56.

и привилегированным предпринимателям в определенных регионах[11].

Отсутствие системных процессов распределения доходов или полномочий препятствовало возникновению региональной взаимозависимости и более интегрированной местной экономики, которые могли бы способствовать сотрудничеству.

В течение первых девяти месяцев после войны в Персидском заливе делегация представителей Курдского Фронта пыталась достичь компромисса с Багдадом по поводу курдской автономии, однако переговоры в конечном счете завершились из-за Киркука. Продолжающаяся политика арабизации, атмосфера страха, насаждаемая Саддамом Хусейном, усилили недоверие, существовавшее между большинством курдов и Багдадом.

Поскольку политическая экономика застопорилась в Курдском регионе и ухудшилась в остальной части региона, поддерживать ежедневные контакты между населением стало трудно.

Подводя итоги, следует отметить, что первый период оказания чрезвычайной помощи в Курдском регионе обеспечил удовлетворение насущных потребностей местного населения, пострадавшего от войны в Персидском заливе. Это послужило стимулом для восстановления, реабилитации и расселения местного населения. Процессы развития способствовали полулегитимности КРГ и поддерживали идею курдского квазигосударства отдельно от Ирака. Однако ограниченный и краткосрочный характер программы помощи, переплетенный с внутренними структурными ограничениями, помешал проведению столь необходимых реформ, которые могли бы поддержать курдскую самодостаточность. Вместо Курдского автономного района возникла частично узаконенная территория Ирака, выживание которой сильно зависело от внешнего покровительства. Продолжающаяся маргинализация КРГ и авторитаризм в Багдаде также препятствовали развитию любых потенциальных отношений с центральным правительством за пределами подпольной экономики и политических конфликтов.

[11] Ibid. P. 40.

Раздел IV.
ИРАН

Е. В. Дунаева *

Протестная кампания 2022 г. в ИРИ как отражение противостояния традиционности и модернизации

Резюме. За 44 года своего существования Исламская Республика Иран достигла значительных успехов в социальной, экономической, научной и культурной деятельности. В целом развитие страны шло в рамках альтернативной модернизации, в основе которой лежит национальная культурно-религиозная традиция. За этот период в иранском обществе произошли значительные изменении, анализ которых свидетельствует о превалировании модернизационных тенденций в его развитии, которые к концу первого десятилетия XXI в. привели к нарастанию кризиса в социально-культурной и политической сферах. Специфика модели государственного устройства и закрепленная в законах страны необходимость соблюдать исламские нормы морали и поведения, а также следовать установленному дресскоду, ограничения для развития современной молодежной культуры поставили Иран перед новыми вызовами.

На политической арене постепенно обострялось противостояние либеральных и консервативных сил. Укрепление исламских радикалов в органах власти привело к утверждению консервативного курса в политической и социально-культурной жизни. Политика правительства Э. Раиси по ужесточению требований к женской одежде и их поведению в общественных местах и попытки контроля за виртуальным пространством привели

* Дунаева Елена Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID:0000-0003-3492-1361

к началу протестных акций осенью 2022 г., беспрецедентных с точки зрения продолжительности и своей мощи. Основными участниками стали молодежь, женщины, к ним присоединились представители средних слоев. Протесты этих групп отражали стремления к модернизации общественной и культурной сфер и были вызваны эндогенными причинами. Жестко подавив выступления, власть пока не готова удовлетворить требования протестующих. В политических элитах растет понимание необходимости проведения значительных изменений как в социально-культурной, так и в политической жизни, с тем чтобы не допустить развития революционного сценария, активно продвигаемого Западом.

Ключевые слова: Исламская республика Иран, альтернативная модернизация, традиция, социальное развитие, либерализация, протестные акции, Э. Раиси, хиджаб

Iran Protests 2022 as a Reflection of the Confrontation between tradition and modernization

Abstract. *During 44 years the Islamic Republic of Iran has made significant achievements in social and economic, scientific and cultural fields. In general, the country developed within the framework of alternative modernization, which is based on a national cultural and religious tradition. During this period, significant changes occurred in Iranian society. They clear demonstrate the prevalence of modernization trends in its development, which by the end of the first decade of the XXI century led to an increase in the crisis in the socio-cultural and political spheres. A special model of state structure and the need to comply with Islamic norms of morality and behavior, as well as follow the "dress code", the limitations of modern youth culture have displeased younger generations. Iran faces new challenges.*

In the political arena, the confrontation between liberal and conservative forces intensified. The strengthening of Islamic radicals in government led to the establishment of a rigidly conservative course in political and socio-cultural life.

The policy of the government of Ebrahim Raisi to strictly control the hijab led to the start of protests in the fall of 2022, unprecedented in terms of duration and its power. The main participants of the protests were young people, women, representatives of the middle strata. These protests reflected the aspirations of these groups to modernize the public and cultural sphere and were caused by endogenous causes. Having severely suppressed the unrest, the authorities are not yet ready to satisfy the demands of the protesters. In political elites, there is a growing understanding of the need to make significant changes, both in socio-cultural and political life, in order to prevent the development of a revolutionary scenario actively promoted by the West.

Keywords: *Islamic Republic of Iran, alternative modernity, tradition, human development, liberalization, protests, I.Raisi, hijab*

Осенью 2022 г. Исламская Республика Иран столкнулась с волной протестов, беспрецедентной за 44 года ее существования с точки зрения протяженности по времени, охвату территории и активности наиболее молодых слоев населения. Несмотря на жесткое подавление оппозиционных акций, аресты и даже казни участников, прибегавших к насильственным действиям, оппозиционное движение, продолжавшееся почти три месяца, полностью не затухло, а перешло в формы разрозненных акций. Эмигрантское сообщество иранцев, базирующееся на Западе, активно поддерживая и направляя через соцсети эти протесты, пыталось придать им революционный характер, акцентируя их антирежимную направленность, призывало к активизации насильственных действий против власти, инициировало поддержку этому движению со стороны правительств западных государств. Такая вовлеченность оппозиционных режиму зарубежных организаций иранцев стала поводом для властей ИРИ увязать происходящие события с влиянием внешнего фактора на молодые поколения. В то же время, не отрицая воздействия иностранных персоязычных СМИ на иранское общество и активную поддержку государств Запада сепаратистски настроенных организаций этнических меньшинств, проживающих

на территории Ирана, стоит признать, что причины протестов носят эндогенный характер и отражают углубляющийся социальный конфликт. Иранское общество разделено на две большие группы, цели и интересы которых противостоят друг другу. Конфликт затрагивает политическую, экономическую и социально-культурную сферы и отражает противостояние Традиционализма и Новации.

ИРИ представляет собой особую модель развития государства и общества в условиях специфической формы исламского правления — велаят-е факих. За первые три десятилетия своего существования Иран продемонстрировал определенные успехи в экономике, социальный рост, политическую стабильность и способность противостоять внешним и внутренним кризисам. Развитие общества в условиях исламского режима в целом шло в русле модернизации незападного образца или альтернативной модернизации, в основе которой лежит национальная культурно-религиозная традиция. Наиболее активно процессы социально-экономической модернизации проходили в 90-е годы и в первое десятилетие XXI в. — так называемый «период созидания» президента А. А. Хашеми Рафсанджани, открывшего ворота экономической либерализации, а также годы социально-политической модернизации президента-реформатора С. М. Хатами (1997–2005).

Проведение реформ в экономической сфере[1] привело к социально-культурным сдвигам и развитию новых тенденций в политической культуре общества и в то же время породило новые вызовы, которые уже к концу первого десятилетия XXI в. привели к нарастанию кризиса в социально-политической сфере.

За первые 30 лет существования ИРИ изменилась демографическая ситуация: страна пережила демографический переход и приблизилась к моделям развития развитых стран. Достаточно резкое сокращение темпов роста населения, составлявших в 1976–1986 гг. 3,9%, а в 2020–2022 гг. сократившихся до 0,9–0,7%, что связывают как с экономической ситуацией в стране и снижением уровня жизни населения, так и с ростом уровня женского образования и изменением роли

[1] Подробнее об экономической политике либерализации см. Мамедова Н. М. Исламская экономика Ирана — теория и практика. М., 2022. С. 85–104.

женщин в обществе, т.е. их активным стремлением к участию в общественно-политической и социально-экономической жизни. Соответственно снизился и коэффициент рождаемости с 6,5 рождений на женщину в 80-е годы до 1,65 в 2020 г., а также среднее количество детей в семье[2].

Свидетельством отхода общества от традиционных ценностей стало утверждение нуклеарной семьи, раздельное проживание взрослых детей и родителей, повышение брачного возраста, рост числа разводов и др[3].

В настоящее время иранское общество остается достаточно молодым, в котором возрастная группа до 14 лет составляет 24%, а от 15 до 30 лет — 25%[4].

За годы, прошедшие после исламской революции 1979 г., значительно вырос уровень грамотности населения*, составляющий в целом на 2021 г. 90,5%, а в группах населения до 50 лет — 97,1%. При этом, если различия в уровнях грамотности среди мужского и женского населения в 1976 г. превышали 23%, то к 2020 г. эта разница составляла только 6,1%[5].

На 2020 г. в Иране насчитывалось 3,2 млн. студентов, 52,4% составляли мужчины, 47,6% — женщины, еще почти 50 тыс. получали высшее образование за границей. Рост количества иранских студентов за рубежом особо активизировался с 2010 г.[6]

[2] Bar avardha neshan az kaheshi budan-e nerkh-e roshd-e jam'iyat dar sal-e jari./ Статистические данные свидетельствуют о снижении индекса роста населения в текущем году (перс. яз.). URL: https://irna.ir/xjJsyY (дата обращения: 18.01.2023).

[3] Подробнее см. Дунаева Е. В. Динамика демографических процессов в ИРИ (на материале переписи 2016/17 г.) // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 26. Социальные и политические процессы на Востоке. М., 2019. С. 139–155.

[4] Там же.

[5] 90,5% mardom-e iran ba sevadand. Roshde 42,5% basevadi pas az enghelad./ 90,5% населения Ирана грамотно. После революции уровень грамотности вырос на 42,5%. (перс. яз.) Fars. URL: https://www.farsnews.ir/news/14001110000010/905-%D8%AF%D8%B1%D8%B5%D8%AF-%D9%85%D8%B1%D8%AF%D9%85-%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86-%D8%A8%D8%A7%D8%B3%D9%88%D8%A7%D8%AF%D9%86%D8%AF-%D8%B1%D8%B4%D8%AF-425-%D8%AF%D8%B1%D8%B5%D8%AF%DB%8C-%D8%A8%D8%A7%D8%B3%D9%88%D8%A7%D8%AF%DB%8C-%D9%BE%D8%B3-%D8%A7%D8%B2-%D8%A7%D9%86%D9%82%D9%84%D8%A7%D8%A8 (дата обращения: 20.01.2023).

[6] Amar-e daneshjuyan-e irani dar dakhel va kharej az keshvar. /Статистика о студентах Ирана в стране и за рубежом (перс. яз.). URL: www.imna.ir/photo/540399/ (дата обращения: 12.01.2023).

* С 1976 по 2021 г. уровень грамотности возрос на 42,5%.

Иран вошел в группу стран с высоким уровнем Индекса человеческого развития и в 2022 г. занял 76-е место среди 191 страны с показателем 0,774[7].

Правительство ИРИ уделяло большое внимание развитию социальной сферы. Можно говорить о том, что системы здравоохранения и образования модернизированы, широко развита современная система социальной поддержки. Все это способствовало созданию качественно новых условий жизни и формированию современного общества[8].

Молодые поколения образованных иранцев наиболее открыты инновациям. Широкое распространение Интернета, антенн, принимающих международные телевизионные каналы, открывшиеся с середины 90-х годов, возможности свободного выезда за границу, учеба в иностранных учебных заведениях познакомили иранскую молодежь с условиями жизни в других странах и оказали определенное воздействие на изменение мировосприятия, поставили перед ней вопрос о необходимости социальной модернизации в Иране.

В то же время у части общества качественно новые условия жизни накладываются на сохраняющееся традиционное восприятие действительности, базирующееся на патриархальности и исключительно исламских ценностях. Именно такое мировосприятие они воспитывают и у своих детей, акцентируя традиционные условия жизни, нормы поведения и морали. Эти две тенденции привели к разделу общества, усилившемуся в первое десятилетие XXI в.

Молодежь и женщины проявили наибольшую заинтересованность в изменении традиционных устоев и оказали решительную поддержку М. Хатами на президентских выборах 1996 и 2001 гг., высказавшись за проведение социально-политической либерализации и реализацию прав человека, зафиксированных в Конституции страны.

[7] UNDP. Human Development Report 2021–2022. URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021–22overviewrupdf.pdf (дата обращения: 12.01.2023).

[8] Подробно о социальной модернизации в Иране см. Мамедова Н. М. Особенности социальной модернизации в Иране.//Мусульманский Ближний и Средний Восток: современные процесс, история и историография. М., 2021. С. 28–43.

С этого периода проявились и новые тенденции в развитии политической системы, выразившиеся в ослаблении исламской составляющей: уменьшении влияния религиозных организаций и в целом духовенства на политический процесс, в попытках создания современной партийной системы, в выходе на политическую арену новых сил, не связанных с какой-либо из организаций духовенства, развитии независимой прессы и Интернета. Наблюдалась активизация политического участия населения, что проявилось в росте числа политических партий и организаций гражданского общества, увеличении претендентов на депутатские места в меджлисе и местных исламских советах, высокой явке электората на выборах (более 60%), жесткой конкурентной борьбе кандидатов в ходе выборов. Некоторые иранские авторы этот период президентства М. Хатами характеризуют как годы наибольшего развития религиозной демократии и называют их началом демократического транзита власти[9].

Однако попытки провести реформы в политической системе и сократить влияние духовенства на политическую жизнь натолкнулись на жесткое сопротивление консервативных сил, контролировавших ряд государственных структур. На политической арене обострилось противостояние двух политико-идеологических направлений, сложившихся еще во второй половине 80-х годов, которые отражали идеи мусульманского консерватизма, с одной стороны, и религиозно-политического реформизма — с другой. Это противостояние сохраняется и до сих пор, периодически переходя в стадию открытого конфликта, как это наблюдалось после президентских выборов 2009 г. Основное отличие этих двух течений заключено во взглядах на вопрос о будущем развитии ИРИ: пойдет ли Иран путем укрепления исламской догмы и ограничения демократических институтов или путем расширения либерально-демократических тенденций в рамках исламской республики. Таким образом, сторонники этих двух направлений выступают за сохранение исламской республики, и речь идет лишь о соотношении демократических и теократических институтов в политической системе и о путях ее реформирования.

[9] H. Bashariye. Dibacheii bar jameeshenasi-ye siyasi-ye iran/ Х.Башарийе. Введение в политическую социологию Ирана (перс. яз.). Тегеран, 2009. С. 55.

Умеренные консерваторы *, опирающиеся на традиционные городские слои общества, тесно связанные с базаром и духовенством, а также жителей мелких городов и сельское население, приложили немало усилий, чтобы приостановить процессы либерализации, которые наиболее ярко проявились в общественной жизни в период, когда законодательная и исполнительная власть оказалась в руках реформаторов. В этот период был негласно смягчен исламский дресс-код и для женщин, и для мужчин, женщины получили большие свободы в социальной и экономической сферах. Новый импульс получила современная молодежная культура. Усилились тенденции светскости, что характерно для модернизирующегося общества. Активизировался интерес иранцев к познанию своего доисламского прошлого, знакомству с обрядами и памятниками зороастризма, соблюдению некоторых «огненных» ритуалов, большему интересу к истории XX в. и деятельности династии Пехлеви. Стали появляться традиции встречи Нового года по григорианскому календарю, отмечались другие международные праздники. Косвенно об усилении секулярных тенденции в обществе могут свидетельствовать данные социальных опросов, проводимых центром Gamaan ** среди иранских граждан старше 19 лет. Так, согласно опросам, проведенным летом 2020 г.,[10] 78% иранцев заявили ***, что они верят в бога, но лишь немногие принимают и исполняют традиционные заповеди исламского учения. 9% считают себя атеистами. О том, что относят себя к шиитами заявили лишь 32%. 60% не совершают ежедневный намаз, обязательный для мусульманина пятикратный намаз совершают лишь 27%, участвующих в опросе. За обязательный женский хиджаб высказалось лишь 12%. 57% отметили, что не поддерживают обязательное религиозное воспитание в школах. Почти половина опрошенных заявила, что их

[10] Iranians' attitudes toward religion. Gamaan. 25.08.2020. URL: https://gamaan.org/2020/08/25/iranians-attitudes-toward-religion-a-2020-survey-report/ (дата обращения: 02.03.2023).

* Их называют sonnatgaran – традиционалисты.

** Социологический центр Gamaan основан в Нидерландах учеными–иранцами, работающими в университетах Запада, в 2018 г. для изучения общественного мнения в Иране. Регулярно проводит соцопросы онлайн. Их результаты представляются достаточно репрезентативными с учетом отрицательных моментов, характерных для всех онлайн опросов.

*** В опросе приняли участие 50 тыс. иранцев.

религиозность значительно сократилась в последние годы, хотя они родились и выросли в религиозных семьях.

Выше перечисленные новые тенденции в обществе были резко встречены консервативно настроенными силами, объяснявшими их распространение исключительно влиянием враждебной западной культуры, проникновение которой идет через международные коммуникационные каналы, и развязали кампанию против ее адептов, называемых персидским термином «нофузиха» *. Для предотвращения развития этих тенденций консервативный лагерь, который на политической арене стал именовать себя «осулгарайан», т.е. принципиалисты, с приходом в исполнительную власть в 2005 г. Махмуда Ахмадинежада усилил давление на общество, ужесточив контроль за соблюдением исламских норм. При МВД были созданы патрули нравственности («гашт-е эршад»), строго контролирующие форму одежды и поведение на улицах и в общественных местах. Под особо жесткий контроль были взяты университеты, прежде всего гуманитарные отделения, считавшиеся рассадниками западной культуры. Предпринимались попытки изъятия учебников по общественным дисциплинам, переведенных с западных языков, и замена их на подготовленные с участием центров религиозного образования (хоузе-йе элми-йе), внедрения раздельного обучения мужчин и женщин, сокращения квот на обучение девушек.

Молодежь и новые средние слои на президентских выборах 2009 г. активно выступили против такой политики, высказывались за дальнейшую социально-политическую модернизацию, поддержав кандидатов реформаторского лагеря. Они развернули протестную кампанию, выразив свое несогласие с результатами подсчета голосов, названную «зеленым движением», и мобилизовались на выборах 2013 г. и 2017 г., обеспечив победу либерала Хасана Роухани, заявлявшего о готовности удовлетворить чаяния новых социальных слоев, открыв путь реформам.

Эти события показали, что на сцену общественно-политической жизни ИРИ вышло новое поколение. Оно не прошло через революцию и ирано-иракскую войну, оно ориентируется уже на новые ценности, поскольку взрослеет в условиях глобализации и общемирового информационного поля.

* От персидского слова nofuz – проникновение.

Молодое поколение борется за свободу от религиозных и традиционных запретов, выступает за сокращение роли ислама и духовенства в государстве и в общественной жизни, оставляя ему лишь личную сферу. По сути, это стремление к открытию более широких возможностей на пути модернизации, а отнюдь не борьба против традиции и ислама.

Стоит отметить, что и в религиозном сообществе, которое не готово отвечать за ухудшающуюся в стране социально-экономическую ситуацию и соответственно наблюдаемый в последнее десятилетие рост протестных настроений, поднимается вопрос о пересмотре роли религии в управлении страной. Так, представители исламского модернизма (ноуандиши-йе эслами) высказываются за необходимость обновления религии: «Власть отражает проблемы современности. И если религия хочет вмешиваться в решение актуальных проблем, она должна подготовить себя, т.е. религия должна давать разумные ответы на любые вопросы современности, чтобы сохранить свое присутствие во власти и вмешательство в вопросы управления»[11]. Некоторые представители этого течения, в основном, проживающие в настоящее время за пределами Ирана, открыто проповедуют лаицизм.

К концу первого десятилетия XXI в. обострение экономической ситуации в стране как результат давления международных санкций и усиления международной изоляции ИРИ привели к укреплению в органах государственной власти консервативно ориентированных сил препятствующих развитию либеральных тенденций и социальной модернизации.

Усиление религиозного консерватизма в системе политической власти ИРИ стало значительным препятствием для деятельности либерального правительства Х. Роухани, получившего поддержку новых социальных слоев общества и обещавшего выполнить их чаяния. После заключения соглашения по ядерной программе в 2015 г. (СВПД) и усиления взаимодействия с западными странами внутри страны развернулась

[11] Qandbari: “Din” va “aqalaniyat”hotut-e qermez-e nouandishi-ye dinist. Hokumat-e dini-ye modern bayad pasokhgu-ye porseshha-ye modern bashad./ Гандбари: «Религия» и «разумность» — красная черта нового религиозного мышления. Новое религиозное управление должно отвечать запросам современности (перс. яз.). URL: https://www.ibna.ir/fa/longint/225892/ (дата обращения: 24.01.2023).

кампания обличения проправительственных сил в предательстве идеалов исламской революции. Радикальные исламисты обвиняли тех, кто выступал за равноправие женщин и свободу развития молодежной культуры в поддержке процессов секуляризации и продвижении западной культуры и западного образа жизни. Основным политическим трендом стало обострение борьбы по линии умеренные либералы, к которым примкнула и часть консерваторов-прагматиков — радикальные консерваторы, что, по сути отражает дихотомию модернизация vs традиционализм.

Опорой радикалов, интересы которых отражает Фронт стойкости исламского Ирана (Джабхе-йе пайдари), ориентирующийся на идеи аятоллы Месбаха Йазди, стали такие структуры, ведущие активную идеологическую пропаганду, как Совет пятничных имамов, Организация исламской пропаганды, многочисленные религиозные организации и реструктурированный в 2018 г. Штаб принуждения к добру и запрещения зла, на практике реализующий эту кораническую заповедь* «путем поощрения членов общества к ее исполнению, делая упор на устное предупреждение и усиливая общественный контроль на всех уровнях, осуществляя взаимодействие с другими ведомствами с целью выстраивания политики и ее реализации в рамках религиозных ценностей и социальных норм»[12].

Сторонники исламского радикализма, называющие себя неореволюционерами, подразумевая под этим термином возрождение духа исламского революционного движения, его идеалов и ценностей, что отвечает идее А. Хаменеи о втором этапе революции (гам-е доввом-е энегелаб), выдвинутой им в 40-ю годовщину исламской революции, внушают обществу мысль, что контакты с западными государствами и влияние элементов западного образа жизни «подрывают традиционные устои общества». Используя исламскую риторику и опираясь на патриотический настрой традиционных слоев, они призывают

[12] Pasoh be ettehamzani-ye baazi resaneha aleih-e setad-e amr be maaruf/ Ответ на обвинения некоторых СМИ против Штаба «повелевать добром» (перс. яз.). URL: https://www.setad-abm.ir/ (дата обращения: 20.01.2023).

* Штаб «Амр бе мааруф ва нафи аз манкар» (Enjoining good and forbidding wrong - англ., Повелевать добром и запрещать зло - русск.) был создан в 1994 г. Его главой до 2018 г. был аятолла Джанати.

к ужесточению исламской практики. Эта тенденция усугубилась и стала мейнстримом внутренней политики после избрания в 2021 г. президентом Э. Раиси и формирования правительства консерваторов.

В настоящее время особое место в обществе занимает гендерная тематика. Именно женщины демонстрируют наибольшее стремление к модернизации и готовность к отказу от следования предписанным религией и закрепленных юридически в ИРИ нормам одежды и поведения, что вызывает резкое противодействие исламских радикалов. Надевая одежду ярких цветов, накладывая макияж, снимая платки, иранки таким образом выражают свой протест против насаждаемой властью жесткой мусульманской традиции, требующей оставить открытыми только лицо и кисти рук. Такие меры как аресты, штрафы, общественные работы и наставления со стороны патрулей нравственности, даже отдельные случаи обливания женщин кислотой, уже не способны заставить молодежь вернуться к традиционному хиджабу. Вступающее на арену общественной жизни новое поколение (поколение 80-х по иранскому календарю) не принимает те нормы исламского благочестия, которые запрещают свободное общение мужчин и женщин, концерты современной музыки, демонстрацию фильмов иностранного производства, вводят запрет на езду женщин на велосипедах и мотоциклах, использование ярких цветов в одежде и даже содержание в домах домашних животных.

За 44 года своего существования ИРИ сталкивалась с несколькими волнами оппозиционных выступлений, которые были жестоко подавлены. В последнее пятилетие активность протестующих стала нарастать. Массовые протестные акции в связи с ухудшающимся экономическим положением в стране, ростом бедности охватили Иран в декабре 2017 — январе 2018 г. и в ноябре 2019 г. В тот период в основном звучали экономические лозунги, лишь в отдельных местах раздавались призывы к смене власти и осуждение действий духовенства. Участие в протестах принимали в основном наиболее обездоленные слои. Хотя студенчество, как наиболее активная политическая сила в Иране, всегда поддерживало протестные акции, не выходило за территорию кампусов. Молодежь требовала большей свободы

в университетской среде, ограничения контроля над вузами со стороны сил безопасности. Средние городские слои не принимали широкого участия в этих оппозиционных акциях. Прореформаторски настроенные силы не выразили протестующим своей поддержки.

В 2020–2021 гг. проходили разрозненные уличные выступления в разных городах Ирана, забастовки на ряде предприятий в связи с невыплатой зарплаты, приостановкой деятельности предприятий. Эти акции были обусловлены также экономическими или экологическими факторами. После формирования кабинета Э. Раиси в сентябре 2021 г. протестные выступления практически прекратились — население еще надеялось на изменение ситуации и в экономике, и в социальной сфере, прежде всего ожидали решения наиболее острых бытовых проблем и возможного снятия санкций. К концу лета 2022 г. стало ясно, что переговоры по восстановлению СВПД фактически приостановлены, почти за год деятельности нового правительства не удалось снизить инфляцию; падение уровня национальной валюты и соответственно рост цен, особенно на продовольствие, продолжился.

Отсутствие реальных результатов по стабилизации экономической ситуации в стране сопровождалось усилением стремлений консервативно-радикальных кругов, контролирующих парламент и другие органы власти и требующих от президента Э. Раиси, чью победу на выборах именно они и обеспечили, проведения более жесткой политики во внутренней сфере. Это идеолого-политическое течение выступает за строгое соблюдение всех требований ислама к поведению и внешнему виду мусульман, ограничивает сферы деятельности для женщин, требует запрета на проведение концертов классической и современной музыки, ставит барьеры на пути проникновения любых элементов современного образа жизни и любых новаций в иранское общество, не считаясь с его потребностями.

Так, одним из первых действий иранского парламента после выборов Э. Раиси стало внесение законопроекта о контроле над виртуальным пространством, выдвинутым наиболее происламски настроенными депутатами. Эта инициатива вызвала резко отрицательные отклики в СМИ, в обществе и даже среди

парламентариев. Хотя этот закон до сих пор не принят, его обсуждение продолжается, а скорость Интернета уже была снижена.

Следующим шагом властей на пути усиления контроля за общественной жизнью стало официально озвученное требование к женщинам строго соблюдать хиджаб в общественных местах. Причем среди иранского духовенства нет единства мнений относительно обязательности ношения хиджаба. В ответ на требование властей скейтбордисты Шираза провели акцию 24 июня 2022 г., в ходе которой все девушки сняли платки и катались в удобной одежде.

В ответ власти усилили на улицах патрули нравственности. Отметим, что в период президентства Х. Роухани эти патрули лишь формально присутствовали на улицах городов, в редких случаях делая замечания гражданам.

В кампанию по укреплению нравственности включился и президент, выступив в июле 2022 г. на заседании Высшего совета культурной революции и Штаба повелевать добром и запрещать зло, призвав к строгому соблюдению исламского дресс-кода и возложив контроль за соблюдением правил на этот штаб и структуры МВД[13].

Такие действия нового президента дали толчок к развитию протестной компании в соцсетях. Молодежь открыто выражала свое недовольство ужесточением политики и призывала к протестным действиям. Поводом к началу широкой оппозиционной кампании стала смерть молодой курдянки М. Амини, задержанной патрулем нравственности и доставленной в полицейский участок. Хотя власти, проведя расследование, категорически отрицают совершение каких-либо насильственных действий по отношению к девушке, в общественном мнении страны утвердилось абсолютно противоположное мнение по этому вопросу. Смерть этой девушки стала той искрой, которая в буквальном смысле слова подожгла весь Иран.

[13] Mouze-e ershadi-ye doulat dar bare-ye hejab./ Позиция государства относительно хиджаба (перс. яз.) /Donya-ye eghtesad 24.04.1401. URL: https://donya-e-eqtesad.com/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%AE%D8%A8%D8%B1–64/3881683-%D9%85%D9%88%D8%B6%D8%B9-%D8%A7%D8%B1%D8%B4%D8%A7%D8%AF%DB%8C-%D8%AF%D9%88%D9%84%D8%AA-%D8%A-F%D8%B1%D8%A8%D8%A7%D8%B1%D9%87-%D8%AD%D8%AC%D8%A7%D8%A8 (дата обращения: 05.11.2022).

Молодежь вышла на улицы городов. К учащимся школ и университетов присоединились гражданские активисты, многие деятели культуры, спортсмены, известные блогеры. Выступления поддержали представители интеллигенции, бизнеса. В отдельные дни закрывались лавки и базары, выражая таким образом свою поддержку протестующим.

Против усиления исламского радикализма в первую очередь выступает население больших городов, которые уже приняли современный образ жизни. Оно протестует против навязываемой властями исламизации общественно-культурной сферы. Конечно, нельзя упускать из виду тот факт, что недовольство новым витком исламизации наложилось на недовольство экономической ситуацией, в первую очередь инфляцией, снижением уровня жизни, несвоевременными выплатами пособий, пенсий и зарплат, остановкой ряда предприятий. Год пребывания у власти правительства Э. Раиси показал, что оно не в состоянии выполнить обещания, данные народу накануне выборов. В то же время в ходе протестов осени 2022 г. экономические требования остались на втором плане, основное внимание участников оппозиционных акций было сфокусировано на требованиях соблюдения гражданских прав и свобод. Социально-культурная направленность осенней кампании отличала ее от оппозиционных выступлений 2018 и 2019 гг.

Хотя на первом плане в ходе протестов оказалась тема хиджаба, и женщины и девушки, даже школьницы, срывающие с себя платки, стали символом этого движения, на Западе заговорили о феминистской революции, разворачивающейся под лозунгом «Женщина, жизнь, свобода». Участники акций, выступая против навязываемого властями хиджаба, требовали уважения человеческого достоинства, гарантий права выбора и права самостоятельного принятия решения относительно стиля жизни и соблюдения традиционных норм социальной жизни. Не только политические и общественные деятели, но и целый ряд представителей духовенства выступили против жестких мер навязывания хиджаба. Так, великий аятолла Мокаррем Ширази заявил: «Насилие и давление в решении проблемы хиджаба неэффективны. Путь ее решения — культурное просвещение»[14].

[14] Ayatolla Mokarem Shirazi: khoshunat va feshar dar mas'ale-ye hejab karsaz nist./

Оппозиционная кампания получила широчайший отклик в соцсетях и СМИ Запада. Не вызывает сомнения тот факт, что моральная и материальная поддержка иранской эмиграции, а также правительств западных государств в определенном смысле направляла и активизировала протестную кампанию, предпринимались попытки перевести мирные протесты в разрушительные акции, направленные против режима. СМИ ИРИ сообщали об участии в поджогах, поставках оружия, убийствах полицейских и сотрудников КСИРа представителей оппозиционных режиму групп, внедренных из-за рубежа. В университетах, школах, на ночных акциях зазвучали призывы к свержению режима. Однако их нужно рассматривать как результат влияния извне, хотя нельзя отрицать, что и в иранском обществе выражается недовольство политикой властей и звучат требования перемен не только в социально-экономической, культурной, но и в политической сферах. Ставится вопрос о внесении изменений в Конституцию и проведении модернизации политической системы в направлении сокращения влияния духовенства на политическую жизнь, иными словами, приведение политической системы в соответствие с изменившимися социально-экономическими условиями в стране.

По данным Центра по проведению социальных опросов Gamaan на февраль 2023 г. внутри Ирана выступают за сохранение исламской республики только около 20% населения. О своей поддержке протестных акций заявил 81% опрошенных. Из них 22% подтвердили свое личное участие в них, а 53% допустили возможность принять участие в протестной кампании в будущем. 35% признались, что совершали антиобщественные деяния — писали или выкрикивали в ночное время лозунги, снимали платки в общественных местах. 8% признались в участии в беспорядках, 44% — участвовали в забастовках. Осудили протестные акции лишь 15% опрошенных[15].

Сопоставимы с данными социологического центра цифры, приводимые политическими аналитиками и некоторыми ответственными лицами внутри страны. Наиболее красноречивым

Аятолла Мокаррем Ширази: насилие и давление не решат проблему хиджаба (перс. яз). URL: /https://www.entekhab.ir/002zLL (дата обращения: 25.01.2023).

[15] Iranians' Attitudes Toward the 2022 Nationwide Protests. Gamaan. 04.02.2023. URL: https://gamaan.org/2023/02/04/protests_survey/ (дата обращения: 03.03.2023).

свидетельством реальности приведенных выше данных могут служить слова представителя верховного лидера в университетах страны Мостафы Ростами о том, что 83% жителей в беспорядках не участвовали, но их поддерживали в той или иной степени. Среди тех, кто принимал участие, 55% участвовали в различных мирных акциях, 10% населения принимали участие в беспорядках[16].

Несмотря на высокий процент тех, кто разделяет стремление молодых поколений к модернизации общества, и тех, кто выступает против исламской республики, акцентируемые западными и эмигрантскими персоязычными СМИ призывы к смене режима, раздававшиеся в ходе акций и регулярно появляющиеся на стенах домов, политические требования, хотя и высказывались протестующими, не стали основным трендом протестной кампании осенью 2022 г. Молодежь и средние слои пока не ставят вопроса о смене власти, а лишь говорят о проведении реформ в социально-культурной и политической сферах, открывающих путь к дальнейшей модернизации.

Жесткое подавление протестов, тысячи арестованных, несколько смертных приговоров, изгнание из университетов сотен студентов и преподавателей — свидетельство того, что власть, видя раскол общества, осознавая резкое сокращение социальной базы режима, в то же время не готова принять необходимость проведения перемен. Многочисленные заявления руководителей законодательной и судебной власти, лидеров ряда консервативных партий, политических деятелей подтверждают их понимание сложности ситуации и требования смягчения жестких подходов в социально-культурной сфере, в системе управления страной. В дни протестной кампании появились предположения о том, что власть может пойти на переговоры с протестующими. Предполагалось подготовить специальные площадки в университетах для обсуждения наиболее актуальных проблем страны. Так, министр культурного наследия и туризма А. Заргами подчеркнул, что «мы должны понять народ, не ужесточать ситуацию, сделать атмосферу более открытой. Режим не должен зайти в тупик. Надо выработать программу действий

[16] Darshaii az eterazat-e 1401 /Уроки протестных акций 1401 г. (перс. яз.) //Aftabnews.07.01.2023. URL: https://aftabnews.ir/fa/17554 (дата обращения: 12.01.2023).

для реализации социальных реформ на основе шариата и указаний Всевышнего»[17]. Поднял вопрос о необходимости изменения методов управления в стране руководитель меджлиса М. Б. Галибаф. Высший совет культурной революции заявил о разработке новых подходов к проблеме хиджаба.

По прошествии трех месяцев после подавления протестов никаких шагов по изменению внутренней политики не наблюдается. Как намек на возможное изменение подходов власти можно оценить заявление духовного лидера о том, что девушки, не соблюдающие официальный хиджаб, — это наши дочери и сестры, и к ним необходимо относиться уважительно, а также его амнистию участников протестных акций, не замешанных в погромах и убийствах полицейских и басиджей в канун 44-й годовщины исламской революции[18]. Судебная власть сообщила об освобождении из тюрем 80 тыс. задержанных в ходе протестных акций. Часть общества с большой надеждой на изменение ситуации внутри страны приветствовала такие действия А.Хаменеи, доказательством чего стало активное участие всех слоев в демонстрации 10 февраля в честь 44-й годовщины исламской революции. Однако наиболее радикально настроенные силы продолжают упорно защищать традиционные нормы социальной жизни и препятствовать любым попыткам нормализации ситуации в обществе. Даже после указания верховного лидера о допустимости более свободных форм хиджаба и обращения одного из руководителей Фронта консерваторов Г. А. Хадад Аделя с приветствием к женщинам, не в полной мере соблюдающим хиджаб, в СМИ появляются сообщения о попытках задержания и преследования женщин за недостойные одежды. Ряд радикально настроенных депутатов меджлиса и представителей духовенства продолжают настаивать на принятии решительных мер вплоть до блокировки финансовых счетов женщин, не соблюдающих хиджаб, выносятся указания женщинам, работающим в больницах и аптеках обязательно носить магнае, а не платок или шаль.

[17] Zargami suda-ye “Pastor” dar sar darad? /Заргами думает о «Пасторе»? (перс. яз.) Khabaronline. 26.01.2023. URL: khabaronline.ir/xjFXc (дата обращения: 04.03.2023).

[18] Верховный лидер Ирана помиловал «десятки тысяч заключенных». ТАСС 05.02.2023. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16965813 (дата обращения: 03.03.2023).

Ими были организованы многодневные акции женщин, требующих обязательного ношения черной чадры в ряде крупнейших религиозных центров страны. Женщины в чадрах устроили манифестацию перед зданием парламента, требуя убрать с улиц всех, кто не соблюдает жесткий дресс-код. По городам страны прокатилась волна отравлений школьниц газом в зданиях школ. При отсутствии каких-либо разъяснений со стороны властей, в течение трех месяцев не обращавших внимания на повторяющиеся инциденты, в СМИ появились предположения о том, что это — ответ наиболее радикальных исламских организаций на протестные акции, большинство участников которых не достигли 20-летнего возраста. Позиция этих групп недалека от линии, проводимой Талибан в Афганистане[19]. Власть пока не дала официального заключения, было высказано предположение о вмешательстве агентов Израиля и оппозиционных режиму организаций (ОМИН) в эти инциденты с целью дестабилизировать обстановку в стране.

Мощная протестная кампания 2022 г., продолжавшаяся более 80 дней, — яркое свидетельство глубокого общественного кризиса в стране. Она показала, что на улицы молодежь, в первую очередь студенты и школьники старших классов, вышла отнюдь не под влиянием внешней пропаганды. Общество заинтересовано в расширении рамок традиционного образа жизни и культуры и развитии модернизационных процессов.За спинами молодого, наиболее активного поколения стояли более старшие поколения и оказывали им поддержку. Кризис в обществе углубляется, причины оппозиционных выступлений носят эндогенный характер.

Многие политические элиты трезво оценивают ситуацию, понимая, что проблемы не решены и наступившее затишье может перейти в бурю, которая реально будет представлять угрозу для существования ИРИ. Об этом говорят не только прореформаторские и умеренно консервативные силы. О сложности внутриполитической ситуации заявляют представители военных, КСИР, религиозные деятели. Если первые выступают за реформы, вплоть до внесения изменений в конституцию, то

[19] Fazel Meibodi: Goruh-e mazhabi-ye “Hezaregarha” daneshamuz-e dokhtar ra masmum mikonad.Фазель Мейбоди. Религиозная группа «хезарера» травит школьниц (перс. яз.). Peyknet. 28.02.2023. URL: http://www.pyknet.net/1401/01esfand/09/page/fazel.htm (дата обращения: 02.03.2023).

вторые требуют ужесточения подходов в борьбе с любыми отступлениями от исламских норм. Пока все ожидают дальнейших шагов власти.

Если религиозно-политическим силам страны удастся обуздать наиболее радикальные настроения некоторых элит и, вступив в диалог с обществом, принять его основные требования, вернув тем самым страну на путь социально-политической модернизации, режим сумеет предотвратить углубление раскола общества, восстановить свой социальный капитал и стабилизировать внутреннюю ситуацию, обеспечив преемственность духовно-культурной традиции.

Н. М. Мамедова *

Исламские формы бизнеса в современном Иране

Резюме. В настоящее время иранский бизнес представлен разными видами предпринимательства — как современными, так и традиционными. Некоторые из этих видов, включая современный крупный бизнес, используют в своей деятельности исламские нормы. Малоизвестными для представителей российского бизнеса являются такие виды собственности и объединений как синфы, вакфы, исламские фонды — боньяды. Эти формы бизнеса могут представить интерес для осуществления внешнеэкономических, а также социальных и культурных связей с зарубежными странами. В статье рассматривается роль этих традиционных и исламских организационных форм бизнеса в экономике Исламской Республики Иран и в жизни современного иранского общества.

Ключевые слова: исламская экономика, малый бизнес, синфы, вакфы, боньяды

Islamic forms of business in present Iran

Abstract. *Iranian business is currently represented by various types of entrepreneurship — both modern and traditional. Some of these types, including modern big business, use Islamic norms in their activities. Little-known for representatives of Russian business are such types of property and associations as sinfs, waqfs, Islamic funds — bonyads. These forms of business may be of interest for the implementation of foreign economic, as well as social and cultural ties with foreign countries.*

* Мамедова Нина Михайловна - кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0002-4571-8206

The article discusses the role of traditional and Islamic organizational forms of business in the economy of the Islamic Republic of Iran and in the life of modern Iranian society.

Keywords: *Islamic economy, small business, sinfs, waqfs, bonyads*

Взаимоотношения Ирана после исламской революции с мировым и региональными рынками прошли несколько этапов — от курса на преимущественную ориентацию на исламские страны до подключения к процессу глобализации. Активное использование Ираном возможностей мирового рынка началось с начала 1990-х годов, после перехода страны к либерализации экономики — как благодаря использованию природных нефтегазовых ресурсов, так и благодаря использованию производственно-технологического обмена. Безусловно, что ведущую роль в этом процессе играл и продолжает играть крупный современный бизнес. По некоторым оценкам, в настоящее время более 95% экспорта страны приходится на крупные компании, 100 наиболее крупных компаний обеспечивают 14% ВВП, а 500 крупных компаний — 16% ВВП. Объем продаж ведущих 100 компаний составляют 42% ВВП, а 500 компаний — 48%[1]. Но, как следует из этих данных, позиции среднего и малого бизнеса на внутреннем рынке остаются достаточно сильными.

Необходимо учитывать, что Иран более 40 лет развивается в условиях санкционного режима, реализуемого в разных формах и с разной степенью масшабности. При наиболее жестких его формах, особенно в случае международных санкций, наиболее уязвимыми оказываются именно современные формы бизнеса, связанные с биржевой торговлей и международными финансами. Неслучайно, что крупные иранские компании, в особенности связанные с добычей и экспортом нефти, с поставками компонентов для производств, ориентированных не столько на внутренний, сколько на внешний рынок, оказались в крайне сложном положении после отключения иранских банков от системы SWIFT

[1] Burse naftiha dar 100 sherket bartar (Прыжок нефтяных компаний в топ 100 компаний). URL: https://donya-e-eqtesad.com./%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%B5%D9%86%D8%B9%D8%AA-%D9%85%D8%B9%D8%AF%D9%86–3/3937967-%D9%BE%D8%B1%D8%B4-%D9%86%D9%81%D8%AA%DB%8C-%D9%87%D8%A7-%D8%AF%D8%B1-%D8%B4%D8%B1%DA%A9%D8%AA-%D8%A8%D8%B1%D8%AA%D8%B1 (дата обращения: 01.03.2023).

в период президентства М. Ахмадинежада, а затем — в результате политики Д. Трампа. Причем санкционный режим, сформированный Соединенными Штатами в отношении Ирана в период президенства Д. Трампа, оказался в сравнении с международным режимом еще более жестким. Снизились до отрицательных величин темпы роста ВВП, более чем в три раза возросла инфляция, и впервые стал отрицательным (до – 0,3%) счет текущего баланса в отношении к ВВП[2]. В 2021–2023 гг. темпы роста крайне неустойчивы- и из-за внутренних причин, связанных с оппозиционными выступлениями, и вновь из-за санкционного давления, оказываемого на Иран в связи с подавлением этих выступлений. Все это не может не оказывать влияния на общее состояние иранского бизнеса, на изменение его структурных особенностей.

Иранский бизнес представлен разными типами предпринимательства — как современными, так и традиционными, а также основанными на использовании исламских норм, которые могут представить интерес для реализации экономических связей зарубежных компаний с Ираном, для совместных инвестиционных проектов.

В современном Иране предпринимательство формировалось под влиянием европейских форм, исторически сложившихся на Востоке форм, а также под влиянием тех принципов, которые были привнесены после исламской революции. В первое десятилетие после революции основными формами бизнеса стали государственный сектор и мелкое предпринимательство, затем с начала 90-х годов начался период приватизации. Так, в настоящее время в частной собственности находится 99,4% всех предприятий обрабатывающей промышленности, в том числе крупных. Официально в собственности государства осталось только 0,6% предприятий этой отрасли. Однако фактически значительная часть государственной собственности продолжает находиться в руках квазигосударственных компаний — различных пенсионных фондов, исламских фондов, Корпуса стражей исламской революции, государственных банков. По западным оценкам, ко времени подписания в 2015 г. в Вене Совместного Всеобъемлющего Плана Действий (СВПД), т.е. после отмены международных санкций, в период которых государство было вынуждено

[2] International Monetary Fund. October 2022. P. 130,135, 145.

распродавать свою собственность для пополнения бюджета, лишь 20% иранских компаний можно было отнести к подлинно частным[3]. Большая часть частных предприятий относится к наиболее мелким, с числом занятых менее 10 человек. Из 30,3 тыс. предприятий обрабатывающей отрасли, действовавших в 2018 г., 25 тыс. составляли мелкие предприятия, т.е. 82,5%[4].

Для поддержки **малого бизнеса** была создана Организация — Iran Small Industries and Industrial Parks Organization (ISIPO) под контролем Министерства промышленности и торговли. По ее классификации к малому бизнесу относятся предприятия с числом занятых от 10 до 50 человек, к микробизнесу — с числом занятых до 10 человек. В настоящее время ISIDO оценивает общую долю этого сегмента в промышленности в 92%[5]. Хотя предприятия малого бизнеса не попадают юридически под категорию «исламский бизнес», именно занятые на этих предприятиях и их владельцы являются основной социальной опорой исламского режима. Малый бизнес преобладает в сфере торговли и услуг, даже в инновационной сфере, объединяясь как в традиционные, так и в современные формы сообществ.

Современной формой таких объединений являются **кооперативы (шеркете таавони)**, которые в Иране имеют льготный налоговый режим. Почти монопольное положение они занимают в сельском хозяйстве. Но распространены и во всех остальных отраслях, о чем свидетельствует Таблица 1.

Таблица 1

Виды действующих кооперативов по состоянию на 2019/20 г.

Виды кооперативов	Число кооперативов	Численность членов	Численность занятых
В обрабатывающей промышленности	11 050	136 455	117 873

[3] Графов Д. Б. Корпус стражей исламской революции, администрация верховного лидера и исламские благотворительные фонды в экономике Ирана // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. № 2. С. 38.

[4] Iran Statistical Yearbook 1398 (2019/20). P. 299.

[5] ISIPO. URL: http://isipo.ir/index.jsp?fkeyid=&siteid=1&pageid=641 (дата обращения: 05.03.2023).

Виды кооперативов	Число кооперативов	Численность членов	Численность занятых
В горнодобывающей промышленности	938	51 619	10588
Ручное ковроткачество	1150	58 667	27 089
Жилищные	26 981	2 808 544	693 161
В сфере услуг (кроме кредитных)	56 678	1 012 890	656 432
Строительные	9735	1 475 467	365 021
Кредитные	694	447 885	58 900
Сельскохозяйственные*	14 954	229 100	138 300
Сельские**	2001	1 070 118	3 305 330

* Под контролем министерства кооперативов

** Под контролем Центральной организации сельских кооперативов (включая также кооперативы животноводов).

Источник: Iran Statistical Yearbook 1398 (2019/20). P. 271, 299, 351, 353, 421, 569

Как видно из вышеприведенной таблицы, членами кооперативов являются почти 8 млн человек, т.е. фактически десятая часть всего населения страны.

Если кооперативы являются относительно современной организационной формой малого и среднего бизнеса, то традиционной формой, возникшей еще в Средневековье, являются **синфы**. Если в других восточных странах, как например, в Турции, они были ликвидированы еще в начале XX в., в Иране они сохранились до сих пор. Конечно, после 1926 г., когда подоходный налог с синфов был заменен налогом на каждого из его членов, синфы перестали представлять собой единую хозяйственную организацию, но остались организационной формой преимущественно малого бизнеса. Отраслевые синфы в Иране объединены в городские Палаты синфов. Под контролем Палат синфов в настоящее

время действуют 15 тыс. синфов, в которых по отраслевому принципу объединены торговцы и ремесленники[6]. Они продолжают составлять главное ядро городских базаров. А базары в Иране остаются и формой традиционной торговли, и организационной формой торговой и производственной деятельности синфов. Базары являются также одним из центров религиозной жизни иранского населения, так как на их территории располагаются мечети, построенные на средства членов синфов, либо вакфов. Базары являются и своеобразными центрами политической жизни Ирана, закрываясь во время проведения наиболее массовых демонстраций. Синфы нельзя безоговорочно отнести к исламским формам бизнеса, это, скорее, традиционная форма бизнеса, очень тесно связанная с исламом. Синфы являлись основной социальной базой исламской революции 1979 г. Конечно, их место в экономике и в политической жизни менялось на различных этапах жизни ИРИ, то уступая место более современным организационным формам предпринимательства, то вновь усиливая свое влияние. Особенно значительную роль они играли в первое десятилетие после революции, регулируя цены на большинство товаров массового спроса, через них преимущественно осуществлялись импортные закупки и распределялись закупленные товары по фиксированным ценам. После принятия в 1980 г. закона об организации Торговых центров по закупке и распределению товаров основным организационным каналом, через который распределялись промтовары и устанавливались цены, стали не только кооперативы, но и синфы. Затем их место постепенно, по мере ослабления контроля над внутренним рынком, заняли государственные и частные компании. Тем не менее синфы до сих пор продолжают оставаться активным компонентом жизни иранского общества и экономики, повышая свою значимость в периоды укрепления позиций консервативного крыла иранского духовенства.

В синфы объединены торговцы, ремесленники, владельцы микропредприятий, но в число их членов входят также владельцы крупных капиталов. В последние годы особенно быстро увеличивалась численность членов синфов и самих синфов в области услуг — от ремонта различной техники и приборов

[6] Мамедова Н. М. Исламская экономика Ирана: теория и практика. М., 2022. С. 216.

до косметических салонов, до организаторов микрокредитования. В период эпидемии коронавируса синфы активно участвовали в снабжении населения медикаментами, здоровым питанием, что было отмечено правительством и меджлисом Ирана как «их действенная роль в борьбе за здоровье населения»[7]. Провозглашенный в настоящее время, т.е. в период жестких санкций в отношении Ирана, курс на развитие инновационной экономики поставил на повестку дня даже создание в Тегеране нового синфа, в котором были бы объединены стартапы, использующие новейшие разработки. Синфы активно обсуждают в издаваемых ими СМИ возникающие проблемы, например, необходимость повышения цен в связи с резким скачком доллара в конце февраля 2023 г., что привело к многократному увеличению затрат на перевозку тканей и готовой одежды из Дубая в Иран, к росту цен на ткани, которые закупаются синфами и на потери синфов, в том числе кредитующих закупки тканей[8].

В настоящее время, когда из-за санкций согласно концепции построения «экономики сопротивления» взят курс на достижение самообеспеченности и при его реализации делается ставка на малый и средний бизнес, роль синфов вновь возросла. Однако ограничение связей с мировым рынком, а главное, сужение внутреннего рынка из-за падения доходов населения, негативно отражается на деятельности синфов, заинтересованных в государственной поддержке — и кредитной, и налоговой. Когда о необходимости снижения налогов с синфов и их поддержке заявил глава тегеранского синфа торговцев красками, он ссылался не только на спад строительной отрасли в последние пять лет, но и на то, что «синфы были всегда на стороне власти со времен исламской революции»[9].

Также с точки зрения возможностей не только военно-политического, но и экономического сотрудничества, интересен

[7] Asnaf pole artebat toulid va masraf konande hastand (Синфы являются связующим звеном между производителями и потребителями). URL: http://www.otaghasnaftehran.ir/ShowContent/103063 (дата обращения: 02.03.2023).

[8] Forushan parche ba navasanate modaveme arzi (Колебания валютного курса влияют на продажу тканей). URL: http://www.otaghasnaftehran.ir/ShowContent/103068 (дата обращения: 02.03.2023).

[9] Zaruriat tavadjoh sazman omur maliate be vazaiete konuni asnaf (Управлению налогов необходимо обратить внимание на положение синфов). URL: http://www.otaghasnaftehran.ir/ShowContent/89505 (дата обращения:12.09.2021).

и такой вид современного бизнеса в Иране, тесно связанного с исламскими принципами, как компании Корпуса стражей исламской революции (КСИР). О них достаточно часто упоминается и в зарубежной, и в отечественной литературе. Практически все авторы отмечают, что компании КСИР занимают привилегированное положение и с точки зрения налоговой политики, и с точки зрения обеспечения их государственными заказами. Они представлены как обычными компаниями, так и различными пенсионными фондами и вакфами. Сам КСИР тесно связан практически со всеми исламскими фондами, т.е. с исламским бизнесом.

В настоящее время КСИР является не столько самой сильной военной структурой в системе Вооруженных сил страны, но и мощной экономической структурой. Под контролем КСИР и ее главной строительно-коммерческой компании «Хатам аль-Анбия» находятся самые различные компании — энергетические, строительные, банки. Наверное, проще назвать сферы, в которых КСИР не присутствует. По неофициальным оценкам, общий объем находящихся под контролем КСИР активов в 2009 г. составлял порядка 100 млрд. долл, среди них — компания «Sadra Iran Maritime Industrial Company», которая выпускает танкеры, одна из крупнейших строительных компаний страны «Shahid Rajaee Professional Group», нефтегазовая «Sepanir Oil and Gas Engineering», участвующая в разработках двух фаз газового месторождения «Южный Парс», а также банк «Ансар»[10]. После ухода иностранных компаний с иранского рынка в 2008–2014 гг. КСИР занял в большинстве случаев их место и фактически монополизировал часть (до трети) иранской экономики. Попытки предыдущего президента Хасана Роухани ограничить экономические активы Корпуса не увенчались успехом.

Нельзя не остановиться на такой форме исламского предпринимательства как **вакфы**. С утверждением ислама вакфы, как и во всех мусульманских странах, стали действовать на основе норм шариата. Конечно, главной целью вакфов является благотворительность, но они могут ее осуществлять только на основе доходов, получаемых от их собственности, которая передается

[10] Коммерсант. 10.11. 2009. URL: www.kommersant.ru/doc/3410252 (дата обращения: 10.11.2009).

частными лицами для строительства и поддержания деятельности мечетей, караван-сараев, больниц, школ, библиотек, медресе, университетов и т.п. В шиитском Иране еще в XIX–XX вв. легитимными были признаны вклады в вакф не только в виде земель, лесов, водных источников, но и в виде денег, а впоследствии — и в виде акций.

В период Белой революции при проведении аграрной реформы крестьянам в собственность были переданы земли частных вакфов, а земли общественных вакфов были отданы в долгосрочную аренду (на 99 лет). Но после исламской революции имам Хомейни издал фетву, отменявшую эти положения.

С 1984 г. все вакфы перешли под контроль Организации религиозных дел и хаджа, но управляются они по-разному. В 2011 г. всех вакфов насчитывалось уже 375 тыс.[11] Более 182 тыс. вакфов находятся под управлением «Организации вакфов и благотворительности» (Auqaf and Charity Organization — ACO). Около 10% управляются независимыми попечителями, но все равно контролируются ACO. В работе Саеда Казема Садра и Амирхоссейна Кербалаи приводится структура вакфов, находящихся под управлением ACO.

Таблица 2

Структура вакфов, находящихся под управлением или контролем Организации вакфов и благотворительности (ACO), 2014 г.

Вид	Категория	Число	%
1. По типу	Общественные	176 808	97,0
	Семейные	1 675	0,09
	Общ.-семейные	1 915	1,0
	Не установлено	1 073	2,0
2. По получению дохода	Имеющие доход	73 950	43,0
	Не получающие доход	93 917	55,0

[11] Мамедова Н. М. Указ. соч. С. 236.

Вид	Категория	Число	%
	Не установлено	3 253	2,0
3. Сфера действий	Общенациональные	176	0,09
	Региональные	1 181	0,65
	Местные	181 014	99,0
4. Управление	АСО	161 895	89,0
	Независимые	18 846	10,0
	Частные и АСО	1 530	0,8
5. Язык актов о создании вакфа	Персидский	156 764	86,0
	Арабский	473	0,26
	Армянский	61	0,0
	Не установлено	25 051	14,0

Источник: Seyed Kazem Sadr, Amirhossein Karbalaei. A Comparative Study of Waqf Properties Development in Iran and Malaysia. URL: https://www.researchgate.net/publication/309406091_A_Comparative_Study_of_Waqf_Properties_Development_in_Iran_and_Malaysia/link/580ee84308aef766ef10eb11/download (дата обращения: 28.02.2023).

В целом по стране доходы вакфов превышают их расходы. В 2009 г. чистый доход превышал 220 млн. долл. За 10 лет, с 2000 г. по 2011 г. доходы вакфов выросли более чем в 17 раз[12]. Большая часть доходов, получаемых вакфами, расходуется на строительные цели, связанные с ремонтом и восстановлением старых зданий, строительством новых мечетей, медресе, библиотек и т.п. В 2007 г. на эти цели было потрачено почти 40%, затем следуют расходы на культурные цели — 28%[13]. В 2014 г. 51% вакфов, как

[12] Dadgar Yadollah, Nazari Rohollah. The Role of Traditional Micro Institutions, in Income Inequality in Iran // Indonesian Management and Accounting Research. 2011. Vol. 10. No 2. P. 60.

[13] Ibid. P. 61.

показывает Таблица 2, получали доход, 40% были представлены мечетями, а 9% – хоссейние, фатемие и т.п., т.е. были вакфами, не получавшими доходы от собственности, или этот доход не превышал их затраты[14].

Некоторые из вакфов созданы армянами, и даже акты (вакф-наме) написаны на армянском языке, часть зороастрийцами. Довольно значительная часть вакф-наме составлена на арабском языке.

Чтобы диверсифицировать возможности финансирования вакфами проектов, нацеленных на благотворительность, им разрешено выпускать вакуфные сертификаты, облигации типа сукук, акции самого вакфа. Подавляющее большинство средств вакфов (99%), как следует из приведенной таблицы, предназначено для местных благотворительных нужд.

Крупнейшим вакфом страны является «Астане Годс Раззави», чьим религиозным центром является гробница имам Резы в Мешхеде. Основанный в XVI в., он включает в себя сотни тысяч гектаров земель, пожертвованных в течение нескольких столетий. По размерам собственности, движимого и недвижимого имущества этот вакф один из крупнейших в мире, включает в себя более 1200 различных фирм, аэропорт, стадион (крупнейший в Мешхеде), медресе, 2 университета. В составе вакфа только 6 производственных холдингов и более 350 компаний, которые контролируются через Razavi Economic Organisation. Вакф владеет частью компаний полностью, в большинстве компаний — с разной долей принадлежащих ему акций. Даже, согласно бюджету, государство признает свою задолженность вакфу в 230 млн. долл.[15] Вакф имеет собственность не только в Иране, но и в других странах, например в Пакистане, Индии, Афганистане, Ираке, Ливане. Его общий оборот, по западным источникам, оценивается в 10 млрд. долл., по иранским — в 2 млрд. долл. Только недвижимость оценивается в 12–15 млрд. долл., а земельная собственность — почти в 20 млрд. долл. На

[14] Seyed Kazem Sadr, Amirhossein Karbalaei. A Comparative Study of Waqf Properties Development in Iran and Malaysia. URL: https://www.researchgate.net/publication/309406091_A_Comparative_Study_of_Waqf_Properties_Development_in_Iran_and_Malaysia/link/580ee84308aef766ef10eb11/download (дата обращения: 28.02.2023).

[15] The Unholy business empire of Astan Quds Razavi. URL: https://www.tehranburean.com. 08.08.2021 (дата обращения: 28.02.2023).

землях, принадлежащих вакфу, проживает 320 тыс. арендаторов, обрабатывающих свои участки земли. Вакфу принадлежат акции почти 60 только крупных компаний Ирана и других стран, в том числе 25% сталелитейной «Фридрих Крупп». Вакф владеет 100%-ным пакетом акций в 34 компаниях[16]. По данным руководства самого вакфа, он контролирует 73% производства стекла, 43% — напитков, 20% — текстильной продукции. Через участие в компаниях вакф связан с Фондом обездоленных. Свободная экономическая зона (СЭЗ) «Серахс» была образована на землях принадлежащих вакфу, а представители вакфа входят в правление этой СЭЗ. На территории этой зоны был построен международный аэропорт. Вакф «Астане Годс Раззави» принял участие также в строительстве железной дороги, соединившей железнодорожную сеть Ирана и Туркмении, сейчас ведет строительство моста через Евфрат.

Каковы источники дохода этого вакфа?

1. Прямые денежные пожертвования.

2. Доходы от музеев.

3. Пожертвования в виде акций компаний, в виде недвижимости.

4. Сдача в аренду недвижимости.

5. Доходы от контролируемых компаний.

6. Средства от правительства и руководства страной, например за счет собираемых администрацией рахбара исламского налога — хумса.

7. Доходы от мотелей и гостиниц.

8. Доход от стадиона «имам Реза».

9. Доход от базаров, в том числе от базара имам Резы в Мешхеде.

Число паломников в Мешхед обычно превышает 30 млн., конечно, только их обслуживание и пожертвования обеспечивают вакфу значительные доходы. По фетве имама Хомейни вакф «Астане Годс Раззави» был освобожден от налогов на 35 лет, т.е. до 2019 г. Когда меджлис в 2018 г. принял решение об уплате вакфом подоходного налога в 2019 г. с прибыли некоторых его компаний, то была достигнута договоренность, что этот налог

[16] Власть шиитских фондов. Коммерсант. 23.05.1997. № 75 (1257). С. 5. https://www.commersant.ru. № 75(1257).

должен был пойти на помощь сельским школам, т.е. на благотворительные цели.

Вакф значительные средства тратит на медицинскую помощь населению, имея в своей собственности 20 различных центров. Ежегодно они обслуживают около 3 млн. пациентов.

Вакф «Астане Годс Раззави» занимает не только сильные позиции в иранской экономике, но и в политической и религиозной жизни. Нынешний президент Э. Раиси был главой вакфа в 2016–2019 гг., он — зять Ахмада Аламходы, пятничного имама Мешхеда и члена Ассамблеи экспертов. Сейчас главой вакфа является ходжат-оль-эслам Ахмад Марви, бывший генерал, офицер полиции, который перед назначением главой вакфа работал в администрации рахбара, он является также членом Ассоциации борющегося духовенства. В январе 2021 г. против вакфа «Астане Годс Раззави» (и одновременно против исламского фонда «Сетад») США ввели санкции.

Одним из крупнейших центров богословского образования является Кум, большинство медресе и библиотек которого являются вакфами. В Куме расположена гробница Фатиме Масуме, дочери седьмого имама и внука Пророка, сестры Али Резы, гробница которого стала основой создания вакфа «Астане Годс Раззави» в Мешхеде. Гробница Фатиме Масуме является центром вакфа «Хазрате Масуме», который, в свою очередь, представляет собой конгломерат вакфной собственности. Она включает в себя коммерческие, культурные объекты, а также сельскохозяйственные земли (в останах Кум, Зенджан, Лурестан и Центральный).

160 самых различных вакфов расположены в провинции (остане) Фарс, большинство в ее столице — Ширазе. Вакфам этого остана принадлежат 33 деревни[17]. На доходы от вакфов ведется изучение Корана в школах, медресе и университетах, проведение религиозных мероприятий, построены и действуют больницы.

Крупным частным самостоятельным вакфом этой провинции является вакф Намази, основанный Мохаммадом Намази в 1950-х годах. Вакф включает в себя построенную на средства Намази водопроводную систему в Ширазе и одну из крупных больниц города. В 2014 г. на доходы от вакфа Намази началось строительство второй больницы. Оно было одобрено Организацией

[17] Ibid.

вакфов с точки зрения шиитского права относительно изменения собственности вакфа, и треть расходов взяло на себя государство. Причем вакфу Намази разрешен выпуск специальных акций — сертификатов вакфа для оплаты строительства. Это — свидетельство того, как новые формы финансирования входят в практику такого средневекового вида деятельности исламских организаций как вакфы.

Активно продолжает работу такой частно-общественный вакф, как Фонд Махмуда Афшара Язди, созданного одним из идеологов панируанизма в виде вакфа в 1959 г. Этот вакф финансирует поддержку образовательных программ, издание книг на персидском языке, выделяет премии авторам наиболее значимых работ. Махмуд Афшар Язди при создании вакфа отдал ему практически всю свою собственность — и земли, и водные источники, и дома и пр.

Новой исламской формой бизнеса после революции стали исламские фонды, или **боньяды**. Если правовая основа создания вакфов — добровольная передача личного имущества для создания вакфа, то боньяды возникли на основе не добровольной, а насильственной национализации крупной частной собственности. Наиболее известные из созданных после революции и активно действующих в настоящее время исламских фондов: Фонд обездоленных, Комите-йе эмдаде имам (Комитет помощи имама Хомейни) и Сетад (Штаб исполнения указов имама), все они тесно связаны между собой и с рахбаром. Руководители боньядов и вакфов периодически сменяют друг друга, входя в высшие государственные органы. Исламский характер власти в Иране проявляется не только в конституции, структуре государственных органов, но и в тесной личностной связи духовенства и с государственной властью, и с бизнесом. Например, с 2019 г. руководителем Эмдаде имам, или Комитета помощи имама Хомейни, является Мортаза Бахтияри. Раньше он занимал посты заместителя руководителя вакфа «Астане Годс Раззави» (2016–2019 гг., когда его руководителем был Э. Рияси, и министра юстиции (2009–2013 гг.). Этот боньяд очень активно действует в других странах — Пакистане, Косово, Афганистане, Ираке, Таджикистане, Сирии, Ливане. Часть средств этого боньяда обеспечивается хумсом, т.е. исламским налогом.

Несмотря на падение темпов роста иранской экономики, главным образом из-за санкций, фонд продолжает оказывать значительную помощь населению, предоставляя беспроцентные кредиты, медицинскую помощь, помощь семьям, потерявшим кормильца, помощь на образование, на проведение свадебного обряда и др.

Таблица 3

Охват населения помощью от Комитета имама Хомейни, в тыс. (семей и человек)

	2001/02 г.	**2019/20 г.**	**2020/21 г.**
Поддержано семей	1454,9	2276,0	2185,2
В том числе семей, в которых глава семьи женщина	749,7	1201,8	1187,3
Поддержано людей	4150,2	4783,7	4480,7

Источник: Салнаме-е амаре кешвар 1399(2020/21). С. 575.

Крупнейший из исламских фондов является Фонд обездоленных, или Боньяде мостаззафан. Этот фонд, включающий в себя несколько сотен фирм, в том числе банковские, авиационные, финансовые, по объемам активов и по значимости в экономике можно поставить на второе место после Иранской Национальной нефтяной компании. Из-за политической значимости реализации курса на широкую приватизацию, объявленного по инициативе рахбара правительством М. Ахмадинежада, Фонд обездоленных не мог не включиться в программу приватизации, расставшись в основном с убыточными компаниями, но одновременно принял активное участие в приобретении через Тегеранскую биржу акций других компаний. Под контролем Фонда и в разной степени собственности находятся до 350 различных по объему активов компаний[18]. Довольно значительную долю от

[18] Мамедова Н. М. Указ. соч. С. 252.

получаемой прибыли Фонд направляет на благотворительные цели — на медицинскую помощь малообеспеченным семьям, на помощь семьям погибших шахидов. Но несмотря на благотворительную деятельность, Фонд в 2020 г. США включили в санкционный список, главным образом, за тесные связи с КСИР и за его деятельность в Сирии и Ираке.

Во главе Фонда обездоленных всегда назначались высшие чины КСИР, как и нынешний руководитель Парвиз Фаттах, который после 2009 г. был исполнительным директором Кооперативного фонда КСИР и заместителем командующего Хатам аль-Анбиа. А до июля 2019 г. Парвиз Фаттах являлся главой фонда Комитета помощи имам Хомейни (до назначения рахбаром нынешнего руководителя Мортеза Бахтияри).

Фонд вместе с КСИР контролирует группу компаний холдинга «Sina» (Sina Currency Exchange, Sina Financial and Investment Holding Sina Port and Marine Services Development) и др. В числе компаний этого холдинга и Фонда находится «Sina Energy Development Company (SEDCO), одна из ведущих компаний в нефтегазовой и смежных отраслях. Управляющий директор этой компании Джавад Оуджи в правительстве Э. Раиси занял один из самых значимых постов, став министром нефти.

Все дочерние компании SEDCO, как принадлежащие или контролируемые Фондом обездоленных — Payandan Company, Coal Tire Refining Company, Pishro Iran Financial and Investment Company, Pars Energy-Gostar Drilling and Exploration и North Drilling Company, — также внесены в список попавших под санкции США[19].

В социально-экономической жизни современного Ирана весьма значительные позиции занимает также боньяд «Сетад» (Штаб исполнения указов имама), через который оказывается социальная поддержка населению в виде медицинской помощи, обеспечения жильем, денежных пособий. «Сетад» был создан по инициативе имама Хомейни незадолго до его смерти. По некоторым оценкам, он превратился в крупный холдинг с капиталом более 100 млрд. долл. По словам Мохаммада Мохбера, который сейчас стал первым вице-президентом, а до этого являлся главой «Сетад», именно этому фонду рахбар поручил

[19] Там же. С. 277–278.

построение «экономики сопротивления» в ответ на введенные в отношении Ирана санкции. Одной из дочерних организаций «Сетад» является фонд «Баракят», который действует в области медицинской помощи населению, располагает современными научно-исследовательскими лабораториями, и сумел создать собственную вакцину против эпидемии коронавируса.

Фонд наиболее близок рахбару, использует поступления от шиитского налога — хумса (20% дохода), добровольно уплачиваемого населением в пользу уммы. Как правило, компании фонда «Сетад» возглавляются людьми, близкими окружению рахбара и правительственным кругам. Так, долгое время председателем правления одной из компаний фонда («Rey Investment Company») был назначенный рахбаром зять аятоллы Али Мешкини ходжат-оль-ислам Мохаммад Рейшахри, который в Кабинете Мир Хосейна Мусави был министром информации и национальной безопасности (т.е. министром разведки), а затем главным прокурором Специального шариатского суда, членом Совета экспертов и получил звание аятоллы.

Исламские фонды, как и вакфы, до сих пор фактически исключены из налогового обложения, следовательно подконтрольны только рахбару. Они активно ведут бизнес, в том числе с другими странами. Например, летом 2022 г. большая делегация Фонда обездоленных во главе с Парвизом Фаттахом посетила Астраханскую область, где уже работают более 120 иранских компаний. Более 90% всех грузов, проходящих через Астрахань, следует в Иран. В Астрахани давно и успешно работает торговый дом Ирана и филиал иранского «Мир Бизнес Банка». Летом 2022 г. во время переговоров руководства Фондом и главы Астраханской области было достигнуто соглашение об участии Фонда обездоленных в особой экономической зоне «Лотос», о создании совместной компании по транспортировке грузов по МТК «Север–Юг». Первой из компаний Фонда, которая вошла в «Лотос», стала компания для строительства завода по производству бытовой техники. На совместном предприятии «Гекса–Лотос» с числом занятых более 160 человек производится текстиль из полимеров. С вводом в 2023 г. нового цеха увеличатся поставки по России и в страны СНГ. В эту свободную зону вошел крупный иранский холдинг «Парсиан», акции которого

принадлежат Фонду обездоленных. Этот холдинг также подписал соглашение о сотрудничестве с АО «ОЭЗ «Лотос» об организации совместных производств и об увеличении контейнерных перевозок по МТК «Север-Юг»[20]. Подписано Соглашение между правительством Астраханской области и Фондом обездоленных на 2022–2026 гг.[21]

Компании Фонда обездоленных действуют также в Татарстане, в свободной зоне «Елабуга», давно сотрудничают с компанией «Татнефть».

К исламским формам бизнеса относится и вся финансовая система Ирана — банки, микрофинансовые организации типа касс взаимопомощи (сандук-ха), страхование — на принципах такафул, причем в Иране шариатскими советами разрешено и страхование жизни. Иранские банки уже почти 40 лет работают на исламских принципах, они в основном одинаковы для банков других стран, использующих исламские нормы. Отличие от других стран в том, что в Иране нет банков, работающих на европейских принципах. До отключения иранских банков от SWIFT они были включены в глобальные финансовые сети. В настоящее время иранские банки находятся в почти кризисном состоянии, но это скорее не из-за условий исламского банкинга, а из-за отключения Ирана от системы SWIFT, из-за санкций, которые осложнили экономическую жизнь в стране. Например, даже пополнение бюджета за счет продажи госсобственности путем реализации облигаций происходит в основном за счет навязываемой банкам покупки этих облигаций. Банки невольно становятся собственниками госпредприятий, как правило, убыточных, либо собственности, не задействованной в экономической жизни. При этом попыток пополнить бюджет за счет налогов с исламских фондов и с вакфов правительство Э. Раиси пока не предпринимает, что способствует распространению и упрочению этих видов исламского бизнеса.

При санкционных ограничениях в Иране стала распространяться такая форма расчетов, как хавала, которая издавна

[20] Астраханская область подписала программу сотрудничества с иранским фондом «Мостазафан». URL: https://www.astrahan.bezformata.com/listnews/s-iranskim-fondom-mostazafan/106180434/ (дата обращения: 06.08.2022).

[21] Каспийский Вестник. 11.11.2022. URL: https://www.casp-geo.ru (дата обращения: 11.11.2022).

используется в восточных странах. Если до санкций ею в Иране пользовались преимущественно жители прибрежных к Персидскому заливу районов для расчетов с представителями других прибрежных государств, то в настоящее время хавала как расчетный механизм стала широко применяться в отношениях с различными государствами. Нельзя не сказать и о том, что широкое распространение кроме хавалы получил и такой вид теневых расчетов как криптовалюта, майнинг которой стремительно вырос в последние несколько лет, в том числе из-за дешевизны в Иране электроэнергии.

В условиях сегодняшних особенностей геополитического положения и России, и Ирана, особенно в условиях фактически прервавшихся переговоров в Вене о возрождении СВПД, использование исламских форм бизнеса может стать реальной возможностью для расширения взаимного сотрудничества.

А. Н. Обухова *

Крупнейшие эмитенты фондового рынка ИРИ; возможности раскрытия потенциала

Резюме. В статье дается обзор основных тенденций и ключевых показателей фондового рынка Исламской Республики Иран. Автором сделан краткий анализ крупнейших публичных иранских ресурсных и энергетических концернов, представлена структура акционерного капитала с описанием ключевых собственников. Автор указывает на наличие благоприятной геополитической ситуации для интенсификации российско-иранского сотрудничества в сфере энергетики, подчеркивает возможность Ирана с помощью России войти в число «энергетических сверхдержав», что поможет раскрыть потенциал публичных ресурсных компаний.

Ключевые слова: иранский фондовый рынок, нефтегазовая отрасль Ирана, публичные иранские холдинги, акционерный капитал, энергетика Ирана

The largest issuers of the stock market of the Islamic Republic of Iran; opportunities of potential

Abstract. *An overview of the Iranian stock market core trends and key indictors is given in the research article. The author provides a brief analysis of the largest public resources and energy holdings as well as the shareholding structure description. The author points to the presence of a favorable geopolitical situation that may allow to bring up the Russian-Iranian cooperation in*

* Обухова Анастасия Николаевна - младший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0001-5576-1649

the energy sector to a new level, highlights the possibility for Iran to become one of the «energy superpowers» provided the help of Russia, which, in its turn would contribute to unlocking the Iranian public resource companies potential.

Keywords: *Iranian stock market, Iranian oil and gas industry, Iranian public holdings, shareholders' capital, Iranian energy*

В Иране торговые операции ценными бумагами осуществляются через Тегеранскую фондовую биржу (ТФБ) с 1968 г. (торги приостанавливались с 1979 по 1989 гг.) и организованную в 2008 г. внебиржевую площадку Иран Фарабурсе (ИФБ) (Iran Fara Bourse — IFB). В стране также действуют организованная в 2006 г. крупнейшая на Среднем востоке Иранская товарная биржа (Iran Mercantile Exchange — IME), с февраля 2008 года на о. Киш, Иранская нефтяная биржа (Iranian Oil Bourse — IOB), созданная в июле 2012 года Иранская энергетическая биржа (Iran[1] Energy Exchange — IRENEX), планируется организация международной биржи в иранской ЗСТ. Деятельность площадок регламентируется Верховным советом по биржам и ценным бумагам, регулятором иранского рынка капитала, контролирующим работу Организации по ценным бумагам и биржам. Последняя выступает совладельцем биржевых площадок и отслеживает деятельность участников фондового рынка ИРИ, таких как Ассоциация институциональных инвесторов Ирана и Иранскую ассоциацию биржевых брокеров, обеспечивающих дополнительный контроль участников биржевых торгов.

Если в конце 1990-х годов торговля ценными бумагами осуществлялась на одной площадке (ТФБ) с ограниченным набором финансовых и валютных инструментов, то с запуском внебиржевой торговли (ИФБ) в конце 2000-х годов появились новые формы долговых инструментов, производных финансовых контрактов по страхованию рисков (деривативы), внедрялись национальные финансовые инструменты, последовательно выводились из оборота неактуальные продукты (валютные сертификаты), что способствовало кардинальному преобразованию иранского фондового рынка.

[1] Iran Fara Bourse. URL: https://www.ifb.ir (дата обращения: 21.10.2021).

На ТФБ торгуются акции крупных предприятий и холдингов, контролирующим акционером многих из них после приватизации середины 2000-х годов осталось государство (напрямую или через дочерние структуры). На ТФБ представлены такие торгуемые инструменты, как обыкновенные акции (основной и дополнительной панели), преимущественные права покупки акций (основной и дополнительной панели), фьючерсы на отдельные ценные бумаги и на индексную корзину, фондовые опционы, пут-опционы, биржевые инвестиционные фонды (exchange traded fund — ETF), долговые ценные бумаги (исламские бумаги участия, сукук, кредитные дефолтные свопы). На ИФБ осуществляются торговые операции с котируемыми акциями первого, второго рынка, а также малых и средних предприятий (МСП), долговыми инструментами, в том числе исламскими облигациями, биржевыми инвестиционными фондами, ипотечными ценными бумагами и некотируемыми ценными бумагами; функционирует рынок прав интеллектуальной собственности, представлены некотируемые акции иранских компаний (не торгующиеся публично). Обращение на фондовом рынке Ирана опционов, фьючерсов, прочих, не связанных с ссудным процентным доходом финансовых инструментов, неограничено и не отличается от российской и мировой практики, поскольку не идет вразрез с исламскими нормами.

К отчетности, размеру активов, корпоративному управлению компаний, представленным на ТФБ, предъявляются более жесткие требования, нежели к компаниям, выходящим на ИФБ, поэтому последнюю предпочитают выходящие на фондовый рынок компании малого и среднего бизнеса, инновационные и технологические стартапы. Формирование баланса спроса и предложения на фондовом рынке ИРИ в значительной степени определяется ключевыми бенефициарами торговых операций: инвестиционными банками, пенсионными фондами, страховыми компаниями. Лицензия на ведение инвестбанковской деятельности в Иране выдается с 2008 года и разрешает ведение брокерской (посреднической), торговой деятельности, управление активами, предоставление консультаций, услуг по сопровождению сделок слияния и поглощения, оценке объекта инвестирования, due diligence («дью-дилидженс»). Значительные

позиции в этом секторе заняты государством; государственные компании присутствуют во всех сегментах инвестбанковской сферы, как правило, через аффилированные компании. Активными (но пока малочисленными) участниками иранского фондового рынка являются инвестиционные банки (так называемые организации капиталообеспечения), действующие в качестве независимых финансовых посредников (ИБ Амин) или в составе банковской группы (ИБ Меллят). На иностранные портфельные инвестиции приходится менее 1% общей рыночной капитализации всех представленных на Тегеранской фондовой бирже компаний.

Повышавшиеся процентные ставки по банковским кредитам вынуждают отечественных инвесторов более активно обращаться на внутренний долговой рынок, предлагающий более выгодные инструменты для привлечения заемных средств, и на рынок акций, поскольку недостаточный рост ставок по депозитам одновременно стимулирует приток свободных денежных ресурсов на фондовый рынок. Активная секьюритизация правительственных обязательств привела к росту соответствующей доли секьюритизированного долга в государстве с 1,5% в 2015 г. до 4,2% в 2017 г. (и к 2020 г. могла приблизиться к 10%, по оценкам автора) на фоне наращивания объёмов выпуска государственных облигаций, являющихся главной составляющей иранского долгового рынка[2]. Приватизационные процессы и необходимость поиска альтернативных путей финансирования с учетом исламских норм способствуют диверсификации фондового рынка. Но доля производных инструментов в объеме сделок на фондовом рынке остается несущественной: свыше 90% объема торгов ТФБ и более половины ИФБ приходится на операции с акциями[3]. Количество новых эмитентов и торгуемых акций на иранском фондовом рынке, вероятно, будет также возрастать в следующие годы за счет снижения доли государства в иранских публичных компаниях.

Иранский фондовый рынок характеризует достаточно высокая степень ликвидности по сравнению со многими

[2] Statistical Centerl of Iran. URL: https://www.amar.org.ir/ (дата обращения: 03.02.2022).

[3] Tehran Stock Exchange. URL: https://tse.ir/en/ (дата обращения: 30.09.2021).

развивающимися рынками, принимая во внимание закрытость национальной экономики, что иллюстрируют объем торгов Тегеранской фондовой биржи: с декабря 2007 г. по июль 2022 г. среднедневной оборот ТФБ вырос в 20 раз с 26 млн. до 543 млн. долл.[4] Приток иностранного капитала мог бы значительно увеличить рыночную ликвидность с текущих уровней и изменить стоимость капитала, являющимися основными показателями, которые учитывают инвесторы при решении о покупке акций. «Разморозка» иранских активов за рубежом могла бы поспособствовать ликвидности. Иранские замороженные активы на международных счетах оцениваются на сумму от 100 млрд. до 120 млрд. долл. (около 2 млрд. долл. заморожены в США). По данным Исследовательской службы Конгресса, в дополнение к деньгам, запертым на иностранных банковских счетах, замороженные активы Ирана включают недвижимость и другое имущество.

Для портфельных инвесторов, вкладывающих в экономику стран с высоким риском, помимо объемов ежедневных торгов (ликвидности), большое значение имеет размер фондового рынка. Рыночная капитализация иранского фондового рынка составляет 35–38% ВВП страны; по этому показателю Иран отстает от развивающихся азиатских рынков, что указывает на инвестиционный потенциал акций иранских компаний.

Капитализация иранского рынка акций утроилась за десять лет, с 2006 по 2016 гг.: до 2011 г. росту капитализации способствовала приватизация компаний ряда отраслей, выходом на биржу новых эмитентов (IPO), рост цен на ресурсы на глобальных рынках (для акций сырьевых компаний), позитивные ожидания инвесторов от проведенной в 2010 г. реформы субсидий, отсутствие привлекательных альтернативных вариантов инвестирования на внутреннем рынке. В 2016 г. благодаря заключению СВПД иранский фондовый рынок вошел в число рынков с самыми высокими темпами роста в мире, но в 2017 г. из-за отсутствия притока иностранных инвесторов рынок скорректировался, и капитализация ТФБ превысила досанкционные уровни лишь к концу 2018 г.

[4] Iran TEDPIX Stock Market Index // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/iran/stock-market (дата обращения: 20.02.2023).

В 2012–2021 гг. рынок акций Ирана вырос на 4600% (в риалах), реальная доходность составила 14% годовых. Введение международных санкций и односторонних рестрикций в 2012 г. вызвало ослабление экономической активности, повлиявшей на стоимость акций публичных компаний. Рост фондового рынка происходил на фоне обесценивания инвестиций, так как фактически рост стоимости акций подогревался инфляцией и, по сути, был техническим. (Годовая инфляция в номинальном выражении в некоторые годы достигала 30–70%)[5]. Рост рынка был неравномерным, что отчасти объясняется закрытостью иранской экономики: за десять лет ралли в сумме длилось не более трех лет. Примечательно, что увеличение в шесть раз капитализации ТФБ (в долларах США при постоянном курсе 42000 риалов / 1 долл. США) с декабря 2019 г. по декабрь 2021 г. с 327 млрд. долл. до 1332,322 млрд. долл. на фоне притока ликвидности не было признаком стабилизации экономики, тем более сигналом начала экономического бума. Рост капитализации был связан не столько с положительной динамикой операционных показателей публичных компаний (рост эффективности производства, объема продаж, прибыли и рентабельности), но с 50%-ной инфляцией, трехкратной девальвацией национальной валюты, инфляционными ожиданиями отечественных инвесторов. Параллельно государство предоставило возможность местному бизнесу выходить на рынок акций, что 11 лет тому назад дало толчок развитию иранского фондового рынка, поддерживавшийся вследствие изоляции аккумулированными в стране деньгами. Покупка акций иранских компаний, для инвесторов оказалась защитой от инфляции и отчасти происходила от безысходности, ввиду отсутствия альтернатив: в стране ограничена возможность инвестирования в валютный рынок (в Иране установлены 4 валютных курса), а долговой рынок остается трудноинвестируемым для розничных инвесторов. На ТФБ торгуются акции порядка 400 компаний. Среди десяти самых крупных по капитализации отраслей, представленных на иранском фондовом рынке, акции нефтехимических и химических компаний имеют наибольшую капитализацию, составляя 24,1% совокупной капитализации рынка акций на 31.12.21 г., опережая долю металлургических предприятий

[5] Central Bank of Iran. URL: https://www.cbi.ir (дата обращения: 14.08.2021).

(20,4%), нефтеперерабатывающих заводов (6%), горнодобывающих комбинатов (10,7%), банков (5,6%), телекоммуникаций и информационных технологий (2,1%). На акции компаний этих шести секторов приходится около 70% капитализации фондового рынка ИРИ, 10% пришлось на совокупную долю компаний остальных четырёх секторов «десятки»: автопром, технические и инженерные услуги, холдинги, фармацевтика. В декабре 2021 г. доля сектора информационных технологий снизилась до 0,9% капитализации ТФБ, сектора телекоммуникаций — до 1,5%, по сравнению с соответствующими 3,4% и 8,4% четырьмя годами ранее. Таким образом, структура иранского рынка сконцентрирована на нефтехимии, добывающих и ресурсных конгломератах, в отличие от нефтегазовой концентрации российского рынка, где на пять крупнейших нефтегазовых компаний приходится до 70% капитализации рынка.

В Иране нефтегазодобыча — крупнейшая, контролируемая государством, не входящая в приватизационную программу отрасль иранской экономики. Природные ресурсы доминируют в экспорте Ирана; доля экспорта нефти в ВВП отражает устойчивую зависимость экономики от нефтяного экспорта. Нефтегазовый сектор остается ключевой движущей силой иранской экономики, и Иран стремится развивать не только рынок нефти и нефтехимии, но и рынок газа. Ресурсные особенности Ирана таковы, что, занимая второе место по величине запасов газа после РФ, Иран направляет на внутреннее потребление 94% добываемого природного газа. Для сравнения, в среднем в мировой практике свыше 40% добываемого газа в странах с большими запасами идёт на экспорт. Пропорция «экспорт / добыча» выглядит по-разному для стран: в РФ этот показатель достигает 30%, в Туркменистане — свыше 70%, Норвегия экспортирует почти весь добываемый газ (96% добычи), ОАЭ и Саудовская Аравия практически не экспортируют газ[6]. Создание цепочек добавленной стоимости в нефтегазохимической отрасли является важнейшей формой монетизации запасов природного газа. Нефтехимическое производство в Иране представлено дочерними нефтехимическими предприятиями

[6] World Energy Outlook 2022 // International Energy Agency. URL: https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2022 (дата обращения: 24.02.2023).

и нефтеперерабатывающими заводами Иранской национальной нефтяной компании (Министерство нефти ИРИ) и частными предприятиями. Иранские нефтеперерабатывающие заводы производят и реализуют мазут, полимеры, олефины и ароматические углеводороды, продукты крекинга и реформинга, минеральные удобрения. Анализ структуры владения крупнейших нефтехимических компаний — НК Джам, НК Марун, НК Амир Кабир, НК Пардис, НК Харг, нефтяного и нефтехимического инвестиционного холдинга Тамин, нефтехимической промышленной группы Персидский залив, нефтегазовой компании Парсиан, НК Мобин — показывает, что значительная часть акционерного капитала в национальной нефтехимической отрасли сконцентрирована у государственных и военных организаций Ирана, в частности КСИР, ВС, посредством связанных с ними структур, благодаря чему очень ограниченная группа юридических и физических лиц страны имеет доступ к наиболее привлекательной экспортноориентированной сфере иранской экономики. (Обзор деятельности крупнейших девяти публичных иранских нефтехимических компаний, структура акционерного капитала были ранее подробно рассмотрены и изложены автором)[7].

Динамика структуры капитализации ТФБ иллюстрирует усиление позиций ресурсных конгломератов на фоне продолжающегося снижения доли высокотехнологичных компаний. Холдинговые компании и перекрёстное владение акциями, включая владение дочерними компаниями акций материнских компаний — достаточно широко распространенное явление в иранской модели корпоративного управления. Акции активов, находящихся «под зонтиком» публичных холдингов, зачастую торгуются с существенной премией к материнской компании, хотя наличие значительной доли перекрёстного (взаимного) владения акциями затрудняет понимание структуры владения конечными бенефициарами (реальными владельцами) и оценку размеров принадлежащих им активов. В качестве примера можно привести структуру владения и активы основанного в 1991 г.

[7] Обухова А. Н. Особенности структуры владения в нефтехимической отрасли ИРИ / Раздел III. Экономика и региональное взаимодействие // Колл. мон. Мусульманский Ближний и Средний Восток: современные процессы, история и историографии. М., 2021. С 148–163.

крупнейшего иранского публичного холдинга Гадир Инвестмент (первоначально: Инвестиционная компания банка Садерат), входящего в сферу влияния КСИР и EIKO. Компании холдинга действуют в таких отраслях, как нефтегазоразработка, нефтехимия, производство цемента, строительство, добыча рудных полезных ископаемых, электроэнергетика, финансово-банковская. Свыше двух третей стоимости Гадир Инвестмент — это совокупная капитализация публичных компаний холдинга, торгующихся на ТФБ. Крупнейший публичный актив холдинга — Нефтегазовая компания Парсиан (Parsian Oil and Gas Development Co. — POGDC), капитализация которого составляет свыше половины стоимости всех публичных активов Гадир Инвестмент и эквивалентна порядка 90% рыночной стоимости самого инвестиционного холдинга. При этом Parsian Oil & Gas контролирует ряд дочерних публичных нефтехимических компаний (Pardis Petroleum, Shiraz Petroleum, Kermanshah Petroleum, Tabriz Oil Refinery), суммарная капитализация которых превышает капитализацию материнской компании. Инвестиции в 40% акционерного капитала Нефтехимической компании Парс, сделанные совместно Гадир Инвестмент и Нефтегазовой компанией Парсиан, составляют 70% стоимости всех непубличных активов холдинга. Гадир Инвестмент владеет управленческими акциями в девелопере «Международное строительство» (International Construction Development), Иран Сплав Сталь (Iran Alloy Steel), Кавир Шины (Kavir Tire), Мотогент (Motogen) и прочих, существенными пакетами акций в металлургической и сталелитейной компании Арфа (Arfa Iron and Steel), строительных компаниях А.С.П. (A.S.P. Construction), Бехшар Индастриал Девелопмент (Behshar Industrial Development), Бахман груп (Bahman Group), Парсиан Электронкс Коммерс (Parsian Electronics Commerce Co.). В 2010-е годы холдинг Гадир Инвестмент инвестировал в строительство нефтеперерабатывающих заводов по производству газоконденсата с мощностью 1000 барр. / день, алюминиевого комплекса мощностью 1 млн. тонн в год, электростанции мощностью в 950 МВт. На рентабельность холдинга оказывают влияние риски, присущие деятельности основного актива холдинга — нефтегазовой компании Парсиан (70% дохода от инвестиций холдинга), включая колебания валютного курса, волатильность

мировых цен на нефть, темпы роста производства нефтехимической продукции (метанола, карбамидов, аммиака).

Крупнейшим иранским горнодобывающим холдингом, зарегистрированным на ТФБ, является Инвестиционная компания Омид (ИК Омид — OIMC). Находящаяся под контролем КСИР, ИК Омид занимает 2-е место (после Гадир Инвестмент) по объёму инвестиций и по размеру прибыли среди иранских холдингов, осуществляя инвестиции в сталелитейную, строительную, цементную, финансово-банковскую, нефтегазовую, энергетическую отрасли. Более 80% портфеля ИК Омид инвестировано в публичные компании, представленные на иранском фондовом рынке, 20% — в непубличные. Основные инвестиции приходятся на предприятия иранской железорудной промышленности. Холдинг владеет по 38% в крупнейших отечественных производителях окатышей и железорудного концентрата: предприятия по добыче железной руды Гол-е-Гохар и горнопромышленной компании Чадормалу, на которые приходится до 60% инвестиций холдинга. Портфель ИК Омид включает управленческие акции производителей цемента (Хормозган, Илам, Боджнурд, Курдистан, Хаш), Национальной инвестиционной компании Ирана, ИК Сепах, компании Марджан Кар, Омид лизинга и производителя шин Кавир. Вложения в непубличные компании включают доли в таких компаниях, как инвестиционно-строительная компания Сепах, Петро Омид Азия, железорудная компания Гохарзамин. В 2015 г. Омид лизинг, УК Омид Табан Ауэр Энерджи, УК Гохараномид Девелопмент планировали проведение первичного размещения акций на ИФБ. Динамика акций ИК Омид коррелирует с соответствующим показателем Гол-е-Гохар и Чадормалу в силу значительного присутствия холдинга в структуре акционерного капитала данных предприятий. Инвестиционный доход ИК Омид складывается главным образом из дивидендов, получаемых на акции Гол-е-Гохар, Чадормалу, ИК Сепах. На уровень прибыли влияют колебания валютного курса иностранной валюты, расходы по роялти (лицензионные платежи добывающих предприятий за разработку недр), государственное регулирование объема продаж ключевых активов холдинга.

Входящая в четверку крупнейших по капитализации иранских компаний, учрежденная в 1991 г. ИК Группа Тосее Мелли (TMGIC)

получила листинг на ТФБ в 1995 г. и является акционером более 100 компаний, работающих в 20 отраслях. На публичные активы приходится 85% стоимости портфеля холдинга, остальные 15% — инвестиции в непубличные проекты. ИК Группа Тосее Мелли владеет около 50% акций в нефтехимической компании Шазанд (Арак), самой прибыльной дочерней компании TMGIC, генерирующей до 40% консолидированной прибыли холдинга, чьи производственные мощности (по выпуску промежуточных и конечных химических продуктов) достигают 1,8 млн. т/год. ИК Группа Тосее Мелли является крупнейшим акционером с долей 93% в учреждённой ею в 2003 г. Цементной и инвестиционной девелоперской компании (CIDCO), производящей 12% отечественного цемента и клинкера, чьи дивиденды составляли до санкций 13% доходов группы (и чьи акции были размещены на ТФБ в 2014 г.). Инвестиционный доход группы включает дивиденды, получаемые от дочерних компаний Барез Шины (Barez Tyres) и Нефтехимической компании Харг, где холдинг владеет управленческими акциями. Инвестиционная компания Группа Тосее Мелли получает 90% всех своих доходов от дивидендов «дочерних» предприятий; группа является не только инвестором аффилированных компаний, но и принимает активное участи в формировании их операционных стратегий. ИК Группа Тосее Мелли владеет управленческими акциями в таких публичных компаниях как корпорация по промышленному развитию Бехшахр (Behshahr Industry Development Corp.), Иран Трансфо (Iran Transfo), Даште Моргаб (Dashte Morghab Co.), Дудех Санати Парс (Doodeh Sanati Pars Co. / Pars Carbon Black Co.) и Иран Картон (Iran Carton Co.); группе принадлежат управленческие акции в непубличных компаниях: в являющейся одновременно акционером холдинга Компании по национальному горно-промышленному развитию (National Mining & Industrial Development Co — NIMIDCO), в девелопере «Международное строительство» (International Construction Development Co.), в компании Национальная промышленность (National Industry Co.) и инвестиционной компании Шафа Дару (Shafa Darou Investment Co.).

Входящий в тройку крупнейших иранских публичных холдингов, основанный в 1988 г. ИК Пенсионный фонд государственных служащих (CPFIC) осуществил первичное размещение своих

акций на ТФБ в 2000 г. Порядка 80% портфеля CPFIC инвестировано в публичные компании, из которых 70% вложено в нефтехимические и нефтеперерабатывающие заводы. CPFIC владеет управленческими акциями таких компаний, как Исфаганский НПЗ, Корпорация промышленного развития Бехшахр, СК Мелат, НК Абадан, сталелитейный завод Саба Персидский залив, получая дивиденды от акций Иранол Ойл, НК Фанаваран, НК Пасаргад. Самая прибыльная инвестиция CPFIC (15% стоимости портфеля) — 17% акционерного капитала в НК Джам, крупнейшем в мире комбинате по производству этилена. Еще 19% акций принадлежит материнской компании инвестхолдинга, Пенсионному фонду государственных служащих (CSPF), что свидетельствует о существенном влиянии холдинга на финансовую и операционную политику НК Джам. Свыше половины отгрузок НК Джам идёт на экспорт, что указывает на высокую зависимость рентабельности нефтехимической компании от колебаний курса иностранных валют. К инвестпроектам CPFIC относятся 2-я фаза НК Джам по увеличению производственных мощностей бутана, бутадиен-стирола, а-олефинов, увеличение производства чугуна и стали на сталелитейном заводе Саба Персидский залив, инвестиции в НК Бахтар, инвестиции в нефтехимические компании Кавиан, Лорестан, Керманшах, Илам для наращивания производства этилена и пропилена. Наиболее крупные инвестиции CPFIC в непубличные компании включают: 17% — в НК Илам, 40% — в трубный завод Ахваз — ключевой иранский производитель стальных труб, 15% — в крупнейший отечественный производитель молочных продуктов «Иранские молочные индустрии». Общая рентабельность CPFIC подвержена влиянию колебаний курса иностранной валюты вследствие существенных объемов и стоимости импортируемого оборудования, используемого при запуске новых проектов. Таким образом, через свою дочернюю инвесткомпанию CSPF выступает в роли одного из самых активных инвесторов фондового рынка ИРИ.

Входящая в топ-30 по капитализации публичных компаний Ирана Mapna Group (группа МАПНА), являясь крупнейшим холдингом энергетического машиностроения в Иране и на Ближнем Востоке, ведущим строительство и оснащение электростанций, косвенно контролирует электростанции с совокупной

мощностью 10 ГВт (13% всей вырабатываемой в Иране электроэнергии). Более 60% ЭС, эксплуатируемых в настоящее время в стране, были спроектированы и построены силами МАПНА. Иран стремится привлечь частных инвесторов в электроэнергетику с 2009 года, и до введения санкций ряд инвесторов вошли в новые проекты по строительству электростанций, реализуемые по модели BOT (строительство, передача, управление инвестором) с фиксированными доходностями, контрактами и гособязательствами (аналогичные формату ДМП в России). Сложное регулирование и специфика местного законодательства делают необходимым для иностранных инвесторов использование локальных партнеров. На иранском рынке электрогенерации присутствуют около 4–5 крупных квазигосударственных игроков, на которые приходится до 80% генерации. Иран входит в пятёрку мировых лидеров в области строительства энергетических станций, выступает производителем широкой номенклатуры промышленного оборудования, турбин, генераторов и автоматизированных систем управления[8].

До образования группы МАПНА Министерством энергетики ИРИ в 1993 г., проекты, связанные с организацией работ и строительством теплоэлектростанций в Иране, осуществлялись иностранными подрядчиками. Группа МАПНА — крупнейший производитель газовых турбин по технологии Siemens, осуществляющая производство локомотивов по лицензии Siemens, предоставляющая услуги по добыче нефти. Концерн полностью освоил самостоятельное производство газовых турбин V94.2 мощностью 162 МВт по лицензии, полученной от немецкой Siemens. В 2018 г. Siemens и МАПНА подписали соглашение об оснащении строящейся в южной провинции Хормозган электростанции «Хенгам» тремя турбинами SGT5–4000F мощностью 302 МВт каждая. Будучи одной из крупнейших компаний Ирана без прямого участия госкапитала, опосредовано (через фонды)

[8] Иран входит в пятерку стран мира по возможностям и технологиям для строительства электростанций // IRAN.ru Российское Информационное Агентство, 23.06.2020. URL: https://www.iran.ru/news/economics/116000/Iran_vhodit_v_pyaterku_stran_mira_po_vozmozhnostyam_i_tehnologiyam_dlya_stroitelstva_elektrostanciy (дата обращения: 27.02.2023).
Иран поставит России 40 газовых турбин. 23.10.2022 // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2022/10/23/turbiny/ (дата обращения: 19.11.2022).
Вартумян С., Марцинкевич Б. Иранский прорыв // URL: http:// https://zavtra.ru/blogs/energeticheskij_dajdzhest_12_07_20 (дата обращения: 26.02.2023).

компания является дочерней организацией Министерства энергетики ИРИ (по неофициальным источникам). Около 48% акций в группе МАПНА принадлежит Saba Power and Water Industries Investment Corp., 26% — региональным инвестиционным компаниям через «акции справедливости». Почти 50% в Saba принадлежат компании Mahab Ghodss Consulting Engineering, а другие 50% — региональным инвестиционным компаниям. Таким образом, через прямое или косвенное владение «акциями справедливости» контролируется практически 50% группы МАПНА; доля менеджмента — 11%, доля акций в свободном обращении составляет 10% уставного капитала. Деятельность дочерних предприятий группы МАПНА включает: 1) строительство электрогенерирующих установок и линий электропередачи; 2) производство электрооборудования для электростанций; 3) инвестиционные проекты, связанные с тепло- и гидроэлектростанциями; 4) строительство локомотивов, проектирование, ремонт и техническое обслуживание железнодорожных линий и железнодорожного транспорта; 5) строительство водохранилищ, бурильные работы, разработка месторождений нефтегазовыми дочерними компаниями группы. Продажи электроэнергии составляют большую часть выручки компании, основная часть инвестиций вкладывается в электроэнергетический сектор. Около 60% прибыли компании приходится на доходы от реализуемых энергопроектов, а остальное — доход от инвестиций.

Осенью 2022 г. российские СМИ со ссылкой на иранские источники сообщили о предполагаемой поставке концерном МАПНА 40 турбин в РФ. Подробности сделки не раскрываются, но есть заявление Управляющего директора Иранской газовой инжиниринговой и девелоперской компании (IGEDC) Реза Ношади[9]. Договор МАПНА с Siemens был составлен так, что несколько собственных доработак к продукции Siemens позволил иранскому концерну получить авторские права на целый ряд турбин большой мощности. Текущий уровень мощностей группы позволяет производить до 40 экземпляров в год. Это важная новость, учитывая состояние рынка российских турбин. Напомним, что в 1980-х годах СССР был #2 по производству

[9] Organisation of the Petroleum Exporting Countries (OPEC). URL: https://www.opec.org/opec_web/en/ (accessed: 25.02.2023).

газоперекачивающих установок в мире. В 1990-е годы Siemens перекупила российские соответствующие предприятия и перепрофилировала их таким образом, что предприятия перестали быть конкурентами немецкой компании. Тем не менее Россия остается лидером по парогазовым турбинам, благодаря советскому наследию 1930-х годы, тепловым открытиям советских энергетиков. Централизованная теплофикация — российская специфика, благодаря которой происходит существенная экономия средств. Однако развитие производства газовых установок буксовало и в советское время. Сейчас производство своими силами начали развивать АО «Объединённая двигательная корпорация» (ОДК), входящая в ГК «Ростех» и АО «Силовые машины». Первое АО работает над выпуском турбин средней мощностью 110 МВт. (выпущена одна турбина, проведены все испытания, происходит монтаж); второе — над турбинами 65 и 170 МВт. Пока обе корпорации могут производить по 1 турбине каждого номинала в год. Благодаря хорошим командам специалистов выпуск можно постепенно наращивать, но учитывая текущие уровни инвестиций и темпы расширения производства на это может уйти до 10–13 лет, если кардинально не увеличить капвложения, в то время как концерн МАРNА технически мог бы поставить России необходимое количество турбин за два года.

С точки зрения развития энергетики Иран является одной из самых развитых стран в мире. Иран обладает вторыми по размеру мощностями генерации электроэнергии на Ближнем Востоке, достигающей 80 ГВт, включая 10 ГВт, генерируемых гидроэлектростанциями. Исламская Республика — лидер на Ближнем Востоке по производству электрической энергии: примерно 90% энергогенерирующего оборудования, даже такие сложные составляющие, как турбины и генераторы, производятся в настоящее время иранскими предприятиями[10]. Основным топливом, используемым иранскими ТЭЦ, остается природный газ, с долей 75,5% (увеличившейся с 70% в 1997 г.) в общем объеме топлива. Энергетика и энергетическое машиностроение в Иране относятся к регулируемым индустриям с присутствием госкомпаний (дочерних компаний министерств) или госбанков. Отрасль

[10] Вартумян С., Марцинкевич Б. Иранский прорыв // URL: http:// https://zavtra.ru/blogs/energeticheskij_dajdzhest_12_07_20 (дата обращения: 26.02.2023).

поделена отечественными компаниями с государственным капиталом, фактически конкурирующими по общим издержкам, поскольку природный газ на безвозмездной основе поставляется государством, т.е. де-факто операторы конкурируют за рентабельность по прочим издержкам. Рост объемов потребления электроэнергии стимулирует строительство электростанций в стране и, как следствие, увеличение доходной части энергетических холдингов.

Энергетика — самая инерционная часть экономики. Маркером эффективно работающей национальной ядерной программы в служит наличие в Иране соответствующих специалистов и мощностей. Не все развитые страны обладают ядерной энергетикой и профессиональными кадрами. Напомним, что в Иране 10 ноября 2019 г. состоялась церемония заливки первого бетона в фундаментную плиту реакторного здания первого энергблока АЭС «Бушер-2», контракт о строительстве которой Росатом подписал в 2016 г. Межправительственное соглашение России и Ирана предусматривает строительство до восьми атомных энергоблоков, планируется начало строительства второго энергоблока, ведется согласование и дополнительных строительных площадок.

Благодаря сотрудничеству с Россией у Ирана есть все шансы стать «энергетической сверхдержавой». Нефтяная и газовая отрасли Ирана находятся под полным контролем государства. Государственная нефтяная компания — Иранская национальная нефтяная компания (National Iranian Oil Company — NIOC) — ведет разведку и разработку нефтяных и газовых месторождений, занимается переработкой и транспортировкой сырья и нефтепродуктов. Национальная иранская газовая компания (National Iranian Gas Company — NIGC) занимается добычей, переработкой, транспортировкой и экспортом газа. Решение вопросов нефтехимического производства возложено на Национальную нефтехимическую компанию (National Petrochemical Company — NPC). Иран входит в состав участников Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК), контролирующей не менее 40% мировой нефти, состоящей из 13 стран на конец 2022 г. (Алжир, Ангола, Экваториальная Гвинея, Габон, Ливия, Нигерия, Республика Конго, Иран, Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия,

ОАЭ, Венесуэла)[11]. В последние годы ОПЕК начала заключать соглашения с рядом нефтедобывающих стран, не входящих в ОПЕК, включая Россию, являющеюся ключевым производителем и неформальным лидером картеля (с 14% мировой нефтедобычи), помимо которой в «картель» ОПЕК+ входит еще 10 стран — Азербайджан, Бахрейн, Бруней, Казахстан, Малайзия, Мексика, Оман, Филиппины, Судан, Южный Судан)[12].

Иран продолжает оставаться привлекательным для внешних инвесторов газовым рынком и с помощью России Иран смог бы совершить газовый прорыв. Привлечение инвестиций в развертывание системы газопроводов требует разрешения геополитических вопросов силами нескольких государств (как было, например, в случае строительства газопроводов Набукко с 2002 по 2011 г.). Меморандум о взаимопонимании (МоВ) на сумму 40 млрд. долл., подписанный в июле 2022 г. «Газпромом» и Национальной иранской нефтяной компанией (NIOC), является важной вехой на пути к тому, чтобы Россия и Иран смогли реализовать давние планы и превратиться в ключевых участников глобального картеля поставщиков газа такого же формата, что и ОПЕК/ОПЕК+. Россия и Иран занимают первое и второе, соответственно, места в мире по запасам газа: в России чуть менее 48 трлн., куб. М., а в Иране — почти 34 трлн., куб. м. Имея в своем распоряжении действующий Форум стран-экспортеров газа в качестве основы, «газовая ОПЕК» смогла бы обеспечивать координацию существенной доли мировых запасов природного газа и контроль над ценами на него[13]. В МоВ, подписанном «Газпромом» и NIOC, содержатся четыре ключевых момента, способствующих созданию «газовой ОПЕК»: 1) «Газпром» планирует предоставить NIOC полное содействие в разработке месторождений о. Киш и Северного Парса, которые в перспективе смогут приносить в общей сложности более 10 млн. куб. м. газа в день; 2) российская сторона собирается оказать всю необходимую помощь в реализации проекта стоимостью 15 млрд. долл. по

[11] Organisation of the Petroleum Exporting Countries (OPEC). URL: https://www.opec.org/opec_web/en/ (accessed: 25.02.2023).

[12] Страны ОПЕК и ОПЕК+. URL: https://mbfinance.ru/terminy/opek-strany/ (дата обращения: 19.02.2023).

[13] Gas Exporting Countries Forum. URL: https://www.gecf.org/ (дата обращения: 20.02.2023).

увеличению давления в сверхгигантском месторождении Южный Парс, которое находится в районе морской границы между Ираном и Катаром; 3) «Газпром» окажет полное содействие в завершении различных проектов по производству сжиженного природного газа (СПГ) и строительству экспортных газопроводов; 4) Россия изучит все возможности для того, чтобы убедить других крупных производителей газа на Ближнем Востоке присоединиться к процессу развертывания «газовой ОПЕК». Газ считается оптимальным продуктом при переходе от ископаемого топлива к возобновляемым источникам энергии. Поэтому контроль над максимально возможным объемом глобальных потоков этого топлива будет играть ключевую роль в том, чтобы наращивать влияние через поставки энергоносителей в течение следующих 10–20 лет. Это можно наблюдать в меньшем масштабе на примере роли России на газовом рынке Европы.

По нашему мнению, российско-иранский альянс сможет заручиться поддержкой крупных производителей на Ближнем Востоке проекта «газовой ОПЕК», включая как уже примкнувших к оси Россия–Иран–Китай или еще размышляющих над альтернативой (осью США–Европа–Япония). Например, Катар занимает 3-е место по запасам газа (чуть менее 24 трлн. куб. м), является ведущим поставщиком СПГ и может выступить одним из основных кандидатов на участие в таком газовом картеле. Важно ещё и то, что Катар делит с Ираном месторождение площадью 9700 кв. км., где находится минимум 51 трлн. куб. м газа и 50 млрд. барр. газового конденсата. Иран обладает эксклюзивными правами на 3700 кв. км месторождения (Южный Парс с запасами около 14 трлн. куб. м газа), а оставшаяся площадь принадлежит Катару (6000 кв. км, около 37 трлн. куб. м газа)[14].

Опыт Ирана в условиях санкций невозможно применить напрямую в настоящей геополитической ситуации, так как ни Россия, ни мир ещё не сталкивался с подобными структурными изменениями мироустройства. Тем не менее, мы полагаем, что в настоящее время Россия и Иран находятся в идеальном положении, чтобы воплотить свои самые амбициозные планы в отношении сотрудничества в газовой сфере и энергетике.

[14] BP Statistical Review of World Energy, 2022, 71st edition. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf (дата обращения: 25.02.2023).

В заключение хотелось бы привести слова аятоллы Р. Хомейни, относившиеся к нефтяному потенциалу страны, но уместные в контексте развития национальной газовой отрасли и нефтегазохимии: «Нефть должна быть выведена из доходных статей бюджета страны и превратиться в фактор экономического прогресса и могущества Ирана. Тратить нефтяные доходы на решение бытовых проблем неразумно и крайне ущербно. Нефтяные доходы в их нынешней форме — слабая точка большинства стран-производителей "черного золота", так как страны, продающие свою нефть в соответствии с потребностями и политикой западных нефтяных корпораций и не прилагающие усилий к развитию местной промышленности, только набивают карманы своих правителей, но подлинной прибыли не получают, поскольку промышленность этих стран остается неразвитой. Необходимо предпринять меры, чтобы страна могла сбывать нефть на основании собственных решений и интересов, но для этого надо приложить немало усилий и добиться реального прогресса, который превратит ИРИ в образец для других стран в полном смысле этого слова. Необходимо за счет научно-исследовательских усилий вывести страну в лидеры научных технологий»[15].

[15] Марцинкевич Б. Энергетические войны, 04.05.2020. URL: https://aurora.network/articles/140-jenergetika/79157-jenergeticheskie-voyny (дата обращения: 07.11.2022).

М. С. Каменева *

Куда идёт иранская культура? (о некоторых тенденциях в культурной политике кабинета президента Э. Раиси)

Резюме. В статье анализируются некоторые тенденции культурной политики кабинета президента Э. Раиси, представляющего консервативную часть современного иранского общества. Рассматривается трансформация содержания понятия «культура», начиная с первого десятилетия после исламской революции и до настоящего времени. Анализ фактологического материала подтверждает, что в культурной политике иранской власти намечаются тренды, характерные для периода пребывания у власти имама Хомейни — возрастающее внимание к исламскому культурному фактору и антизападная риторика, а также появление первых фактов игнорирования собственного иранского компонента в иранском культурном дискурсе.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, культура, культурная политика, кабинет Э. Раиси, протестные акции, вестернизация

Where is Iranian culture heading? (some trends in the cultural policy of president Raisi's cabinet)

Abstract. *The article analyzes some trends in the cultural policy of Ebrahim Raisi's cabinet that represents the conservative part of the modern Iranian society. There is considered the transformation of the concept of "culture" from the first decade after the Islamic revolution up to date. The analysis of the factual material confirms that in the cultural policy of the Iranian*

* Каменева Марина Самуиловна - кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-003-3680-0301

authorities there are emerge trends that are characteristic of the period of Imam Khomeini's staying in power, that is increasing attention to the Islamic cultural factor and anti-Western rhetoric. There are also some facts of ignoring the Iranian component in the country's cultural discourse.

Keywords: *Islamic Republic of Iran, culture, cultural policy, E. Raisi's cabinet, protest movement, westernization*

Прошло уже больше чем полтора года с прихода к власти в Иране президента Эбрахима Раиси и его правительства. В политической жизни Исламской Республики Иран (ИРИ) это означало уход со сцены иранских реформаторов/либералов и приход им на смену консервативного правительства и президента. При этом еще более чем за год до этого события результаты выборов в иранский парламент — меджлис исламского совета продемонстрировали победу представителей консервативного лагеря, наметив таким образом реально возможную расстановку политических сил на будущих президентских выборах.

Перенос акцента в политической ситуации в ИРИ, безусловно, сказался как на положении внутри страны, так и на внешнеполитической деятельности нового иранского руководства. Не остались в стороне и иранская культура и проводимая в стране культурная политика, которые, как уже было не раз отмечено, неизменно остаются важным компонентом государственно-политической и идеологической доктрины иранской власти наравне с социально-политическими и экономическими проблемами, стоящими перед республикой. Представляется, что в деятельности кабинета Э. Раиси при проведении в стране культурной политики намечаются отдельные тенденции, которые в значительной степени напоминают ситуацию в этой сфере в первое десятилетие после исламской революции, в период попыток реализации поставленных задач имамом Хомейни.

На протяжении достаточно длительного периода существования ИРИ содержание понятия «культура» постепенно изменялось. Так, если мы обратимся к традиционно выделяемому временному отрезку в истории Ирана, который длился примерно 10 лет после победы революции 1979 г., то он был связан с именем имама Хомейни, его идеями и установками

относительно путей развития современной иранской культуры. В концепции культурного развития ИРИ, предлагаемой имамом Хомейни и первоначально изложенной в его многочисленных публичных выступлениях, доисламский период как бы исключался из контекста истории и современности. Иранская культура этого периода — это культура, пропитанная духом ислама и базирующаяся на мусульманских традициях, которая отвергает не только собственные иранские доисламские ценности, но и культурное наследие Запада, его влияние на развитие иранской культуры. При оценке происходящих явлений Хомейни фактически использует всего два критерия — отношение к исламу и отношение к Западу. По его мнению, все, что относится к исламу, — позитивно, хорошо, гуманно, а все, что связано с Западом или даже шире — иностранным влиянием, — плохо, негативно. С этими критериями соотносятся высказывания имама, касающиеся будущего культурного развития молодой исламской республики[1].

Именно с этих позиций были поставлены задачи в рамках начатой в соответствии с Указом имама Хомейни в 1980 г. культурной революции, которые впоследствии были реализованы в политике иранского руководства, одним из важных направлений которой стал процесс арабизации ее культурно-языковой области. Характеризуя этот исторический отрезок в истории страны, можно сказать, что «основным достижением послереволюционной культуры явились возвеличивание ее исламской составляющей и преуменьшение роли древних, национальных иранских традиций»[2].

Изменения в трактовке понятия «иранская культура» и в культурной политике начинаются с конца 1980-х годов, когда в самом Иране и вокруг него происходит много знаковых событий. К ним можно отнести кончину имама Хомейни, окончание ирано-иракской войны и начало созидательного периода в стране, а также ослабление жесткого идеологизированного курса иранского руководства. Важным фактом общественной жизни Ирана

[1] Каменева М. С. Хомейни о современном культурном развитии Ирана // Современный ислам: проблемы политики и идеологии. М., 1982. С. 255–266.

[2] Sanai Mehdi. Pavabet-e Iran va Asya-ye Markazi: ravandha va cheshmandazha. Tehran: 2011. S. 225 (Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы) (на перс. яз.).

того времени стало появление в 2001 г. программы культурного диалога с западным миром — концепции диалога цивилизаций, сформулированной бывшим в тот период президентом ИРИ М. Хатами, с именем которого нередко ассоциируется «иранская перестройка». М. Хатами отмечает, что «диалог цивилизаций — это стимул для формирования универсальной модели оздоровления международных отношений, чтобы исключить односторонние подходы и монолог в политике и культуре»[3]. И далее, развивая мысль о необходимости подобного диалога, он представляет свое видение перспектив создания нового мира, где бы господствовало взаимное уважение к культуре, цивилизации и духовным традициям разных народов, в том числе и в демократическом соревновании культур. Знаковым является то обстоятельство, что 2001 г. Генеральной Ассамблеей ООН был назван Годом диалога цивилизаций. Значение этой концепции состоит в том, что, с одной стороны, она призывает к эффективному общению в пределах мусульманского мира, в том числе между шиитами и суннитами, а с другой — приглашает к культурному диалогу с Западом.

В это время в исламизированной концепции культурного развития страны начинает проступать собственно иранский элемент, отождествляемый с доисламским прошлым страны. Впервые также озвучивается идея о том, что жители Ирана являются одновременно и иранцами, и мусульманами, а персидский язык, наряду с арабским, начинает рассматриваться как язык ислама и мусульманской цивилизации, второй язык исламского мира, что поднимает престиж персидского языка как важного компонента иранской культуры, причем не только в Иране, но и за его пределами. Это период, совпадающий с президентством Х. Рафсанджани и М. Хатами (1989–2005 гг.), — период трансформации понятия «иранская культура» от исламской культуры к исламской иранской культуре, что получает реальное отражение в многочисленных актах культурной политики иранской власти, в том числе и в дальнейшем развитии ее международного аспекта, наметившегося еще в первое десятилетие после исламской революции. Это период поиска оптимальных для

[3] Хатами М. В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада. М., 2001. С. 72.

исламской республики путей налаживания культурных связей с западным миром[4].

И даже М. Ахмадинежад, который выступал за сохранение исламских ценностей периода после исламской революции и которого было трудно заподозрить в симпатиях к либеральным идеям и западным ценностям, в годы своего президентства (2005–2013 гг.) выступал за сохранение сочетания доисламских и исламских составляющих в трактовке понятия «культура» и в реализации культурной политики его кабинетом. Идеи единства исламской иранской культуры в это время поддерживались и в выступлениях ведущих иранских политических деятелей, а также в публикациях в СМИ. Более того, во время второго срока президентства М. Ахмадинежада наблюдается повышение внимания к собственно иранскому фактору, свободному от религиозной окраски и обозначаемому в иранистике термином «iraniyat». Прямых подтверждений этому факту не наблюдалось, имелся лишь целый ряд косвенных свидетельств — инициатива Ирана по празднованию Ноуруза в межрегиональном масштабе, многократные официальные обращения к проблеме культурного наследия, высокая оценка достижений персидской классической литературы и др. В этой связи в отдельных СМИ того периода появлялась даже информация о наступлении нового этапа в деятельности президента и его команды[5].

В 2013 г. к руководству Ираном приходит новый президент Х. Роухани и сформированное им правительство. Последующие годы, совпадающие с его президентством, характеризуются процессами, направленными как на сохранение достигнутого в различных областях развития иранского общества, в том числе и далеко не в последнюю очередь, в области культуры и культурной политики, науки и образования, так и на продвижение вперед по пути прогресса. Содержание термина «культура» не претерпевает фундаментальных изменений, однако внутри иранского общества не просто сохраняется, но и растет внимание и уважительное отношение к доисламскому прошлому своей

[4] Каменева М. С. О трех подходах к понятию «культура» в ИРИ // Иран при М. Ахмадинежаде. М.: ИВ РАН, 2013. С. 167.

[5] Там же. С. 170.

страны. Это по-прежнему «исламская иранская культура». Но при этом прослеживаются и новые веяния в ее развитии.

Во властных структурах и в иранском обществе растет понимание необходимости укрепления связей с Западом, снижается накал антизападных настроений и, как результат, в иранском общественном сознании возрождается интерес к теории диалога цивилизаций, которая в предшествующий период растеряла свои позиции. Безусловно, не следует думать, что иранское общество состоит либо из антизападников, либо из сторонников сближения с Западом, налаживания с ним контактов в различных областях, в том числе и в культуре. Вместе с тем оказалось, что западные цивилизационные ценности становятся все более популярны среди иранцев, и появилось много свидетельств позитивного отношения к ним и их заимствованию в культуре, образовании, образе жизни, быту и других сферах жизни иранского народа.

Ситуация сложилась таким образом, что именно этот тренд в иранском политическом дискурсе стал камнем преткновения в отношениях между иранскими либералами, к которым относили президента Х. Роухани, и консерваторами во главе с ярым антизападником аятоллой Хаменеи. Это проявилось в отдельных актах культурной политики, наиболее яркими из которых можно считать дискуссию по поводу использования английского языка в Иране в 2016 г., официальную позицию ИРИ относительно присоединения к Документу 2030 по стандартам устойчивого развития, разработанному ЮНЕСКО, о запрещении преподавания английского языка в школах Ирана после волнений конца 2017 г. — начала 2018 г. и некоторые другие.

В 2021 г. в Иране прошли очередные выборы президента, и новый кабинет возглавил Эбрахим Раиси. Как уже было отмечено выше, изменился политический вектор в стране, что повлекло за собой определенные изменения и в жизни иранского общества, в том числе и в сфере культуры, культурной политики. Это стало очевидно уже в процессе подбора министров культурного блока нового кабинета. Интересно, что подбор министров именно в культурный блок 13-го кабинета вызвал наибольшие трудности и разногласия. (Впрочем, и при формировании правительства при президенте Х. Роухани в 2013 г. также возникли

проблемы с кандидатурой министра образования.) Кандидаты на отдельные посты предлагались и откланялись по нескольку раз (не исключено, что по причине недостаточного уровня их профессионализма), и сам процесс его формирования занял значительное время.

При этом, как неоднократно отмечалось руководством Ирана, главное направление политики нового президента и его кабинета в отношении культуры, сохранения ее важной роли в иранском обществе остается неизменным. Так, например, при представлении доктора Исмаили в качестве кандидата на пост министра культуры Э. Раиси сказал, что «экономика требует срочного внимания и решений, а действительность такова, что все преимущества на стороне культуры. По этой причине данной сферой функционирования иранского общества должен заниматься компетентный и квалифицированный человек, каковым, по его мнению, и является представляемый кандидат»[6]. Как и прежде, а возможно, и более значительную роль, в реализации культурной политики в стране будет играть Высший совет культурной революции (ВСКР).

Чтобы понять, в каком направлении пойдет развитие иранской культуры при новой иранской власти, ее культурная политика, прошло еще недостаточно времени. Однако анализ происходящих, особенно в последние несколько месяцев, событий способствует возникновению достаточно устойчивого ощущения, что в культурной сфере иранское руководство намеревается вернуться к той ситуации, которая была характерна для первого десятилетия после исламской революции — периода реализации идей имама Хомейни в области иранской культуры, но в несколько более мягком, умеренном варианте.

Подтверждением этого тезиса является реакция власти на выступления и протестные акции, начавшиеся в Иране после гибели молодой иранки Махсы Амини и продолжившиеся под лозунгами, призывающими к отмене ношения хиджаба как символа освобождения иранской женщины, провозглашающими

[6] Azm-e vezarat-e ershad baraye ehdas-e honarestan dar hame-ye ostanha (Решение министерства исламской ориентации по поводу создания средних учебных заведений (колледжей) во всех провинциях). Интернет-сайт информационного агентства Фарсньюс. URL: https://www.farsnews.ir/news/14000703000161 (дата обращения: 08.10.2022).

«женщина — свобода — жизнь» и называющими происходящие события «женской революцией». Она явно несет антизападный запал, который первоначально проявлялся не открыто, а в завуалированном виде. Можно сказать, что события вокруг проблемы хиджаба стали лакмусовой бумажкой для нынешней власти для проверки на прочность, незыблемость исламских устоев, желания и способности пойти на определенные уступки обществу в плане демократизации этих устоев и открытости перед западными цивилизационными ценностями.

Об отсутствии последнего фактора в культурной политике в планах нынешнего руководства ИРИ свидетельствуют прежде всего активизировавшиеся выступления президента и Верховного лидера Ирана перед студентами иранских высших учебных заведений и перед школьниками (в День школьника). Дело в том, что в Иране в сложные для иранской власти моменты, начиная еще со времени после исламской революции, именно учебные заведения становятся объектом ее пристального внимания и отстаивания в них своих позиций. В своих выступлениях Э. Раиси и аятолла Хаменеи говорят о необходимости выстоять в нынешних непростых условиях и оказать сопротивление врагам исламского строя, а также о том, что в существующей политической ситуации в стране проблема общества не в хиджабе, а в сохранении сильного и независимого Ирана. Руководство страны всегда придавало большое значение работе с молодежью, в первую очередь образованной, а в настоящее время, по мнению аятоллы Хаменеи, «…борьба за университеты очень важна, так как они при правильном раскладе сил могут стать одним из главных препятствий на пути господства империализма»[7].

Не говоря прямо о виновности Запада в происходящих в стране событиях, как представители власти, так и СМИ часто обращаются к слову враг — «doshman», не расшифровывая вкладываемый в него смысл, но имея в виду, видимо, как всех несогласных с властью внутри страны, так и внешнюю западную аудиторию.

Антизападная риторика руководства ИРИ скрывается и под термином «культурная война» — «jang-e farhangi». При этом

[7] Payam-e ghodrat va moghavemat (Послание, демонстрирующее силу и стремление к противостоянию). Интернет-сайт аятоллы Хаменеи. URL: https://www.farsi.khamenei.ir. 14.11.2022 (дата обращения: 02.11.2022).

имеется в виду (хотя прямо об этом не всегда заявляется), в первую очередь, борьба с проникновением в страну западных культурных ценностей. В противовес их отрицанию, как это нередко бывает в Иране, предлагаются свои собственные ценности, преимущественно не свободные от религиозной окраски и прекрасно укладывающиеся в предлагаемую культурно-идеологическую доктрину страны. Эти предложения были изложены в Обращении Высшего совета культурной революции по поводу кончины Махсы Амини, которое можно рассматривать как программу действий в сфере культуры, образования и функционирования общественных институтов в стране. В нем подчеркивается, что религия, семейные ценности и знание составляют основу иранского общества. В этой связи отмечается необходимость повышении роли всех структур культурного и образовательно-воспитательного блоков и обращается внимание на важную роль радио и телевидения в жизни иранского общества при единстве в образе мыслей, духовном единении, сотрудничестве со всем народом. В Обращении также говорится, что 90% всей деятельности ВСКР направлено именно на реализацию проектов и программ в вышеперечисленных сферах и подчеркивается, что случай с Махсой Амини — это предупреждающий звоночек для всех структур культурно-образовательного блока. В нем также вновь поднимается тема врага/врагов исламской революции, которые преследуют цели принижения роли религии и разрушения нравственных и семейных ценностей, проповедуют идеалы общества, где господствуют удовольствие и отчужденность[8].

Духовный лидер не раз обращает внимание на важную роль ВСРК в культурной политике в стране, на необходимость сделать эту структуру влиятельнее в вопросах развития иранской культуры, совершенствовании системы образования и деятельности радио и телевидения. В связи с этим он считает необходимым участие представителей всех ветвей власти в деятельности ВСРК, а также обновление «структуры» самой культуры страны. Аятолла Хаменеи полагает, что нынешняя иранская культура тяготеет к западным культурным ценностям и использование

[8] Bayaniyye-ye hoshdaramiz-e Shoura-ye ali-ye enghelab-e farhangi dar vakonesh be fout-e Mahsa Amini (Обращение Высшего совета культурной революции по поводу кончины Махсы Амини). Интернет-сайт информационного агентства Афтабньюс. URL: https://aftabnews.ir/fa/news/795558 (дата обращения: 12.10.2023).

иностранных слов является одним из проявлений этой тенденции. По его мнению, это в корне неправильно, ситуацию надо изменить и превратить иранскую культуру в культуру антизападного типа, реализовав для этого общественные силы, а задачу координации культурной и научной деятельностью страны возложить на ВСКР.

Видимо, в связи с новыми стоящими перед ВСКР задачами руководство страны приняло решение поставить на место руководителя организации нового человека, который будет отвечать повестке дня и реализовывать новые, а фактически уже давно известные, направления в сфере культуры, науки, образования. Вместо доктора Сеида Реза Амели на пост главы ВСКР сроком на 4 года был предложен 56-летний философ по образованию Абдольхоссейн Хосроу Панах[9]. Надо сказать, что его биография впечатляет человека непосвященного, да и не только. Еще до революции, будучи юношей, стрелял (видимо, из игрушечного оружия) по женщинам без хиджаба, лил им на голову воду. Выступает против нерелигиозной музыки, поскольку она вредна и опасна, против кино, не отражающего исламскую действительность. Он сам ни разу не посетил кинотеатр и не разрешает это делать своим детям. По его словам, он три раза болел ковидом и каждый раз вылечивался благодаря обращению за помощью к исламским святым. Выступал против остановки казней участников последних событий. При этом Хосроу Панах получил религиозное образование, является доктором богословия в области мусульманских наук, награжден премией в области гуманитарных исламских наук, занимал ответственные посты в ряде организаций, принимал участие в ирано-иракской войне. Как считается в иранском политическом дискурсе, произошла замена руководителя, близкого по своим взглядам к иранским либералам, на функционера-консерватора, что полностью отвечает

[9] Farhang az aslitarin mouzuat-e doulat-e sizdahom ast (Культура относится к важнейшим проблемам тринадцатого кабинета). Интернет-сайт правительства ИРИ. URL: https://www.farhang.gov.ir/fa/news/600685 (дата обращения: 13.12.2022); Rahbar-e enghelab: hedayat-e farhangi faghat ba eblagh-e sanadha-ye tahavvol emkanpazir nemishavad. Mitavan ba komak-e javanan-e faal ruhiyye-ye enghelab ra tajdid kard (Лидер революции: руководство культурой не может осуществляться только путем принятия документов, можно обратиться к помощи активной части молодежи, чтобы реанимировать революционный дух). Интернет-сайт информационного агентства Тасним. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/09/15/2817752/ (дата обращения: 15.12.2022).

активно навязываемой властью иранскому обществу культурно-идеологической доктрине[10].

Надо сказать, что антизападная риторика руководства ИРИ проявилась также в том, что в высших эшелонах власти неожиданно была реанимирована дискуссия по поводу Документа об устойчивом развитии до 2030 г., разработанного ЮНЕСКО в 2015 г. и предложенного мировому сообществу на обсуждение. Этот Документ нацелен на искоренение бедности, и в его повестке дня решающее значение придается образованию. Планировалось, что предложенные ЮНЕСКО образовательные стандарты будут реализовываться в условиях нарастания глобализационных процессов поэтапно, начиная с 2017 г. Тогда президент Ирана Х. Роухани и его правительство первоначально заявили, что ИРИ принимает этот международный Документ, но с оговорками, т.е. принимаются те его разделы, которые не противоречат внутренним законам страны. Однако в дальнейшем его подписание Ираном под непосредственным давлением духовного лидера было приостановлено. Аятолла Хаменеи назвал этот Документ неэтичным, предлагающим образовательные стандарты, несоответствующие образовательным нормам ИРИ, утвержденным ВСКР[11]. Вместе с тем иранской властью был предложен свой, аналогичного типа документ под названием «Фундаментальные преобразования в сфере образования», под реализацию которого было решено увеличить бюджет страны. Однако до сих пор ничего неизвестно относительно воплощения в жизнь иранского аналога Документа ЮНЕСКО. При этом Документ 2030 на определенном этапе стал поводом для возникновения конфликта между духовным лидером, который известен как ярый антизападник, и тогдашним президентом Х. Роухани[12].

Возможно, реанимация дискуссии вокруг прозападного для иранских властных структур Документа стала возможна

[10] Abdolhoseyn Hosrow Panah, filsufi ba 52 ketab dar 56 salegi…(Абдольхоссейн Хосроу Панах, философ, написавший за 56 лет жизни 52 книги…). Интернет-сайт информационного агентства Афтабньюс. URL: https://aftabnews.ir/fa/news/818708 (дата обращения: 12.02.2023).

[11] Iran won't submit to agendas like UNESCO 2030: Ayatollah Khamenei. URL: http://www.english.khamenei.ir/news/4796 (дата обращения: 12.06.2017).

[12] Shoura-ye enghelab-e farhangi-ye Iran sanad-e 2030 Yunesco ra az dastur-e kar kharej kard. URL: http://www.bbc.com/persian/iran-40267378 (дата обращения: 14.06.2017).

благодаря тому обстоятельству, что ранее, в период правления 12-го кабинета, было вынесено решение о его приостановке, а не о полном отказе от его выполнения. Хотя сейчас также пишут, что Э. Раиси в первые месяцы своей деятельности на посту президента жестко его отверг, а с другой стороны, СМИ отмечают, что отдельные положения Документа находили воплощение в деятельности соответствующих структур. При этом это публичное обсуждение идет, и в том числе, на фоне переговоров о заключении Соглашения между ИРИ и ЮНЕСКО по проблемам изучения природы землетрясений и связанных с ними вопросов для Запада и центра азиатского континента и создания научного центра под патронажем ЮНЕСКО[13].

Вместе с тем, дискуссия, разгоревшаяся в СМИ по поводу Документа 2030 и озвученная Анесте Хазар Али, нынешним помощником президента Э. Раиси по делам женщин и семьи, и Масуме Эбтекар, занимавшей этот же пост в правительстве Х. Роухани, стимулировала антизападные выступления в стране, которые сейчас очень на руку иранской власти и которые, вероятно, были запрограммированы ею при организации этой компании.

Возвращаясь к внутреннему культурному дискурсу, важно отметить, что детализация стоящих перед культурными институтами задач также была дана в предложениях ВСКР по составлению Программы реализации принципов иранской культуры для детей младше 6 лет, которых насчитывается свыше 8 млн. в стране. Эту Программу можно рассматривать как продолжение и развитие принятого в 2003 г. Плана культурного развития страны, рассчитанного на 25 лет. Она нацелена на иранскую семью с маленькими детьми, чтобы уже с раннего возраста внедрять в сознание подрастающего поколения соответствующие поведенческие нормы и принципы морально-этического и религиозного характера. В предложениях к Программе, в частности, рекомендуется уделять особое внимание Корану, его важной роли в жизни каждого отдельного иранца, воспитывать через семью у младшего поколения чувство понимания происходящей «культурной войны перед лицом врага» и укреплять устои семьи как

[13] Raisjomhur se ghanun-e mosavvab-e majles ra baraye eblagh kard. (Президент уведомил о трех принятых меджлисом законах). Официальный сайт президента ИРИ. URL: http://president.ir/fa/141984 (дата обращения: 17.01.2023).

важной ячейки общества, а также содержатся такие нелепые, на наш взгляд, положения, касающиеся необходимости увеличения количества свадеб и уменьшения количества разводов. При этом прослеживается полное единодушие в мыслях и действиях президента и духовного лидера по данным вопросам[14].

Однако продолжающиеся протестные действия и акты неповиновения власти со стороны населения Ирана (студентов, преподавателей высшей школы, населения национальных районов, представителей творческой интеллигенции, спортсменов) свидетельствуют о том, что иранцы (конечно, не все и в основном в крупных городах, причем даже в религиозных центрах) выступают, с одной стороны, против исламских норм и догм, а с другой — открыты к восприятию западных ценностей, несмотря на проводимую руководством страны антизападную политику. Не надо забывать и тот факт, что немало и тех, кто по разным причинам поддерживают официальную власть.

Как уже было отмечено выше, в политике иранской власти в области культуры намечаются тенденции, напоминающие те из них, которые господствовали в первое десятилетие после исламской революции. Однако годы, прошедшие после этого, изменили содержание понятия «культура» и культурной политики, включив в него помимо исламского и собственно иранский элемент, и пока не наблюдается каких-либо явных изменений в этой области. Вместе с тем настораживают отдельные свидетельства негативного отношения власти, к примеру к доисламским символам. Так, было принято решение об изъятии изображения Тахте Джамшид — древней столицы иранского государства времени правления династии Ахеменидов — с иранских денежных купюр. Интересен в этой связи комментарий газеты «Джомхурие эслами» с осуждением этого факта. Как говорится в статье, национальная/иранская и исламская составляющие неотделимы друг от друга в жизни иранского общества, и их нельзя противопоставлять, они должны сосуществовать друг с другом. Отмечается, что ослабление одной из них ведет только к ослаблению

[14] Dabir-e shoura-ye ali-ye enghelab-e farhangi: tadvin-e sanad-e mohandesi-ye farhangi baraye shekldehi be shakhsiyyat-e hasht miliyun kudak zir-e shesh sal barnamerizi-ye daghigh shavad. (Глава Высшего совета культурной революции: планируется создание Программы культурного развития для 8 миллионов детей младше 6 лет). URL: http://asriran.com/fa/news846619 (дата обращения: 05.11.2022).

другой, а не к ее усилению Реанимируется идея о том, что жители Ирана одновременно и мусульмане, и иранцы[15]. Эти идеи не новы для иранского общества, они существовали в нем в 80–90-е годы XX в. Видимо, такие идеи возникают в сложные для иранского общества моменты и свидетельствуют о наличии в нем конфликтных ситуаций.

Внимание иранской общественности также привлекли активизировавшиеся именно при правлении кабинета Э. Раиси работы по превращению мечети Шах-Черах Шираз в центр религиозного паломничества. Вокруг нее с этой целью сносятся исторические постройки, относящиеся к XIX в. Известно, что планы по расширению территории вокруг мечети существовали уже давно, но в период президентства Х. Роухани их реализация под влиянием протестов со стороны деятелей культуры была приостановлена. Не вызывает сомнения, что с расширением мечети Шах-Черах Шираз город, жители которого славятся тем, что в значительной степени свободны в повседневной жизни от следования исламским догмам, станет исламским центром наподобие Мешхеда, куда придет религиозная культура. Пока это лишь два из ставших доступных нам факта, а не тенденция, что не дает оснований говорить об изъятии собственно иранского компонента из понятия «иранская культура» и проводимой культурной политики.

Таким образом, проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что в проводимой в ИРИ культурной политике, во-первых, наблюдается значительное усиление исламского фактора, во-вторых, укрепляется ее антизападная компонента и, наконец, на данный момент сохраняется ее собственно иранская составляющая, несмотря на появление отдельных фактов ее игнорирования.

[15] Jazb-e tasvir-e Takht-e Jamshid az ru-ye eskenas din ra taghviyyat nemikonad. (Удаление изображения Тахте Джамшид с денежных купюр не способствует укреплению религии). URL: http://etemadonline.com/574752 (дата обращения: 05.10.2022).

И. Е. Федорова *

К ирано-турецким отношениям на современном этапе

Резюме. Развитие отношений Исламской Республики Иран с крупным региональным игроком — Турецкой Республикой, обладающей сильной армией и развитой экономикой, является одним из ключевых направлений внешней политики ИРИ. В основе межгосударственных отношений лежит экономическое сотрудничество. В области политического сотрудничества стороны поддерживают сложный баланс между различными стратегическими целями и взаимодействием на тактическом уровне. Серьезным фактором, влияющим на непростые отношения Анкары и Тегерана, является соперничество на региональном уровне. Зонами потенциального конфликта остаются Ирак, Сирия и Южный Кавказ.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, Турецкая Республика, Ирак, Сирия, Южный Кавказ

To Iranian-Turkish relations at the present stage

Abstract. *Development of relations of the Islamic Republic of Iran with a major regional player — the Republic of Turkey which has a strong army and developed economy, is one of the key directions of Iran's foreign policy. State to state relations are based on economic cooperation. In the area of political cooperation, the states maintain a delicate balance between different strategic objectives and interaction at the tactical level. A serious factor affecting uneasy relations between Ankara and*

* Федорова Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0003-3819-8957830X

Tehran is the rivalry at the regional level. Zones of potential conflict are Iraq, Syria and the South Caucasus.

Keywords: *Islamic Republic of Iran, Republic of Turkey, Iraq, Syria, South Caucasus*

Политические отношения

Межгосударственные отношения отличаются прагматичностью и развиваются поступательно. Стороны занимают схожие позиции по палестинской проблеме, заинтересованы в создании инклюзивного правительства в Афганистане и выступают на стороне Переходного национального совета в Ливии. Между столицами ведется регулярный обмен мнениями на высоком и высшем уровнях, в частности в рамках Международных встреч по Сирии в Астанинском формате. Знаковым событием на этом треке стал состоявшийся в Тегеране в июле 2022 г. седьмой трехсторонний саммит Россия, Иран, Турция в Астанинском формате. В столице Ирана президенты В. Путин, Р. Эрдоган и Э. Раиси обсудили последние события в Сирии, в том числе борьбу с террористическими организациями, процесс политического урегулирования, гуманитарную ситуацию и возвращение сирийских беженцев на родину. Лидеры пришли к согласию что борьба с терроризмом, в частности с ИГИЛ, является ключевым элементом сотрудничества трех государств. В совместном заявлении по итогам переговоров от 19 июля 2022 г. была подчеркнута приверженность Резолюции СБ ООН 2256 и отмечено, что спорные вопросы, возникающие на Ближнем Востоке, должны решаться без участия США, и подчеркнута необходимость вывода американских войск из Сирии. Представляется, что Москва, Анкара и Тегеран еще не готовы к полной координации своих действий в САР и во время переговоров лишь делают акцент на приоритете политико-дипломатических методов при урегулировании сирийского кризиса[1].

Одновременно с саммитом России, Ирана и Турции в Тегеране прошло и седьмое заседание ирано-турецкого Совета сотрудничества на высшем уровне. На переговорах обсуждались вопросы формирования «дорожной карты» долгосрочного развития

[1] Россия, Иран и Турция приняли совместное заявление по Сирии. URL:/https://ria.ru/20220719/siriya-1803582895.html (дата обращения: 05.01.2023).

экономических и политических отношений между двумя странами. Руководители Турции и Ирана рассмотрели перспективы расширения двусторонних отношений и подписали ряд меморандумов в области экономики, безопасности и культуры. В частности, были приняты решения о продлении соглашения о закупках природного газа в Иране еще на 25 лет и увеличении объема ежегодного товарооборота до 30 млрд. долл., о чем заявил президент Турции Р. Эрдоган[2]. В сфере безопасности осуществляется взаимодействие на уровне МВД двух стран.

Экономическое сотрудничество

В основе межгосударственных отношений лежит экономическое сотрудничество. Турция является крупнейшим торговым партнером Ирана. В 2020 г. товарооборот составил 4,25 млрд долл., упав с 10 млрд долл. в 2017 г. в результате выхода США из Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе и возобновления санкций против Тегерана[3].

Во время заседания Совета сотрудничества высокого уровня между Турцией и Ираном в июле 2022 г. президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган заявил: «К сожалению, из-за пандемии этот показатель пока находится на уровне 7,5 млрд долларов. Турция готова к активному сотрудничеству с Ираном, в том числе в оборонной сфере»[4]. Анкара импортирует иранский газ, составляющий около 11% потребления, экспортирует сталь цемент, энергетическое оборудование. Рост торговли между двумя соседями в целом отражает желание Турции увеличить двустороннюю торговлю с Ираном.

В условиях инфляции иранцы инвестируют в турецкую недвижимость и являются активными участниками программы «инвестиции в обмен на гражданство» (не менее 250 000 долл. США).

[2] Турция и Иран намерены увеличить товарооборот до 30 млрд долл. mk-turkey.ruURL: /https://mk-turkey.ru/economics/2022/07/19/t-turciya-i-iran-namereny-uvelichit-dvustoronnij-tovarooborot-do-30-mlrd-erdogan.html (дата обращения: 12.03.2023).

[3] Turkey After Erdogan URL: /https://www.fdd.org /analysis/2023/03/01/ (дата обращения: 04.02.2023).

[4] Турция нацелена на развитие сотрудничества с Ираном. URL: /https://report.az/ru/v-regione/turciya-nacelena-na-razvitie-sotrudnichestva-s-iranom/ (дата обращения: 19.01.2023).

В Соединенных Штатах Америки весьма настороженно относятся к экономическому и финансовому сотрудничеству между Ираном и Турцией. считая, что рост связей в этих областях является показателем нарушением Турцией режима санкций. По мнению Министерства юстиции США, ряд турецких банков и компаний помогают Ирану обходить санкции, введенные в связи с иранской ядерной программой. В частности, Halkbank, крупный государственный банк Турции, участвует в отмывании денег Ирана, полученных от нелегального экспорта нефти. В обвинительном заключении в октябре 2019 г. Федеральная прокуратура Южного округа Нью-Йорка указала на предполагаемое участие банка в «многомиллиардной схеме» уклонения от санкций США против Ирана». Halkbank обвинялся в содействии Тегерану в переводе средств на сумму 20 млрд. долл., притом что не менее 1 млрд. долл. было отмыто через финансовую систему США[5].

Представители американских государственных структур считают, что особую роль в нелегальном экспорте иранской нефти и последующем отмывании денег в пользу Корпуса стражей иранской революции (КСИР) играл международный энергетический холдинг — турецкая компания «ASB Group Companies» во главе с Сидки Аяном. «Компании Аяна заключали международные контракты на продажу иранской нефти с иностранными покупателями, организовывали поставки нефти и помогали отмывать доходы, скрывая иранское происхождение нефти и заинтересованность [Quds Force] в продажах», — говорится в сообщении Минфина США, которое курирует реализацию американских санкций[6].

Факторы, осложняющие отношения

При стабильном развитии экономического сотрудничества существует ряд факторов, осложняющих сотрудничество Турции и Ирана. Во-первых, членство Турции в НАТО, которое является базовым элементом турецкой военно-политической стратегии,

[5] Turkey's Halkbank Faces U. S. Charges as Tensions Mount URL:/ https://www.bloomberg.com/news/articles/2019–10–15/halkbank-charged-in-six-count-indictment-with-fraud-laundering (дата обращения: 25.01.2023).

[6] Treasury Targets Sanctions Evasion Network Generating Hundreds of Millions of Dollars for Qods Force Oil Sales. URL./ https://home-treasury-goog/news/press-releases/ (дата обращения: 11.02.2023).

входит в конфронтацию с национальными приоритетами Ирана. С иранской точки зрения, в случае того или иного вооруженного конфликта Турция вряд ли откажется от своих обязательств в рамках этого союза ради интересов Тегерана.

Помимо этого, сближение Турции с Израилем, который позиционируется в Иране в качестве одного из главных противников исламского режима, вызывает настороженность в Иране. Встреча президента Израиля И. Герцога с президентом Турции Р.Эрдоганом в марте 2022 г. и последовавшее за этим полное восстановление дипломатических отношений после почти десятилетия напряженности вызвали негативную реакцию в Тегеране[7]. А в июне 2022 г. турецкая контрразведка совместно с израильским «Моссадом» провела операцию против иранской агентуры в Стамбуле, после чего президент Израиля Ицхак Герцог лично выразил Эрдогану благодарность за сотрудничество[8].

Также недовольство Тегерана вызывает и практика турецких партнеров, которые укрывают на своей территории иранцев несогласных с политикой руководства страны. Безвизовый режим способствует их бегству, а спецслужбы ИРИ ликвидируют некоторых из них на территории Турецкой Республики или тайно переправляют в Иран. Так, в 2019 г. в Стамбуле был застрелен Масуд Молави Варданджани, сотрудник Отдела кибербезопасности Министерства обороны ИРИ. В 2020 г. в Стамбуле был убит Арсалан Резае, журналист, критик режима в Тегеране, в 2020 г. тайно переправлен в Иран Хабиб Чааб, один из лидеров Арабского движения за освобождение Ахваза.

Турция ведет игру и на внутреннем поле Ирана с целью расширения там своего влияния и влияния своего союзника Азербайджана. Так, во время протестов в Иране осенью 2022 г. активисты различных проправительственных политических движений в Турции объявили в Анкаре о создании оргкомитета «Временного национального правительства Южного Азербайджана», ставящего своей целью объединение территории Республики Азербайджан с азербайджанскими провинциями Ирана. Несмотря на

[7] Израиль нацелился на ирано-турецкие отношения. URL: /https://iran.ru/news/politics/120691/Izrail_nacelilsya_na_iranotureckie_otnosheniya (дата обращения: 14.03.2023).

[8] Turkey and Iran: cold conflict, raging frontier. URL: /https://fanack.com/politics-en/turkey-and-iran-cold-conflict-raging-frontier~242367/ (accessed: 21.01.2023).

весьма призрачные перспективы реализации этих идей, подобное событие имеет определенное символическое значение. Со своей стороны, представители турецких оппозиционных партий — Партии демократии народов, связанной с Рабочей партией Курдистана, и Хорошей партии — неоднократно высказывались в поддержку протестующих[9].

Однако, на наш взгляд, самым серьезным фактором, осложняющим непростые отношения Анкары и Тегерана, является соперничество на региональном уровне. Основными зонами, где сталкиваются интересы двух стран, это: Сирийская Арабская Республика, Республика Ирак и Южный Кавказ.

Региональное соперничество

Сирия

В Сирийской Арабской Республике (САР) стратегические интересы Турции и Ирана различны. Военно-политическое руководство Ирана исходит из того, что Сирия является одним из его немногих союзников в арабском мире, своеобразным плацдармом в возможном противостоянии с Израилем, а президент Сирии Б.Асад способствует реализации иранских региональных приоритетов: формированию антиизраильского фронта и сохранению сухопутного доступа к своим союзникам в Ливане. Иран оказывает Сирии многовекторную поддержку на основе двусторонних договоренностей. Военное влияние Тегеран осуществляет через силы КОДС КСИР, Хезболлу, бригады Фатамиюн, состоящую из афганских шиитов, и Зейнабиюн, сформированную из шиитов Пакистана. Иранское руководство фокусирует свои интересы в районе Дамаска и на территориях, граничащих с Ираком, Израилем и Ливаном. Там Иран активно пропагандирует шиизм и планомерно проводит социально-конфессиональное «терроформатирование», т.е. скупает земельные участки и различные объекты инфраструктуры, которые передаются иранцам и шиитам из числа иранских прокси.

В Турции же враждебно относятся к режиму Б. Асада, результаты президентских выборов 2021 г. и его легитимность не признаются. Президент Турции Р. Эрдоган поддерживает

[9] Запад и Турция мстят Ирану за сближение с Россией. URL: /https://eadaily.com/ru/news/2022/10/11/zapad-i-turciya-mstyat-iranu-za-sblizhenie-s-rossiey (дата обращения: 21.01.2023).

вооруженных противников Дамаска и Временное правительство Сирии, штаб-квартира которого находится в турецком городе Газиантеп. Его интересы сфокусированы в районах, прилегающих к сирийско-турецкой границе, где проводятся военные операции против подразделений курдских Отрядов народной самообороны (YPG), считающихся ответвлением Рабочей партии Курдистана, признанной террористической организацией в Турецкой Республике. При этом во многом благодаря своим четырем военным операциям в стране за последние шесть лет Турция взяла под свой прямой и косвенный контроль значительные части Северной Сирии[10]. Хотя Анкара заявляет, что целью этих операций было противодействие угрозе трансграничного терроризма, их фактическим итогом стало превращение северной Сирии в де-факто зону турецкого влияния. Там руководство Турции стремится создать систему параллельного управления, не допускает проведения выборов президента САР, выдает турецкие документы, вводит в обращение турецкую лиру, финансирует объекты инфраструктуры.

Военное влияние Анкара осуществляет через турецкие вооруженные силы, использование которых в Сирии и Ираке парламент Турецкой Республики продлил до октября 2023 г., а также подконтрольную Анкаре Сирийскую национальную армию. Последняя состоит из лояльных Турции группировок сирийской оппозиции, взаимодействие с которыми во многом осуществляется через частную военную компанию SADAT, тесно связанную с руководством Турции и спецслужбами. Эта компания была замечена в отправке суннитских боевиков из Сирии для военных действий в Ливии и Нагорном Карабахе.

При этом Тегеран внимательно следит за сообщениями о возможном сближении позиций руководства Сирии и Турции. Определенную озабоченность стала вызывать информация о начавшихся контактах глав оборонных и разведывательных ведомств Сирии и Турции, в первую очередь в рамках встречи в Москве 28 декабря 2022 г. министров обороны и глав разведслужб России, Сирии и Турции и иных двусторонних встречах главы Национальной разведывательной организации Турции Хакана Фидана

[10] Syria 'Safe Zone': 3 Options for Turkey. URL: /https://english.aawsat.com/home/article/3683551/syria-safe-zone-3-options-turkey (дата обращения: 11.01.2023).

с главой Службы национальной разведки Сирии Али Мамлюком. По мнению иранских экспертов, такие контакты могут подорвать позиции Ирана в разведывательных структурах Сирии.

Несмотря на различие стратегических задач взаимная заинтересованность Турции и Ирана, хотя и по разным причинам, в выводе американских войск из Сирии, а также концентрация интересов Анкары и Тегерана в различных географических районах САР дают им возможность взаимодействовать на тактическом уровне, в частности в рамках Астанинского формата.

Ирак

В Республике Ирак стратегические интересы Ирана и Турции не совпадают. Каждая из сторон старается увеличить свое влияние в госструктурах и политических кругах Багдада. В своей политике Тегеран традиционно опирается на иракских шиитов (около 60% населения РИ) и прилагает активные усилия для укрепления их позиций в стране.

В Совете представителей Ирака (парламенте) проиранские силы представлены альянсом «Фатх» (блок, возглавляемый Хади аль-Амири, командиром бригады Бадр, входящей в Силы народной мобилизации) и блоком «Государство закона», возглавляемого Нури аль-Малики (премьер-министр Ирака в 2006–2014 гг.).

Иран опирается на иракских шиитов, входящих в альянс «Фатх» и блок «Государство закона».

Турция, со своей стороны, придает большое значение отношениям с иракскими суннитами, учитывая долгие исторические, идеологические и географические связи. Опираясь на арабов суннитов, входящих в партию «Такадум» во главе с Мохаммадом аль-Халбуси и суннитскую коалицию под руководством Хамиса аль-Ханджара, Турция тесно взаимодействует с суннитскими группировками и иракскими туркменами для увеличения политического влияния в Багдаде.

Военно-политическое влияние Иран осуществляет через созданные под его эгидой Силы народной мобилизации (СНМ) численностью около 100–120 тыс. человек.

Необходимо отметить, что популярность Тегерана снизилась после участия проиранских группировок в подавлении антиправительственных протестов по всему Ираку осенью 2019 г.

Одной из главных причин протестов было иностранное, в частности иранское, вмешательство в дела Ирака. Это проявилось в нападениях на иранские консульства в Эн-Наджафе и Кербеле. Более того, антииранские настроения сыграли свою роль на парламентских выборах в ноябре 2021 г., поскольку союзные Ирану шиитские группировки потеряли значительное количество мест. При этом на Западе полагают, что премьер-министр К. Каземи был в меньшей степени ориентирован на Иран, чем его предшественник Адиль Махди. Считается, что он имел разногласия с представителями КСИР и КОДС в Ираке и даже обвинялся проиранской группировкой «Кетаиб Хезболла» в причастности к убийству К. Сулеймани.

В этой связи назначение премьер-министра Мохаммеда Шиа ас-Судани в октябре 2022 г. в определенной степени укрепило позиции Ирана в Багдаде.

При этом Тегеран и Анкара заинтересованы в стабильности режима в Ираке и недопущении роста курдского сепаратизма там. Они совместно выступили против результатов референдума о независимости Иракского Курдистана в 2017 г., проведенного Региональным правительством Курдистана (КРГ) Северного Ирака. А в сентябре 2021 г., по сообщению курдских СМИ, президенты ИРИ и ТР договорились о совместных действиях против баз Рабочей партии Курдистана (РПК) и Партии свободной жизни Курдистана (ПСЖК) на севере Ирана. Стоит отметить, что эта партия была образована в 2004 г. и с тех пор ведет вооруженную борьбу против режима в ИРИ и признана там террористической организацией.

Однако курдский вопрос не имеет одинакового веса для обеих стран. В то время как Турция считает курдский сепаратизм основной угрозой существованию, Иран рассматривает его как менее серьезную угрозу безопасности, а Анкара и Тегеран поддерживают соперничающие курдские группировки. Турция поддерживает контролируемую семьей Барзани Демократическую партию Курдистана (ДПК), а Иран поддерживает контролируемый семьей Талабани Патриотический союз Курдистана (ПСК). У него также есть военная база в Башика, недалеко от Мосула.

Осуществляются контакты и с руководством курдских организаций — Б. Талабани и Масудом Барзани.

При подготовке к выборам в 2021 г. ПСК в альянсе с курдской партией Горран поддержало проиранский блок «Фатх», а ДПК выступила на стороне блока «Ас Саирун» и премьер-министра М. Каземи.

Что касается экономических связей Ирана и Турции с Ираком, то они достаточно стабильны. При этом растущая экономическая роль Турции в Ираке является еще одним фактором, который, хотя и не связан напрямую с восприятием Ираном угрозы, способствовал росту беспокойства в Иране. За последние несколько лет Турция стабильно превосходила Иран по экспорту товаров в Ирак. Торговый оборот Ирана с Ираком, 90% которого составляет экспорт Ирана в Ирак, — поставки газа (33% потребляемого в Ираке), электроэнергии (40% потребляемой в Ираке), бензина, с/х продукции, — в 2022 г. составил около 9 млрд. долл.[11] Сотрудничество осложняется замороженными в Ираке средствами за поставленный Ираном газ (около 6 млрд. долл.) и нехваткой электроэнергии в самом Иране. А торговый оборот Турции с Ираком в 2021 г. составил около 13 млрд. долл.[12] Кроме того, турецкие компании инвестировали в сотни строительных и инфраструктурных проектов, включая энергетику, водоснабжение и нефтехимию, в различных иракских городах.

Южный Кавказ

Политика пантюркизма, которую Анкара проводит на Южном Кавказе особо беспокоит Тегеран.

При поддержке Турции Азербайджан резко усилил свои позиции в регионе после конфликта в Нагорном Карабахе осенью 2020 г. В случае полной имплементации соглашений России, Армении и Азербайджана от 10 ноября 2020 г. так называемый Зангезурский коридор фактически отрежет Иран от Армении и соединит Баку через Нахичевань с Турцией, которая получит выход к Каспийскому морю и странам Центральной Азии. Это приведет к резкому снижению статуса Ирана в регионе.

[11] Годовой товарооборот между Ираном и Ираком увеличился на 20%. URL: https://www.iran.ru/news/economics/122636/Godovoy_tovarooborot_ mezhdu_Iranom_i_Irakom_uvelichilsya_na_20% (дата обращения: 05.01.2023).

[12] Turkey trade balance, exports and imports by country 2020. URL: https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/TUR/Year/LTST/TradeFlow/EXPIMP/Partner/by-country (дата обращения: 06.04.2023).

Особую настороженность Ирана вызывает военно-политическое сотрудничество Турции и Азербайджана, которое нашло отражение в Шушинской декларации между ними в июне 2021 г.

Заключение

Представляется, что при формировании всего комплекса отношений как Иран, так и Турция учитывают отрицательные последствия возможного углубления конфликта между ними: дестабилизация в регионе Ближнего и Среднего Востока, разрыв экономических связей. В этой связи в столицах основной акцент будет делаться на развитии экономических отношений, которое может ускориться в случае возобновления действия СВПД. Что касается политического сотрудничества, то стороны и дальше будут поддерживать сложный баланс между различными стратегическими целями и взаимодействием на тактическом уровне. Зонами потенциального конфликта останутся Ирак Сирия, и Южный Кавказ.

М. А. Подрезов *

Саудовский фактор во внешней политике Ирана

Резюме. В статье анализируется динамика двусторонних отношений между Ираном и Саудовской Аравией в последней трети 2022 г. — начале 2023 г. с позиции ИРИ. Осенью 2022 г. на фоне протестов традиционно сложные взаимоотношения между странами столкнулись с очередным кризисом. К иранской критике внутренней политики Эр-Рияда в области прав человека добавились заявления о спонсировании КСА сепаратистских и антиправительственных движений внутри Ирана и финансировании митингов и оппозиционных СМИ за рубежом. В то же время Тегеран стремился сохранять пути для урегулирования двусторонних споров и демонстрировал готовность к продолжению переговоров, что привело к достижению договоренностей о нормализации ирано-саудовских отношений.

Ключевые слова: Иран, Саудовская Аравия, ирано-саудовские отношения, иранские СМИ, протесты в Иране

Saudi Factor in Iranian Foreign Policy

Abstract. *This article analyses the dynamics of bilateral relations between Iran and Saudi Arabia in the last third of 2022 and early 2023 from the perspective of the Islamic republic. During the autumn of 2022 amid the protests in Iran the traditionally complicated relations between the two countries faced another crisis. Iranian criticism of Riyadh's domestic human rights policies was joined by allegations of the Saudi sponsorship of separatist and anti-government movements inside Iran and the funding of*

* Подрезов Михаил Андреевич – лаборант-исследователь Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0002-4385-2102

rallies and opposition media abroad. At the same time, Tehran was seeking to preserve ways to resolve bilateral disputes and was demonstrating its willingness to continue negotiations, which has led to agreements on normalization of Iranian-Saudi relations

Keywords: *Iran, Saudi Arabia, Iran–Saudi Arabia relations, Iranian media, protests in Iran*

История ирано-саудовских отношений

В настоящий момент ситуация в регионе Ближнего Востока во многом определяется состоянием отношений между Тегераном и Эр-Риядом, которые традиционно были далеки от добрососедских.

С победой в Иране революции 1978–1979 гг. и провозглашением Исламской Республики возросла роль религии во всех сферах жизни страны, а ее внешний курс и идеологическая политика приобрели четкий антиамериканский характер. С 1980-х годов «большой Сатана», как называло руководство ИРИ США, делает большую ставку на Саудовскую Аравию как на точку опоры своего политического курса на Ближнем Востоке. В этот период формируется ССАГПЗ, лидером которого стал Эр-Рияд. Создание организации было обусловлено опасениями перед новообразованной Исламской Республикой и саддамовским Ираком. Но Иран под руководством аятоллы Хомейни, призывавшего к «экспорту революции» и выступавшего с критикой монархического строя, представлялся Эр-Рияду более серьезной угрозой, вследствие чего в ирано-иракской войне КСА поддержало Багдад, предоставив ему помощь на общую сумму более 27 млрд. долл.[1]

В 1990-е годы, после смерти аятоллы Хомейни и вторжения Ирака в Кувейт ирано-саудовские отношения прошли через период потепления, когда состоялись визиты на высшем уровне (Мохаммад Хатами дважды посетил Саудовскую Аравию, а наследный принц Абдалла — Иран) и был заключен ряд соглашений о сотрудничестве в различных областях. Однако падение в 2003 г. режима Саддама Хусейна и приход к власти в Ираке шиитов, многие из которых были ориентированы на сотрудничество с ИРИ, привели к усилению Тегерана, который

[1] Бирюков Е. Взаимоотношения Саудовской Аравии и Ирана в сфере безопасности // Россия и мусульманский мир, 2017. № 12 (306). С. 62.

стал рассматриваться Эр-Риядом в качестве своего основного конкурента.

Когда заходит речь об ирано-саудовских отношениях, часто говорят о религиозных различиях между этими двумя мусульманскими государствами. В Иране официальной религией является шиизм-иснаашаризм, провозглашающий веру в двенадцать имамов, в то время как со второй четверти XX в. основой государственной идеологии КСА является ваххабизм. Это течение в суннитском исламе появилось в XVIII веке в результате деятельности проповедника Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба. Провозглашая идею «очищения ислама», он выступал с критикой любых практик, которые, как ему казалось, выходили за рамки поклонения одному лишь Аллаху. Например, по мнению основателя ваххабизма, верующие могли просить о помощи исключительно Всевышнего и никого иного, даже пророка Мухаммеда. Такие идеи вступали в противоречие с принятой, в частности, в шиитском исламе традицией почитания святых и возведения культовых сооружений над их могилами, которая осуждалась последователями аль-Ваххаба.

Одним из наиболее значимых событий в рамках этой идеологической политики, оказавшее восприятие на образ Саудовской Аравии в Иране, стало разрушение кладбища аль-Баки в 1925 г. по приказу короля Абдул-Азиза. Расположенное в Медине, оно было местом захоронения родственников и сподвижников пророка Мухаммеда, в том числе шиитских имамов Хусейна, Али Зайна аль-Абидина и Джафара ас-Садыка. Уничтожение находившихся там монументов вызвало широкий резонанс и до сих пор упоминается в речах иранских руководителей, оставаясь фактически единственным моментом, где саудовский правящий дом критикуется с позиций религии.

В свою очередь аятолла Хомейни, возглавивший Иран после победы исламской революции, называл представителей саудовского правящего дома «жителями дворцов»[2], которые выставляют напоказ свои богатства и придерживаются «антикоранического вероисповедания», а по мнению аятоллы Гольпайгани,

[2] Takeyh R. Guardians of the revolution. Iran and the World in the Age of the Ayatollahs. Oxford University Press, 2009. P. 132.

высказанному им в 2007 г., ваххабизм содействует стигматизации ислама[3]. Иранские власти считали саудитов неподходящими для роли хранителей святых городов Мекки и Медины и обвиняли их в распространении «американского ислама». Нынешний лидер страны Али Хаменеи осудил в 1989 г. КСА как «греховного идола высокомерия и колониализма»[4], однако к настоящему времени его риторика в адрес Эр-Рияда стала значительно мягче.

Сейчас идеологическая составляющая ваххабитско-шиитского антагонизма не проявляется в иранской политической риторике в отношении Саудовской Аравии, уступив место прагматичному подходу. В то время как общим нарративом в посвященном королевству политическом дискурсе является оскорбительное наименование Эр-Рияда «дойной коровой» Америки и критика жестокости и «нецивилизованности» правящего режима КСА, иранские СМИ воздерживаются от использования религиозных эпитетов в адрес руководства королевства, таких как «шейтан» или «эблис», обозначающих в исламском мировоззрении дьявола.

Также король Саудовской Аравии или его наследник не удостаивались эпитета «Язид» или «Абу-Суфьян» даже при условии ведения боевых действий против йеменских хуситов, последователей зейдизма, одного из течений в шиизме.

Абу-Суфьян из рода Омейядов входил в число виднейших представителей мекканской верхушки во времена пророка Мухаммеда и был одним из наиболее непримиримых противников основателя ислама. Впоследствии он сам принял новую религию и его семья вошла в состав элиты образованного арабского государства, но, тем не менее, в иранском религиозном дискурсе за ним закрепился эпитет «высокомерного», того, кто, как гласит Коран, не внимает знамениям Всевышнего и кому грозит «унизительное наказание»[5].

Язид был внуком Абу-Суфьяна и вторым халифом из династии Омейядов. В ходе сражения с его войсками под Кербелой погибли третий имам шиитов Хусейн и его близкие. В иранском политическом дискурсе «Язидом» могут назвать врага Ирана или ислама. Так, этот эпитет использовался в отношении лидера

[3] Foreign Policy of Iran under President Hassan Rouhani's First Term (2013–2017). Palgrave Macmillan, 2020. P. 92.

[4] Ibid.

[5] Коран / пер. И. Ю. Крачковского. М., 1963. С. 284.

Ирака Саддама Хусейна или последнего иранского шаха Мохаммада Резы Пехлеви. Но он не употребляется для характеристики представителей саудовского правящего дома, которые также не включаются в число «высокомерных».

Противостояние ИРИ и КСА, формирующее рамки иранской антисаудовской риторики, основано на столкновении интересов, а не на идеологических разногласиях. После падения в Ираке режима Саддама Хусейна в 2003 г. Иран остался наиболее яркой антиамериканской силой в регионе, в то время как Эр-Рияд продолжил поддерживать союзнические отношения с Вашингтоном. С приходом к власти в 2015 г. короля Салмана, наследником которого в 2017 г. стал его сын Мухаммед, королевство перешло к более активным действиям во внешней политике. Наиболее ярким из них стало формирование коалиции для борьбы с йеменскими хуситами, получающими поддержку Тегерана. Эта тема получила широкое освещение в иранской прессе, которая в том числе высмеивала неспособность саудовской коалиции добиться заявленных результатов.

2 января 2016 г. саудовские власти казнили влиятельного шиитского проповедника Нимра ан-Нимра, выступавшего защитником прав своих единоверцев на востоке страны. Это событие, спровоцировавшее очередной кризис в ираносаудовских отношениях, произошло на фоне вступления в силу положений заключенного в 2015 г. СВПД и улучшения отношений Тегерана с западными странами. В Иране действия руководства КСА подверглись жесткой критике. Более того, в ночь на 3 января, практически сразу после гибели проповедника, толпа разгромила саудовское посольство в Тегеране. Также была совершена атака на консульство страны в Мешхеде. В ответ королевство разорвало двусторонние отношения с Ираном.

В 2016 г. Сейид Хосейн Мусавиян, бывший глава комитета по внешним связям Совета национальной безопасности ИРИ и находившийся тогда в «оппозиции» правящему режиму, в своей статье для Huffpost назвал Саудовскую Аравию новой угрозой для национальной безопасности Исламской Республики[6]. Он отметил такие действия Эр-Рияда как попытки координации

[6] Seyed Hossein Mousavian. Saudi Arabia is Iran's new national security threat // Интернет-сайт HuffPost. URL: https://www.huffpost.com/entry/saudi-arabia-iran-threat_b_10282296 (дата обращения: 19.04.2022).

с Тель-Авивом действий, направленных против ИРИ и Хезболлы, стремление распространить антииранскую направленность на внешнюю политику всех стран ССАГПЗ, создать «суннитский полумесяц», куда вошли бы помимо монархий Залива Турция и Египет, недопущение улучшения отношений Тегерана с Западом, а также поддержку проведения террористических атак на территории Ирана.

По прошествии нескольких лет видно, что КСА действительно активизировала политику противостояния расширению иранского влияния в регионе. В рамках направлений, очерченных Мусавияном, Эр-Рияд добился цели не допустить улучшения отношений ИРИ со странами Запада, хотя на этот фактор в первую очередь повлияли не действия самой Саудовской Аравии, а политический расклад в самих США. В 2017 г. на смену демократу Б. Обаме пришел республиканец Д. Трамп, выступавший с жесткой критикой СВПД еще до президентских выборов. В 2018 г. США вышли из сделки и возобновили действие антииранских санкций.

Также наметилось сближение арабов Залива с Израилем, которое может активизироваться на фоне развития Ираном своего ядерного потенциала. В то же время у Эр-Рияда не получилось создать «суннитский полумесяц». Анкара и Доха, учитывая национальные интересы, проводят свой курс во взаимоотношениях с Ираном — и похожей модели следует Маскат. Египет же не имеет такого влияния на ситуацию в Сирии, Ираке и Йемене, чтобы рассматривать его как возможного серьезного партнера Саудовской Аравии в ее противостоянии с Ираном.

В середине сентября 2022 г. по всему Ирану начались протесты, вызванные сообщениями о гибели Махсы Амини. И хотя власти провели расследование, в котором говорилось, что причиной гибели Амини стали проблемы со здоровьем, а нанесение каких-либо повреждений со стороны силовиков отрицались[7], волнения не прекратились. В этой связи в очередной раз обострились отношения между Ираном и Саудовской Аравией.

[7] Bayaniye-ye sazeman-e pezeshki-ye ghanuni dar bare-ye ‘elat-e fowt-e mahsa amini (Заявление Иранской организации судебной медицины о причинах смерти Махсы Амини) // Интернет-сайт ISNA. URL: https://www.isna.ir/news/1401071507070 (дата обращения: 20.11.2022).

Иранский политический дискурс в последней трети 2022 г., посвященный Саудовской Аравии, можно разбить на несколько направлений. В первую очередь Иран выступал с резкой критикой ряда иностранных СМИ, которые, как заявляли власти, провоцировали и подогревали протесты, а также действия самой Саудовской Аравии, которая, по мнению руководства ИРИ, оказывала поддержку «антиреволюционным» и сепаратистским силам в стране и за рубежом. В то же время иранские медиа регулярно освещают тему несоблюдения прав человека на территории самого КСА и, в особенности, публикуют материалы о гонениях в отношении местных шиитов. Более того, на фоне постепенного продвижения процесса урегулирования отношений между арабами и Израилем иранцы обращали внимание на возможность сближения Тель-Авива и Эр-Рияда, которое, очевидно, должно иметь антииранскую направленность.

Поддержка протестов

Иранские официальные лица обвиняли Саудовскую Аравию в поддержке протестов. Подобные обвинения исходили, в частности, от министра разведки Эсмаила Хатиба[8] и командующего КСИР Хоссейна Салами[9]. Действия, которые, согласно заявлениям иранского руководства, предпринимаются Эр-Риядом, включают поддержку сепаратистов и антииранski настроенных СМИ, в частности каналов Iran International, Аль-Арабия и Аль-Хадас[10], а также финансирование протестных митингов за рубежом. Например, Эсмаил Хатиб заявил, что КСА предоставило средства для организации митинга противников правящего

[8] Englis hazine-ye eqhdamatash bara-ye naamnisazi-ye iran ra khahad dad (Англия заплатит за свои действия по дестабилизации Ирана) // Интернет-сайт Mehr. URL: https://www.mehrnews.com/news/5627857 (дата обращения: 20.11.2022).

[9] Hoshdar-e sarlashkar-e salami be ‘arabestan: resanehayetan ra control konid vagerna dud-e an be cheshmetan khahad raft (Предостережение генерал-майора Салами Саудовской Аравии: контролируйте свои СМИ, иначе дым от них попадет вам в глаза). Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/07/25/2789417 (дата обращения: 20.11.2022).

[10] Farmande-ye kol-e sepah dar bare-ye kodam resane-ye zedeirani be ben salman hoshdar dad (О каких антииранских СМИ командующий КСИР предупреждал бин Салмана?) // Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/07/25/2789426 (дата обращения: 20.11.2022).

режима[11], прошедшего 22 октября 2022 г. в Берлине при участии 80 000 человек[12]. Некоторые представители истеблишмента заявляли о ведении Эр-Риядом «гибридной войны» против Ирана[13].

Наиболее серьезной критике подвергся канал Iran International, который регулярно публиковал материалы об иранских протестах, гибели манифестантов в результате столкновений с иранскими силовиками, а также реакцию представителей иранской диаспоры за рубежом, выступающих с осуждением правящего режима в ИРИ. В совместном заявлении КСИР и Министерства разведки Ирана, сделанном в конце октября 2022 г., телеканал обвинялся в проведении политики, направленной на «расчленение единого и мощного Ирана», и поддержке сепаратистов[14]. Iran International представлялся проводником антииранской политики наследного принца Мухаммеда бен Салмана. Показательна карикатура, опубликованная агентством Tasnim, на которой изображен саудовский принц, диктующий текст диктору телеканала Iran International. Агентство заявило, что «доллары бен Салмана разрушают мозг телеканала», и тот допускает оплошности[15], имея в виду фактологические ошибки (тегеранский университет аль-Захра «перенесли» из района Ванак на улицу Шарияти).

9 ноября Iran International был назван Эсмаилом Хатибом террористической организацией. Также он заявил, что работники этого телеканала будут преследоваться властями[16]. На следующий

[11] Englis hazine-ye eqhdamatash bara-ye naamnisazi-ye iran ra khahad dad (Англия заплатит за свои действия по дестабилизации Ирана) // Интернет-сайт Mehr. URL: https://www.mehrnews.com/news/5627857 (дата обращения: 20.11.2022).

[12] В Берлине на демонстрацию в поддержку иранских протестов пришли порядка 80 тыс. человек // Интернет-сайт ТАСС. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16129273 (дата обращения: 20.11.2022).

[13] Ra'na gate! // Интернет-сайт ISNA. URL: https://www.isna.ir/news/1401082114612 (дата обращения: 20.11.2022).

[14] Bayaniye-ye moshtarak-e vezarat-e etela'at va sazeman-e etela'at-e sepah dar bare-ye eqhteshashat-e akhir montasher shod (Опубликовано совместное заявление Министерства разведки Ирана и Службы разведки КСИР) // Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/06/2795144 (дата обращения: 20.11.2022).

[15] Gafterneshanal. Iran interneshanal gaf-e khod ra chegune mastmali mi konad? (Ошибающийся International. Как Iran International скрывает свои оплошности?)// Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/media/1401/07/27/2790639 (дата обращения: 20.11.2022).

[16] Vazir-e etela'at: perozhe-ye doshman viransazi-ye iran ast. 'amaliyat-e enfejar dar sanaye'-e havayi ra khonsa kardim (Министр информации и национальной

день, по сообщению властей, был арестован один из ведущих сотрудников телеканала в Иране[17]. Также в середине ноября декан факультета коммуникаций Университета Азад Акбар Насраллахи в интервью агентству Tasnim заявил, что печально известный саудовский журналист Джамаль Хашогги был убит в 2018 г. после раскрытия источников финансирования Iran International. При этом статья в Guardian от 2018 г.,[18] на которую сослался эксперт[19], не содержит никакой информации, что данные о финансировании телеканала саудовскими властями поступили именно от Хашогги[20].

В середине ноября было опубликовано заявление корреспондента персоязычной версии BBC Раны Рахимпур, согласно которому Iran International имеет установку предоставлять возможность выступить только сепаратистки настроенным спикерам[21]. Телеканал отверг эти обвинения. Эта перепалка между двумя иностранными СМИ, активно освещающими протесты в Иране, дала возможность иранской прессе говорить о наметившемся расколе в оппозиционных медиа, а также ужесточить критику Iran International. В начале апреля 2023 г. телеведущая была

безопасности: план врага состоит в разрушении Ирана. Мы нейтрализовали попытки подорвать авиационную промышленность) // Интернет-сайт ИРНА. URL: https://www.irna.ir/news/84937692 (дата обращения: 20.11.2022).

[17] Yeki az ‘avamel-e shabake-ye teroristi-ye sa’udi-ye interneshanal dar iran bazdasht shod (В Иране задержан участник саудовской международной террористической сети) // Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/19/2801881 (дата обращения: 20.11.2022).

[18] Concern over UK-based Iranian TV channel’s links to Saudi Arabia // Интернет-сайт Guardian. URL: https://www.theguardian.com/world/2018/oct/31/concern-over-uk-based-iranian-tv-channels-links-to-saudi-arabia (дата обращения: 20.11.2022).

[19] Nasrallahi: interneshanal motevaset ruzane be 3 nafar az tarafdaran-e khoshunat teribun dade ast (Насраллахи: Iran International в среднем ежедневно предоставляет возможность выступить трем сторонникам насилия в Иране) // Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/18/2801698 (дата обращения: 20.11.2022).

[20] Khashoqhchi pas az efsha-ye manabe’e mali-ye interneshanal be badtarin shekl koshte shod (Хашогги был убит ужаснейшим образом после публикации материалов об источниках финансирования Iran International) // Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/media/1401/08/18/2801470 (дата обращения: 20.11.2022).

[21] Vakonesh-e shabake-ye sa’udi be fayl-e suti-ye efsha shode iz ra’na rahimpur. Ta’yid-e ede’aha (Реакция саудовской сети на публикацию аудиофайла Раны Рахимпур. Проверка заявлений) // Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/20/2802624 (дата обращения: 20.11.2022).

уволена из компании после 15 лет работы, что также нашло отображение в иранских СМИ, в частности получило освещение со стороны государственной телерадиокомпании IRIB[22].

Также стоит отметить любопытную тенденцию среди иранских государственных СМИ именовать Iran International, особенно с начала ноября, как «шабаке-йе интернешанал» или «шабаке-йе интернешанал-е са'уди», пропуская слово «Иран». Вполне вероятно, что причина кроется в желании дистанцировать оппозиционное СМИ и продемонстрировать его инаковость и связи с КСА.

Иранские государственные СМИ вели информационную борьбу с телеканалами и прессой, критикующими протесты. Так, значительные объемы эфирного времени посвящались развенчанию, как утверждалось, недостоверной информации о жестком подавлении протестов и насилии в отношении отдельных демонстрантов, распространяемой оппозиционными ресурсами.

В то же время власти ИРИ утверждали, что поддержка Саудовской Аравией оппозиционного движения в Иране могла сказаться на стабильности в самом королевстве. В середине октября главнокомандующий КСИР говорил про «дым от подобных действий, который попадет в глаза самих саудовских властей»[23], а некоторое время спустя Эсмаил Хатиб заявил, что, несмотря ни на что, Иран и Саудовская Аравия являются соседями и любая нестабильность в одном государстве скажется на ситуации в другом[24].

[22] Gozaresh-e sedaosima dar bare-ye ekhraj-e ma'anadar-e ra'ana rahimpur az bibisi-ye farsi ba'ad az 15 sal (Репортаж IRIB об увольнении из BBC Раны Рахимпур после 15 лет работы) // Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1402/01/15/2875546 (дата обращения: 05.04.2023).

[23] Hoshdar-e sarlashkar-e salami be 'arabestan: resanehayetan ra control konid vagerna dud-e an be cheshmetan khahad raft (Предостережение генерал-майора Салами Саудовской Аравии: контролируйте свои СМИ, иначе дым от них попадет вам в глаза). Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/07/25/2789417 (дата обращения: 20.11.2022).

[24] Vazir-e etela'at: perozhe-ye doshman viransazi-ye iran ast. 'amaliyat-e enfejar dar sanaye'-e havayi ra khonsa kardim (Министр информации и национальной безопасности: план врага состоит в разрушении Ирана. Мы нейтрализовали попытки подорвать авиационную промышленность) // Интернет-сайт ИРНА. URL: https://www.irna.ir/news/84937692 (дата обращения: 20.11.2022).

Теракт в мавзолее Шах-Черах

26 октября 2022 г. в мавзолее Шах-Черах, расположенной в Ширазе святыне, где, как считается, покоятся сыновья имама Мусы аль-Казима Ахмед и Мухаммед, произошел теракт. В результате нападения погибли и пострадали несколько десятков человек.

В иранских СМИ проходила идея, что Саудовская Аравия могла иметь отношение к трагедии. Практически сразу после теракта агентство Tasnim заявило, что, по имеющимся данным, нападавший «придерживался такфиристско-ваххабитских взглядов»[25]. Два дня спустя Насир Хосейни, представитель рахбара в провинции Кохгилуйе и Бойерахмед, заявил в проповеди, что Саудовская Аравия, а также США и Израиль оказывали поддержку нападавшим на мечеть террористам[26]. Но какого-либо развития подобные идеи не получили.

Сообщение о готовящемся нападении Ирана на Саудовскую Аравию

Иранские СМИ не обошли стороной публикацию Wall Street Journal от 1 ноября 2022 г., где со ссылкой на неназванных должностных лиц в Саудовской Аравии сообщалось о планирующемся нападении Ирана на королевство[27]. Официальный представитель иранского МИД Насер Канаани назвал это заявление «безосновательным»[28]. В любом случае вооруженный конфликт с южным соседом не отвечает интересам ИРИ и маловероятно, что руководство страны пошло бы на такой

[25] Yek mamba'-e agah-e amniyati: 'amel-e hadese-ye shiraz 'onsor-e vahabi-takfiri bude ast (Источник в органах безопасности: виновник трагедии в Ширазе придерживался ваххабитско-такфиристских взглядов) // Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/04/2794303 (дата обращения: 20.11.2022).

[26] Emam-e jom'e-ye yasuj: da'esh piyadenezam-e amrika ast (Пятничный имам Ясуджа: ИГИЛ — пехота Америки) // Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/06/2795020 (дата обращения: 20.11.2022).

[27] Saudi Arabia, U.S. on High Alert After Warning of Imminent Iranian Attack // Интернет-сайт Wall Street Journal. URL: https://www.wsj.com/articles/saudi-arabia-u-s-on-high-alert-after-warning-of-imminent-iranian-attack-11667319274 (дата обращения: 20.11.2022).

[28] Vakonesh-e sokhangu-ye vezarat-e khareje be ede'a-ye val estrit zhurnal (Реакция официального представителя МИД на утверждения Wall Street Journal) // Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/11/2798124 (дата обращения: 20.11.2022).

шаг, особенно на фоне нестабильности в своих собственных пределах.

Примечательно, что остальные ведущие западные СМИ передавали это сообщение со ссылкой на американскую газету, не имея иных источников информации. По мнению агентства Tasnim, публикация Wall Street Journal могла служить обоснованием официального перехода Эр-Рияда к враждебным действиям по отношению к Тегерану, тогда как в течение двух месяцев до этого, как пишет агентство, королевство стремилось не демонстрировать в прессе свое негативное отношение к происходящим в Иране событиям[29]. Как бы то ни было, этот материал предоставил США повод направить самолеты в сторону Ирана[30] и усилить давление на Исламскую Республику.

Права человека

Иранские СМИ регулярно публикуют материалы, критикующие состояние дел в КСА в области прав человека. Так, приводились данные рабочей группы ООН по произвольным задержаниям, об ограничения свободы мысли, религии и их выражения в Саудовской Аравии, а также об аресте двух десятков представителей шиитских религиозных и политических деятелей, в частности Мохаммеда аль-Хабиба, родственника казненного в 2016 г. Нимра ан-Нимра[31].

Для Ирана эта тема представляет большую значимость, так как страна позиционирует себя как защитника шиитов в регионе Ближнего Востока. В Саудовской Аравии их численность составляет не менее 10%, значительная часть которых проживает в Восточной провинции, где расположены основные нефтегазовые месторождения королевства. Вопрос шиитского меньшинства традиционно является камнем преткновения между КСА и ИРИ.

[29] Talash-e resaneha-ye gharbi bara-ye bavarpazir kardan-e ghasd-e iran bara-ye hamle be ‘arabestan-e sa’udi (Попытка западных СМИ сделать правдоподобной идею атаки Ирана на Саудовскую Аравию) // Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/11/2798149 (дата обращения: 20.11.2022).

[30] WP: США направили в сторону Ирана ВВС после данных о готовящемся нападении на Эр-Рияд // Интернет-сайт ТАСС. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16255185 (дата обращения: 20.11.2022).

[31] Hoshdar dar bare-ye sarnevesht-e rowhani-ye shi’e dar ‘arabestan (Преостережение о судьбе шиитского духовенства в Саудовской Аравии) // Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/02/2793074 (дата обращения: 20.11.2022).

Показательно, что, публикуя материалы о притеснениях саудовских шиитов, иранская пресса не делает акцент на господствующем положении ваххабизма в КСА. Ее материалы строятся по логике защиты общечеловеческих ценностей, когда государство нарушает права религиозного меньшинства. В этом отношении иранцы активно используют материалы западных правозащитных организаций, например Amnesty International, выступающей с критикой политики саудовских властей и назвавшей период правления Мухаммеда бен-Салмана «самым темным в истории королевства» с точки зрения соблюдения прав и свобод[32]. Согласно другим заявлениям, опубликованным иранской прессой, в результате ущемления прав и свобод КСА превратилось в «королевство тишины»[33].

СМИ приводили сообщения об арестах более 40 студентов и миссионеров в восточных регионах Саудовской Аравии и публиковали данные «Репортеров без границ» о препятствии деятельности на территории королевства не связанных с властями СМИ[34]. По мнению агентства ИРНА, в последние месяцы саудовские власти ужесточили меры в отношении политических и гражданских активистов, в том числе, путем серьезного увеличения тюремных сроков[35].

Но несмотря на критику внутренней политики КСА, иранские власти не выступали с заявлениями о намерении каким-либо иным способом исправить ситуацию с ущемлением прав шиитов.

[32] Hoshdar dar mowred-e afzaesh-e cheshmgir-e amar-e e'edam dar 'arabestan (Предупреждение о значительном росте числа казней в Саудовской Аравии) // Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/01/2792434 (дата обращения: 20.11.2022).

[33] 'arabestan chegune be padshahi-ye sokut tabdil shod? (Как Саудовская Аравия превратилась в королевство тишины?) // Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/29/2807177 (дата обращения: 20.11.2022).

[34] Tadavom-e eghdamat-e sarkubgerane-ye al sa'ud va be band keshidan-e shahrvandan-e 'arabestan (Продолжение репрессивной деятельности династии Аль Сауд и аресты граждан Саудовской Аравии) // Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/07/15/2784631 (дата обращения: 20.11.2022).

[35] Vorud-e 'arabestan be faz-e jaded-e sarkub-e fa'alan-e mazhabi (Вступление Саудовской Аравии в новый этап репрессий в отношении религиозных деятелей) // Интернет-сайт ИРНА. URL: https://www.irna.ir/news/84937459 (дата обращения: 20.11.2022).

Тема сближения Саудовской Аравии и Израиля

Противостояние с Израилем является одним из факторов, определяющих политику Ирана в регионе. Официальные лица ИРИ на самых разных уровнях регулярно высказываются на тему «оккупированной Палестины» и «преступлений сионистского режима», а внешняя политика Тель-Авива, в частности его взаимодействие с арабскими странами, широко освещается иранской прессой. Иран всегда выступал с жесткой критикой любых попыток мусульманских стран развивать отношения с Израилем. Такие действия были охарактеризованы президентом ИРИ Эбрахимом Раиси как попирающие идеи ислама и попытки «взрастить змею в рукаве»[36].

В конце 2022 г. СМИ ИРИ публиковали материалы, где говорилось, что Саудовская Аравия стремится к нормализации отношений с Израилем[37]. Одним из возможных инструментов такого рода политики назывался саудовский проект «Неом»[38], подразумевающий развитие территории в регионе Табук на северо-западе страны в относительной близости от Израиля. Победа на ноябрьских выборах Биньямина Нетаньяху усилила опасения, что во времена его премьерства может активизироваться тенденция сближения между Тель-Авивом и Эр-Риядом[39]. Однако сложно говорить определенно о перспективах подобной политики во многом из-за традиционной неприязни ближневосточных мусульман к Израилю, а также из-за позиционирования саудовского короля как «хранителя двух святынь», Мекки и Медины,

[36] ‘adisazi-ye ravabet ba rezhim-e sehyunisti manand-e parvaresh-e mar dar astin ast (Нормализация отношений с Израилем похожа на взращивание змеи в рукаве) адисази-йе равабет-е режим-е сехьюнисти мананд-е парвареш-е мар дар астинаст // // Интернет-сайт ИРНА. URL: https://www.irna.ir/news/84735473 (дата обращения: 20.11.2022)

[37] ‘arabestan dar astane-ye adisazi-ye ravabet ba sehyunistha-st? (Саудовская Аравия на пороге нормализации отношений с Израилем?) // Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/04/2794127 (дата обращения: 20.11.2022).

[38] Perozhe-ye ne’om. Darvaze-ye talayi-ye ‘arabestan bara-ye sazesh ba sehyunistha (Проект «Неом». Золотые ворота Саудовской Аравии для компромисса с Израилем) // Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/07/30/2791964 (дата обращения: 20.11.2022).

[39] Talash-e sehyunistha bara-ye jalb-e nazar-e mardom-e ‘arabestan va tarvij-e ‘adisazi-ye ravabet (Усилия Израиля привлечь внимание народа Саудовской Аравии и способствовать нормализации отношений) // Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/01/2792370 (дата обращения: 05.04.2023).

и, как следствие, защитника ислама. Достижение в марте 2023 г. соглашения о нормализации ирано-саудовских отношений, безусловно, сделало еще более туманными перспективы сближения КСА и Израиля. Так, 14 марта бывший посол королевства в США принц Турки ибн Фейсал заявил, что Эр-Рияд ждет от Тель-Авива соблюдения Арабской мирной инициативы от 2002 г., что неприемлемо для любого возможного израильского руководства[40].

Нормализация ирано-саудовских отношений

Несмотря на весь объем критики в адрес КСА, иранские власти время от времени заявляли о «соседском положении» двух стран[41] и необходимости сосуществовать[42].

При всех разногласиях между двумя странами в официальном иранском дискурсе Саудовская Аравия позиционировалась на некоторой дистанции от «традиционных врагов» ИРИ, входящих в число «высокомерных»: США, Израиля и Великобритании. Это различие наблюдалось не только в разнице уровня жесткости риторики, но также и в организации проправительственных демонстраций. Манифестанты скандировали гневные лозунги в отношении США, Израиля и Великобритании, но не упоминали КСА. Тегеран оставлял возможности для снижения напряженности в двусторонних отношениях и не демонизировал своего регионального соперника даже в глазах внутренней аудитории.

С 2021 г. по 2023 г. стороны вели переговоры о нормализации двусторонних отношений. Большую часть времени они проходили при посредничестве Ирака и Омана, но на финальной стадии обсуждение позиций Тегерана и Эр-Рияда проходило при содействии Китая, в столице которого и были достигнуты в марте

[40] Al Amir Turki Al Faisal Al Saud: hakatha sayana'kis aliatifaq alsa'udi-alirani alaa almintaqa 'alaa almintaqa (Принц Турки ибн Фейсал аль-Сауд: как отразится ирано-саудовское соглашение на регионе) // Интернет-сайт France 24. URL: https://www.france24.com/ar/20230314-برامج/حوار-الأمير-تركي-الفيصل-آل-سعود-هكذا-سينعكس-الاتفاق-السعودي-الإيراني-على-المنطقة (дата обращения: 05.04.2023).

[41] Vazir-e etela'at: perozhe-ye doshman viransazi-ye iran ast. 'amaliyat-e enfejar dar sanaye'-e havayi ra khonsa kardim (Министр информации и национальной безопасности: план врага состоит в разрушении Ирана. Мы нейтрализовали попытки подорвать авиационную промышленность) // Интернет-сайт ИРНА. URL: https://www.irna.ir/news/84937692 (дата обращения: 20.11.2022).

[42] Velayati: sefaratha-ye iran va 'arabestan bayad fa'al shavand (Велаяти: посольства Ирана и Саудовской Аравии должны возобновить работу) // Интернет-сайт Tasnim. URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/07/27/2790809 (дата обращения: 20.11.2022).

2023 г. двусторонние договоренности о восстановлении дипломатических отношений.

В урегулировании двусторонних споров были заинтересованы и Иран, и Саудовская Аравия.

После выхода США из СВПД в 2018 г. и возобновления действий американских санкций экономика ИРИ сталкивается с серьезными проблемами, и страна располагает все меньшими и меньшими ресурсами, в том числе и для поддержки своих союзников в регионе.

Наиболее ярко опосредованное противоборство Ирана и Саудовской Аравии проявилось в Йемене, где хуситы противостоят возглавляемой Саудовской Аравией коалиции. С одной стороны, Тегеран, который, как предполагается[43], помогает хуситам, заинтересован в снижении своих расходов на фоне сложной экономической ситуации, с другой — Эр-Рияд так и не смог достичь успеха в ходе операции в Йемене. В мае 2022 г. аденское информагенство «Crater Sky» опубликовало сообщение, что Саудовская Аравия якобы планирует аннексировать несколько богатых ресурсами провинций в Восточном Йемене, но впоследствии эта информация не подтвердилась[44]. КСА стремится выйти из конфликта, который не приносит ей никаких выгод и в котором она не может добиться желаемых результатов, «сохранив лицо» при достижении договоренностей с хуситами. Нормализация отношений между Ираном и Саудовской Аравией открывает путь к урегулированию кризиса в Йемене.

Более того, Иран заинтересован в прекращении Эр-Риядом поддержки оппозиционных и сепаратистских настроений в стране, а также антиправительственных СМИ. В то же время Саудовская Аравия стремится обезопасить свою территорию от атак со стороны проиранских сил в Ираке и Йемене.

Урегулирование отношений с КСА позволяет Ирану рассчитывать на развитие связей с остальными монархиями Персидского залива и рассчитывать на привлечение новых инвестиций в национальную экономику.

[43] Кузнецов А. А. Конфессиональные и племенные предпосылки военно-политического конфликта в Йемене // Исламоведение. 2019. № 1. С. 24.

[44] Riyadh decided to annex several Yemeni provinces: report // Интернет-сайт Mehr. URL: https://en.mehrnews.com/news/186535/Riyadh-decided-to-annex-several-Yemeni-provinces-report (дата обращения: 10.05.2022).

Саудовская Аравия, в свою очередь, стремится диверсифицировать свои внешнеполитические контакты на фоне охлаждения отношений с США, произошедшее при администрации Байдена. Одним из таких направлений стал Китай, который, заинтересованный в стабилизации ситуации на Ближнем Востоке и импорте местных углеводородов, побудил Эр-Рияд и Тегеран пойти на сближение.

Ряд аналитиков считает[45], что нормализация отношений с Ираном входит в список мероприятий Мухаммеда бен Салмана по подготовке к смене власти в королевстве. Наследному принцу нужен мир как внутри страны, так и за ее пределами, что невозможно без урегулирования споров с ИРИ, являющейся традиционным дестабилизатором для внешней и внутренней политики КСА.

Символично, что представитель Ирана занял первое место в прошедшем в апреле 2023 г. в Эр-Рияде престижном конкурсе чтецов Корана «Отр Элкалам», обойдя своего соперника из Саудовской Аравии[46]. Подобные события отражают новый характер взаимоотношений между двумя крупными игроками на ближневосточной политической арене.

Заключение

Ирано-саудовские отношения по своей динамике напоминают синусоиду, где за каждым периодом ухудшения отношений наступает период потепления, сменяющийся очередным кризисом. В конце 2022 г. на фоне масштабных протестов в ИРИ обострились отношения между Тегераном и Эр-Риядом. В течение осени риторика иранских СМИ в отношении королевства постепенно ужесточалась. Эр-Рияд назывался одним из главных внешних организаторов протестного движения наряду с США, Великобританией и Израилем. Ему приписывались как поддержка сепаратистских настроений внутри страны, так и финансирование критикующих иранские власти митингов за рубежом. Также

[45] Chera ben salman tan be tavafogh ba iran dad? (Почему бен Салман дал согласие на достижение договоренностей с Ираном?) // Интернет-сайт Donya-e-Eqtesad. URL: https://donya-e-eqtesad.com/بخش-سایت-خوان-62/3953448-چرا-بن-سلمان-تن-به-توافق-با-ایران-داد (дата обращения: 07.04.2023).

[46] Iranian Quran reciter Yunes Shahmoradi tops at Saudi Arabian competition // Интернет-сайт Tehran Times. URL: https://www.tehrantimes.com/news/483487 (дата обращения: 09.04.2023).

ему вменялась поддержка оппозиционных СМИ, с которыми Иран активно боролся в информационном поле. Особые усилия предпринимались в направлении демонизации канала Iran International, объявленного проводником антииранской политики Мухаммеда бен Салмана и в конечном итоге признанного террористической организацией.

Однако Тегеран придерживался прагматичного подхода в отношениях со своим южным соседом. Иран старался сохранять окно возможностей для урегулирования отношений с Саудовской Аравией и не стремился к началу войны с Эр-Риядом. Заинтересованность обеих сторон в урегулировании споров привела весной 2023 г. к заключению договоренностей о нормализации двусторонних отношений.

А. В. Баранов *
(Саратов)

Ирано-иракская война 1980–1988 гг. в концепции «Священной обороны» Аятоллы Хомейни

Резюме. В статье анализируются формирование и эволюция концепции «священной обороны», предложенная аятоллой Рухоллой Хомейни под воздействием противостояния с Ираком в условиях ирано-иракской войны. Она стала той идейной основой, на которой строилась радикальная доктрина «экспорта исламской революции» силовыми методами, допускавшая их применение и вмешательство во внутренние дела других стран для защиты интересов ИРИ за пределами ее территории. Данная концепция является актуальной для внешнеполитической деятельности современного Ирана и после подписания перемирия с Ираком в 1988 г.

Ключевые слова: Иран, Хомейни, Ирано-иракская война, Исламское пробуждение, экспорт исламской революции, священная оборона

Iran-Iraq war of 1980–1988 in the concept of «Holy Defense» of Ayatollah Khomeini

Abstract. *The article analyzes, on the basis of the stages highlighted by the author, the formation and evolution of the concept of «sacred defense» proposed by Ayatollah Ruhollah Khomeini under the influence of the confrontation with Iraq in the conditions of the Iran-Iraq war. This concept became the*

* Баранов Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, СГУ им. Н. Г. Чернышевского. ORCID: 0000-0003-3351-9258

ideological basis on which the radical doctrine of the «export of the Islamic revolution» by force was built, which allowed the use of military methods and interference in the internal affairs of other countries to protect the interests of Iran outside its territory. This concept is relevant for the foreign policy activities of modern Iran even after the signing of the armistice with Iraq in 1988.

Keywords: *Iran, Khomeini, Iran-Iraq war, Islamic awakening, export of the Islamic revolution, sacred defense*

Конфликт между Ираком и Ираном, длившийся восемь лет — с 1980 по 1988 г. — и унесший от половины до миллиона жизней с обеих сторон[1], по признанию экспертов должен был закончиться как минимум в 1982 г., когда иракские войска были выведены с большей части территории Ирана. Однако вместо прекращения войны Иран принял решение о ее продолжении уже на территории противника. Во многом данный шаг был продиктован волей Лидера исламской революции (рахбара) аятоллы Рухоллы Хомейни.

Существовавшие уже к этому времени концепции «исламского пробуждения» (перс. бидари-йе ислами – بیداری اسلامی) и «экспорта исламской революции» (перс. садерат энгеляб-е ислами — صادرات انقلاب اسلامی), в условиях агрессии со стороны саддамовского Ирака, не соответствовали реальному положению дел и решению стоявших перед Ираном задач. По мысли аятоллы Хомейни, распространение идей исламской революции должно осуществляться исключительно мирными средствами и по инициативе народных масс, воодушевленных примером ИРИ. Силовой вариант «экспорта исламской революции» был неприемлем для аятоллы Хомейни с точки зрения ислама и Корана. Необходима была новая модель поведения в условиях войны между мусульманскими странами, которая давала бы Ирану легитимное право на решение «экспорта исламской революции» иными средствами. Такой концепцией и стала «священная оборона» (перс. дефа-йе мокаддас — دفاع مقدس), окрашенная в религиозные тона и обосновавшая борьбу до победного конца.

[1] Кулагина Л. М. Внешнеполитический курс ИРИ в условиях ирано-иракской войны // Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки. М., 1989. С. 401; Amjad M. Iran: from royal dictatorship to theocracy. New York: Greenwood Press, 1989. P. 153; Kamrava M. The Modern Middle East. LA: University of California Press, 2005. P. 183.

Особое внимание к данной концепции привлекает тот факт, что в последнее десятилетие вокруг ИРИ не раз возникали ситуации, грозившие вылиться в открытый вооруженный конфликт с США и Израилем. К тому же события «арабской весны» после 2011 г., погрузившие регион Ближнего Востока в военно-политический хаос, привели к качественному переформатированию баланса сил, когда на место традиционных лидеров стали претендовать новые игроки. Одним из активных участников процесса формирования новой системы региональной безопасности стала Исламская Республика Иран, вышедшая с альтернативной стратегией в виде концепции «исламского пробуждения»[2]. Однако вскоре политика ИРИ вызвала негативную реакцию со стороны ее региональных соседей[3], усмотревших в этом попытки реинкарнации силового варианта «экспорта исламской революции» эпохи правления аятоллы Рухоллы Хомейни.

В современной историографии не сложилось единого мнения по вопросу начала ирано-иракской войны. Ряд западных биографов аятоллы Хомейни[4] говорили о безумстве фанатика-исламиста, ставшего «ночным кошмаром для Запада». Другие заявляли о том, что причиной конфликта стало личное неприятие двух лидеров — Хомейни и Саддама Хусейна, — придерживавшихся диктаторских взглядов[5].

В иранской историографии, наоборот, превалирует апологетический подход к идеям и деятельности аятоллы Хомейни. В качестве официальной версии такого подхода могут служить работы Хамида Ансари[6] и Али Кадири[7], где Хомейни предстает

[2] Подробнее см.: Баранов А. В. Концепция «исламского пробуждения» аятоллы Али Хаменеи // История и историческая память: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 9 / под ред. А. В. Гладышева. Саратовский университет, 2014. С. 190–204.

[3] Кулагина Л. М., Ахмедов В. М. Ирано-арабские отношения в условиях «арабской весны» на Ближнем Востоке // Иран при М. Ахмадинежаде. М., 2013. С. 110.

[4] См. например: Stone E. Khomeini: the Shah, the Ayatollah, the Shi'ite explosion. Los Angeles: Holloway House, 1980.; Gordon M. Ayatollah Khomeini. New York: Chelsea House Publishers, 1988.; Coughlin C. Khomeini's ghost. L.: Pan Books, 2010.; Willett E. Ayatollah Khomeini. New York: The Rosen Publishing Group, 2004.

[5] См. например: Schaffer D. The Iran-Iraq War. San Diego: Lucent Books/Thomson Gale, 2003.; Marr Ph., Al-Marashi I. The Modern History of Iraq. Hachette: Westview, 2017.

[6] Ансари Х. Имам Хомейни. Политическая борьба от рождения до кончины. М., 1999. С. 472.

[7] Qadiri, Sayyid Ali. The life of Imam Khomeini. Vol. 1. Tehran: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 2008. P. 429.

в качестве борца за освобождение иранского народа от тирании шахского режима, а после победы Исламской революции — как борца с империализмом, колониализмом, сионизмом и его региональными марионетками, среди которых был Саддам Хусейн.

Более распространенные версии начала войны изложены в работах Лизы Маннетти[8], Дилипа Хиро[9] и Мюррея Вильямсона[10]. Говоря о причинах, они настаивают на том, что это было историческое противостояние двух держав за доминирование в регионе. К тому же оно было осложнено противостоянием между секулярным арабским национализмом Ирака и универсалистской, религиозной идеологией революционного Ирана с его исламским режимом власти. Этой же концепции придерживаются и большинство российских исследователей[11], утверждающие, что «вечное соперничество» между арабами и персами за доминирование над регионом обострилось из-за экспансионистских устремлений Ирана, который в лице аятоллы Хомейни в основу внешней политики по отношению к мусульманским странам положил концепцию «экспорта исламской революции», что и способствовало эскалации конфликта и началу войны.

Для анализа формирования концепции «священной обороны» потребовалось привлечь речи, выступления, обращения и беседы аятоллы Хомейни, собранные и опубликованные Институтом по сбору и публикации трудов имама Хомейни в Тегеране, которые составили в общей сложности 22 тома[12]. Материалы расположенные в хронологическом порядке, облегчили анализ появления и эволюции концепции, что дает возможность проследить ход

[8] Mannetti L. Iran and Iraq: nations at war. New York: F. Watts, 1986. P. 91.

[9] Hiro D. The longest war: the Iran-Iraq military conflict. New York: Routledge, 1991. P. 376.

[10] Williamson M., Woods K. M. The Iran-Iraq War: a military and strategic history. Cambridge University Press, 2014. P. 410.

[11] См., например: Ниазматов Ш. А. Ирано–иракский конфликт. Исторический очерк. М.: Наука, 1989; Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки. М., 1989.; Ушаков В. А. Иран и мусульманский мир (1979–1998 гг.). М., 1999; Алиев А. А. Иран vs Ирак: история и современность. М., 2002; Белов (Юртаев) В. И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979–2010 гг.). М., 2012; Белов (Юртаев) В. И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. М., 2018; 40 лет Исламской Республике Иран. М., 2020.

[12] Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. An Anthology of Imam Khomeini's speeches, messages, interviews, decrees, religious permissions, and letters. In 22 volumes. Tehran: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 2008.

размышлений аятоллы Хомейни над этой проблемой, которая стала де-юре идейным обоснованием возможности силового распространения идей Исламской революции за пределами собственных границ Ирана.

Анализ творческого наследия аятоллы Хомейни, касательно концепции «священной обороны» позволил выделить три этапа в ее возникновении. Первый этап начинается с победы антишахского движения в Иране 11 февраля 1979 г., и завершается 22 сентября 1980 г. — вторжением иракских войск на территорию Ирана. Второй — охватывает рамки от начала войны и до 22 сентября 1981 г., когда иранские войска начали первое удачное контрнаступление по освобождению Абадана. Соответственно, третий этап включает в себя период отхода иракской армии с территории Ирана в результате серии успешных наступательных операций, завершившихся 14 июля 1982 г. переходом государственной границы и вторжением иранских войск в Ирак. В зависимости от развития ситуации во взаимоотношениях с Ираком, эволюционировала и идея аятоллы Хомейни о «священной обороне», которая приобретает свои окончательные формы именно на третьем этапе.

Согласно своему первому воззванию после победы Иранской революции, 12 февраля 1979 г., аятолла Хомейни объявил ее исламской, заявив, что это — «великая победа ислама»[13]. Однако иранский народ лишь в начале большого пути, сопряженного с дальнейшей борьбой. Окончательная победа будет возможна только при сохранении единства между всеми слоями общества. Хомейни отвергает конфессиональные различия между шиитами и суннитами. Для него приверженцы этих направлений ислама являются «мусульманами, братьями», которые едины и неразделимы. По словам аятоллы, в Иране будет построено общество, в котором будут уважаться все религиозные меньшинства и в котором не будет «никакого вопроса, названного суннитско-шиитским вопросом»[14].

Исламский характер Иранской революции и принцип религиозного братства суннитов и шиитов сразу стали ведущими лозунгами, провозглашенными аятоллой Хомейни. Развивая свою мысль о единстве мусульман, он отрицает и разделение

[13] Rising for the reconstruction of Iran // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 6. P. 117.
[14] Ibid. P. 119.

по национальному принципу: «Ислам так повелел, что мусульмане, из какого бы племени они ни были, являются братьями. Быть арабом, неарабом, курдом или турком это не проблема»[15].

Хомейни признает фактическую слабость революционного Ирана, который «обладает лишь незначительным количеством материальной силы» для поддержки освободительной борьбы палестинского народа против «сатанинской силы»[16]. Однако, признается он в своей беседе с Ясиром Арафатом 17 февраля 1979 г., Иран обладает огромной духовной силой, показав пример как можно и нужно бороться «кулаками и кровью», чтобы одержать победу над сатанинскими силами и сверхдержавами. Мало того, в разговоре с советским послом В. Виноградовым 24 февраля 1979 г. Хомейни уверяет, что иранский народ «полон решимости бороться до конца с любой силой, которая вмешивается в дела нашей страны». Иран больше никогда не допустит, чтобы над ним осуществлялось чье-либо господство. И полагаясь на священные заповеди Корана и следуя руководству пророка Мохаммеда, народ продолжит идти избранным маршрутом по пути к свободе и независимости[17].

После провозглашения Исламской Республики Иран, аятолла Хомейни, принимая иностранные делегации Палестины, Ливии, Ирака и Египта, 6 апреля 1979 г. объявил Иран страной, ставшей в «авангарде и одержавшей верх над сверхдержавами»[18]. Теперь настала очередь для «пробуждения» и всех остальных региональных стран, чтобы «превратить нас в мусульман, подобных тем, кто был на заре ислама, и наши народы должны быть подобны раннему исламскому сообществу, когда мусульмане были чистой веры, а их сила исходила от их веры и ислама»[19]. Однако после того, как иранский народ своими силами смог совершить невозможное, свергнув марионеточный режим шаха, то и остальные народы мира это могут повторить. «Нации должны восстать;

[15] Negation of ethnic inclinations among Muslims // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 6. P. 355.

[16] Triumph of faith over satanic powers // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 6. P. 159.

[17] Ties with neighboring powers and governments // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 6. P. 197.

[18] Secret of victory: the desire for martyrdom // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 6. P. 446.

[19] Ibid. P. 445.

нации должны понять, что ключ к победе — это желание мученичества. Они не должны придавать никакой ценности этой жизни, этой материальной, мирской и животной жизни. Каждый должен объединиться и стать божественным существом, человеком, готовым пожертвовать собой ради Бога»[20]. В этом, по мнению Хомейни, и заключается путь к победе.

Наиболее активно на призыв аятоллы откликнулись в Ираке, где весной 1979 г. начались массовые антиправительственные протесты в поддержку идеи осуществления исламской революции. Лидер ведущей шиитской партии «Ад-Дааваа аль-исламийя» аятолла Мохаммад Бакир ас-Садр, знавший Хомейни еще по годам ссылки в Ираке, выступил с рядом политических заявлений против режима партии Баас, обещая поддержку аятолле. В одном из посланий он «призвал арабов в Иране повиноваться лидерам революции, потому что Исламская республика представляет государство, основанное пророком, где люди разных национальностей и этнического происхождения могут жить в спокойствии»[21]. Для нейтрализации массовых акций поддержки Иранской революции власти Ирака, и отвечавший за безопасность Саддам Хусейн были вынуждены вывести на улицы городов армию. Начались аресты, причем не только шиитских, но и суннитских улемов[22]. В частности, под домашний арест был посажен и аятолла ас-Садр.

Тот факт, что власти Ирака покушаются на авторитет улема и нормы ислама, разрушая тем самым братские связи между мусульманскими нациями, служат интересам иностранных держав[23]. В ходе встречи с сирийской делегацией, 15 августа 1979 г., Хомейни, затронув существующие разногласия между правительствами, призвал региональные народы поступать «с правительствами, которые действуют против интересов ислама и интересов наций так же, как народ Ирана поступил со свергнутым шахом»[24]. Если народам удастся решить вопрос с правительствами,

[20] Ibid. P. 444.

[21] Цит. по: Hollinger M. E. Muqtada al-Sadr: how to demilitarize al-Sadr. Monterey: Naval Postgraduate School, 2009. P. 28.

[22] Tripp, Ch. A History of Iraq. Cambridge University Press, 2007. P. 213.

[23] Fraternity and unity among Muslim nations and governments // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 9. P. 186.

[24] The source of weaknesses of Muslims and of the corruption of Muslim countries lies in their governments // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 9. P. 251.

действующими вопреки интересам наций, мусульманам удастся решить и вопрос с присутствием в регионе иностранцев.

Развивая свою мысль, 17 августа 1979 г. в выступлении на мероприятии по случаю празднования «Дня Кудса» аятолла Хомейни призвал к самоорганизации народов региона через объединение в «Партии угнетенных» (перс. хезб-е мостазафан — حزب مستضعفان). По его словам, существующая иностранная эксплуатация народов была возможна из-за их разобщенности. Объединение создаст условия для «восстания против угнетателей и грабителей как Востока, так и Запада»[25]. По своим параметрам деятельности «Партия угнетенных» будет совпадать с «Партией Аллаха» (перс. хезбалла — حزب الله), которая была создана по инициативе Хомейни в Иране.

Преследование исламской оппозиции в Ираке, сочеталось с завершающим этапом закрепления единоличной власти Саддама Хусейна после отстранения им от власти 16 июля 1979 г. президента Ахмада Хасана аль-Бакра. Под нажимом Хусейна 30 марта 1980 г. было принято решение об объявлении вне закона членства в партии ад-Даваа, которое каралось смертной казнью[26]. В ответ 1 апреля 1980 г. боевики, связанные с ад-Даваа, совершили неудачное покушение на главу МИД Ирака и доверенное лицо Хусейна Тарика Азиза[27]. Это покушение стало поводом для жесткого и кровавого ответа исламистам из ад-Даваа, приведшего к массовым арестам и вынесениям смертных приговоров. Только в апреле–мае 1980 г. было казнено 96 членов ад-Даваа[28]. Среди казненных оказался и аятолла Мохаммад Бакир ас-Садр и его сестра Бинт аль-Худа. До начала войны — 22 сентября 1980 г. — из Ирака также было выслано из страны около 100 000 шиитов, в большинстве своем граждан Ирана[29].

По мнению аятоллы, Иран не должен оставаться в стороне от бед, переживаемых иракским народом. Поэтому он 17 апреля 1980 г., призвал иракских мусульман к обороне (перс. дефа — دفاع)

[25] The need to establish the party of the oppressed // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 9. P. 255.

[26] Hollinger M. E. Op. cit. P. 27.

[27] Tripp Ch. Op. cit. P. 221.

[28] Anderson L. D. The future of Iraq: dictatorship, democracy, or division. New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 126.

[29] Williamson M., Woods K. M. Op. cit. P. 133.

своих домов и семей, подвергнувшихся нападению со стороны диктатора. «Если наша исламская страна подвергается нападению и будет иметь место агрессия, ее защита становится обязательной для населения страны, независимо от того, старый он или молодой, мужчина или женщина, все должны выступить на защиту страны», — подчеркивает аятолла[30].

Предчувствуя близость войны с саддамовским Ираком, аятолла Хомейни в обращении от 12 сентября 1980 г. к мусульманам мира, направляющимся в хадж к святым местам Мекки и Медины, заявил, что у Ирана «нет причин воевать с Ираком»[31]. Исламская революция противостоит США, использующим иракское правительство для борьбы с Ираном. Самая серьезная опасность, представляемая Ираком — это заявляемая Саддамом Хусейном политика «арабского национализма», ведущая к подрыву единства мусульманской уммы и разжиганию усобицы между суннитами и шиитами[32].

Начало полномасштабной агрессии Ирака против Ирана, как оказалось, не стало для аятоллы Хомейни неожиданным. Уже через пару часов — в семь утра 22 сентября 1980 г. — он обратился с первым воззванием по ситуации к народам двух стран. В нем он отделил режим Баас во главе с Саддамом Хусейном от иракского народа, «являющегося нашим братом». Главным виновником был объявлен персонально Хусейн, которого Хомейни характеризует в жесткой и оскорбительной манере как «сумасшедшего, выжившего из ума, безумца, который в конце концов уничтожит сам себя»[33]. И в дальнейшем данная риторика не меняется. Саддам — коррупционер, на службе Великого Сатаны, т.е. США[34], преступник и тиран[35], похотливый язычник[36] и так далее.

[30] Necessity to be ready // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 12. P. 210.

[31] The policy of the United States and its supporters: To sow discord among Muslim nations // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 184.

[32] Ibid. P. 181.

[33] Saddam's attack on Iran on America's instigation // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 194.

[34] The necessity of paying visits to the families of the martyrs Admiring the bravery of the Armed Forces // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 211.

[35] Calling on the Iraqi people to overthrow the Baathist government of Iraq // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 223.

[36] The plot of the enemies of Islam in creating differences between the Muslims // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 378.

Действия Саддама Хусейна, по словам Хомейни, вызваны его страхом перед неизбежностью совершения в Ираке исламской революции. Поэтому он и предпринял свою атаку по приказу США[37], которые уже находятся в состоянии войны после того, как разорвали дипломатические отношения с Ираном. Цель лидера Баас понятна: он стремится узурпировать власть в регионе, воссоздав Арабский халифат[38], противопоставив друг другу мусульманские народы региона — арабов, которых Саддам именует истинными мусульманами, и так называемыми «аджами» (араб. العجمي)[39], т.е. тех, для кого арабский язык не является родным. Персидский народ в интерпретации Саддама, лживо обвиняется в «огнепоклонстве, называя его магами (зороастрийцами)»[40]. В высказываниях Хомейни Саддам является «лицемером» «мунафиком» (араб. منافق), так как его ислам представлен ему США, это не ислам «Мекки и Медины»[41]. Поэтому Саддам и его политика «опасны для ислама и иракского народа»[42], уверен аятолла Хомейни.

Иракский народ — мусульманский народ, и он является братским народом для иранцев. Поэтому если иракцы хотят оставаться мусульманами, если они хотят находиться под знаменами ислама, они должны выступить против «коррумпированного режима» Саддама Хусейна и восстать с целью его свержения. Иракский народ должен остановить войну против Ирана, так как это война против ислама[43]. И иракская армия, в первую очередь солдаты и младшие офицеры, должны выступить с оружием в руках, тогда как простой народ должен саботировать официальную власть, «воздерживаясь от уплаты налогов и счетов за воду и электричество, поскольку помощь незаконному еретическому

[37] Saddam's attack on Iran on America's instigation // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 193.

[38] Obligation of Muslim countries in relation to the attack of Saddam on the Islamic country of Iran // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 238.

[39] The silence of Muslims on the aggression of the Baath Party of Iraq against Iran // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 289.

[40] Admiring the bravery of the Armed Forces // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 206.

[41] Iran's stand in the Iraqi-imposed war and the need for an unyielding confrontation with the aggressor // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 14. P. 143.

[42] Saddam's attack on Iran on America's instigation // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 196.

[43] Ibid. P. 197.

правительству равносильна помощи врагам ислама, которые находятся с ним в состоянии войны»[44].

Отдельным адресатом для аятоллы Хомейни выступает иранский народ, на долю которого выпала пора испытать агрессию со стороны «деспотического иракского правительства», которую он назвал «навязанной войной» (перс. джанг-е тахмили جنگ تحمیلی)[45]. Он призывает иранцев не паниковать, так как на их стороне Аллах, а значит, и победа над врагом. В своем обращении от 26 сентября 1980 г., Хомейни сравнил иранский народ с воинами-мусульманами раннего ислама из армии легендарного полководца Халида ибн-Валида, разгромившего в сражении при Муте в 629 г. значительно превосходившую армию византийского императора Ираклия I[46], явно намекая, что Ирану по силам разгромить армию Хусейна.

Война против режима Саддама Хусейна, по мнению Хомейни, это серьезный выбор, с которым столкнулся иранский народ: это либо «путь к вечному благословению под эгидой благородной борьбы за Бога и защиты исламской страны, либо путь вечного убожества и позора в случае, если вы проявите вялость и апатию в этой священной борьбе»[47]. Но аятолла верил в то, что иранский народ останется верен своему долгу защиты ислама и приложит все усилия для того, чтобы разгромить вторгнувшегося врага, что должно способствовать освобождению иракского народа от диктатуры Баас и Саддама Хусейна. «Нас не пугает тот факт, что за нашим врагом стоят сверхдержавы. Мы освободим братский народ Ирака, чтобы он мог определять свою судьбу, назначать свое собственное правительство и управлять самим собой. Мы выиграем эту войну, в этом нет никаких сомнений»[48], — заявил Хомейни 9 октября 1980 г.

Начавшая война, по мнению Хомейни, стала также серьезным вызовом и для мусульманских стран региона. Уже

[44] The Iraqi nation's religious, divine and human duty // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 201.

[45] The blessings of the war // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 215.

[46] Admiring the bravery of the Armed Forces // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 204.

[47] Ordering the mobilization of the Iranians to counter the aggression of the Baathist enemies // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 234.

[48] Iran will gain victory in the war with Iraq // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 227.

4 октября 1980 г. он выразил сожаление тем, что некоторые из региональных государств «встали на сторону неверующих в этой войне между исламом и ересью»[49], активно распространяя лживую пропаганду об Исламской Республике Иран. 16 октября 1980 г. он уже напрямую «строго предупреждал» те страны, которые оказывают какую-либо помощь «еретическому правительству баасистов» в навязанной ими войне против Ирана. Хомейни недвусмысленно советовал им «помнить не только о гневе Божьем и вечном позоре, которые они навлекут на себя, но и о скором возмездии от рук их собственного народа и могущественной армии нашей исламской страны»[50]. Аятолла рекомендовал образумиться и прекратить противостоять исламу и Священному Корану, так как потом молить о помощи будет поздно.

Хомейни был уверен, что главная причина подобного поведения многих исламских правительств исходит из их убежденности, что Иран, оказавшись в политической изоляции и под экономическими санкциями, введенными США, будет представлять «легкую добычу» для Саддама Хусейна. Однако аятолла критиковал тех, кто верит в это, а также в то, что за США стоит весь мир. На самом деле, если разобраться, то «слабые» нации просто запуганы США, чьи правительства вынуждены следовать в русле американской политики, тогда как их народы настроены антиамерикански. Поэтому, по словам Хомейни, народы, которые являются «угнетенными», поддерживают ИРИ, что позволяет утверждать, что это не Иран, а Америка находится в изоляции[51]. Вместо того, чтобы следовать в русле американской политики и поддерживать режим Саддама Хусейна, мусульманские правительства должны выполнить свой исламский долг, как этого требует кораническая традиция.

Дело в том, что военная кампания Саддама Хусейна против Ирана была рассчитана на месяц и должна была закончится к 20 октября 1980 г. — ко дню Ид аль-Адха, но из-за упорного

[49] Calling on the Iraqi people to overthrow the Baathist government of Iraq // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 223.

[50] The treacheries and crimes of Iraq's Baathist regime // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 233.

[51] Obligation of Muslim countries in relation to the attack of Saddam on the Islamic country of Iran // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 240.

сопротивления иранцев, она была сорвана[52]. Захватив с большими потерями Хорремшахр, который негласно стал именоваться Хуниншахр (Город крови), 24 октября, Саддам 7 декабря 1980 г. заявил о приостановке дальнейших наступлений и готовности обсудить перемирие на основании Резолюции 479 СБ ООН от 28 сентября 1980 г.[53]

В своем обращении к мусульманским правителям Хомейни призывал ориентироваться на соответствующую суру Корана (49:9): «И если бы два отряда из верующих сражались, то примирите их. Если же один будет несправедлив против другого, то сражайтесь с тем, который несправедлив, пока он не обратится к велению Аллаха». С точки зрения аятоллы, согласно тому, что написано в Коране, все исламские страны обязаны бороться против Ирака, чтобы он подчинился слову божьему, так как это именно Ирак совершил агрессию в отношении Ирана[54], за что должен быть наказан совместными усилиями всех мусульман. Впоследствии аятолла Хомейни еще не раз, обращаясь к мусульманским правителям, будет вспоминать этот аят Корана.

Хомейни даже признавал возможность прекращения войны, если иракская сторона предпримет определенные шаги, которые предусматривали выплату компенсации, вывод войск, возвращение военнопленных. Но отдельно выделялись требования смещения Саддама Хусейна, роспуск партии Баас и наказание виновных в военных преступлениях[55]. Только после этого Хомейни был согласен приступить к обсуждению мирного соглашения.

Позиция, занятая исламскими странами региона, явно не устраивала аятоллу Хомейни, которые еще 26 сентября 1980 г. в лице совета глав МИД ЛАГ приняли обращение к противоборствующим сторонам с призывом к скорейшему заключению мира при посредничестве международных организаций. Эта же идея была повторена в «Мекканской декларации» по итогам 3-го саммита Организации исламской конференции (ОИК) от 29 января 1981 г.[56]

[52] Алиев А. А. Указ. соч. С. 652.

[53] Williamson M., Woods K. M. Op. cit. P. 116.

[54] Obligation of Muslim countries in relation to the attack of Saddam on the Islamic country of Iran // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 239.

[55] Ibid. P. 242.

[56] Third Islamic Summit Conference: The Mecca Declaration (Mecca, 25–29 January

Аятолла Хомейни обрушился с критикой на решения ОИК, которое предполагало заключение мира с Саддамом Хусейном. Он обвинил членов ОИК в том, что они встали на сторону агрессора, тем самым они выступили против ислама и интересов исламских народов, лицемерно прикрываясь именем ислама[57]. Отсутствие решительных действий в отношении агрессора привело к занятию пассивной позиции стороннего наблюдателя, что, по мнению Хомейни, равносильно в соучастии в преступлении. Он прямо возложил вину за плачевное состояние мусульман на их правителей, что привело к распространению в регионе марионеточных режимов, обслуживающих интересы сверхдержав Запада и Востока[58]. Что же касается мира с Саддамом Хусейном, то Хомейни уверен, что он невозможен, так как режим в Ираке — это режим куфра, а «мир между исламом и куфром бессмыслен»[59]. Поэтому он и призывал мусульманские страны, которые реально стремились положить конец войне, объединиться с Ираном и «предать агрессора суду и наказать его». В противном случае, Хомейни заявлял, обращаясь уже к иранцам: «Я совершенно не боюсь войны, и вы тоже»[60]. Намекая, что он готов сопротивляться агрессору до победы, даже без союзников в лице других мусульманских стран.

Почему же исламские власти стран региона были пассивны в урегулировании конфликта? По мнению аятоллы Хомейни, это вызвано тем простым фактом, что местные правители предпочли материальный достаток и поставили собственные интересы выше интересов мусульманской уммы. Именно правители арабских стран активно поддерживают проект сверхдержав по продвижению «арабского национализма», приведший к полному разобщению некогда единого мусульманского общества. Цель сверхдержав проста — «подчинить мусульман своему влиянию, захватить их ресурсы и разграбить их активы»[61]. Для достижения

1981) // URL: http://jang.com.pk/important_events/oic2003/3rd.htm (дата обращения: 27.02.2023).

[57] Value of the endurance of hardship // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 14. P. 58.

[58] Iran's stand in the Iraqi-imposed war and the need for an unyielding confrontation with the aggressor // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 14. P. 141.

[59] Ibid. P. 143.

[60] Dealing Islam a blow, the real aim of the enemies // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 293.

[61] The plot of the enemies of Islam in creating differences between the

поставленной цели используются все средства — подкуп, запугивание и обман. Поэтому ничего удивительного в такой позиции правителей для Хомейни не было: они, являясь марионетками сверхдержав, поддерживают такую же марионетку в лице Саддама Хусейна.

Выход из создавшейся ситуации аятолла Хомейни видел в обращении к мусульманским народам региона «пробудиться и побудить иракскую нацию освободиться из тисков великих держав и марионеток воплощений коррупции, которые убивают мусульман во имя ислама, попирают законы ислама во имя ислама»[62]. 9 апреля 1981 г. Хомейни напрямую призвал иракский народ не сидеть сложа руки и ждать когда, кто-то придет и освободит их. «Иракский народ верит в ислам и Священный Коран, выступает против тирании и угнетения и питает отвращение к упадку»[63], поэтому он должен пойти по пути иранского народа, свергшего диктатуру шаха.

Освобождение иракского народа от диктатуры Баас и тирании Саддама находится в руках самого иракского народа. Хомейни в своем обращении от 18 августа 1981 г. отрицал намерения со стороны Ирана воевать против Ирака, так же, как и развязывать войны против других стран. «Мы желаем, чтобы во всем мире воцарился мир»[64], утверждал он. В одиночку Ирану не под силу справиться со всеми врагами ислама, это можно сделать только объединенными силами всех исламских наций и угнетенных народов мира, уверен Хомейни, которые должны восстать против «высокомерных держав» и их «детища» в лице «оккупационного режима» Израиля. И пока не будет решена проблема с Израилем — «раковой опухолью»[65] среди исламских стран — в регионе продолжат существовать такие марионетки, как Саддам Хусейн и Анвар Садат, которые и дальше будут совершать свои преступления против мусульман.

Muslims // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 377.

[62] The crimes and the tyranny of the Baathist regime of Iraq and the need for the Iraqi nation to rise up against this kafir (faithless) regime // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 14. P. 241.

[63] Ibid. P. 239.

[64] Invincibility of the Iranian nation and the need for their alertness in confronting plots // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 15. P. 101.

[65] A look into the causes and dimensions of the imposed war // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 15. P. 204.

В годовщину начала войны, 22 сентября 1981 г., иранские войска развернули крупное контрнаступление, которое стало первым в серии, продолжавшейся до лета 1982 г. Заключительный этап иранского наступления по возвращению территорий, потерянных осенью 1980 года начался 30 апреля 1982 г. В результате этих действий соединенные иранские войска, состоящие из регулярной армии и КСИР, достигли значительных успехов. К 24 мая 1982 г. Хорремшехр и его окрестности были очищены от иракских войск[66]. После освобождения Хорремшехра Иран вышел на госграницу Ирака[67]. 20 июня 1982 г. С. Хусейн заявил о полной добровольной эвакуации с иранской территории. В ночь на 14 июля 1982 г., иранские войска перешли границу и начали операцию «Благословенный рамадан» по овладению Басрой.

Изменения на поле боя кардинально повлияли на радикализацию риторики аятоллы Хомейни. Если в декабре 1981 г. он советовал С. Хусейну «отправиться в Париж и там со своими друзьями сформировать правительство в изгнании»[68], то в марте 1982 г. он уже утверждал, что единственный выход для Саддама — это совершить самоубийство: «Точно так же, как Гитлер покончил с собой, потерпев поражение, совершите самоубийство, если вы достаточно мужественны»[69].

Победы иранской армии над иракскими войсками свидетельствуют о том, что планы Саддама стать новым «победителем при Кадисии» провалились. Хомейни говорил, что теперь Саддам загнан в ловушку, которую он сам и расставил. Комментируя ситуацию, аятолла заявил 31 марта 1982 г., что режим Саддама терпит поражение, несмотря на то что за ним стоят сверхдержавы, а также большинство региональных правителей, которые оказывают ему всю необходимую поддержку — финансовую, вооружённую и информационную. Но теперь ситуация изменилась, теперь уже «Иран говорит с позиции силы»[70]. И если до

[66] Алиев С. М. История Ирана. XX век. М., 2004. С. 508.

[67] Tayebipour Meysam. Ayatollah Khomeini Through the Lens of the Iran-Iraq War. New York: Palgrave Macmillan, 2023. P. 138.

[68] Explaining the results and blessings of the war — an advice to the Iraqi army and the governments of the region // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 15. P. 345.

[69] Misunderstanding of the opponents of Iran of the power of faith and Islam-poisonous propaganda of the enemies against Iran // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 16. P. 100.

[70] Complimenting the combatants of Islam // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 16. P. 141.

этого Иран — народ и армия — защищали свою страну и Коран, то теперь они настроены «защищать права мусульман и исламских стран от агрессоров и повстанцев, таких как узурпаторский режим Израиля»[71].

Касательно дальнейшей судьбы тех региональных правителей, кто поддерживал иракский режим, Хомейни в своем обращении от 16 мая 1982 г., призывал одуматься и отступить. Он советовал им не верить пропагандистским заявлениям сверхдержав о том, что, «если Исламская Республика добьется успеха и одолеет Ирак и иракский режим, она распространит свое господство на регион, шейхства и региональные правительства». Истинная опасность для них исходит не от Ирана, а от Саддама, уверен аятолла. Если Саддам сохранит свою власть, то как человек с манией величия, «он будет вести войну против тех, кто помогал ему. Он погубит их всех»[72]. В каком-то смысле эти слова Хомейни стали пророческими для арабских монархов Персидского залива.

Развивая свою мысль о взаимоотношениях с региональными странами, Хомейни предлагал им сделать выбор: освободиться из-под контроля сверхдержав и прекратить поддерживать режим Саддама или встать на путь ислама и строить единую независимую исламскую умму. В своем выступлении 24 мая 1982 г. по случаю освобождения Хорремшехра он заявил: «Я гарантирую региональным правительствам, что, если они перестанут повиноваться США и их протеже и будут относиться к нам в соответствии с правилами ислама и Корана, они не увидят с нашей стороны ничего, кроме добра и поддержки»[73]. В противном случае они так и останутся слугами сверхдержав, выступающих за разрушение ислама и регионального мира. Хомейни призывал не идти по пути Хосни Мубарака из Египта и короля Хусейна из Иордании, являющихся приверженцами «мертвого кэмп-дэвидского соглашения», так как в данном случае «ислам не позволит нам хранить молчание, поскольку мы считаем это большой угрозой

[71] Ibid. P. 142.

[72] The characteristics of propaganda in our time // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 16. P. 218.

[73] Complimenting the combatants of Islam and congratulations on the liberation of Khorramshahr // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 16. P. 225.

исламским странам, особенно святыням»[74]. Аятолла советовал и предостерегал не становиться на сторону Саддама и мунафиков против Ирана. «Сегодня Иран считается великой и сильной страной и стал притчей во языцех»[75], которому по силам справиться с угрозами.

Освобождение Хорремшехра убедило аятоллу Хомейни в силе иранских вооруженных сил, способных противостоять иракской армии. Операция Израиля против Ливана, начавшаяся 6 июня 1982 г., заставила уже радикально решать вопрос. Если 12 июня Хомейни говорил о том, что он не дает согласия на вход иранских войск в Ирак[76], как того требуют военные, то 20 июня он заявляет: «Наш путь в Ливан лежит через Ирак»[77].

Хомейни обвинил исламские правительства в безразличии к происходящему в Ливане, подвергнувшемуся атаке со стороны «глобального сионизма», за которым стоят США. Своей пассивной позицией исламские власти поддерживают действия американских марионеток — Израиля и Саддама. Всему миру известна позиция Ирана в отношении Израиля, и то, что исламские власти пассивны, дает Хомейни основание утверждать, что угнетенные народы мира возлагают свои надежды на Иран, верный своему принципу «ни Запад, ни Восток», отстаивает свободу и независимость всех народов, подвергающихся внешнему угнетению[78].

Объясняя свою позицию Хомейни, 20 июня 1982 г. заявил, что Ливан, так же, как и Иран, подвергся агрессии. Причем Ирак и Израиль действовали по приказу США. Учитывая особые отношения к Ливану и «аллергию на Израиль» у Ирана, США пытались открыть новый фронт, так как Саддам не справился с заданием. Это делалось для того, чтобы отвлечь внимание и силы Ирана от окончательного разгрома режима Саддама. Однако Иран не поддастся на провокацию, так как хорошо понимал, что помочь Ливану он может только после того, как освободит Ирак

[74] Ibid. P. 226.

[75] Today's Iran, powerful and strong // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 16. P. 236.

[76] Reflection and depth of military advances // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 16. P. 276.

[77] Depth of value and holiness of mourning assemblies // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 16. P. 305.

[78] Zionist regime's attack against South Lebanon // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 16. P. 268.

от режима Саддама. Это даст возможность иракскому народу свободно решать свою судьбу, избрав путь построения исламской республики, что приведет к объединению братских народов двух стран. После чего, уверен Хомейни, «другие малые страны региона также присоединятся, а США будут лишены этого богатого региона, ради которого они готовы уничтожить тысячи своих войск и тысячи людей в регионе»[79].

В ночь с 13 на 14 июля 1982 г. иранские войска вступили на территорию Ирака. Хомейни в своем обращении к иракскому народу обосновал необходимость данного шага. «Защищая свою страну и отражая нападения врага ислама, ваши братья-моджахеды были вынуждены вступить на иракскую территорию, чтобы по воле Всемогущего Бога спасти затерроризированный народ Ирака от зла партии, которая нанесла многочисленные удары по этой благородной нации в ходе его незаконного господства над страной»[80].

Религиозный и национальный долг иракцев прийти на помощь своим иранским братьям, которые «самоотверженно борются за защиту своей страны и спасение своих братьев, находящихся в рабстве»[81].

Таким образом, освободительный поход символизирует продолжение «священной обороны» мусульман от угнетения со стороны неверных и мунафиков. В ответ на критику из-за ввода войск в Ирак со стороны мирового сообщества Хомейни объяснял данный шаг попыткой Ирана сохранить свою независимость и отрубить руки «пожирателям миров» в лице США и Советского Союза. «Мы вошли в Ирак для защиты нашей страны и угнетенного народа»[82], — заявил он 25 июля 1982 г. И вопреки обвинениям об угрозе со стороны Ирана странам региона, Хомейни вновь говорил об ее отсутствии.

Агрессия Ирака против Ирана показала отсутствие единства между мусульманами — шиитами и суннитами. Более того,

[79] Depth of value and holiness of mourning assemblies // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 16. P. 304.

[80] Inviting the Iraqi people to revolt against the Baathist regime of Iraq // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 16. P. 325.

[81] Ibid. P. 326.

[82] Opposition of the East and West to the Islamic Republic // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 16. P. 338.

Хомейни говорил о нарастающих спорах, вызывающих внутреннюю слабость мусульман противостоять доминированию сверхдержав. Причина лежит в присутствии среди мусульман мушриков и мунафиков, которые способствуют сохранению угнетения со стороны неверных[83]. Он с сожалением отмечал, что «многие региональные правительства встали в оппозицию Ирану, то есть исламу»[84] и не поддержали решимости иранского народа положить конец правлению режима Саддама в Ираке. Иран неоднократно выступал за справедливое урегулирование конфликта, но не встречал понимания своей позиции. В связи с неспособностью международного сообщества справиться с Саддамом Хусейном, тогда, по заверению Хомейни, «нам придется сделать это самим. Мы должны сделать это силой». И если те, кто поддерживают Саддама и выступают против Ирана, будут чинить препоны, «наш долг остановить их. Наш долг продолжать до тех пор, пока мы не сможем остановить их»[85].

Доктрина «священной обороны», разработанная аятоллой Хомейни под влиянием противостояния с Ираком, стала той идейной основой, на которой строилась радикальная концепция «экспорта исламской революции» силовыми методами, допускавшая применение военных методов по защите интересов ИРИ за пределами ее территории. Хомейни, как известно, до последнего сопротивлялся прекращению войны с Ираком, так как для него эта война носила сакральные черты противостояния ислама и куфра. И что характерно, даже после перемирия 1988 г., Иран так и не пошел на подписание мирного договора с Ираком, активно поддержав военную операцию международной коалиции в 1991 г. и приветствовал свержение Саддама в 2003 г. Это дает основание сделать заключение, что данная концепция востребована официальными властями ИРИ до сегодняшнего дня.

[83] Need for unity of Muslims; countless crimes of Saddam // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 16. P. 417.

[84] Love of self, source of man's afflictions // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 16. P. 397.

[85] Significance and necessity for purging and reconstructing ministries and organizations // Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 16. P. 412.

З. А. Арабаджян *

Подъём левого движения в Иране в годы Второй мировой войны (к вопросу о мягкой силе)

Резюме. Статья анализирует процесс формирования политических партий в Иране после падения диктатуры Реза-шаха. Особое внимание уделяется созданию Народной партии Ирана (Туде), ставшей главной силой левой оппозиции в стране. Автор анализирует факторы роста популярности Туде, среди которых отмечает не только организационную и финансовую помощь советских представителей в Иране, но и героизм и победы советского народа в войне с фашистской Германией, а также дисциплину, примерное отношение советских солдат и офицеров к местному населению. Последнее производило большое впечатление даже на лиц настроенных отрицательно к СССР.

Ключевые слова: Иран, Вторая мировая война, Народная партия Ирана, Сулейман Мирза

The rise of the leftist movement in Iran during World War II (to the question of soft power)

Abstarct. *The article is devoted to the process of formation of political parties in Iran after the fall of Reza Shah's dictatorship. Particular attention is paid to the creation of the People's Party of Iran (Tudeh), which has become the main force of the left opposition in the country. The author analyzes*

* Арабаджян Завен Артемович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0002-5743-2002

the growth factors of Tudeh's popularity, among which he notes not only the organizational and financial assistance of the Soviet representatives in Iran, but also the heroism and victories of the Soviet people in the war against Nazi Germany, as well as discipline, the exemplary attitude of Soviet soldiers and officers to the local population. The latter made a great impression even on people who were negatively disposed towards the USSR.

Keywords: *Iran, World War II, People's Party of Iran, Suleiman Mirza*

Когда в августе–сентябре 1941 г. в Иран были введены войска союзников, и Реза-шах оказался вынужденным отречься от престола, в стране сложилась принципиально иная политическая ситуация. Все препятствия на пути естественной общественно-политической активности представителей местной буржуазии, интеллигенции и других социальных страт оказались устранены. Двери тюрем раскрылись, политические заключенные вышли на свободу. Пошел бурный процесс образования политических партий. Большая часть из них были буржуазными, националистическими либо монархическими на грани с фашистскими. К числу таких партий можно отнести «Джаван-е Иран», или троттистскую партию, одним из создателей которой был секретарь английской миссии в Тегеране Тротт, взявшую название партии, существовавшей еще в начале 20-х годов. Другой буржуазной партией стала Национальная, состоявшая из сторонников либерально-буржуазных реформ с сильным клерикальным уклоном. Во главе партии стояли бывший министр просвещения Тадайон, журналист-англофил Рахнема и депутат Меджлиса Табатабаи.

Следует упомянуть и монархическую партию, во главе которой стояли начальник Генерального штаба иранской армии генерал армии Йазданпанах и Керим Ага-хан. В партии состояло много офицеров иранской армии, и она считалась профашистской. Правда, ее нельзя считать политической партией даже в иранских реалиях. Во всяком случае она не публиковала своих программ, уставов и иных директивных документов. Скорее всего это была неформальная большая группа монархистов,

сторонников твердой власти династии Пехлеви, она неофициально называлась «ОН», т.е. «Шах»[1].

В мае 1942 г. депутат меджлиса Али Дашти основал Общество справедливости (Джамийат-е Эдалят), ядром которого стала небольшая фракция Эдалят в парламенте. Среди его членов были депутаты Насратьян и Табатабаи, губернатор Исфагана Мустафа Голи Хедаят, издатель газеты «Кейхан» Фарамарзи, поэт, писатель и политик Малек ош-Шоара Бахар.

В январе 1942 г. была создана партия «Мейханпарастан» («Патриоты»), когда в одном из тегеранских домов собралось около 50 человек, которые создали эту структуру, избрали Центральный совет партии[2]. Партия выпускала свою газету с таким же названием. Она стояла на буржуазно-националистических позициях, не имея твердой социальной ориентации, стараясь привлекать в свои ряды представителей различных общественных групп, особенно молодежь.

Вклад в партийное строительство внес и известный иранский политик Сеид Зия уд-Дин Табатабаи. Сразу же после возвращения в Иран (сентябрь 1943 г.) он создал организацию «Ватан», стоявшую на крайне консервативных позициях, но не получившую существенной поддержки в обществе, которую уже январе 1944 г. преобразовал в партию антисоветской направленности «Эраде-йе Мелли».

Стали появляться и партии левой направленности, наиболее мощной из которых являлась Народная партия Ирана (Туде). Другой партией, близкой НПИ, которую условно можно было назвать стоящей на позициях левой социал-демократии, была партия «Иран» во главе с Алахяром Салехом.

Многообразие внезапно появившихся политических организаций создавало ощущение хаоса в общественно-политической жизни Ирана. В связи с этим уже в 1942 г. в политических кругах Ирана стали раздаваться призывы уменьшить количество партий и фракций. Так, Малек ош-Шоара Бахар, примыкавший к партии «Джамийат-е Эдалят», высказался за то, чтобы оставались только две партии: одна — левая и одна — правая. Левая партия будет представлять мнения меньшинства, а правая — мнение

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 176. Л. 48.

[2] Menkhanparast. 17.01.1944.

большинства. При этом в правую партию должны были объединиться партии «Эдалят», «Национальная партия», «Пейкар» и др., а левой должна быть Народная партия Ирана, которая станет подобна Социалистической партии Сулеймана Мирзы в 20-е гг.[3]

Именно Туде стала наиболее крупной и стабильной партией, для членов которой было нехарактерно перетекать из одной партийно-политической структуры в другую. Ее учредили 30 сентября 1941 г. вскоре после того, как была выпущена на свободу первая группа политзаключенных из числа членов Иранской коммунистической Партии, разгромленной Реза-шахом в начале 30-х годов, и группы 53. Инициатором сбора нескольких десятков человек, большинство из которых были хорошо знакомы по совместному пребыванию в тюрьмах и ссылке, был Ирадж Искандери, считавший необходимым объединить в широкую коалицию националистов и патриотов с марксистами. Представляется, что уникальность иранской ситуации состояла в огромной роли, сыгранной членами династии Каджаров в становлении новой марксистской партии в Иране. На начальном этапе становления Туде все трое представителей семейства Искандери (Ирадж, Сулейман Мирза и Аббас Мирза) входили в состав ЦК. Возможно, судьба хотела испытать династию Пехлеви, создавая партию, желавшую её устранения, руками Каджаров, в свое время низвергнутых Реза-ханом с иранского престола.

На основании встреч и бесед с руководителями партии советские представители делали вывод о том, что она охотно идет на сближение с СССР и хотела бы получить от советской стороны активную помощь и рекомендации по осуществлению своей деятельности. Об этом красноречиво свидетельствуют заявления Сулеймана Мирзы во время встречи с советским послом А. А. Смирновым, состоявшейся 17 января 1942 г.: «Интересы Советского Союза и иранского народа полностью совпадают, и мы уверены, что с победой Советского Союза для трудящихся нашей страны будут открыты самые широкие возможности. …

Я намеревался обменяться с вами мнениями по вопросу единой тактики Народной партии и советских кругов в Иране. Народная партия за последнее время проделала значительную работу: в Тегеране создан организационный комитет партии,

[3] Mehr-e Iran. 08.06.1942.

а также в провинциях развернута сеть групп членов этой партии. Такого же рода группы нашей партии организованы как на юге, так и на севере. … Авторитет Народной партии среди широких демократических элементов страны постоянно растет, … Мы опасаемся, не зная истинных намерений советского правительства, сделать какую-либо ошибку в своих действиях, которые могли бы повредить налаживанию советско-иранских отношений и в особенности такую ошибку, которая послужила бы основанием правительству для нашего преследования и заявления Вам о том, что Народная партия вредит налаживанию нормальных взаимоотношений между Советским Союзом и Ираном»[4].

Первоначально позиции партии, в которую входили представители самых различных социальных страт, были весьма размыты, и она скорее являлась не партией, а фронтом или движением, объединяющим людей с различными представлениями о благе и способами достижений поставленных целей. В своих аналитических записках представители советского посольства к числу недостатков программы партии относили то, что она не обращала должного внимания на необходимость борьбы за восьмичасовой рабочий день, социальное страхование, разработку трудового законодательства, ограничение использования женского и детского труда и, наконец, главное для такой аграрной страны, как Иран, — отсутствие пунктов, отражавших интересы крестьянства, урегулирование его взаимоотношений с помещиками, облегчение условий аренды земли и пр[5].

Постепенно позиция партии по основным вопросам начала проявляться более четко. Так, Эхсан Табари характеризовал классовую опору партии следующим образом: «Народная партия Ирана — это совокупность четырех классов и отражает в своей программе интересы этих четырех классов (рабочие, крестьяне, интеллигенция и ремесленники)»[6].

В первой половине 40-х годов партия имела серьезный политический вес, ее поддерживали сотни тысяч представителей трудящихся и эксплуатируемых слоев общества. Этому способствовало множество факторов: присутствие советских войск на

[4] АВП РФ. Ф. 94. Оп.3. Д. 19. П. 75. Л. 14.

[5] АВР РФ. Ф. 94. Оп. 3. Д. 19. П. 75. Л. 15–16.

[6] Razm, № 22–25, 25.05.1322.

севере страны, отчасти не дававшее полиции и силам безопасности громить партийные ячейки и репрессировать коммунистов и их сторонников, организационная и финансовая помощь со стороны Восточного отдела Исполнительного Комитета Коминтерна (ИККИ), по крайней мере до его роспуска в 1943 г. Но было и еще нечто не менее важное, что притягивало людей к коммунистической идее. Это — достижения Советского Союза и его поистине всенародная и героическая борьба с нацистской Германией и ее сателлитами.

Данное обстоятельство признавалось всеми сколько-либо объективными наблюдателями. Не случайно даже клерикальная газета «Неджат-е Ислам», которую трудно заподозрить в симпатиях к коммунизму, в статье «Вера и идея потрясают мир» (номер от 15 сентября 1942 г.) писала: «Можно сказать, что вера и идея однозначны, т.к. они указывают человечеству высокие и чистые цели. Я не буду приводить множественные примеры из истории различных народов …

Лучше если я для доказательства своих мыслей приведу в пример идеологию живую и новую, которая появилась уже на наших глазах среди великого советского народа и принесла колоссальные результаты. Напомним читателям, что это коммунизм и большевизм, который уже около 20 лет господствует в огромной России, нашем ближайшем соседе, создали удивительные изменения в общественной жизни страны. Если мы познаем эту идеологию лучше, то получим прекрасный пример влияния веры и идеи.

… Сила веры независимо от того, является ли она следствием наличия религии или идеи, всегда дает подобные замечательные результаты и ведет к великим событиям, изменяющим течение истории»[7].

Значение и роль идеологии и идей в жизни общества осознавались и представителями левого течения общественной мысли, и это происходило во многом под влиянием событий на советско-германском фронте. Газета «Мардом» 30 октября 1942 г. обнародовала обращение группы иранских ученых, инженеров, врачей и общественных деятелей к защитникам Сталинграда, которые связывали героизм сопротивления

[7] Наджат-е Эслам. 15.09.1942 г.

советских людей с силой идей, которые они разделяют: «Герои Сталинграда! Геройски и бесподобно защищая могучую крепость Сталина, вы тем самым охраняете и безопасность наших границ, спокойствие и мир всех других восточных государств…

Знайте, герои, что ваша двухмесячная борьба, показавшая всему миру силу ваших идей, достойна того, чтобы о ней рассказывали веками»[8].

Росту популярности Советского Союза среди трудового народа способствовало и поведение советских офицеров и солдат в Иране. Даже представители иранского истеблишмента, недружественно настроенные к СССР, отмечали высокую дисциплину частей Красной армии. В частности, генерал Х. Арфа отмечает, что, хотя сразу после ввода войск союзников в Иран были инциденты, вызванные недисциплинированным поведением советских солдат «дисциплина русских солдат была намного лучше, чем британцев, как англичан, так и индийцев»[9].

Х. Арфа также пишет, что осенью 1944 г. во время инспекционной поездки на север везде «видел советских солдат хорошо экипированных, дисциплинированных, бойко салютующих в стиле старой императорской армии. Среди них было много девушек, одетых точно так же, как и мужчины, с той лишь разницей, что вместо бридж у них были юбки»[10]. Он также сообщает о рассказанной ему истории о том, что советский офицер без суда и следствия расстрелял солдата, взявшего взятку в размере нескольких туманов с местного купца за проезд в советскую зону оккупации[11].

Не менее впечатляющим был и эпизод, о котором рассказано газетой «Хоршид-е Иран» от 24 января 1943 г. в статье «Вот пример для нас»: «Недели две назад я сидел в группе журналистов в редакции газеты “Нахтер”. Пришел Кухи Кермани, бывший редактор «Насим-е Сабах», который рассказывал об одном случае, причем этот рассказ произвел глубокое впечатление на присутствующих. Вот его рассказ.

[8] АВП РФ. Ф. 94. Оп. 27. Д. 17. П. 71. Л. 165–166.

[9] Arfa H. Under five shahs. New York, 1965. P. 305.

[10] Ibid. P. 330.

[11] Ibid. P. 330.

Вчера я проходил по улице Сепах, около почты. Из магазина вышел иранский офицер, в чине лейтенанта, в руках которого было много покупок. Он огляделся по сторонам, думая найти кого-нибудь, кто мог бы отнести его покупки. В нескольких шагах от него стоял какой-то плохо одетый рабочий. Офицер приказал ему: "Иди сюда"! Тот подошел. Офицер сказал: "Неси эти вещи за мной". Рабочий ответил: "Простите, я занят и не могу идти за вами". Офицер, не задумываясь, размахнулся и ударил рабочего и сбил его с ног.

Находившийся поблизости русский офицер подошел к иранскому и сказал ему на ломанном персидском языке: "Почему вы бьете его?" Офицер не нашел, что ответить и молчал. Русский офицер тоже ударил его так, что тот упал, т.е. с ним произошло в точности то, что он сделал по отношению к рабочему. Фуражка офицера отлетела в сторону, волосы растрепались. Русский сказал ему: "У вас парабеллум за поясом… а вы бьете этого беззащитного человека"! Затем он подошел к рабочему, поцеловал его несколько раз и говорил: "Ничего, ничего … мы с тобой друзья…". Затем он взял его под руку и повел в ближайший магазин, где угостил его пивом. Поцеловавшись еще раз с рабочим и пожелав ему всего хорошего, он оправился дальше»[12].

Разумеется, рассказ Кухи Кермани мог быть несколько приукрашен, но он отражал настроения определенных слоев иранского общества, базировавшиеся на том, что они видели в повседневной жизни, в поведении и отношении советских людей к трудящимся Ирана. Он отражал представление подавляющего большинства иранцев о том, каким должно быть справедливое общество.

Иначе говоря, важны не только такие осязаемые факторы, как военная сила, экономическое и финансовое богатство страны, но и то, что сейчас называется мягкой силой — образ человека и общества, который формируется через ежедневное общение, через отношение к человеку другой страны, другой веры, через идеи, идущие от общественно-политической системы, через соответствие официально постулируемых положений реальным делам. Все это демонстрировал народам Ирана и мира Советский Союз, реализовывавший на практике идеи

[12] Цит. по: АВП РФ. Ф. 94. Оп. 30. Д. 22. П. 76. Л. 54–55.

марксизма-ленинизма. Сегодня мир ждет от России не столько нефти и газа, сколько новых идей о переустройстве миропорядка, о создании справедливого общества без эксплуатации человека человеком, нации нацией, которые только и могут спасти человечество от всемирной катастрофы. Но есть ли у новой России демократического выбора такие идеи?

Раздел V

АФГАНИСТАН

***У. В. Окимбеков** **

Внутриафганский конфликт и этнический фактор (1992–2023 гг.)

Резюме: Статья посвящена роли этнического фактора и его использования различными афганскими этнополитическими силами в ходе борьбы за центральную власть и на местах в период после 1992 г. Показывается рост роли данного фактора по мере усугубления внутриполитического кризиса, степени его влияния на децентрализацию власти, а также использования региональными лидерами и полевыми командирами в собственных политических и экономических интересах. Особое внимание уделено двум периодам правления талибов.

Ключевые слова: этнический фактор, власть, моджахеды, талибы, пуштуны, таджики, узбеки, хазарейцы

Afghan conflict and ethnic factor (1992–2023)

Abstract: *The article is devoted to the role of the ethnic factor and its use by various Afghan ethno-political forces in the course of the struggle for central and local power over the period after 1992. It shows the growth of the role of this factor as the internal political crisis worsens, the degree of its influence on the decentralization of power, as well as the use by regional leaders and commanders in their own political and economic interests. Particular attention is paid to two periods of Taliban rule.*

* Окимбеков Убайд Вафобекович - кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0002-3452-3630

Keywords: *ethnic factor, power, Mujahideen, Taliban, Pashtuns, Tajiks, Uzbeks, Hazaras*

Население Афганистана состоит из разных народов (этносов) и племен, среди которых наиболее многочисленными являются пуштуны, играющие важнейшую роль в политической жизни страны, а также таджики, узбеки и хазарейцы. С начала образования афганской государственности Ахмад-шахом Дуррани в 1747 г. два раза главой страны становились не пуштуны, а таджики: Хабибулла Калакани, более известный как Бачаи Сакао, носивший титулы короля и эмира Афганистана (декабрь 1928 г. — ноябрь 1929 г.), и Бурхануддин Раббани — президент Исламского государства Афганистан (июнь 1992 г. — сентябрь 1996 г.). К концу 70-х годов XX в. на политической арене Афганистана появились силы и движения, сделавшие ставку на идеологическую составляющую, а в 80-х годов при «коммунистах» (Народно-демократической партии Афганистана) впервые в правительство вошли представители хазарейцев. В последующие годы, особенно с захватом власти моджахедами в 1992 г., борьба велась под этнорелигиозным знаменем[1]. Последний раз споры вокруг власти на высшем уровне имели место в 2014 и 2019 гг., когда на президентских выборах при поддержке США главой государства стал А. Гани (пуштун), а его оппонент А. Абдулла (таджик) получил номинальную должность[2]. При республиканской власти (Исламская Республика Афганистан, 2001–2021 гг.) другие этносы, особенно таджики, вначале активно входили во многие структуры государственной власти[3], в частности армии, но затем с приходом президента А. Гани, ситуация начала меняться.

Невзирая на эти и другие события, национальный вопрос в Афганистане не был столь актуальным и остро обсуждаемым,

[1] Об этом подробнее см.: Босин Ю.В. Роль религиозно-этнического фактора во внутриафганском конфликте // Афганистан: проблемы войны и мира. М., 2000. С. 70–74.

[2] Нессар М. О. Политическое развитие Афганистана: оценки и прогнозы (2001–2014 гг.). М., 2017. С. 104–116; его же: Пять лет правления правительства Ашрафа Гани // Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 26. Социальные и политические процессы на Востоке. Культурно-сложные общества в мусульманском ареале, геополитическая и геоэкономическая динамика. М., 2019. С. 364–378.

[3] Нессар М. О. Указ. соч. С. 169–171.

как в период прихода к власти талибов. С этнической точки зрения Талибан изначально являлась монолитной структурой, состоявшей исключительно из пуштунов, и в какой-то степене для внешних наблюдателей термины *талиб* и *пуштун* стали синонимами. Движение зародилось в середине 1990-х годов, в период, когда захватившие Кабул и не сумевшие окончательно поделить между собой места в правительстве моджахеды вели междоусобные войны за верховную власть. В этой борьбе разделились по этническому признаку группировки моджахедов, предъявившие претензии друг другу, которые до этого воевали под единым религиозным лозунгом против афганской прокоммунистической власти. Иными словами, внутреннее противоборство, а именно, между президентом страны и руководителем партии «Исламское общество Афганистана» Б. Раббани (таджиком), а также министром обороны Ахмад-шахом Масудом (тоже таджиком), с одной стороны, и премьер-министром страны, лидером «Исламской партии Афганистана» Г. Хекматьяром (пуштуном) — с другой, переросло в борьбу между двумя этническими группами[4]. В этих условиях центральная власть демонстрировала неспособность взять под контроль всю страну, которая фактически разделилась на зоны влияния отдельно взятых региональных лидеров из числа полевых командиров и группировок моджахедов.

В такой обстановке на политической арене появилось Движение Талибан — новая сила, состоявшая преимущественно из пуштунов восточных и южных регионов Афганистана. Талибы, подобно моджахедам, из рядов которых они вышли, начали борьбу под знаменем религии и воевали против всех действовавших политических сил, кто имел отношение к власти или претендовал на нее. Лидеры моджахедов, державшие в руках политическую власть в столице, пользуясь случаем, приступили к закулисным играм и использованию талибов в междоусобной войне для устранения собственных оппонентов. Так Б. Раббани, оказывал финансовую и иную помощь талибам, тем самым всячески стараясь нанести удар Г. Хекматьяру, с отрядами которого воевали талибы. Параллельно правительство президента

[4] وحید مژده. افغانستان و پنج سال سلطه طالبان. تهران ۱۳۸۲ (Можда Вахид. Афганистан и пять лет правления талибов). Тегеран, 2003. С. 20.

Б. Раббани вело переговоры с представителями Движения Талибан[5].

Идеология талибов начала проникать в среду непуштунов еще в начале их господства, когда столица еще не была ими захвачена. Не только среди гражданского населения, но и в рядах представителей власти нашлись те, кто при первой встрече с восторгом отзывались о талибах. Людей привлекала прежде всего манера общения и внешняя простота представителей движения[6]. Хотя верхушка талибов состояла преимущественно из пуштунов племени дуррани и гильзаев, после захвата Кабула в состав правительства талибов вошли и несколько представителей других этносов[7].

По мере передвижения талибов в сторону центральных районов борьба все больше начала принимать национальный характер, а регионы с преимущественно непуштунским населением намеревались оказывать сопротивление распространению их

[5] Афганский эксперт, Вахид Можда, служивший в 90-е годы в качестве работника МИД при правительстве талибов, по этому поводу писал: «Раббани не только не противостоял талибам, а встал на их защиту в то время, когда Хекматьяр сделал громкое заявление против этой новой силы. Его поддержка выражалась не только в передаче крупных денежных сумм Движению Талибан, но также (сопровождалась) бомбардировками позиций сторонников Исламской партии Хекматьяра. Когда талибы захватили Кабул, некоторые должностные лица движения, не имевшие информации о прошедших событиях, были удивлены и шокированы после ознакомления с документами, свидетельствовавшими об оказанной режимом Раббани крупной помощи талибам. На одном из собраний, где присутствовал и автор этих строк, высокопоставленное должностное лицо "Талибан" признал, что Раббани неоднократно отправлял им деньги через человека по имени Кадызаде, родом из Герата». (Можда В. Указ. соч. С. 26–27).

[6] Внешность талибов вначале заманивала не только отдельных политиков из руководства моджахедов, но и тех, кто считались знатоками веры. Об этом свидетельствует следующий отрывок из книги В. Можды: «Правительство Раббани для переговоров к талибам отправило людей, чтобы предотвратить войну против моджахедов и остановить наступление на Кабул… Некоторые из делегатов, отправленные на переговоры с талибами, попали под их влияние и даже приносили (им) клятву верности… До захвата Кабула простая и неукрашенная внешность талибов воздействовала на многих, в частности религиозных улемов. Кады-заде, хороший улем и человек, через которого Раббани передавал деньги талибам, после распада их власти сказал автору книги: "Когда я впервые увидел простоту внешности и шариата талибов, то при возвращении сказал Раббани, что если внутренний мир талибов подобен их внешнему, то они настоящие мусульмане и никто не в силах оказывать им сопротивление. В противном случае эта группировка сверхопасна и ее существование является угрозой больше для ислама, чем для Афганистана. (Можда В. Указ. соч. С. 27).

[7] Мулла Сайед Гийасуддин (узбек, родом из северной провинции Фарьяб) был министром информации, а таджик Кари Дин Мухаммад (Бадахшан) возглавлял Министерство планирования (Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. М., 2003. С. 305–310).

власти на свою территорию. Но и здесь нашлись те, кто хотел воспользоваться их появлением. При штурме талибами г. Мазари-Шариф к ним примкнул узбекский полевой командир и соратник бесспорного лидера узбеков А. Дустома генерал Абдул Малик Пахлаван, который позже выступил против Движения.

Уничтожение боевиков-талибов в этом городе в 1997 г. хазарейскими и узбекскими группировками и последовавшее за тем их притеснение в других районах севера и в центральных районах страны армией Ахмад-шаха Масуда все больше придавало противостоянию национальный характер. Поражение талибов по всей линии фронта к северу от Кабула вынудило руководство движения обратиться к племенам за помощью.

В этой борьбе талибы, как и представители других этносов, все больше опирались именно на своих соплеменников, а реванш движения в Кундузе в 1998 г. начался при поддержке местных пуштунов. Впоследствии в ходе операции возмездия отрядами Движения было убито множество жителей из числа хазарейцев и узбеков.

Отдельно на этом фоне выделялись события в Мазари-Шарифе и Бамиане, а именно расправа над хазарейцами, которую и по сей день представители этого этноса приравнивают к геноциду. Примечательно, что в это время в Мазари-Шарифе узбекские группировки, разделенные на две части (А. Дустома и А. Малика), с одной стороны, воевали между собой, а с другой — против талибов. Сложные отношения сложились у узбеков с хазарейцами, которые контролировали к тому времени город[8]. Таким образом, в условиях ожесточённой гражданской войны религиозный фактор, который стороны хотели использовать для достижения своих целей, отошел на второй план, и главным для всех игроков стал этнический фактор.

Необходимо отметить, что предпосылки разделения группировок по этническим и региональным признакам, в частности примыкание многих пуштунов к талибам, создавались в ходе междоусобной борьбы за власть самих моджахедов, причем туда стекались даже бывшие солдаты и офицеры армии «коммунистического» режима Народно-демократической партии

[8] Рашид А. Указ. соч. С. 86–93; Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. М., 2004. С. 457–458.

Афганистана. Точнее, такое деление началось с распадом власти президента М. Наджибуллы в 1992 г., когда высокопоставленные военачальники для создания и сохранения собственной власти на местном и региональном уровнях сплотили вокруг себя военизированные отряды по национальному признаку. Как отмечали В. Я. Белокреницкий и Р. Р. Сикоев, к талибам в конце концов примкнула значительная часть бывших офицеров афганской армии. При этом после падения режима М. Наджибуллы в конце апреля 1992 г. армия фактически развалилась, и офицерский корпус разошелся по «национальным квартирам»: узбеки ушли к А. Дустому, таджики — к Б. Раббани и А. Ш. Масуду, хазарейцы — к А. А. Мазари и М. Акбари, а часть офицеров-пуштунов, в основном членов фракции «Хальк» во главе с бывшим министром обороны Ш. Н. Танаем, скрывавшемся под именем муллы Рашида, вначале примкнули к Г. Хекматьяру, а потом перешли на сторону талибов[9]. В итоге произошла фрагментация страны по этно-конфессиональному признаку, которая как тогда, так и позднее, вплоть до последних дней существования Исламской Республики Афганистан в 2021 г., являлась фактором, препятствовавшим централизации власти и ее консолидации на общенациональной основе.

После свержения власти талибов осенью 2001 г. остатки Движения не только продолжили борьбу за возвращение к власти оказанием вооруженного сопротивления в пуштунских ареалах, но и пополняли свои ряды за счет таджиков, узбеков, представителей других этносов в районах их традиционного расселения. Идеальная почва для этого создавалась тотальным процветанием коррупции во всех структурах республиканского режима, ростом несправедливости, нерешенностью социальных проблем в условиях притока огромной внешней гуманитарной и экономической помощи, а также комплексом других социально-экономических вопросов.

Нередко решением возникших у населения проблем занимались талибы, не требовавшие лишних временных и материальных затрат, что и сформировало их положительный облик, привлекало в ряды Движения все больше молодежи. Поэтому

[9] Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М., 2014. С. 15–16.

постепенно сторонники Движения Талибан начали появляться и укрепляться в районах севера Афганистана. Еще с 2011 г. в провинции Бадахшан отдельные районы полностью контролировались боевиками Движения, доходы от некоторых секторов хозяйства шли к ним, а г. Кундуз в сентябре 2014 г. на короткое время перешел под их контроль. Неудивительно, что распад Исламской Республики Афганистан также начался с этих регионов, когда один за другим города и провинции начали сдаваться талибам.

В силу этих причин повторный захват Кабула 15 августа 2021 г. в общем и целом происходил без особого сопротивления со стороны военных республиканской армии и милиции, а гражданское население относительно спокойно относилось к смене власти. В отличие от 90-х годов прошлого века жители не испытывали особого опасения перед вторичным появлением талибов в политической жизни страны.

Говоря о национальном составе лидеров Движения на нынешнем этапе, следует подчеркнуть, что окружение эмира состоит исключительно из пуштунов, а высшее руководство исполнительной власти, состоящее из временно исполняющих обязанности министров, представлено и другими этносами, причем не только в гражданской сфере, но и военной. Например, начальником Генштаба Движения назначен таджик Кари Фасихуддин (выходец из северной провинции Бадахшан) министром торговли — Нуреддин Азизи (выходец из Панджшера). Но эти обстоятельства не меняют суть национального вопроса, который продолжает оставаться актуальным. Наблюдается притеснение талибами языка дари в университетах, государственных учреждениях. За прошедшее время несколько раз в северных районах фиксировались протесты этнических групп против талибов, переросшие местами в вооруженные столкновения. Такие явления происходят на разной почве. Местами население или группа людей из числа местных жителей встает на сторону того или иного влиятельного лидера, который порою прикрываясь этническим зонтиком, преследует свои политические или экономические цели.

На протяжении всего периода конфликта с разделением противоборствующих сторон по этническому признаку создавались серьезные проблемы для безопасности тех, кто являлись национальными меньшинствами в районах своего проживания. Это

прежде всего касалось пуштунов северных провинций, притеснение которых началось после Апрельской революции 1978 г. Многие пуштунские семьи тогда были вынуждены покинуть свои дома не из-за недовольства сменой политической власти, а из-за усиления давления со стороны коренных народов. Поэтому уже в наше время периодически возникают конфликты на этой почве[10].

Национальный вопрос в Афганистане за рассматриваемые годы всегда эффективно использовался политическими группировками. На современном этапе (после августа 2021 г.) бывшие политики и функционеры республиканской власти в борьбе против талибов стараются превратить религиозно-этнический фактор в главный инструмент борьбы.

Арест или отстранение от занимаемой позиции чиновников или командиров из числа непуштунов сегодня интерпретируется как проявление национализма со стороны талибов-пуштунов. С одной стороны, подобные факты имеют место, с другой — иногда решения принимаются по совершенно другим причинам. Напомним, что сегодня движение талибов контролирует всю территорию Афганистана, чего не было более чем за последние 40 лет. Упрочение центральной власти, сохранение влияния на местах требует отстранения неугодных и в некоторых случаях самовольно действующих людей, поведение которых противоречит интересам центральной власти. Известно, что и при такой строгой по своей структуре движение, как Талибан, в 90-х годы полевые командиры могли воздействовать на решения эмира[11]. Из этого можно заключить, что

[10] Окимбеков У. В. Население Афганистана: динамика численности, состав и конфликты на этнической почве // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 26. Социальные и политические процессы на Востоке. Культурно-сложные общества в мусульманском ареале, геополитическая и геоэкономическая динамика. М., 2019. С. 332–334.

[11] Военачальники талибов, как показывает рассказ В. Можды, могли заставить Муллу Омара изменить собственное решение. Например, он рассказывает, что министр иностранных дел талибов «Мавлави Муттавакил в переговорах с противниками достиг договоренности об их вовлечении в структуры государственной власти… Как только СМИ распространили эту информацию, первые, кто с возражениями явились к Мулле Омару, были военачальники. Они утверждали, что противники Исламского эмирата являются «буги» (тот, кто нарушил клятву верности), следовательно, война против них является обязательством, наложенным шариатом. Принятое решение об их допуске в правление Эмиратом означает, что они не являются «буги». Как в таком случае можно трактовать войну против них? Погибшие от их рук наши (боевики) мученики или нет? … Мулла Омар не смог дать им ответ, и эта тема, безусловно, ушла в забвение» (Можда В. Указ. соч. С. 99).

сегодня власти, по всей вероятности, стараются не повторять прежние ошибки и не позволяют лидерам и командирам разного калибра манипулировать ситуацией в регионах, не подчиняться воле центральной власти, отказаться исполнять указания, в частности с опорой на этноконфессиональный фактор.

Вступившие в ряды талибов из числа непуштунов на местном уровне формировали вокруг себя группировки из числа собственного этноса для сохранения экономического и политического влияния. Как показывает практика, к талибам примкнули лица, кто ранее пользовался экономическими выгодами в той или иной сфере хозяйственной жизни провинции, района. Лишившись источников дохода или, по крайней мере, столкнувшись с угрозой их потери, они примкнули к оппозиции[12].

Точно такие же проблемы возникают при попытках направления талибами всех финансовых ресурсов в государственную казну. Об этом свидетельствуют многие факты. Например, летом 2022 г. в районе Балхаб северной провинции Сари-Пуль талибы проводили военную операцию против присоединившегося ранее к ним местного авторитета-хазарейца Махди Балхаби[13]. Причинами так называемого восстания позже назывались споры вокруг доходов от месторождения каменного угля[14]. Схожая ситуация возникла вокруг другого примкнувшего к талибам лица, точнее, этнического узбека. Его арест со стороны разведуправления талибов вызвал недовольство местного населения, считавшего, что давление происходит на этнической почве[15]. Спорным моментам, возникающим иногда между властями и этническими

[12] Hamle be Balkh-ab; sarnewesht-e ghayre-nizamian, zeghale sang wa Maulavi Mahdi? //Khabarnama-e Etilaate roz, 07.04.1401.URL: https://www.etilaatroz.com/146107/attack-on-balkhab-the-fate-of-civilians-coal-and-rumi-mehdi/(accessed: 02.03.2023) (на яз. Дари).

[13] Об этом человеке впервые в Афганистане заговорили в 2018 г., когда, примкнув к талибам, он предпринял попытки контролировать месторождения каменного угля района Балхаба. Taliban to clear its ranks from Non-Pashtun Commanders // Hashte Subh Daily, 30.05.2022.URL: https://8am.media/eng/taliban-to-clear-its-ranks-from-non-pashtun-commanders/(accessed: 02.03.2023).

[14] Kashmakash-e Mahdi mojahed ba Taleban; az raise estekhbarate Bamian ta “mosallahe ghair-mas’ul” // Sputnik News, 10.06.2022. URL:کشمکش مهدی مجاهد با طالبان؛ از رییس استخبارات بامیان تا «مسلح غیرمسئول» — اسپوتنیک افغانستان ,10.06.2022 (sputnik.af)(accessed: 02.03.2023) (на яз. Дари).

[15] //Bazdashte farmandeh-e uzbektabar-e Taleban va e’teraze mosallahane: dar Faryab che gozasht? Khabarnama-eEtilaateroz, 24.10.1400.https://www.etilaatroz.com/134771/arrest-of-taliban-uzbek-commander-and-armed-protest-what-happened-in-faryab/(accessed: 01.03.2023) (на яз. Дари).

полевыми командирами за сохранение экономических интересов, автоматически придается национальный оттенок[16].

Власти, возможно, в некоторой степени отстранением от занимаемой позиции, переводом в другие места, лишением или ослаблением материального положения местных влиятельных лиц стараются укреплять вертикаль власти. Это является главным условием, поскольку любые подобные системы, созданные на этнических, конфессиональных, экономических, региональных, политических принципах «могут ставить под сомнение доминирующую роль государственных институтов»[17]. На протяжении 20 лет республиканским властям так и не удалось окончательно избавиться от влияния региональных авторитетов на местах, что стало препятствием на пути полноценного функционирования механизмов государственной власти.

Проявление национализма со стороны талибов, ущемление прав других этносов в пользу защиты интересов пуштунов отмечается на разных уровнях и в разных местах. Возвращаясь к хазарейцам, отметим, что в некоторых провинциях проблемы у них начались еще с первых месяцев повторного прихода талибов к власти в Афганистане. В провинции Дайконди до 2 тыс. семей вынудили покинуть дома, чтобы освободить земли для пуштунов[18]. Через год подобное снова повторилось здесь и в провинции Гор, где также население 17 деревень получило аналогичные уведомления от местных властей. Повторим, что в обоих случаях под ударом оказались хазарейцы[19].

Еще одной проблемой, имеющей этнические корни и затрагивающей непуштунов в северных районах, является возвращение беженцев и вынужденных переселенцев на места постоянного

[16] Пойя С. Этнические конфликты в современной истории Афганистана // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 26. Социальные и политические процессы на Востоке. Культурно-сложные общества в мусульманском ареале, геополитическая и геоэкономическая динамика. М., 2019. С. 301–302.

[17] Нессар М. О., Комлева В. В. Афганская модель децентрализованных сетевых структур. Взгляд на динамику политических порядков в Афганистане // Научно-аналитический журнал «Обозреватель/Observer». Февраль 2022, № 2 (385). С. 65.

[18] //Kooche ejbari dar Daikondi // Khabarnama-e Etilaate roz, 04.07.1400.URL: https://www.etilaatroz.com/131727/forced-migration-in-daikundi/(accessed: 01.03.2023) (на яз. Дари).

[19] Taleban hazareha-ra dar Ghoor wa Daikondi “wadar be kooche ejbari mikonand” // Khabargozari-e Ufoq, 22.08.1401. URL: https://ufuqnews.com/archives/206181(accessed: 02.03.2023) (на яз. Дари).

проживания. После августа 2021 г. часто появляется информация о выселении жителей целого населенного пункта и передачи их земель пуштунам. Так, в Сари-Пули, по сообщениям, жителям восьми селений, состоявших из узбеков и таджиков, было приказано освободить занятые ими земли. Власти талибов считают, что эти территории захвачены незаконно[20]. Националистически настроенные командиры среднего звена талибов получили возможность разрешить возникшие спорные вопросы в пользу соплеменников. В вопросе отчуждения собственности власти, конечно, могут заниматься ревизией событий последних 40 лет, в результате которых земельная собственность могла разными способами переходить от одного владельца к другому, но в действительности корни этих разногласий уходят к периоду правления Абдуррахман-хана, проводившего в 80-х годов XIX в. политику пуштунизации северных регионов. По ее итогам переселенцы с юга получали не только свободные земли, но и силой захватывали движимое и недвижимое имущество местного населения из числа таджиков, узбеков, других племен и этносов[21].

Борьба за влияние на разных уровнях в Афганистане в период после прихода к власти моджахедов принимала особый характер, когда страна как никогда была расколота на зоны влияния представителей отдельных этносов. В нынешних условиях попытки сплотить население вокруг этноконфессиональных лозунгов для борьбы против талибов пока не приносят результатов. Процесс повторного прихода талибов к власти показал, что афганское общество ныне в какой-то мере объединяется вокруг религиозной идентичности, больше внимания уделяет вопросам социальной справедливости, решению властями материальных вопросов, но при ухудшении социально-экономической или политической обстановки национальный фактор может взять верх. В связи с этим религиозный фактор можно назвать объединяющим, а этнический — разобщающим в условиях Афганистана фактором.

[20] Kooche ejbari dar Sari-pul: mardom ba shear-e “setam-e qowmi” alahe Taleban e’teraz kardand //Hashte Subh Daily, 28.09.1401. URL: https://8am.media/forced-migration-in-sarpol-people-protested-against-the-taliban-with-the-slogan-of-ethnic-oppression/(accessed: 02.03.2023) (на яз. Дари).

[21] Окимбеков У. В. Колонизация Северного Афганистана и английская Разграничительная комиссия // Вестник Института Востоковедения РАН. 2022. № 1(19). С. 25–33.

М. О. Нессар *

Политическое управление талибов в динамике (современный этап)

Резюме: Политический и военный контроль Движения Талибан над Афганистаном, установленный в 2021 г., характеризуется сохранением внешних и внутренних вызовов. В статье анализируются основные направления в динамике политического управления талибов. Автор выделяет пять элементов: процесс исламизации, курс на усиление роли армии, ограничение прав женщин, пуштунизация и борьба со светскостью. Отдельное внимание уделено проблеме международного статуса кабульского правительства. По представленным в статье оценкам, несмотря на отказ внешних акторов официально признавать статус талибов, радикальное движение чувствует себя более комфортно, чем в 1996–2001 гг.

Ключевые слова: Афганистан, политическое управление, Талибан

Political management of the taliban in dynamics (presetn stage)

Abstract: *The period of political and military control of the Taliban over Afghanistan, established in 2021, is characterized by the persistence of external and internal challenges. The article analyzes the main directions in the dynamics of the political administration of the Taliban. The author identifies five elements: the process of Islamization, the policy of strengthening the role*

* Мохаммад Омар Нессар - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0002-4236-0886

of the army, the restriction of women's rights, Pashtunization and the fight against secularism. Special attention is paid to the problem of the international status of the Kabul government. According to the estimates presented in the article, despite the refusal of external actors to officially recognize the status of the Taliban, the movement feels more comfortable than in 1996–2001.
Keywords: *Afghanistan, political administration, Taliban*

Несмотря на то что с момента возвращения Движения Талибан к власти прошло больше года, ситуация в Афганистане по-прежнему характеризуется высокой степенью неопределенности.

Одним из факторов, влияющих на отсутствие ясности в политической сфере, можно назвать фрагментированность талибской элиты. После 2021 г. внутри движения усилились межплеменные и межфракционные разногласия, вызванные в том числе закономерным процессом централизации Движения[1]. Анализ активности движения с момента захвата власти в Кабуле позволяет предположить, что основной конфликт интересов пролегает между двумя группами влияния — исполнительным органом власти в Кабуле и ставкой духовного лидера в Кандагаре, имеющих разные подходы к управлению[2].

При этом неопределенность создают и вызовы в сфере безопасности. В стране продолжают действовать свыше 20 террористических организаций. Среди них особое место занимает ИГИЛ-Х, которая насчитывает, по оценкам ООН, около 6 тыс. боевиков в регионе[3]. Ресурсы этой группировки позволяют ей беспрепятственно составлять постоянную угрозу в дипломатической зоне Кабула. По мнению международных институтов, в зоне риска находятся посольства Китая, Индии и Ирана[4].

[1] См. подробнее: Нессар М. О., Комлева В. В. Афганская модель децентрализованных сетевых структур. Взгляд на динамику политических порядков в Афганистане // Обозреватель. 2022. № 2(385). С. 50–71.

[2] См. подробнее: Нессар М. О. Современный Афганистан: факторы нестабильности // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 2(4). С. 38–49.

[3] ISIS Threatens to Target Chinese Embassy in Afghanistan, UN Says // bloomberg.com. 9.02.2023. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2023–02–09/isis-threatens-to-target-chinese-embassy-in-afghanistan-un-says (дата обращения: 15.03.2023).

[4] Там же.

Согласно представленному Институтом экономики и мира Глобальному индексу терроризма, в период с 2011 г. по 2022 г. Афганистан входил в первую пятерку стран, вызывающих опасения по этому показателю. В то же время с 2019 по 2022 гг. он находился на первой строке индекса[5].

В свою очередь вооруженная оппозиция, сосредоточенная преимущественно на севере страны и по-прежнему обладающая военным потенциалом, продолжает оспаривать пределы власти кабульского исполнительного органа[6]. В докладе Генерального секретаря ООН говорится о как минимум 22 афганских военизированных формированиях, провозгласивших себя частью сопротивления[7].

Вместе с тем Афганистан переживает острые проблемы в гуманитарной сфере. Они носят комплексный характер. Это дефицит базовых товаров, устойчивая инфляция, отсутствие рабочих мест и нехватка наличных денег. На это накладывается объективный фактор в виде последствий засухи. Отдельно ситуацию усложняет готовность талибского руководства идти на жесткие социальные меры, как например, ограничение прав женского населения. Это ведет не только к углублению общественного недовольства, но и к увеличению дистанции между Кабулом и международным сообществом[8]. По оценкам Управления ООН по координации гуманитарных вопросов, в 2023 г. две трети населения Афганистана будут нуждаться в срочной гуманитарной помощи[9].

Перед представителями экспертной среды встают закономерные вопросы: изменились ли талибы с момента их первого прихода к власти в Кабуле (1996–2001 гг.) и чем

[5] Global Terrorism Index. URL: https://www.economicsandpeace.org/ (дата обращения: 14.02.2023).

[6] См. подробнее: Российско-китайское стратегическое взаимодействие в обеспечении безопасности в Афганистане после вывода войск США: доклад № 80 [2022] [А. В. Кортунов, М. О. Нессар, Гуань Гуйхай, Цян Сяоюнь и др.; под ред. Е. О. Карпинской, И. А. Бочарова, С. М. Гавриловой]; Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2022. С. 8–15.

[7] The situation in Afghanistan and its implications for international peace and security. URL: https://unama.unmissions.org/sites/default/files/220914_sg_report_on_afghanistan_s.2022.485.pdf (accessed: 13.01.2023).

[8] Зимин Л. Социальные вызовы правительству Талибана // «Афганистан.Ру». 19.01.2023. URL: https://afghanistan.ru/doc/150191.html (accessed: 25.01.2023).

[9] Afghanistan Humanitarian Needs Overview 2023 (January 2023). URL: https://reliefweb.int/report/afghanistan/afghanistan-humanitarian-needs-overview-2023-january-2023 (accessed: 25.01.2023).

отличается нынешний режим их политического управления от предыдущего?

Основные направления

Некоторое представление о динамике политического управления талибского руководства и о его основных векторах можно получить, рассмотрев действия правительства в социальной сфере. Анализ активности исполнительной власти в Кабуле позволил нам выделить 5 направлений в действиях талибов, которые, на наш взгляд, носят системный характер.

Усиление роли религии или исламизация. Одной из инициатив талибского руководства стало укрепление сельских религиозных институтов. К этому можно отнести легализацию сельских медресе и религиозных центров: находившиеся ранее под контролем движения объекты получают легальный статус. Сообщается и о преобразовании ряда учебных центров в медресе. Вместе с тем в государственных учреждениях открываются мечети и молельные комнаты. Например, в 2022 г. власти объявили о превращении аграрного техникума в провинции Фарах и технического института в Тахаре в «джихадистское медресе»[10]. Также усиливается положение улемов. Следует отметить растущую роль Министерства предотвращения греха и поощрения добра, которое имеет в своем распоряжении военизированные формирования. Также обращает на себя внимание проникновение духовенства в структуру государства. Вероятно, шариатские судебные органы по степени своего влияния на общество и политические процессы окажутся либо на одном уровне со структурами исполнительной власти, либо чуть выше. Не менее важным в этом контексте явлением выглядит ухудшившееся положение афганских шиитов. Не исключено, что талибы отводят хазарейцам совсем другую общественно-политическую роль, нежели та, которой те обладали последние 20 лет.

Усиление роли армии. Министерство обороны, Министерство внутренних дел и Главное управление разведки талибов регулярно отчитываются о росте численности армии и ее частей, публикуются видеоотчеты о ее деятельности.

[10] First Jihadi School Opened in Takhar // bakhtarnews.af. 1.06.2022. URL: https://bakhtarnews.af/en/first-jihadi-school-opened-in-takhar/ (accessed: 13.02.2022).

В феврале 2022 г. глава талибской комиссии по реформе силовых структур Латифулла Хакими объявил о планах сформировать «мощную армию» из бывших военнослужащих и повысить профессиональный уровень подконтрольных Кабулу сил[11]. В свою очередь, в первой половине 2022 г. МВД сообщало о завершении работы по комплектации так называемого «батальона смертников» (федаии). Заместитель министра внутренних дел Нурджан Джалали назвал это формирование «гордостью» ведомства[12].

Однако независимые оценки увеличения потенциала талибских сил отсутствуют, в связи с чем заявления высокопоставленных представителей Движения о преобразовании армии пока выглядят как элемент информационной кампании. Пока трудно сказать, кому адресована эта риторика. Официально талибское руководство отрицает, что силы сопротивления представляют собой реальную военную проблему, и преуменьшает опасность со стороны ИГИЛ-Х[13]. Анализируя заявления талибских лидеров по этой теме, можно очевидным назвать то, что они теоретически выступают за мощную и многочисленную армию.

Ограничение прав женщин. Наиболее резонансным стало решение талибов лишить женскую часть населения возможности получать среднее образование и иметь полноценный доступ к работе. Выделение этой тенденции в отдельное направление наряду с усилением религии, на наш взгляд, обосновано ее связью с этнической идеологией талибов. Движение устами бывшего министра просвещения Нурруллы Мунира мотивировало ограничения тем, что свобода в посещении школ противоречит воле граждан[14]. Можно констатировать, что речь идет о попытке навязать образ жизни сельского населения востока и юга Афганистана обществу в целом, что встречает закономерное сопротивление. Отдельно следует обратить внимание на то,

[11] Taliban to create Afghanistan 'grand army' with old regime troops // aljazeera.com. 22.02.2022. URL: https://www.aljazeera.com/news/2022/2/22/taliban-create-grand-army-afghanistan-old-regime-troops.

[12] Taliban Calls Suicide Bomber Brigade 'Pride' of Group // khaama.com. 29.08.2022. URL: https://www.khaama.com/taliban-calls-suicide-bomber-brigade-pride-of-group-364752/.

[13] No place for Daesh/ISIS in Afghanistan: Taliban spokesman // aa.com.tr. 09.12.2021. URL: https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/no-place-for-daesh-isis-in-afghanistan-taliban-spokesman/2443077.

[14] Minister Claims Closed Girls' Schools in Line With Wishes of Parents // tolonews.com. 11.09.2022. URL: https://tolonews.com/afghanistan-179803.

что гендерно-дискриминационные инициативы находят понимание не среди всех лидеров движения. Большинство членов Кабинета в Кабуле выступают против введения подобных ограничений. Разногласия по этому вопросу стали одной из причин роста напряженности между правительством и ставкой духовного лидера в Кандагаре.

Пуштунизация. В августе 2022 г., выступая на ежегодном совещании спецслужб стран СНГ, секретарь Совета безопасности РФ Николай Патрушев раскритиковал курс, который талибы проводят в отношении национальных меньшинств, и охарактеризовал его как «политику пуштунизации»[15]. По мнению международного сообщества, ущемление прав отдельных этнических групп, по распространенному мнению, может углубить проблемы в сфере безопасности. Вероятно, к этой тенденции можно отнести и попытки талибского руководства вытеснить персидский язык. В частности, большой резонанс в Афганистане вызвали эпизоды с демонтажом вывесок университетов на персидском языке в крупных населенных пунктах[16]. Это не может не влиять на усиление конфликтного потенциала внутри общества.

Борьба со светскостью. Противостояние элементам секулярности дает о себе знать в ряде сфер в Афганистане. Это, например, требования к дресс-коду, относящиеся не только к женщинам, но и к мужчинам. К этой же тенденции можно отнести негативное отношение отдельных талибских лидеров к университетскому образованию в целом. Достаточно в этой связи вспомнить слова одного из деятелей Движения Нуруллы Мунира: «Нет необходимости в кандидатской и докторской степенях. Вы видите, что муллы и мавлави, находящиеся у власти, не имеют ни докторской степени, ни кандидатской, ни даже высшего образования, но являются величайшими из всех»[17].

[15] Системы управления талибов в Афганистане неустойчивы, заявил Патрушев // РИА Новости. 30.09.2022. URL: https://ria.ru/20220930/afganistan-1820508414.html.

[16] Taliban Removes Persian Language from Herat University's Signboard and Sanaie Weekly in Ghazni // 8am.media. 28.09.2022. URL: https://8am.media/eng/taliban-removes-persian-language-from-herat-universitys-signboard-and-sanaie-weekly-in-ghazni/.

[17] Taliban's Education Minister Says There Is No Need For Phds, Master's Degrees // thefridaytimes.com. 8.09.2021. URL: https://www.thefridaytimes.com/2021/09/08/talibans-education-minister-says-there-is-no-need-for-phds-masters-degrees/.

Международное положение

В этих обстоятельствах Движение Талибан продолжает ожидать уступок международного сообщества в вопросе дипломатического признания, получение которого объективно затруднено.

Во-первых, в ряде стран, в том числе в России, талибы по-прежнему формально фигурируют в списках радикальных и террористических организаций. Во-вторых, политические инициативы Кабула зачастую противоречат принципам ООН, общепризнанным нормам права и морали. В-третьих, отдельную проблему создает низкий кредит доверия талибскому руководству со стороны зарубежных стран и международных организаций.

Практические решения афганского правительства часто входили в противоречие с его публичными обещаниями, рассчитанными, по-видимому, на получение быстрых уступок в вопросе статуса. Движению Талибан до настоящего момента не удалось убедить международное сообщество в готовности прекратить контакты с террористическими группировками. Сообщения СМИ и отчеты глобальных организаций свидетельствуют о сохранении таких компрометирующих связей.

Однако кризисная ситуация в гуманитарной сфере и сфере безопасности заставляют зарубежных игроков участвовать в судьбе Афганистана в опосредованном или усеченном дипломатическом формате.

Наиболее активно международное сообщество склонно коммуницировать с кабульским Кабинетом, который по-прежнему убеждает партнеров в приверженности взятым обязательствам. Вопрос статуса в данном контексте становится для внешних акторов одним из средств давления на талибов для увеличения их договороспособности. О том, что по этому вопросу прослеживается консенсус между представителями международного сообщества, свидетельствует факт, что до сих пор ни одно государство официально не заявило о признании афганского режима.

Впрочем, не менее 7 стран (Россия, КНР, Пакистан, Иран, Турция, Узбекистан, Туркменистан) согласились на частичную или полную передачу контроля над дипломатическими миссиями Афганистана талибам, приняв их дипломатов. Не так давно к этим государствам присоединился Иран, для которого,

в отличие от других, этот процесс оказался более чувствительным, учитывая проблемное положение хазарейцев.

Несмотря на то что МИД талибского правительства успело проинформировать и о получении полного контроля над дипмиссией в Стамбуле, независимые источники подтверждают лишь аккредитацию нескольких дипломатов от талибов в Турции. Однако, так или иначе, в этой ситуации Анкара становится первым членом НАТО, который пошел на уступки в этом вопросе, последовав примеру стран региона.

Если проводить сравнение между первым и вторым периодами правления талибов, то можно обратить внимание на то, что в 1990-е годы их правительство получило официальное признание со стороны трех государств: Пакистана, Саудовской Аравии и ОАЭ. Сейчас же их не признает ни одно государство. Несмотря на этот факт, по степени изолированности от международных процессов талибское руководство, очевидно, чувствует себя более комфортно, чем 20 лет назад. Не исключено, что именно такое положение является одной из причин, по которым государственное управление в Афганистане продолжает идти по выделенным нам направлениям, даже если они входят в конфликт с требованиями и ожиданиями международного сообщества.

***М. М. Слинкин* ***

Афганистан: от боевиков к регулярным вооружённым силам

Резюме. В статье проведен краткий анализ первых шагов Исламского Движения Талибан в военном строительстве после захвата власти в августе 2021 г. Большое количество вооружений и военной техники, доставшейся талибам после ухода иностранных войск и развала силовых структур прежнего правительства, однако, не означает быстрого формирования регулярных вооруженных сил нового режима. Этому мешают его непризнание международным сообществом и целый ряд вытекающих из него факторов политического и экономического характера.

Ключевые слова: Афганистан, военное строительство, вооружение и военная техника, безопасность, вооруженная борьба в Панджшере

Afghanistan: from militants to regular armed forces

Abstarct. *The article provides a brief analysis of the first steps of the Islamic Taliban movement in military build-up after the seizure of power in August 2021. Large amount of armament and military equipment inherited by the Taliban after the departure of foreign troops and the collapse of the power structures of the former government, however, does not automatically enable the rapid formation of regular armed forces of the new regime. This is hindered by its non-recognition by the international community and a few political and economic factors arising from it.*

* Слинкин Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID ID: 0000-0003-2287-9039

Keywords: *Afghanistan, military build-up, armament and military equipment, security, military conflict in Panjshir*

Исламское Движение Талибан (ИДТ) после захвата Кабула 15 августа 2021 г. и поспешного вывода остатков иностранных войск получила от них в «наследство» не только всю созданную за два десятилетия военную инфраструктуру, но и солидные запасы вооружения и военной техники (ВВТ). Высокопоставленный представитель новой власти, один из основателей Движения Латифулла Хакими констатировал, что талибы пополнили свои запасы ВВТ на «более 300 000 единиц легкого оружия, 26 000 единиц тяжелого оружия и почти 61 000 боевых машин»[1]. Это при том, что в последнее время численность талибов оценивалась максимум в 70 тыс. человек[2]. Боевики тут же перевооружились на американские и западные образцы стрелкового оружия — заменили привычные автоматы Калашникова на американские штурмовые винтовки М4, частично сменили традиционные пирохан-о патлун (национальные штаны и длиннополую рубаху) на экипировку современных солдат и пересели со стареньких пикапов на бронированные «Хамви». А что же случилось с остальными ВВТ и запасами военной амуниции на захваченных складах иностранных и афганских войск?

Часть амуниции и стрелкового оружия были сразу же распроданы самими талибами, другими ушлыми торговцами, в том числе бывшими военнослужащими и полицейскими, попали на внутренний рынок и в соседний Пакистан, в другие страны, где цена на них выше[3], но едва ли не большая часть ВВТ, особенно

[1] Талибан артеш-е бозоргбаро-йеафганестонмихохадконад (на перс. яз. — Талибы хотят построить «большую армию» для Афганистана) // IndependentPersian. URL: https://www.independentpersian.com/node/217341/سیاسی-و-اجتماعی/طالبان-می%E2%80%8Cخواهد-«ارتش-بزرگ»-برای-افغانستان-بنا-کند (дата обращения: 30.08.2022).

[2] Численность боевиков ИДТ никогда не была известна точно: Dawi A.Taliban Seeking 110,000-Strong Army After 6 Monthsin Power // VOA News. South and Central Asia. URL: https://www.voanews.com/a/taliban-seeking-110–000-strong-army-after-6-months-in-power-/6442084.html (дата обращения: 18.07.2022); Боброва И. Выяснилась численность батальонов смертников в Афганистане: «Талибы продают паспорта» // MK.RU. URL: https://www.mk.ru/politics/2022/01/30/vyyasnilas-chislennost-batalonov-smertnikov-v-afganistane-taliby-prodayut-pasporta.html (дата обращения: 31.01.2022).

[3] См. например: Слинкин М. М. Стрелковое оружие в «сердце Азии» // Военная безопасность России: взгляд в будущее: Материалы 7-й Международной межведомственной научно-практической конференции научного отделения № 10 РАРАН. Москва, 17 марта 2022 г. В трех томах. Том 3 / РАРАН, МГТУ им. Н. Э. Баумана,

тяжелой техники, осталась под контролем новых властей страны. И они нашли ей применение — ИДТ заявило о строительстве Вооруженных сил (ВС)под названием — Армия Исламского Эмирата Афганистан. Осенью 2021 г. планировалось иметь в составе ВС 40 тыс. человек[4], а затем, в феврале 2022 г., министром обороны Мохаммадом Якубом было заявлено о строительстве 110-тысячной армии[5], численность которой при необходимости можно увеличить, хотя она и без того превышала существовавшие прежде иррегулярные вооруженные формирования (ИВФ) Движения. Начальник пресс-центра Министерства обороны (МО) талибов Инаятулла Хоразми 14 февраля 2022 г. конкретизировал это заявление и расширил его содержание, заявив о планах создания 150-тысячной армии, в которую «в военных корпусах и военных центрах уже зарегистрированы почти 90 тысяч человек», и продолжил, что руководство МО «не раз обращалось не только к тем, кто находится в стране, но и к тем, кто под влиянием враждебной пропаганды покинули страну с призывом вернуться на родину»[6]. Надо полагать, чтобы влиться в ряды создаваемых ВС и применить в их строительстве свой прежний опыт службы.

Первоначально возник вопрос — по какому образцу строить ВС Исламского Эмирата Афганистан (ИЭА — самоназвание, данное государству ИДТ)? Среди талибов существовало мнение, что наиболее эффективными в привычной им гибридной и ассиметричной войне будут формирования, в основу организации которых положены принципы, использованные иранцами при создании Корпуса стражей исламской революции (КСИР).

ВА ГШ ВС РФ. М.: Из-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2022. С. 337–345; Dawi A. Taliban Seeking 110,000-Strong Army After 6 Months in Power // VOA News. South and Central Asia. URL: https://www.voanews.com/a/taliban-seeking-110–000-strong-army-after-6-months-in-power-/6442084.html (дата обращения: 18.07.2022).

[4] Giustozzi A., Al Aqeedi R. Security and Governance in the Taliban s Emirate // Newlines Institute. URL: https://newlinesinstitute.org/afghanistan/security-and-governance-in-the-talibans-emirate/ (дата обращения: 16.07.2022).

[5] Dawi A. Taliban Seeking 110,000-Strong Army After 6 Months in Power // VOA News. South and Central Asia. URL: https://www.voanews.com/a/taliban-seeking-110–000-strong-army-after-6-months-in-power-/6442084.html (дата обращения: 18.07.2022).

[6] Талибы заявили о планах создания национальной армии Афганистана // SWI.URL: https://www.swissinfo.ch/rus/талибы-заявили-о-планах-создания-национальной-армии-афганистана/47346800 (дата обращения: 28.08.2022); Талибы заявили о планах создания национальной армии Афганистана // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/world/822024 (дата обращения: 01.04.2022).

Они уже применялись ИВФ талибов при ведении партизанской войны против правительственных сил Исламской Республики Афганистан (ИРА). Но в итоге возобладало мнение, что для борьбы с гипотетическим внешним врагом и вполне реального решения внутренних задач больше подходят традиционные ВС, что, однако, не означало полный отказ от ряда элитных подразделений, в частности имевших признаки спецназа, из числа преданных и имевших боевой опыт талибов[7], тем более что нежданно-негаданно доставшиеся талибам военная инфраструктура и запасы ВВТ и амуниция на 7,12 млрд. долл.[8] позволяли создавать как регулярные ВС, так и перевооружать и развивать схожие с КСИР силы.

За основу ВС была взята западная организация, а не традиционная для армий прежних королевского и республиканских режимов Афганистана. В ее основе были сохранены армейские корпуса (АК) или региональные командования, как правило, под прежними цифровыми наименованиями. В прессе часто мелькают — 203, 205, 207, 209, 217 АК и др. Но их словесные названия заменены, появился корпус «Мансури» (прежнее название 203 АК «Тандар»), «Аль-Фатх» (прежнее название 209 АК «Шахин») и т.п., однако в целом их зоны ответственности как региональных командований остались прежними. Так, в конце января 2022 г. маулави Атаулла Омари[9] — командир 209-го армейского корпуса «Аль-Фатх», ответственный за безопасность в провинциях Фарьяб, Сарипуль, Джаузджан, Балх и Саманган, заявил, что «за последние три месяца 209-й корпус сформировал 32-тысячную группировку, все офицеры которой

[7] Giustozzi A., Al Aqeedi R. Security and Governance in the Taliban s Emirate // Newlines Institute. URL: https://newlinesinstitute.org/afghanistan/security-and-governance-in-the-talibans-emirate/ (дата обращения: 16.07.2022).

[8] Талибы назвали количество захваченного оружия после бегства армии США из Афганистана // EADaily. URL: https://eadaily.com/ru/news/2022/02/22/taliby-nazvali-kolichestvo-zahvachennogo-oruzhiya-posle-begstva-armii-ssha-iz-afganistana (дата обращения: 22.02.2022); США оставили в Афганистане военное оборудование на $7 млрд // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/news/2022/04/28 (дата обращения: 29.04.2022).

[9] Узбек по национальности Атаулла Омари в начале марта 2022 г. был уволен с должности командира 209 АК. Позднее та же участь постигла влиятельного узбекского командира талибов Салахуддина Аюби — начальника штаба 203 АК: Талибы сместили с должности губернатора афганской провинции Тахар // ИА REGNUM. URL: https://regnum.ru/news/polit/3533345.html (дата обращения: 16.03.2022).

опытные профессионалы»[10]. Штаб корпуса, как и прежде, находится в Мазари-Шарифе.

Двувидовые ВС (Сухопутные войска — СВ и Военно-воздушные силы — ВВС) и корпусная организационная структура СВ были характерны для прежней и королевской, и республиканской армии М. Дауда, и ВС левого режима. Однако доля ВВС (ВВС и ПВО) тогда была большей, а количество АК меньшим. Дислокация АК не охватывала северные провинции страны. Здесь достаточными силами признавались лишь отдельные пехотные дивизии (в Герате — 17-я, Мазари-Шарифе — 18-я и Нахрине 20-я). Исключением была лишь 14-я пехотная дивизия в Газни, лежащем южнее Гиндукуша. Прежнее предназначение «северных» дивизий было скорее ориентировано на поддержание стабильности и решение внутренних задач, чем на отражение внешней агрессии. Ведь в те времена за северной границей страны лежал единый Советский Союз, превратившийся при левом режиме Афганистана в 1970–1980-е годы в близкого военного союзника, от которого не ждали нападения. Количество АК, их названия и наполнение изменились в начале XXI в. с захватом Афганистана Западом во главе с США, которые начали строительство ВС страны по своим представлениям и лекалам. В состав АК, число которых возросло с трех (Центральный, Кандагарский и Пактийский) до семи (201-й со штабом в Кабуле; 203-й — в Гардезе; 205-й — в Кандагаре; 207-й — в Герате; 209-й — в Мазари-Шарифе; 215-й — в Лашкаргахе, 217-й — в Кундузе), вошли уже не пехотные дивизии и бронетанковые бригады, как до начала 90-х годов XX в., а легкие пехотные бригады и отдельные батальоны.

Через четыре месяца после повторного прихода к власти, 9 декабря 2021 г., ИДТ создало специальную комиссию по формированию регулярных ВС ИЭА. Пресс-центр военного ведомства сообщил, что «комитет из 20 членов несет ответственность за организацию формирования преданной, дисциплинированной, оснащенной, честной и ответственной армии в рамках Министерства обороны на основе потребностей правительства и исламской системы». В тот же день министр обороны М. Якуб провел заседание руководства МО вместе с командирами АК,

[10] Афганские исламисты готовы обеспечить безопасность на севере страны // REGNUM. URL: https://regnum.ru/news/polit/3486729.html (дата обращения: 25.01.2022).

заслушав их предложения по ускорению формирования бригад[11]. В феврале 2022 г., согласно заявлению министра обороны талибов, «запись в новую армию» достигла почти 80 тыс. человек, а 10 тыс. из них прошли военную подготовку[12]. В мае того же года МО сообщило о регистрации 130 тыс. военнослужащих, после завершения которой, по заявлению начальника пресс-центра МО Инаятуллы Хоразми, «афганцы увидят независимую, хорошо сформированную и целеустремленную армию, которая будет обеспечивать безопасность и защищать афганскую землю и границы». Он не уточнил, будут ли пограничные войска подчиняться МО и какова будет форма военнослужащих, хотя особо остановился на том, что сотрудники-женщины бывшего МО ИРА все еще получают жалованье и некоторые даже продолжают работать в министерстве[13].

Возникают вопросы, чем декларации отличаются от реальных, подкрепленных материальными и людскими ресурсами намерений, формальные заявления от объективно существующих в руках талибов ВВТ и военной инфраструктуры, «запись» и «регистрация» от набора военнослужащих и т.п., и можно ли говорить о существовании армии заявленной численности, если у правительства нет денег платить денежное довольствие такой массе военнослужащих? Есть и другие вопросы, например, каково соотношение в рядах ВС ИЭА боевиков талибов и бывших военнослужащих ИРА, кто воюет на стороне правительства в мятежных провинциях, в первую очередь в Панджшере — вооруженные американскими штурмовыми винтовками боевики или регулярные формирования новой армии, как налажен ремонт и обслуживание современных ВВТ, доставшихся талибам, да и в целом как действует тыловое обеспечение формируемых ВС?

Вопросов больше, чем ответов, в том числе даваемых пресс-центром МО и попадающих в СМИ. Действительное положение

[11] Афганские талибы начали формировать регулярные вооруженные силы, для этого создана специальная комиссия // SWI.URL: https://www.swissinfo.ch/rus/афганские-талибы-начали-формировать-регулярные-вооруженные-силы — для-этого-создана-специальная-комиссия/47178840 (дата обращения: 28.08.2022).

[12] Dawi A. Taliban Seeking 110,000-Strong Army After 6 Months in Power // VOA News. South and Central Asia. URL: https://www.voanews.com/a/taliban-seeking-110–000-strong-army-after-6-months-in-power-/6442084.html (дата обращения: 18.07.2022).

[13] Islamic Emirate: Over 130,000 Soldiers Recruited // TOLOnews. URL: https://tolonews.com/afghanistan-178022 (дата обращения: 17.07.2022).

дел в военной сфере, скорее всего, по прежней привычке скрывается талибами или в интересах информационного противоборства попросту забалтывается высокопоставленными представителями ИДТ. С трудом верится начальнику пресс-центра МО, заявившему в начале 2022 г. о завершении на 80% создания регулярной армии Афганистана[14]. Между тем в годовом отчете в августе 2022 г. министр обороны М. Якуб заявил, что численность армии составляет около 150 тыс. человек, и работа «по ее формированию продолжается, проводится чистка рядов и набор новых сил». В его докладе прозвучало, что в Афганистане создано 8 пограничных бригад численностью около 3 тыс. человек каждая «и мы защищаем каждый клочок нашей земли любым способом»[15].

Важное место в военном строительстве талибов отводится созданию собственных ВВС, не столько военное, сколько политическое. ВВС так и не были сформированы в современном виде предыдущей администрацией ИРА по той простой причине, что в этом не были заинтересованы ни их заокеанские хозяева, ни ряд режимов региона. Наличие сбалансированной, обладающей ударными силами авиации в составе ВС Афганистана расценивалось ими как непредсказуемая угроза, особенно Пакистаном, с которым камнем преткновения остается территориальная проблема по линии Дюранда. Поэтому было разрешено иметь ВВС, всего-то пригодные для борьбы с ИВФ и не способные к применению против регулярного противника. Это положение не изменилось и со сменой власти. Кто же продаст ударные воздушные средства не признанному международным сообществом и с очевидным террористическим прошлым режиму ИДТ? Поэтому талибы с военной точки зрения заинтересованы в восстановлении хотя и ущербных ВВС, но эффективных против внутреннего противника, который все более консолидируется и организуется.

В 2019 г., без учета поставок следующих полутора лет, на вооружении ВВС ИРА числилось 22 самолета боевой авиации, 28 — вспомогательной и 89 вертолетов различного назначения. Боевая

[14] Талибы практически завершили создание новой афганской регулярной армии // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2022/01/02/taliban_regular_army/ (дата обращения: 16.07.2022).

[15] Численность афганской армии достигла 150 тысяч человек // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/world/858584 (дата обращения: 28.08.2022).

авиация была представлена легкими штурмовиками A-29A «Супер Тукано»[16]. В связи с внутриполитическими событиями августа 2021 г. из этого количества до 25% авиатехники афганских ВВС перелетело на таджикские и узбекские аэродромы. Возвращать их, как, впрочем, и пилотов, пока не намерены ни правительства этих стран, ни США, заявляющие о своих правах на владение авиационной техникой. После захвата талибами Мазари-Шарифа с авиабаз в этом городе и Кабуле в Узбекистан бежали около 500 военнослужащих ВВС и членов их семей (порядка 15 пилотов самолетов A-29A «Супер Тукано», 11 — вертолетов UH-60 «Блэк хоук», 12 — MD-530F и неизвестное число пилотов Ми-17). 12–13 сентября 2021 г. они были перенаправлены в «третью страну», предположительно, на одну из авиабаз США в зоне Персидского залива. В Таджикистан (г. Бохтар) в середине августа 2021 г. бежали 143 афганских военнослужащих. Количество угнанной ими авиатехники в октябре 2021 г. не уточнялось[17].

Часть оставшихся в Афганистане самолетов и вертолетов была выведена из строя. Но уже 1 сентября 2021 г. появились видеокадры сопровождавшего колонну талибов многоцелевого вертолета UH-60 «Блэк хоук»[18]. Всего же талибам досталось около 100 летательных аппаратов, как правило, в неисправном состоянии. Только в кабульском международном аэропорту и расположенной на его территории авиабазе осталось 73 вертолета и самолета с различными повреждениями, в том числе вертолеты транспортные Ми-17 и многоцелевые MD-530F, легкие ударные самолеты A-29A «Супер Тукано», «Сессна-208B» и транспортный C-130 «Геркулес»[19].

На других авиабазах, скорее всего, летательных аппаратов просто не было. Их иностранные войска покидали

[16] Слинкин М. М. Военно-политическая обстановка в Афганистане на рубеже десятилетий: невнятные перспективы // Мусульманский Ближний и Средний Восток: современные процессы, история и историография / отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. М. Мамедова, Н. Ю. Ульченко. Институт востоковедения РАН. М., 2021. С. 286.

[17] Афганские летчики угнали в Таджикистан и Узбекистан четверть военной авиации Афганистана // Фергана. URL: https://fergana.media/news/123640/ (дата обращения: 14.10.2022).

[18] Лавров А. Дареному броневику… // Известия. URL: https://iz.ru/1215703/anton-lavrov/darenomu-broneviku (дата обращения: 01.10.2022).

[19] Там же.

в спешке, выводя из строя сложное и не передаваемое военным ИРА наземное оборудование, но авиационную технику, как правило, использовали и забирали с собой. Оставив авиабазу Баграм в ночь на 6 июля 2021 г., американцы даже не уведомили об этом ее нового афганского командира генерала Мир Асадуллу Кохистани. В результате до того времени, как он взял ее под контроль и выставил свою охрану, местные мародеры довершили ее разграбление. Между тем, Баграм являлся крупнейшей базой США и НАТО с взлетной полосой длиной 3600 м, которую за последние двадцать лет посетили три президента США (Джордж Буш, Барак Обама и Дональд Трамп).

В конце сентября 2022 г. МО ИЭА объявило о начале реконструкции авиабазы Баграм. Ее инфраструктура была практически уничтожена. Для восстановления авиабазы создали техническую группу, в задачи которой входило в короткие сроки сделать ее пригодной для использования, включая восстановление трех больших ангаров, диспетчерской вышки, административных и ремонтных зданий на территории 130 тыс. кв. м.[20] В целом же об авиабазе Баграм при талибах поступали противоречивые сведения. Так, еще в октябре 2021 г. сообщалось о возобновлении ее работы. Более того давались сведения о приземлении на ней китайских транспортных самолетов. Высокопоставленный функционер ИДТ отметил, что 3 октября того года в Афганистан из Китая прибыло около 40 советников, в том числе несколько военных. Из других источников подтверждения этой информации не поступало. Однако Китай объективно заинтересован в укреплении афганской границы особенно на северо-востоке страны[21].

По состоянию на август 2022 г., согласно заявлению министра обороны, талибам удалось ввести в строй и подготовить к полетам более 60 поврежденных вертолетов[22]. Более того, если верить сообщениям социальных сетей, талибы применяют

[20] Талибы восстанавливают авиабазу Баграм в Афганистане // ИА REGNUM. URL: https://regnum.ru/news/it/3704853.html (дата обращения: 25.09.2022).

[21] Giustozzi A., Al Aqeedi R. Security and Governance in the Taliban s Emirate // Newlines Institute. URL: https://newlinesinstitute.org/afghanistan/security-and-governance-in-the-talibans-emirate/ (дата обращения: 16.07.2022).

[22] Численность афганской армии достигла 150 тысяч человек // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/world/858584 (дата обращения: 28.08.2022).

вертолеты в горной местности в борьбе против формирований Фронта национального сопротивления Афганистана[23]. Поэтому суть проблем ВВС, скорее всего, не в недостатке авиационной техники (ее можно отремонтировать или приобрести на нелегальном рынке), а в отсутствие подготовленных военных летчиков. Недаром, призывая бывших военнослужащих ИРА вернуться на родину, талибы подчеркивают особую нужду в пилотах вертолетов и самолетов и техниках для их обслуживания[24].

В этом может помочь не только международное признание нового режима, так и не состоявшееся до сих пор, но и налаживание связей в военной сфере с иными государствами. И талибы активно предпринимают шаги вэтом направлении. Правительство ИЭА готово подписать соответствующее соглашение с Катаром. Об этом говорил министр обороны М. Якуб во время визита 6–7 июля 2022 г. в Доху — его первой зарубежной поездки в этом качестве. Здесь действует политический офис талибов, обеспечивающий переговоры с официальными лицами других стран. М. Якуб встретился с эмиром Катара шейхом Тамимом бин Хамадом Аль Тани и министром обороны Халидом бин Мухаммадом Аль-Аттия. По итогам визита М. Якуб заявил: «Мы призываем их к сотрудничеству в выплатах заработной платы военнослужащим, поскольку Катар — исламская страна, и в прошлом она помогала Афганистану… Мы также просим обеспечить обмундированием силы для охраны границы»[25].

Особый интерес руководство талибов проявляет к Индии, может быть, в качестве противовеса к былой полной зависимости от Пакистана. О желании установить связи с Индией по военной линии высказался М. Якуб, подчеркнув, что первым шагом должно стать возобновление дипломатических отношений

[23] Талибы назвали количество захваченного оружия после бегства армии США из Афганистана // EADaily. URL: https://eadaily.com/ru/news/2022/02/22/taliby-nazvali-kolichestvo-zahvachennogo-oruzhiya-posle-begstva-armii-ssha-iz-afganistana (дата обращения: 22.02.2022).

[24] SIGAR: некоторые бывшие афганские силовики сотрудничают с «Талибаном» // ИА REGNUM. URL: https://regnum.ru/news/polit/3716790.html (дата обращения: 06.10.2022).

[25] Талибы намерены подписать с Катаром соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности// Афганистан.Ру. URL: https://afghanistan.ru/doc/149873.html (дата обращения: 12.07.2022).

между двумя странами. За помощью Индии в укреплении сил безопасности обратился командующий ВС Афганистана генерал Вали Мохаммад Ахмадзай. Он планировал визит 27 июля 2022 г. для обсуждения вопросов расширения военного сотрудничества в высшим военным руководством этой страны в качестве одного из своих «союзников»[26]. Как результат таких контактов можно расценивать объявление о возвращении в Афганистан направленных в Индию еще правительством ИРА 25 военнослужащих для прохождения военной подготовки. Глава отдела внешних связей МО Рухулла Умар заявил на церемонии их приема на родине, что полученный ими опыт будет востребован в профессиональном плане[27].

Боевое применение создаваемых ВС также вызывает много вопросов, главный из которых — кто воюет в Панджшере, прежние преданные талибы или формирования новых ВС, а может, те и другие при цементирующей роли в отрядах прежних боевиков? Не исключено, что к боевым действиям здесь привлекаются и наемники[28]. Официальные лица, а вслед за ними и СМИ предпочитают или вынуждены замалчивать эти вопросы. Менее закрытые темы, особенно если они связаны с осуществлением выгодных талибам экономических проектов, более доступны. Так, 10 января 2022 г. руководство талибов объявило о развертывании специальных формирований численностью до 30 тыс. военнослужащих для обеспечения работ на газопроводе ТАПИ. Причем задачей МО, Министерства внутренних дел и разведывательного управления будет безопасность во всех провинциях, где пройдет газопровод оценочной стоимостью 8–10 млрд. долл. США[29].

[26] СМИ: командующий ВС Афганистана 27 июля прибудет в Индию для обсуждения военных связей // ТАСС. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11944861 (дата обращения: 20.10.2022).

[27] Ряд военных бывшего афганского правительства вернулся из Индии в Кабул // ИА REGNUM. URL: https://regnum.ru/news/polit/3655825.html (дата обращения: 01.08.2022).

[28] Боброва И. Выяснилась численность батальонов смертников в Афганистане: «Талибы продают паспорта» // MK.RU. URL: https://www.mk.ru/politics/2022/01/30/vyyasnilas-chislennost-batalonov-smertnikov-v-afganistane-taliby-prodayut-pasporta.html (дата обращения: 31.01.2022).

[29] Свинцова Е. Строительство МГП ТАПИ на территории Афганистана начнется в марте 2022 г. // Нефтегаз. URL: https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/720899-stroitelstvo-mgp-tapi-na-territorii-afganistana-nachnetsya-v-marte-2022-g/ (дата обращения: 28.02.2022).

* * *

В современных условиях строительство регулярных ВС– длительный, затратный и требующий специальных знаний процесс. Ответа на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, нет. Как нет и ответов на вопросы, что будет с создаваемыми ВС ИАЭ, когда износится новая экипировка талибовских солдат, испортятся их индивидуальные видеокамеры, средства связи и прочие элементы боевого снаряжения, а на складах уже не останется новых комплектов, истечет срок годности, который, несомненно, ускорится без грамотного технического обслуживания, сложных и не очень ВВТ западного производства, да и сколько времени продержится армия без должного финансирования и выплаты военнослужащим денежного довольствия? С трудом верится, что в ближайшие годы эти проблемы можно преодолеть.

***О. Е. Митрофаненкова* ***

Производство наркотиков в Афганистане после 2021 г.

Резюме. В статье автор отмечает роль наркобизнеса в финансировании Движения Талибан как в 1990-е годы, так и на современном этапе. Показано влияние доходов от незаконного производства наркотиков на повторный приход талибов к власти в августе 2021 г. Кроме того исследованы не только изменения в наркопроизводстве после 2021 г., но также и политика талибов по борьбе с незаконным производством наркотиков.

Ключевые слова: Афганистан, наркотики, Движение Талибан, США

Drug production in Afghanistan after 2021

Abstract. *In the article, the author notes the role of the drug business in financing the Taliban movement (banned in the Russian Federation) both in the 1990s and at the present stage. The influence of proceeds from illegal drug production on the re-emergence of the Taliban to power in August 2021 is shown. In addition, not only changes in drug production after 2021 are examined, but also the policy of the Taliban to combat illicit drug production.*

Keywords: *Afghanistan, drugs, Taliban Movement, USA*

Вооружённые силы США были полностью выведены из Афганистана 31 августа 2021 г. Ранее, в апреле того же года президент США Дж. Байден заявил о намерении вывести войска

* Митрофаненкова Ольга Евгеньевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0003-0076-2956

к двадцатой годовщине терактов 11 сентября[1]. Тем не менее о выводе американских войск из этой страны ещё в 2011 г. объявил Б. Обама. Он планировал вывести войска к концу 2014 г., завершив тем самым антитеррористическую операцию «Несокрушимая свобода». Однако данный процесс затянулся до 2021 г., что можно связать с потенциальной террористической угрозой для США и невозможностью достичь ими стабилизации ситуации в Афганистане. Стоит отметить, что ее не удалось достичь и в 2021 г., несмотря на длительные попытки мирного урегулирования с участием международных акторов.

После объявления об окончательном уходе американских войск из Афганистана, в мае 2021 г., Движение Талибан начало активную наступательную операцию против афганских правительственных сил. Учитывая, что Движение Талибан (далее ДТ) не встретило сильных препятствий на своем пути, ему удалось снова прийти к власти 16 августа 2021 г. Афганистан был провозглашен Исламским Эмиратом Афганистан.

Придя к власти, талибы столкнулись с внушительным комплексом внутренних проблем, которые не удавалось решить на протяжении нескольких десятилетий. К ним относятся голод, отсутствие безопасности, крайне низкий уровень жизни населения, бедность, а также и массовое производство наркотиков, которое усугубляет весь существующий комплекс проблем.

Последние десятилетия Афганистан занимает лидирующие позиции в мире не только по производству наркотиков опиатной группы, но также и по уровню потребления наркотических веществ на душу населения.

Согласно данным Управления ООН по наркотикам и преступности (далее УНП ООН), около 80% всех наркозависимых от опиатов в мире употребляют героин афганского происхождения[2]. При этом на Афганистан приходится до 84% мирового производства героина, остальные 16% производятся в Мексике

[1] Cronk T. M. Biden announces full U.S. troop withdrawl from Afghanistan by spt. 11//U.S. Deparment of Defense [Electronic source]. URL: https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2573268/biden-announces-full-us-troop-withdrawal-from-afghanistan-by-sept-11/ (accessed: 22.01.2023).

[2] Afghanistan opium cultivation in 2022 up by 32 per cent: UNODC survey// UNODC [Electronic source]. URL: https://www.unodc.org/unodc/frontpage/2022/November/afghanistan-opium-cultivation-in-2022-up-by-32-per-cent_-unodc-survey.html (accessed: 22.01.2023).

и Мьянме[3]. По данным на 2023 г. количество наркозависимых в Афганистане достигает порядка 3,5 млн. человек[4]. Однако учитывая особенности этой страны и трудности, которые возникают при сборе статистики можно допустить, что количество наркозависимых составляет приблизительно 5 млн. человек, включая женщин и малолетних детей (в возрасте до 10 лет).

Необходимо подчеркнуть, что ДТ всегда было тесно связано с нелегальным производством и торговлей наркотиками.

Производство наркотиков как источник финансирования талибов

Ещё в 1990-е годы, когда талибы впервые пришли к власти, ими была сделана ставка на опийный мак в качестве основы экономики. Деньги, получаемые от его продажи, шли на содержание отрядов боевиков и на ведение борьбы за власть внутри страны. Тысячи мирных крестьян были втянуты в процесс производства и торговли как самим опийным маком, так и продуктами конечного производства. Гильменд и районы, расположенные южнее Кандагара, производили около 60% от всего опия в Афганистане[5]. Этот регион считается оплотом Движения Талибан.

Именно при режиме талибов произошел переход к массовому производству наркотиков. В этот период им удалось перенести все этапы производства финального наркотика на свою территорию. Так в конце 1990-х годов нарколаборатории были перенесены из соседнего Пакистана в Афганистан. Важным этапом стало и то, что были налажены поставки химических реагентов (в частности, уксусного ангидрида) для производства готового продукта[6]. Помимо этого, талибы смогли окончательно сформировать два основных маршрута афганского наркотрафика (в частности, «Северный маршрут» и «Балканский маршрут»), третий маршрут сформировался в 2000-е годы («Южный маршрут»). В результате перенос всех этапов производства на свою

[3] World drug report 2020. Drug supply. Vienna, 2021. Vol. 3. P. 9.

[4] Kennedy L., Southern N. How the Taliban's "War on drugs" could backfire// Foreign policy[Electronic source]. URL: https://foreignpolicy.com/2023/02/01/taliban-afghanistan-drugs-war-ban-heroin-ephedra-economy/ (accessed: 22.01.2023).

[5] Neamatollah Nojumi The rise of the Taliban in Afghanistan. Mass mobilization, civil war and the Future of the region. Palgrave, 2002. P. 135.

[6] The Opium Economy in Afghanistan. An international problem. UNODC. Vienna, 2003. P. 128.

территорию, а также налаживание каналов сбыта позволили получать талибам максимальный доход. Это сделало наркобизнес более значительным источником финансирования для них.

Основной их доход от опийного мака складывался из 10-процентного налога «ушра» на мак как на сельскохозяйственную культуру, который собирался непосредственно с крестьян. Сюда также входил и налог «закят» на торговлю опием и его производными, который собирался менее регулярно и не во всех областях, где занимались наркоторговлей[7].

Другим важным фактором, который стимулировал культивирование опийного мака и последующее нелегальное производство наркотиков, стали афганские крестьяне. В условиях крайней бедности и полного отсутствия безопасности, где не было надежной экономической альтернативы, культивирование опийного мака стало неизбежным. Это было не результатом, а следствием нестабильности крайне бедственного положения Афганистана. Афганские крестьяне выращивали мак, поскольку для многих это был единственный путь к существованию[8].

Экономика наркотиков обеспечивала в основном для крестьян доступ к земле, кредитам, воде и рабочим местам[9].

В 1990-е годы наркотики хотя и сыграли важную роль в финансировании конфликта, во внутриафганских процессах они все еще были на вторых ролях. Однако именно в этот период начало расти их значение как для крестьян, так и для талибов и других групп населения Афганистана. Была заложена база того, что в будущем деньги от наркобизнеса будут интегрированы во все внутриафганские экономические процессы.

В 2000-е годы после терактов 11 сентября, падения режима талибов и ввода иностранных войск роль незаконного наркобизнеса только возросла.

После резкого падения производства наркотиков в 2001 г. на фоне антинаркотической политики, проведенной Движением Талибан в 2000–2001 гг.*, в последующие годы отмечался

[7] Степанова Е. А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М., 2005. С. 70.

[8] Rubin B. R. Counter-narcotics to Stabilize Afghanistan: the false promise of crop eradication. New York: Center of international cooperation New York University, 2008. P. 20.

[9] Ibid. P. 21.

существенный рост наркопроизводства, несмотря на то что талибы были отстранены от власти.

В условиях отсутствия сильного государственного контроля, нового витка борьбы за власть и нестабильности, а также отсутствия возможности для построения легальной экономики стала стремительно расти популярность наркоиндустрии как среди крестьян, так и среди антиправительственных групп (в том числе и среди оставшихся талибов).

Талибы и другие антиправительственные группы в Афганистане сильно пострадали и вынуждены были бежать в соседний Пакистан из-за антитеррористической операции, однако за счет наркобизнеса продолжилось финансирование их деятельности. По сути, талибы не были не только полностью разбиты иностранными войсками и союзными с ними силами «Северного альянса»*, но также сохранили за собой источники финансирования в виде контроля за некоторыми участками наркоторговли.

Основными задачами талибов в 2000-е годы было вернуть свои былые позиции в Афганистане.

Стало известно, что после событий 2001 г. талибы начали перегруппировываться и восстанавливаться. Сообщалось, что мулла Омар связался со своими заместителями и поручил им организовать своих бойцов, забрать новобранцев из пакистанских медресе, найти тайники с оружием и собрать средства. Контрабандисты наркотиками были одними из первых, кто предоставил средства для помощи талибам[10].

Несмотря на то что в 2003 г. талибы еще полностью не восстановились и были плохо организованы, им удалось установить контроль над производством наркотиков в ряде областей на юге страны. В этот период за счет денег от наркотиков «Кветте шуре» (главный военно-политический орган талибов, действовавший на территории Пакистана) удавалось сохранять контроль над слабо организованными талибами[11].

В 2000-е годы талибы также выступили в качестве защитников крестьян, которые выращивали опийный мак. В результате, они получали не только налоги от урожая наркотиков, но и добились усиления своего политического влияния в определенных

[10] Peters G. How opium profits Taliban. United States Institute of Peace, 2009. P. 17.
[11] Ibid.

районах. По некоторым оценкам доход от наркотиков мог составлять от 20 до 40% от всего дохода талибов[12].

Деньги, получаемые от наркотиков в 2000-е годы, позволили талибам не только начать восстанавливать свои силы, но также и снова заявить о своих притязаниях на власть в Афганистане.

По мере захвата власти талибами в Афганистане в последние годы растет и уровень их доходов от наркоторговли, а также и от сбора транспортных пошлин. Кроме этого они активно взимают налоги практически во всех сферах в тех областях, которые находятся под их контролем[13].

Производство и контрабанда наркотиков вплоть до августа 2021 г. оставались весьма прибыльным источником дохода для талибов. Связь между вооруженной группировкой и наркомафией расширила возможности последней, позволив ей на данный момент снова нарастить силы и прийти к власти в Афганистане[14].

В 2021 г. талибы повторно пришли к власти в Афганистане. Совершенно очевидно, что не последнюю роль в их приходе к власти сыграли деньги от наркотиков. Последние годы талибы зарабатывали на наркотиках больше, чем 10 лет назад.

Важно отметить, что наркотики для талибов не являются единственным источником дохода.

Производство наркотиков в Афганистане после 2021 г.

Когда ДТ сново пришло к власти в Афганистане в августе 2021 г., им были сделаны попытки взять производство наркотиков под свой контроль и «решить» проблему незаконного наркобизнеса. Подобные действия были продиктованы исключительно прагматичными целями. Прежде всего это зависимость от различного вида помощи от международного сообщества, а также, что не менее важно, ДТ и его режим нуждается в международном признание. Учитывая опыт 1990-х годов, когда режим талибов был

[12] Felbab-Brown V. High and low politics in Afghanistan: The terrorism-drugs nexus and what can be done about it// Brookings Institute [Electronic source]. URL: https://www.brookings.edu/articles/high-and-low-politics-in-afghanistan-the-terrorism-drugs-nexus-and-what-can-be-done-about-it/ (accessed: 12.05.2018).

[13] Letter dated 19 may 2020 from the Chair of the Security Council Committee established pursuant to resolution 1988 (2011) addressed to the President of the Security Council. UN Security Council. 2020.

[14] Afghan neighbors need to intervene if they want stability// AlJazeera [Electronic source]. URL: https://www.aljazeera.com/opinions/2021/7/26/afghanistans-neighbours-need-to-step-in-if-they-want-stability (accessed: 12.03.2021).

признан только Пакистаном, Саудовской Аравией, ОАЭ и по факту находился в международной изоляции, завися практически полностью от международной помощи, сейчас режим ДТ стремится быть более интегрированным в международное сообщество, получая от этого максимум выгоды. Прежде всего это реализация ряда экономических проектов с участием других стран (пример: разработка месторождения лития Айнак при участии Китая).

Для достижения поставленной цели в 2021 г. талибы объявили вне закона сбор эфедры (растение, из которого получают эфедрин, необходимый для последующего производства метамфитамина), а в апреле 2022 г. ими был наложен запрет на культивирование опийного мака и на последующее производство героина. Подобное решение вызвало шок у афганских крестьян, жизнь которых полностью зависит от наркоиндустрии (что связано с отсутствием легальной экономики). Помимо этого, подобное решение ДТ также удивило и международное сообщество[15]. Безусловно, такое решение было связано с желанием избавиться от статуса международного изгоя и снять с Афганистана ярлык «*failed state*». Эти действия также должны были простимулировать как приток иностранной помощи, так и вызвать интерес у соседей по региону (и других государств) развивать экономические проекты с талибами. Запрет на культивирование мака и последующее производство наркотиков должен был продемонстрировать не только способность ДТ контролировать ситуацию в стране, но и показать, что талибы 1990-х годов и талибы сегодняшние сильно отличаются друг от друга.

Если объективно оценивать роль наркобизнеса в экономике Афганистана, то из всех афганских товаров он приносит как самый стабильный, так и самый большой доход. По данным за 2019 г., общая стоимость всех легальных товаров, экспортируемых из Афганистана, составила 870 млн. долл. Стоимость экспорта опиатов (без учёта последующего отмывания денег) составила от 1,2 млрд. до 2,1 млрд. долл., что намного превышает легальный доход страны[16]. Учитывая также тот факт, что за последние годы международная помощь (по причинам COVID-19,

[15] Kennedy L., Southern N. How the Taliban's "War on drugs" could backfire// Foreign policy [Electronic source]. URL: https://foreignpolicy.com/2023/02/01/taliban-afghanistan-drugs-war-ban-heroin-ephedra-economy/ (accessed: 20.02.2023).

[16] Ibid.

конфликт на Украине) для Афганистана была значительно приостановлена, опиум и эфедра стали для многих крестьян практически единственным средством к существованию.

Стоит также упомянуть, что в среднем государственный служащий в Афганистане в последние годы зарабатывал около 60 долл. в месяц, тогда как добыча эфедры могла приносить до 30 долл. в день[17].

Кроме того, легальная экономика в Афганистане после августа 2021 г. сократилась почти на 5 млрд. долл или на 21% по сравнению с 2020 г. На фоне того, что легальная экономика давала сбои и доход местного населения упал на 14–28%, нелегальная экономика напротив набирала обороты[18].

Однако, несмотря на запрет, в 2022 г. отмечался рост площадей, занятых посевами опийного мака, на 32% по сравнению с 2021 г. Общая площадь, занятая посевами опийного мака составила 233 000 га. Культивирование мака по-прежнему, как и в предыдущие годы, было сосредоточено преимущественно в юго-западных провинциях страны (до 73% от всей площади посевов). Одна пятая всех пахотных земель в провинции Гильменд отводилась под посевы опийного мака. При этом за все годы сбора статистики по посевам мака — это третья по величине площадь земли, но из-за засухи в начале 2022 г. было собрано всего 6200 т опия-сырца, что на 10% меньше 2021 г. (6800 т). Кроме того вырос также и доход крестьян за 2022 г. Если от торговли опиумом в 2021 г. крестьяне заработали всего 425 млн. долл., то в 2022 г. их доход вырос практически на 30% и составил 1,4 млрд. долл. Стоит упомянуть, что эти суммы представляют собой только часть дохода, полученного от производства и торговли внутри страны[19].

Таблица 1

Площадь, занятая посевами опийного мака в 2014–2022 гг. Составлена на основе данных УНП ООН

Год	Площадь посевов опийного мака, в га
2014	224000

[17] Ibid.

[18] Opium cultivation in Afghanistan 2022. P. 7.

[19] Ibid. P. 3.

Год	Площадь посевов опийного мака, в га
2015	183000
2016	201000
2017	328000
2018	263000
2019	190000
2020	224000
2021	177000
2022	233000

Таблица 2

Производство опия-сырца в т. 2004–2022 гг. Составлена на основе данных УНП ООН

Год	Объем произведенного опия-сырца, в т
2014	6400
2015	3300
2016	4800
2017	9000
2018	6400
2019	6700
2020	6300
2021	6800
2022	6200

В источниках также отмечается, что по маршрутам наркотрафика (Северный, Балканский и Южный маршруты) по-прежнему отмечаются изъятия наркотиков[20]. Это является прямым доказательством того, что в Афганистане продолжают не только незаконно производить наркотики, но также и осуществлять их

[20] Ibid.

дальнейший сбыт по всему миру. Учитывая все факторы, очевидно, что либо талибы продолжают поддерживать в стране производство наркотиков (в силу сложной экономической ситуации), либо они не только не способны взять ситуацию под контроль и гарантировать безопасность для своей территории, но также и не могут осуществлять хоть какую-то экономическую, социальную политику в стране.

Ситуация касательно того, каким будет урожай опия в 2023 г., зависит от того, какое решение, связанное с посевами мака, было принято в ноябре 2022 г. Основная часть урожая, который планируется получить в 2023 г., должна быть посажена в ноябре 2022 г. Тем не менее на момент написания данной статьи официальные данные о посевах мака отсутствуют. Однако учитывая всю сложность ситуации в Афганистане, на сегодняшний день можно предположить, что площадь, занятая посевами мака, будет по объёмам такой же, как и в 2022 г., либо несколько увеличена. Окончательный объем опия-сырца, который будет собран в 2023 г., зависит преимущественно от погодных факторов (засуха, эрозия почв, болезни растений). Опиаты по-прежнему остаются стабильно востребованным афганским товаром на международном рынке, также как и метамфитамин.

Самеулла Пойя *

Состояние режима талибов и позиция международного сообщества

Резюме. Статья состоит из двух частей. В первой части автор рассматривает внутренние проблемы страны после прихода к власти Движения Талибан — гуманитарная катастрофа, положение женщины, борьба двух центров власти — Кандагара и Кабула, возможные сценарии развития ситуации в стране в ближайшей перспективе. Во второй части речь идет об Афганистане с точки зрения геополитической игры США, России, Китая, а также позиция и интересы Индии, Ирана и Пакистана в Центральной Азии.

Неопределенность во внешней политике правительства талибов относительно стран региона и на международном уровне в целом не дает ясности, пытаются ли талибы сохранить нейтралитет Афганистана в соперничестве между Соединенными Штатами, Россией и Китаем.

Ключевые слова: Афганистан, талибы, США, Россия, Китай, международное сообщество, Центральная Азия

State of the Taliban regime and the attitude of international community

Abstract. *The article consists of two parts. In the first part, the author examines the internal problems of the country after the Taliban came to power — a humanitarian catastrophe, the situation of women, the struggle of two centers of power — Kandahar and Kabul, possible scenarios for the development of*

* Пойя Самеулла - кандидат исторических наук, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0002-8259-1216

the situation in the country in the near future. The second part deals with Afghanistan from the point of view of the geopolitical game of the United States, Russia, China, as well as the position and interests of India, Iran and Pakistan in Central Asia.

The uncertainty in the foreign policy of the Taliban government regarding the countries of the region and at the international level in general does not make it clear whether the Taliban are trying to maintain the neutrality of Afghanistan in the rivalry between the United States, Russia and China.

Keywords: *Afghanistan, Taliban, USA, Russia, China, international community, Central Asia*

С прошлых веков Афганистан был центром игры великих и региональных держав, и их противоречивая роль оказала большое влияние на изменение систем, политическую стабильность и ситуацию с безопасностью в этой стране. С 1950–1978-х гг. Афганистан являлся постоянным элементом политики США в Южной Азии, а с распадом СССР и до сегодняшнего дня политика Вашингтона охватывает и страны Центральной Азии, о чем автор делает более подробный акцент в данной статье.

15 августа 2021 г. талибы без боя вошли в Кабул, а 30 августа США завершили свою военную миссию в Афганистане.

6 сентября талибы заявили об установлении контроля над всей афганской территорией, а уже 7 сентября огласили состав временного правительства, в которое вошли только их представители, в особенности большинство членов радикального толка и преимущественно представители международно признанной террористической группы «Хаккани». Правительство возглавляет ближайший бывший соратник Муллы Омара Мохаммад Хасан Ахунд, занимавший кресло главы МИДа во времена первого правления талибов и находящийся с 2001 г., и до сих пор под санкциями ООН[1].

Талибы сосредоточили все процессы принятия решений в руках нескольких человек (Хайбатулла Ахондзада и его кандагарское окружение), а также Совета Кандагара «Шурай Кандагар». С их именами и лицами не знакомы не только граждане

[1] Блинкен рассказал, что надеялся сохранить посольство США в Кабуле. URL: https://ria.ru/20221018/afganistan-1824763750.html (дата обращения: 17.01.2022).

Афганистана, но даже и многие чиновники талибов их ни разу не видели. Они совершенно оторваны от общества и не выходят на контакт с народом, также не принимают представителей иностранных государств. Они не реагируют ни на требования афганского общества, ни на призывы мирового сообщества. Хайбатулла, обладающий практически абсолютной властью, выпускает директивы (Ферман), и исполнительная власть в Кабуле обязана неукоснительно соблюдать, выполнять и докладывать ему об их исполнении, что вызывает недовольство более прагматичных и реформаторски настроенных лидеров. Создается впечатление, что чем больше критики и запросов со стороны афганского и мирового сообщества относительно уважения прав женщин, или формирования инклюзивного правительства, тем больше Совет Кандагара занимает жесткую позицию. Критика со стороны исламских стран и даже консервативных ученых также оказалась неэффективной в отношении Хайбатуллы. Он считает свою интерпретацию шариата единственно правильной версией ханафитского ислама, от которого отошел исламский мир. Другая часть талибов, имеющих более близкие контакты с народом и находящихся в контакте с мировым сообществом (такие, как мулла Барадар, мавлави Абул Салам Ханафи, шейх Шухабуддин Делавар и некоторые очень влиятельные дипломаты и военачальники, которые имеют мощные и очень влиятельные связи, такие как мулла Якуб Муджахед — сын Муллы Омара и халифа Сираджуддин Хаккани, Муттаки, Аббас Станекзай) и другие официальные лица талибов неоднократно просили Хайбатуллу прислушаться к требованию общества, но их просьбы не были приняты. Их обращение об отмене указа, запрещающего образование девочек и трудоустройство женщин, и другие спорные директивы не были услышаны. Хайбатулла в ответ на высказывания некоторых и.о. министров по отношению к ущемлению прав женщин заявил: «… покажите мне в Коране суры, где написано, что женщины без своего законного сопроводителя (Махрама) могут выходить из дома, тогда я отменю свои директивы».

После постановления Хайбатуллы о запрете найма женщин на работу действующие в Афганистане международные неправительственные организации приостановили свою деятельность. Как объявили талибы, этот запрет не распространяется

на женщин, работающих в сферах здравоохранения и образования. В конце концов, стороны были вынуждены в какой-то степени отказаться от своей позиции, после чего некоторые международные организации возобновили свою деятельность.

Однако гуманитарная ситуация в Афганистане остается тяжелой: по разным прогнозам, почти половина афганского населения испытывает нехватку продовольствия. Более четверти 40-миллионного населения Афганистана получили продуктовые наборы и денежные пожертвования от Всемирной продовольственной организации, но это не спасает ситуацию.

Гуманитарный кризис в Афганистане — самый масштабный на планете. Две трети населения страны, 28 млн. человек, в этом году нуждаются в гуманитарной помощи. Шесть миллионов находятся в шаге от голода. На оказание помощи всем нуждающимся понадобится 4,62 млрд. долл.[2] Усиление репрессий против женщин, меньшинств и политических критиков может даже поставить под угрозу базовую гуманитарную помощь со стороны мирового сообщества.

Конечно, по состоянию на конец марта 2023 г., талибам удалось в какой-то степени стабилизировать афганскую экономику. Однако эта стабильность является своего рода «равновесием голода».

Кандагар рассматривает мирскую жизнь как шаг к загробной жизни и, исходя из этого, оправдывает свои фанатичные религиозные принципы, не принимая во внимание ее человеческие и экономические последствия.

«Сейчас, когда Афганистану нужен весь его человеческий капитал, чтобы восстановиться после десятилетий войны, половина женщин, потенциальных врачей, ученых, журналистов и политиков страны, оказались запертыми в своих домах, их мечты разрушены и их таланты не востребованы.

Талибы, придя к власти, поначалу делали обнадеживающие заявления, объявили всеобщую амнистию. Однако Афганистан при талибах остается самой репрессивной страной в мире в отношении прав человека»[3].

[2] Роза Отунбаева: «Талибан» пытается помешать сотрудницам ООН ходить на работу. URL: https://news.un.org/ru/story/2023/03/1438432 (дата обращения: 12.04.2023).

[3] Там же.

В стране происходят внесудебные казни, произвольные аресты и пытки, направленные в первую очередь против бывших правительственных чиновников и сил безопасности, также продолжают внедрять публичные телесные наказания. Согласно международному праву, они классифицируются как пытки и жестокое обращение.

Продолжаются также репрессии, направленные против средств массовой информации и гражданского общества. Вопреки всем ожиданиям власть постепенно все больше становилась жесткой, авторитарной и догматичной. Она стала похожа на правительство 1990-х годов. С каждым днем талибы демонстрируют крайне репрессивное поведение по отношению ко всем формам проявления гражданского протеста. Приняты меры по отношению к больным наркоманам, их насильно загоняют в специальные приюты. В СМИ просочилась информация и видеокадры, свидетельствующие о массовых захоронениях неустановленных лиц. Идет массовое притеснение и увольнение с работ национальных меньшинств и лиц, связанных со свергнутым афганским правительством. Основными институтами репрессий стали Управление общей разведки, а также Министерство поощрения добра и предотвращения зла.

Парадоксально: с одной стороны, талибы желают международного признания своего правительства, с другой стороны — принимают решения, не отвечающие требованиям международных конвенций, из-за которых ухудшаются отношения между Афганистаном и международным сообществом, в том числе с донорами.

На фоне растущего напряжения в обществе в последнее время активно обсуждается вопрос о смене власти во внутренней структуре талибов. Даже в отчетах спецпредставителя Генсека ООН Розы Отунбаевой говорится, что в руководстве талибов существует фракция, которая не согласна с с нынешней политикой руководства страны. Ее представители понимают, что необходимо уделять внимание потребностям общества. Как подчеркнула Отунбаева, возможно, это приведет к изменению политического вектора. Однако на это уйдет много времени, а потребности народа растут уже сейчас.

В какой форме и каким способом она сможет произойти? Обсуждаются разные варианты: есть версия о том, что она произойдет спокойно и без крови, что в результате этой смены власть лидера амир-аль-муминина будет ограничена или даже упразднена. Бытует и версия переворота, в этом случае, какая из сторон возьмет вверх и получит полноту власти, непонятно. Такой путь рискован и кровопролитен, а в случае провала может привести к казни организаторов переворота и расколу в рядах талибов. Разумеется, что ни один из вероятных лидеров не решится самостоятельно пойти на такой шаг. Единственно возможный вариант — это объединение усилий и действий муллы Барадара, мавлави Абдул Салама Ханафи, муллы Якуба и группы Хаккани во главе с халифом Сираджуддином Хаккани, их сотрудничество с начальником Управления общей разведки муллой Фасихуддином Васиком и несколькими важными военачальниками талибов. В настоящее время вероятность реализации такого сценария невелика, но переворот считается одним из возможных вариантов выхода из тупиковой ситуации. Самый приемлемый вариант, исключающий уровень риска, по которому талибы, по всей видимости, ведут дискуссию — это расширение состава Руководящего Совета режима с включением в него недовольных лидеров, а также народных представителей с широкими полномочиями. Все важные законы обсуждаются и принимаются Советом, а затем утверждаются амир-аль-муминином. Этот вариант мог бы быть приемлем только в том случае, если народ Афганистана своим прямым участием или через своих народных представителей избирает персональный состав Совета, который будет иметь полномочия законодательного органа режима.

Однако не все лидеры талибов могут согласиться с таким вариантом. Группа Кандагара, которая, по сути, оторвана от общества и изолирована от контактов с мировым сообществом в целом, хочет сама управлять. Очевидно, что в скором будущем экономика совсем рухнет, международная изоляция усилится, а иностранные ресурсы будут отрезаны.

Теперь стоит вопрос, как в такой ситуации исполнительная власть в Кабуле в состоянии взаимодействовать с мировым сообществом?

Разумеется, международное сообщество с де-факто существующим режимом талибов должно разрабатывать повестку для дискуссий, которая включала бы вопросы, имеющие значение для афганского общества.

С приходом талибов во дворце Арг началась новая и сложная страница отношений Афганистана с внешним миром. Активную внешнюю политику талибы начали вести еще с 2013 г., т.е. задолго до прихода к власти, а точнее — с момента открытия их политического офиса в Катаре. За эти 8 лет, до августовских событий, талибы проводили серию переговоров с представителями США и их союзниками — странами ЕС, Великобританией, Канадой, — а также с представителями России, Китая, Ирана, Узбекистана, встречались и с представителями правительства «Исламской Республикой Афганистана.

Вскоре после назначения Амир-хана Муттаки, исполняющим обязанности министра иностранных дел временного правительства талибов, он активно начал вести работу на дипломатическом фронте. Стоит отметить, что еще при первом нахождении талибов во власти в Афганистане (с 1996 по 2001 г.) Муттаки помимо работы в должности министра образования являлся главным переговорщиком талибов. Тогда он возглавлял делегацию в переговорах с Северным альянсом, и его лично назначал Мулла Омар. Данная делегация также вела переговоры со странами 2+6[4] в Ташкенте, Ашхабаде, а также в Джидде и на Исламской конференции. В 2018 г. он являлся руководителем офиса талибов, а в 2019 г. входил в состав делегации талибов на переговорах с представителями США. Он также был членом делегации талибов в переговорах с правительством Афганистана[5]. Муттаки совершил серию поездок за рубеж, в том числе в Россию, а также принимал зарубежные делегации и дипломатов в Афганистане. Справедливости ради стоит отметить, что дипломатический корпус талибов во многом активнее работал до и после 15 августа 2022 г. по сравнению с МИД ИРА возглавляемым Саллахуддином Раббани и Ханифом Атмаром. Главная цель его встречи

[4] Иран, Пакистан, Таджикистан, Узбекистан, Туркмения, Китай + Россия, США.

[5] Биография Маулви Амира Хана Мотаги, министра иностранных дел Исламского Эмира Афганистан. URL: https://mfa.gov.af/fa/%D8%A8%DB%8C%D9%88%DA%AB%D8%B1%D8%A7%D9%81%D9%8A-2/ (дата обращения: 21.12.2022).

заключалась в признании правительства талибов со стороны мирового сообщества.

Хотя, по словам госсекретаря США Энтони Блинкена, падение республиканского режима стало неожиданностью для американской администрации, но в ходе переговорного процесса между США и талибами в Дохе уже было очевидно, что оно было неизбежно, однако США исходили из того, что и после прихода талибов к власти будут сохраняться условия для их внушительного дипломатического присутствия в Кабуле. Однако этого не произошло, и посольство США в Афганистане закрыто.

Неопределенность во внешней политике правительства талибов относительно стран региона и на международном уровне в целом не дает ясности: пытаются ли талибы сохранить нейтралитет Афганистана в соперничестве между Соединенными Штатами, Россией и Китаем или будут стремиться к сотрудничеству с США, а не к региональному сотрудничеству с Россией и Китаем.

Исследования по международной политике показывают, что страны, не обладающие финансовыми возможностями и самодостаточностью, не могут эффективно проводить политику нейтралитета. Из-за финансовой неизбежности правительство талибов уже инициировало больше контактов с Соединенными Штатами, несмотря на поддержание дипломатических отношений со странами региона. Такой уровень взаимодействия между талибами и Соединенными Штатами при посредничестве Катара заставил американское правительство попытаться продвигать идею об образовании желаемого для них инклюзивного правительства в Афганистане.

Всем известно, что именно Катар открыл у себя первый офис и политическую базу талибов и облегчил путь для открытого и тайного соглашения между талибами и США, в результате чего правительство ИРА капитулировало перед талибами.

После последних визитов муллы Муттаки в Катар в ноябре 2021 года и открытой поездки туда самого высокопоставленного военного деятеля талибов, т.е.и.о. министра обороны временного правительства талибов муллы Якуба Муджахеда, 5 июля 2022 г. и его секретных и открытых переговоров с Тамимом бин-Хамадом аль-Тани — эмиром Катара экспертное сообщество выразило мнение о том, что Катар мог бы вывести талибов

из общей политической изоляции и обеспечить более тесное взаимодействие между ними и миром[6]. Эту инициативу США решительно поддерживали. С другой стороны, поездка муллы Якуба Муджахеда, состоявшаяся по совету и плану Соединенных Штатов и Катара, имела большие внутриполитическую подоплеку. До сих пор остается без ответа, была ли она согласована с Кандагаром?

До 31 июля 2022 г., пока американцы с помощью беспилотника не ликвидировали главу «Аль-Каиды» Аймана аз-Завахири в центре столицы, а точнее в гостином доме и.о. министра внутренних дел талибов, халифа Сараджуддина Хаккани, дипломатическая активность талибов стремительно шла вверх, но с тех пор введены санкции против зарубежных поездок Муттаки, а также визовые ограничения против 20 представителей правящего в Афганистане движения талибов.

В заявлении госсекретаря США Энтони Блинкена, которое опубликовал Госдепартамент США, отмечается, что ограничения на выдачу виз вводятся в отношении нынешних или бывших членов движения талибов, членов негосударственных групп безопасности и других лиц, которые, как считается, причастны к «подавлению женщин и девочек в Афганистане при помощи ограничительной политики и насилия»[7]. Хотя много лиц из этого списка, в частности Муттаки и Аббас Станекзай, никакого отношения к этим ограничительным мерам не имели, скорее наоборот открыто выражали свое несогласие и вели активные дипломатические переговоры и контакты со странами региона. Парадоксально то, что главные исполнительные лица — и.о. министра высшего образования — мавлави Неда Мухаммад Надем и и.о. министра поощрения добра и предотвращения зла Мухаммад Халед Ханафи — которые непосредственно и неукоснительно исполняли эти директивы, только в феврале этого года вошли в санкционные списки Евросоюза, а сами американцы не прекращают вести тайные и открытые переговоры на уровне спецслужб с любыми интересующими их лицами.

[6] Mulla Yaqub and his trip to Qatar. URL: https://sangartj.com/ru/n/x/mulla-yaqub-and-his-trip-to-qatar-2 (accessed: 14.11.2022).

[7] США вводят визовые ограничения против талибов из-за ущемления прав женщин. URL: https://ria.ru/20221011/prava-1823256504.html (дата обращения: 11.10.2022).

8 октября 2022 г. в прессе широко обсуждался визит Муллы Абдул Хака Васика, генерального директора Управления разведки талибов, в Катар, где с зам. главы ЦРУ Дэвидом Коэном и спецпредставителем США по Афганистану Томасом Уэсом он провел в Дохе встречу[8]. Это был первый личный контакт между высокопоставленными лицами США и талибами после ликвидации Аймана аз-Завахири. По мнению бывшего заместителя главы Национальной разведки США Бета Саннера, Коэн, вероятно, на встрече заявил талибам, что американская сторона нанесет еще больше ударов, если обнаружит поддержку «Аль-Каиде» в Афганистане, угрожающих США и их союзникам. Однако есть мнение о том, что Коэн обсуждал с Васиком более широкий круг предложении. США хорошо понимают, что талибы нуждаются в признании своего правительства мировым сообществом, но очевидно, что пока американцы не сделают первый шаг на пути их признания, маловероятно, что какое-либо государство, за исключением России, сделает это. Цель этих переговоров США с силовыми структурами талибов заключается в том, чтобы показать им готовность Вашингтона налаживать деловые отношения с талибами, если последние пойдут на принятие их пакета предложении: во-первых, американцы предлагают талибам провести широкие реформы в общественно-политической жизни страны и создать инклюзивное правительство. Понимая, что при таком раскладе сил внутри властных структур талибов это невозможно, следовательно, предлагается, что реформаторское крыло талибов должно пойти на смелый шаг — взять полноту власти в свои руки. Пока шли переговоры в Дохе, в Кандагар были приглашены начальники службы безопасности всех провинций страны. Для чего их туда пригласили, можно только догадываться. Кандагар дал им понять, кто в этом «Доме» хозяин.

Под пристальным вниманием США остаются отношения Афганистана со странами региона. За годы правления талибов в Афганистане американские официальные лица неоднократно посещали страны Центральной Азии. Стратегические императивы американской внешней политики по отношению к данному региону, от которого во многом зависит осуществление

[8] Замглавы ЦРУ провел в Дохе встречу с талибами. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15998397 (дата обращения: 12.10.2022).

претензий США на глобальное лидерство, не изменялись в течение всего постбиполярного периода. Однако при этом у США не было ни четкой стратегической концепции в отношении ЦА (ее периодически приходилось корректировать с учетом изменяющейся международно-политической ситуации), ни ясной картины конкретных путей и методов реализации своих планов[9]. С целью выработки стратегической концепции США в ЦА в новых условиях глобального переустройства однополярного мира 28 февраля 2023 г. госсекретарь США совершил турне в Казахстан и Узбекистан. На встрече с министрами иностранных дел страны Центральной Азии в Астане в устаревшем формате С5+1, выработанном еще в 2015 г., Блинкен дал понять, что США по-прежнему рассматривают страны ЦА как своих потенциальных стратегических союзников. Исходя из этого, в настоящее время они хотят начать поиск оптимального сценария своего присутствия в регионе. Но пока они идут по относительно накатанному пути, преодолевая некоторые ограничения в своих действиях, нежели являются активным игроком[10].

Соединенные Штаты Америки все еще желают остаться одним из главных игроков в Центральной Азии. Для Америки важнее всего присутствие в этом регионе с геополитической и геоэкономической целями. У США в данном регионе несколько основных задач: противодействие влиянию Ирана, сдерживание и ослабление позиции России, контроль над Китаем.

США пытаются установить свое присутствие в регионе, пользуясь методом давления и убеждения. Возникает ключевой вопрос: важна ли для Америки стабильность или нестабильность в регионе? Исходя из ответа на этот вопрос, определяется модель поведения США.

В этой связи в администрации Белого дома разрабатываются два стратегических направления по отношению к региону.

План А— установление стабильности.

План Б — создание напряженности и разжигание войны.

[9] Юлдашева Г. Стратегия США в Центральной Азии: проблемы и достижения// Центральная Азия и Кавказ. 2011. № 2. С. 34–42.

[10] Еремина Н. «Ставка на отрыв от России»: что стоит за активизацией США в Центральной Азии. URL: https://eurasia.expert/chto-stoit-za-aktivizatsiey-ssha-v-tsentralnoy-azii/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 15.10.2022).

Согласно первому плану (старая модель) сближения Центральной Азии и США, образовать новый регион — «Большая Центральная Азия»[11]. Для этого американцы со своим союзником Великобританией предпринимают шаги для того, чтобы отстыковать страны Центральной Азии от России. Логика аргумента состоит в том, что Америка по-прежнему не теряет надежду умиротворить страны Центральной Азии, хотя за последние 20 лет эти попытки не увенчались успехом, так как эта область исторически находилась под влиянием России и, последние годы — Китая.

План Б — создавать очаги напряженности в этом регионе с целью вовлечения России в большой конфликт в Центральной Азии. Поэтому Афганистан для США — это единственный плацдарм для экспорта реакционных сил и обострения политической обстановки в странах региона. За эти 20 лет американцами и был заложен плацдарм на севере Афганистан и площадка для прокси-групп, сбор иностранных и региональных террористических группировок в долгосрочной перспективе[12].

[11] Тулепбергенова Г. Проект Большой Центральной Азии: анализ состояния и эволюция // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 1. С. 27–34. Проект «Большой Центральной Азии» (БЦА), инициированный в 2005 году, подтвердил значение республик ЦА в системе внешнеполитических приоритетов и политики безопасности США. Проект содержит ключевые идеи политики США еще 1990-х годов, касающиеся вывода республик Центральной Азии из-под контроля России и Китая и переориентации основных энергоресурсов стран ЦА (наряду с транскаспийским направлением) через Афганистан. Возникновение этого проекта обусловлено прежде всего изменением баланса сил в Центральной Азии в пользу России, а также отчасти Китая, и вызвано необходимостью дать адекватный стратегический ответ на их геополитический вызов. Вместе с тем идея Большой Центральной Азии претендует на концептуально-идеологическое обоснование реализуемой Соединенными Штатами в регионе политики, являясь ее новым прочтением, хотя, несомненно, представляет собой логическое продолжение всей предыдущей внешнеполитической теории и практики региональной политики Вашингтона. В широком смысле проект БЦА можно назвать стратегической матрицей, используемой США в отношении Центральной Азии, Каспийского региона и Афганистана для управления в нужном ключе геополитической, военно-политической и геоэкономической обстановкой. В данном качестве он служит таким же механизмом геополитического конструирования пространства, как Большой Ближний Восток. Не случайно оба проекта с теоретической точки зрения органично дополняют друг друга. Внешнеполитическая стратегия США в Центральной Азии сегодня сталкивается с серьезными трудностями, что ставит под сомнение успешность проекта БЦА. Однако, несмотря на сбавленные темпы реализации его центральноазиатской стратегии, нельзя отрицать, что проект БЦА содержит определенные базовые параметры и элементы, которые будут сохраняться и воспроизводиться в политике Соединенных Штатов в Центральной Азии в долгосрочной перспективе.

[12] Абдул Насер Нурзад. «Афганистан — арена противостояния держав в оси «новой

Есть предположение о том, что представители США на встречах с руководителями талибов, о которых ранее говорилось, предложили им содействовать США в создании очагов напряженности в северных районах Афганистана, в противном случае, они сами готовы способствовать усилению позиций и деструктивного влияния Исламского государства (Хорасана) и, возможно, других радикальных группировок под новыми проектами и новыми брендами. Предполагается, что эти группировки станут для Америки одним из способов противостоять Китаю, России и Ирану. Оценка американцами последствий ухода из Афганистана заключается в том, что отношения талибов с Китаем движутся в сторону улучшения; отношения с Россией не те, что удовлетворяет Вашингтон, а именно успехи политики России в Центральной Азии отчасти зависят от степени развития её взаимоотношений с талибами в Афганистане. Россия прежде всего рассматривает механизмы взаимоотношений с талибами в сфере безопасности для поддержания стабильности в странах ЦА, а также реализации региональных энергетических и транспортных проектов.

Использование Америкой исламских экстремистов для защиты своих интересов беспрецедентно. Это стало хорошим источником для обеспечения интересов США во всех уголках мира. По этой причине роль Афганистана в этой игре весьма заметна, а неожиданный уход из Афганистана и поддержка Соединенными Штатами Америки талибов в Афганистане были одной из просчитанных Вашингтоном целей в регионе и на Украине, что постепенно становится понятно. Курс на внутреннюю нестабильность ситуации в Афганистане, расширение дальнейшего усиления региональных террористических группировок показывает, что Америка готова вступить в следующий этап новой игры.

Учитывая потенциал концентрации международного терроризма и возможного изменения динамики безопасности в Афганистане, существует угроза, что эта страна, в обозримом будущем может стать точкой пересечения и столкновения Китая, России, Ирана с США. «Американцы вместе с британскими подельниками

большой игры». URL: https://hazara.academia.edu/toflowerflower (дата обращения: 15.10.2022.)

всемерно готовы способствовать усилению позиций и деструктивного потенциала афганского крыла “Исламского государства”, которое рассматривается как инструмент давления на соседние центральноазиатские государства с целью их отрыва от России»[13]. «Параллельно американцы неприкрыто шантажируют талибских вожаков угрозой удара по ним с беспилотников, побуждая к дистанцированию от России и Китая[14].

США делают попытки активно работать с талибами и другими деструктивными силами в регионе, вмешиваться в судьбу всего региона.

Каждый из этих акторов обладает широкими возможностями, уровнем влияния, военно-экономическими средствами и инструментами, а также обширным политическим влиянием в регионе.

Пронализируем роли каждого из этих акторов с имеющимися данными и объективными условиями: Китай, Россия и Иран — три достаточно мощных игрока в регионе. Они обладают таким преимуществом, как географическая близость. Объединяя свои структуры безопасности в рамках ШОС и в случае обострения ситуации в регионе, не исключено расширение формата ОДКБ, путем вхождения в эту организацию Китая и Ирана. Эти страны чрезвычайно озабочены безопасностью и развитием политической ситуации в Афганистане, особенно вблизи их границ. В свою очередь, они также пытаются использовать карту талибов для борьбы с возможно возникающими угрозами и понимают, что Афганистан, учитывая природу и потребности талибов, может стать платформой игры США в их далеко идущих планах. Несмотря на многочисленные усилия Америки, вряд ли ей удастся обуздать влияние этих трех стран.

Судя по неоднократным заявлениям президента России В. В. Путина, секретаря Совета безопасности России Н. Патрушева, президента Таджикистана Эмомали Рахмона, командующего силами ОДКБ, а также проведения многочисленных саммитов и встреч стран региона в связи развитием ситуации в Афганистане, положение в области безопасности

[13] Замир Кабулов. США «пытаются купить» лояльность стран Центральной Азии для их отрыва от России. URL: https://tass.ru/politika/16232339 (дата обращения: 02.11.2022).

[14] Замир Набиевич Кабулов в статье в «Независимой газете». URL: https://ria.ru/20221102/terroristy-1828799893.html (дата обращения: 13.12.2022).

в этой стране находится в центре их внимания. Однако каждая страна в отдельности имеет свои сугубо национальные интересы. Китай прилагает усилия в предотвращении распространения исламского фундаментализма и экстремизма в Синьзян-Уйгурском автономном районе — регион на северо-западе страны.

Следует отметить, что образ Афганистана, созданный для Пекина за полтора года правления талибов в этой стране, был неоднозначным. Сначала казалось, что талибы верны своему обещанию: сдерживать уйгурских ополченцев. Согласно недавнему докладу ООН по Афганистану, опубликованному в конце мая 2022 г., талибы активно оттесняли членов «Исламской партии Туркестана» от китайской границы, чтобы защитить и сдержать эту группировку. В предыдущих отчетах ООН также указывалось, что эти боевики были переброшены из их бывшей штаб-квартиры в Бадахшане в Баглан, Тахар и другие провинции[15]. В то время как с усилением ИГИЛ есть сообщение о вступлении уйгуров в его ряды, это показывает, что Америка и ее союзники изменили правила игры, заменив игроков, чтобы продолжить игру. По некоторым данным одним из важнейших факторов, поддерживающих отношения между Китаем и талибами до сегодняшнего дня, являются рекомендации ISI, которая склонила Китай увидеть ситуацию и ее реалии в Афганистане глазами Пакистана. Даже в марте 2022 г. тогдашний глава МИД КНР Ван И заявил, что руководству Китая, Афганистана и Пакистана необходимо трехстороннее сотрудничество[16]. Но ситуация может меняться, и Китай столкнется с серьезными вызовами безопасности. Ситуация, которой Пекин совсем не хочет[17].

У Китая большие экономические проекты в нефтегазовых отраслях, медных и минеральных ресурсах Афганистана; он ведет работу по освоению запасов углеводородных ресурсов центральноазиатских государств, по развитию транспортных

[15] Абдул Насер Нурзад. Афганистан — арена противостояния держав в оси «новой большой игры». URL: https://hazara.academia.edu/toflowerflower (дата обращения: 12.11.2022).

[16] КНР призвала Афганистан и Пакистан к трехстороннему сотрудничеству. URL: https://iz.ru/1313311/2022–03–31/knr-prizvala-afganistan-i-pakistan-k-trekhstoronnemu-sotrudnichestvu (дата обращения: 16.11.2022).

[17] Там же.

коммуникаций в рамках многомиллиардного проекта: «Новый шелковый путь» — концепция «Один пояс — один путь», основными коридорами которых являются страны Центральной Азии. Китай призывает талибов к совместной работе по реализации этих проектов через территорию Афганистана[18]; Китай одновременно не заинтересован в продвижении проекта Евразийского союза и усилении лидирующей роли России в Содружестве Независимых Государств.

Россия никоим образом не желает терять свои традиционные и исторические отношения со странами Центральной Азии и не готова уступать место другим региональным и нерегиональным игрокам.

В целом Россия, наряду с Китаем, пытается сохранить свою доминирующую роль в странах Центральной Азии в различных областях, таких как энергетика, транспортные связи и безопасность, и не допустить расширения влияния США.

Россия проявляет инициативу и прилагает усилия по укреплению имиджа в странах ЦА в качестве наиболее надежного и эффективного гаранта региональной безопасности. Наиболее тесные взаимоотношения сложились у России с Казахстаном, а последнее место в списке стран региона занимает Таджикистан. Здесь сложилось достаточно проблем, требующих незамедлительного решения, при этом инициатором должна выступить российская сторона[19]. Правительство России приняло решение укрепить и торгово-экономическое сотрудничество с Республикой Таджикистан, с этой целью 2–3 марта 2023 г. премьер-министр РФ М. Мишустин совершил важный официальный визит в Душанбе[20].

В условиях конкурентного соперничества за важнейшую геостратегическую точку региона Российская Федерация активно продвигает свой интерес в Таджикистане в сфере безопасности, где дислоцирована 201-я Гатчинская ордена Жукова дважды Краснознамённая военная база Вооруженных Сил РФ.

[18] Там же.

[19] Карпичина Л. Н. Тенденции геоэкономических и геополитических процессов в Центрально-Азиатском регионе постсоветского пространства// Экономические отношения. 2018. № 3. С. 23–31.

[20] Партнерство с Душанбе идет в гору. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5862165 (дата обращения: 07.03.2023).

Из всех стран Центральной Азии Таджикистан, с его высоким уровнем общественного недовольства, неблагоприятной экономической ситуацией, коррупцией и наличием радикальных исламских группировок имеет высокую вероятность быть уязвимым в перемене власти в пользу радикально настроенных сил.

С экономической точки зрения для Душанбе важно географическое положение Афганистана и транзитный маршрут, который может иметь Афганистан для передачи энергии из Таджикистана в Южную Азию, а также наоборот — для транзита продукции из стран Южной Азии в Таджикистан.

Страны Центральной Азии в целом ищут экономическое сотрудничество в области энергетических проектов и транспортных сообщений, но опасаются экспорта терроризма на свои территории. Растет опасность религиозного фундаментализма, многонационального терроризма и роста наркотрафика. Аналогичную озабоченность выражает и Иран.

Кроме того у Ирана с Афганистаном есть проблема с использованием водных ресурсов Афганистана. Иран ожидал получить многообещающие уступки от талибов в этой сфере, ставшей жизненно важным вопросом в судьбе Восточного Ирана; спустя полтора года правления талибов по-прежнему остается серьезной проблемой решение водного вопроса Гильменда. Хотя отношения новых правителей Кабула с Тегераном не сравнимы с теплыми и многосторонними отношениями Афганистана с ОАЭ, Саудовской Аравией, Турцией и Катаром, мы видим закрытие некоторых посольств в Кабуле, но, несмотря на сложную ситуацию, связанную с безопасностью иностранных посольств и дипломатов, Иран, как и Россия, ни на один день не закрывал двери своего посольства и пытается скорректировать поведение талибов в Афганистане в сторону стабильности, чтобы свести к минимуму поле возникновения и нарастания кризиса, вызванного присутствием террористических группировок. Кроме того, для Ирана и Индии важно сохранить совместный проект, запущенный Тегераном и Дели в республиканскую эпоху по развитию порта Чабахар и использованию иранских коридорных сооружений для лучшего доступа Индии в Афганистан и Среднюю Азию. Индия проводит экономическую дипломатию

в Центральной Азии, и этот вопрос вызывает чувствительность Китая и Пакистана.

Падение республики в Афганистане и власть талибов несколько повлияли на индийскую дипломатию. Индийцы пытаются найти альтернативные способы добраться до Центральной Азии. Индия пытается включиться в эту игру либо через Афганистан, либо через другие страны, чтобы получить все экономические выгоды. Несмотря на свои усилия, талибы не смогли завоевать доверие Индии. В настоящее время, учитывая нынешние условия, осуществление экономической дипломатии Индии через Афганистан невозможно. Возможно, Дели вступает во взаимодействие с талибами по нежеланию и принуждению или ищет альтернативный способ достижения своих экономических интересов. Дели и Пакистан имеют схожие стратегические интересы в регионе Центральной Азии и с нетерпением ищут способы получить доступ к энергетическим ресурсам региона. Объем экономических обменов между Центральной Азией, Индией и Пакистаном незначителен, по этой причине каждая страна прилагает усилия для увеличения объема посредством экономической дипломатии и создания эффективных путей для сотрудничества, а также для получения большей доли энергетических ресурсов. Афганистан может быть кратчайшим путем к доступу энергетических ресурсов Центральной Азии в этих странах. Центральная Азия является одной из областей экономического и политического соперничества между Индией и Китаем, и обе страны пытаются получить большее влияние в этом регионе.

Исламабад не готов потерять исключительный контроль над картой талибов. Пакистан пытается быть незаменимым партнером талибов и настороженно относится к любому контакту Индии с талибами. В свете новых контактов Индии с талибами Пакистан опасается потерять свои исключительные отношения с талибами. Однако, придя к власти, талибы не собираются играть роль вассала для Пакистана. Если группировка Хаккани пока еще остается одним из ключевых союзников Пакистана среди талибов, то группировка Кандагара и Гильменда играет в другую игру. Эти две сети из прошлого имеют прочные отношения с другими странами региона. Не случайно, пока кандагарская группа вела переговоры в Дохе до августа 2021 г., сети

Хаккани, не без помощи Пакистана, стремительно захватывали провинции за провинциями и дошли до Кабула.

Исламабад пытается использовать карту талибов для реализации своих региональных планов в коммерческой, экономической, политической, военной областях и сфере безопасности, используя свои хорошие стратегические отношения с Пекином, но не желает допустить в игру Индию. Тем временем Пакистан изо всех сил старается наладить теплые отношения со странами Центральной Азии и России, так как энергетические ресурсы Центральной Азии и России, их подходящие рынки играют жизненно важную роль для экономики Пакистана.

Заключение

Контроль над Афганистаном означает контроль над Центральной Азией и, возможно, за ее пределами. Поэтому вполне логично, что несколько мировых и региональных держав пытаются приложить руку к Афганистану в соответствии со своими интересами. Для достижения этой цели акторы могут входить в борьбу самостоятельно или действовать опосредованно.

В их схватке, Афганистан по-прежнему будет ключевой точкой к большим соревнованиям в этой географии. Каждый из игроков имеет свои интересы по отдельности — получить доступ как к ресурсам Центральной Азии, так и Афганистана. Это соперничество за первенство на центрально-азиатской оси показывает, что ни один из региональных игроков в отдельности не является близоруким, и эти недостатки среди мощных региональных игроков делают Афганистан все более и более вовлеченным в эти соревнования, дабы не допустить нерегиональных игроков, прежде всего США, осуществить свои стратегические цели. Афганистан под контролем талибов является плацдармом для дестабилизации Центральной Азии со стороны США и их союзников, в то время как Иран, Россия, Китай, Индия и Пакистан следуют стратегии стабилизации в Афганистане.

Однако рано вести с талибами переговоры о признании их временного правительства, пока де-юре не существующего государства, а делать практические шаги на поддержание двухсторонних и многосторонних связей в приоритетных направлениях — борьба с международным терроризмом, наркоугрозой,

а также развитие торгово-экономических отношений, включая вопросы развития региональных проектов в сфере транспортных и энергетических коммуникаций — пока слабы силы сопротивления со стороны США. Талибы кровно заинтересованы в реализации этих направлений. Страны региона должны подталкивать талибов к совместному стремлению к обеспечению устойчивой безопасности и стабильности Афганистана в форме «регионального порядка». Россия и страны региона уже сейчас должны способствовать налаживанию мирного процесса, подготовив почву для стабильного развития гражданского общества в Афганистане с участием в нем широкого круга афганской интеллигенции и здоровых сил афганского общества.

Раздел VI

ПАКИСТАН

***Н. А. Замараева** **

Военно-гражданские отношения (2018–2022 гг.)

Резюме. Период правления Пакистанской партии справедливости (ППС, 2018–2022 гг.), досрочное сложение полномочий в результате вотума недоверия в апреле 2022 г. подтвердило напряженность борьбы за власть политических оппонентов. Отличительной чертой новейшей истории Пакистана является и жесткая борьба политических элит между собой, и одновременно их способность объединять усилия против военного истеблишмента или третьих лиц. Политические кланы Шарифов — партия Пакистанская мусульманская лига (Наваз) и Бхутто-Зардари (Пакистанская народная партия), традиционно правившие страной с 1970-х годов, ставят целью не допустить новых политических фигур к власти, в частности лидера ППС Имран Хана.

Ключевые слова: Пакистан, политическая оппозиция, Имран Хан, военный истеблишмент, Пакистанская мусульманская лига (Наваз), Пакистанская народная партия

Military-civilian relations (2018–2022)

Abstarct: *The Pakistan Justice Party (PJP 2018–2022) period of government, the early resignation following a no-confidence vote in April 2022, confirmed the intensity of the power struggle of political opponents. A distinctive feature of the recent history of Pakistan is the fierce struggle of political elites among themselves,*

* Замарева Наталья Алексеевна - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0003-2457-0000

and at the same time their ability to unite efforts against the military establishment or third parties. The Sharif political clans (Pakistan Muslim League (Nawaz) and Bhutto-Zardari (Pakistan People's Party), which have traditionally ruled the country since the 1970s, aim to prevent new political figures from coming to power, in particular, PPS leader Imran Khan.

Keywords: *Pakistan, political opposition, Imran Khan, military establishment, Pakistan Muslim League (Nawaz), Pakistan People's Party*

11-е всеобщие парламентские выборы в Пакистане, состоявшиеся 25 июля 2018 г., подтвердили победу партии Техрик-и инсаф/ Пакистанская партия справедливости (ППС). Ее председатель Имран Хан принял присягу 18 июля, новоизбранные депутаты — месяц спустя, 12 августа 2018 г. ППС одержала победу на популистской волне, усталости общества от традиционного правления политических кланов Шарифов — партия Пакистанская мусульманская лига (Наваз) и Бхутто-Зардари — Пакистанская народная партия, — традиционно сменявших друг друга на протяжении пятидесяти лет, за исключением правления военных.

12-Харизма И. Хана, в прошлом популярного игрока в крикет, предвыборная опора на средний класс делали его идеальной фигурой для истеблишмента. Новая, «незапятнанная» судебными тяжбами фигура на политическом ландшафте контрастировала на фоне традиционной политической элиты страны, в частности бывшего премьер-министра Наваз Шарифа. В июле 2017 г. он был дисквалифицирован Верховным судом (ВС) по обвинению в коррупции, часть материалов для доказательной базы подготовили военные. Позднее состоялись судебные разбирательства о коррупции ряда членов его Кабинета министров. В 2017–2018 гг. ПМЛ (Н) ушла из государственных институтов власти и административных структур[1]. В отсутствие альтернативы генералитет сделал ставку на Имран Хана в 2018 г., отвернувшись от традиционной политической элиты Шарифов и Бхутто-Зардари.

Возглавляя ППС более двадцати лет в провинции Хайбер-Пахтунхва, И. Хан был вне большой политики. В пакистанских

[1] Политический кризис в Пакистане 2017–2018 гг. // Азия и Африка сегодня. 2018. № 7. С. 27–33.

СМИ много писали о поддержке генералитетом его кандидатуры, и в 2018 г. тандем истеблишмент — И. Хан был многообещающим для обеих сторон. Генералитет в его лице получил поддержку исполнительной власти по вопросам борьбы с терроризмом и экстремизмом, коррупцией, выполнением Национального плана действий (НПД, 2014 г.); реализации проектов Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), разработке мер с целью выхода страны из «серого» списка Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма* и т.д.

Со своей стороны И. Хан был благодарен генералитету за «подъем на олимп власти», поддержку на международной арене (предоставление финансовых средств монархиями Персидского залива и Китаем для оплаты внешнего долга), гибкую позицию генералитета в пакистано-американских отношениях, победу в мини-военном кризисе с Индией в феврале 2019 г., защиту национальных интересов в период подготовки и вывода иностранных войск США/НАТО из соседнего Афганистана в 2021 г. и т.д.

ПМЛ (Н), ПНП, ННП и альянс ММА заявили о непризнании итогов всеобщих парламентских выборов. В отличие от кампаний в прошлые годы в 2018 г. страну не охватили массовые уличные беспорядки. Политическая буря разразилась только в стенах парламента, которую возглавила депутат от ПНП Шерри Рехман. Партия приступила к формированию оппозиционного альянса, выработке стратегии борьбы.

Власти продолжили преследовать руководство ПМЛ (Н) и ПНП в судебном порядке, объясняя свои действия стремлением разрядить политическую напряженность. Бывшему премьер-министру Навазу Шарифу и его брату Шахбазу — лидеру оппозиции в Национальной ассамблее — были предъявлены обвинения в коррупции; аналогичные судебные дела были возбуждены против руководства ПНП.

2018–2019 гг. — период утверждения военных на первых позициях в ряде государственно-административных учреждений.

*В научной литературе Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег и финансирования терроризма принято называть FATF (Financial Action Task Force).

Новый состав федерального правительства Пакистана включал 21 министра, 12 из которы ранее занимали ключевые посты в правительстве экс-генерала-президента П. Мушаррафа, среди них был генерал Иджаз. Назначение его главой Министерства внутренних дел (МВД) осенью 2018 г. подтверждало важность укрепления силового блока в правительстве И.Хана. Забегая вперед подчеркнем, что именно под его началом осуществлялась реформа полиции, стартовавшая еще в годы правления П. Мушаррафа. Разведывательное бюро, будучи ключевым инструментом поддержки в вопросах, связанных с разведкой, содействием правоохранительным органам в борьбе с организованной преступностью, также укрепляло свои позиции. Согласованность действий гражданских институтов и генералитета, укрепление силовых структур подтвердили улучшение внутренней безопасности и стабильности благодаря сплоченным национальным усилиям.

И. Хан был обласкан генералитетом; ему было позволено председательствовать на совещаниях в штабе сухопутных войск, в чем было отказано трижды экс-премьеру Наваз Шарифу.

Премьер-министр И. Хан по умолчанию передал основные направления внешнеполитического блока, вопросы безопасности военному командованию. В пакистаских СМИ подобное положение назвали «гибридным правлением», при котором гражданское правительство зависит от военных в плане политического выживания и взамен уступает национальную безопасность и внешнюю политику военным.

Поддерживала правящую партию и система правосудия. Четыре государственных института — исполнительная, законодательная, судебная — три ветви власти и генералитет, поддерживали И. Хана в начале своего премьерства.

Правительство И. Хана уже осенью 2018 г. столкнулось с рядом вызовов: огромный дефицит текущего счета, бюджетного дефицита на уровне 6 и 6,6% ВВП в 2017–18 фин. г., перспективы дефолта по уже взятым кредитам. В сентябре 2018 г. глава Кабинета министров сформировал Экономический совет, в состав которого позднее был введен генерал К. Баджва. Он посетил с визитом Саудовскую Аравию, и по итогам переговоров

королевство согласилось предоставить Исламабаду 3 млрд. долл. для решения кризиса платежного баланса.

В июне 2018 г. FATF с формулировкой о «стратегических недостатках» в «противодействии финансированию терроризма» Пакистан включили в «серый» список (давление оказали США, Великобритания, Франция и Германия). Санкции влекли за собой отток прямых иностранных инвестиций, введение режима экономической изоляции и т.д., что было губительно для слабой экономики страны.

Кампания по разработке мер противодействия финансовой поддержки запрещенных террористических организаций проводилась оперативно, учитывая масштабы нарушений в стране. Огромную работу провело МВД. Согласованность его действий с Министерством финансов, Центробанком, МИД в дальнейшем способствовала успеху.

Привычными стали выступления представителей Вооруженных сил в прямом телевизионном эфире. Военные обсуждали широкий круг тем — от вопросов безопасности до внутренней и внешней политики, т.е. проблем, которые были вне сферы их конституционных полномочий. Многие в стране задавались вопросом, а существует ли выборное гражданское правительство?[2] В прежние годы генералитет избегал участвовать в политических спорах, боле того, дал совет пакистанским СМИ освещать положительные стороны общественной жизни. Подобные заявления генералитета подрывали гражданские институты.

Военное ведомство Пакистана продолжало сохранять влияние на внешнюю политику и политику безопасности, вопросы экономического развития, и правительство И. Хана смирилось с этим. Пакистан переживал трудные времена. Политическая нестабильность, экономический кризис, растущий госдолг, кризис платежного баланса, расходы на обслуживание достигли рекордных 2,8 трлн. рупий[3]. Страна оставалась бедной с высоким уровнем инфляции и безработицы, острой нехваткой продовольствия,

[2] A praetorian state? URL: https://www.dawn.com/news/1450970/a-praetorian-state (accessed: 12.12.2018).

[3] PM Imran appreciates military's 'unprecedented' cuts in defence spending. URL: https://tribune.com.pk/story/1987181/1-pm-imran-appreciates-militarys-unprecedented-cuts-defence-spending/ (accessed: 05.06.2019).

питьевой воды и электроэнергии для нужд промышленности и домохозяйств.

Властям требовались средства для финансирования проектов, связанных с социально-экономическим развитием, ростом общественного благосостояния. Это диктовало расширение налоговой базы и повышение ставки налога к ВВП. Пакистан входил в число стран с низким соотношением налога к ВВП. Исправление ситуации заключалось в расширении налоговой базы, что диктовало проведение структурных реформ, совершенствование налогового законодательства и усиление контроля за расходованием средств. В ответ на обращение генерала К. Баджвы к деловому сообществу бизнесмены заверили его в сотрудничестве с властями, своевременной выплате налогов.

В 2018 г. И. Хан «оживил» молодых городских избирателей среднего класса, сделав упор на борьбу с коррупцией. Но его усилия провалились из-за острого финансового кризиса в стране и необходимости новых иностранных заимствований и жесткой экономии.

Воодушевленный победой на парламентских выборах, широкими властными полномочиями, И. Хан уже в начале 2019 г. заявил о программе реформ в стране, включая пересмотр налоговой системы.

Основные экономические показатели, такие как ВВП, валютные резервы, иностранные инвестиции и доход на душу населения, резко упали, что привело к сокращению экономики с 320 до 280 млрд. долл., инфляция выросла с 3,5 до 7,2%.

Генералитет в те дни отказался от ежегодного увеличения бюджета на оборону сроком на один год. Столь беспрецедентный шаг военные объяснили готовностью помочь стране, которая оказалась в трудном финансовом положении, эффективно реагировать на все угрозы»[4]. Глава Постоянного комитета по обороне генерал-лейтенант в отставке Абдул Кайюм, подтвердил решение правительства заморозить расходы на оборону на 100 млрд. рупий[5]. Сэкономленные деньги планировалось исполь-

[4] PM Imran appreciates military's 'unprecedented' cuts in defence spending. URL: https://tribune.com.pk/story/1987181/1-pm-imran-appreciates-militarys-unprecedented-cuts-defence-spending/ (accessed: 05.06.2019).

[5] Senator raises alarm over cut in defence budget. URL: https://www.dawn.com/news/1488337/senator-raises-alarm-over-cut-in-defence-budget (дата обращения: 15.06.2019).

зовать для развития бывших Территорий племен федерального управления (ТПФУ) и Белуджистана. Военный бюджет Пакистана в 2018 г. составил 4,0% ВВП.

Военно-гражданские власти страны под председательством премьера И. Хана в июне 2019 г. учредили Национальный совет развития, в состав которого был введен генерал К. Баджва. Цель нового органа сформулировать и адаптировать политику для достижения ускоренного экономического роста. Говоря об проблемах экономики, генерал К. Баджва заявил, что страна переживает сложную экономическую ситуацию из-за неэффективного управления, угроз безопасности, непоследовательной экономической политики, слабоц исполнительскоц дисциплины в прошлом. Его заявление о том, что в отсутствие экономической автономии не может быть и речи о суверенитете громко прозвучали в пакистанских СМИ.

xxx

Борьба с коррупцией — один из пунктов предвыборной программы И. Хана. Последовательное ее выполнение отчасти стало возможным благодаря действиям Национального бюро отчетности (НБО), возглавляемого военными. В сентябре 2019 г. НБО вернуло в Казначейство 71 млрд. рупий.

Следующий государственный институт, который также был укреплен армейскими кадрами, — Федеральное агентство расследований (ФАР). В конце ноября 2019 г. И. Хан назначил Ваджида Зию генеральным директором агентства. Одновременно были учреждены два Следственных комитета. Приоритетной задачей премьер поставил разбирательство в обстоятельствах сахарного и мучного кризисов, а также в причинах роста цен на эти продукты.

Получивший должность начальника штаба Сухопутных войск еще в ноябре 2016 г., генерал Камар Джавед Баджва должен был выйти в отставку в ноябре 2019 г. Законодательство установило возраст 64 года, достигнув которого начальник штаба должен выйти в отставку[6]. Но еще в августе 2019 г. И. Хан подтвердил продление срока его полномочий еще на три года. Однако Верховный суд потребовал принять закон о повторном

[6] Wang Yi Meets with Chief of Army Staff Qamar Javed Bajwa of Pakistan. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1696431.shtml (accessed: 08.09.2019).

назначении руководителей служб. На фоне растущего разногласия между правительством и оппозицией о назначении И. Хан 11 декабря 2019 г. инициировал процесс консультаций о поправке к Конституции 1973 г. по вопросу о продлении срока полномочий генерала Камара Джаведа Баджвы. 28 ноября 2019 г. Верховный суд подтвердил полномочия в должности начальника армии генерала К. Баджвы до 2022 г. В свою очередь К. Баджва объявил о назначениях на высшем уровне.

Тогда же, в ноябре 2019 г., состоялось еще одно знаковое назначение –генерал в отставке Асим Салим Баджва возглавил Управление Китайско-пакистанского экономического коридора сразу после возвращения И. Хана из Пекина. Формально новый орган подчинялся Министерству планирования и развития.

Пакет первых инвестиционных соглашений на сумму 46 млрд. долл. о строительстве объектов КПЭК с китайской стороной подписывал бывший премьер Н. Шариф. Практически бесконтрольное распоряжение финансами диктовалось всевластием Шарифов. Таким образом, в 2019 г. оппозиционные партии ПМЛ (Н), ПНП ДУИ (Ф) не признали легитимность Управления КПЭК, указывая на неправомерность президентского указа об его учреждении. Генералитет озвучил свой план управления проектами КПЭК еще в 2016 г. Однако тогдашний премьер-министр Н. Шариф отверг ее. И только в 2019 г. истеблишмент получил КПЭК в управление.

Сложно говорить об истинных причинах «передачи» управления КПЭК военным. Однако задержка в реализации стратегически важных для Китая проектов вызвала внимание со стороны Национального бюро отчетности. Проекты КПЭК при финансовой и технической поддержке Пекина являются частью долгосрочного экономическог развития Пакистана, и власти дорожат ими. Приоритетным проектаом в рассматриваемый период был железнодорожный проект ML–I, объявленный Пекином «стратегически важным» (стороны подписали в мае 2017 г.); НБО в 2019 г. взяло под контроль неисполнение прежним правительство ПМЛ (Н) обязательств по строительству объекта.

Позднее, в 2020 г., пакистанская строительная компания Frontier Works Organization (FWO) подписала контракт на строительство плотины Диамер-Бхаша мощностью 21 МВт с китайским

инвестором на сумму 442 млрд. рупий. FWO — один из многих подрядчиков КПЭК, которые аффилированы с федеральной армией. В эти года армия продолжала играть важную роль в национальном строительстве благодаря своим компаниям: Фонд Фауджи, Фонд благосостояния армии, Организация пограничных работ, Национальная логистическая компания и др.

Пакистанская армия внесла положительный вклад в строительство инфраструктурных объектов в отдаленных районах страны, таких как Гилгит-Балтистан, бывшие ТПФУ, Читрал и Белуджистан, строя там дороги, учебные заведения, системы водоснабжения, медицинские учреждения и т.д.

Учитывая рост террористических нападений на объекты КПЭК, пакистанская армия откомандировала две дивизии для обеспечения безопасности проекта, одновременно восемь-девять регулярных полков были дислоцированы для защиты объектов на всем протяжении «коридора»; военизированные формирования также включены в аппарат безопасности маршрутов КПЭК.

В 2019–2020 гг. отношения между правящей коалицией во главе с премьер-министром И. Ханом и генералитетом равномерно развивались. В пакистанских СМИ появились сообщения о возможном возвращении в страну и, соответственно, в большую политику экс-генерала-президента Первеза Мушаррафа при условии разрешения врачей. Основанная им партия Всепакистанская мусульманская лига Каид и Азам ВПМЛ (К) возобновляла работу по всей стране.

Режим «согласованного баланса» в отношениях между гражданскими властями и генералитетом отвечал интересам последнего. Один из вызовов в те дни — «включение» районов пуштунских племен на границе с Афганистаном в социально-политическую жизнь провинции Хайбер-Пахтунхва, что диктовало проведение ряда реформ (судебная, полиции, административная и др) в соответствии с 31-й поправкой к конституции (31 мая 2018 г.). Местное население не доверяло новой провинциальной власти, и в этом была одна из сложностей.

Генералитет настаивал, чтобы федеральное правительство продолжило реализацию Национального плана действий (2014 г.), который не получил должного внимания в годы правления ПМЛ (Н), а также программу развития, рассчитанную на

десять лет. Но основным вызовом для бывших ТПФУ оставалась борьба с терроризмом. Именно в этот период штаб Сухопутных войск продолжил военную операцию «Радд-уль-Фасаад», начатую еще в 2017 г., позднее приостановленную по требованию правящей в прежние годы ПМЛ (Н). Забегая вперед подчеркнем, что результатом военной кампании стало снижение уровня насилия на 63%[7].

В 2019–2022 гг. генералитет проводил планируемые им военные кампании. В рассматриваемый период не было необходимости проводить слушания в парламенте и добиваться согласия оппозиции — политические партии ПМЛ (Н), ПНП и правоорелигиозная ДУИ (Ф), — в условиях негативного отношения к генералитету.

Благодаря ровным отношениям с гражданской властью истеблишмент позднее в парламенте поставил вопрос о продлении срока действий военных судов. Правительство в лице министра информации и телерадиовещания Фавада Чоудри поддержало целесообразность их действий[8]. Военные суды способствовали снижению уровня терроризма, что улучшило ситуацию с безопасностью. Рост терроризма сдерживал инвестиции и подталкивал бегство капитала, что лишь усугубляло экономический кризис. Однако продление срока полномочий военных судов зависело от согласия депутатов, отстаивавших интересы своих партий в парламенте. Военные суды, которые были учреждены в соответствии с НПД еще в январе 2015 г. для совершения правосудия над гражданскими лицами по обвинению в терроризме, прекратили полномочия 31 марта 2019 г., после истечения второго двухлетнего конституционного срока. Оппозиционные партии отказались поддержать поправку в Конституцию 1973 г. о продлении срока полномочий военных судов. Общая атмосфера в парламенте оставалась напряженной.

Согласованность военно-гражданских властей по многим вопросам социально-политического и экономического развития страны способствовала продвижению усилий властей по

[7] Dividends of Operation Radd-ul-Fasaad. Apr 6, 2021. URL: https://www.hilal.gov.pk/eng-article/detail/NTAyNg==.html (accessed: 10.05.2021).

[8] Military courts still needed: Fawad. URL: https://www.thenews.com.pk/print/452145-military-courts-still-needed-fawad (accessed: 02.04.2019).

включению медресе в общенациональную систему образования[9]. Оппозиционная Джамаат-уль-улама и ислам (фракция Фазлула Рехмана, ДУИ(Ф), который в прошлом был активным членом коалиционного правительства премьер-министра Н. Шарифа, — рассматривала учащихся медресе одним из отрядов своей социальной базы поддержки, и категорически выступала против какого-либо вмешательства государства в дела религиозных школ.

Политическая оппозиция постоянно проводила марши протеста в разных частях страны с требованием отставки премьер-министра И. Хана. Государственные институты, законодательные центры власти находились в состоянии постоянной конфронтации. Ситуация во внутренней политике усугублялась неоднократными перестановками в федеральном Кабинете министров. Это выказывало сомнения, сможет ли новая команда справиться с поставленными условиями в сложных условиях. В первый раз состав Кабинета министров был изменен уже в апреле 2019 г. Одним из первых свой пост покинул министр внутренних дел, генерал в отставке Иджаз. Перестановка в Кабинете министров произошла всего через два дня после опубликования Федеральным агентством по расследованию отчетов о сахарном кризисе и получателях субсидий, в число которых, как утверждалось в докладе, входили ведущие предприниматели отрасли. Несколько членов правящей партии были названы выгодополучателями повышения цен на сахар в стране. К началу 2020 г. от членов первого состава кабинета министров не осталось ни одного представителя из бывших военных.

Оппозиция призывала власти к прекращению преследований журналистов, отказу от планов пересмотра 18-й поправки к Конституции 1973 г., к восстановлению местных органов власти, повышению бюджета высшего образования, восстановлению правления местной власти вместо Пограничного корпуса в провинции Хайбер-Пахтунхва и т.д.

Пакистанское общество ставило вопрос о преодолении политическими оппонентами кризиса ради достижения стабильности, настаивало на реформах, в первую очередь избирательной системы. В течение первого года и значительной части второго

[9] COAS backs efforts for mainstreaming madrassas. URL: https://tribune.com.pk/story/2038926/1-mainstreaming-madrassas-will-open-new-avenues-students-coas/ (accessed: 21.08.2019).

года правления И. Хана работа Национальной ассамблеи неоднократно прерывалась из-за драк ее членов, многие комитеты перестали функционировать. Противостояние сторон привело к затяжному парламентскому кризису по ключевым национальным вопросам.

Резонансный мини-военный кризис с Индией в феврале 2019 г., боевая победа пакистанских ВВС развеяли все сомнения населения, включая оппозиционные партии, относительно роли и места армии в стране. Несколько месяцев все местные средства информации писали о доблести военных.

Ухудшение ситуации с пандемией коронавируса снизило активность оппозиции и во второй половине 2019 — начале 2020 г. Власти жестко критиковали оппозицию за несоблюдение карантинных мер при проведении массовых мероприятий, что ставило под угрозу жизнь местного населения.

Но оппозиция продолжала проводить массовые митинги, требуя от властей снятия судебных обвинений в коррупции с членов семьи Шарифов в обмен на лояльность.

Настойчивость международных финансовых организаций погашения кредитов, взятых еще прежним правительством Н. Шарифа, внезапное требование Саудовской Аравии вернуть заем в размере одного млрд. долл., предоставленный в рамках программы инвестирования в экономику Пакистана повлекли за собой перебои поставок импорта, повышение цен на потребительском рынке; остро ощущалась потребность в больших объемах природного газа для домовладений, росли цены на товары первой необходимости — все это вызывало недовольство широких слоев населения, критику в адрес федерального правительства.

Эпидемия коронавируса, накрывшая весь мир, не обошла и Пакистан. Государственные институты, конституционной обязанностью которых является социальная защита населения, вновь продемонстрировали несостоятельность. Пакистанская армия была призвана по приказу федерального правительства в соответствии со статьей 245 конституции оказывать помощь гражданской администрации в защите здоровья и жизни граждан. Армия — один из немногих государственных институтов, который оказывал оперативную и повсеместную помощь

гражданской администрации и правоохранительным органам. В 16 городах, в которых был выявлен резкий рост уровня инфицированных, армия оперативно разворачивала войска.

Помощь также предоставлялась при транспортировке критически важных грузов в отдаленные районы, включая Гилгит-Балтистан и контролируемую Пакистаном часть Кашмира, внутренние районы Синда и Белуджистана. Военное командование выразило неудовлетворение гражданским властям в провинции Синд в связи с несвоевременными и недостаточными усилиями федерального правительства по оказанию помощи населению.

ххх

Правящая коалиция ППС оставалась единой в течение полутора лет. Но в июне 2020 г. Национальная партия Белуджистана (фракция Менгал НПБ(М) покинула Национальную ассамблею, обвинив премьера в невыполнении обязательств перед партией (поиск пропавших без вести, репатриация афганских беженцев из провинции, реализация социальных проектов и т.д.).

Несмотря на уход НПБ (М), коалиция во главе с ППС удерживала лидерство в НА, укрепляя коалицию с МКМ, ПМЛ (К), Белуджской народной партией. Однако требования и этих партий становились более жесткими в связи с ухудшающимся эпидемиологическим положением, углублением экономического кризиса. Коалиционные партии стали громче выражать разочарование по поводу выполнения предвыборных обещаний правящей партии. Также беспокойство И. Хана вызывало слабое руководство отделением партии в Панджабе, где ППС продолжала удерживать хрупкое большинство.

И. Хан разворачивал борьбу по нескольким фронтам. 6 апреля 2020 г. он объявил об очередных перестановках в Кабинете министров. За время правления глава федерального кабинета министров трижды менял министра внутренних дел, четыре раза — председателя Совета по инвестициям и пять раз — председателя Федерального совета по доходам. Частые перестановки порождали растущее недоверие правительства к государственным институтам.

Весной — летом 2020 г. пандемия ослабила оппозиционное движение. Однако уже в октябре Пакистанский демократический альянс инициировал движение за свержение правительства И. Хана. Партии отказались принять агрессивную политику

федерального правительства в связи с арестом лидеров ПМЛ (Н) и ПНП по делам о коррупции. В сентябре 2019 г. они возобновили длинный марш в Исламабаде с требованием формирования нового Кабинета министров. Но протестная кампания в те дни потерпела провал в силу ряда причин. Спустя год, в сентябре 2020 г., ПНП объявила о вотуме недоверия премьер-министру и Кабинету министров провинции Панджаб.

Оппозиция постепенно набирала силу, установила крайний срок для штурма столицы — январь 2021 г. Формирование ДДП в сентябре 2020 г. рассматривалось как серьезный вызов правящей администрации. Резолюция из 26 пунктов ставила целью не только смещение И. Хана, но и призывала положить конец роли истеблишмента в политике.

Но И. Хан отказывался от прямого диалога с оппозицией. Отчасти это объяснялось тем, что оппозиция настаивала на его согласии на так называемое «национальное примирение» в обмен на лояльность и поддержку ряда законопроектов[10], что противоречило позиции федеральных властей. Спасая в отчаянии «коррупционные деньги», оппозиционные партии еще в августе 2020 г. блокировали подписание Законопроекта о борьбе с отмыванием денег (вторая поправка) в Сенате. Документ был подготовлен для FATF с целью вычеркнуть Пакистан из «серого» списка.

Генералитет дистанцировался от противостояния между правящей администрацией и оппозицией, призывая обе стороны снизить накал взаимных оскорблений. В то же время он заявил, что в случае необходимости, армия поддержит гражданское правительство. Военный истеблишмент оставался последним арбитром, враждующие политические силы соперничали друг с другом, чтобы заслужить его благословение.

В сложившейся ситуации правящая партия не могла долго рассчитывать на поддержку силовых структур, чтобы остаться у власти.

Имран Хан постепенно терял контроль над административными и политическими институтами. Экономический кризис

[10] 'No more NROs': PM Imran lashes out at opposition for defeating two FATF-related bills in Senate. URL: https://www.dawn.com/news/1576413/no-more-nros-pm-imran-lashes-out-at-opposition-for-defeating-two-fatf-related-bills-in-senate (accessed: 23.09.2023).

усугубил ситуацию. 2018–2019 гг. закончились дефицитом бюджета. Рост цен ускорился из-за высокой инфляции. Падение рупии зафиксировано со 124 в июле 2018 г. до 158,67 в 2020 г.; уровень инфляции с июля 2018 г. вырос с 5,8 до 13% в 2020 г., падение темпов роста — с 5,8 до 0,4%. Сокращение денежных переводов от пакистанцев, работавших за рубежом повлияло на платежный баланс страны.

Позднее, в мае 2021 г., дефицит торгового баланса вырос на 134% в сравнении с тем же периодом в 2020 г. Ежемесячный дефицит достиг 3,432 млрд. долл. в мае 2021 г. с 1,467 млрд. долл. в 2020 г.[11] Повышение цен больно ударило по простому человеку. Но неспособность правительства И. Хана контролировать инфляцию стала одной из основных причин потери доверия электората. Некомпетентность управления государственными институтами и постоянная борьба с политической оппозицией тормозили социально-экономическое развитие страны.

Неожиданным для военных стало заявление главы Кабинета министров о формировании новых пограничных сил, подчиняющихся министерству внутренних дел. Приоритетной задачей нового ведомства оставалось управление национальными сухопутными и морскими границами. Реформа пограничных сил представляла собой не что иное, как формирование силового ведомства, подчинявшегося исключительно гражданской администрации в обход генералитета.

xxx

В январе 2021 г. партии, входившие в оппозиционное Демократическое движение Пакистана, отказались участвовать в выборах и в Сенат, и в дополнительных выборах в Национальную ассамблею.

Избирательная комиссия Пакистана следовала указаниям Верховного суда и провела выборы путем тайного голосования. Министр финансов Хафиз Шейх проиграл на выборах в верхнюю палату оппоненту от оппозиции Юсуфу Раза Гилани*. Это дало повод оппозиции, что победа их кандидата является выражением недоверия премьер-министру.

[11] Trade deficit surges by 134pc. URL: https://www.dawn.com/news/1627156/trade-deficit-surges-by-134pc (accessed: 03.06.2021).

*Юсуф Раза Гилани – премьер-министр Пакистана в 2008-2012 гг.

Однако суммарное количество голосов (178 голосов, что на шесть больше, чем требовало простое большинство), поданных депутатами Национальной ассамблее (нижняя палата) в марте 2021 г., подтверждало вотум доверия И. Хану. В те дни пакистанские СМИ писали, что «…правительство должно инициировать дополнительные меры укрепления доверия, если оно хочет более гладкого функционирования в течение оставшихся двух с половиной лет срока полномочий». Все указывало на возможный кризис, спровоцированный оппозицией под незначительным предлогом. Поддержка генералитета правящей администрации ослабевала. На этом фоне отчетливее проявлялась непоследовательность правительства при принятии решений. В качестве примера можно привести заявление недавно назначенного министра финансов о том, что Пакистан возобновит торговлю с Индией, планируя импортировать хлопок и сахар. Решение, одобренное И. Ханом, менее чем через 24 часа было аннулировано. За этим последовало заявление Исламабада о том, что торговля с Индией невозможна до тех пор, пока Дели не аннулирует резолюции парламента от 5 августа 2019 г. в контролируемой части Кашмира.

Командование Вооруженными силами 1 июля 2021 г. призвало законодателей избегать политику разногласий по вопросам, представляющим национальный интерес, так как стратегические вызовы и связанные с ними изменения политики во внешних отношениях могут иметь последствия для страны

Открытое противостояние военного истеблишмента и И. Хана проявилось еще осенью 2021 г., когда премьер отказался поддержать предложенную генералом К. Баджва кандидатуру на должность главы Межведомственной разведки. Позднее назначение состоялось. Но отношения с генералитетом были подорваны[12].

В 2021 г. в стране усилилась поляризация, напряженность в отношениях между правительством и оппозицией, активизировались террористические группировки. Доминировавшее ППС большинство в парламенте в ноябре 2021 г. без обсуждения и всего за несколько часов одобрило 30 законопроектов, включая поправку к выборам, разрешающую электронные

[12] A year of living on the edge. URL: https://www.dawn.com/news/1664723/year-of-living-on-the-edge (accessed: 20.12.2021).

машины для голосования. Оппозиция не смогла оказать должного сопротивления.

С приближением всеобщих парламентских выборов в 2023 г. политическая атмосфера в стране накалялась. В этих условиях И. Хан объявило Политике национальной безопасности. Основное внимание уделялось экономической, военной безопасности и безопасности гражданского населения. Документ разрабатывался при согласовании с генералитетом, что подчеркивало единство позиций исполнительной власти и федеральной армии.

Правление ППС завершилось так же неожиданно, как и приход партии к власти в июле 2018 г. Уместно подчеркнуть совокупность факторов, стечение обстоятельств внутренней и внешней политики Пакистана, которые и привели к краху карьеры лидера ППС на посту премьер-министра. Государственный визит премьер-министра И.Хана в Россию 24 февраля 2023 г., в день начала Специальной военной операции (СВО) на Украине, был представлен в местных СМИ и за рубежом как прямая поддержка Москвы в конфликте.

Глава Кабинета министров, оправдываясь, заявлял, что не знал о планах России, и сроки визита были согласованы давно. Генералитет Пакистана выступил с осуждением военных действий как таковых, без упоминания сторон, призывая к урегулированию дипломатическими средствами.

США и западные союзники жестко осуждали действия России в рамках СВО. Пакистанские СМИ напомнили обещания И. Хана о недопустимости размещения американских баз на территории страны в дни вывода союзнических сил США/НАТО из Афганистана в августе 2021 г. Резкое ухудшение отношений с Вашингтоном и, следовательно, с международными финансовыми и контролирующими организациями противоречило национальным интересам. Исламабад в те дни ставил задачи исключения из «серого» списка FATF, получения очередного пакета помощи от МВФ и т.д.

Генералитет по умолчанию перестал поддерживать правящую ППС. Политическая оппозиция увидела в этом слабость ППС и готовилась к процедуре вотума недоверия.

В противоречие давлению оппозиции премьер-министр 28 февраля 2022 г. объявил пакет мер, направленных на

поддержку малоимущего населения. Он объявил о снижении цен на бензин и дизельное топливо на 10 рупий за литр, а также о снижении тарифа на электроэнергию на 5 рупий за единицу[13].

В действиях И. Хана оппозиция усмотрела отклонение от условий предоставления пакета финансовой помощи Международным валютным фондом, для получения которой правительство ППС уже согласилось повысить налоговые ставки на нефтепродукты.

Политическая оппозиция в Пакистане восприняла отступление военных от поддержки И. Хана как сигнал к действию. 6 апреля 2022 г. по итогам голосования в Национальной ассамблее премьер-министру И. Хану был вынесен вотум недоверия, что означало отстранение от власти.

В условиях усиливающейся поляризации и обострения напряженности споры оппонентов не поддаются разрешению парламентом. Политические соперники для достижения своих целей или обращаются в суды, или обращаются к армии, которая самоустранилась и от И. Хана, и от политических соперников. В 2022 г. истеблишмент в очередной раз отказался от гражданского премьера, который не выдержал испытаний оппозиции.

[13] Imran announces mega relief package. URL: https://tribune.com.pk/story/2345617/imran-announces-mega-relief-package (accessed: 01.03.2022).

О. П. Чекризова *

К вопросу о положении религиозных меньшинств в Пакистане

Резюме. В статье предпринимается попытка представить комплексное описание положения религиозных меньшинств Пакистана. Распространено понимание о дискриминационном положении немусульманских конфессий в Пакистане, которые, несмотря на наличие специальных законодательных положений, подвергаются различным проявлениям дискриминации в повседневной жизни. В отношении представителей немусульманских религиозных общин Пакистана обычно упоминаются такие нарушения, как сегрегация и маргинализация в стране со стороны представителей власти, а также мусульманского большинства в быту, в том числе дискриминация в вопросе выражения религиозной идентичности; принуждение членов общин религиозных меньшинств к принятию ислама, дискриминация в образовательной сфере; ограниченные возможности для трудоустройства; неспособность и зачастую нежелание местных властей противостоять нападениям на религиозные меньшинства и осквернению их культовых объектов, нетерпимое отношение исламских радикальных и экстремистских структур к немусульманским общинам Пакистана, а также шиитам. Отдельную проблему представляет отсутствие эффективно работающего законодательства, регулирующего различные аспекты жизни пакистанских религиозных меньшинств, как, например, вопросы браков.

Ключевые слова: Пакистан, религиозные меньшинства, христиане, сикхи, индусы, ахмадийя

* Чекризова Ольга Павловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Ценра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0002-9201-915X

Status of religious minorities in Pakistan

Abstract. *In the article it is attempted to suggest a complex multi-dimensional analyses on the situation of religious minorities in Pakistan. A widespread understanding of this situation is that non-Muslim denominations face various manifestations of discrimination in everyday life in Pakistan despite a number of special legislative guarantees devised for them, including such violations as segregation and marginalization by Pakistani officials as well as the Muslim majority, discrimination towards their religious identity; force conversionsto Islam, discrimination in education, limited employment opportunities, the inability and often unwillingness of authorities to protect religious minorities from extremist violence and the desecration of their places of worship, and in broader terms intolerance of Islamic radical and extremist structures towards non-Muslim as well as Shia communities. A problem per se is the lack of effective legislative regulations of various aspects of the life of Pakistani religious minorities, for instance marriages, etc.*

Keywords: *Pakistan, religious minorities, non-Mulsim denominations, Christians, Sikhs, Hindus, Ahmadis*

Представители религиозных меньшинств составляют небольшую часть населения Пакистана. При этом специфика пакистанского государства, созданного как государство мусульман Индии, оказывает влияние на отношения внутри страны между конфессиями.

С формальной точки зрения пакистанское законодательство, включая Конституцию 1973 г., закрепляет основные права для всех граждан Пакистана, в том числе содержит значительные гарантии прав для представителей религиозных меньшинств. Для этих категорий предусмотрены право свободно исповедовать свою религию и посещать религиозные учреждения, право на образование и равный доступ к общественным местам, право на владение собственностью, свобода торговли, рода занятий и профессии, гарантированы равные возможности граждан в различных сферах общественной жизни и защита образовательных учреждений в плане религии. В законодательных

федеральных и провинциальных законодательных органах страны для представителей религиозных меньшинств зарезервированы места. Для них выделяются и места в органах исполнительной власти и связанных с ними службах также на уровне центра и провинций.

В то же время существуют различия между правовыми положениями и практическим положением дел. Как правило, распространено понимание о дискриминационном положении религиозных меньшинств в Пакистане. Причем ограничения этих групп усиливались при различных правительствах с самого начала после образования независимого государства. (Здесь следует заметить, что вопрос о положении пакистанских религиозных меньшинств может использоваться внешними силами в качестве повода для вмешательства во внутренние дела страны. Как правило, использование вопросов соблюдения прав человека характерно для западных стран и финансируемых ими правозащитных организаций, которые и формулируют соответствующие «проблемные аспекты».)

Согласно данным Статистического бюро Пакистана по итогам переписи населения 2017 г., со времени предыдущей переписи 1998 г. общая численность населения выросла с 132,3 млн. до 207,68 млн. человек. При этом мусульманское большинство выросло до 96,47%, тогда как другие конфессии увеличились незначительно либо даже уменьшились. Индуисты составили 1,73%, христиане — 1,27%, последователи учения ахмадийя — 0,09%, представители списочных каст — 0,41%, остальные меньшинства — 0,02%[1]. (Данные по конфессиональному составу были опубликованы только в середине 2021 г.)

Интересно условное деление религиозных меньшинств на относительно крупные группы, представители которых встречаются во всех частях страны. К ним относят индусов, христиан и ахмадийя и небольшие группы, в частности буддисты, сикхи и парсы[2].

[1] Salient features of final results Census-2017. URL: https://www.pbs.gov.pk/sites/default/files//population_census/sailent_feature_%20census_2017.pdf (дата обращения: 10.12.2021). При этом следует заметить, что в статистических таблицах в отношении ахмадийской общины используется пренебрежительное название «кадиани».

[2] Issues and State of Religious Minorities in Pakistan: A Systematic Literature Review. Ali Raza Shah, Dr. Bela Nawaz. // Pakistan Social Sciences Review. July-September

Большинство населения страны — мусульмане-сунниты. Вследствие этого прочие конфессии сталкиваются с проявлениями дискриминации.

Отдельно следует упомянуть положение пакистанских шиитов, составляющих около 20% всех мусульман страны, которые не считаются религиозным меньшинством. Тем не менее нередко они также сталкиваются с рядом ограничений, а также с различными проявлениями дискриминации. (Часто нападениям исламистов-радикалов подвергаются шииты-хазарейцы.) Очередной иллюстрацией может служить инцидент с нападением в Сиалкоте (расположен на северо-востоке Пенджаба) активистов исламистской организации «Техрик-и лаббаик» на шиитскую траурную процессию, приуроченную ко дню гибели имама Хусейна. Поводом для конфликта стал маршрут процессии, проходившей мимо мечети и медресе, принадлежащих «Техрик-и лаббаик»[3].

Можно условно выделить несколько групп проблем, с которыми сталкиваются представители религиозных меньшинств в Пакистане. Законодательство страны содержит ряд положений, создающих неравное положение для немусульманских общин. Кроме того, религиозные меньшинства нередко подвергаются агрессии сторонников радикальных структур, причем в последнее время можно говорить и об усилении конфликта между пакистанскими суннитами и шиитами.

Еще одним, причем довольно существенным, аспектом для положения религиозных меньшинств, является негативное отношение в пакистанском обществе к немусульманским конфессиям, которое, как показывают ряд социологических исследований, довольно распространено.

Сегодня в Пакистане отсутствует терпимость к религиозным меньшинствам. Ситуация в стране в наши дни резко контрастирует с видением Пакистана, сформулированным Мухаммедом Али Джинной при создании «государства для индийских

2021. Vol. 5. No. 3 [70–88]. URL: https://pssr.org.pk/issues/v5/3/issues-and-state-of-religious-minorities-in-pakistan-a-systematic-literature-review.pdf (accessed: 28.03.2023).

[3] 13 injured as radical Islamist group attacks Shia procession in Pakistan// The Hindu. 18.09. URL: https://www.thehindu.com/news/international/13-injured-as-radical-islamist-group-attacks-shia-procession-in-pakistan/article65905923.ece (accessed: 26.09.2022).

мусульман». Не следует забывать также и то, что современное отношение в пакистанском обществе к двум из общин религиозных меньшинств — христианской и индусской — продолжает строиться и на образцах отношений между основными конфессиональными общинами английской Индии в начале XX в. Мусульманская община в политической жизни доминиона в тот период, сохраняя память о том, что на протяжении длительного времени правители из числа мусульман управляли Индией и составляли значительную часть среди традиционных элитарных слоев, демонстрировала разное отношение к британским колониальным властям. Часть её представителей благожелательно отнеслась к элементам европейской культуры и религии, проникавшим через британские власти, а часть осталась противниками всего христианского и английского. Помимо этого, как отмечено В. Я. Белокреницким и В. Н. Москаленко при анализе истоков мусульманского сепаратизма в индийском национально-освободительном движении, в условиях активизации общественно-политической мысли в Британской Индии в начале XX в. деятельность всех групп мусульманской интеллигенции была направлена на защиту и укрепление позиций ислама как религии и мировоззрения. Здесь можно выделить условный «треугольник» межконфессиональных отношений между общинами. Мусульманская община противостоит двум силам — чужеродному и иноконфессиональному влиянию английских христиан-колонизаторов и — переживавшему в тот период реформированию индуизму, который вкупе с модернистско-секулярными идеями приобретал характер «невидимой системы», лежавшей в основе общеиндийского национализма[4].

Весомым в плане формирования положения в стране немусульман стал и процесс исламизации, наибольшую силу набравший при генерале М. Зия-уль-Хаке. Усиление религиозной составляющей во всех сферах жизни пакистанского общества, особенно с учетом его интенсивного характера, несомненно, отразилось на представлении большинства о немусульманах и отношении к ним.

[4] Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2008. С. 28–33.

Можно говорить и о том, что исламизация Пакистана создала предпосылки для агрессии исламистов в отношении немусульман. Религиозные меньшинства довольно часто сталкиваются сегодня с насилием со стороны радикально настроенных исламистов. Усугубляет ситуацию то, что кроме маргиналов некоторые слои пакистанского общества также испытывают ненависть в отношении немусульман, стараясь исключить религиозные меньшинства из основной части общества просто из-за их религиозной принадлежности. Подобная тенденция подтверждается отдельными социологическими исследованиями. В качестве примера одного из таких можно привести проведенный пакистанским исследователем Т. Рехманом опрос учащихся и преподавателей пакистанских учебных заведений в 2003 г. В число респондентов вошли учащиеся и преподаватели религиозных учреждений — медресе, а также высших и средних учебных заведений с преподаванием на английском языке и на урду. Вопросы касались положения представителей трех религиозных общин — христианской, индусской и ахмадийской, являющихся гражданами Пакистана. В том числе акцент был сделан на том, следует ли предоставить этим трем немусульманским общинам те же права, что и пакистанским мусульманам. Результаты опроса выявили высокий уровень нетерпимости пакистанского большинства по отношению к религиозным меньшинствам. Менее всего терпимыми оказались учащиеся медресе, а наибольшую терпимость проявили учащиеся элитарных англоязычных школ. Неудивительно и то, что самое негативное отношение было выражено в отношении общины ахмадийя[5].

На положение немусульманских конфессий в стране оказывает воздействие деятельность таких радикальных исламистских структур в самом Пакистане и соседнем Афганистане, как «Техрик-е талибан Пакистан», а также ИГИЛ. Усиление активности этих структур на фоне прихода к власти в Афганистане Движения Талибан и рост противостояния пакистанских талибов с пакистанскими же властями наряду с экономическим кризисом усугубляет нестабильную политическую ситуацию в стране. В этом противостоянии представители религиозных

[5] Rahman T. Pakistan's policies and practices towards the religious minorities. South Asian History and Culture, 2021, 3:2, p. 302–315. URL: http:/ / dx.doi.org/ 10.1080/ 19472498.2012.664419 (accessed: 28.03.2023).

меньшинств Пакистана вряд ли станут главной целью. Однако вполне возможно, что разрушительная деятельность исламистов будет направлена против немусульман как в целях демонстрации оппонентам собственных возможностей, так и для подтверждения решимости бороться всеми способами за создание в стране монорелигиозного, то есть исламского общества.

В последнее время ситуация в Пакистане формирует основы и для усиления противостояния между суннитами и шиитами. Фактически, можно говорить о том, что сейчас наравне с обострением внутренней ситуации в стране в значительной степени усиливаются суннито-шиитские противоречия. НПО Канадский исследовательский центр International Forum for Rights and Security (IFFRAS) приводит данные, что за период 2001–2018 гг. погибло 4847 шиитов[6].

Наравне с этим часто упоминается, что радикализуются организации суннитской школы барелви. Одним из представителей таких структур «новой волны» и является «Техрик-и лаббайик». В частности, об этом говорится в опубликованном в начале сентября докладе НПО «International Crisis Group»[7].

В упомянутом документе отмечается, что крупномасштабные межконфессиональные столкновения, в результате которых в 1980-х и 1990-х годах гибли тысячи людей, теперь происходят реже, однако межконфессиональная нетерпимость распространяется на более широкие части суннитов. В предыдущие десятилетия деобандийские суннитские группы, особенно Сипах-и-Сахаба Пакистан (ССП) и её ответвление Лашкар-и-Джангви, провоцировали большую часть насилия. В последнее время активность стали проявлять две новые силы — «Салафитское Исламское государство провинции Хорасан» (ИСКП) (пакистанское отделение запрещенной террористической организации «Исламское государство») и «Техрик-и-лаббайик». Сторонники последнего в основном принадлежат к школе барелви, традиционно считающейся более умеренным направлением, нежели

[6] More than 4,800 Shias killed in sectarian violence in Pakistan over past 8 years// Report. 24.09.2022. URL: https://www.opindia.com/2022/09/4800-shias-massacred-in-sectarian-violence-in-pakistan-over-past-8-years-report/ (accessed: 26.09.2022).

[7] A New Era of Sectarian Violence in Pakistan. International Crisis Group. // Report № 327. 5.09.2022. URL: https://www.crisisgroup.org/327/asia/south-asia/pakistan/new-era-sectarian-violence-pakistan (accessed: 26.09.2022).

деобандийская школа. С момента своего появления в 2017 г. организация «Техрик-и-лаббайик» известна подстрекательством или проведением ряда весьма жестоких акций межконфессиональной агрессии, в том числе внесудебных расправ. Радикальный межконфессиональный курс, подстрекательства к насилию в отношении религиозных меньшинств и оппонентов-суннитов не помешали допуску «Техрик-и-лаббаик» к участию в общенациональных выборах в июле 2018 г.

Можно говорить и о сотрудничестве пакистанских властей с движением. В ноябре 2021 г. сенатор Эджаз Чаудхри, объявил о партнерстве между партией «Пакистана Техрик-и-инсаф» (Пакистанское движение за справедливость, PTI) Имрана Хана, которую он представляет, и «Техрик-и-лаббайик». Заявление было сделано после встречи сенатора с лидером партии Хафизом Саадом Хуссейном Ризви, освобожденным по итогам заключенного в октябре 2021 г. соглашения между пакистанскими властями и «Техрик-и-лаббайик»[8]. Упомянутое соглашение ознаменовало прекращение затянувшихся массовых протестов сторонников «Техрик-и-лаббайик» против правительства Пакистана, вызванных арестом лидера организации на волне развернутых организацией очередных протестов. Из-за этих агрессивных протестов и столкновений с полицейскими, в ходе которых погибло несколько человек, организация и была объявлена пакистанскими властями террористической. Достигнутая 31 октября 2021 г. договоренность включала исключение властями «Техрик-и-лаббайик» из списков запрещенных террористических организаций, освобождение из-под ареста лидера «Техрик-и-лаббайик», прекращение преследований сторонников партии, дела в отношении которых были заведены в том числе в рамках антитеррористического законодательства[9].

Движение «Техрик-и-лаббайик» мобилизует своих сторонников на сопротивление предполагаемым оскорблениям пророка Мухаммеда. («Техрик-и-лаббайик» приняло антишиитскую

[8] 'Goodwill gesture': PTI's Ejaz Chaudhry meets TLP chief Saad Rizvi to congratulate on jail release.//The Dawn. 20.11.2021. URL: https://www.dawn.com/news/1659209 (accessed: 28.03.2023).

[9] Govt says agreement reached with TLP, datails to be unveiled at 'appropriate time'.//The Dawn. 31.10.2021. URL: https://www.dawn.com/news/1655124 (accessed: 28.03.2023).

повестку дня, порвав с историей совместной ритуальной практики суннитов-барелви с шиитами.) Сложность противодействия «Техрик-и-лаббайик» объясняют и тем, что идеологический призыв движения строится на эмоциональном реагировании против богохульства. Зачастую подобное тесно связано с злоупотреблением законами о богохульстве. Уже неоднократно раздавались призывы внести в действующие нормы изменения, направленные на установление ответственности за фальсифицированные обвинения в богохульстве. В марте 2018 г. специальный комитет Сената Пакистана по правам человека вынес рекомендацию о введении наказания за ложные обвинения в богохульстве такого же, как за совершенное противоправное деяние[10]. Эти дискуссии продолжаются. В настоящее время с учетом нынешней нестабильности власти, вероятнее всего, будут опасаться проводить значительное реформирование законов о богохульстве, учитывая, насколько политически ангажирован этот вопрос.

В отношении проблемы игнорирования и сегрегации представителями пакистанских властей религиозных меньшинств можно привести в качестве примера ситуацию с публикацией результатов переписи населения 2017 г. Так, данные переписи по конфессиональному составу были опубликованы только летом 2021 г. Сами эти данные подверглись критике религиозных меньшинств как за затягивание публикации, так и за намеренное занижение властями численности этих общин. Для сравнения — на момент создания Пакистана в 1947 г., когда лидеры нового государства, в том числе М. А. Джинна, провозглашали принцип секуляризма и говорили о том, что в новой стране могут проживать представители любой религии, немусульмане (в пределах единого Пакистана, включающего территорию ныне независимого государства Бангладеш) составляли около 23% населения, а шииты и другие направления ислама составляли до четверти от всех мусульман Пакистана (то есть сунниты составляли три четверти всей мусульманской общины страны; это соотношение значительно не изменилось, поскольку считается, что шииты составляют 20% всех пакистанских мусульман)[11]. Резуль-

[10] Senate committee recommends punishment for false accusations of blasphemy. Nadir Gurmani. 6.03.2018. URL: https://www.dawn.com/news/1393538 (accessed: 22.11.2022).

[11] Purifying the Land of the Pure. A History of Pakistan's Religious Minorities. Farahnaz Ispahani, 2017.

таты последней переписи населения 2017 г. показывают, что все религиозные меньшинства составляют около 3%.

Помимо этого, критика со стороны правозащитных организаций звучит в отношении различающихся данных пакистанских ведомств по численности последователей различных конфессий. Неправительственная организация «Центр социальной справедливости» опубликовала отчет о несоответствии данных Агентства по национальной базе данных и регистрации (National Databese and Registration Authority — NADRA) (доклад опубликован в марте 2022 г.) результатам переписи населения 2017 г.[12] Отмечено, что последние данные занижают число христиан и индусов. В материалах NADRA указано, что в Пакистане проживает 1,8 млн. христиан и 2,2 млн. индусов. А данные переписи 2017 г. показали, что христиане составляют 2,7 млн. (или 1,2%), а индусы — 4,5 млн. человек. По мнению НПО, причиной в расхождениях может быть разница в используемой терминологии, предлагаемой этими структурами гражданам для самоопределения своей религиозной принадлежности (у NADRA, в частности, выбор шире).

В практическом плане представители немусульманских религиозных общин Пакистана, как правило, сталкиваются с такими нарушениями, как игнорирование, сегрегация и маргинализация в стране со стороны представителей власти, а также мусульманского большинства, в том числе дискриминация в вопросе выражения религиозной идентичности; принуждение членов общин религиозных меньшинств к принятию ислама (в большей степени с подобным сталкиваются женщины); дискриминация в образовательной сфере; ограниченные возможности для трудоустройства; неспособность, а зачастую и нежелание местных властей противостоять нападениям на религиозные меньшинства и осквернению культовых объектов христиан, индусов, сикхов; нетерпимое отношение исламских радикальных и экстремистских структур к немусульманским общинам Пакистана, а также шиитам. Кроме того, заметную обеспокоенность

[12] Research shows confusing demographics of Pakistan minorities. 9.06.2022. URL: https://www.ucanews.com/news/research-shows-confusing-demographics-of-pakistan-minorities/97598 (accessed: 26.09.2022); Over 22 lakh Hindus in Pakistan, says national database report. The Times of India. 9.06.2022. URL: http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/92105773.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (accessed: 26.09.2022).

вызывают случаи использования положений «закона о богохульстве» против представителей конфессиональных меньшинств, что зачастую также можно трактовать как средство устрашения. Наиболее резонансным применение «закона о богохульстве» стало дело христианки Асии Биби, приговоренной в 2010 г. к смертной казни за нарушение «закона о богохульстве». Дело А. Биби вызвало широкий общественный резонанс как в Пакистане, так и за его пределами. За вынесение смертного приговора выступили пакистанские исламисты. Первый министр по делам меньшинств Пакистана Шахбаз Бхатти и губернатор провинции Панджаб Салман Тасир были убиты в 2011 г. после того, как публично вступились за обвиняемую и призвали помиловать её. В октябре 2018 г. Верховный суд Пакистана отменил приговор. Впоследствии Асия Биби уехала из страны.

В повседневной жизни часто фиксируются различные случаи предвзятости и преследования представителей религиозных меньшинств. В последнее время часто встречаются сообщения об инцидентах в отношении индусской общины Пакистана. Неудивительно, что большое внимание к подобным происшествиям привлекают базирующиеся в Индии СМИ. Из конкретных недавних примеров показательны следующие. 23 сентября 2022 г. стало известно о протестах членов индусской общины перед управлением полиции в Бахавалпуре. Поводом стали ложные обвинения в адрес одной из жительниц данной общины в краже и последующее нападение на ее дом. По данным СМИ, в местной сельской поликлинику, куда доставили пострадавшую, врач отказал ей в медицинской помощи и медицинском освидетельствовании[13].

В первом квартале текущего года в плане подсвечивания проблем религиозных меньшинств Пакистана заметен фокус на проблематике похищений и насильственного обращения в ислам индусских девушек. 13 марта 2023 г. активисты из провинций Синд и Панджаб провели в Карачи акцию протеста против этой нелегальной практики. В привязке к данной акции в СМИ акцент делался на ряде подобных инцидентов, причем в большинстве случаев похищенные были несовершеннолетними. Кроме того,

[13] पाकिस्तानमेंहिंदूमहिलापरहमलेकोलेकरविरोधप्रदर्शन, चोरीकाआरोपलगाकरकीगईमारपीट. Dainik Jagran. 23 сентября 2022. URL: https://www.jagran.com/world/pakistan-protests-in-pakistan-over-attack-on-hindu-woman-assaulted-alleging-theft-23091476.html (accessed: 26.09.2022) .

в описании таких ситуаций также содержится указание на то, что жертв заставляли подписать и представить в местные правоохранительные органы показания о добровольном принятии ислама. Ещё одной общей чертой таких похищений выступает отказ полицейских не только расследовать дела о похищении, но даже и регистрировать обращения родственников похищенных девушек[14].

В этом контексте следует отметить, что ситуация с насильственным обращением представителей религиозных меньшинств в ислам неоднозначна. Имеются исследования, указывающие на комплексный характер этого явления. Так, в материале Института политических исследований в Исламабаде (Institute of Policy Studies), посвященном вопросу о характере перехода в ислам, отмечается, что любой вид смены религии в Пакистане часто изображается через социальные сети и НПО как «принудительное» обращение. При этом при отсутствии четкого определения того, что означает «принудительное» обращение, и без учета того, сколько именно лиц и по каким причинам сменили религию, указывает на изначальную предвзятость подобных сообщений в целях продвижения определенных политических целей. При подобном подходе как одинаково «насильственные» оцениваются как смена всей семьёй религиозной принадлежности, вызванная бедностью и сохраняющейся кастовой дискриминацией[15], так и переходы отдельных лиц в другую религию под давлением сочетания таких факторов, как заключение брака по взаимному согласию, расчет на социально-экономический подъем, а также в некоторых случаях стремление открыть «истинную» веру[16].

Известно также и о дискриминации религиозных меньшинств в образовательной сфере. Исследователи отмечают, что действующая в стране система образования помогла доминирующему

[14] Abduction, forced conversion of Hindu girls continues in Pakistan. ANI. 16 March 2023. URL: https://www.aninews.in/news/world/asia/abduction-forced-conversion-of-hindu-girls-continues-in-pakistan20230316095921/ (accessed: 16.03.2023).

[15] Здесь, следует заметить, исследователи описывают смену вероисповедания как “представление с обращением” в ислам, вероятно, оценивая подобный переход как сугубо формальный. Представляется, что в таком случае настоящие религиозные убеждения не изменяются, а скрываются.

[16] Hussain Gh. Forced Conversions or Faith Conversions. Rhetoric and Reality. Baseline study/ ed. S. N. Farhat. Islamabad: Institute of Policy Studies, 2020. P. 71–72.

сообществу мусульман, предоставив ему монополию на образовательный дискурс, и тем самым еще больше изолировала меньшинства, поставив их в маргинализованное положение[17].

В этой связи интересен факт, подмеченный в ряде публикаций, в том числе в работах пакистанских исследователей. Так, автор упомянутой выше работы Т.Рехман указывал на дискриминационные по отношению к религиозным меньшинствам аспекты в образовательной системе[18]. В их числе было отмечено, что школьные учебники составлены так, что у читающих их учеников создается представление о неразрывной связи гражданства с религиозной принадлежностью. Из-за этого немусульмане воспринимаются в меньшей степени гражданами вплоть до того, что само наличие у них гражданства может вызывать подозрения. Из всех религиозных меньшинств наиболее предвзятые упоминания встречаются в отношении последователей индуизма — вне зависимости от того, являются ли они пакистанцами или индийцами. Негативно влияют на детей немусульман и подобного рода стереотипы озвучиваются на обязательных занятиях, включая уроки урду, историю, социальные науки и этику, что прямо или косвенно подрывает или очерняет их религиозные убеждения.

На аналогичные проблемы указывает опубликованное годом ранее, в 2011 г., американской Комиссией по свободе вероисповедания в мире (US Commission on International Religious Freedom) исследование[19] пакистанских учебных заведений — государственных школ и медресе. В нем отмечено, что в пакистанских учебниках изображение религиозных меньшинств, как правило, дается в уничижительном ключе, а зачастую просто отсутствует. Религиозные меньшинства часто изображаются как второсортные граждане, которым предоставлены ограниченные права и привилегии. Кроме того, в пособиях содержатся непрямые указания, что религиозные меньшинства должны подчиняться

[17] T. Rahman. Pakistan's policies and practices towards the religious minorities. South Asian History and Culture, 2021, 3:2. P. 302–315. URL: http:// dx.doi.org/ 10.1080/ 19472498.2012.664419 (accessed: 28.03.2023).

[18] Ibid.

[19] Connecting the Dots: Education and Religious Discrimination in Pakistan. A Study of Public Schools and Madrassas. US Commission on international religious freedom. 2011. URL: https://www.uscirf.gov/sites/default/files/resources/Pakistan-ConnectingTheDots-Email(3).pdf (accessed: 22.11.2022).

мусульманам. Каких-либо упоминаний о вкладе представителей религиозных меньшинств в формирование, развитие и защиту Пакистана практически нет.

Кроме того, исследование отмечает, что детям немусульман теоретически разрешено изучать в школах после третьего класса курсы, альтернативные исламоведению, включая курс светской этики. Однако наличие таких курсов или учебников и учителей для их преподавания не гарантируется. Учебная программа и учебники для 1–3 классов часто объединяют урду, обществознание и исламоведение в один интегрированный курс. Так, в используемом для интегрированной учебной программы учебнике для 1 класса «Мери китаб» («Моя книга»), который является обязательным для учащихся, 7 из 16 глав содержали исламские проповеди, традиции, цитаты религиозных текстов. Кроме того, инструкции для учителей по этой книге подчеркивают её исламское содержание.

Помимо отмеченных выше факторов, явно поражающих в правах представителей пакистанских религиозных меньшинств, непросто обстоит дело и со структурами, направленными на поддержание межрелигиозного диалога. Так и не начала функционировать созданная И. Ханом комиссия «Рехмат-уль-уламин» (другой вариант написания «Рехматул-лил аламин»)[20]. Напомним, о создании этого органа И. Хан объявил в октябре 2021 г., будучи тогда премьер-министром. Предполагалось, что формально руководить работой этого органа, призванного дополнить уже функционирующие в стране религиозные структуры — Совет исламской идеологии (действует при законодательной ветви власти, определяя исламскую или антиисламскую направленность разрабатываемых законодательных инициатив) и Суд шариата, — будет сам глава пакистанского правительства[21]. В числе задач данного органа называлось распространение в пакистанском обществе знаний об исламе и пророке Мухаммеде, а также мониторинг публикаций в СМИ и социальных сетях в целях выявления проявлений «богохульства», а также корректировка с теми же целями школьного расписания.

[20] Название происходит от эпитета «милость к мирам», которым в Коране назван Мухаммед (21 сура, 107 аят).

[21] Pakistan: New religious body draws ire from rights activists. DW// 15.10.2021. URL: https://p.dw.com/p/41jZh (accessed: 22.11.2022).

Представляется, в затянувшемся начале работы комиссии не последнюю роль играет сменившее И. Хана правительство Шехбаза Шарифа, которое в начале июня 2022 г. внесло в пакистанский парламент законопроект об изменении состава этой структуры (документ затрагивает принципы её формирования, делая этот орган более представительным, в том числе за счет включения наряду с исламоведами двух членов Национальной ассамблеи, представляющих партию власти и оппозицию). Предлогом стало то, что 5 назначенных членов комиссии не имели необходимого 14-летнего опыта работы в сфере исламского права[22]. Законопроект с изменениями был внесен за несколько дней до истечения срока действия указа о создании «Рехмат-уль-уламин», но так и не был принят. Таким образом юридическое существование структуры не было продлено и она фактически перестала действовать.

Надо заметить, что пакистанские власти сами признают наличие проблем с религиозными меньшинствами. Усилия на этом направлении делает национальный правозащитный институт — Национальная комиссия по правам человека.

При участии комиссии было подготовлено исследование правовых барьеров, с которыми сталкиваются религиозные меньшинства страны. В числе отмеченных проблем указано то, что значительное число представителей религиозных меньшинств испытывают трудности с получением электронных национальных удостоверений личности (computerised national identity cards — CNIC)[23].

Комиссия по итогам общенациональных консультаций с лидерами общин меньшинств также обратила внимание на проблему дискриминации религиозных меньшинств в системе региональных и федеральных госорганов, в результате чего немусульмане работают на низкооплачиваемых должностях,

[22] Govt fails to activate RehmatullilAlameen Authority. The Express Tribune. 15.08.2022. URL: https://tribune.com.pk/story/2371182/govt-fails-to-activate-rehmatul-lil-alameen-authority (accessed: 01.03.2023); National Rehmat-ul-Alameen Authority comes to end. The News International. 26.06.2022. URL: https://mmnews.tv/national-rehmat-ul-alameen-authority-comes-to-end/ (accessed: 01.03.2023).

[23] Religious minorities face difficulty in obtaining CNIC: report// The News International. 2.03.2023. URL: https://www.thenews.com.pk/print/1045553-religious-minorities-face-difficulty-in-obtaining-cnic-report (accessed: 15.03.2023).

не требующих квалификации[24]. В отдельном докладе по итогам этой работы, который был опубликован в мае 2022 г.,[25] комиссия указала на сложившуюся тревожную ситуацию Несмотря на действующие с 2009 г. инструкции пакистанского правительства о резервировании 5% должностей всех уровней для представителей религиозных меньшинств, примерно половина из этих выделяемых постов остается вакантной. При этом из занятых представителями религиозных меньшинств должностей 80% являются должностями низших уровней с невысоким уровнем зарплаты. Созданная для более детальной проверки этой ситуации миссия по установлению фактов пришла к выводу о том, что в основных пакистанских СМИ всех регионов страны объявления о вакансиях в госструктурах носили дискриминационный в отношении религиозных меньшинств характер. Например, было указано, что объявления о наличии вакансий в области сантехнических работ в очистных сооружениях и коллекторах содержали уточняющую пометку «христиане». Кроме того отмечено, что такие работники как правило не имеют специального оборудования и защитной экипировки, что зачастую приводит к несчастным случаям вплоть до летальных исходов.

Наряду с этим отмечен ряд случаев открытого проявления дискриминации. В числе таких — примеры, когда представителям религиозных меньшинств отказывали в переводе на более престижные должности и оставляли им низкую зарплату, хотя по факту они уже выполняли обязанности этих более высоких должностей. Есть случаи, когда занятые в уборке мусульмане отказывались чистить канализации и предпочитали подметать улицы, оставляя более грязную работу рабочим-немусульманам. Также описаны инциденты, когда спасательные службы отказывались доставать потерявших сознание в канализации рабочих-христиан, а врачи в больницах — оказывать им медицинскую помощь.

[24] National Commission for Human Rights. Awareness and Advocacy. URL: https://www.nchr.gov.pk/advocacy/ (accessed: 18.03.2023).

[25] Unequal citizens. Ending systemic discrimination against minorities. National commission for human rights fact finding report. May 2022. URL: https://www.nchr.gov.pk/wp-content/uploads/2022/05/Minority-Report-compressed.pdf (accessed: 18.03.2023).

Показательно, что одновременно исследование комиссии выявило ряд серьезных проблем, с которыми сталкиваются религиозные меньшинства. Так, отмечено, что представители немусульманских общин, особенно христиане, занимают низкоквалифицированные и малооплачиваемые должности (такие, как ручная прочистка канализаций) семьями, работа передается от отца к сыну. Дети в таких семьях в силу бедности родителей и социальной дискриминации, в том числе из-за продолжающей существовать кастовой системы, не имеют возможности получить образование и найти другую работу.

Комиссией отмечено множество негативных аспектов жизни пакистанских христиан, крупнейшей немусульманской религиозной общины. 64% пакистанских христиан не осведомлены о действующей в стране системе резервирования постов для религиозных меньшинств. 60% представителей общины не имеют работы. Дети христиан чаще бросают школу и не завершают образование из-за финансовых трудностей семей. Только 11% христиан получают среднее образование (то есть заканчивают 9–12 классов) и лишь 2% имеют возможность получить высшее образование. Продолжительность жизни среди пакистанских христиан невысока. Согласно опубликованным комиссией данным, 70% из них моложе 25 лет. У большинства представителей христианской общины низкие доходы: 57% семей в месяц зарабатывают не более 30 тыс. пакистанских рупий, 18% — от 30 до 40 тыс. пакистанских рупий и 9% имеют доход до 50 тыс. пакистанских рупий в месяц[26].

Необходимо также отметить и то, что власти Пакистана принимают меры, направленные на урегулирование статуса и поддержку религиозных меньшинств в стране. Имеются и соответствующие примеры в различных сферах. Развивается законодательство, регулирующее многие аспекты жизни конфессиональных групп. В марте 2017 г. был принят общенациональный Закон об индусских браках, который заменил устаревшие

[26] Пакистанская Национальная комиссия по правам человека приводит указанные данные со ссылкой на социологическое исследование в рамках проекта «Pakistan Partnership Initiative», посвященное проблемам христианской молодежи в стране (Challenges of Christian Youth in Pakistan — People's perspective. URL: https://ppicollaboration.org/uploadedstuff/user/1313755526Challenges%20of%20Christian%20Youth%20in%20Pakistan%20-%20People_s%20Perspective.pdf (дата обращения: 18.03.2023).

законодательные акты колониального периода[27]. В начале 2019 г. Верховный суд Пакистана вынес постановление о признании официальными документов регистрации христианских браков[28]. Ведется работа по формированию базы законов для пакистанских христиан, однако процесс постоянно затягивается. Аналогичный закону об индусских браках проект о браках и разводах христиан был внесен в 2019 г. в парламент, однако информации о принятии этого документа либо о других его движениях, например о направлении на доработку, не было. В ноябре 2019 г. в СМИ отмечалось, что законопроект «завис» в процессе согласования. Поводом к тому стало отсутствие консенсуса между собой основных ответственных министерств (по правам человека и юстиции, которые «перекидывают» документ) и ряда христианских организаций, из которых особенно выделялись пакистанские католики (одна из крупнейших христианских групп в стране). У последних вопросы вызвали положения о разводе[29]. В феврале 2021 г. занимавшая тогда пост министра по правам человека Ш. Мазараи заявила, что правительство подготовило упомянутый проект закона о браках и разводах христиан, подтвердив при этом сохраняющиеся у «заинтересованных сторон» вопросы, которые «необходимо решить»[30].

Отдельно следует отметить сюжет с Актом о разводе 1869 г. Этот созданный колониальными властями Британской Индии документ (в частности, его раздел 7) предусматривал, что индийские (того времени) суды в делах о разводах христиан будут применять соответствующий английский закон. При М.Зия-уль-Хаке в 1981 г. этот раздел был отменён. В 2017 г. Высокий суд Лахора признал отмену 7 раздела неконституционной (решение по делу

[27] An Act to provide for solemnization of marriages by Hindu families and for matters ancillary and incidental thereto // The Gazette of Pakistan. 22.03.2017. URL: http://www.na.gov.pk/uploads/documents/1491458181_468.pdf (accessed: 10.12.2021).

[28] Mirza Jaffer A. Religious Minorities in 'Naya Pakistan'.The Diplomat. 16.03.2020. URL: https://thediplomat.com/2020/03/religious-minorities-in-naya-pakistan/ (accessed: 10.12.2021).

[29] Christian Marriage and Divorce Bill caught between feuding ministrie s// The Dawn. 9.11.2019. URL: https://www.dawn.com/news/1514913 (accessed: 26.09.2022); Christian Marriage and Divorce Act 2019 — a long awaited legislation The daily Times. 4.09.2019. URL: https://dailytimes.com.pk/459454/christian-marriage-and-divorce-act-2019-a-long-awaited-legislation/ (accessed: 26.09.2022).

[30] Christian marriage and divorce bill ready in Pakistan. Union of Catholic Asian News. 19 February 2021. URL: https://www.ucanews.com/news/christian-marriage-and-divorce-bill-ready-in-pakistan/91467 (accessed: 01.03.2023).

Амин Масих против Государства Пакистан[31]), вследствие чего действие Акта о разводе по данному вопросу было восстановлено в полном объеме. Таким образом создалась неоднозначная с правовой точки зрения ситуация, при которой в отношении пакистанских граждан-христиан было возобновлено действие нормативного правового акта теперь уже другого государства[32].

Законы о браках для отдельных религиозных меньшинств принимались и в ряде провинций Пакистана. В их числе следует упомянуть закон об индуистских браках, принятый в провинции Синд в 2016 г., и закон о сикхских браках, принятый в провинции Панджаб в 2018 г. (последний документ — единственный нормативный правовой акт, регулирующий вопросы брачных отношений для сикхской общины).

Как правило, большое значение уделяется решению Верховного суда Пакистана, вынесенному в июне 2014 г. В указанном документе содержится ряд предписаний в адрес пакистанских властей, касающихся религиозных меньшинств, в том числе о создании национального совета по правам религиозных меньшинств и формировании специальной целевой группы в целях защиты мест отправления культа немусульманских конфессий[33]. В отношении совета было отмечено, что его функция должна заключаться в наблюдении за практической реализацией прав и гарантий, предоставляемых пакистанским религиозным меньшинствам в соответствии с пакистанским законодательством. Предполагалось также, что данный орган будет заниматься разработкой политических рекомендации по охране и защите прав меньшинств провинциальными и федеральными правительствами. Наряду с этим в решения суда были включены указания федеральным и провинциальным правительствам о выделении для представителей религиозных меньшинств квот на работу во всех подразделениях государственной службы. Также была отмечена необходимость разработки учебных программ для продвижения культуры религиозной и социальной терпимости.

[31] Ameen Masih v. Federation of Pakistan.

[32] Исследователи уделяют внимание данному вопросу. Подр. см., например, M. Z. Abbasi. Christian Divorce Law in Pakistan: Past, Present and Future. Cambrdge Law Review. 2019. URL: https://www.academia.edu/39990354/Christian_Divorce_Law_in_Pakistan_Past_Present_and_Future_Cambridge_Law_Review (accessed: 28.03.2023).

[33] SC orders formation of national council for minorities' rights// The Dawn. 14.06.2014. URL: https://www.dawn.com/news/1113777 (accessed: 28.03.2023).

Все названные меры были вынесены в подробном решении суда в отношении подрыва террористом-смертником в церкви в Пешаваре в 2013 г., в результате которого погибло 80 человек, а также распространенных угроз в адрес племени калашей, а также исмаилитов в округе Читрал.

В ноябре 2019 г. Пакистан открыл картапурский коридор протяженностью около 4 км от пакистано-индийской границы до одной из самых важных святынь сикхов — Гурудвара Данбар Сахиб в Панджабе (место, где основатель вероучения Гуру Нанак провел последние 18 лет своей жизни), для прохода по которому посещающим храм сикхам из соседней страны не требуются визы. Официальная церемония открытия коридора прошла при участии занимавшего тогда пост премьер-министра Пакистана И. Хана и главы индийского правительства Н. Моди.

Сигналы о намерении уделять внимание положению религиозных меньшинств Пакистана подают и нынешние власти. В июне 2022 г. премьер-министр Пакистана Ш. Шариф одобрил создание целевой группы из 23 действующих и бывших парламентариев и сенаторов, которая будет отслеживать соблюдение прав религиозных меньшинств. Показательно, что руководителем был объявлен Рамеш Кумар Ванквани, куратор Пакистанского индуистского совета[34].

В декабре 2022 г. Ш. Шариф, выступая на мероприятии, посвященном празднованию католического Рождества, заявил о том, что готовится проект закона о создании Национальной комиссии по правам меньшинств[35].

Можно согласиться с часто звучащей оценкой подобных мер, называющей их в большей степени формальностью и демонстративными жестами, не имеющими заметного воплощения на практике, поскольку пока продолжает сохраняться дискриминация религиозных меньшинств на практике, в повседневной жизни. Безусловно, в этой области сохраняется ряд вызовов для пакистанских властей, в том числе со стороны радикальных исламистов. Но в то же время представляется, что для формирования

[34] PM Shehbaz approves constitution of task force to oversee implementation of minority rights. The Dawn. 19 June 2022. URL: https://www.dawn.com/news/1695626 (accessed: 28.03.2023).

[35] National Minority Commission draft ready: PM. Business Recorder. 23.12.2022/ URL: https://www.brecorder.com/news/40216176 (accessed: 28.03.2023).

межконфессиональных отношений требуется создание базы нормативных правовых актов соответствующей направленности. Небесполезными будут и демонстративные жесты со стороны высшего руководства страны. Важными будут усилия по реализации на практике толерантного отношения между всеми конфессиями в стране. Эффективное сочетание формальных и практических мер по содействию созданию многоконфессионального общества будет способствовать подлинному формированию такой модели.

Заключение

В Пакистане сохраняются проблемы в сфере укрепления и защиты прав религиозных меньшинств. Основаны они как на взаимоотношениях между конфессиями страны в новый период истории страны, так и сформированы унаследованными от предыдущих периодов комплексами восприятия друг друга. Всё это находит отражение и на уровне бытового взаимодействия между представителями этих религий.

Следует отметить и усилия пакистанских властей на данном направлении. Однако пока они, в том числе в силу ограниченности воздействия по степени и времени, не показали высокую эффективность. Нельзя исключать и то, что подобные жесты изначально могли планироваться именно как демонстрационные. Наряду с этим представляется маловероятным, что на современном этапе борьбы за власть между основными политическими силами Пакистана, осложненной разворачивающимся противостоянием с пакистанскими талибами, вопросы, напрямую относящиеся к религиозным меньшинствам и затрагивающие их положение, станут одним из основных в политической повестке дня Пакистана. Фактически политическая дискуссия идет по другим направлениям. Другое дело, что снижению угроз безопасности немусульманским общинам нынешняя кризисная ситуация способствовать не будет.

И. Н. Серенко *

Российско-пакистанские отношения в современных реалиях усиления региональной интеграции

Резюме. В данной статье рассматривается общность стратегических интересов России и Пакистана в развитии многоплановых межгосударственных отношений в сложных условиях глобальной трансформации с учетом включенности этих государств в региональную интеграцию на обширном евразийском пространстве. Выявлено, что вовлеченность Москвы и Исламабада в интеграционные процессы с дружественными региональными странами детерминирует перспективы их долгосрочного сотрудничества как в двустороннем, так и в многостороннем форматах.

Ключевые слова: «Азиатское возрождение», евразийская интеграция, встречи стран-соседей Афганистана, СВМДА, ЕАЭС, ШОС

Russia-Pakistan Relations in Current Realities of Regional Integration Enhancement

Abstract: *This article studies the shared strategic interests of Russia and Pakistan in the development of multidimentional bilateral relations in the tough realities of global transformation in view of these states inclusion in regional integration on the vast Eurasian area. It has been revealed that Moscow and Islamabad involvement in integration processes with friendly regional countries determines the prospects of their long-term cooperation both in bilateral and multilateral formats.*

* Серенко Ирина Николаевна – кандидат педогагических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0002-4949-254X

Keywords: *"Asian renaissance", Eurasian integration, Meetings of Afghanistan neighbor-countries*

Новая внешнеполитическая концепция Российской Федерации (2023) нацелена на «неприятие гегемонии в международных делах», на выстраивание многополярного мира в сложных условиях кризиса глобального миропорядка, который отмечен нарастанием беспрецедентной антироссийской агрессии США и их союзников, развязавших гибридную войну против России с использованием украинского плацдарма для сохранения своего глобального доминирования[1]. Основные положения обновленной внешней политики РФ, в частности, предусматривают развитие широкого партнерства России как «самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евротихоокеанской державы» с дружественными ей странами на всем евразийском континенте для преобразования «Евразии в единое общеконтинентальное пространство мира, стабильности, взаимного доверия, развития и процветания» с учетом национальных интересов и взаимовыгодного сотрудничества всех вовлеченных в многоплановые интеграционные процессы участников[2].

Примером такого межгосударственного взаимодействия, несмотря на сохраняющиеся сложные условия глобальной экономической и политической трансформации, могут служить расширяющиеся российско-пакистанские связи. Между Россией и Пакистаном, как регионально близкими государствами, просматривается сохранение внешнеполитического курса Москвы и Исламабада на реализацию евразийских интеграционных процессов, учитывающих их национальные интересы и безопасность, включая общую заинтересованность сторон в урегулировании совместными усилиями ситуации в Афганистане для подключения последнего к многочисленным взаимовыгодным региональным проектам.

В послании Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию 21 февраля 2023 г. было, в частности, указано на

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) — Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 16.04.2023).

[2] Там же.

необходимость «расширять перспективные внешнеэкономические связи и выстраивать новые логистические коридоры», уделяя особое внимание развитию международного коридора Север–Юг, который «откроет новые маршруты для делового сотрудничества с Индией, Ираном, Пакистаном, странами Ближнего Востока», вовлеченными в процессы евразийской многоплановой взаимосвязанности[3]. Примечательно, что в ряду озвученных российским президентом государств Пакистан, долгое время находившийся в тени своего могущественного соседа и соперника Индии, которую с Москвой связывают давние отношения привилегированного партнерства, стал рассматриваться российским руководством без постоянной оглядки на Дели.

Надо отметить, что Россия и Пакистан стремятся продолжать начавшийся в последние годы конструктивный диалог на двусторонней и многосторонней основе, включая формат такой евразийской организации, как ШОС[4]. Не прекращается взаимодействие сторон и по линии регионального партнера ШОС–Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), трансформировавшегося за 30 лет своего существования из международной дискуссионной площадки в полноценную организационную структуру. Все государства–члены ШОС входят в эту дополняющую ее региональную организацию, которая, в свою очередь, сотрудничает и с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС)[5].

Очередной саммит лидеров государств-членов ШОС состоялся в Самарканде 15–16 сентября 2022 г. в расширенном составе. На его площадке были проведены двусторонние и многосторонние встречи руководителей России и Пакистана, направленные на поддержание дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества государств-партнеров в векторе евразийской интеграции. Вполне правомерным представляется утверждение о том, что взаимодействие Москвы и Исламабада определяется «жизненно важными долгосрочными стратегическими интересами этих

[3] Послание Президента Федеральному Собранию • Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565 (дата обращения: 16.04.2023).

[4] Serenko I. N. Russia-Pakistan Interaction in the Framework of SCO // Eastern analytics, 2022. Issue 1. P. 36–47.

[5] Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia (CICA). URL: https://s-cica.org/ (дата обращения: 19.03.2023).

двух регионально близких государств, принадлежащих к крупнейшему в мире евразийскому континенту»[6]. Президент РФ В. В. Путин в ходе встречи «на полях» Самаркандского саммита, проведенной с премьер-министром Пакистана Шехбазом Шарифом 15 сентября 2022 г., в частности, отметил, что Пакистан является «одним из наших приоритетных партнеров и в Юго-Восточной Азии, и в Азии в целом. Отношения между нашими странами складываются в абсолютно позитивном ключе»[7]. Неудивительно, что в качестве важного внешнеполитического направления руководством двух стран выдвигается необходимость включенности в интеграционные процессы на обширном евразийском пространстве. В ходе совместной встречи главы государств обсуждали широкий круг вопросов, включая развитие транспортно-логистических коридоров, энергетические маршруты поставок газа, в том числе через магистральный газопровод «Пакистанский поток» (МГП ПП) с перспективой его подключения к МГП Туркменистан-Афганистан–Пакистан–Индия (МГП ТАПИ), который должен обеспечить взаимосвязанность энергетической инфраструктуры Центральной и Южной Азии. Внимание сторон было также уделено возможности поставок трубопроводного газа из России с использованием уже имеющейся необходимой инфраструктуры в Казахстане и Узбекистане, а далее через Афганистан — в Пакистан. Премьер-министр Пакистана Шехбаз Шариф подтвердил приверженность страны тесному сотрудничеству с Россией на афганском треке, в области обороны и безопасности, а также по другим направлениям двустороннего сотрудничества, включая торговлю, транспорт, энергетику, инвестиции и т.д.

Понятно, что реализация этих и других масштабных региональных проектов требует от всех задействованных в них участников достижения совместными усилиями на афганской территории мира, безопасности и стабильности. Так, на состоявшейся в Самарканде 13 апреля 2023 г. четвертой министерской встрече стран-соседей Афганистана, в которой приняли участие руководители внешнеполитических ведомств Ирана, Китая, Пакистана,

[6] Серенко И. Н. Россия и Пакистан в продвижении процессов евразийской интеграции //Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 4. Т. 2. С. 95.

[7] Встреча с премьер-министром Пакистана Шехбазом Шарифом. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69355 (дата обращения: 18.03.2023).

России, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, все заинтересованные в решении афганской проблемы стороны подтвердили необходимость создания совместными усилиями условий для «мирного, единого, суверенного и независимого государства, свободного от угроз терроризма и наркотрафика», его подключения к крупным международным транспортно-энергетическим, коммуникационным и другим реализуемым соседними странами проектам для активизации социально-экономического развития афганского государства, его интеграции в региональную и мировую экономику[8]. Примечательно, что «на полях» этого важного мероприятия состоялись также переговоры главы российского внешнеполитического ведомства С. В. Лаврова с Государственным министром иностранных дел ИРП Хиной Раббани Хар. В ходе беседы основное внимание участников было уделено состоянию двусторонних отношений, укреплению конструктивного сотрудничества в борьбе с терроризмом. Обсуждались также проблемы региональной и международной повестки, успешное взаимодействие России и Пакистана на различных многосторонних площадках, включая ООН и ШОС. Между сторонами была достигнута договоренность о дальнейшем расширении российско-пакистанских отношений, включая афганский вектор взаимодействия[9].

Как показывает анализ истории экономических процессов в Пакистане, для этой развивающейся страны всегда был характерен «постоянный острый дефицит накоплений», необходимых для инвестирования в экономику и обеспечивающих ее поступательное развитие, что определяло финансовую зависимость государства от притока средств извне[10]. Привлечение иностранных инвестиций в различные отрасли пакистанской экономики по-прежнему остается актуальным пунктом в современной повестке развития государства, особенно на фоне разразившихся

[8] Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. URL: https://mfa.uz/ru/press/news/2023/samarkandskaya-deklaraciya-chetvertoy-vstrechi-ministrov-inostrannyh-del-sosednih-s-afganistanom-gosudarstv—-33790 (дата обращения: 16.04.2023).

[9] О переговорах Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова с Государственным министром иностранных дел Исламской Республики Пакистан Х. Р. Кхар — Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1863426/ (дата обращения: 16.04.2023).

[10] Каменев С. Н. История экономических процессов в Пакистане (XX - начало XXI в.). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2019. С. 273.

в стране политического, конституционного и экономического кризисов, приближающих страну к дефолту. Вместе с тем выгодное геостратегическое положение Пакистана, расположенного на стыке сухопутных и морских путей в Южной и Центральной Азии, определяет востребованность этого государства в масштабах не только регионального, но и общемирового хозяйства, открывая возможности инклюзивного развития транспортной системы страны с привлечением зарубежных инвестиций для ее модернизации и интеграции в различные международные транспортные коридоры. В их ряду флагманским является Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК, 2015), создаваемый в рамках китайской стратегии «Один пояс — один путь» (2013), позже переименованной в «Инициативу Пояса и Пути» (ИПП, 2016). Она вполне соотносится с российской концепцией ЕАЭС (2015) с перспективой формирования «Большого евразийского партнерства» (БЕП), и потому, по мнению отечественных экспертов, участие РФ в реализации проектов ИПП, несмотря на имеющиеся риски, «и обязательно, и неизбежно. Этот исторический, хозяйственный и геополитический шанс необходимо использовать»[11], в том числе с опорой на потенциал транспортного сотрудничества в формате Россия — Центральная Азия — Китай[12]. Причем Пакистан в этом контексте можно рассматривать в качестве потенциального партнера России по БЕП. Их транспортно-энергетическое сотрудничество в условиях усиления региональной интеграции «отвечает интересам обеих стран, гармонизируя сопряженность реализуемых ими проектов ЕАЭС/БЕП и КПЭК/ИПП»[13].

При этом извлечь из формирующейся взаимосвязанности азиатских государств определенную выгоду для себя не

[11] Семенова Н. К. Разница потенциалов РФ и КНР как фактор риска в реализации совместных транспортных коридоров// Глава 1.13. Колл. монография «Актуализация транспортной стратегии России как необходимое условие обеспечения экономического прорыва и национальной безопасности страны на этапах геополитического противостояния»/ под науч. ред. Васильева С. Н., Суслова В. И., Кузьмичева И. К., Гончаренко С. С. и др. Н.-Новгород: Волжский государственный университет водного транспорта, 2023. Часть 1. С. 226.

[12] Аристова Л. Б., Семенова Н. К. Геополитический шанс России: транспортная система в формате РФ — КНР — Центральная Азия. Изд. 2-е испр. / отв. ред. Салицкий А.И. М.: ИВ РАН, 2018. С. 162.

[13] Транспорт стран Востока: коллективная монография /Ин-т востоковедения РАН, Отд. экон. исслед.; отв ред., сост., предисл., послесл. И. Ю. Авдаков, А. В. Акимов. М.: ИВ РАВН, 2022. С. 200.

оставляют и западные страны, главным образом в ущерб России. Так, например, Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) выразил готовность инвестировать миллиарды евро в развитие маршрутов грузовых перевозок между Европой и Азией в обход РФ. Как известно, большая часть железнодорожных грузоперевозок осуществляется из Китая в Европу через территорию России по Северному коридору. Однако западные санкции против Москвы, введенные в результате российской военной спецоперации (СВО) на Украине, заставили бизнес искать альтернативные ему маршруты грузовых потоков. К их числу относится Средний коридор (Транскаспийский железнодорожный транспортный маршрут). Осуществляемые по нему грузовые перевозки начались относительно недавно, в 2018 г., пролегая через страны Центральной Азии, Азербайджан и Черноморского побережья. Данный маршрут является более затратным по сравнению с Северным коридором и способен обслужить только 5% железнодорожных транзитных контейнерных перевозок ЕС-Китай. При этом, по заверениям главы евродипломатии Жозепа Борреля, Брюссель выстраивает свои связи с Центральной Азией «не за счет других государств», а лишь из уважения и поддержания стремления «центральноазиатских партнеров отказаться от зависимости какого-либо одного международного партнера, независимо от его истории и географического положения»[14], явно намекая на Россию с ее глубокими историческими корнями и географической близостью с бывшими советскими республиками. Но в этом их единстве с общей исторической социокультурной памятью и скрыт потенциал эффективного сотрудничества дружественных государств в новых исторических реалиях глобального противостояния для поддержания совместными усилиями мира и стабильности в регионе.

Проблемы мира, безопасности и стабильности в Азиатском регионе были в центре внимания и участников шестого саммита СВМДА, проходившего 12–13 октября 2022 г. в столице Казахстана Астане, где российский Президент В. В. Путин подчеркнул «весьма заметную, если не ключевую роль» Азии

[14] Central Asia offered billions of euros for cargo routes bypassing Russia URL: https://www.dawn.com/news/1721759/central-asia-offered-billions-of-euros-for-cargo-routes-bypassing-russia (accessed: 21.03.2023).

в выстраивании современного многополярного мира[15]. Здесь он вновь встретился с пакистанским премьером Шехбазом Шарифом. Их встреча состоялась сразу после того, как Генассамблея ООН под давлением США приняла 12 октября 2022 г. подготовленную западными странами антироссийскую резолюцию, не признающую проведенные 23–27 сентября 2022 г. референдумы в ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областях. При этом Пакистан оказался среди 35 воздержавшихся при голосовании государств[16].

Надо сказать, что последовательность проводимой пакистанским руководством политики нейтралитета в российско-украинском конфликте, спровоцированном США и их западными союзниками, проявилась при голосовании всех шести антироссийских резолюций ГА ООН по Украине, инициированных коллективным Западом с момента начала Москвой 24 февраля 2022 г. СВО, включая последнюю из них (от 23 февраля 2023 г.). Она была подготовлена западными странами к годовщине начала военной спецоперации на Украине с требованием незамедлительного вывода российских войск с ее территорий. Наряду с Индией и Китаем Пакистан оказался в списке 32 воздержавшихся при голосовании государств[17]. В ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Пакистана Билавалом Бхутто-Зардари по итогам состоявшихся 30 января 2023 г. в российской столице официальных переговоров глава МИД РФ С. В. Лавров выразил признательность «пакистанским друзьям за их объективную взвешенную позицию по вопросам, которые под предлогом украинского кризиса вбрасываются в повестку дня международных организаций»[18].

[15] Саммит Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) URL: http://kremlin.ru/events/president/news/69587 (дата обращения: 21.03.2023).

[16] PM Shehbaz meets Putin after UNGA votes against Russian annexations in Ukraine URL: https://www.aajenglish.tv/news/30301119/pm-shehbaz-meets-putin-after-unga-votes-against-russian-annexations-in-ukraine (accessed: 21.03.2023).

[17] Pakistan abstains from voting on Ukraine resolution. URL: https://www.dawn.com/news/1738992 (accessed: 21.03.2023).

[18] Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Исламской Республики Пакистан Б.Бхутто-Зардари по итогам переговоров, Москва, 30 января 2023 года — Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1851133/ (дата обращения: 21.03.2023).

Стоит напомнить, что в сложных условиях начала СВО на Украине пакистанское правительство во главе с тогдашним премьер-министром Имран Ханом (2018–2022), официальный визит которого в Москву проходил 23–24 февраля 2022 г., попыталось проявить определенную степень независимости во внешнеполитическом курсе на российско-украинском направлении. Она была выражена в отказе Пакистана безоговорочно осудить Москву за ее действия на Украине, несмотря на оказываемое в этой связи давление на Исламабад со стороны США и их союзников. В конечном итоге это, как представляется, стало одной из причин отстранения от власти «непослушного» премьера в результате спровоцированного, не без внешней поддержки апрельского конституционного кризиса в Пакистане, который позже перерос в затяжной политический, а затем и глубокий экономический, продолжающийся в стране по сей день[19]. В стране наблюдаются кризисные явления замедления темпов экономического развития, галопирующей инфляции, обвала национальной валюты, роста бедности, безработицы, внешнего долга и скатывания страны к дефолту[20].

Анализируя сложную внутреннюю ситуацию в государстве, пакистанские эксперты правомерно указывают на ряд способствовавших этому объективных факторов, акцентируя при этом внимание на обстоятельствах внешнеполитического характера. Утверждая, что после «инкриминируемой США операции по смене режима, свергнувшей демократически избранное правительство большинства, страна глубоко погрузилась в экономический и политический кризисы и нестабильность», они выделяют следующие основные вызовы, с которыми приходится сталкиваться государству: «нестабильный Афганистан является источником терроризма не только внутри Пакистана, но и в регионе, диктат МВФ и шантажирующее давление со стороны ФАТФ сделало Пакистан внутренне уязвимым. Чрезвычайное внешнее давление и нажим со стороны США с целью втянуть Пакистан в американо-натовскую политику сдерживания и использовать

[19] Серенко И. Н. Реакция в Пакистане на российскую спецоперацию в Украине // Восточная аналитика. 2022. № 2. С. 42–49.

[20] Белокреницкий В. Я. Экономические причины обострения внутриполитической ситуации в Пакистане // Восточная аналитика. 2022. № 4. С. 100–112.

пакистанскую территорию против Афганистана, Китая, Ирана и России, а также для контроля над регионом в целом»[21].

К сожалению, начавшееся динамичное сближение между Пакистаном и Россией, которое наблюдалось в период правления правительства Имран Хана, стремившегося к укреплению пакистано-российских отношений на дружественной и конструктивной основе, не получило столь же стремительного развития с приходом к власти 11 апреля 2022 г. нового правительства, представленного альянсом политических партий Пакистанского демократического движения (ПДД) во главе с Шехбазом Шарифом. На начальном этапе его внешнеполитической повестки российская составляющая фактически отошла на второй план с учетом введенных международных санкций в отношении России и продолжавшегося давления на Пакистан осудить действия российского руководства на Украине. Показательно, что свой первый официальный визит в статусе министра иностранных дел нового правительства Б. Бхутто-Зардари совершил по приглашению вашингтонской администрации 18–19 мая 2022 г. в США. Его встреча с американским госсекретарем Энтони Блинкеном состоялась «на полях» проходившего в Нью-Йорке форума по продовольственной безопасности, проводимого США совместно с ООН[22]. Главной целью этого визита было восстановление отношений Исламабада с Вашингтоном, резко ухудшившиеся при экс-премьере Имран Хане, который выступал за активизацию взаимодействия с Москвой для обеспечения продовольственной и энергетической безопасности более 220 млн. населения Пакистана (в первую очередь за счет российских поставок пшеницы и энергоносителей по льготным ценам), а также за достижение совместными усилиями мира и стабильности в регионе Южной и Центральной Азии, включая постамериканский Афганистан.

Думается, что выравнивание внешнеполитического курса Исламабада на Вашингтон, способствовало определенному смещению приоритетов во внешней политике Пакистана. Этим, очевидно, объясняется и перенос на январь 2023 г. очередного, 8-го, заседания Российско-пакистанской межправительственной

[21] Dr. Zainab Ahmed, Engr. Hasnain Reza Mirza. Place and role of Pakistan in global and regional affairs // Восточная аналитика. 2022. № 4. С. 93. 86–98.

[22] In maiden official visit to US, FM Bilawal holds 'productive' meeting with Blinken. URL: https://www.dawn.com/news/1690305 (accessed: 17.03.2023).

комиссии (МПК) по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, которое ранее было запланировано на осень 2022 г. Правда, оно, хотя и с опозданием, все же состоялось 18–20 января 2023 г. в пакистанской столице Исламабаде. Стороны подтвердили свою приверженность прочному и всеобъемлющему взаимодействию в сферах энергетики, транспорта и логистики, промышленности, сельского хозяйства, банковского дела и таможни, информационных технологий, высшего образования и науки, а также борьбы с терроризмом и наркотрафиком во благо двух стран и всего региона[23]. Таким образом, возникшая с приходом к власти правительства Шехбаза Шарифа пауза некоей неопределенности в двусторонних отношениях все же была прервана сторонами благодаря осознанию ими общности своих стратегических интересов в свете постепенного смещения мировых политических и экономических центров развития в Азию на фоне зарождения новой модели сотрудничества, основанной на принципах равноправия и многополярности мироустройства.

Проблемы и потенциальные возможности развития российско-пакистанских отношений были в центре внимания участников международной научной конференции «Исламская Республика Пакистан: проблемы и перспективы развития (к 75-летию независимости)», состоявшейся 26 сентября 2022 г. в Институте востоковедения РАН. На базе этой научно-аналитической площадки состоялся плодотворный обмен мнениями между российскими и пакистанскими сенаторами, дипломатами и учеными по широкому спектру вопросов, связанных с внутренним положением в Пакистане, местом ИРП на международной арене в динамике непростых реалий формирования многополярного мира и перспектив взаимодействия с соседними государствами региона (Афганистан, Индия, Иран, Китай, Турция), включая Россию[24].

[23] Совместное заявление 8-го заседания Российско-Пакистанской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. URL: https://minenergo.gov.ru/en/node/23946 (дата обращения: 17.04.2023).

[24] Серенко И. Н. Международная научная конференция «Исламская Республика Пакистан: проблемы и перспективы развития (к 75-летию независимости)». Хроника. // Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 3. С. 132–149.

В своей вступительной речи на данном форуме посол Исламской Республики Пакистан в РФ Шафкат Али Хан, давая оценку двусторонним пакистано-российским отношениям, с удовлетворением отметил их возрастающую траекторию, которая, по его мнению, не только позитивна, но и безупречна и не зависит от смены правительств[25]. При этом почетный спикер, глава высокопоставленной пакистанской сенатской делегации, председатель Постоянного комитета Сената Пакистана по правам человека, сенатор Валид Икбал подчеркнул необходимость дальнейшего развития многопланового сотрудничества между Пакистаном и Россией, выразил признательность и благодарность России за оказанную ею поддержку по вступлению Пакистана в ШОС. Он отметил важность реализации совместных пакистано-российских соглашений, включая флагманский двусторонний проект магистрального газопровода «Пакистанский поток», что, по его оценке, позволит поднять двусторонние отношения на новый уровень. Упомянув в выступлении идею своего деда, известного пакистанского поэта, философа и «духовного отца Пакистана» Аллама Мухаммада Икбала, о неизбежности «азиатского возрождения», сенатор подчеркнул, что оно невозможно без России[26].

Российско-пакистанская проблематика в контексте региональной интеграции обсуждалась также и на представительной международной конференции «Пакистан и меняющийся глобальный миропорядок». Этот форум проходил 14–15 декабря 2022 г. в Карачи на площадке старейшего аналитического центра ИРП — Пакистанского Института международных отношений (Pakistan Institute of International Affairs — PIIA), отметившего свой 75-летний юбилей со дня основания. В нем приняли участие более 200 представителей дипломатических, сенатских, научных кругов из Великобритании, Индии, Китая, Непала, Пакистана, США,

[25] High level parliamentary delegation participates in Int'l conference on 75th anniversary of Pakistan in Moscow. URL: https://islamabadpost.com.pk/high-level-parliamentary-delegation-participates-in-intl-conference-on-75th-anniversary-of-pakistan-in-moscow/ (accessed: 21.03.2023).

[26] Walid Iqbal, Senator, Chairman of the Senate Standing Committee on Human Rights (Pakistan). Address to the International Conference at the 75th Anniversary of Pakistan`s Independence. 26th September 2022. Institute of Oriental Studies. Russian Academy of Sciences.//Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 3. С. 150–152.

Шри-Ланки и России, включая сотрудников ИВ РАН и автора данной статьи. В выступлении почетного гостя данной конференции сенатора Мушахида Хуссейна, председателя Постоянного комитета Сената Пакистана по обороне, также была выражена мысль о происходящих серьезных изменениях в глобальном балансе сил, смещении политической и экономической активности в Азию как свидетельство претворения в жизнь мечты Аллама Мухаммада Икбала об «азиатском возрождении», где Пакистану отводится важная роль благодаря его выгодному стратегическому положению. Выступая в качестве почетного спикера и модератора заключительной части конференции под названием «В поисках глобального мира», им также был отмечен положительный факт продвижения внешней политики пакистанского государства после продолжительного, 42-летнего, афганского кризиса по пути деидеологизации, укрепления связей с Китаем, Россией и странами Центральной Азии в условиях региональной интеграции. Он подчеркнул, что осуществляемая Вашингтоном внешняя политика, особенно после поспешного вывода войск из Афганистана, способствовала снижению авторитета США на Ближнем и Среднем Востоке и в мусульманском мире в целом[27].

Это, однако, на практике не снижает финансовой зависимости Исламабада от Вашингтона и подконтрольных США международных финансовых структур, тем самым сковывая свободу действий Пакистана на внешнеполитической арене, где ему приходится в первую очередь балансировать на американском и китайско-российском направлениях. И в этом контексте вполне оправданными и небезосновательными являются опасения Москвы относительно попыток создания различного рода препятствий со стороны США в развитии плодотворных российско-пакистанских отношений, включая вовлеченность России и Пакистана в энергетическое сотрудничество. Достаточно сказать, что 15 марта 2023 г. на сайте американского посольства в Исламабаде было размещено совместное заявление по американо-пакистанскому диалогу в области энергетической безопасности, состоявшемуся в Исламабаде под председательством помощника госсекретаря США по энергетическим

[27] 75th Anniversary Conference Day 2, Concluding Session 'Seeking Global Peace'. URL: https://www.youtube.com/watch?v=GZSkatb6u8o (accessed: 21.03.2023).

ресурсам Джеффри Пайетта и федерального министра энергетики Пакистана Хуррама Дастгир Хана. В нем, в частности, подтверждается взаимная приверженность сторон к переходу на возобновляемые и экологически чистые источники энергии, безопасному и процветающему энергетическому будущему для обеих стран через углубление партнерства на основе американо-пакистанского «Зеленого альянса». В рамках Диалога по энергетической безопасности правительства двух стран взяли на себя новые обязательства по развитию сотрудничества в сфере энергетики для достижения Пакистаном использования до 60% возобновляемых источников энергии к 2030 г.[28] При этом американцы постоянно напоминают Пакистану о необходимости соблюдения потолка цен на нефть при заключении сделок с Москвой.

Вполне очевидно, что активизация усилий США на энергетическом треке взаимодействия с Пакистаном негативным образом сказывается на продвижении российско-пакистанской энергетической повестки сотрудничества. Возможно, с этим связана очередная задержка в подписании российско-пакистанского коммерческого соглашения по МГП «Пакистанский поток», а также отсрочка запланированной на апрель 2023 г. поставки в страну морским путем первой пробной партии российской нефти[29]. Хотя в начавшемся российско-пакистанском сотрудничестве в сфере энергетики Исламабад все же видит возможность в кратчайшие сроки выйти из глубокого энергетического кризиса, заложив при этом на взаимовыгодной основе фундамент своей энергетической безопасности в долгосрочной перспективе благодаря имеющемуся для этого у России огромному потенциалу с выходом Пакистана на региональную транспортно-энергетическую взаимосвязанность. По заявлению министра нефти Пакистана Мусадика Малика, страна ежегодно закупает около 70 млн. баррелей сырой нефти и хотела бы импортировать 35% от ее общего объема из России[30]. Перспектива импорта российской нефти и газа

[28] Joint Statement on U.S.-Pakistan Energy Security Dialogue — U. S. Embassy & Consulates in Pakistan. URL: https://pk.usembassy.gov/joint-statement-on-u-s-pakistan-energy-security-dialogue/ (accessed: 18.04.2023).

[29] Russia frustrated with Pakistan over broken commitments to import oil: Report. URL: https://aninews.in/news/world/asia/russia-frustrated-with-pakistan-over-broken-commitments-to-import-oil-report20230330151752/ (accessed: 18.04.2023).

[30] Pakistan to decide currency for Russia oil trade in March: Musadik

позволит Пакистану, традиционно закупающему энергоносители в Саудовской Аравии и других странах Персидского залива, обрести новый источник в виде российских энергоносителей по доступным ценам.

И все же, несмотря на все имеющиеся вызовы внутреннего и внешнего порядка, пакистанские друзья, по мнению главы МИД РФ С. В. Лаврова, «руководствуются прежде всего своими законными национальными интересами: развитие экономики, обеспечение населения всем необходимым, включая энергию», что вселяет надежду на возможность дальнейшей позитивной траектории в двусторонних отношениях России и Пакистана[31].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наметившаяся интенсификация российско-пакистанских отношений на современном этапе определяется общностью геостратегических интересов Москвы и Исламабада на региональном и глобальном уровне в сложных условиях перехода к многополярному миру со смещением центров экономической и политической активности с Запада в Азию. При этом возрастает стратегическое значение евразийских интеграционных процессов. Вовлеченность в них России и Пакистана совместно с дружественными региональными странами определяет перспективы их долгосрочного многопланового сотрудничества как на двусторонней, так и на многосторонней основе в различных евразийских структурах и объединениях, включая ШОС.

Malik — Pakistan — Business Recorder. URL: https://www.brecorder.com/news/40222600 (accessed: 18.04.2023).

[31] Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Исламской Республики Пакистан Б. Бхутто-Зардари по итогам переговоров. Москва, 30 января 2023 года — Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1851133/ (дата обращения: 21.03.2023).

С. А. Чекалин *

Афганский вопрос в отношениях России и Пакистана

Резюме. В статье анализируется взаимодействие России и Пакистана по афганскому вопросу как одной из проблем, крайне важной с точки зрения обеспечения национальной безопасности каждой из сторон и неизменно представляющей взаимный интерес. Помимо собственно контактов между представителями политического руководства обоих государств на двустороннем и многостороннем уровнях, исследуется влияние афганской повестки на развитие военного и военно-технического, а также торгово-экономического сотрудничества между Москвой и Исламабадом. Автор приходит к выводу, что острота афганского вопроса обеспечивает высокую плотность контактов между различными ведомствами на разных уровнях, однако для качественного улучшения отношений между Россией и Пакистаном необходима должная политическая воля сторон.

Ключевые слова: российско-пакистанские отношения, Пакистан, афганский вопрос, внешняя политика России, Талибан

The Afghan issue in relations between Russia and Pakistan

Abstract. *The article analyzes the relations between Russia and Pakistan regarding the Afghan issue as one of the problems that is highly important in terms of ensuring the national security of the two parties and is always of mutual concern. Besides contacts between the political leadership of the states at the bilateral and multilateral levels, the article examines the impact*

* Чекалин Сергей Алексеевич – магистрант, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. ORCID: 0000-0002-8619-287X

of the Afghan agenda on the development of defenceand also trade and economic cooperation between Moscow and Islamabad. The author concludes that the urgency of the Afghan issue ensures a high density of contacts between various authorities at different levels, with the proper political will of the parties being still needed enough for a qualitative improvement of Russia-Pakistan relations.

Keywords: *Russian-Pakistani relations, Pakistan, Afghan conflict, Russian foreign policy, Taliban*

Афганская проблематика занимает важное место во внешнеполитическом курсе как Российской Федерации, так и Исламской Республики Пакистана (ИРП). Согласно Концепции внешней политики 2016 г., Россия рассматривает ситуацию в Афганистане в качестве «серьезной угрозы» своей национальной безопасности ввиду исходящих с его территории таких вызовов, как терроризм и наркотрафик, а также признает, что нестабильность в этой стране затрагивает интересы безопасности ближайших союзников — государств СНГ[1]. В этой связи для стран Центральной Азии представляются значимыми и такие угрозы, как нелегальная миграция и беженцы, распространение экстремистских идей. При этом Россия намерена предпринимать усилия по реализации своей афганской повестки «во взаимодействии с… другими заинтересованными государствами», к числу которых, безусловно, относится и Пакистан.

Для Пакистана же афганское направление внешней политики с самого момента получения независимости в 1947 г. является одним из ключевых для обеспечения не только внешней, но и внутренней безопасности и стабильности. Согласно документу «Национальная политика по вопросам безопасности на 2022–2026 гг.», в списке внешнеполитических приоритетов выше отношений с Афганистаном стоит лишь кашмирский вопрос[2]. При этом подчеркивается важность эффективного решения афганского вопроса и для развития торгово-экономических связей

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/ (дата обращения: 10.11.2022).

[2] National Security Policy of Pakistan 2022–2026. // National Security Division. 2022. URL: https://onsa.gov.pk/assets/documents/polisy.pdf (дата обращения: 10.11.2022).

Пакистана. Более того, в документе прямо говорится о том, что «Россия, страны Центральной Азии и Пакистан являются также важными партнерами в достижении общих целей по установлению мира и стабильности в Афганистане».

В настоящей статье рассматривается взаимодействие России и Пакистана по различным каналам касательно афганской проблематики. Насколько перспективно сотрудничество в рамках отдельно взятого вопроса, представляющего взаимный интерес, для общей интенсификации российско-пакистанских отношений?

Безусловно, в исторической ретроспективе афганский вопрос, начиная с конца 1970-х годов, играл ключевую роль в отношениях СССР и Пакистана. Исламабад активно продвигал идею о том, что советские войска не остановятся в Афганистане, а продолжат движение дальше к Индийскому океану — таким образом, «жертвой агрессии» станет и Пакистан. Подобный нарратив позволял Пакистану привлекать значительные объемы иностранной помощи[3].

В 1990-е годы пакистано-российские отношения продолжали находиться в кризисном состоянии. После завершения гражданской войны в Таджикистане российское руководство активизировало свою политику в регионе Среднего Востока, сделав ставку, исходя из своих экзистенциальных интересов, на более умеренные силы — кабульское правительство моджахедов (так называемое Исламское Государство Афганистан) во главе с президентом Б. Раббани. Пакистан же, как известно, содействовал выходу на политическую арену радикального Движения Талибан. Негативное отношение Москвы к талибам (начиная от их ультрарадикальных исламистских преобразований и роста наркотрафика, несмотря на заверения запретить его, и заканчивая их поддержкой чеченских боевиков[4], таджикской и узбекской исламистской оппозиции[5]) неизменно проецировалось и на Пакистане как их покровителе.

[3] Haqqani H. Pakistan: between Mosque and Military. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. P. 167.

[4] Anand V. Export of holy terror to Chechnya from Pakistan and Afghanistan //Strategic Analysis. 2000. Vol. 24. № 3. P. 539–551.

[5] Ahrari M. E. China, Pakistan, and the «Taliban Syndrome» //Asian Survey. 2000. Vol. 40. № 4. P. 666–668.

В дальнейшем, пытаясь сыграть роль посредника между талибским Афганистаном и международным сообществом, Пакистан задействовал рычаги многосторонней дипломатии, и в частности способствовал организации переговорного формата «6+2» с участием шести стран-соседей ИЭА, а также России и США[6]. Однако к значимым результатам диалог не привел.

Ввиду присоединения Пакистана в 2001 г. к международной антитеррористической коалиции в Афганистане контакты Исламабада и Москвы стали постепенно активизироваться. Уже тогда стал закладываться базис для консенсуса по афганской проблематике, поскольку искоренение терроризма представляло собой универсальный вызов, затрагивавший все страны мира, а нормализация обстановки в регионе отвечала не только экзистенциальным интересам, но и коэкзистенциальным интересам России и Пакистана (т.е. сохранение и повышение своего авторитета в Центральной Азии соответственно).

В частности, в подписанном по итогам переговоров президента России В. В. Путина и его пакистанского коллеги П. Мушаррафа договоре в рамках весьма успешного государственного визита в Москву в феврале 2003 г. афганский вопрос занимал первое место в списке международных и региональных вопросов, представляющих взаимный интерес[7]. Уже тогда проявилась базовая схожесть подходов: стороны «подчеркнули свою общую заинтересованность в возвращении Афганистана в международное сообщество в качестве единого, суверенного, стабильного, предсказуемого и миролюбивого государства, живущего в гармонии со своими соседями»[8].

В условиях напряженности в отношениях с Вашингтоном в конце 2000-х годов Исламабад прибег к проверенной внешнеполитической стратегии мультилатеризма. Пакистан активно откликнулся на призывы России и других постсоветских государств к расширению сотрудничества: не отказываясь от щедрых объемов военной и экономической помощи со стороны США

[6] Москаленко В. Н. Пакистано-афганские отношения на современном этапе // Ближний Восток и современность: сб. статей. Вып. 30. М., 2007. С. 206.

[7] Состоялись переговоры Владимира Путина и Президента Пакистана Первеза Мушаррафа, находящегося в Москве с трехдневным визитом // Президент России. 05.02.2003. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/28108 (дата обращения: 12.11.2022).

[8] Там же.

и других стран Запада, он имел шанс наконец приступить к практическому решению острых – афганских и своих собственных — проблем: наркотрафик, приток беженцев, экстремизм и т.д.).

Россия и Пакистан, а также Таджикистан и сам Афганистан стали членами «Душанбинской четверки» — форума, инициированного президентом Таджикистана Э. Рахмоном, для обсуждения путей решения проблем Афганистана. По итогам трех встреч на высшем уровне в 2009-2011 гг. был предложен целый ряд мер содействия экономическому восстановлению Афганистана и региональному развитию. Однако уже в 2012 г. формат «четверки» был фактически прекращен по инициативе Москвы. Четвертый саммит отменили, после того как в Исламабад, где он должен был пройти, отказался приехать президент России В. В. Путин ввиду плотного графика[9]. Если же взглянуть на ситуацию более глобально, активное взаимодействие и потенциально большее сближение России и Пакистана могло привести к напряженности в отношениях России и Индии, а следовательно, крену Индии в сторону Запада, что явно не отвечало национальным интересам России.

Учитывая данное обстоятельство, Россия, как представляется, не желая вычеркивать Пакистан из диалога по афганской проблематике, в дальнейшем сделала ставку на многосторонние форматы. В частности, ситуация в Афганистане регулярно обсуждается на площадке Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)[10], где удалось интегрировать и Дели, и Исламабад, и Кабул, выводя при этом противоречия их двусторонних отношений за рамки обсуждения и сосредотачиваясь на вопросах мира и безопасности в регионе. С 2005 г. наблюдателями ШОС стали Пакистан и Индия, а с 2012 г. — Афганистан. С 2017 г. Пакистан и Индия стали полноправными членами организации.

Взаимодействие между Москвой и Исламабадом по афганской проблематике идет и в рамках специализированных механизмов. В частности, они принимают участие в работе форума

[9] Weir F. Russia keeps door open to Pakistan after Putin cancels trip // The Christian Science Monitor. 04.10.2012. URL: https://www.csmonitor.com/World/Europe/2012/1004/Russia-keeps-door-open-to-Pakistan-after-Putin-cancels-trip (дата обращения: 14.11.2022).

[10] Контактная группа «ШОС — Афганистан» // Шанхайская организация сотрудничества. URL: http://rus.sectsco.org/about_sco/20190716/565424.html (дата обращения: 10.11.2022).

«Сердце Азии — Стамбульский процесс», запущенного Анкарой и Кабулом в 2011 г. для обсуждения текущей ситуации с безопасностью в Афганистане и его странах-соседях и сотрудничества в области ее обеспечения. Среди новых форматов, активизированных в период талибско-американских мирных переговоров, и особенно после прихода талибов к власти в августе 2021 г., — встречи в рамках расширенной «тройки» (Россия, США, Китай, Пакистан), «московский формат» переговоров по Афганистану в составе государств-членов ШОС с приглашением представителей Движения Талибан, а также встречи глав МИД стран-соседей Афганистана.

Афганская проблематика так или иначе затрагивается на встречах других — более широких — региональных форумов и организаций, в частности на Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии. На саммите в октябре 2022 г. В. В. Путин заявил, что «одним из острейших вызовов безопасности для нашего региона по-прежнему остается Афганистан»[11] — настолько категоричная формулировка прозвучала у президента России впервые после взятия талибами власти в этой стране в августе 2021 г. А значит, актуальность афганской повестки для внешней политики России во всей Азии не просто не отходит на второй план, а даже нарастает, что автоматически расширяет плоскость соприкосновения с Пакистаном.

Исламабад, активно пользуясь предоставляемыми ему возможностями многосторонней дипломатии, стремится реализовать собственные коэкзистенциальные интересы. В попытке, как и в конце 1990-х годов, стать посредником между талибским режимом и международным сообществом, укрепляя тем самым свою роль на международной арене, руководство ИРП призывает международное сообщество наладить диалог с афганским временным правительством и «не бросать Афганистан». Последовательная работа по легитимации нового афганского режима связана с тем, что, ввиду высокой зависимости от иностранной помощи, Пакистан не имеет возможности пойти на признание Исламского Эмирата Афганистан до того, как это сделают какие-либо крупные державы. Политика же Москвы во многом играет

[11] Саммит Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) // Президент России. 13.10.2022. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/69587(дата обращения: 12.11.2022).

на руку Исламабаду: 31 марта 2022 г. Россия, например, выдала аккредитацию первому дипломату, представляющему талибское правительство[12].

Вместе с тем в последние несколько лет на фоне обострения ситуации в Афганистане наблюдается интенсификация и двусторонних контактов России и Пакистана на высшем и высоком уровнях. Президент РФ В. В. Путин трижды проводил телефонный разговор с премьер-министром ИРП И. Ханом, начиная с августа 2021 г., а 23–24 февраля 2022 г. глава пакистанского правительства встретился с российским лидером в ходе своего рабочего визита в Москву. 15 сентября 2022 г. В. В. Путин провел переговоры с новым премьер-министром Пакистана Ш. Шарифом на полях саммита ШОС. В апреле 2021 г. министр иностранных дел России С. В. Лавров совершил рабочий визит в Пакистан впервые за 9 лет, а после — четырежды встречался со своим пакистанским коллегой Ш. М. Курейши. 30 января 2023 г. с официальным визитом в Россию впервые после своего вступления в должность прибыл новый министр иностранных дел Пакистана Б. Бхутто-Зардари. По словам С. В. Лаврова, на переговорах на министерском уровне стороны «много говорили о ситуации в Афганистане, напрямую связанной с задачей устранения террористических угроз в нашем регионе»[13].

Активный контакт поддерживают и спецпредставители обеих стран по Афганистану. Например, 16 ноября 2022 г. в Москве было проведено четвертое заседание Московского формата по Афганистану, по итогам которого в совместном заявлении была вновь подтверждена позиция всех участников и приверженность «координации региональных усилий по содействию межафганскому национальному примирению, укреплению безопасности и стабильности в регионе»[14].

[12] Москва выдала аккредитацию первому дипломату от правительства талибов // РИА Новости. 31.03.2022. URL: https://ria.ru/20220331/akkreditatsiya-1780991138.html (дата обращения: 12.11.2022).

[13] Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Исламской Республики Пакистан Б. Бхутто-Зардари по итогам переговоров, Москва, 30 января 2023 года // Министерство иностранных дел России. 30.01.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1851133/(дата обращения: 01.02.2023).

[14] О заседании Московского формата консультаций по Афганистану // Министерство иностранных дел России. 16.11.2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1838964/ (дата обращения: 21.11.2022).

Консенсусная — по крайней мере, официальная — позиция сторон при этом заключается не только в общих фразах вроде заинтересованности в мирном, стабильном и процветающем Афганистане, а также в борьбе с терроризмом и наркотрафиком, но и в продвижении ряда конкретных идей[15]. В частности, мирный процесс в Афганистане должен проходить под руководством самого афганского народа, а принимать участие могут все конструктивно настроенные силы, включая талибов. Стороны ратуют за формирование инклюзивного афганского правительства, оказание Афганистану гуманитарной помощи, разморозку всех финансовых активов этой страны[16] и ее встраивание в региональные экономические связи, а также обеспокоены, помимо прочего, проблемами афганских беженцев и противостояния талибов с другими террористическими группировками, включая «Исламское государство».

Единственный пункт, который, как представляется, вызывает некоторое недопонимание между Россией и Пакистаном, это степень влияния последнего на талибов. Москва уверена, что Исламабад по-прежнему обладает сильными рычагами воздействия на талибов и ждет, что ИРП может ими воспользоваться. В частности, в подобном ключе рассуждал В. В. Путин на встрече с Ш. Шарифом на «полях» саммита ШОС в Самарканде в сентябре 2022 г.[17] Такая точка зрения, как правило, учитывая явную напряженность в пакистано-талибских отношениях по ряду причин, не вполне корректна.

[15] См., например, своего рода программные выступления Министра иностранных дел России на встрече глав МИД стран-соседей Афганистана 31.03.2022 (URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1807302/) и Министра иностранных дел Пакистана на встрече глав МИД России, Китая, Пакистана и Ирана на полях саммитов ШОС и ОДКБ 16.07.2021 (URL: https://mofa.gov.pk/joint-statement-on-the-results-of-the-meeting-of-the-foreign-ministers-of-russia-china-pakistan-and-iran-on-the-margins-of-the-sco-and-csto-summits-in-dushanbe/), а также иные регулярные официальные сообщения внешнеполитических ведомств РФ и ИРП.

[16] О проведении заседания расширенной «тройки» в г. Туньси, КНР// Министерство иностранных дел России. 31.03.2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1807891/ (дата обращения: 12.11.2022).

[17] Встреча с Премьер-министром Пакистана Шехбазом Шарифом // Президент России. 15.09.2022. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/69355 (дата обращения: 01.10.2022).

Помимо политического аспекта российско-пакистанских отношений, стоит сказать и о военном и военно-техническом сотрудничестве, отпечаток на которое также наложило развитие ситуации в Афганистане. Как известно, его активизация началась после 2014 г., в частности, исторического визита министра обороны РФ С. К. Шойгу, в ходе которого было подписано рамочное соглашение о сотрудничестве в военной сфере[18]. Недовольство затянувшимся пребыванием контингента НАТО в Афганистане, равно и как опасения насчет очередного витка дестабилизации ситуации в этой стране, побудили Россию, как представляется, отказаться от традиционного подхода смотреть на Южную Азию сугубо сквозь призму российско-индийских отношений. Одним из лейтмотивов как переговоров Шойгу с пакистанским коллегой Х. Асифом[19], так и дальнейших двусторонних и многосторонних контактов по линии оборонных ведомств было обсуждение совместных усилий по борьбе с терроризмом и наркотрафиком, а также незаконным оборотом оружия.

С 2016 г. проводятся ежегодные российско-пакистанские военные учения «Дружба» (в 2022 г. планировавшиеся на осень в Пакистане учения не состоялись, видимо, ввиду иных приоритетов России в области обороны в контексте украинского кризиса, однако в плане мероприятий Минобороны РФ на 2023 г. они вновь значатся[20]). Если проанализировать силы, привлекаемые к учениям, а также задачи, которые ставятся перед ними, можно сделать вывод, что министерства обороны обеих стран рассматривают боевые действия в Афганистане и сопредельных территориях как одну из немногих реальных возможностей совместных операций. Во всех учениях подразделения спецназа отрабатывали взаимодействие, прежде всего в гористой местности, в частности по уничтожению незаконных

[18] Мелехина Н. В. Россия и Пакистан: общие интересы и потенциал двусторонних отношений //Труды Института востоковедения РАН. Вып. 8: Пакистан: история и современные проблемы. М., 2018. С. 22–23.

[19] Pakistan, Russia sign landmark defence cooperation agreement // Dawn. 21.11.2014. URL: https://www.dawn.com/news/1145875 (дата обращения: 14.11.2022).

[20] В Сухопутных войсках спланированы совместные международные учения в 2023 году // Министерство обороны России. 01.01.2023. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12450167@egNews (дата обращения: 01.02.2023).

вооруженных формирований[21], а также методики противодействия терроризму[22].

Нельзя обойти вниманием и экономический аспект пакистано-российских отношений, в котором значительную роль играют инфраструктурные проекты, нацеленные на повышение взаимосвязанности регионов Центральной и Южной Азии, однако при этом неизменно пролегающие через территорию Афганистана. Еще в конце 2000-х годов были предложены такие проекты, как газопровод ТАПИ (Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия), проект CASA-1000 — энергетический коридор из Центральной (Таджикистан, Киргизия) в Южную Азию (Афганистан, Пакистан), автотрасса из Таджикистана в Пакистан через афганский Ваханский коридор и т.п. Исламабад, безусловно, заинтересован в их реализации, исходя из задач собственного социально-экономического развития (например, в стране до сих пор наблюдается недоиспользование промышленного потенциала ввиду нехватки электроэнергии). В «Национальной политике по вопросам безопасности на 2022–2026 гг.» четко указывается, что «потенциал Афганистана как шлюза для экономических взаимосвязей с центральноазиатскими государствами является важнейшим драйвером поддержки Пакистаном мира в Афганистане». При этом налаживание трансафганских коридоров является основой экономической безопасности Пакистана, учитывая ограниченность действий на восточном направлении ввиду «регрессивного подхода Индии»[23]. Данные проекты интересны и для России[24]: во-первых, отечественные компании уже

[21] См. отчеты Министерства обороны РФ. Напр.: Совместное российско-пакистанское тактическое учение «Дружба-2016». URL: https://structure.mil.ru/mission/practice/all/more.htm?id=12096967@egNews; Военнослужащие России и Пакистана прошли курс выживания в рамках совместного учения «Дружба-2017». URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12143765@egNews (дата обращения: 14.11.2022).

[22] «Дружба-2020»: как стартовали крупнейшие военные учения России и Пакистана // Телеканал «Звезда». URL: https://tvzvezda.ru/news/2020119617-ukMcR.html(дата обращения: 14.11.2022).

[23] National Security Policy of Pakistan 2022–2026 // National Security Division. 2022. URL: https://onsa.gov.pk/assets/documents/polisy.pdf (дата обращения: 10.11.2022).

[24] Об этом неоднократно открыто заявляли власти России. См., напр.: Выступление С. В. Лаврова на пленарном заседании международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности», Ташкент, 16 июля 2021 года// Министерство иностранных дел России. 16.07.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/evraziyskaya_economicheskaya_integraciya/1767831/?lang=ru (дата обращения: 12.11.2022).

активно задействуют свои технологии и ресурсы в их реализации, исходя из своих экономических интересов, а во-вторых, Россия тем самым подтверждает, что не собирается «уходить» из Центральной Азии и делает ставку на инклюзивную трансрегиональную интеграцию без деления государств-контрагентов на «удобных» и «неудобных», являясь одним из ее локомотивов (наряду, разумеется, с Китаем).

Однако сегодня реализация данных инфраструктурных проектов идет не самыми быстрыми темпами ввиду прежде всего соображений безопасности на их афганском участке (хотя талибы неоднократно уверяли, что заинтересованы в проектах и готовы обеспечить их безопасность[25]), а также нехватки финансирования и экономическими санкциями, наложенными на ИЭА. Строительство ЛЭП CASA-1000 в Афганистане завершено лишь на 18%, а после прихода к власти в Кабуле талибов было заморожено[26]; прокладка афганского участка ТАПИ пока так и не начата[27]. Что касается новых проектов, например, Трансафганской железной дороги из узбекского Термеза через Мазари-Шариф и Кабул до пакистанского Пешавара (которая может обеспечить прямое ж/д сообщение российских экспортеров с портами Индийского океана), их строительство произойдет, скорее, в «отдаленной перспективе», что признают и российские власти[28].

Если учесть совпадение торгово-экономических интересов России и Пакистана в этой части и немаловажное стремление Исламабада форсировать реализацию указанных проектов[29], то в случае, если удастся гарантировать относительно прочный мир и стабильность в Афганистане, можно прогнозировать

[25] См. напр.: Угроз безопасности газопроводу TAPI больше нет, заявил афганский дипломат // РИА Новости. 13.05.2022. URL: https://ria.ru/20220513/gazoprovod-1788264317.html (дата обращения: 20.11.2022).

[26] Строительные работы CASA-1000. URL: https://www.casa-1000.org/ru/stroitelnye-raboty/#constrprogress_ru(дата обращения: 20.11.2022).

[27] Талибы и Туркменистан обсудили строительство ТАПИ // Afghanistan.ru. 09.06.2022. URL: https://afghanistan.ru/doc/149530.html (дата обращения: 20.11.2022).

[28] Выступление Алексея Оверчука на пленарной сессии Международного экспортного форума «Сделано в России — 2022» // Правительство России. 21.10.2022. URL: http://government.ru/news/46853/ (дата обращения: 20.11.2022).

[29] См., напр.: МГП ТАПИ может продолжить реализацию в ближайшее время // Neftegaz.RU. 03.10.2022. URL: https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/752973-mgp-tapi-mozhet-prodolzhit-realizatsiyu-v-blizhayshee-vremya/ (дата обращения: 20.11.2022).

интенсификацию российско-пакистанского сотрудничества не только в отношении решения политических проблем Афганистана, но и по максимизации использования транзитного потенциала территории этой страны и — на следующем этапе — роста торгово-инвестиционного сотрудничества.

Таким образом, в настоящее время афганский вопрос является одним из столпов российско-пакистанских отношений. Обе страны полагают проблемы, корнем которых является нестабильность в Афганистане, крайне важными для обеспечения собственной безопасности, а участие в решении афганского вопроса — ключом к сохранению (в случае России) или наращиванию (для Пакистана) своей роли в регионе. При этом внутриафганские пертурбации в последние годы обеспечили для не самых интенсивных российско-пакистанских отношений, как представляется, основополагающий компонент для их дальнейшего развития — частоту контактов как на двусторонней основе, так и в многосторонних форматах. Кроме того, взаимодействие по афганской повестке побуждает Россию, образно выражаясь, хотя бы временно снимать «индийские очки», через которые она смотрит на Южную Азию, не зацикливаться на партнерстве с Индией, что, безусловно, благоприятно сказывается на углублении сотрудничества с Исламабадом. Ярким примером этого выступают расширяющиеся связи в военной и военно-технических сферах. Наконец, функциональные торгово-экономические интересы России и Пакистана сходятся в желании использовать транзитный потенциал Афганистана. Пока взаимодействию в этой сфере не хватает практической реализации, причем, помимо стабилизации ситуации в Афганистане, для качественных изменений характера российско-пакистанских отношений необходима должная политическая воля обеих сторон и повышение уровня доверия между контрагентами.

П.В. Топычканов *

Эволюция ядерной политики Пакистана в ответ на изменения региональных вызовов безопасности

Резюме. История пакистанской военной ядерной политики в большинстве исследований рассматривается разделенной на два периода — до и после ядерных испытаний 1998 г. При таком подходе события, предшествующие названной дате, часто представлены как предыстория появления и развития ядерных арсенала и политики Пакистана. Эта статья предлагает не рассматривать данный год в качестве отправной вехи, после которой возникли ядерные арсенал и военная политика Пакистана. В тексте выделяется пять этапов эволюции военной ядерной политики Пакистана, из которых три относятся к периоду до ядерных испытаний, а два — к периоду после. Также отмечаются предпосылки к скорому переходу к шестому этапу, для которого будет характерно оперативное развертывание стратегических сил Пакистана.

Ключевые слова: Индия, Пакистан, Южная Азия, ядерная доктрина, ядерная политика, ядерное оружие

Pakistani Nuclear Policy's Evolution in Responding to Changing Regional Security Challenges

Abstract. *The history of Pakistani military nuclear policy in most studies is considered divided into two periods — before and after the 1998 nuclear tests. With this approach, the events preceding this date are often presented as a prehistory of the*

* Топычканов Петр Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0001-8347-281X

emergence and development of Pakistan's nuclear arsenal and policy. This article proposes not to consider this year as starting point, after which Pakistan's nuclear arsenal and military policy emerged. The text identifies five stages in the evolution of Pakistan's military nuclear policy. Three relate to the period before the nuclear tests, and two to after. The research also highlights the prerequisites for a likely transition to the sixth stage, characterized by the operational deployment of Pakistan's strategic forces.

Keywords: *India, nuclear doctrine, nuclear policy, nuclear weapon, Pakistan, South Asia*

Пакистан возник спустя два года после начала ядерной эры, ознаменованной ядерными ударами, которые США нанесли по японским городам Хиросиме и Нагасаки в 1945 г. Вскоре после получения независимости эта страна начала работы по созданию атомной энергетики без явных признаков развития военной ядерной программы. В процессе развития ядерных арсеналов в мире возник интерес к ядерному оружию и в Пакистане.

В 1960-х годах несколько политических деятелей в этой стране заявили о возможности и неизбежности обретения собственного ядерного оружия в ответ на вероятное появление такового в соседней Индии. Именно к середине 60-х годов относятся слова Зульфикара Али Бхутто, министра иностранных дел в 1963–1966 гг., который возглавил Пакистан в конце 1971 г.: «Если Индия сделает атомную бомбу, нам также придется сделать атомную бомбу, так как у нас не останется другой альтернативы. Ответом на атомную бомбу может быть только атомная бомба»[1]. Спустя более 30 лет после этого заявления Пакистан провел подземные ядерные испытания, чем заявил об обладании ядерным оружием. С этого времени основные усилия страны были обращены на создание надежных и живучих средств сдерживания главного регионального соперника — Индии.

История создания пакистанского ядерного арсенала подробно описана в отечественной и зарубежной научной литературе,

[1] Цит. по: Niazi, K. Last days of Premier Bhutto. Jang Publishers, 1991. P. 55.

в том числе автором этой статьи[2]. В этом тексте представлен анализ доктринальных изменений в военной ядерной политике Пакистана. Многие исследователи начинают отсчет развития ядерной доктрины с 1998 г., когда эта страна провела подземные ядерные испытания. Это представляется частично верным. Ниже предложен альтернативный подход, заключающийся в определении признаков формирования пакистанской доктрины на ранней стадии военной ядерной политики.

Закрытость информации, связанной с усилиями Пакистана по развитию военной ядерной программы, не позволяет построить достоверную хронологию создания ядерного арсенала, особенно до 1998 г., когда, как утверждалось в разведывательных сводках, аналитических работах и свидетельствах дипломатов и политиков из других стран, Пакистан уже имел собранные ядерные боезаряды — так называемую бомбу в подвале. Например, в 2017 г. в интервью посол З. Кабулов, директор Второго департамента Азии МИД России, признал, что в СССР предполагали наличие ядерного оружия в Пакистане еще в 1980-х годах: «Я думаю, что советское руководство осознавало опасность чего-то подобного (военной операции против Пакистана в ответ на его поддержку вооруженного сопротивления советскому присутствию в Афганистане — *П.Т.*), ведь это могло вызвать большую войну и конфликты — у Пакистана уже были ядерные боезаряды. Они еще не провели испытания, но мы уже догадывались»[3].

Слова высокопоставленного дипломата позволяют предположить о том, что уже в 1980-х годах Пакистан осуществлял политику ядерного сдерживания, хотя у него не было ни подтвержденных средств ядерного сдерживания, ни политических и доктринальных заявлений в поддержку такой политики. Есть

[2] Арбатов А. Г., Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Чуфрин Г. И. & Шаумян Т. Л. Ядерное противостояние в Южной Азии. Московский Центр Карнеги, 2005; Сотников В. И. Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях. М., 2003; Khan F. H. Eating grass: The making of the Pakistani bomb (1st ed.). Stanford Security Studies, 2012. URL: https://a.co/d/73Y2haI (accessed: 23.03.2023); Topychkanov P. The experience of India and Pakistan creating nuclear weapons. In V. Kantor (ed.), The limits of secure nuclear tolerance? 2014 (p. 112–122). National Institute of Corporate Reform.

[3] Exclusive interview with Russian diplomat Zamir Kabulov: Vladimir Putin's envoy to Afghanistan speaks about the country's past, present, and future in wide-ranging interview. (2016, December 31). Anadolu Agency. URL: https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/exclusive-interview-with-russian-diplomat-zamir-kabulov/717573 (accessed: 23.03.2023).

и другие внешние свидетельства в пользу аргумента о наличии у Пакистана в 1980-х годах нескольких собранных ядерных боезарядов[4].

Безотносительно факта наличия ядерного оружия у Пакистана сама возможность этого приносила стране дивиденды, оказывая, например, сдерживающее влияние на Индию и Советский Союз, как следует из приведенного высказывания З. Кабулова, а также различных исследований того периода[5]. Такая роль фактора ядерного оружия Пакистана, проявившаяся еще до того, как он провел подземные испытания, позволяет писать о предпосылках формирования ядерной доктрины задолго до 1998 г. В этом тексте выделяются пять этапов, через которые прошла ядерная доктрина Пакистана (ниже будет предложена характеристика каждого из них):

1. 1950-е –1960-е годы: попытка предотвратить создание военной ядерной программы Индии путем угрозы создания собственного ядерного оружия.

2. 1960-е — 1980-е годы: стремление догнать Индию в областях технологий ядерного оружия и носителей для него.

3. 1980-е годы — 1998 г.: «доктрина» крайней неопределенности, сочетавшая возможности собрать ядерное оружие с отрицанием его наличия.

4. 1998–2015 гг.: доктрина минимального убедительного ядерного сдерживания.

5. 2015 г. — настоящее время: политика сдерживания по всему спектру.

В исследовательской литературе существует мнение, что даже после 1998 г. пакистанская военная ядерная политика осталась в форме «протодоктрины», поскольку не были созданы и опубликованы доктринальные документы, излагающие основные принципы страны в области ядерного оружия[6]. Такой подход

[4] Kamen A. I., & Smith, R. J. Possibility of nuclear arms threatens Pakistan aid. Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1990/10/02/possibility-of-nuclear-arms-threatens-pakistan-aid/871c2197-d900–4cde-a0d3–7eddb124f6cd/ (accessed: 23.03.2023).

[5] Smith, C. India's ad hoc arsenal: Direction or drift in defence policy? SIPRI, Oxford University Press, 1994. P. 25.

[6] Сотников В. А. Сравнительный анализ ядерных доктрин Индии и Пакистана // Восточная Аналитика. № 1. С. 98–109. https://doi.org/10.31696/2227–5568–2020–01–098–109. С. 105.

отражает советско-американский опыт в годы холодной войны, когда доктрина представляла из себя «концентрированное выражение политики в области военной»[7].

Как в России и США после холодной войны, так и у других ядерных государств доктрина далеко не всегда находила именно такое выражение. Особенно для государств, противостоящих группе стран или более сильному сопернику, привлекательной стратегией остается поддержание высоких непрозрачности и неопределенности в областях ядерных сил, целей и намерений ядерной политики. Так они обеспечивают безопасность своим арсеналам и расширяют поле для политического и дипломатического маневров в отношении своих соперников. Нежелание публиковать ядерную доктрину в узком смысле этого понятия может быть элементом ядерной доктрины — в широком смысле. Такое отношение к прозрачности принципов применения ядерного оружия и в целом ядерных сил отличает не только Пакистан, но и Израиль, Индию и Северную Корею[8].

Расширенное понимание термина «ядерная доктрина» лежит в основе предложенной в этой статье хронологии эволюции ядерной политики Пакистана.

Первый этап

Первый этап развития военной ядерной политики Пакистана длился с 1947 г. до рубежа 1960-х — 1970-х годов, т.е. с получения этой страной независимости до так называемого мирного ядерного испытания Индией. На международной арене Пакистан выступал за ядерное разоружение и нераспространение. Одновременно эта страна приступила к развитию атомной энергетики в середине 1950-х годов. В 1965 г. в Пакистане начал функционировать исследовательский реактор мощностью в 10 МВт, работавший на американском ядерном топливе. Но для запуска военной ядерной программы у Пакистана не было ни научно-технической базы, ни материалов.

[7] Кокошин А. А., Ларионов В. В. Предотвращение войны: доктрины, концепции, перспективы. М.: Прогресс, 1990. С. 14.

[8] Oliker, O., Stärk, F., Stefanovich, D., & Vieluf, M. Truth or dare: Transparency, ambiguity, and prospects for new international commitments in the nuclear realm. In Deep Cuts Working Paper. No. 15. The Deep Cuts Commission. 2023. P. 13.

На первом этапе среди военно-политических и научных кругов Пакистана стала распространяться позиция о неизбежности пути к ядерному оружию в случае ядерных испытаний в Индии и появления в этой стране ядерного оружия. В 1964 г., когда в Пакистане возникли подозрения об индийских планах создать ядерное оружие, Ишрат Хусейн Усмани, глава Пакистанской комиссии по атомной энергии, сказал: «Если появится шестое ядерное государство, будет и седьмое»[9].

Наиболее заметной фигурой, публично отстаивавшей данную позицию, стал Зульфикар Али Бхутто, высказывание которого в интервью середины 1960-х годов было приведено выше. В своей книге «Миф о независимости» 1969 г. он сформулировал то, что фактически легло в основу будущей ядерной доктрины Пакистана. Целесообразно привести перевод пространной цитаты из этой работы З. А. Бхутто: «Все войны нашего века стали тотальными; вся европейская стратегия основана на концепции тотальной войны; и приходится полагать, что война против Пакистана может быть тотальной. Было бы опасно планировать меньшие (средства против Индии — *Т.П.*), поэтому наши планы должны включать ядерное сдерживание. Хотя это трудно осуществить, для Пакистана жизненно важно уделить как можно больше внимания ядерной технологии, и не позволять быть обманутым международным договором, ограничивающим право на это средство сдерживания только нынешними ядерными державами. Индия вряд ли уступит ядерную монополию другим, и, судя по ее собственной ядерной программе и ее дипломатической деятельности, особенно в Женеве, похоже, что она полна решимости осуществить свои планы по испытанию ядерной бомбы. Если Пакистан ограничит или приостановит свою ядерную программу, это не только позволит Индии шантажировать Пакистан своим ядерным преимуществом, но и наложит серьезные ограничения на развитие пакистанской науки и технологий.

Однако нас не интересует непосредственно вопрос о ядерном тупике (отсутствие превосходства в соотношении ядерных средств сторон — *Т.П.*). Наша проблема, по сути, в том, как получить такое оружие до того, как начнется кризис. Индия,

[9] Khan F. H.. Eating grass: The making of the Pakistani bomb (1st ed.). Stanford Security Studies. URL: https://a.co/d/73Y2haI (accessed: 23.03.2023).

чей прогресс в области ядерных технологий достаточен для того, чтобы в ближайшем будущем сделать ее ядерной державой, может его спровоцировать в любой момент, когда захочет. Она уже получила зарубежную помощь для своей ядерной программы, будет и дальше ее получать. Поэтому Пакистан должен приступить к аналогичной программе, хотя в ближайшие несколько лет ядерное оружие не превратится в реальный сдерживающий фактор и не будет произведено. Поэтому в ближайшем будущем мы должны списать его со счетов как практическое средство сдерживания в любом конфликте с Индией»[10].

В этих рассуждениях З. А. Бхутто проступают контуры ядерной доктрины Пакистана. Во-первых, она изначально была ориентирована на Индию. Во-вторых, она объявлялась оборонительной, то есть решающей задачу не дать Индии возможность шантажировать Пакистан или начать боевые действия против Пакистана, которые, как утверждал автор, будут носить характер тотальной войны. В-третьих, для достижения своих целей в военной ядерной области Пакистан отказался ограничивать себя международными обязательствами, включая Договором о нераспространении ядерного оружия, который был открыт для подписания в 1968 г. и вступил в силу в 1970 г. В-четвертых, развитие военных ядерных технологий рассматривалось в связке с научно-технологическим развитием страны.

При этом З. А. Бхутто осознавал трудности, лежавшие на пути к эффективному ядерному сдерживанию против Индии. Позже, уже после смерти этого политика, даже когда Пакистан уже провел ядерные испытания в 1998 г. и разразился индийско-пакистанский конфликт в Каргиле в 1999 г., ядерное оружие все еще не было средством ядерного сдерживания, по свидетельству наблюдателей, оно оставалось вне стратегических расчетов военно-политического руководства страны[11].

[10] Bhutto Z. A. The myth of independence. Oxford University Press. URL: https://sanipanhwar.com/The%20Myth%20of%20Independence%20by%20Zulfikar%20Ali%20Bhutto.pdf. P. 129–130 (accessed: 23.03.2023).

[11] Pegahi, T. N. Nuclear weapons did not embolden Pakistan: Drawing the right lessons for North Korea. War on the Rocks. URL: https://warontherocks.com/2018/01/nuclear-weapons-not-embolden-pakistan-drawing-right-lessons-north-korea/ (accessed: 23.03.2023).

Второй этап

На втором этапе развития военной ядерной политики Пакистана была создана военная ядерная программа этой страны. Этот период длился с рубежа 1960-х — 1970-х годов до начала 1980-х годах, когда Пакистан подошел к ядерному порогу и мог собрать первые ядерные боезаряды.

Для Пакистана главными стимулами инициации военной ядерной программы стали поражение в индийско-пакистанской войне 1971 г. и индийские ядерные испытания 1974 г. Согласно докладу Бюро разведки Государственного департамента США в июне 1974 г., ядерные испытания Индии должны были спровоцировать Пакистан на создание ядерного оружия, что, в свою очередь, заставило бы Индию значительно расширить свою ядерную программу[12].

В 1970-е годы при содействии Франции был построен объект по наработке плутония в Хушабе (Пенджаб). В 1972 г. в Карачи, столице провинции Синда, была запущена первая АЭС Канупп с одним реактором мощностью в 125 МВт (построена при помощи Канады). В 1978 г. Франция прекратила сотрудничество с Пакистаном, поскольку к этому времени стал очевиден его выбор в пользу создания ядерного оружия.

Этот этап развития военной ядерной политики Пакистана отличался отсутствием попыток последовать примеру Индии и провести свои ядерные испытания. Хотя, помимо политических причин, включая давление третьих стран на Пакистан, у этого государства могли быть и трудности научно-технического характера, помешавшие ему собрать первой ядерное взрывное устройство[13].

Третий этап

В 1980-е годы, по внешним оценкам, включая российские и индийские, Пакистан собрал первые ядерные боезаряды. С этого времени начинается третий этап ядерной политики Пакистана, который может быть охарактеризован как

[12] Uncertainty over nuclear policy: Intelligence note: Science and research (1974, June 13). National Security Archive. URL: http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB6/docs/doc19.pdf (accessed: 23.03.2023).

[13] Sinha, P. B., & Subramanian, R. R. Nuclear Pakistan: Atomic threat to South Asia (1st ed.). Vision Books, 1980. P. 140–141.

латентное ядерное сдерживание Индии, основанное на скрытом владении нескольких единиц ядерного оружия или сдерживание без развертывания ядерных сил («non-weaponised deterrence»[14]).

В 1983–1984 гг. Китай, возможно, передал Пакистану чертежи конструкции ядерного взрывного устройства[15]. К этому периоду, предположительно, относится возникновение системы скрытых поставок ядерных технологий и материалов в Пакистан, которая постепенно превратилась в черных рынок с множеством поставщиков, посредников и получателей. Он просуществовал до 2002 г., когда эта брешь в режиме ядерного нераспространения стала широко известной как «черный ядерный рынок А. К. Хана» — по имени пакистанского ученого и организатора ядерной программы, на которого власти Пакистана возложили всю ответственность за распространение ядерных технологий и материалов[16].

В конце 1980-х годов все было готово для проведения ядерных испытаний. К 1987 г. Пакистан наработал высокообогащенный уран в количестве, достаточном для сборки ядерного боезаряда.

Показательным примером, иллюстрирующим подозрения других стран относительно возросших возможностей Пакистана в военной ядерной области, служит письмо Атала Бихари Ваджпаи, премьер-министра Индии в 1998–2004 г., разосланное лидерам иностранных государств после ядерных испытаний 1998 г. В послании индийский лидер обосновывал необходимость обретения ядерного оружия угрозой со стороны соседей, т.е. Китая, «официальной ядерной державы у наших границ, совершившей акт вооруженной агрессии в 1962 г.», и Пакистана, «скрытого ядерного государства», трижды нападавшего на Индию и продолжающего поддержку терроризма в Кашмире[17].

Этот период в развитии военной ядерной программы Пакистана отличало сочетание элементов политики ядерного

[14] Perkovich G. Non-weaponized deterrence: the case for Pakistan. Strategic Studies, 17(1/2), 1994. 138–169.

[15] Сотников В. И. Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях. М., 2003. С. 50–60.

[16] Fitzpatrick M. Nuclear black markets: Pakistan, A. Q. Khan and the rise of Proliferation networks: A net assessment. The International Institute for Strategic Studies, 2007.

[17] Talbott, S. Engaging India: Diplomacy, democracy, and the bomb (1st ed.). Penguin Books, 2004. P. 53.

сдерживания против Индии и Советского Союза с декларируемым отсутствием ядерных амбиций. Так, в письме пакистанского президента Мухаммада Зия уль-Хака президенту США Рональду Рейгану по случаю переизбрания последнего отмечалось, что «Пакистан не выполняет программу (по созданию — *П.Т.*) ядерных вооружений и Пакистан не сделает ничего, что могло бы разочаровать Вашу Администрацию»[18]. Одновременно Пакистан, как указывалось в этом письме, продолжал выступать с инициативами в области контроля над ядерными вооружениями и разоружения, как, например, инициатива создания безъядерной зоны в Южной Азии, совместное присоединение Индии и Пакистана к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерных государств, распространение полных гарантий Международного агентства по атомной энергии на все ядерные объекты Индии и Пакистана, обмен инспекциями ядерных объектов между Индией и Пакистаном и юридически обязывающая декларация южноазиатских стран об отказе от приобретения или создания ядерного оружия.

Четвертый этап

В 1998 г. Пакистан провел подземные ядерные испытания в ответ на индийские, открыв таким образом четвертый этап ядерной политики — минимальное ядерное сдерживание. Оно означало развитие ограниченного арсенала и поддержание его в состоянии пониженной боевой готовности.

Уверенность лидеров Пакистана в правильности решения о развитии военной ядерной программы основывалась также на тех угрозах, которые порой доносились из Нью-Дели. Например, после индийских испытаний 1998 г. Лал Кришна Адвани, министр внутренних дел Индии (1998–2004 гг.), сказал: «Исламабаду стоит учесть изменение геостратегической ситуации в регионе и мире. Он должен отказаться от своей антииндийской политики, особенно в отношении Кашмира. В любом ином случае усилия Пакистана будут для него тщетны и слишком дороги»[19].

[18] Letter, General Zia to President Reagan, Confidential. National Security Archive. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb531-U.S.-Pakistan-Nuclear-Relations,-1984–1985/documents/Doc%209%20%2011–7–1984%20Zia%20letter.pdf (accessed: 23.03.2023).

[19] Цит. по: Krepon, M. Looking back: The 1998 Indian and Pakistani nuclear tests.

В случае Пакистана Индия рассматривала ряд угроз, связанных с острой конфронтацией между двумя странами, неоднократно приводившей к вооруженным конфликтам (в 1947–1948, 1965, 1971, 1999 гг.), территориальными претензиями, терроризмом и сепаратизмом и, как считали в Индии, скрытым обладанием ядерного оружия с 1980-х годов и угрозами его применить, которые, как полагают в Индии, были озвучены Пакистаном, как минимум, дважды — в 1986–1987 гг. и 1990 г.[20]

Эти и подобные заявления индийских политиков дали пакистанцам удобную возможность для оправдания деятельности в области военных ядерных технологий необходимостью защититься от соседа. В 1998 г. развитие военной ядерной политики Пакистана могло пойти по двум путям. Первый путь означал бы повторение шагов Индии, как и произошло — Пакистан испытал свое ядерное оружие. Второй путь подразумевал продолжение политики ядерного сдерживания Индии без формального перехода через ядерный порог. По словам отставного высокопоставленного военного, среди представителей Вооруженных сил Пакистана, участвовавших вместе с политическим руководством в обсуждении реакции на индийские ядерные испытания 1998 г., были генералы, выступавшие за второй путь[21]. Они считали, что первый приведет к репутационным, политическим и экономическим потерям и в итоге только ослабит Пакистан в соперничестве с Индией.

Решение провести ядерные испытания было продиктовано желанием послать Индии ясный сигнал в отношении возможностей и намерений Пакистана в военной ядерной области. На пресс-конференции 28 мая 1998 г. Наваз Шариф, премьер-министр Пакистана (1997–1999 гг.), подчеркнул: «Сразу же после ядерных испытаний Индия нагло потребовала, чтобы Исламабад учел изменение геостратегической ситуации в регионе, и пригрозила тем, что будет тверда и решительна с Пакистаном. Таким образом, наша безопасность, мир и стабильность во всем регионе

Arms Control Association. URL: https://www.armscontrol.org/act/2008–06/looking-back-1998-indian-pakistani-nuclear-tests (accessed: 23.03.2023).

[20] Subrahmanyam, K. Nuclear deterrence in the Indian context. In Golden Jubilee Seminar on 'The Role of Force in Strategic Affairs.' 2010. P. 60–61.

[21] Khan F. H Eating grass: The making of the Pakistani bomb (1st ed.). Stanford Security Studies. URL: https://a.co/d/73Y2haI (accessed: 23.03.2023).

под серьезной угрозой… Безрассудные действия нынешнего индийского руководства вынудили нас. После соответствующего обсуждения и тщательного анализа всех вариантов мы приняли решение восстановить стратегический баланс… Наше решение в пользу ядерного выбора было принято в интересах защиты нации. Это оружие предназначено для сдерживания агрессии, ядерной или обычной»[22].

На четвертом этапе развития военной ядерной политики была предпринята попытка институционального оформления ядерной доктрины Пакистана. Сразу после ядерных испытаний была собрана группа офицеров в штабе Сухопутных войск Пакистана в Равалпинди с целью создания проекта доктрины, включавшего принципы использования ядерного оружия и структуры ядерных сил. По свидетельству участника этой работы, офицеры выполнили поставленную задачу за три-четыре месяца, однако из-за смены военного руководства смогли представить документ на утверждение военному командованию в феврале 1999 г., а в апреле того же года правительство во главе с премьер-министром Навазом Шарифом в принципе одобрило доктринальные и организационные принципы ядерной политики Пакистана[23]. Однако военный переворот в октябре помешал дальнейшей работе в этой области. Это объясняет, почему во время Каргилского кризиса 1999 г. Пакистан не рассматривал ядерное оружие в качестве сдерживающего фактора против Индии — оно еще не стало частью военного потенциала страны ни с точки зрения стратегии, ни с точки зрения организации.

Только в феврале 2000 г. новое руководство страны во главе с генералом Первезом Мушаррафом одобрило доктрину и организационную структуру ядерных сил. Однако было принято решение не публиковать текст доктрины по политическим причинам — Пакистан и так был под международным давлением из-за ядерных испытаний и военного переворота.

Смена режима в 1999 г. принципиально не повлияла на особенности ядерной доктрины Пакистана. Еще будучи главой

[22] Comment by Prime Minister Nawaz Sharif, 28 May. The Acronym Institute. URL: http://www.acronym.org.uk/old/archive/sppak2.htm (accessed: 23.03.2023).

[23] Salik N. & Center for International Strategic Studies. Nuclear Pakistan: Seeking security & stability (1st ed.). University of Lahore, Printing Press, 2018. P. 52–53.

государства, премьер-министр Наваз Шариф озвучил ее основные принципы во время выступления в Национальном оборонном колледже 20 мая 1999 г.:

• ядерная сдержанность, стабильность, минимальное сдерживание как основы ядерной доктрины Пакистана;

• ядерное оружие — это средство сдерживания ядерных и неядерных угроз из Индии;

• Пакистан не приемлет принцип неприменения ядерного оружия первым;

• ядерное оружие будет использовано в случае, если национальная безопасность будет поставлена под угрозу[24].

Последний пункт был разъяснен генерал-лейтенантом Халидом Кидваи, первым и многолетним главой Управления стратегического планирования, отвечающего за ядерный арсенал Пакистана. Он описал вероятную экзистенциональную угрозу Пакистану со стороны Индии в форме четырех порогов — порога в области территорий (нападение Индии и захват значительных областей Пакистана), военного порога (уничтожение Индией значительной части Вооруженных сил Пакистана), экономического порога (экономическая блокада и удушение Пакистана Индией) и порога в области внутренней политики (провоцирование Индией внутренней дестабилизации в Пакистане и раскола страны)[25].

Пятый этап

В 2015 г. устами генерал-лейтенанта Халида Кидваи, уже вышедшего в отставку, был провозглашен переход от политики минимального ядерного сдерживания к политике сдерживания по всему спектру, т.е. к пятому этапу развития военной ядерной доктрины[26]. По его словам, «поскольку Пакистан сознательно не

[24] Цит. по: Menon, P. The strategy trap: India and Pakistan under the nuclear shadow (1st ed.). Wisdom Tree, 2018. P. 50.

[25] Цит. по.: Fair, C. C. Fighting to the end: The Pakistan Army's way of war (1st ed.). Oxford University Press, 2014. P. 215.

[26] Keynote address and discussion session with Lieutenant General (Retd) Khalid Kidwai, Advisor, National Command Authority; and former Director-General, Strategic Plans Division, Pakistan: Seventh IISS-Centre for International Strategic Studies (CISS) (Pakistan) Workshop on 'South Asian strategic stability: Deterrence, nuclear weapons and arms control.' (2020, February 6). International Institute for Strategic Studies. URL: https://www.iiss.org/-/media/files/events/2020/transcript-of-lt-general-kidwais-keynote-address-as-delivered—-iiss-ciss-workshop-6feb20.pdf (accessed: 23.03.2023).

будет участвовать в гонке обычных вооружений, кроме как для качественного обновления, он вынужден стремиться к безопасности и стратегической стабильности, инвестируя в соответствующее ядерное оружие за счет обеспечения качества, количества, доктрин и концепции Сдерживания по всему спектру». Как и на предыдущем этапе, Пакистан подчеркивал, что его ядерная доктрина не носит агрессивного характера. Х. Кидваи тогда же сказал: «Таким образом, ответ Пакистана по усилению его Сдерживания по всему спектру в оперативной обстановке относительной асимметрии обычных вооружений является уместным и гарантирует, что Южная Азия останется стратегически стабильной».

Для современной военной ядерной политики Пакистана характерны следующие особенности. Во-первых, пакистанские власти продолжают воздерживаться от публикации ядерной доктрины, сохраняя высокую степень непрозрачности. При этом, как отмечают опрошенные автором эксперты из Пакистана, упомянутое заявление Х. Кидваи воспринимается именно как декларация изменений в ядерной политике страны, а не как личное мнение отставного военного[27].

Во-вторых, новый этап развития ядерной политики Пакистана еще не означает, что эта страна перешла к созданию оперативно развернутого ядерного арсенала, хотя, несомненно, происходит наращивание ядерного арсенала, создание ядерной триады и повышение его оперативной готовности[28].

В-третьих, пакистанская ядерная доктрина на современном этапе уделяет особое значение предотвращению не только масштабных боевых действий со стороны Индии, но и ограниченных операций, описанных в индийской литературе в рамках концепции «Холодного старта», которая была принята на вооружение армией Индии без объявления ее официальной доктриной[29].

В ответ на более агрессивную политику Индии в отношении использования сил общего назначения пакистанское

[27] Saalman, L., & Topychkanov, P. V. South Asia's nuclear challenges: Interlocking views from India, Pakistan, China, Russia and the United States. SIPRI, 2021. P. 9.

[28] Kristensen H. M., & Korda, M. Pakistani nuclear forces. In I. Davis & Stockholm International Peace Research Institute (Eds.), SIPRI Yearbook 2021. Armaments, disarmament and international security (p. 385–390). Oxford University Press, 2021.

[29] Narang, V. Russian influence on India's military doctrines. Journal of Indo-Pacific Affairs, 2021. P. 65–73. P. 69.

военно-политическое руководство ставит акцент на понижении ядерного порога и развитии ядерных сил малой мощности, предполагая, что использование таких средств поможет Пакистану предотвращать и останавливать индийские агрессивные действия и одновременно избегать сползание Южно-азиатского региона к полномасштабной ядерной войне[30].

***

Для всех периодов военной ядерной политики Пакистана, начиная с 1970-х годов, когда было принято решение о создании ядерного оружия, характерны поддержание высокой неопределенности. Начиная с отрицания ядерных амбиций в течение 1970–1980-х годов и заканчивая отказом от изложения принципов ядерной политики в форме доктрины, Пакистан создает больше возможностей для адаптации ядерной политики к меняющимся условиям в Южной Азии.

Искусственно поддерживаемая неопределенность и гибкость ядерной политики позволяют Пакистану обеспечивать надежное сдерживание Индии, соперника, превосходящего его в обычных и ядерных вооружениях. Следуя динамике развития ядерных арсеналов Пакистана и Индии, следует ожидать переход в средне- или долгосрочной перспективе к шестому этапу, означающему оперативное развертывание ядерного оружия на носителях наземного, воздушного и морского базирования.

[30] Hooey, D. Pakistan's low yield in the field: Diligent deterrence or de-escalation debacle. Joint Force Quarterly, 2019. P. 95. P. 37.

Р. Е. Прохоров *

Уйгурский вопрос в пакистано-китайских отношениях

Резюме. В статье рассматриваются проблемы уйгурского региона, способные на современном этапе геополитического партнёрства Китая и Пакистана серьезно осложнить их дальнейшее сближение. Акцентируется внимание на природно-ресурсном потенциале Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая как экономическом базисе торговых отношений между государствами. Особое значение придаётся проблеме обеспечения безопасности при реализации совместных проектов. Подчеркивается значительный потенциал «второй» дипломатии, способной эффективно сглаживать возникающие межгосударственный противоречия.

Ключевые слова: Пакистан, Китай, уйгуры, сотрудничество, безопасность, Каракорумское шоссе, «вторая» дипломатия

The Uyghur issue of Pakistan- China relations

Abstract: *The article deals with the problems of the Uighur region, which at the present stage of the geopolitical partnership between China and Pakistan can seriously complicate their further rapprochement. Attention is focused on the natural resource potential of the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China as the economic basis for trade relations between states. Particular importance is attached to the problem of ensuring security in the implementation of joint projects. The significant potential of the «second» diplomacy, which is able to effectively smooth out the emerging interstate contradictions, is emphasized.*

* Прохоров Руслан Евгеньевич – кандидат психологических наук, научный сотрудник Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0002-8387-3311

Keywords: *Pakistan, China, uighurs, cooperation, security, Karakoram Highway, «second» diplomacy*

С 60-х годов XX в. во внешнеполитическом курсе Пакистана наметилась тенденция к развитию стратегических связей с Китаем. Наряду с экономическим сближением постоянно укреплялось военно-политическое сотрудничество двух государств. Своеобразной точкой отсчета, символом партнерства между странами стало Соглашение о границе 1963 г. Подписанное в ситуации региональной политической нестабильности, в частности пограничного спора между Индией и Китаем, оно стало однозначным сигналом для китайской стороны. Позднее созданный промышленный комплекс в Таксиле, в том числе машиностроительный завод, транспортные проекты, совместные программы создания образцов вооружения значительно укрепили связи Пекина и Исламабада. Вместе с тем, определенную сложность в развитие двусторонних отношений постоянно вносит так называемый уйгурский вопрос, события, происходящие в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, негативно отражающиеся на «Всепогодной дружбе» Китая и Пакистана.

Конфигурация современного Синьцзяня

Минерально-сырьевой потенциал Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая определяется, в первую очередь, его географическим положением. Расположенная в пределах Таримской впадины, окруженной системой горных хребтов, территория района обладает разнообразным набором полезных ископаемых[1]. Многообразие форм рельефа обусловило уникальное сочетание осадочных и рудных ископаемых. Нефтегазовые месторождения окаймляют крупные месторождения железных, хромовых, медных, бериллиевых, молибденовых и цинковых руд, добыча которых, однако, затрудняется сложными климатическими условиями.

Приграничное положение относительно таких государств, как Казахстан, Киргизия, Монголия, Пакистан, Афганистан и Индия, объясняет разнообразный национальный, преимущественно мусульманский, состав Синьцзян-Уйгурского автономного

[1] Атлас офицера России. Географический атлас. М., 2021. С. 140.

района[2]. Большинство населения — уйгуры — одна из древнейших народностей Центральной Азии. Несмотря на то что появление на исконной территории их проживания ханьцев отмечалось уже во II в. до н.э., здесь со временем сложилось Джунгарское ханство, населенное уйгурами. Лишь в 1757–1759 гг. эти земли были завоеваны Китаем, присвоившим им название «Синьцзян», что в переводе означает «новая территория». Однако коренное население периодически поднимало восстание против китайского владычества. После образования КНР центральные власти в 1955 г. предоставили краю автономию, преобразовав провинцию Синьцзян в Синьцзян-Уйгурский автономный район. Между тем, это не решило полностью национальный вопрос, и антикитайские настроения там сохранились и в настоящее время[3].

Новый этап выступлений уйгуров начался после 1991 г. Образование новых государств в Центральной Азии активизировало стремление уйгурского населения к независимости. Дополнительный стимул уйгурскому сопротивлению придала новая волна закрытия мечетей. Еще в 1984 г. военный диктатор Пакистана генерал М. Зия-уль-Хак совершил ознакомительную поездку по только что построенному Каракорумскому шоссе и, посетив также главные города Синьцзяна Кашгар и Урумчи, попросил китайские власти открыть давно закрытые мечети[4]. После волнений в регионе, прокатившихся в начале 1990-х годов, официальная политика Пекина снова меняется. В 1996 г. было вновь запрещено религиозное образование. В 2002 г. мечети открывались лишь во время часов молитвы, что делало невозможным обучение. Одновременно с этим имаму в Синьцзяне было разрешено преподавать лишь одному или двум студентам, и лишь при поддержке надзорных органов, в то время как в других китайских провинциях число учащихся могло доходить до сотни[5].

[2] Там же. С. 136.

[3] Васильев Л. Е. Особенности борьбы с терроризмом в Центральной Азии в современных условиях//Мировые державы в Центральной Азии. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 186.

[4] Белокреницкий В. Я. Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. Избранные публикации. 2008–2016 гг. М., 2016. С. 254.

[5] Клиникова Е. А. Проблема сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе//Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безопасности в Центральной Азии. Материалы X Международной научной конференции 29.11.2018/под.ред. Д. А. Дегтярева, М. А. Шпаковской. М., 2019. С. 37–57.

Значение Синьцзян-Уйгурского автономного района и успех разрешения возникающих там религиозных и национальных противоречий возросли в связи с реализацией проекта Китайско-пакистанского экономического коридора. К огромным преимуществам территории, по которой пролегают трубопроводные маршруты для поставок энергоресурсов из Западного Казахстана через внутренние районы Китая к побережью Тихого океана после 2015 г. прибавились перспективы отправного пункта одной из ветвей многообещающего транспортного проекта «Один пояс–один путь». В этом случае, правильно организованная и безопасная транспортная инфраструктура является залогом успеха раскрытия международного потенциала Пакистана[6].

Экономические проблемы китайско-пакистанского приграничья

Совместная граница и территориальная близость Пакистана и Китая стали одним из естественных факторов их экономического сотрудничества. Настоящим маркером надежности и долговременной стабильности двустороннего партнёрства стало Каракорумское шоссе. Однако построенное как знаковый объект пакистано-китайского сотрудничества, Каракорумское шоссе стало одновременно и неким узлом противоречий. Проблема заключается в том, что эта стратегическая трасса стала использоваться для взаимной контрабанды товаров, поставок в Поднебесную наркотиков и идеологической литературы[7].

Противодействуя контрабанде товаров, власти Пакистана и Китая уже давно принимают жесткие законы, проводят скоординированные мероприятия по задержанию и уголовному преследованию преступников. Так, ещё в 2016 г. суд Пакистана приговорил гражданина Китая к девяти годам тюремного заключения за попытку контрабанды оружия из Пакистана в Китай. Гражданин Китая по имени Ван Цзянко был задержан полицией в округе Хунза, расположенном недалеко

[6] Замараева Н. А. Китайско-пакистанский экономический коридор — первый этап реализации//Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXII. М. 2017. С. 289–307.

[7] Haided Z. Sino-Pakistan relations and Xinxiang's Uighurs//Asian Survey. 2005. Vol. XLV. № 4. P. 522–545.

от китайско-пакистанской границы по обвинению в попытке контрабанды оружия и боеприпасов в Китай[8].

Развитию экономических связей явно не способствуют столкновения на этнической почве, происходящие на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района и время от времени дестабилизирующие ситуацию в регионе, усложняя и так далеко не простую ситуацию в сфере безопасности.

Периодические ограничения, вводимые Пекином на выдачу виз пакистанцам, желающим поехать в Синьцзян по Каракорумскому шоссе, в том числе в религиозных целях, также не служат укреплению торговых отношений.

Политика безопасности в отношении Синьцзяня

Сотрудничая в сфере экономики, Пакистан и Китай подчёркнуто стараются не затрагивать политическую сферу. Отказ от вмешательства во внутренние дела страны — партнёра является одним из столпов пакистано-китайской дипломатии. Однако сфера безопасности стала тем вектором, сотрудничество в котором обоих государств просто неизбежно.

Кардинальные изменения в отношении этого вопроса произошли после 2001 г. Если до 2001 г. Китай считал Пакистан убежищем, а режим талибов в Афганистане — основным поставщиком оружия для сепаратистских элементов в Синьцзяне, то ввод сил США и НАТО на афганскую территорию после терактов 11 сентября сильно изменил точку зрения Пекина на угрозу безопасности. С тех пор главной целью Китая стало более тесное сотрудничество с Пакистаном вопреки интересам США в регионе и усиление его стратегического партнерства с Индией[9].

Правительство Пакистана, со своей стороны, также систематически заверяет китайскую сторону в своей приверженности бескомпромиссной борьбе с терроризмом и сепаратизмом[10]. В подтверждение этого МВД Пакистана внесло в список запрещённых

[8] Chinese national gets nine-year jail in arms smuggling case. 26.06.2016. URL: https://www.dawn.com/news/1266868 (дата обращения: 11.03.2023).

[9] Beijing Points to Pakistan After Ethnic Violence. URL: https://www.wsj.com/articles/SB10001424053111903341404576481312937363114 (дата обращения: 14.03.2023).

[10] 60 years of Pakistan–China relations//Pakistan Horizon. 2011. Vol. 64. № 4. Pp. 67–83. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/24711190.pdf?refreqid=fastlydefault%3A2082512d1a01dacb24d52ae35f9aa050&ab_segments=0%2Fbasic_search_gsv2%2Fcontrol&origin=&initiator=search-results&acceptTC=1 (дата обращения: 14.03.2023).

организаций, подозреваемых в терроризме на территории Китая, Исламское движение Восточного Туркестана, Исламскую партию Туркестана (бывшее Исламское движение Узбекистана), Союз исламского джихада.

Официальная политика дополняется различными мерами «второй» дипломатии как с пакистанской, так и с китайской стороны. Например, пакистанская сторона оказывает содействие в совершении хаджа уйгурами в Саудовскую Аравию. В этом случае сотрудничество Китая и Пакистана также успешно переходит в экономическую сферу. Так, в Урумчи состоялось подписание Меморандума о взаимопонимании между Министерством науки и технологии Пакистана и Синьцзянским производственно-строительным корпусом, в соответствии с которым китайская сторона обещала инвестиции в размере 1,5 млрд. долл. в создание технопарка в Исламабаде[11].

***

Таким образом, можно предположить, что уйгурский вопрос не исчезнет в ближайшей перспективе из повестки пакистано-китайских отношений. Хотя Китай и будет способен контролировать ситуацию в регионе, сепаратистские тенденции будут дестабилизировать в первую очередь именно экономическое сотрудничество. Нестабильность ситуации несет в себе угрозу энергетической безопасности Китая, также отчасти сопряженной с решением проблем уйгурского меньшинства в Поднебесной.

Вместе с тем на безопасность в Синьцзян-Уйгурском автономном районе влияет характер отношений в треугольнике «Китай–Пакистан–Индий», так как каждая из указанных стран по-своему заинтересована в развитии ситуации в данном регионе. Ввиду своей геополитической значимости уйгурская проблема также будет использоваться США для дестабилизации Китая, и вероятность вовлечения в эти акции определенных кругов в Пакистане достаточно велика. От официальных властей Пакистана потребуется в очередной раз использовать годами проверенный

[11] Прохоров Р. Е. Геоэкономика пакистано-китайских отношений//Труды Института востоковедения РАН. Вып. 26. Социальные и политические процессы на Востоке. Культурно-сложные общества в мусульманском ареале, геополитическая и геоэкономическая динамика/отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. М. Мамедова, Н. Ю. Ульченко. М., 2019. С. 522–530.

способ дипломатического маневрирования между игроками, чтобы избежать чёткого выбора.

Китайская сторона будет стараться использовать влияние Пакистана в мусульманском мире не только для урегулирования уйгурской проблемы, но и в целях развития экономических связей с государствами Ближнего Востока, которые все больше вовлекаются в проект Китайско-пакистанского экономического коридора. Для властей Пакистана тоже важно играть своего рода посредническую роль в урегулировании возникающих проблем в Синьцзяне, учитывая то влияние, которое играет религия в формировании общественного мнения в стране.

MUSLIM REGION TO THE SOUTH OF RUSSIAN BOUNDARY (TURKEY, IRAN, AFGHANISTAN, PAKISTAN. ETHNIC KURDISTAN)

Contents

Section I. Russia and the Muslim Middle East.
V. Y. Belokrenitsky. Russia in the Middle East — main stages of geopolitical evolution (second half of the 19th — first decades of the 21st century).
D. S. Panarina. The concept of "frontier" and its meaning for Russia.
V. I. Sazhin. Entry of Soviet troops into Afghanistan in 1979: causes and results.
Z. A. Arabadzhyan. Reflections on the so-called «Testament of Peter the Great» in connection with the Persian campaign of Peter I.

Section II. Turkey.
N. U. Ulchenko. On the issue of typology of Turkish economic crises
I. I. Ivanova. The 2020 Karabakh War and change in the balance of forces in South Caucasus
S. L. Volkova. Turkey and Tatarstan — trading partners at the present stage
E. A. Vasilyeva. Turkey and Greece: growing "tension" (the beginning of 21st century)
D. V. Rodin. Crisis of the Black Sea straits in the Turkish press (1945–1946).
A. V. Boldyrev. Turkish historians about Soviet-Turkish relations in 1939–1941: Montreux Convention and the beginning of Turkish neutrality.
I. A. Svistunova. On the issue of creation of the «Turkish Orthodox Church» during the formation of the Republic of Turkey

T. E. Mikhailova-Mogilnitskaya. Ottoman reforms of the first half of the 19th century and the birth of a new art (painting)

Section III. Kurdish area

K. V. Vertyaev. Turkish-Syrian border as a source of destabilization of relations between two countries.
I. N. Vedeneev. Operation of the Turkish armed forces against the PKK (Kurdistan Workers' Party) in northern Iraq (2022).
M. S. Ozmanyan. Creation of the KAR (Kurdish Autonomous Region) and the influence of external factors.

Section IV. Iran

E. V. Dunaeva. Protest campaign of 2022 in IRI as a reflection of the confrontation between traditionalism and modernization.
N. M. Mamedova. Islamic forms of business in modern Iran.
A. N. Obukhova. Largest emitents of the IRI stock market — potential opportunities.
M. S. Kameneva. Where is Iranian culture going? (about some trends of the cultural policy of the cabinet of President E. Raisi)
I. E. Fedorova. Iranian-Turkish relations at present.
M. A. Podrezov. Saudi factor in Iranian foreign policy
A. V. Baranov (Saratov). Iran-Iraq war of 1980–1988 in the concept of «Holy Defense» of Ayatollah Khomeini.
Z. A. Arabadzhyan. Rise of the left movement in Iran during the Second World War (issue of soft power).

Section V. Afghanistan

U. V. Okimbekov. Afghan conflict and the ethnic factor (1992–2023)
M. O. Nessar. Political management of the Taliban in dynamics (recent period).
M. M. Slinkin. Afghanistan: from militants to regular armed forces.
O. E. Mitrofanenkova. Drug production in Afghanistan after 2021.
S. Poya. State of the Taliban regime and the attitude of international community.

Section VI. Pakistan

N. A. Zamaraeva. Military-civil relations (2018–2022).
O. P. Chekrizova. Status of religious minorities in Pakistan.

I. N. Serenko. Russia-Pakistan Relations in Current Realities of Regional Integration Enhancement.
S. A. Chekalin. Afghan issue in relations between Russia and Pakistan
P. V. Topychkanov. Evolution of Pakistan's nuclear policy in response to changing regional security challenges.
R. E. Prokhorov. Uighur issue in Pakistani-Chinese relations.

Annexure.
Program of the XIII Conference of the Center for the Studies of the Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (November 2022) .

Приложение

ПРОГРАММА

научной конференции Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН 21 и 23 ноября 2022 г.
Тема конференции:
«Мусульманский ареал к югу от исторических рубежей России (Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, этнический Курдистан, соседние страны и регионы)»

21 ноября, понедельник

ИВ РАН, ауд. 222
Пленарное заседание — **11.00–13.30**
Регистрация — **с 10.30.**
Регламент — **15 мин. (с вопросами — до 18 мин.).**

Модераторы: Белокреницкий В. Я., Ульченко Н. Ю., Мамедова Н. М.

Открытие.
Вступительное слово — Белокреницкий Вячеслав Яковлевич

Христофоров Василий Степанович (Институт Российской истории РАН)
Приход талибов к власти в Афганистане в 2021 г. и мусульманское сообщество стран Центральной Азии и России: вопросы восприятия и оценки возможных рисков.

Ульченко Наталья Юрьевна (ЦИСБСВ ИВ РАН, ИСАА МГУ)
Политэкономические аспекты турецких кризисов роста (конец XX–начало XXI в.).

Мамедова Нина Михайловна (ЦИСБСВ ИВ РАН)
Исламские формы бизнеса в современном Иране.

Арабаджян Завен Артемович (ЦИСБСВ ИВ РАН)
Размышления о так называемом «Завещании Петра Великого» в связи с Персидским походом Петра I.

Абидулин Алим Маратович (Институт международных отношений и мировой истории Университета им. Лобачевского, Нижний Новгород)
«Из Батума в Константинополь». Н. В. Терлецкий и его путешествия по Востоку.

Сажин Владимир Игоревич (ЦИСБСВ ИВ РАН)
Ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. Причины и итоги.

Вертяев Кирилл Валентинович (ЦИСБСВ ИВ РАН)
Вопросы формирования турецко-сирийской границы как источник дестабилизации отношений между двумя странами.

Иванова Инесса Ильинична (ЦИСБСВ ИВ РАН, МГИМО)
Карабахская война 2020 г. и изменения в расстановке сил на Южном Кавказе.

Перерыв

21 ноября, понедельник

Секция А.
Ближний Восток. Турция — Курды — Сирия — Ирак

ауд. 222.
14.30. — 16.30.

Модераторы: Н. Ю. Ульченко, К. В. Вертяев, А. В. Болдырев (ЦИСБСВ ИВ РАН)

Чикризова Ольга Сергеевна (РУДН). Особенности идентичности курдов-шиитов (фейли) в контексте общекурдской проблемы на Ближнем и Среднем Востоке.

Веденеев Илья Николаевич (ЦИСБСВ ИВ РАН)
Операция Вооруженных сил Турции против РПК на севере Ирака (2022 г.).

Макаренко Вадим Владимирович (ЦИСБСВ ИВ РАН)
Партийные династии правящих партий как фактор государственного строительства в Иракском Курдистане.

Озманян Мидия Саидовна (ЦИСБСВ ИВ РАН)
Создание КАР (Курдского автономного района) и влияние внешних факторов.

Секция Б.
Средний Восток. Иран — Афганистан — Пакистан.

Зал Ученых советов.
14.30–16.30

Модераторы: Мамедова Н. М., Каменева М. С.

Баранов Алексей Владимирович (Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов)
От «исламского пробуждения» до «экспорта исламской революции» имама Хомейни.

Федорова Ирина Евгеньевна (ЦИСБСВ ИВ РАН)
Современные тренды в отношениях Ирана и Турции.

Джидди В. Г. (Москва, независимый эксперт)
Протесты молодежи в современном Иране: позиции противостоящих сторон.

Дунаева Елена Викторовна (ЦИСБСВ ИВ РАН)
Протестные движения в ИРИ как проявление дихотомии модернизация — традиционализм.

Каменева Марина Самуиловна (ЦИСБСВ ИВ РАН)
Куда идет иранская культура? (о некоторых тенденциях в культурной политике Кабинета президента Э. Раиси).

Полищук Александр Иванович (ЦИСБСВ ИВ РАН)
К вопросу об иранской идентичности.

23 ноября, среда

Секция А.
Ближний Восток. Турция — Курды — Сирия — Ирак

ауд. 222.
11.00–13.30.

Модераторы: Н. Ю. Ульченко, К. В. Вертяев, А. В. Болдырев

Гаджиев Амур Гаджибабаевич (ЦИСБСВ ИВ РАН)
Турция — ЕС: эволюция подходов к изучению взаимоотношений (2002–2022 гг.).

Васильева Екатерина Александровна (ЦИСБСВ ИВ РАН, МГИМО)
Турция и Греция: нарастание напряженности (2002–2022).

Волкова Светлана Леонидовна (ЦИСБСВ ИВ РАН)
Турция и Татарстан: динамика и итоги торгового сотрудничества в начале XXI в.

Ягудин Булат Мухамедович (Казанский федеральный университет, Казань)
Политический ислам в Турции XXI века: факторы успеха, проблемы и пределы реализации модели.

Болдырев Андрей Викторович (ЦИСБСВ ИВ РАН)
Турецкие историки о советско-турецких отношениях в 1939–1941 гг.: конвенция Монтрё и начало турецкого нейтралитета.

Свистунова Ирина Александровна (ИМЭМО РАН)
Социально-политический проект на заре Турецкой Республики. Турецкая православная церковь.

Михайлова-Могильницкая Татьяна Евгеньевна (ЦИСБСВ ИВ РАН)
Османские реформы первой половины XIX в. и зарождение нового искусства (живописи)

Родин Денис Валерьевич (МГУ им. М. В. Ломоносова, исторический факультет)
Кризис из-за черноморских проливов в освещении турецкой прессы (1945–1946)

Подведение итогов работы секции А.

Секция Б.
Средний Восток. Иран — Афганистан — Пакистан.

Зал Ученых советов.
11.00–13.00.

Модераторы: Белокреницкий В. Я., Мамедова Н. М., Серенко И. Н.

Арабаджян Завен Артемович
Подъем левого движения в Иране в годы Второй мировой войны (к вопросу о «мягкой силе»).

Подрезов Михаил Андреевич (ЦИСБСВ ИВ РАН) *Саудовский фактор во внешней политике современного Ирана по материалам государственных СМИ.*

Обухова Анастасия Николаевна (ЦИСБСВ ИВ РАН)
Крупнейшие эмитенты рынка акций ИРИ.
Лалетин Юрий Павлович (МГИМО)
Внешняя помощь как фактор внутреннего развития Афганистана.

Окимбеков Убайд Вафобекович (ЦИСБСВ ИВ РАН)
Афганская экономика после повторного захвата власти движением Талибан.

Нессар Омар М. (ЦИСБСВ ИВ РАН)
Направления динамики политического управления талибов после 2021 г.

Пойя Самеулла (ЦИСБСВ ИВ РАН)
Внешнеполитический курс «временного» правительства талибов.

Митрофаненкова Ольга Евгеньевна (ЦИСБСВ ИВ РАН)
Производство наркотиков в Афганистане после 2021 г.

14.00–16.30.
Второе заседание.

Серенко Ирина Николаевна (ЦИСБСВ ИВ РАН)
Российско-пакистанские отношения в современных условиях мировой трансформации.

Замараева Наталья Алексеевна (ЦИСБСВ ИВ РАН)
Пакистан: военно-гражданские отношения (2018–2022 гг.).

Топычканов Петр Владимирович (ИМЭМО РАН, ЦИСБСВ ИВ РАН)
Эволюция общественно-политических взглядов руководства ВС Пакистана (после падения режима П. Мушаррафа).

Мелёхина Наталья Валерьевна (МГИМО, ЦИС БСВ ИВ РАН)
Влияние современной ситуации в Афганистане на кашмирский конфликт.

Макаревич Глеб Григорьевич (ИМЭМО РАН)
Концепция «стратегической глубины» в Пакистане: изменения после августа 2021 г.

Чекалин Сергей Алексеевич (МГИМО)
Афганский вопрос в отношениях России и Пакистана.

Махлаюк Артур Николаевич (СПбГУ, С.-Петербург)
Пуштуны Пакистана во внутренней политике: «Пуштун тахафуз» и образование Национального демократического движения.

Сайед София Насимовна (СПбГУ, С.-Петербург)
Ислам в политическом дискурсе партии «Техрик-е-инсаф»: динамика и акценты.

Хайцева Мария Владимировна (соискатель ЦИС БСВ ИВ РАН)
Особенности демографической ситуации в современном Пакистане и ее влияние на процесс урбанизации.

Чекризова Ольга Павловна (ЦИСБСВ ИВ РАН, МГИМО)
Религиозные меньшинства Пакистана.

Подведение итогов работы секции Б

Научное издание
МУСУЛЬМАНСКИЙ АРЕАЛ
К ЮГУ ОТ РУБЕЖЕЙ РОССИИ
(Турция, Иран, Афганистан, Пакистан,
этнический Курдистан)
Сборник статей

Редактор *М. С. Грикурова*
Корректоры: *М. Я. Колесник, Н. А. Сидоркина*
Верстальщик *Н. Я. Быкова*
Оформитель *П. А. Трошина*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные
Подписано в печать 13.11.2023 г. Формат 60х90/16.
Усл. печ. л. 34,5. Уч.-изд. л. 24,0. Тираж 500 экз. Заказ №
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте https://book.ivran.ru

КНИГИ
BOOKS IOS RAS
ИВ РАН

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах, изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Амирит»
410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88.
Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33